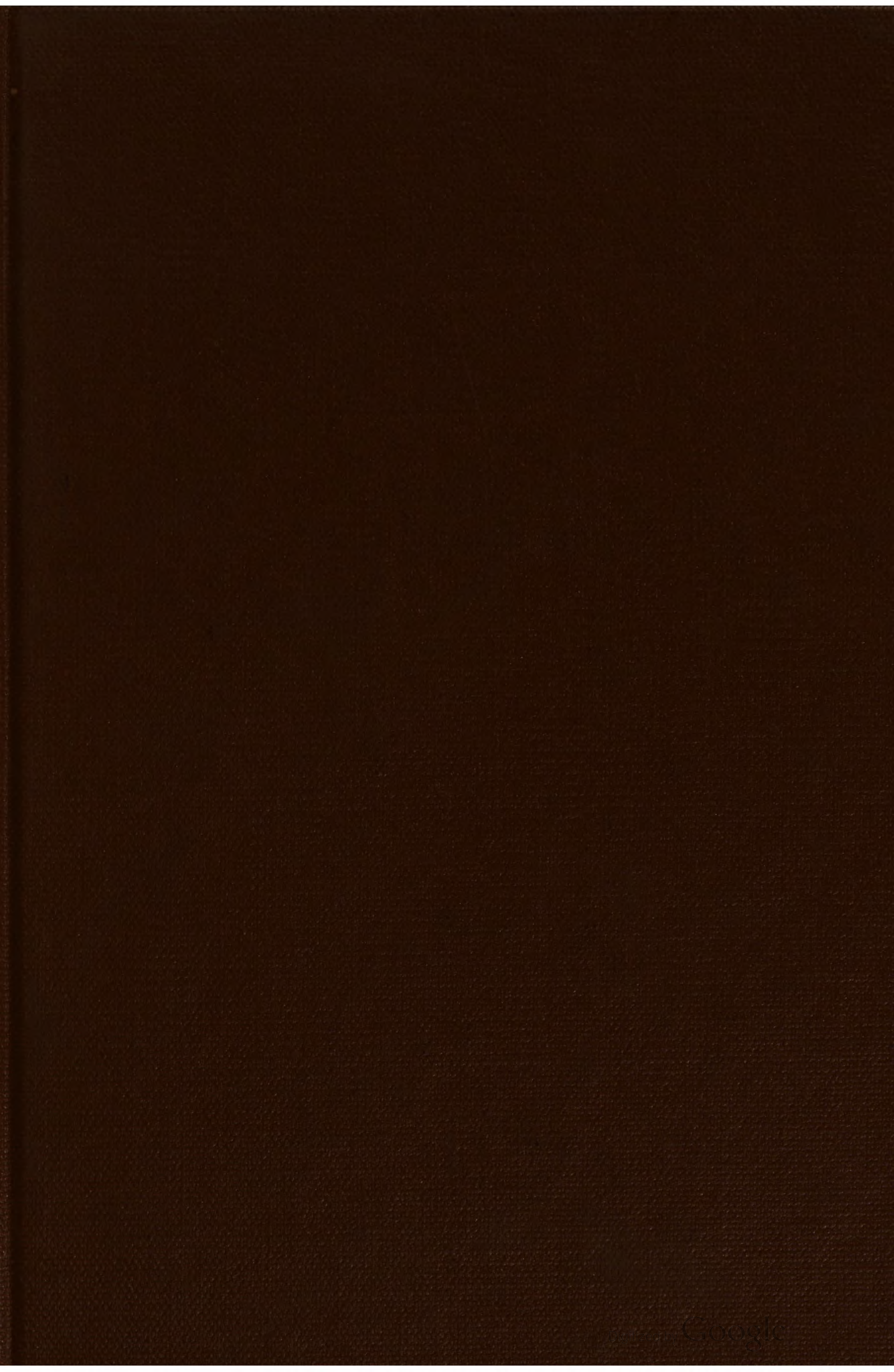


THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

АВГУСТЪ. 1900.

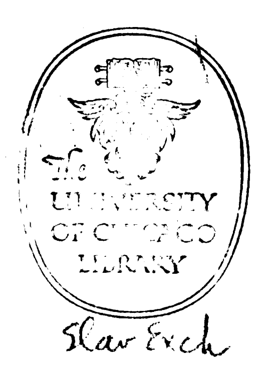
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1900.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Августа 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ОПЕЧАТКА.

Въ статьѣ *Н. К. Михайловскаго* „Литература и Жизнь“ въ № 7—іюль имя автора книги „Les selections sociales“ напечатано: Лапуже. Надо: Лапужъ.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО":

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО», подъ редакціей **Н. К. Михайловскаго** и **В. Г. Короленко.** Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб. Часть 2-я. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. *Третье* изд. Ц. 1 р. 25 к

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

— ДЕРЕВЕНСКІЯ ПАНОРАМЫ. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *второе* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *восьмое.* Цѣна 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изд. *седьмое.* Ц. 75 к.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. *Два тома* (Первый томъ изданіе *второе*). Ц. 3 р.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. *Третье,* исправленное и дополненное *изданіе.* Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства"**, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ЖУРНАЛА **„Русское Богатство"** за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 г. Цѣна за годъ **8** р.; за 1899 цѣна **6** р.

Пересылка журнала за эти года за счетъ заказчика наложеннымъ платежемъ—товаромъ большой скорости, посылкой или бандеролью.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *въ* **С.-Петербургѣ**—*контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

въ **Москвѣ**—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября 1899 г., **будутъ уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

CAMPO SANTO *).

(Изъ заграничныхъ воспоминаній).

I.

Помню тѣ двѣ недѣли, которыя я прожилъ въ Парижѣ, когда былъ тамъ въ первый разъ. Съ перваго дня пріѣзда и до того момента, какъ садился въ вагонъ, съ ранняго утра и до поздней ночи, я проводилъ время на улицѣ, толкался въ толпѣ. И все куда-то бѣжалъ. Бѣжалъ на выставки картинъ, на первое представленіе новой драмы, на гулянье въ Булонскомъ лѣсу, на конгрессы, конферансы. *Нынѣшній* день захватилъ меня,—все самое современное, вчера родившееся, только что возникающее,—новыя политическія слова и программы, то новое, что хотѣли сказать въ искусствѣ новые люди. Помню, какъ страстно стремился я попасть въ національное собраніе, съ какимъ напряженнымъ интересомъ прислушивался къ тому, что говорилось тамъ, о чемъ писали газеты, чѣмъ жила толпа...

Разноплеменная многоязычная толпа весенняго Парижа, нарядная, веселая и жадная, словно пріѣхавшая на балъ узнать послѣднія новости дня, увидѣть новые фасоны костюмовъ, которые завтра обойдутъ весь міръ, тоже захваченная *нынѣшнимъ* днемъ, носившаяся отъ концерта въ Трокадеро, въ Булонскій лѣсъ, а оттуда въ оперу, а изъ оперы въ модный кафе-шантанъ, гдѣ модная пѣвица пѣла вчера сложившуюся пѣсенку, уже облетѣвшую Парижъ...

Все было мнѣ некогда. Только предъ отъѣздомъ я удосужился взглянуть на античныя сокровища Лувра, побывать въ кривыхъ узенькихъ улицахъ стараго Парижа, присталь-

---

*) Святое поле—такъ называются въ Италіи кладбища.

нѣе посмотрѣть Notre Dame de Paris и, садясь въ вагонъ, я съ стыдомъ и сожалѣніемъ думалъ, какъ мало я видѣлъ Парижъ прошлаго, того полнаго великими воспоминаніями прошлаго...

Больше мѣсяца прожилъ я въ Римѣ. Такъ же раннее утро выгоняло меня изъ комнаты, также цѣлыми днями ходилъ я по улицамъ и окрестностямъ Рима, посѣщалъ церкви, картинныя галлереи, Ватиканъ и Капитолій и только черезъ мѣсяцъ я съ удивленіемъ оглянулся и спросилъ себя, какъ случилось, что мнѣ неизвѣстна современная жизнь Италіи, почему я не былъ въ парламентѣ, въ который имѣлъ возможность попасать. почему ничего не знаю о современномъ искусствѣ Италіи, о живописи, скульптурѣ, архитектурѣ,—о чемъ могли-бы просвѣтить меня знакомые художники?... И не то удивило меня, что я не зналъ, а то, что я не стремился узнать, что новое, современное какъ-то шло мимо меня, какъ мимо шла и мало интересовала огромная толпа, вѣчно наполняющая Корсо,—главную улицу Рима.

Меня захватило старое.

Въ первый разъ мнѣ пришло это въ голову въ Помпеѣ. Я цѣлый день бродилъ по пустымъ улицамъ разрытаго города, казалось, только что̀ покинутаго жителями, гдѣ еще не стерлись объявленія на стѣнахъ, въ угловыхъ лавочкахъ,—все еще стояли большія амфоры для вина и оливковаго масла и по стертымъ камнямъ мостовой и выбитымъ колеямъ, казалось, такъ недавно шли люди, катились колесницы... Такъ свѣжи были краски граціозныхъ рисунковъ, которыми были раскрашены комнаты, и такъ легко возстановить въ памяти храмы и статуи боговъ, и мраморные бассейны купаленъ вотъ-вотъ наполнятся водой.

Меня охватила атмосфера веселаго, пластичнаго и чувственнаго язычества и, выходя изъ Помпеи, я съ удивленіемъ оглянулся кругомъ на волнующееся хлѣбное поле надъ неразрытой частью города, плывущіе по заливу пароходы, на проходившаго мимо угрюмаго монаха, подпоясаннаго веревкой. Контрастъ былъ такъ рѣзокъ, такъ странно стояли рядомъ двѣ жизни. Только Везувій такъ же, какъ прежде, угрюмо дымился въ безоблачной вышинѣ синяго неба.

Этими контрастами, этимъ столкновеніемъ стараго и новаго полна вся римская жизнь.

Ярко блещетъ солнце, носятся въ воздухѣ звонки трамваевъ, крики продавцевъ и извозчиковъ, катятся изящныя

коляски, красивая толпа переполнила улицы, мелькають листы только что выпущенныхъ газетъ съ послѣдними новостями изъ Египта и Нью-Іорка, Петербурга и Лондона,—а тамъ подъ землей, такъ близко отъ этихъ шумныхъ улицъ, тьма и жуткая тишина, безконечные корридоры, по которымъ блѣдно мелькають огоньки нашихъ свѣчей, старыя, разсыпающіяся кости,—безчисленныя кости въ безчисленныхъ нишахъ корридоровъ; маленькіе алтари крошечныхъ подземныхъ церковокъ, наивные символы,—рыбы, добрый пастырь, юноша съ барашкомъ на плечахъ, полураспустившійся цвѣтокъ, блѣдныя краски,—словно робкія мечты только что просыпающейся новой жизни.

И опять кажется, что люди только что покинули эти маленькіе мраморные алтари, эти родныя кости, таинственныя эмблемы, только что сидѣли вотъ тутъ на этихъ примитивныхъ каменныхъ скамейкахъ въ братской столовой, гдѣ братски раздѣляли хлѣбъ и вино...

А оттуда въ великолѣпный храмъ. Тамъ гремитъ органъ, горятъ красками драгоцѣнные камни, золото и серебро облаченій, яшма и малахитъ колоннъ, полунагія женскія фигуры лежатъ у ногъ мраморныхъ папъ,—встаетъ во всемъ блескѣ и красотѣ чувственный, пластичный католицизмъ,—это новое вино въ старыхъ помпейскихъ мѣхахъ.

Старое и новое стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, переплетаясь, странно комбинируясь.

Я всматриваюсь въ только что отстроенный грандіозный отель съ монументальнымъ подъѣздомъ, зеркальными окнами, съ претенціозными барельефами и колоннами, хочется мнѣ найти въ немъ что-нибудь новое и оригинальное, что говорило-бы о новомъ искусствѣ Италіи, и вижу все то же, что видѣлъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ, также нивеллированное и пошлое, какъ пошлы и нивеллированы тѣ фигуры людей, одинаково остриженныхъ, одѣтыхъ въ одинаковые костюмы, въ одинаковыя чувства и мысли, изъ которыхъ складывается международная толпа Парижа. А изъ тянущейся по переулку стѣны претенціознаго отеля кричащимъ пятномъ выставляется темная ободранная глыба стѣны старыхъ термъ...

Среди зданій и церквей въ узкихъ улицахъ папскаго Рима стоитъ голый и ободранный Пантеонъ, и въ мягкую пѣвучую музыкальную рѣчь итальянца время отъ времени врываются твердыя, солдатскія латинскія слова, какъ темныя глыбы ста-

рыхъ термъ, вкрапленныя въ стѣны блестящихъ новыхъ отелей.

Современный итальянскій плащъ и тога стараго римлянина, Пракситель и Канова, суровый и важный Юпитеръ, важный и гнѣвный Моисей Микель-Анджело, язычество и христіанство, старая и новая культура — стоятъ нераздѣленныя, безъ рѣзкихъ граней, безпрерывно и многообразно переплетаясь...

Понемногу я присматриваюсь къ новой современной Италіи и чѣмъ болѣе начинаю понимать ее, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ огромной жизненности стараго, и минутами мнѣ думается, что то старое,—разрушающееся и разрушаемое, зарытое и нераскрытое, болѣе живо, заслоняетъ и давитъ новое, какъ огромное наслѣдство геніальнаго отца, изъ за котораго не видно маленькихъ дѣлъ маленькаго человѣчка—сына...

Живъ старый Римъ, тотъ Римъ, къ которому вели всѣ дороги, и попрежнему по всѣмъ дорогамъ, изъ всѣхъ концовъ міра идутъ къ нему люди.

Все пилигримы... Вчера пришли испанскіе пилигримы, недѣлю назадъ изъ Аргентины и Перу, пришли нѣмцы, французы. Въ томъ огромномъ отелѣ, гдѣ мнѣ приходилось часто бывать, двѣ трети было занято поляками, а на Корсо, въ самомъ прибоѣ римской жизни, я встрѣтилъ тульскихъ бабъ съ пожитками въ рукахъ и котомками за плечами, пробиравшихся черезъ всѣ нѣмецкія земли къ Николину дню въ Баръ-градъ, остановившихся въ Римѣ поклониться Петру и Павлу, Алексѣю-Божьему человѣку. И многоязычная, разноплеменная толпа, наполняющая римскія улицы, — не та, которую я видѣлъ въ зимней Ниццѣ, въ весеннемъ Парижѣ и не съ тѣми лицами ходитъ она по картиннымъ галлереямъ, церквамъ и катакомбамъ, съ которыми фланировала въ Булонскомъ лѣсу, стояла у рулеточныхъ столовъ Монтекарло.

Все пилигримы... Въ томъ обществѣ, въ которомъ мнѣ приходится бывать, я встрѣчаю живописца ихъ Монтевидео, архитектора индуса, пѣвицу изъ Санъ-Франциско и русскихъ—и пѣвца, и архитектора, и живописца, и скульптора. Они пришли поклониться великому Риму, священному прошлому человѣчества, они пришли, какъ приходили въ старые годы получить гражданство Рима—гражданство міра.

По прежнему Римъ — узелъ міра и сидитъ тамъ владыка міра,—тотъ rex-pontifex, который вяжетъ и разрѣшаетъ...

И все это старое такое родное и близкое — эти каменные боги, и блѣдные символы, и Коллизей, и Тибръ... Странное чув-

ство, странное настроеніе постепенно выростаетъ въ душѣ. Будто все это уже видѣлъ, будто пріѣхалъ въ *свое* мѣсто, въ которомъ только давно не былъ и только здѣсь въ Римѣ минутами забываешь, что ты русскій и чувствуешь себя дома, а не на чужой сторонѣ... Даль становится такъ близка и глубь временъ такъ недалека... Кажется, ты жилъ безконечно давно и будешь жить безконечно долго, и нигдѣ идея вѣчности жизни и непрерываемости человѣческой мысли, нигдѣ могущество человѣка и великолѣпіе человѣческаго духа не встаютъ такъ ярко, какъ здѣсь, въ этомъ во истину вѣчномъ и во истину великолѣпномъ Римѣ.

Римскій зимній сезонъ въ полномъ разгарѣ. Полны театры, полна Корсо. Разноплеменная толпа наполняетъ этотъ музей изящныхъ искусствъ, который называется Римомъ. Ярко и горячо свѣтитъ солнце. Должно быть, проходя надъ Римомъ, оно оставляетъ большую часть своего тепла и блеска и потому приходитъ на сѣверъ такое блѣдное и холодное...

II.

Иногда устаешь отъ пилигримовъ, отъ сутолки міровой жизни, отъ звенящихъ трамваевъ, отъ блещущаго солнца и потянетъ уйти, отдохнуть, собрать во едино разрозненныя впечатлѣнія,—тогда я иду въ Campo Santo.

Тамъ нѣтъ грусти,—печальной и нѣжной, которая вѣетъ надъ овальными холмиками, поросшими зеленой травой и милыми цвѣточками, нѣтъ забвенія, повисшаго на потемнѣвшихъ и покосившихся крестахъ, нѣтъ черной земли вырытыхъ ямъ, говорящей: „земля еси и въ землю отъидеши“, — нѣтъ смерти, нѣтъ кладбища.

Въ эти открытыя съ боковъ галлереи, между рядами бѣлыхъ колоннъ собрались уставшіе отъ шума и сутолки жизни, пожелавшіе отдохнуть люди. Юноши, зрѣлые люди, старики, женщины, дѣти. Они стоятъ, сидятъ, лежатъ въ парадныхъ костюмахъ и въ домашнемъ платьѣ, съ торжественными лицами и простыми будничными,—только безмолвные, холодные, мраморные. Казалось, они только что были на улицѣ, въ парламентѣ, у домашняго очага, дѣлали свои дѣла, спорили, любили и ненавидѣли и смертельно устали и отъ своихъ дѣлъ, и отъ любви, и отъ ненависти и пришли сюда, въ эту гостиную, въ это собраніе интимныхъ друзей и знакомыхъ отдохнуть, подумать, сдѣлать подсчеты своей жизни, и по-

тому легло на лица это выраженіе глубокой думы, которое лежитъ на уставшихъ и отдыхающихъ лицахъ...

Ни земли, ни могилъ, ни зловѣщихъ эмблеммъ... Та же скульптурная галлерея, какъ галлереи Капитолія и Ватикана, только здѣсь не боги, не герои, не императоры и полководцы...

Вотъ глубокій старикъ съ полнымъ классически правильнымъ лицомъ, изрытымъ глубокими морщинами, нарядный и важный. Должно быть, онъ много передумалъ и пережилъ и усталъ отъ перижитаго и передуманнаго и спитъ въ глубокомъ снѣ. Недалеко отъ него молодой человѣкъ, почти юноша, съ маленькими усиками и тонкими интеллигентными чертами исхудалаго лица. Кто онъ? художникъ, писатель, ученый? Я думаю,—ораторъ, и мнѣ кажется, онъ только что замолчалъ и собирается съ мыслями, и вотъ - вотъ откроются изящныя губы и мраморные глаза загорятся жизнью и вдохновеніемъ... Рядомъ со входомъ въ бѣломъ пеньюарѣ полулежитъ въ креслѣ худая, истощенная, очевидно, измученная жизнью молодая мать. Къ ней бросился на грудь и обвилъ шею руками, словно хочетъ удержать, маленькій 6—7 лѣтній мальчикъ, но она уже собралась уходить, и ея только и хватило на эту жалкую, рыдающую улыбку, да слезы брызнули изъ потухавшихъ глазъ... Рядомъ бюстъ мужа - скульптора, запечатлѣвшаго въ бѣломъ мраморѣ свою жену въ ея послѣдній часъ и тоже пришедшій отдохнуть въ свою семью.

А тамъ въ срединѣ правой стороны галлереи, гдѣ между двумя бѣлыми колоннами такъ красиво и печально высятся три темныхъ, бархатныхъ кипариса, на бѣло - мраморной постелѣ лежитъ дѣвочка 12—13 лѣтъ. Она легла уснуть, очевидно огорченная, такъ какъ на миломъ, полудѣтскомъ личикѣ дрожитъ печальная улыбка, но дѣвочка такъ крѣпко и покойно спитъ, полуприкрывшись бѣлымъ одѣяломъ, что мнѣ думается, — выспится она глубокимъ сномъ, забудетъ свою раннюю печаль и встанетъ съ веселымъ смѣхомъ и радостью въ теперь закрытыхъ глазахъ.

Въ воскресенье пріѣзжали гости. Какъ визитеры, они являлись въ эту гостиную праздничные и нарядные, тихо шаркали ногами по каменнымъ плитамъ, подолгу останавливались и, издали казалось, разговаривали съ своими родными и близкими. Пришелъ и я предъ отъѣздомъ въ Россію, — у меня тоже образовались знакомства въ крытыхъ галлереяхъ.

У входа передъ статуей плачущей матери спиной ко

мнѣ неподвижно стоялъ худой и тонкій юноша съ узкими глазами, какая-то старуха, высокая съ нагнувшейся фигурой и пышными сѣдыми волосами долго бродила между бѣлыми мраморными людьми, на мгновеніе останавливалась, словно говорила короткія привѣтствія встрѣтившимся знакомымъ и дальше шла и потомъ сѣла на стулъ предъ юношей - ораторомъ и, казалось, замерла съ своимъ застывшимъ лицомъ и словно вырѣзанными на камнѣ глубокими морщинами, — такая-же неподвижная, молчаливая и усталая, какъ эти собравшіеся отдыхать люди.

Только милая дѣвочка была все одна и смотрѣла на меня съ своей печальной улыбкой и, казалось, жаловалась, что ее покинули и забыли, и просила посидѣть, не уходить...

Я не замѣтилъ, какъ остался одинъ въ галлереѣ у мраморной постели. Ярко синее небо поблѣднѣло, солнце спускалось все ниже, и почти горизонтальные лучи проникли между колоннами и свѣтлыми пятнами легли на бѣлый мраморъ стоящихъ, сидящихъ и лежащихъ людей. Кругомъ было тихо, кротко и жалобно.

Тогда дрогнули три темныхъ кипариса. Робко трепетали маленькія вѣточки, тихо и мѣрно качались длинныя тянувшіяся къ небу вѣтви, зашатались прямые высокіе стволы—и качались все сильнѣе и сильнѣе и сплетались вѣтвями, и припадали другъ къ другу, какъ припадаютъ въ горести люди одинъ къ другому. Словно утомленные, на мгновеніе кипарисы затихали, а потомъ снова трепетали вѣточки, и снова горестно качались высокіе стволы и темныя головы наклонялись надъ бѣлой постелью... А лицо дѣвочки свѣтлѣло и улыбалось, словно къ ней пришли ея близкіе и поплакали надъ ней, пожалѣли ее.

Кругомъ было тихо и жалобно.

Солнце зашло, кипарисы перестали качаться. Золотистое сіянье наполняло галлереи, словно блѣдныя краски жизни выступали на бѣлыхъ мраморныхъ лицахъ, а юноша весь свѣтился и, полуоборотившись къ толпѣ, казалось, собирался говорить... Неясный шорохъ доносился изъ дальняго угла... Осторожно ступая, уходилъ я изъ Campo-Santo.

Золотистое сіянье еще не потухло на улицахъ Рима. Странная тишина стояла въ воздухѣ. Осторожно, словно боясь кого-то разбудить, шли прохожіе по каменнымъ плитамъ улицы, чуть слышно гдѣ-то вдали играла мандолина и бережно будили дремлющій воздухъ тихіе звуки неаполитан-

ской пѣсни. Смутно доносился замиравшій гулъ экипажей, изъ за чернаго мрачнаго колизея выплывала робкая бѣлолицая луна. Огромное Campo-Santo затихало.

А луна всходила все выше и свѣтила все ярче, и тушила звѣзды... И темныя голыя зданія стараго Рима, — Колизей и Форумъ, дворцы цезарей и тріумфальныя арки и колонны выростали и облекались тѣломъ и кидали рѣзкія черныя тѣни на новыя зданія. Казалось кто-то огромный и темный съ незрячими очами поднимался изъ тьмы узкихъ улицъ, разбивая оковы, раздвигая стѣны, выростая въ этомъ лунномъ свѣтѣ все выше и выше...

Римъ засыпаетъ. Римъ просыпается.

С. Елпатьевскій.

Кооперативное производство на Западѣ.

III.

Совсѣмъ иную картину, чѣмъ во Франціи, представляетъ собою кооперативное движеніе въ Италіи. Возникнувъ сравнительно поздно—едва 10—15 лѣтъ тому назадъ—и не имѣя передъ собою почти никакихъ традицій, съ которыми ему надо было бы считаться, оно сразу взяло настоящую, отвѣчающую духу нашего времени, ноту, безъ колебаній усвоило себѣ чисто демократическія черты новаго типа коопераціи и въ нѣсколько лѣтъ добилось—какъ мы увидимъ ниже — удивительныхъ, сравнительно, результатовъ не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи. Было бы, конечно, ошибочно объяснять такой успѣхъ исключительно демократическимъ направленіемъ самого движенія. Столь же, если не болѣе, способствовала этому успѣху историческая обстановка, въ которой оно возникло и сдѣлало свои первые шаги. Здѣсь, какъ и во Франціи, пробужденіе кооперативныхъ инстинктовъ въ рабочемъ населеніи совпало съ реакціею въ ихъ пользу въ прогрессивныхъ слояхъ культурнаго общества и съ вызванной этою реакціею поддержкою движенія со стороны государства.

Вплоть до 1889 года государство совершенно игнорировало рабочія ассоціаціи и всѣ свои работы—даже самыя незначительныя—производило по системѣ частныхъ подрядовъ, сдававшихся, согласно закону, непремѣнно съ публичныхъ торговъ и при условіи представленія со стороны подрядчика обязательнаго залога. Законъ не закрывалъ участія въ торгахъ рабочимъ ассоціаціямъ, но, предъявляя къ нимъ тѣ же требованія, какія предъявлялись частнымъ подрядчикамъ-капиталистамъ, онъ фактически дѣлалъ такое участіе почти невозможнымъ въ виду отсутствія у рабочихъ ассоціацій капиталовъ, необходимыхъ для представленія залоговъ. Только въ концѣ 80-тыхъ годовъ въ правительственныхъ сферахъ было обращено серьезное вниманіе на эту сторону дѣла, и въ 1889 году, т. е. годомъ позже, чѣмъ во Франціи, въ итальянское законо-

дательство о сдачѣ государственныхъ подрядовъ былъ внесенъ рядъ измѣненій, имѣвшихъ цѣлью облегчить для рабочихъ ассоціацій участіе въ выполненіи государственныхъ и общественныхъ работъ. Въ своихъ существенныхъ чертахъ эти измѣненія почти тождественны съ соотвѣтствующими измѣненіями во французскомъ законодательствѣ, о которыхъ мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ. Согласно новому закону, правительственныя учрежденія получили право сдавать подряды извѣстной категоріи—въ которыхъ стоимость матеріаловъ не превышаетъ стоимости труда, и общая оцѣнка которыхъ ниже 100,000 фр.—не съ публичныхъ торговъ непремѣнно, какъ это было раньше, а по частному соглашенію съ наиболѣе подходящимъ, по мнѣнію администраціи, контрагентомъ. Рабочія ассоціаціи были объявлены въ такихъ случаяхъ возможными и даже желательными контрагентами, которымъ слѣдуетъ не только отдавать — caeteris paribus — предпочтеніе передъ частными подрядчиками, но и освобождать отъ внесенія обязательныхъ залоговъ. Кромѣ того, учрежденіямъ, заключившимъ контрактъ съ рабочей ассоціаціей, вмѣнено было въ обязанность расплачиваться съ нею не по сдачѣ подряда, а въ теченіе работъ, въ двухъ или трехъ недѣльные промежутки,—безъ чего не имѣющая капиталовъ и живущая главнымъ образомъ заработкомъ ассоціація была бы въ 99 случаяхъ изъ 100 поставлена въ невозможность довести взятый ею на себя подрядъ до конца. Наконецъ, въ виду дальнѣйшаго облегченія для рабочихъ ассоціацій участія въ государственныхъ подрядахъ, законъ разрѣшилъ въ извѣстныхъ случаяхъ отдѣлять въ нихъ доставку матеріаловъ, предполагающую у подрядчика наличность значительныхъ капиталовъ, которыми рабочія ассоціаціи въ большинствѣ случаевъ не располагаютъ, отъ доставки собственно рабочей силы.

Во избѣжаніе возможныхъ—и въ началѣ не рѣдко имѣвшихъ мѣсто — злоупотребленій этими преимуществами со стороны разныхъ спекуляторовъ, законъ обставилъ ихъ извѣстными гарантіями и ограниченіями. Вотъ главныя изъ нихъ: ассоціація, взявшая на себя государственный подрядъ, не имѣетъ права переуступать его никому другому; при его выполненіи она не должна употреблять наемный трудъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ это по обстоятельствамъ дѣла оказывается необходимымъ, но и тамъ число наемныхъ рабочихъ-не членовъ никоимъ образомъ не должно превышать 10% всего числа работающихъ; наконецъ, ассоціація, претендующая на участіе въ государственныхъ работахъ, должна доказать въ мѣстной префектурѣ, что она—настоящая ассоціація, а не какая нибудь фиктивная поддѣлка подъ нее, устроенная съ спекулятивною цѣлью частнымъ подрядчикомъ-капиталистомъ.

Четвертый конгрессъ итальянскихъ кооператоровъ, собравшійся въ слѣдующемъ году для обсужденія этого закона, потре-

бовалъ распространенія его не только на государственные подряды, но и на подряды всѣхъ городскихъ, департаментскихъ и вообще общественныхъ властей и учрежденій. Въ томъ же смыслѣ высказался и первый конгрессъ итальянскихъ производительныхъ и рабочихъ ассоціацій (1895 г.), потребовавшій, кромѣ того, распространенія закона 1889 года на всѣ государственные и общественные подряды безъ ограниченія ихъ стоимости предѣльною суммою въ 100.000 фр., введенія французской практики разбивки слишкомъ крупныхъ—и, значитъ, непосильныхъ для ассоціацій — подрядовъ на нѣсколько мелкихъ и перенесенія дѣла провѣрки компетенціи ассоціацій отъ префектуръ въ особые совѣты, составленные, рядомъ съ правительственными чиновниками, изъ представителей мѣстныхъ рабочихъ ассоціацій. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій отчасти уже удовлетворены. Другія внесены для обсужденія въ парламентъ, гдѣ встрѣтили къ себѣ болѣе или менѣе сочувственное отношеніе. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что эволюція итальянскаго законодательства въ покровительствѣ производительнымъ рабочимъ ассоціаціямъ не остановится на указанныхъ выше уступкахъ и пойдетъ дальше. Въ этомъ направленіи толкаютъ его и политическіе интересы самого правительства, и давленіе общественнаго мнѣнія, и, наконецъ, полученные уже практическіе результаты.

Въ 1889 г. во всей Италіи едва можно было насчитать нѣсколько десятковъ производительныхъ коопераций, влачившихъ жалкое существованіе и лишь въ исключительныхъ случаяхъ участвовавшихъ въ государственныхъ работахъ. Черезъ 5 лѣтъ послѣ изданія новаго закона въ Италіи было болѣе 400 производительныхъ ассоціацій, изъ которыхъ не менѣе 300 были занесены въ префектурные списки, какъ правоспособныя и удовлетворяющія требованіямъ закона, bona fide рабочія ассоціаціи. Не менѣе 160 изъ нихъ участвовали, какъ самостоятельные контрагенты, въ отдѣльныхъ государственныхъ и общественныхъ подрядахъ,—числомъ до 700 и на общую сумму въ 11½ милліоновъ франковъ. Для новаго дѣла, возникшаго всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эти цифры кажутся намъ достаточно краснорѣчивыми и внушительными.

Пятилѣтній опытъ, конечно, не достаточенъ, чтобы составить себѣ окончательное мнѣніе о выгодахъ и невыгодахъ—для государства, для рабочихъ ассоціацій выгода ея очевидна—этой новой системы въ сравненіи съ царившею прежде системою сдачи подрядовъ съ публичнаго торга. Изрѣдка противъ нея раздаются жалобы, указывающія на техническіе недостатки произведенныхъ ассоціаціями работъ, на ихъ будто бы сравнительную дороговизну, на перерывы, запозданія и иныя заминки въ выполненіи подрядовъ. Но эти жалобы — впрочемъ, крайне рѣдкія — имѣютъ ѣмсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ роли подрядчика оказы-

вается какая нибудь молодая, только что возникшая ассоціація, не успѣвшая еще пріобрѣсти себѣ ни необходимый опытъ, ни свѣдущихъ, компетентныхъ руководителей, ни спѣвшихся членовъ. Вообще же—особенно тамъ, гдѣ государство имѣетъ дѣло съ ассоціаціями болѣе или менѣе установившимися, считающими за собою хотя годъ или два жизни—государственные подряды сдаются ассоціаціямъ не дороже, чѣмъ частнымъ подрядчикамъ, и выполняются не только не хуже, а даже лучше, чѣмъ послѣдними, не вызывая обыкновенно ни недоразумѣній, ни задержекъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, общій голосъ всѣхъ почти экспертовъ, имѣвшихъ случай слѣдить вблизи и собственными глазами за ходомъ дѣлъ. Въ такомъ же смыслѣ высказывается и главный начальникъ контрольнаго отдѣленія въ Римѣ. Подводя итоги 6 годамъ опыта, онъ заканчиваетъ свой отчетъ (1895 г.) слѣдующими словами: „Кооперативныя рабочія общества, заключавшія въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ контракты съ государствомъ по разнаго рода подрядамъ, въ общемъ выполняли взятыя на себя обязательства вполнѣ удовлетворительно. Изъ 713 отдѣльныхъ подрядовъ, переданныхъ имъ согласно этимъ контрактамъ, только 4 пришлось взять назадъ, нарушивъ заключенные контракты. Изъ 157 ассоціацій, съ которыми за это время государство имѣло дѣло, лишь по отношенію къ 27 пришлось прибѣгнуть къ наложенію штрафовъ за упущенія въ работахъ и къ введенію усиленныхъ формъ контроля надъ ними".

Какъ бы кто ни смотрѣлъ въ теоріи на значеніе кооперативнаго производства въ экономической эволюціи современнаго капиталистическаго общества, всякій, думаемъ, согласится, что приведенныя данныя указываютъ на несомнѣнную жизненность и на большіе успѣхи кооперативнаго движенія въ Италіи. Но еще въ большей степени, чѣмъ его количественный ростъ, заслуживаютъ вниманія отличающія его качественныя особенности:—тотъ рѣшительно демократическій характеръ, который оно усвоило съ первыхъ же шаговъ и сохраняетъ до сихъ поръ. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, бросается въ глаза среда, въ которой оно вербуетъ, главнымъ образомъ, своихъ кліентовъ. Въ противность всѣмъ глубокомысленнымъ соображеніямъ теоретиковъ и практическимъ традиціямъ, завѣщаннымъ остальной Европѣ Франціею, въ Италіи оно съ самаго начала обратилось не къ привилегированному слою рабочаго населенія, а къ его, такъ сказать, подонкамъ,—къ представителямъ простого, неквалифицированнаго труда:—къ поденщикамъ, носильщикамъ, землекопамъ, камнетесамъ, малярамъ и дорожнымъ рабочимъ, среди которыхъ оно замѣчательно легко привилось и окрѣпло. Вырванные изъ деревень строительною и желѣзно-дорожною горячкою, которая охватила Италію вскорѣ послѣ возведенія ея въ рангъ великой державы, эти вчерашніе земледѣльцы наскоро спеціализировались въ своихъ не-

сложныхъ новыхъ профессіяхъ и заняли промежуточное положеніе между земледѣльческими батраками и городскими рабочими. Пока дѣла шли хорошо, они получали недурной заработокъ и жили сносно, отвыкая отъ деревенской жизни и развивая въ себѣ новыя, городскія потребности. Когда началъ надвигаться кризисъ и дѣла пошли на убыль, они очутились въ самомъ печальномъ положеніи. Для заводовъ и мастерскихъ они не годились; идти въ деревню они не могли, потому что успѣли ее забыть,—да и не хотѣли. Оставалось терпѣливо выносить безпощадную эксплуатацію патроновъ, или нищенствовать. Большинство такъ и поступило; болѣе смѣлые начали выселяться изъ Италіи въ сосѣднія страны; наконецъ, немногіе, наиболѣе развитые и идейные, рѣшились искать спасенья въ ассоціаціяхъ, которыя къ этому времени стали возникать въ Италіи и привлекать къ себѣ сочувствіе общества и поддержку государства. Когда былъ изданъ законъ 1889 г., составившіяся изъ этихъ элементовъ ассоціаціи оказались въ состояніи сразу же воспользоваться открытыми имъ перспективами. Капиталъ и дорогія орудія труда, естественно, занимали второстепенное мѣсто въ работахъ, на которыя онѣ могли претендовать по характеру своихъ профессій. Первое мѣсто занималъ въ нихъ трудъ, т. е. именно ихъ главное богатство, которымъ онѣ обладали въ изобиліи. Это обстоятельство помогло первымъ піонерамъ движенія удачно справиться съ своей задачей. Примѣръ подѣйствовалъ. За первыми піонерами послѣдовали другіе того же характера, и типъ ассоціаціи, состоящей преимущественно изъ чернорабочихъ, сталъ и остается до сихъ поръ преобладающимъ въ итальянскомъ кооперативномъ движеніи.

Характеромъ состава, естественно, обусловливаются и другія особенности итальянскихъ производительныхъ ассоціацій. Онѣ совершенно свободны отъ упрека въ замкнутости и эгоистической исключительности, который съ полнымъ правомъ обращаютъ къ французскимъ—и, какъ увидимъ ниже, англійскимъ—коопераціямъ этого рода. Имъ совершенно чуждо стремленіе сохранить за ограниченнымъ числомъ наличныхъ членовъ возможно полную сумму благъ, приносимыхъ ассоціацiею. Ихъ задача, напротивъ, заключается въ распредѣленіи этихъ благъ между возможно большимъ числомъ связанныхъ общностью правъ и обязанностей товарищей, т. е. въ привлеченіи къ себѣ все новыхъ и новыхъ сочленовъ. Ихъ ни на минуту не останавливаетъ соображеніе о томъ, что для утилизаціи всѣхъ своихъ наличныхъ силъ, число которыхъ въ иныхъ ассоціаціяхъ доходитъ до 1,000 человѣкъ, у нихъ навѣрное не хватитъ ни средствъ, ни вѣроятныхъ заказовъ: нѣтъ для всѣхъ работы,—кооператоры будутъ работать поочереди; нѣтъ достаточно барышей,—они подождутъ, сознавая, что ассоціація, прежде всего, есть не временный инструментъ личнаго обогащенія ея случайныхъ членовъ, а соціальный факторъ, разсчитанный на

систематическое и постоянное дѣйствіе. Не придавая большого значенія финансовымъ гарантіямъ, онѣ менѣе всего задаются въ своемъ прозелитизмѣ вопросомъ объ имущественной состоятельности рабочихъ, выражающихъ желаніе примкнуть къ ассоціаціи. Онѣ цѣнятъ въ нихъ не столько денежныхъ вкладчиковъ, сколько собратовъ по идеѣ и сотрудниковъ по дѣлу. Чѣмъ больше будетъ такихъ сотрудниковъ, тѣмъ лучше будетъ, конечно, и для нихъ самихъ, и для этого дѣла.

Поэтому итальянскія ассоціаціи рѣдко ограничиваютъ напередъ величину своего основного капитала и еще рѣже назначаютъ высокія цѣны для своихъ акцій. Эта цѣна рѣдко превышаетъ 25 фр., лишь въ исключительныхъ случаяхъ доходя до 50 и до 100 фр. Да и эта скромная и для всякаго почти доступная сумма выплачивается обыкновенно не сразу, а еженедѣльными и ежемѣсячными взносами въ 1 или нѣсколько франковъ. Итальянскій законъ о рабочихъ производительныхъ ассоціаціяхъ запрещаетъ одному лицу имѣть акцій болѣе, чѣмъ на 5,000 фр., но это запрещеніе на практикѣ остается чисто платоническимъ, потому что уставы ассоціацій идутъ обыкновенно гораздо дальше въ своемъ стремленіи сохранить возможное равенство между своими членами и ограничиваютъ число акцій, которыми можетъ обладать отдѣльный членъ, одною или, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколькими.

Если ассоціація не можетъ доставить работу всѣмъ своимъ членамъ, что обыкновенно и имѣетъ мѣсто вслѣдствіе недостатка капиталовъ и чрезмѣрнаго числа членовъ, они работаютъ поочередно, причемъ оказывается предпочтеніе семейнымъ людямъ и тѣмъ, которымъ труднѣе найти работу на сторонѣ. Наемнымъ трудомъ ассоціаціи не пользуются, за исключеніемъ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, случаевъ, когда это оказывается неизбѣжнымъ по характеру и величинѣ взятаго подряда. Тогда ассоціаціи прибѣгаютъ обыкновенно къ помощи сосѣднихъ ассоціацій или мѣстныхъ рабочихъ союзовъ. Наемные рабочіе получаютъ обыкновенно высшую норму заработной платы и до извѣстной степени участвуютъ въ прибыляхъ. Никакихъ, конечно, препятствій къ ихъ вступленіи въ ассоціацію въ качествѣ ея членовъ нѣтъ; напротивъ, такое вступленіе всячески поощряется и облегчается.

Прибыль, получаемая ассоціаціею, распредѣляется не вездѣ одинаковымъ образомъ. Но самый обычный способъ ея распредѣленія таковъ: приблизительно половина предназначается для резервнаго фонда и разныхъ вспомогательныхъ кассъ. Отъ 5 до 15% раздаются въ качествѣ дивиденда на акціи, причемъ владѣльцы акцій, не принадлежащіе къ числу членовъ-рабочихъ, если есть таковые, получаютъ только законный процентъ. Остатокъ, обыкновенно 30—40%, распредѣляется, какъ дивидендъ на трудъ, между всѣми, принимавшими участіе въ работахъ ассоціаціи, члены они, или не члены безразлично, пропорціонально годовому

заработку каждаго изъ нихъ. Вообще, львиная доля идетъ труду; минимальная—капиталу.

Бываютъ, конечно, случаи, когда ассоціаціи не только не получаютъ никакой прибыли, но даже несутъ убытки при исполненіи взятыхъ на себя подрядовъ. Но, въ среднемъ, ихъ прибыли довольно значительны, не смотря на то, что заработная плата на работахъ ассоціацій бываетъ обыкновенно выше, чѣмъ общепринятая кругомъ.

Управленіе текущими дѣлами ассоціацій находится обыкновенно въ рукахъ „Административнаго Совѣта“, рядомъ съ которымъ часто функціонируетъ особый „Техническій Комитетъ“, руководящій работами ассоціаціи, составляющій смѣты, разцѣнивающій подряды и завѣдывающій ихъ выполненіемъ. Отъ членовъ этого комитета требуются спеціальныя знанія, которыми рабочіе часто не обладаютъ. Поэтому, въ ихъ числѣ мы нерѣдко находимъ, въ качествѣ совѣтниковъ-спеціалистовъ со стороны (инженеръ, юрисконсультъ), къ ассоціаціи не принадлежащихъ. Надъ этими двумя органами управленія стоитъ, въ качествѣ высшей и послѣдней инстанціи, общее собраніе, на которомъ всѣ члены ассоціаціи имѣютъ обыкновенно равное право голоса, безотносительно числа акцій, которыми они обладаютъ.

Наконецъ, итальянское кооперативно-производительное движеніе отличается еще одною особенностью, свойственною пока только ему и чрезвычайно характерною для того современнаго, демократическаго духа, которымъ оно проникнуто. Не довольствуясь крупными размѣрами ассоціацій, въ которыхъ число членовъ сплошь и рядомъ достигаетъ до многихъ сотенъ, оно въ послѣднее время стремится къ объединенію однородныхъ, а иногда и неоднородныхъ въ профессіонально-техническомъ смыслѣ ассоціацій въ обширныя, охватывающія цѣлыя провинціи, федераціи. Разсчитанныя въ началѣ почти исключительно на ограниченіе возможнаго соперничества между отдѣльными ассоціаціями и на внесеніе въ ихъ дѣятельность извѣстной планомѣрности и единства, эти федераціи начинаютъ въ послѣднее время расширять свои задачи и охотно берутся за громадныя общественныя работы, которыя для отдѣльныхъ ассоціацій оставались до сихъ поръ совершенно непосильными. Ниже мы еще познакомимся съ этими въ высокой степени интересными и, думается намъ, важными начинаніями. Теперь же перейдемъ къ детальному описанію нѣкоторыхъ изъ наиболѣе замѣтныхъ почему нибудь итальянскихъ производительныхъ ассоціацій. Такое описаніе послужитъ не лишней иллюстраціею нашего короткаго очерка итальянскаго кооперативнаго движенія и поможетъ читателю разобраться въ общей характеристикѣ, которую мы дали ему выше.

Ассоціація поденьщиковъ Равенны (Associazione Generale degli Operai-Braccianti del Commune di Ravenna). Основана въ 1883 г.

и зарегистрована въ 1888 г. Это—первая изъ ассоціацій, образованныхъ чернорабочими съ цѣлью, какъ сказано въ ея уставѣ, „созданія общаго фонда, который позволилъ бы ей предпринимать за свой счетъ работы, которыя нынѣ эксплуатируются частными подрядчиками“. Членами ассоціаціи могутъ быть только чернорабочіе—поденьщики, землекопы и пр., живущіе въ Равеннѣ. При основаніи ассоціаціи ихъ было 303 человѣка, но уже въ концѣ перваго года число ихъ возросло до 2,500. Бо́льшая часть ихъ до вступленія въ организацію или шатались безъ работы, или работали на мѣстныхъ подрядчиковъ, которые платили имъ, самое бо́льшее, по $1^1/_2$ фр. въ день. Ассоціація сумѣла почти всѣмъ имъ доставить занятіе на своихъ работахъ, причемъ платила имъ въ среднемъ по 3 фр. въ день. Заботясь прежде всего о привлеченіи къ себѣ возможно большаго числа членовъ, ассоціація назначила своимъ акціямъ минимальную цѣну—24 фр., выплачиваемые ежемѣсячными взносами въ одинъ франкъ,—и постановила, что никто не можетъ владѣть болѣе, чѣмъ одною такою акціею. Какъ ни ничтожны были денежныя средства, собранныя при такихъ условіяхъ ассоціацією въ первые мѣсяцы своего существованія, она уже въ началѣ 1884 года, конечно, съ помощью кредита, приступила къ операціямъ. Первые заказы—отъ Равенскаго муниципалитета и отъ частныхъ компаній,—были выполнены ею вполнѣ удовлетворительно и упрочили ея репутацію. Нѣсколько позднѣе она взяла на аренду 350 гектаровъ пустовавшей городской земли, которую превратила своимъ трудомъ въ прекрасный искусственный лугъ. Въ концѣ того же года ассоціаціи удалось перекупить у частнаго подрядчика контрактъ (на сумму въ 2.000,000 фр.) на земляныя работы, связанныя съ обширнымъ проектомъ осушенія болотъ въ Римской провинціи. Предпріятіе это начато было правительствомъ давно, но тянулось такъ медленно и вяло, что ему положительно не предвидѣлось конца. Главною причиною задержекъ и затрудненій была крайне нездоровая мѣстность и неумѣлая, въ высшей степени, анти-гигіеническая организація работъ. Работы приходилось пріостанавливать на цѣлые мѣсяцы, то по климатическимъ условіямъ, то по недостатку рабочихъ, которые при первой возможности бѣжали съ работы, какъ съ зачумленнаго мѣста. Дѣло сразу перемѣнилось, когда подрядъ былъ переданъ Равенской ассоціаціи. Выносливые, здоровые, трезвые, не принужденные подчиняться ничьимъ капризамъ, сами организовавшіе, сообразно съ своими собственными вкусами и привычками, всю обстановку работъ, одушевленные особымъ корпоративнымъ честолюбіемъ и сами себѣ господа,—кооператоры взялись за работы съ необыкновенной энергіей и успѣхомъ. „Мнѣ случилось,—говоритъ англійскій консулъ Францъ,—посѣтить эти мѣста во время жаркаго сезона, и меня поразила изумительная дѣятельность этихъ людей, вынужденныхъ работать подъ палящими лучами солнца,

стоя по колѣни въ грязной болотной водѣ". Веденіе этихъ работъ потребовало отъ ассоціаціи значительныхъ затратъ и еще бóльшихъ организаціонныхъ талантовъ. На одни орудія труда было израсходовано болѣе 50,000 фр. Для того, чтобы доставлять рабочимъ жизненные припасы, ассоціаціи пришлось устроить свои кооперативные лавки и склады, которые обошлись ей въ 604,000 фр. и принесли ей отъ продажи—634,000 фр. Для рабочихъ были выстроены или наняты снабженныя всѣмъ необходимымъ жилища, которыя обошлись въ 97,000 фр. и вернули въ видѣ квартирной платы 70,000 фр. Была устроена своя больница и т. д. и т. д.

Эти работы дали ассоціаціи около 25,000 фр. чистой прибыли, не говоря уже о томъ, что онѣ позволили ей доставить занятіе всѣмъ своимъ членамъ и платить имъ, вмѣсто обычныхъ $1^1/_2$ фр., $2^1/_2$ и $3^1/_2$ фр. въ день.

За этимъ подрядомъ послѣдовалъ длинный рядъ другихъ, не столь значительныхъ каждый въ отдѣльности, но въ общемъ достаточныхъ, чтобы занять работою всѣ силы, которыми могла располагать ассоціація. Въ 1891 г. Равеннская ассоціація, соединившись для этого съ нѣкоторыми другими итальянскими ассоціаціями того же рода, получила контрактъ на производство земляныхъ работъ по постройкѣ Лариссо-Пирейской желѣзной дороги въ Греціи на сумму въ 13.000,000 фр. Наконецъ, кромѣ всякаго рода подрядовъ, ассоціація основала на свой страхъ земледѣльческую колонію въ Остіи, на землѣ (468 гектаровъ), принадлежавшей коронѣ и уступленной ей съ этою цѣлью итальянскимъ королемъ. На устройство колоніи ассоціація истратила до 200,000 фр. (значительная часть этой суммы была дана ей въ займы королемъ же). На ней поселено до 40 семействъ, которыя получаютъ за свой трудъ извѣстную заработную плату и долю дохода. Остальной доходъ отъ колоніи идетъ въ общую кассу ассоціаціи и употребляется на покрытіе долговъ и на резервный фондъ. Колонія—по свидѣтельству людей, имѣвшихъ возможность наблюдать ее—процвѣтаетъ.

Однако, первые шаги ассоціаціи были не легки, и не одинъ тяжелый кризисъ пришлось пережить ей, прежде чѣмъ она стала прочно на ноги. Главное затрудненіе, съ которымъ ей приходилось бороться, заключалось, конечно, въ отсутствіи средствъ, необходимымъ для пріобрѣтенія орудій труда. Къ счастью, ей на первыхъ же порахъ удалось заинтересовать въ своей судьбѣ вліятельныхъ покровителей, первое мѣсто среди которыхъ занималъ король Гумбертъ, вообще съ большимъ сочувствіемъ относившійся къ кооперативнымъ экспериментамъ. Онъ взялъ на свое имя нѣсколько сотень акцій общества, далъ въ трудную минуту ассоціаціи 50,000 фр. въ видѣ безвозвратнаго займа, уступилъ ей часть принадлежащихъ ему земель

для колоній и вообще всегда оказывалъ ей свою поддержку и сочувствіе.

Средній годовой доходъ ассоціаціи опредѣляютъ въ 6—8000 фр., которые распредѣляются обыкновенно такъ: 60% идутъ на резервный фондъ и вспомогательныя кассы разнаго рода, остальные 40% раздаются въ качествѣ дивиденда собственникамъ акцій общества.

Въ концѣ 1894 г. число членовъ ассоціаціи было—2,300 человѣкъ.

Ассоціація поденщиковъ въ Будріо (Associazione fra gli Operai-Braccianti del Mandamento di Budrio). Основана въ 1885 г. и зарегистрована въ 1890 году. Отличается отъ большинства итальянскихъ ассоціацій этого рода тѣмъ, что допускаетъ въ число своихъ членовъ и не рабочихъ. Въ годъ основанія въ ассоціаціи считалось 1,953 члена. Многіе изъ нихъ, однако, оказались не въ состояніи выплатить свои акціи, и къ 1893 году число членовъ уменьшилось до 1669, изъ которыхъ 1386 было поденщиковъ, 138—каменьщиковъ, 96—представителей разныхъ другихъ профессій и 146—не рабочихъ. Акціонерный капиталъ ассоціаціи (акціи—по 24 фр., выплачиваемыя ежемѣсячными взносами въ 40 сантимовъ—не приносятъ ихъ обладателямъ никакого процента), къ концу 1893 г. равнялся 22,000 фр., изъ которыхъ 11,500 были выплачены. Кромѣ того, къ этому времени ассоціація успѣла образовать резервный фондъ въ 50,000 фр., почти цѣликомъ (за исключеніемъ 5,000 фр., пожертвованныхъ королемъ Гумбертомъ) составленный изъ чистой прибыли ассоціаціи за 8 лѣтъ ея существованія. За это время ассоціація выполнила рядъ подрядовъ (дорожныя, земляныя и строительныя работы разнаго рода) для государства и частныхъ лицъ, на сумму въ 600,000 фр. и получила болѣе 70,000 фр. чистой прибыли. Около 45,000 фр. изъ нихъ были употреблены на образованіе резервнаго фонда, а остальные 25,000 фр. распредѣлены, въ качествѣ дивиденда, между рабочими членами ассоціаціи. Рабочая плата, назначаемая ассоціацией значительно выше, чѣмъ у частныхъ подрядчиковъ, и не бывая никогда ниже 1 ф. 50 с. въ день,—доходитъ до 2 ф. 50 с. и 3 фр., смотря по сезону, количеству работы и качеству труда.

Ассоціація поденщиковъ въ Финале-Эмилія (Associazione degli Operai-Braccianti del Commune di Finale nell'Emilia). Образована въ 1886 г. и зарегистрована въ 1889 г. Число членовъ—которые по уставу ассоціаціи должны быть всѣ поденщиками—при основаніи было 575, а къ концу 1893 г.—1336. Номинальный капиталъ ассоціацій, состоящій изъ акцій въ 24 фр. каждая, равнялся къ этому времени 33,500 фр.. изъ которыхъ болѣе половины (18,600 фр.) была выплачена. Работала ассоціація почти исключительно на правительство и на городское управленіе Равенны.

До 1895 г. общая стоимость подрядовъ, выполненныхъ ею, достигала 500,000 фр., а общая сумма прибыли, полученной ею—60,000 фр. Прибыль распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 25% идутъ на увеличеніе капитала ассоціацій, а остальные 75% раздаются, въ качествѣ дивиденда, собственникамъ выплаченныхъ акцій.

Ассоціація каменьщиковъ въ Миланѣ (Secieta Anonima Cooperativa di Costruzione Lavoranti Muratori di Milano). Образовалась въ 1887 г. во время извѣстной стачки миланскихъ каменьщиковъ. При основаніи ассоціація имѣла всего 200 членовъ; къ концу 1894 г. число ихъ возрасло до 600. Подписной капиталъ ассоціаціи (состоящій изъ акцій въ 24 фр. каждая) къ этому времени равнялся 30,000 фр. и былъ почти весь выплаченъ. Кромѣ того, ассоціація имѣла къ этому времени резервный фондъ въ 16,000 фр., пенсіонный фондъ въ 18,000 фр. и свой ночлежный домъ для своихъ членовъ, стоимостью въ 4,500 фр. Въ началѣ своей дѣятельности дѣла ассоціаціи шли плохо вслѣдствіе отсутствія капитала, но ей удалось привлечь къ себѣ сочувствіе нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, которые открыли ей кредитъ въ мѣстныхъ кооперативныхъ банкахъ и въ Миланской ссудо-сберегательной кассѣ, откуда въ разное время ассоціація получила въ заемъ не менѣе 30,000 фр. Теперь этотъ долгъ совершенно уплаченъ. Кромѣ подрядовъ отъ городского управленія (приблизительно на 500,000 фр.), ассоціація берется, когда имѣетъ лишнія рабочія силы, за работы и на свой страхъ,—напр. строитъ дома и потомъ перепродаетъ ихъ съ барышомъ. Всѣ работы, предпринимаемыя ассоціаціею, выполняются ею „превосходно". За время своего существованія ассоціація получила около 55,000 фр. чистой прибыли, не смотря на то, что назначаемая ею заработная плата значительно выше обыкновенной. Прибыль—за вычетомъ 4—6%, идущихъ въ видѣ дивиденда на акціи распространяется слѣдующимъ образомъ: 20%—въ резервный фондъ; 10%—на техническую школу, содержимую союзомъ каменьщиковъ или на другое подобное учрежденіе; 10%—безработнымъ или нуждающимся членамъ ассоціацій и 66%—въ пенсіонную кассу ассоціаціи. Наемные рабочіе, иногда употребляемые ассоціацією, въ прибыляхъ не участвуютъ, довольствуясь сравнительно высокой заработной платой. Вообще, дѣла ассоціаціи находятся въ очень хорошемъ состояніи, и ея дѣятельность отражается чрезвычайно благотворно на общихъ условіяхъ труда въ ея профессіи. Со времени ея основанія не было ни одной стачки среди миланскихъ каменьщиковъ, и ихъ заработокъ—даже у частныхъ подрядчиковъ—повысился.

Ассоціація поденщиковъ и чернорабочихъ въ Бадіа-Полезине (Societa Anonima Cooperativa fra Braccianti ed Operai del Distretto di Badia-Polesine). Основана въ 1890 г. и къ концу 1894 года имѣла 900 членовъ и подписной капиталъ въ 10,000 фр., раздѣ-

ленный на акціи по 12 фр. каждая. Не смотря на то, что изъ этого капитала выплачено членами ассоціаціи только около 1,000 фр., ассоціація съумѣла получить и выполнить для правительства нѣсколько подрядовъ, общею стоимостью въ 100,000 фр. Прибыль ассоціаціи распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 30%—идутъ въ резервный фондъ, пока онъ не дойдетъ до 50,000 фр.; 50%—распредѣляются въ качествѣ дивиденда на трудъ между рабочими членами общества пропорціонально ихъ заработку и 20%—предназначаютъ въ вспомогательную кассу ассоціаціи.

Ассоціація поденщиковъ въ Реджіо-Эмиліа. Основана въ 1889 г. и къ концу 1893 г. имѣла около 900 членовъ и подписной капиталъ въ 23,000 фр. (акціи—по 24 фр.), изъ которыхъ половина была выплачена. Ассоціація имѣла нѣсколько государственныхъ подрядовъ (общею стоимостью въ 60,000 фр.) и выполнила ихъ вполнѣ удовлетворительно.

Ассоціація поденьщиковъ въ Падуѣ.—Основана въ 1890 г. и къ концу 1893 г. имѣла 2300 членовъ—сплошь рабочихъ—и номинальный капиталъ въ 22,000 фр. (акціи—по 9 фр., каждый членъ имѣетъ право лишь на одну акцію). Отъ 1890 до 1894 г. ассоціація имѣла нѣсколько государственныхъ подрядовъ на сумму въ 500,000 фр. Годовая прибыль ассоціаціи 3,000—4,000 фр., которые за вычетомъ 5%, идущихъ въ видѣ дивиденда на акціи, распредѣляются слѣд. образомъ: 40% раздается, какъ дивидендъ на трудъ рабочимъ членамъ общества, пропорціонально ихъ заработку; 40%—употребляются на увеличеніе капитала ассоціаціи и 20%—на созданіе вспомогательный кассы.

Ассоціація поденьщиковъ въ Леньяно.—Основана въ 1890 и къ концу 1891 г. имѣла 800 членовъ, обязанныхъ вносить въ кассу ассоціаціи по 25 сантимовъ въ мѣсяцъ каждый. Эти взносы—вмѣстѣ съ извѣстной долей прибыли—и составляютъ капиталъ ассоціаціи. Къ концу 1893 г. этотъ капиталъ равнялся 16,680 фр. Стоимость общественныхъ работъ, выполненныхъ ассоціаціею за первые три года существованія, равнялась 100,000 фр. съ лишнимъ. По уставу общества ординарными членами могутъ быть только рабочіе (поденьщики, носильщики, каменьщики, кузнецы, плотники и т. д.). Не рабочіе—если они оказали особыя услуги обществу—могутъ быть допускаемы въ число экстраординарныхъ, или почетныхъ членовъ. Въ послѣднемъ случаѣ они допускаются на общія собранія членовъ ассоціаціи. Изъ прибыли половина идетъ на увеличеніе рабочаго капитала общества и половина—въ разныя вспомогательныя кассы.

Ассоціація поденьщиковъ въ Аржентѣ. Основана въ 1889 г. и къ концу 1893 г. имѣла 700 членовъ (изъ нихъ только два нерабочіе) и номинальный капиталъ (акціи по 24 фр.) въ 17,500 фр. За эти четыре года ассоціація получила рядъ общественныхъ подрядовъ — на сумму въ 300,000 ф. слишкомъ. Половина при-

были употребляется для увеличенія рабочаго капитала ассоціаціи; другая половина распредѣляется между членами-рабочими пропорціонально числу акцій, которыми каждый изъ нихъ владѣетъ.

Ассоціація земледѣльцевъ и ремесленниковъ въ Сюзаррѣ. Основана въ 1890 г. и къ концу 1892 г. имѣла 580 членовъ, подписавшихся каждый на одну акцію цѣною въ 10 фр. Большая половина подписного капитала (3,900 фр. изъ 5,800 фр.) была къ этому времени выплачена. Стоимость общественныхъ подрядовъ, выполненныхъ ассоціацией, превышаетъ 200,000 фр.

Ассоціація каменьщиковъ въ Форли. Основана въ 1891 г. и къ концу 1892 г. имѣла 200 членовъ, подписавшихся каждый на одну акцію въ 10 фр. цѣною. Отъ 1892 до 1893 г. ассоціація получила нѣсколько общественныхъ контрактовъ, на сумму въ 200,000 ф. Годовая прибыль ассоціаціи была въ среднемъ 3—4,000 фр., изъ которыхъ 25% идутъ на увеличеніе капитала, 50% распредѣляется между членами общества и 25% идутъ въ спомогательную кассу.

Ассоціація каменьщиковъ, кузнецовъ, плотниковъ и др. рабочихъ въ Роджіо-Эмилія. Основана въ 1890 г. и къ концу 1893 г. имѣла 350 членовъ и подписной капиталъ (акціи—по 6 фр.) въ 35,000 фр., изъ которыхъ 11,000 фр. были выплачены. Въ 1893 г. ассоціація получила 4,650 фр. прибыли, изъ которыхъ 1,860 фр. были розданы, какъ дивидендъ на акціи, 1,860 фр.—какъ дивидендъ на трудъ и 930 фр. отложены въ резервный фондъ.

Ассоціація работниковъ по желѣзу въ Сампьердарена. Основана въ 1883 г. 10-ю или 15-ю стачечниками, оставшимися послѣ стачки безъ работы. Путемъ ежемѣсячныхъ взносовъ въ 1 фр. былъ собранъ маленькій капиталъ, съ которымъ въ 1884 г. ассоціація смѣло приступила къ операціямъ. На первыхъ же шагахъ ей удалось найти себѣ поддержку въ мѣстномъ кооперативо-потребительномъ обществѣ. Общество расло медленно, но вѣрно и къ концу 80-хъ годовъ обладало уже значительнымъ капиталомъ и обширными мастерскими. Къ концу 1890 г. число членовъ его было—800; акціонерный капиталъ—108,000 фр.; резервный фондъ—32,000 фр.; стоимость мастерскихъ и орудій труда—136,000 фр., и ежегоднаго производства—380,000 фр.

Этихъ примѣровъ болѣе, чѣмъ достаточно. Они вполнѣ, какъ намъ кажется, подтверждаютъ ту общую характеристику итальянскаго кооперативно-производительнаго движенія, которую мы сдѣлали выше. Для полноты нашего очерка намъ остается только остановиться нѣсколько подробнѣе на упомянутыхъ нами раньше федеративныхъ попыткахъ итальянскихъ ассоціацій. Дѣло это новое, и пока трудно сказать съ увѣренностью, какая будущность его ожидаетъ и какую соціальную роль суждено ему сыграть. Однако, то обстоятельство, что за какіе нибудь 4 — 5 лѣтъ оно успѣло объединить десятки ассоціацій (федераціи въ Романьѣ и

въ Моденѣ состоятъ изъ 25 ассоціацій, въ Ровиго изъ 20 и т. д.), позволяетъ ожидать отъ него многаго. Существующія до сихъ поръ федераціи очень похожи одна на другую. Познакомившись съ одною изъ нихъ, мы познакомимся со всѣми. Для нашего описанія мы выберемъ „федерацію производительныхъ ассоціацій“ въ Моденѣ, ближе намъ извѣстную.

Основана она была въ 1891 г. по иниціативѣ Анини. Цѣль ея опредѣляется въ уставѣ слѣдущимъ образомъ: федерація имѣетъ своею задачею: 1) предупреждать соперничество между отдѣльными ассоціаціями, когда имѣется въ виду полученіе общественнаго подряда; 2) облегчать для нихъ полученіе такихъ подрядовъ и, вообще, всякаго рода заказовъ; 3) предпринимамать такія работы, которыя по своей сложности и обширности оказываются недоступными для отдѣльныхъ ассоціацій и 4) поддерживать добрыя отношенія между федерализованными ассоціаціями, помогать имъ совѣтами и указаніями; оказывать имъ, гдѣ это возможно и нужно, матеріальную поддержку и всячески способствовать распространенію кооперативныхъ принциповъ“.

Не смотря на столь недавнее происхожденіе, Моденская федерація успѣла объединить 25 мѣстныхъ производительныхъ ассоціацій съ 12,000 членовъ. До 1895 года ей не случилось еще взять на себя ни одного подряда, но, благодаря ея содѣйствію, цѣлый рядъ общественныхъ подрядовъ—не менѣе, какъ на 200,000 ф. былъ переданъ нѣкоторымъ изъ входящихъ въ ее ассоціацій, соединявшихся для ихъ выполненія въ временныя комбинаціи. Ея же иниціативѣ принадлежитъ честь введенія кооперативнаго труда въ обработку рисовыхъ полей въ провинціи Эмилія. Раньше эти поля, сдававшіяся частнымъ подрядчикамъ, обработывались женщинами и дѣтьми, которыя работали по 12 и 13 часовъ въ день и получали за свой истино каторжный трудъ самое ничтожное вознагражденіе. Федераціи удалось убѣдить нѣкоторыхъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ передать подряды на обработку ихъ рисовыхъ полей производительнымъ асссоціаціямъ. Работы были организованы чрезвычайно умѣло и дали блестящіе результаты для всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ, за исключеніемъ, конечно, частныхъ подрядчиковъ. Женскій и дѣтскій трудъ былъ устраненъ; заработная плата значительно повышена; рабочіе часы—сокращены, и поля, при всемъ томъ, были обработаны не только гораздо лучше, но и не дороже, чѣмъ при прежней системѣ.

Федерація имѣетъ свой особый капиталъ, отдѣльный отъ капиталовъ составляющихъ ее ассоціацій. Онъ образуется изъ взносовъ этихъ асссоціацій по 5 сентимовъ за каждаго члена, изъ $^{1}/_{2}$% прибыли, получаемой ассоціаціями съ каждаго выполненнаго ими заказа, и изъ 50% прибыли, которую даютъ федераціи ея собственныя предпріятія. Остальные 50% должны по уставу федера-

ціи идти отчасти въ вспомогательныя кассы, отчасти работникамъ, принимавшимъ участіе въ ея работахъ.

Ассоціаціямъ, входящимъ въ составъ федераціи, строго запрещается перебивать одной у другой заказы. Подрядъ по праву долженъ принадлежать той ассоціаціи, которая ближе къ нему. Если же онъ оказывается ей одной непосильнымъ, федерація присоединяетъ къ ней сосѣднюю ассоціацію. Всѣми дѣлами федераціи завѣдываетъ совѣтъ, состоящій изъ делегатовъ ассоціацій и выбирающій изъ своей среды особый исполнительный комитетъ. Созданіе федераціи не въ малой мѣрѣ способствововало введенію планомѣрности и единства въ дѣятельности мѣстныхъ ассоціацій и распространенію кооперативныхъ принциповъ въ средѣ рабочаго населенія провинціи. Развиваясь параллельно и въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ ростомъ мѣстныхъ рабочихъ синдикатовъ, она обѣщаетъ стать чрезвычайно важнымъ факторомъ въ дѣлѣ пробужденія самосознанія въ рабочихъ массахъ и ихъ организаціи для защиты своихъ матеріальныхъ и моральныхъ интересовъ.

IV.

Перейдемъ теперь къ классической странѣ личной иниціативы и общественной самодѣятельности—къ Англіи. Здѣсь, рядомъ съ раннимъ и пышнымъ разцвѣтомъ капитализма, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, имѣли мѣсто всевозможныя проявленія соціальной и чисто-классовой солидарности, разсчитанной на борьбу съ нимъ и на смягченіе порождаемыхъ имъ золъ. Но, по многимъ причинамъ, на которыхъ намъ нечего здѣсь останавливаться, главный запасъ энергіи англійскихъ рабочихъ направлялся до сихъ поръ не столько на реализацію кооперативныхъ принциповъ въ области производства, сколько на созданіе и дальнѣйшее развитіе такихъ организацій, какъ, съ одной стороны, трэдъ-юньоны и, съ другой, потребительныя товарищества и разныя общества взаимопомощи. Извѣстно, какіе громадные результаты достигнуты были въ обоихъ этихъ направленіяхъ. Въ 1895 году въ Великобританіи считалось около 1250 рабочихъ юньоновъ съ 1,330,000 членовъ, причемъ почти всѣ эти юньоны были въ свою очередь объединены 168 могущественными организаціями, извѣстными подъ именемъ „Федерацій рабочихъ союзовъ“. Вотъ нѣкоторыя въ высшей степени интересныя данныя, относящіяся къ сотнѣ наиболѣе значительныхъ изъ англійскихъ трэдъ-юньоновъ: въ нихъ считалось 911,000 членовъ; ихъ общій капиталъ превышалъ въ концѣ 1894 г. 43,000,000 фр.; ихъ годовой доходъ доходилъ до 37,000,000 фр. и годовой расходъ — до 35,000,000 фр., причемъ на собственно боевыя цѣли—стачки и пр. — ими тратится не болѣе 8% (около $5^1/_2$ мил. фр.), остальныя 92% расходуются на пенсіи, временную

помощь въ случаѣ болѣзней или безработицы и пр. взаимо-вспомогательныя цѣли.

Еще болѣе внушительны цифры, относящіяся къ кооперативно-потребительнымъ рабочимъ организаціямъ, которыя возникли въ Англіи очень рано и развивались съ изумительнымъ постоянствомъ. Въ 1894 г. въ Англіи было около 1600 такихъ ассоціацій съ 1,250,000 членовъ, съ ежегоднымъ доходомъ въ 164,000,000 фр. и съ ежегоднымъ оборотомъ болѣе, чѣмъ въ милліардъ франковъ.

Наконецъ, такъ называемыя „Friendly Societies" *) (главныя десять) имѣютъ однихъ взрослыхъ членовъ болѣе 2,200,000, капиталъ—въ 425,000,000 фр., ежегодный доходъ—въ 88,000,000 фр. и ежегодный расходъ—въ 60,000,000 фр.

Рядомъ съ такими цифрами размѣры англійскаго кооперативнаго производства должны будутъ показаться читателю очень и очень скромными. Не надо, однако, думать, что примѣръ Роберта Оуэна пропалъ для Англіи совершенно даромъ. Не смотря на многія неблагопріятныя условія и на полное отсутствіе покровительственныхъ тенденцій въ законодательствѣ страны, это производство не многимъ уступаетъ — если еще уступаетъ —напр., французскому. Въ 1895 г. въ Англіи были 172 кооперативно-производительныя рабочія ассоціаціи, въ мастерскихъ которыхъ работали около 8,000 рабочихъ и было произведено товаровъ на 40 съ лишнимъ милліоновъ франковъ. Кромѣ этихъ ассоціацій, кооперативнымъ производствомъ (печеніе хлѣба, приготовленіе обуви и пр.) занимаются многія изъ потребительныхъ товариществъ, которыя являются, такимъ образомъ, чѣмъ-то среднимъ между чисто производительными и чисто потребительными обществами. Изъ ихъ мастерскихъ выходитъ въ теченіе года продуктовъ на сумму не менѣе, чѣмъ въ 125,000,000 фр. Наконецъ, сюда-же надо прибавить спеціально мукомольныя ассоціаціи, которыя производятъ въ годъ не менѣе, чѣмъ на 25,000,000 фр. Въ общемъ получается довольно солидная сумма въ 200,000,000 фр., которою и выражалась годовая производительность англійскихъ кооперативныхъ обществъ, употребляющихъ для полученія этихъ результатовъ около 24,000 рабочихъ.

Такимъ образомъ, кооперативное производство ютится въ Англіи, главнымъ образомъ, при потребительныхъ товариществахъ, являясь въ ихъ дѣятельности лишь подспорьемъ, второстепеннымъ придаткомъ, и опредѣляясь въ своихъ особенностяхъ характеромъ и направленіемъ организацій, созданныхъ для иныхъ цѣлей и преслѣдующихъ иныя задачи. Тѣ же немногочисленныя

*) Хотя эти общества взаимопомощи и не имѣютъ характера чисто классовыхъ организацій, но мы считаемъ не лишнимъ упомянуть и о нихъ, потому что громадное большинство ихъ кліентовъ и членовъ принадлежитъ къ рабочему классу.

сравнительно производительныя ассоціаціи, которыя существуютъ самостоятельно, въ своихъ существенныхъ чертахъ приближаются отчасти къ старому — „аристократическому"—типу французскихъ ассоціацій. Онѣ отличаются солидными капиталами, высокими членскими взносами, ограниченнымъ числомъ членовъ, ихъ строгимъ подборомъ и другими особенностями, обусловленными тою соціальною средою, въ которой имъ приходилось жить и развиваться. Лишенныя какого бы то ни было покровительства со стороны законодательства, поставленныя по отношенію къ государственнымъ подрядамъ въ совершенно одинаковыя условія съ частными капиталистами подрядчиками, могущія брать такіе подряды лишь съ публичныхъ торговъ и обязанныя въ такихъ случаяхъ всегда имѣть на готовѣ значительныя залоговыя суммы, онѣ, естественно, должны были въ своихъ организаціяхъ обращать особенное вниманіе на представляемыя ими финансовыя гарантіи.

Единственнымъ въ данномъ случаѣ смягчающимъ обстоятельствомъ—да и то лишь въ послѣднее время—является распространяющійся въ Англіи обычай отдѣлять въ государственныхъ подрядахъ контракты на доставку матеріаловъ отъ контрактовъ собственно на трудъ, къ нимъ прилагаемый. Такая система уменьшаетъ, правда, доходность предпріятія, но она позволяетъ за то браться за выполненіе государственныхъ подрядовъ и такимъ ассоціаціямъ, которыя не обладаютъ значительными сбереженіями. Принимая во вниманіе, что она усиленно рекомендуется администраціи такимъ авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ „Королевская Коммиссія Труда" и „Рабочій Департаментъ при Министерствѣ Общественныхъ Работъ", можно думать, что она станетъ со временемъ общепринятою. Это обстоятельство не можетъ, конечно, не повліять въ ближайшемъ будущемъ на ростъ англійскаго кооперативно-производительнаго движенія и на его болѣе или менѣе рѣшительную демократизацію.

Въ томъ же направленіи начинаетъ въ послѣднее время дѣйствовать и, такъ называемый, „муниципальный соціализмъ" англійскихъ городскихъ и графскихъ совѣтовъ. Эти такъ еще недавно реформированные органы мѣстнаго самоуправленія быстро эманципируются отъ традиціонныхъ путей англійской политической жизни, ускользаютъ изъ подъ вліянія привычныхъ партійныхъ девизовъ и кличекъ и вырабатываютъ свои собственныя формулы соціальной политики. Не послѣднее мѣсто въ этой новой политикѣ занимаетъ ихъ стремленіе освободиться отъ тиранніи всевозможныхъ посредниковъ и частныхъ подрядчиковъ, съ ихъ двухстороннею эксплуатаціею, войти въ прямыя, непосредственныя отношенія съ рабочими слоями неселенія и вести всѣ свои дѣла, такъ называемымъ, „хозяйственнымъ способомъ", при помощи рабочихъ юньоновъ и—гдѣ можно—производительныхъ ассоціацій, которымъ они охотно даютъ работу, освобождаютъ отъ залоговъ,

доставляютъ матеріалы, облегчаютъ кредитъ и, вообще, оказываютъ всяческую поддержку.

Наконецъ, нельзя не указать на то, что въ послѣдніе годы начинаетъ замѣчаться перемѣна въ отношеніи къ рабочимъ ассоціаціямъ и со стороны центральной власти. Эта перемѣна не выразилась еще въ положительномъ законодательствѣ, но она чувствуется и въ резолюціяхъ королевскихъ коммиссій, и въ дѣятельности „Департамента Труда“, и во все болѣе благосклонномъ отношеніи къ рабочимъ ассоціаціямъ со стороны нѣкоторыхъ административныхъ учрежденій, напр., военнаго и морского министерствъ.

Благодаря всѣмъ этимъ новымъ вѣяніямъ, англійское кооперативно-производительное движеніе начинаетъ понемногу измѣнять свой прежній характеръ. Оно, несомнѣнно, демократизируется, популяризируется и впервые пріобрѣтаетъ дѣйствительно соціальное значеніе. Трудно, конечно, сказать пока, въ какую новую форму оно въ концѣ-концовъ выльется. Весьма возможно, что на его дальнѣйшей эволюціи въ болѣе или менѣе сильной степени отразятся опыты, дѣлаемые въ этой области въ нѣкоторыхъ изъ англійскихъ колоній. Недаромъ въ руководящихъ сферахъ метрополіи слѣдятъ за ними съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ. Опыты эти, дѣйствительно, чрезвычайно любопытны, и ниже мы еще познакомимся съ ними. Теперь же перейдемъ къ описанію наиболѣе интересныхъ и характерныхъ изъ англійскихъ производительныхъ ассоціацій.

Wollaston Productive Society (Уоластонское производительное общество, въ Нортамтонширѣ). Основано въ 1881 г. съ капиталомъ въ 5,000 фр. 20-ю членами. Къ концу 1895 г. имѣло 51 члена, акціонерный капиталъ въ 30,000 фр. и резервный фондъ въ 2,500 фр. Годовое производство общества превышаетъ 600,000 фр. Общество занимается фабрикаціею обуви и за послѣдніе 10 лѣтъ (1885—95 г.) имѣло нѣсколько подрядовъ (всѣ они были взяты съ торговъ) отъ военнаго министерства, на сумму въ 2½ милліона франковъ. Общество употребляетъ наемный трудъ, оплачивая его по нѣсколько высшей, чѣмъ обычная рыночная, цѣнѣ, но не допуская его къ участію въ прибыли. Прибыль (въ 1895 году вмѣсто прибыли общество понесло убытки въ 5, приблизительно, тысячъ фр.) распредѣляется, по выплатѣ 5% на акціи, слѣдующимъ образомъ: 10% идутъ на увеличеніе резервнаго фонда; 10%—въ вспомогательную кассу; 10%—въ воспитательный фондъ; 20%—на содержаніе управляющаго комитета; 20% — на премію тѣмъ потребительнымъ кооперацiямъ, которыя являются кліентами общества; 10% на добавочный дивидендъ на акціи и остальное— на образованіе запаснаго фонда для выплаты процентовъ на акціонерный капиталъ и на пропаганду кооперативныхъ принциповъ.

Rounds Productive Society (Роундское производительное обще-

ство). Основано въ 1887 г. и въ первый же годъ своего существованія получило подрядъ (съ торговъ) отъ военнаго министерства на поставку сапогъ для арміи, стоимостью въ 75,000 фр., причемъ гарантіей за общество, не имѣвшее еще своихъ капиталовъ для вложенія необходимаго залога, выступила особая „Ассоціація помощи кооперативному труду“. Въ концѣ 1895 г. общество имѣло 30 членовъ, выплаченный акціонерный капиталъ въ 40,000 фр. и резервный фондъ въ 12,000 фр. За періодъ времени отъ 1887 до 1895 г. общество получило нѣсколько контрактовъ отъ военнаго министерства на общую сумму въ 2.160,000 фр. Годовое производство общества превышаетъ 400,000 фр. Средняя годовая прибыль доходитъ до 17—18,000 фр., изъ которыхъ около 15% предназначаются членамъ-акціонерамъ, какъ процентъ на капиталъ и прибавочный дивидендъ на акціи; около 5%—идутъ въ резервный фондъ; 5%—употребляются на общественно-благотворительныя цѣли и остальное—около 75%—раздается, въ качествѣ дивиденда на трудъ, рабочимъ, употребляемымъ обществомъ. Въ 1895 г. въ мастерскихъ общества работало 114 человѣкъ, изъ которыхъ только 30 были членами общества.

Finedon Cooperative Boot. and Shoe Manufacturing Society. (Финедонское кооперативное общество сапожнаго и башмачнаго производства). Основано въ 1886 г. и въ началѣ своего существованія не разъ прибѣгало къ помощи „Ассоціаціи помощи кооперативному труду“. Въ концѣ 1895 г. имѣло 26 членовъ, выплаченный акціонерный капиталъ въ 60,000 фр. и резервный фондъ въ 12,000 фр. Отъ 1886 до 1895 г. выполнило нѣсколько подрядовъ для военнаго министерства на сумму въ 2½ милліона фр. Годовое производство общества въ 1895 г. равнялось 300,000 фр., и его прибыль—2,000 фр., изъ которыхъ около 5% были выданы рабочимъ въ качествѣ дивиденда на трудъ; около 5% пошли на разныя благотворительныя цѣли и остальные 20% были розданы членамъ—акціонерамъ общества, какъ процентъ на капиталъ и дивидендъ на акціи.

St. Crispin Productive Society. (С. Криспинсское производительное общество). Основано въ 1891 году и въ началѣ несло только убытки. Однако черезъ нѣсколько лѣтъ оправилось и стало на ноги. Въ 1895 г. имѣло 29 членовъ, выплаченный акціонерный капиталъ въ 15000 фр., заемный капиталъ въ 4,000 фр. и резервный фондъ въ 250 фр. Годовое производство общества въ этомъ году равнялось 130,000 фр., прибыль—8,000 фр. Изъ нихъ около 800 фр. пошло на покрытіе убытковъ прошлыхъ лѣтъ; около 4,500 фр.—на дивидендъ членамъ-акціонерамъ; 200 фр.—рабочимъ, какъ дивидендъ на трудъ; остатокъ—въ резервный и запасный процентный фонды. Въ періодъ времени отъ 1892 до 1895 года общество выполнило нѣсколько подрядовъ для военнаго министерства, на сумму въ 350,000 фр.

Другія рабочія ассоціаціи въ области производства обуви,—въ этой области находитъ себѣ въ Англіи преимущественное приложеніе кооперативный трудъ,—мало чѣмъ отличаются отъ только что описанныхъ. Главное ихъ отличіе, одной отъ другой, сводится къ болѣе или менѣе великодушному отношенію къ наемнымъ рабочимъ, которыхъ всѣ онѣ употребляютъ въ значительномъ количествѣ. Почти всѣ онѣ сравнительно недавняго происхожденія и твердо стоятъ на ногахъ, благодаря особенно кліентелѣ военнаго министерства, которое передало имъ въ періодъ времени отъ 1885 до 1895 г. цѣлый рядъ контрактовъ на поставку обуви для арміи на сумму не менѣе 10.000,000 фр. Всѣ эти подряды были взяты ассоціаціями съ публичныхъ торговъ и выполнены, почти безъ исключенія, „болѣе, чѣмъ удовлетворительно, какъ въ смыслѣ качества работы, такъ и въ смыслѣ стоимости подрядовъ". Кромѣ военнаго и отчасти морского министерства, большое значеніе для успѣха этихъ ассоціацій имѣетъ кліентела кооперативныхъ потребительныхъ обществъ, которыя естественно предпочитаютъ отдавать свои заказы родственнымъ ассоціаціямъ, а не частнымъ фабрикантамъ. Много помогали имъ на первыхъ ихъ шагахъ какъ упомянутая выше „Ассоціація помощи кооперативному труду", выступавшая за нихъ гарантіей на торгахъ, такъ и разные кооперативные банки, доставлявшіе имъ, въ случаѣ нужды, дешевый кредитъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что почти всякая англійская производительная ассоціація считаетъ своимъ долгомъ употреблять часть своей прибыли на кооперативно-благотворительныя и кооперативно-пропагандистскія цѣли.

Hebden Bridge Fustian Manufacturing Cooperative Society. (Гебденъ-Бриджское мануфактурное кооперативное общество). Основано въ 1870 г. Въ концѣ 1895 г. имѣло 800 членовъ (изъ нихъ 300—разныхъ кооперативныхъ обществъ, взявшихъ на свое имя акціи), выплаченный акціонерный капиталъ въ 650,000 фр., резервный фондъ въ 85,000 фр. и страховой фондъ въ 100,000 фр. Годовое производство въ 1895 г. представляло стоимость въ милліонъ слишкомъ франковъ, а прибыль равнялась—135,000 фр. Распредѣлена была эта прибыль слѣдующимъ образомъ: 20%—процентъ на акціонерный капиталъ и добавочный дивидендъ на акціи; 30%—въ страховой и резервный фонды; 30%—дивидендъ на трудъ, членамъ и не членамъ безразлично (въ мастерскихъ общества работало 320 человѣкъ, изъ которыхъ 23—наемныхъ рабочихъ); 5%—скидка съ заказовъ обществу со стороны его членовъ (кооперативныхъ потребительныхъ ассоціацій); 10%—въ воспитательный фондъ и остальное, около 5%,—на разныя благотворительныя цѣли.

Paisley Cooperative Manufacturing Society. (Кооперативное мануфактурное общество Пэсли). Основано въ 1862 г. Къ концу 1895 г. имѣло 1,457 членовъ-акціонеровъ (изъ коихъ 241—раз-

ныя кооперативныя общества), выплаченный акціонерный капиталъ въ 500,000 фр., резервный фондъ въ 40,000 фр. и занятый капиталъ въ 875,000 фр. Годовое производство достигло въ 1895 г. стоимости въ $1^1/_2$ милліона фр., а прибыль равнялась 115,000 фр. Распредѣлена она была почти такъ же, какъ и въ Гебденъ-Бриджской ассоціаціи.

Nottingham Operative Tailors' Cooperative Society (Ноттингамское кооперативное общество портныхъ). Основано въ 1892 г. Въ концѣ 1895 г. имѣло 145 членовъ и выплаченный акціонерный капиталъ въ 10,000 фр. Дѣла общества пока еще не установились, и стоимость годового производства не превышаетъ 25,000 фр. Общество имѣетъ демократическія тенденціи. Членамъ общества не разрѣшается имѣть болѣе 10 акцій каждому. Болѣе половины прибыли предназначается въ качествѣ дивиденда на трудъ работникамъ общества—членамъ или не членамъ безразлично. Выплата акцій производится мелкими еженедѣльными или ежемѣсячными взносами. Такимъ же болѣе демократическимъ направленіемъ отличаются и другія производительныя ассоціаціи въ области портняжнаго ремесла,—особенно тѣ, основаніе которыхъ относится къ послѣднему времени. Старыя ассоціаціи этого рода, нѣсколько сдержаннѣе въ этомъ отношеніи, но и онѣ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше примѣровъ, не боятся доводить число своихъ членовъ до многихъ сотенъ человѣкъ, допускаютъ своихъ наемныхъ рабочихъ къ значительному участію въ прибыляхъ и всячески облегчаютъ для нихъ вступленіе въ общество. Главными ихъ кліентами являются кооперативно-потребительныя товарищества, городскіе совѣты (обмундировка полиціи и городскихъ рабочихъ) и военное министерство.

Manchester Cooperative Printing Society (Манчестерское кооперативное типографское общество). Основано въ 1869 г. Къ 1896 г. имѣло 625 членовъ-акціонеровъ (изъ коихъ около 200—разныхъ кооперативныхъ обществъ), выплаченный акціонерный капиталъ въ 450,000 фр. и резервный фондъ въ 125,000 фр. Стоимость годового производства доходитъ до 1.700,000 фр., а прибыль—до 125,000 фр. Прибыль—по выплатѣ 5%—10% на капиталъ и извѣстной, мѣняющейся изъ году въ годъ, суммы въ резервный фондъ—раздѣляется по уставу „на три равныя части, идущія: одна—капиталу (дивидендъ на акціи), другая—труду (дивидендъ на трудъ) и третья—кліентамъ (скидка съ цѣны ихъ заказовъ). Общество употребляетъ болѣе 400 человѣкъ въ своей типографіи; $^2/_3$ ихъ—не члены общества.

Edinbourgh Cooperative Printing Society (Эдинбургское кооперативное типографское общество). Основано въ 1873 г. Къ 1896 г. имѣло 140 членовъ, выплаченный акціонерный капиталъ въ 150,000 фр. и резервный фондъ въ 25,000 фр. Стоимость годового производства—250,000 фр.; прибыль—20,000 фр. Около

20% прибыли предназначаются, въ качествѣ дивиденда на трудъ наемнымъ рабочимъ общества, но они не выдаются имъ на руки, а откладываются въ особый фондъ, гдѣ приносятъ 4% своимъ собственникамъ.

Assington Agricultural Association. (Ассингтонская земледѣльческая ассоціація). Основана въ 1883 г. Обрабатываетъ ферму въ 230 акровъ. Въ концѣ 1895 г. имѣла 280 членовъ и выплаченный акціонерный капиталъ въ 60,000 фр. Стоимость годового производства—25,000 фр. Прибыль—колеблющаяся; часто—никакой. По уставу половина ея должна идти на уплату процентовъ на акціонерный капиталъ и на увеличеніе рабочаго капитала ассоціаціи, а другая половина—на вознагражденіе работниковъ ассоціаціи, причемъ работники наемные получаютъ это вознагражденіе лишь въ томъ случаѣ, если они выразили желаніе стать членами общества и начали выплачивать цѣну своихъ членскихъ акцій.

Cooperative Bass Dressers Society (Кооперативное общество изготовленія циновокъ). Основано въ 1889 г. Въ концѣ 1895 г. имѣло 85 членовъ, выплаченный акціонерный капиталъ въ 17,500 фр. и резервный фондъ въ 7,000 фр. Стоимость годового производства превышала въ этомъ году 125,000 фр., а прибыль—9,000 фр. Прибыль распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 5%—10% идутъ на проценты на акціонерный капиталъ: 10%—15%—въ резервный фондъ; 20%—30%—въ особый амортизаціонный фондъ; 5%—на воспитательныя цѣли; остальное (около 40%—60%)—предназначается, какъ дивидендъ на трудъ, рабочимъ ассоціаціи, пропорціонально ихъ заработку. Этотъ дивидендъ выдается на руки лишь тѣмъ членамъ, которые обладаютъ не менѣе, какъ пятью, вполнѣ уплаченными акціями общества. У другихъ же какъ членовъ, такъ и наемныхъ рабочихъ,—онъ удерживается для уплаты акцій. Кромѣ заказовъ отъ разныхъ потребительныхъ товариществъ, общество работаетъ на Лондонскій городской совѣтъ такъ же какъ и на военное министерство. За послѣдніе три года оно получило отъ нихъ—съ публичныхъ торговъ—нѣсколько подрядовъ, общею стоимостью въ 65,000 фр.

Cooperative Builders of Brixton (Кооперативное строительное общество Брикстона). Общество основано въ 1888 г. и къ концу слѣдующаго года имѣло 170 членовъ и выплаченный акціонерный капиталъ въ 35,000 фр. Въ періодъ времени отъ 1891 до 1894 г. общество получило рядъ контрактовъ отъ Лондонскаго школьнаго совѣта и отъ городского управленія, на сумму въ 750,000 фр. Въ 1894 году общество пережило тяжелый кризисъ, было совершенно реорганизовано и начало новую жизнь съ 40 членами, акціонернымъ капиталомъ въ 1000 фр. и резервнымъ фондомъ въ 7,000 фр. Стоимость годового производства реорганизованнаго общества въ 1895 г. превышала 170,000 фр., прибыль—10,000 фр. Болѣе 5% всей прибыли были отнесены въ

резервный фондъ, около 10%—были употреблены на благотворительныя цѣли; столько же приблизительно на вознагражденіе администраціи, остальное—на вознагражденіе рабочимъ.

Kettering Cooperative Building Society (Кеттерингское кооперативное строительное общество). Основано въ 1894 г. и въ концѣ 1895 г. имѣло 137 членовъ, выплаченный акціонерный капиталъ въ 15,000 фр. и резервный фондъ въ 2,500 фр. Стоимость годового производства была въ этомъ году—170,000 фр., и прибыль—12,000 фр., изъ которой около 15% были выданы—какъ процентъ и добавочный дивидендъ—собственникамъ акцій; 20%—возвращены, въ видѣ преміи, заказчикамъ и 40%—выданы, какъ дивидендъ на трудъ рабочимъ общества, остальные 25% были распредѣлены между резервнымъ, амортизаціоннымъ и воспитательнымъ фондомъ.

Cooperative Quarring Association of Condorrat (Кондорротская кооперативная ассоціація каменныхъ ломокъ). Основана въ 1892 г. и къ концу 1895 г. имѣла 50 членовъ, выплаченный акціонерный капиталъ въ 5,000 фр. и резервный фондъ въ 2,500 фр. Ассоціація исполняетъ, между прочимъ, подряды по поставкѣ битаго камня для Глазговскаго городского управленія (въ теченіе 1895 г. стоимость такихъ подрядовъ доходила до 25,000 фр.). Стоимость годового производства ассоціаціи превышаетъ 50,000 фр., годовая прибыль — 5,000 фр. Значительная часть прибыли — около 60% — предназначается, какъ дивидендъ на трудъ, рабочимъ ассоціаціи, членамъ или не членамъ, безразлично.

Rochdale District Cooperative Corn Mill Society (Рочдельская кооперативная мукомольная мельница). Основано въ 1850 году и къ концу 1895 г. имѣло 672 члена (изъ нихъ 80 — разныхъ потребительныхъ товариществъ), выплаченный акціонерный капиталъ въ 2,000,000 фр. и занятый капиталъ въ 400,000 фр. Въ періодъ времени отъ 1891 до 1895 г. общество доставило—по контрактамъ, заключеннымъ на публичныхъ торгахъ—разнымъ общественнымъ учрежденіямъ товаровъ на 1,250,000 фр. Стоимость годового производства общества въ 1895 г. превышала 4,500,000 фр., годовая прибыль—60,000 фр.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что при всѣхъ своихъ частныхъ особенностяхъ англійскія рабочія производительныя ассоціаціи принадлежатъ по существу къ тому же типу, который преобладаетъ на континентѣ, особенно во Франціи. Въ еще большей степени предоставленныя собственнымъ рессурсамъ, онѣ вынуждены обращать свое преимущественное вниманіе на финансовыя гарантіи и потому охватываютъ до сихъ поръ лишь узкій кругъ сравнительно обезпеченнаго рабочаго населенія. Улучшая матеріальное положеніе отдѣльныхъ группъ этого населенія, онѣ въ своемъ настоящемъ видѣ не могутъ и мечтать о сколько нибудь серьезной борьбѣ съ крупными частно-капиталистическими пред-

пріятіями, обладающими милліонными капиталами и занимающими тысячи рабочихъ рукъ. Это лишь палліативы, не претендующіе и не могущіе претендовать на роль факторовъ соціальнаго переустройства въ интересахъ рабочаго класса вообще. Въ послѣднемъ отношеніи ихъ дѣйствіе ограничено и ихъ значеніе скромно. Столь же скромно оно и по отношенію къ тѣмъ агитаціоннымъ и организаціоннымъ цѣлямъ, которымъ съ бóльшимъ или меньшимъ успѣхомъ служитъ кооперація въ Италіи, Бельгіи и другихъ странахъ континента, такъ какъ для осуществленія этихъ цѣлей въ Англіи имѣются на лицо гораздо болѣе подходящія и могущественныя формы, въ видѣ трэдъ-юньоновъ и другихъ классовыхъ организацій взаимопомощи и борьбы.

Но если кооперативное производство и не играло до сихъ поръ сколько нибудь замѣтной роли въ общественно-экономической эволюціи современной Англіи, есть полное основаніе думать, что въ недалекомъ будущемъ его значеніе, какъ соціальнаго фактора, значительно возрастетъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ, съ одной стороны, новая концепція государственныхъ обязанностей, подъ вліяніемъ которой англійское правительство шагъ за шагомъ отступаетъ отъ своей традиціонной политики невмѣшательства въ экономическую жизнь страны и все смѣлѣе выступаетъ въ роли не только посредника между борющимися классами, но и защитника слабѣйшаго изъ нихъ; съ другой стороны, прогрессивно-демократическія тенденціи преобразованныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, которые дѣятельно стремятся къ „муниципализаціи общественныхъ службъ“ и видятъ въ поддержкѣ коопераціи, трэдъ-юньоновъ, рабочихъ колоній и другихъ подобныхъ организацій вѣрнѣйшее и экономнѣйшее средство борьбы съ язвою пауперизма и съ недостатками англійской системы призрѣнія бѣдныхъ; съ третьей, наконецъ— last but not the least—реабилитація кооперативнаго принципа въ умахъ самихъ рабочихъ и авторитетнѣйшихъ ихъ вожаковъ, которые начинаютъ возвращаться къ завѣтамъ Роберта Оуэна и все настойчивѣе поговариваютъ объ организаціи коопераціи на общественно-національной основѣ“; объ установленіи прочной связи между кооперативными обществами — какъ производительными, такъ и потребительными—и ихъ естественнымъ кліентомъ, рабочимъ классомъ вообще; объ объединеніи ихъ въ стройную кооперативную систему, которая должна будетъ не только имѣть громадное воспитательное значеніе для рабочихъ, но и способствовать назрѣвающему процессу муниципализаціи и національизаціи производства вообще *).

*) См., напр., статью извѣстнаго рабочаго вождя, Тома Манна, «Trade-Unions and Cooperation in the future», помѣщенную въ Сборникѣ «Forecasts of the Coming Century». London. 1897.

Но какъ ни благопріятно отражаются всѣ эти вліянія на ростѣ и демократизаціи кооперативнаго производства, они въ еще большей степени благопріятствуютъ такимъ—болѣе или менѣе родственнымъ ему—прогрессивнымъ теченіямъ въ англійской общественно-политической мысли и жизни, какъ „новый юньонизмъ“ и объединеніе рабочихъ союзовъ въ могучія національныя федераціи, сплоченіе рабочихъ вь особую политическую партію съ рѣзко выраженнымъ классовымъ характеромъ, національзація такихъ отраслей промышленной дѣятельности, какъ желѣзныя дороги угольныя копи и пр. и, особенно, такъ называемый „муниципальный соціализмъ“, къ которому все рѣшительнѣе склоняются симпатіи самыхъ различныхъ слоевъ англійскаго общества. Этимъ теченіямъ и принадлежитъ, повидимому, въ Англіи ближайшее будущее, и рядомъ съ ними кооперативно-производительное движеніе съ его болѣе или менѣе архаическими формами долго еще—если не всегда будетъ занимать подчиненное положеніе.

V.

Иначе стоитъ въ этомъ отношеніи дѣло въ нѣкоторыхъ изъ австралійскихъ колоній Англіи, особенно въ Новой Зеландіи, гдѣ рабочіе имѣютъ очень значительное вліяніе на характеръ и направленіе государственной политики, и гдѣ, благодаря отсутствію какихъ бы то ни было традицій, ни населеніе, ни правительство не боятся никакихъ общественныхъ экспериментовъ. Кооперативно-производительному движенію совсѣмъ не пришлось здѣсь проходить ту трудную и во многихъ отношеніяхъ неблагопріятную для его правильнаго развитія школу, которую оно проходило въ Европѣ. Едва возникнувъ, на первыхъ же своихъ шагахъ оно встрѣтило самое сочувственное къ себѣ отношеніе со стороны мѣстнаго правительства, и приняло въ его рукахъ характеръ планомѣрной, чуть не государственной организаціи, разсчитанной на достиженіе опредѣленной соціальной цѣли. Форма, приданная ему этимъ дѣятельнымъ вмѣшательствомъ государства такъ своеобразна, такъ непохожа на привычныя намъ формы коопераціи въ Европѣ, что иные изслѣдователи отрицаютъ за нимъ право на это названіе и относятъ его скорѣе къ тому порядку явленій, который у насъ въ Европѣ покрывается общимъ терминомъ государственнаго соціализма. Послѣдній элементъ, дѣйствительно, занимаетъ въ австралійской системѣ большое мѣсто. Общее управленіе работами и тщательный контроль надъ ними, сопряженный съ ними предпринимательскій рискъ, такъ же, какъ и всѣ почти расходы, связанные съ доставкою необходимыхъ матеріаловъ и орудій труда выпадаютъ при ней на государство, которое и является, такимъ образомъ, какъ бы своимъ собственнымъ под-

рядчикомъ. Но этимъ не исключается наличность многихъ чертъ, присущихъ кооперативному производству. Рабочіе при этой системѣ не просто наемники, все участіе которыхъ въ предпріятіи сводится къ исполненію заданной работы взамѣнъ за условленное вознагражденіе. Государство вполнѣ признаетъ общность ихъ профессіональныхъ интересовъ и сносится съ ними не индивидуально съ каждымъ въ отдѣльности, а черезъ посредство ихъ ассоціацій, которыя и являются по отношенію къ нему въ значительной степени самостоятельными, равноправными съ нимъ контрагентами-подрядчиками. Эти ассоціаціи, наконецъ, сохраняютъ за собою извѣстную долю свободы и самоопредѣленія въ дѣлѣ организаціи работъ, въ успѣшномъ ходѣ которыхъ онѣ заинтересованы не только потому, что видятъ въ нихъ источникъ заработка, но и потому, что участвуютъ въ предпринимательской прибыли. Правда, эти ассоціаціи не отличаются большою прочностью. Онѣ носятъ характеръ случайныхъ, легко распадающихся организацій, возникающихъ въ зависимости отъ спроса на трудъ со стороны государства и изчезающихъ, часто безслѣдно, по окончаніи предпріятія, вызвавшаго ихъ къ жизни. Но это объясняется не столько особенностями самой системы, сколько новизною дѣла, характеромъ рабочихъ—въ большинствѣ случаевъ чернорабочихъ; мѣстными условіями рабочаго рынка и, вообще, неустановившимися формами экономической жизни молодыхъ колоній. Само государство ничуть не видитъ въ такой непрочности рабочихъ ассоціацій своей выгоды и ни мало ее не поощряетъ. Для него эти ассоціаціи—не соперники, вліяніе которыхъ должно быть на всякомъ шагу подрываемо, а драгоцѣнные сотрудники, содѣйствіе которыхъ считается необходимымъ не столько въ видахъ государственной экономіи, сколько въ интересахъ самого рабочаго населенія, его матеріальнаго и моральнаго подъема.

Возникла эта своеобразная государственно-кооперативная система производства всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. По словамъ Ново-Зеландскаго статсъ-секретаря общественныхъ работъ, возникновеніе ея было „естественной реакціей противъ золъ, присущихъ господствовавшей раньше въ колоніи системѣ частныхъ подрядовъ“. Не смотря на всю молодость колоніи и на отсутствіе въ ней почвы для острыхъ классовыхъ противорѣчій, эта система и тутъ успѣла показать свои печальныя стороны. Порождая подрядную спекуляцію, она обогащала немногихъ крупныхъ дѣльцовъ, раззоряя въ то же время десятки мелкихъ подрядчиковъ второй и третьей руки и вынуждая ихъ искать спасенья въ той формѣ эксплуатаціи труда, которая носитъ на англійскомъ языкѣ выразительное названіе „sweating“ (выжиманіе пота). Обходясь дорого государству, она еще дороже обходилась рабочимъ, понижая ихъ заработокъ, лишая ихъ постоянныхъ занятій, выбрасы-

вая ихъ спорадически на улицу и вызывая среди нихъ волненія и стачки.

Правильно организованная и приспособленная къ государственнымъ нуждамъ кооперативная система казалась свободною отъ всѣхъ этихъ недостатковъ. Она должна была „поднять достоинство рабочаго“, сдѣлавъ его своимъ собственнымъ господиномъ, дать ему достаточный заработокъ и постоянство занятія и въ то же самое время обезпечить интересы государства, ограничивъ его расходы на общественныя работы ихъ дѣйствительной стоимостью. Первый опытъ, сдѣланный, конечно, въ небольшихъ размѣрахъ, оправдалъ эти ожиданія. За нимъ послѣдовали другіе, столь же удачные. Экономическая политика государства нашла, такимъ образомъ, для себя настоящій путь и съ тѣхъ поръ идетъ по немъ безъ колебаній, прибѣгая къ помощи частныхъ подрядчиковъ лишь при особенно сложныхъ работахъ и для доставки матеріаловъ. Почти всѣ свои дорожныя, желѣзно-дорожныя и строительныя работы оно производитъ хозяйственнымъ способомъ въ сотрудничествѣ съ кооперативно-производительными рабочими организаціями.

Сдача подрядовъ и самыя работы происходятъ обыкновенно такъ. Прежде всего правительственные инженеры и техники составляютъ, на основаніи самыхъ тщательныхъ изысканій, подробный планъ предполагаемыхъ работъ и дѣлаютъ возможно точную смѣту ихъ стоимости, исходя при этихъ разсчетахъ изъ среднихъ цѣнъ на рабочія руки и изъ средней высоты предпринимательской прибыли, которая присоединяется при этой системѣ къ заработку. Составленныя такимъ образомъ смѣты, высчитанныя отдѣльно для каждой изъ небольшихъ секцій, на которыя разбивается для удобства контроля все предпріятіе, образуютъ подрядныя цѣны, согласно съ которыми и заключаются контракты съ рабочими кооперацiями, или, лучше сказать, съ небольшими рабочими группами, отъ 10 до 50 человѣкъ, которыя работаютъ самостоятельно каждая на своей секціи. Но, въ отличіе отъ системы частныхъ подрядовъ, эти смѣты не безусловны и не окончательны. Государство сохраняетъ за собою право исправлять ихъ, согласно указаніямъ опыта, — понижать ихъ, если онѣ были высчитаны выше, чѣмъ слѣдуетъ, и уровень предпринимательской прибыли окажется слишкомъ высокимъ; повышать ихъ, если, наоборотъ, этотъ уровень на дѣлѣ спустится слишкомъ низко и заработокъ рабочихъ окажется, такимъ образомъ, меньше, чѣмъ слѣдуетъ. Въ этой гибкости контрактовъ съ рабочими кооперацiями, ново-зеландскіе эксперты видятъ одно изъ большихъ преимуществъ въ сравненіи съ системою частныхъ подрядовъ, при которой всегда возможны такіе сюрпризы, какъ то внезапное обогащеніе подрядчика на счетъ казны, то его банкротство, влекущее за собою прекращеніе работъ и раззореніе рабочихъ. Въ докладѣ статъ-

секретаря, которымъ мы пользуемся тутъ главнымъ образомъ, это соображеніе подтверждается рядомъ интересныхъ иллюстрацій. Приведемъ одну изъ нихъ. При постройкѣ одной изъ желѣзныхъ дорогъ цѣны по доставкѣ необходимаго камня изъ ближайшихъ каменоломень, расположенныхъ въ 8 миляхъ отъ линіи, были опредѣлены по смѣтѣ въ $2^1/_2$ шиллинга за кубическій ярдъ. По такимъ цѣнамъ былъ заключенъ и контрактъ. Но во время работъ совершенно случайно были открыты богатыя залежи подходящаго камня у самой линіи. Такимъ образомъ, подрядчикъ получилъ возможность доставлять камень, за который государство платило ему по контракту $2^1/_2$ шиллинга всего по 6 пенсовъ за ярдъ. Общая экономія не менѣе чѣмъ въ 50,000 фр., которая при кооперативной системѣ была бы сохранена для государства, пошла цѣликомъ въ карманъ удачливаго подрядчика.

Эта гибкость контрактовъ при кооперативной системы выгодна для государства и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Такъ, оно можетъ регулировать работы, задерживая, или ускоряя ихъ по своему желанію, не подвергаясь за это никакимъ неустойкамъ и сверхсмѣтнымъ доплатамъ. Оно можетъ контролировать до мелочей качество доставляемой ему работы, поддерживать, не прибѣгая къ насилію, нужную дисциплину между рабочими и исправлять въ самомъ процессѣ работъ всѣ ошибки и упущенія, которыя могли быть сдѣланы при разработкѣ плановъ и составленіи смѣтъ.

Какъ уже было упомянуто, для заключенія контракта, рабочіе, хотя бы и принадлежащіе къ одной ассоціаціи, группируются въ мелкія группы, которыя и выполняютъ, независимо одна отъ другой, выпавшія на ихъ долю части общаго подряда. Каждая группа отвѣчаетъ только за себя и, пока длятся работы, знаетъ только свое дѣло. Забота о томъ, чтобы среди этихъ самостоятельныхъ группъ не было ни обиженнныхъ, ни привилегированныхъ, лежитъ всецѣло на администраціи предпріятія, которая при разбивкѣ подряда на секціи слѣдитъ за тѣмъ, чтобы онѣ вполнѣ соотвѣтствовали по количеству и качеству труда численному составу и профессіональнымъ свойствамъ контрактовыхъ группъ. Гдѣ работа легка, напримѣръ, при устройствѣ невысокой насыпи на ровномъ мѣстѣ,—въ одну секцію войдетъ миля или болѣе линіи; гдѣ работа трудна, напр., при выемкахъ въ скалистой почвѣ— тамъ такая же секція ограничивается нѣсколькими десятками саженей. Такой же пріемъ употребляется и при постройкѣ мостовъ, тунелей, зданій и т. п., вообще при всякомъ подрядѣ, который, прежде чѣмъ сдается, самымъ тщательнымъ образомъ расцѣнивается и расчленяется на эквивалентныя секціи.

Каждая группа имѣетъ своего „старосту“, который и является ея представителемъ передъ администраціей предпріятія. Съ нимъ она подписываетъ контрактъ, съ нимъ расплачивается и ведетъ всѣ свои сношенія. Эти старосты представляютъ собою первую

инстанцію административно-техническаго персонала. Надъ ними стоятъ правительственные кондуктора и инженеры, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы работы велись согласно установленнымъ планамъ, чтобы качество работы стояло на надлежащей высотѣ, чтобы не тратился даромъ матеріалъ и т. д. Они пользуются обыкновенно очень широкими правами, — хотя, конечно, и не столь широкими, какъ соотвѣтствующіе агенты частнаго подрядчика. Если работа данной группы не удовлетворяетъ ихъ своею напряженностью, или своимъ качествомъ, они могутъ потребовать привлеченія въ группу новыхъ рабочихъ силъ, перемѣны старосты, удаленія неспособныхъ членовъ группы и, въ крайнемъ случаѣ, даже уничтоженія контракта. Такими же, конечно, правами въ дѣлѣ реорганизаціи своей группы пользуются и ея члены.

Всѣ матеріалы и сколько нибудь сложныя и дорогія орудія труда доставляются рабочимъ администраціею. Рабочій день установленъ восьмичасовой, и сверхсрочная работа не допускается. Разъ въ мѣсяцъ происходитъ измѣреніе сдѣланной работы и расплата съ подрядными артелями, причемъ администрація не удерживаетъ въ видѣ залога ничего. Рабочіе набираются обыкновенно изъ мѣстныхъ жителей, которымъ—если они еще не организованы въ ассоціаціи—правительство предлагаетъ образовать кооперативныя группы для заключенія контрактовъ на такихъ-то и такихъ-то условіяхъ. Если претендентовъ больше, чѣмъ требуется, предпочитаются семейные и безработные; бросаютъ также жребій. Если ихъ недостаетъ, правительство прибѣгаетъ къ помощи центральнаго рабочаго бюро.

Въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ рабочіе почти совершенно самостоятельны. Административный контроль надъ ними, поскольку онъ имѣетъ мѣсто, носитъ, однако, патріархальный характеръ. Такъ, администрація настаиваетъ на томъ, чтобы рабочіе, оставившіе дома семьи, высылали бы имъ часть своего заработка. Рабочій, не исполняющій этой обязанности, при первомъ удобномъ случаѣ удаляется отъ работъ. Такое вмѣшательство администраціи въ личныя, такъ сказать, дѣла рабочихъ показалось бы совершенно неумѣстнымъ въ Европѣ, но въ Новой Зеландіи онъ никого не смущаетъ и не оскорбляетъ, такъ какъ здѣшніе рабочіе не успѣли еще выработать въ себѣ классоваго самолюбія своихъ европейскихъ товарищей. Впрочемъ, оно носитъ довольно безобидный, скромный характеръ и съ усиленіемъ организаціонной связи между рабочими постепенно выходитъ изъ моды.

Съ окончаніемъ предпріятія подрядныя рабочія артели распадаются, чтобы снова возникнуть — въ иныхъ комбинаціяхъ— гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Вмѣстѣ съ ними прекращаютъ обыкновенно свое существованіе и ихъ болѣе широкія коопераціи. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда такія коопераціи сохраняются и послѣ окончанія предпріятія, вызвавшаго ихъ къ жизни. Такіе

случаи пока рѣдки, но съ развитіемъ общественныхъ работъ и съ усиленіемъ въ нихъ элемента постоянства, они будутъ, конечно, становиться все болѣе частыми. А вмѣстѣ съ этимъ расширятся, конечно, и права рабочихъ, какъ подрядчиковъ, и между ихъ организаціями и государствомъ установится равновѣсіе, нарушаемое теперь часто въ пользу послѣдняго.

Мы позволяемъ себѣ дѣлать всѣ эти предположенія, потому что описываемая система, хотя она и возникла всего нѣсколько лѣтъ назадъ, повидимому вполнѣ прочно утвердилась въ хозяйственной политикѣ колоніальной администраціи, и ей суждено, въ ближайшемъ будущемъ распространиться и на хозяйство городское и земское. Результаты ея, по признанію всѣхъ свѣдущихъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительные. Государство получаетъ при ней именно то, что ему нужно, въ свое время и сравнительно дешево. Рабочіе имѣютъ высокій и постоянный заработокъ. Недоразумѣній и столкновеній почти не бываетъ. Недовольству нѣтъ мѣста, и нормальный ходъ производства ничѣмъ не нарушается. Испробованная вначалѣ при постройкѣ дорогъ, она оказалась вполнѣ примѣнимой въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ производительной дѣятельности. При ея помощи построены почти всѣ желѣзныя дороги колоніи; проводятся и поддерживаются шоссейныя и грунтовыя дороги; воздвигаются мосты, вокзалы, пріюты, школьныя зданія и казармы. Наконецъ, при ея же помощи обрабатываются принадлежащія государству земледѣльческія фермы. Число рабочихъ, занимаемыхъ такимъ образомъ, колеблется въ зависимости отъ разныхъ причинъ, но въ среднемъ государство употребляетъ круглый годъ 2—3,000 рабочихъ, заработокъ которыхъ опредѣляется правительственными отчетами въ 4—5,000,000 франковъ.

Подобная же во всѣхъ существенныхъ чертахъ система практикуется на государственныхъ работахъ въ Викторіи (Австралія). Начатая съ исключительною цѣлью доставить работу безработному населенію, большая часть котораго не принадлежала даже къ профессіональнымъ рабочимъ, она дала и здѣсь неожиданно хорошіе результаты и начала примѣняться болѣе или менѣе систематично при государственныхъ предпріятіяхъ. Съ ея помощью въ колоніи за два съ небольшимъ года было построено до 200 миль желѣзныхъ дорогъ, и сфера ея примѣненія все болѣе и болѣе расширяется. Описывать ее, однако, мы не будемъ, потому что она ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ системы Новозеландской.

Привившись такъ прочно у себя дома, австралійская система государственно-кооперативнаго производства успѣла уже обратить на себя вниманіе и въ Европѣ, особенно въ Англіи. Цитированный въ началѣ нашей статьи „Докладъ Департамента Труда" посвящаетъ нѣсколько десятковъ страницъ ея подробному описанію и видитъ въ ней форму коопераціи, которая ближе всего подходитъ къ формѣ, рекомендуемой королевскою коммиссіею для Англіи. Совпадаетъ она и съ тенденціями хозяйственной самодѣятельности, которая, какъ мы показали выше, все сильнѣе про-

является въ англійской муниципальной и земской жизни. Можно, поэтому, ожидать, что она будетъ испробована и здѣсь, какъ государствомъ, такъ и муниципалитетами, въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ. Въ удовлетворительности результатовъ такого опыта можно не сомнѣваться, потому что въ Англіи имѣются въ наличности всѣ условія, необходимыя для успѣшнаго приложенія системы: извѣстная высота техническо-инженернаго искусства; привычка къ общему дѣйствію и умѣніе подчиняться дисциплинѣ среди рабочихъ и, наконецъ, достаточный персоналъ опытныхъ, честныхъ и тактичныхъ агентовъ, которые тѣмъ менѣе должны быть бюрократами, чѣмъ съ болѣе развитыми, сознательными и уважающими себя рабочими имъ приходится имѣть дѣло. Съ этой оговоркой, обусловливающей, конечно, и соотвѣтствующее приспособленіе австралійской системы къ условіямъ европейской экономической дѣйствительности и европейскихъ общественныхъ нравовъ (особенно въ смыслѣ расширенія компетенціи рабочихъ ассоціацій какъ при заключеніи контрактовъ, такъ и при выполненіи подрядовъ) можно смѣло предсказать, что австралійскій опытъ не пропадетъ даромъ и для Стараго Свѣта, что ближайшее будущее увидитъ его приложеннымъ и усовершенствованнымъ какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ.

Какая бы, впрочемъ, судьба не ожидала ту или иную специфическую форму кооперативнаго производства, оно само, несомнѣнно, переживаетъ „эпоху возрожденія“ и стоитъ на порогѣ новой, блестящей карьеры. Все вышеприведенное служитъ яснымъ доказательствомъ, что оно не только реабилитируется въ теоріи, но и проявляетъ признаки замѣчательной жизнеспособности на практикѣ. Оно снова расцвѣтаетъ тамъ, гдѣ когда-то цвѣло и завяло; возникаетъ тамъ, гдѣ его никогда раньше не было; растетъ въ ширь и въ глубь, привлекаетъ къ себѣ сочувственный интересъ въ обществѣ, дѣятельную поддержку въ государствѣ, популярность и довѣріе въ рабочихъ слояхъ. Въ немъ снова начинаютъ видѣть не только палліативъ, имѣющій значеніе для немногочисленныхъ привилегированныхъ группъ рабочаго населенія и обращающій ихъ въ „мелкую буржуазію“, а важный этапъ на пути соціальной эволюціи. Особенно важнымъ знаменіемъ времени представляется намъ то обстоятельство, что такой взглядъ начинаютъ въ большей или меньшей степени раздѣлять многіе представители того направленія, которое ранѣе относилось къ производительнымъ ассоціаціямъ вполнѣ отрицательно. Мы могли бы привести здѣсь много доказательствъ этой перемѣны, но ограничимся лишь выдержками изъ статьи извѣстнаго вождя бельгійской рабочей партіи, Вандервельде. „По мѣрѣ того,—говоритъ онъ въ этой статьѣ,—какъ рабочій классъ становится благоразумнѣе, его организація—совершеннѣе, его политическая дѣятельность—продуктивнѣе, онъ все яснѣе начинаетъ понимать, что улучшеніе его матеріальнаго и моральнаго положенія возможно теперь же, въ рамкахъ существующаго общества“. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ такого улучшенія представляется автору кооперація. „Еще недавно ее считали жалкимъ палліативомъ, безсильнымъ бороться съ капиталистическимъ производствомъ... Весьма вѣро-

ятно, что такая борьба трудна — если не невозможна — въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыми крупная промышленность завладѣла окончательно и вполнѣ. Но изъ этого ничуть не слѣдуетъ, что она невозможна въ другихъ отрасляхъ—напр., въ земледѣліи и въ земледѣльческихъ промыслахъ... Напротивъ, тутъ въ наше время замѣчается тенденція совершенно обратная капиталистической концентраціи... Тутъ вполнѣ возможна и умѣстна концентрація кооперативная... Такая концентрація и имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности... Во всѣхъ странахъ и во всѣхъ такихъ (не захваченныхъ вполнѣ крупной промышленностью) отрасляхъ производства кооперативное производство дѣлаетъ въ послѣднее время замѣчательные успѣхи, и было-бы непростительной ошибкой игнорировать его, какъ существенный факторъ соціальной эволюціи. Въ Бельгіи, напр., число земледѣльческихъ ассоціацій увеличивается, какъ показываетъ слѣдующая таблица (за 1896 годъ), съ поразительной быстротой:

	Число обществъ.	Число членовъ.
Земледѣльческіе совѣты	150	23,735
Земледѣльческія общества	189	7,108
Общества садоводства и огородничества	136	18,461
Земледѣльческіе синдикаты . . .	469	38,487

То же движеніе замѣчается въ Бельгіи въ области молочнаго производства, гдѣ мелкіе производители, организованные въ 118 ассоціацій съ 10,000 членовъ не сегодня, завтра сольются въ одинъ обще-бельгійскій молочный *trust*... То же замѣчается и въ другихъ подобныхъ отрасляхъ производства“...

Все это пишетъ не какой-нибудь „мелко-буржуазный идеологъ“, а одинъ изъ авторитетнѣйшихъ представителей западно-европейскаго марксизма въ одномъ изъ партійныхъ органовъ. Нужно-ли еще доказывать, что поворотъ, на который мы выше указали, не выдуманъ нами, а дѣйствительно совершается. Этотъ сознательный поворотъ идетъ навстрѣчу инстинктивному теченію въ томъ-же направленіи среди рабочихъ и, санкціонируя его, такимъ образомъ, толкаетъ ихъ на новый путь уже не отрицательнаго только, а положительнаго соціально-экономическаго классоваго строительства. На этомъ пути они встрѣчаютъ поддержку государства и дѣятельное сочуствіе просвѣщенныхъ общественныхъ слоевъ. Такимъ образомъ, всѣ элементы успѣха оказываются на лицо, и обновленное кооперативно-производительное движеніе начинаетъ свою новую карьеру при самыхъ, повидимому, благопріятныхъ условіяхъ. Въ какую-бы преобладающую форму оно ни вылилось, ему суждено, очевидно, сыграть не послѣднюю роль въ дѣлѣ не только частичнаго ослабленія современныхъ соціально-экономическихъ золъ, но и ихъ полнаго устраненія...

И. К—въ.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(Изъ записокъ земскаго статистика).

I.

Изъ за процентовъ.

— Что вы тамъ такъ долго дѣлали?—спросилъ я возницу, когда онъ, послѣ неимовѣрно продолжительнаго отсутствія, возвратился изъ усадьбы, куда я посылалъ его съ визитною карточкою.

— А что-же мнѣ дѣлать, когда не принимаютъ,—мрачно отвѣтилъ онъ, возвращая мнѣ карточку.

— Какъ не принимаютъ?

— Да такъ, оченно просто, не принимаютъ, да и только.

— Господъ дома нѣтъ, что-ли?

— Не сказываетъ.

— Кто?

— Да кто ее вѣдаетъ—не то кухарка, не то дѣвка. Я, значитъ, зашелъ въ кухню и сказываю: вотъ тебѣ квитокъ—передай его господамъ, да скажи, что членъ, молъ, на улицѣ дожидается. Ну, ладно, взяла она и пошла. Ужъ я ждалъ, ждалъ, даже сонъ нашелъ. Приходитъ она потомъ и сказываетъ: „нá тебѣ возвратно квитокъ и скажи, что не надо".

— Чего „не надо"?

— Это ужъ мнѣ не извѣстно.

— Да вѣдь вы сколько разъ ходили съ этими „квитками" и знаете, что на немъ написано, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ,—какъ-же вы не объяснили? Должно быть, вы что нибудь напутали.

— Лопни мои глаза,—ничего больше не сказывалъ, а все, значитъ, какъ по другимъ господамъ.

— Но какъ-же кухарка эта или „дѣвка" отвѣтила: „не надо"?

— Должно, она съ дуринкою.

— Но почему-же вы не спросили, дома господа или нѣтъ?

— Я спрашивалъ.

— А она что?

— Все свое: „не надо“ и шабашъ!

— Ну, я самъ пойду.

— Идите, ваше вскородіе, это вѣрнѣе будетъ.

— А собакъ нѣтъ?

— Не замѣтилъ.

И я черезъ обширный дворъ усадьбы направился къ парадному входу. Черезъ отворенныя двери прохожу въ переднюю и, не отыскавъ звонка, проникаю черезъ слѣдующую дверь въ прихожую, и только что кашлянулъ, чтобы заявить о своемъ присутствіи, какъ изъ сосѣдней комнаты появилась цѣлая стая разнообразныхъ породъ и возрастовъ псовъ и, свирѣпо ворча, стала меня обнюхивать. Я, какъ говорится, обмеръ на мѣстѣ и совершенно инстинктивно сѣлъ на кончикъ дивана, превратившись въ статую; псы мало-по-малу улеглись вокругъ, не сводя съ меня глазъ и ворча при малѣйшемъ движеніи. „Что дѣлать“? думаю я. И послѣ долгихъ размышленій рѣшаюсь незамѣтно положить сначала одну, потомъ другую ногу на диванъ, стать внезапно на немъ, заставить псовъ залаять, отбиваясь, въ случаѣ нападенія, ногами и, такимъ образомъ, привлечь вниманіе обитателей странной усадьбы. Первая половина моего плана удалась блестяще: безъ всякихъ печальныхъ инцидентовъ, не возбудивъ подозрѣнія враговъ, я поднялъ одну за другою ноги на диванъ, сталъ на немъ во весь ростъ, послѣ чего послѣдовалъ взрывъ необыкновеннаго лая, причемъ двѣ самыя маленькія собаченки взобрались на диванъ и заставили меня довольно усердно работать сапогами по ихъ мордамъ. Вторая половина плана также исполнилась, но начало ея сопровождалось не совсѣмъ веселыми картинами. Именно въ дверяхъ показалась ни то немолодая дама, ни то старая дѣва съ физіономіею, не имѣющею ничего общаго съ красотою. Худая, желтая, курносая и съ выпученными глазами, она, изобразивъ ужасъ на своемъ лицѣ, крикнула: „что теб... вамъ угодно“?

— Прошу васъ, сударыня, освободить меня отъ вашихъ собакъ, и тогда выяснится это печальное недоразумѣніе,—отвѣтилъ я, стараясь улыбаться и тѣмъ сдѣлать физіономію по возможности внушающею довѣріе.

— Собакъ я усмирять не буду: они на то и существуютъ, чтобы охранять хозяевъ отъ разныхъ негод... неизвѣстныхъ субъектовъ...

— Позвольте, сударыня, но я присылалъ свою визитную карточку, на которой изображено, кто я...

— Но вамъ было отказано...

— Я ничего не понялъ изъ объясненій своего возницы... Я глубоко убѣжденъ, что, выслушавъ меня, вы убѣдитесь...

— Я пойду сейчасъ и позову своего мужа, а лично не желаю бесѣдовать съ подобнаго рода субъектами...

— Буду очень радъ познакомиться съ вашимъ почтеннымъ супругомъ...

Но дама, не давъ мнѣ закончить фразу, хлопнула дверью и удалилась, не улучшивъ моего положенія, такъ какъ церберы, замѣтивъ со свойственною имъ проницательностью неудовольствіе хозяйки, еще пуще принялись за меня.

Промежутокъ между удаленіемъ мегеры, какою мнѣ показалась дама, и вторичнымъ ея появленіемъ показался мнѣ вѣчностью. Предъ вторымъ появленіемъ, послышались сначала въ сосѣдней комнатѣ грузные шаги, потомъ энергичный шопотъ, а затѣмъ только показалась хозяйка и опять въ единственномъ числѣ.

— Вы не повѣренный Срубина?—спросила она.

— Кто это Срубинъ?

— Купецъ.

— Не имѣю о немъ ни малѣйшаго представленья...

— И не изъ банка?

— Къ банкамъ не имѣю ни малѣйшаго отношенія.

— Но отъ кого же вы?

— Отъ земства, сударыня! Соблаговолите принять отъ меня карточку и вы увидите...

— Я ничего не поняла, кромѣ того, что вы собираетесь что-то оцѣнивать, описывать, но это, наконецъ, возмутительно!

— Успокойтесь, сударыня! Вы ошибаетесь, принимая меня за лицо, желающее причинять вамъ какія-либо непріятности... Будьте любезны, возьмите карточку, и я глубоко убѣжденъ, что почтенный супругъ вашъ сейчасъ же пойметъ, въ чемъ дѣло...

Въ это время дверь, откуда входила дама, отворилась и въ ней показался коренастый приземистый субъектъ, лѣтъ за 50, съ красною лунообразною физіономіей, въ гусарской совершенно полинялой курточкѣ и красныхъ выцвѣтшихъ штанахъ. Въ первый моментъ видъ его былъ грозенъ, на тотчасъ-же, взглянувъ на меня, онъ разразился самымъ веселымъ смѣхомъ и, крикнувъ на собакъ: „во-онъ“! подошелъ ко мнѣ и подалъ руку.

— Очень радъ, что, наконецъ, разсѣялось недоразумѣніе,— радостно заговорилъ я.

— Позвольте, пожалуйста, узнать, въ чемъ дѣло? Отъ кого вы?

— Отъ земства, изъ Z.

— Не тамъ ли служитъ Иванъ Ивановичъ?

— Именно, именно—онъ членъ управы.

— Да вѣдь это мой хорошій знакомый!—И обратясь къ женѣ хозяинъ прибавилъ:—ты вѣдь знаешь Ивана Ивановича?

— Это какого?—спросила она, все еще съ мрачнымъ и недовѣрчивымъ видомъ.

— Зять Анны Даниловны.

— А-а! Такъ вы отъ него?

— Именно, именно, отъ Ивана Ивановича,—торопился я вселить довѣріе, откладывая подробное объясненіе до болѣе благопріятнаго времени.

— Ну, извините, пожалуйста,—отвѣтила болѣе благосклонно дама, протягивая костлявую руку и искривляя ротъ въ принужденную улыбку.

— Пожалуйте! — произнесъ гусаръ, направляясь въ ту дверь, откуда появились онъ и жена.

Комната, въ которую мы вошли, была столовая, судя по большому столу, на которомъ стоялъ еще самоваръ и виднѣлись недопитые стаканы.

— Неугодно-ли чаю?—предложила дама.

— Да ты прямо наливай,—отвѣтилъ за меня гусаръ,—человѣкъ съ дороги... Налей также и мнѣ свѣжаго чаю, и себѣ... Экое недоразумѣніе... Ну, разсказывайте, чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ?

И я началъ подробнѣйшимъ образомъ не только излагать свою миссію, но и знакомить хозяевъ съ земствомъ. Оказалось, что ни гусаръ, ни его супруга о послѣднемъ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія. Они знаютъ только, что въ губерніи „по земству“ служитъ Иванъ Ивановичъ, зять Анны Даниловны, а въ уѣздномъ городѣ N тоже „по земству“ служитъ Василій Васильевичъ, племянникъ Петра Федоровича. Въ выборахъ гусаръ никогда не участвовалъ, хотя его и „приглашали“, потому что считаетъ это „пустымъ занятіемъ“, а еще болѣе потому, что дороги разъѣзды и жительство въ городахъ. Какова функція земства, зачѣмъ оно и почему—ни гусаръ, ни супруга не вѣдали. Знали, впрочемъ, что „оно“, какъ и всѣ учрежденія, „деретъ съ насъ шкуры: житья нѣтъ отъ налоговъ“.

На эту тему рѣчь полилась рѣкою, особенно, когда на столѣ появился изрядный графинъ водки, четверть наливки и закуска, состоящая изъ ветчины домашняго приготовленія, холодной индѣйки, начиненной рисомъ и яйцами, яицъ въ крутую и свѣжаго масла. Изрядно выпивъ, гусаръ совершенно разоткровенничался. Въ общемъ, оказался онъ человѣкомъ недалекимъ, малообразованнымъ, но добродушнымъ. Выслуживъ небольшую пенсію, онъ бросилъ службу и поселился въ деревнѣ, чтобы исключительно заняться хозяйствомъ, доходами

съ котораго могло бы существовать семейство и воспитываться дѣти. Когда онъ осѣлъ въ усадьбѣ, „живой инвентарь“ его, какъ онъ выражался, состоялъ изъ него самого, жены и пятерыхъ дѣтей: два сына и три дочери. Все это должно было ѣсть, пить и воспитываться на пенсію и доходъ съ 300 десятинъ.

Какъ нарочно, всѣмъ дѣтямъ приходится учиться въ одно время, вслѣдствіе чего за одно „правоученіе“ приходится платить около 500 рублей, да квартира и содержаніе каждаго въ губерніи обходится minimum по 300 руб., а всего 1500 руб. Приложивъ же 500 руб. за „правоученіе“, получается 2000 руб. на однихъ дѣтей. Сюда не входятъ еще расходы на учебники и одежду. Такія обстоятельства заставили гусара не только заложить свое имѣніе въ банкъ, но и надѣлать частныхъ долговъ въ такомъ количествѣ, что проценты поглощаютъ весь почти доходъ.

— Что-же прикажете дѣлать?!—кричалъ хозяинъ:—Плати, если бралъ!—скажете вы. И я совершенно согласенъ - съ. Но, позвольте-съ: а дѣти? Что вы на это скажете?

Въ это время раздался лай собакъ, гусаръ испуганно взглянулъ на окно, а вышедшая супруга, сдѣлавъ какой-то знакъ мужу, сказала: „пройдитесь въ садъ“...

Не отвѣтивъ на слова жены, хозяинъ направился къ двери, спѣшно сказавъ мнѣ: „пройдемтесь“!

Черезъ небольшую комнатку мы вышли на балконъ, и гусаръ, спустившись съ лѣстницы, быстро зашагалъ по оголенной еще аллеѣ, а я за нимъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

Только въ крытой бесѣдкѣ, расположенной въ густой чащѣ сирени, выяснилась причина страннаго для меня явленія.

— И такъ, знаете-ли, вотъ уже четвертый годъ, — почти шопотомъ заговорилъ, онъ, когда мы усѣлись на скамейку возлѣ стола.

— Что? Я собственно не понимаю...

— Ахъ—да. Вѣдь мы и васъ за кредитора приняли, благодаря чему и случилась эта непріятность. Вотъ теперь собаки залаяли. Кто-то явился. Понимаете? Быть можетъ, кредиторъ.

— Ахъ, вотъ что!

— Да, пренепріятная вещь! У меня, видите ли, запасецъ хлѣба остался: ждалъ я, чтобы весною продать, когда цѣны повыше. Ну-съ, мерзавцы пронюхали это и съ осени не даютъ мнѣ покоя. Но если я продамъ и деньги, понимаете, отдамъ имъ—придется дѣтей взять изъ учебныхъ заведеній! Вотъ, знаете ли, какъ тать, и скрываюсь, а жена, бѣдная, объясняется. Извѣстно—мать, ей горько подумать даже, что дѣти будутъ необразованными. Вы не повѣрите, что въ эти четыре года жена сдѣлалась неузнаваемой, благодаря всѣмъ этимъ

непріятностямъ и переговорамъ съ кредиторами. А иначе, невозможно-съ, потому что, если меня увидятъ, — бѣда! Она, вотъ, и выдумываетъ: „уѣхалъ“, „уѣхалъ за деньгами“, „уѣхалъ продать хлѣбъ“ и т. д., смотря по человѣку. Боишься только, какъ бы вовсе имѣніе не продали, а потому все на банки больше вниманіе обращаешь, а ужъ съ другими кредиторами отбрехиваешься, заплативъ что нибудь разъ въ годъ.

— Но вѣдь это ужасно! Вы, слѣдовательно, никогда не чувствуете себя спокойно...

— Ни на одну минуту: иной разъ ночью съ постели схватываешься. Съ этою цѣлью мы и собакъ завели... Кто-то идетъ? — испуганно спросилъ онъ, заслышавъ шаги:—посмотрите, пожалуйста!

— Какая-то женщина, вѣроятно, прислуга,—отвѣтилъ я.

— Въ красной юбкѣ?

— Да.

— Это значитъ Татьяна: жена послала сообщить, кто пріѣхалъ.

Дѣйствительно, это оказалась Татьяна, сообщившая, что собаки залаяли на моего возницу, долго ждавшаго за воротами и, наконецъ, рѣшившаго въѣхать во дворъ. Насъ опять приглашали въ домъ.

Извѣстіе это было тѣмъ болѣе пріятно, что въ саду было еще совершенно сыро и грязно, а мы отправились безъ калошъ и шапокъ.

На радостяхъ, что тревога оказалась напрасною, хозяинъ налилъ еще по стакану сливянки и, чокнувшись, сталъ упрашивать выпить „по послѣднему“, а я, воспользовавшись случаемъ, хотѣлъ, было, приступить къ исполненію своей миссіи. Это оказалось не легко, когда я познакомилъ гусара въ общихъ чертахъ съ частновладѣльческою программою: онъ наотрѣзъ отказался давать какія либо свѣдѣнія.

— По чистой совѣсти скажу вамъ,—заявилъ онъ,—что брехать не хочется, а правды сказать не могу.

— Почему?

— Почему?—переспросилъ онъ и, оглянувшись по сторонамъ, прибавилъ:—да вотъ—благо свидѣтелей нѣтъ—хотя бы потому, что на планѣ у меня числится 220 десятинъ, а въ дѣйствительности 300.

— Ну-съ?

— Если я сообщу объ этомъ, то, въ случаѣ продажи, окажусь нищимъ, а теперь, въ случаѣ чего, только и могутъ 220 дес. продать.

— Но невозможно-же, чтобы никто не зналъ о 80 десятинахъ—вѣдь вы за нихъ платите?

— Между нами говоря, не плачу ни копѣйки и никому.

— Но какъ-же вы докажете, что онѣ ваши?

— Фактически владѣю болѣе 10 лѣтъ, чему есть свидѣтели, а также имѣю дарственное письмо отъ покойной матери.

— Конечно, я не имѣю права требовать отъ васъ свѣдѣній, но долженъ замѣтить, что не мало владѣльцевъ находится въ вашемъ положеніи, однако весьма рѣдки случаи отказовъ.

— И вы вѣрите ихъ показаніямъ?

— Нѣтъ основаній не вѣрить.

— А я готовъ поклясться на икону, что изъ ста одинъ, быть можетъ, скажетъ правду, а остальные брешутъ во всю...

— Позвольте, но они подтверждаютъ свои показанія документами.

— И я тоже могъ бы подтвердить документами! Ну, вотъ, у меня есть планъ на 220 десятинъ, я бы сказалъ, что у меня только эти 220 и есть, и подтвердилъ бы, а на самомъ дѣлѣ брехня...

— Вы слишкомъ ужъ мрачно смотрите на вещи: несомнѣнно многіе сознаютъ неравномѣрность обложенія и предпочитаютъ общественные интересы своимъ личнымъ.

— Ха, ха, ха-а! Нѣтъ, батенька, своя рубашка ближе къ тѣлу! Объ общественныхъ интересахъ говорится, когда излишки имѣются, а если концовъ съ концами не сведешь, тутъ разсуждать нечего! Вы у меня вычислите урожаи, цѣны на хлѣбъ, а кредиторы узнаютъ и сейчасъ—давай! Нѣтъ ужъ, вы меня извините!

Супруга, нужно думать, всетаки недовѣрявшая мнѣ и подслушивавшая подъ дверями, внезапно появилась и вмѣшалась въ разговоръ.

— О чемъ вы здѣсь такъ горячо говорите?—спросила она, бросивъ на меня довольно суровый взглядъ.

— По своимъ дѣламъ,—неопредѣленно отвѣтилъ мужъ.

— Что-же это—тайна? Ты такой довѣрчивый къ людямъ, что всегда душа на распашку.

— Сударыня,—говорю я,—но вѣдь я ничего не скрываю, никакихъ подвоховъ вамъ не устраиваю, ни на чемъ не настаиваю, а только выясняю свою обязанность.

— Да, всѣ такъ выясняютъ свои обязанности, всѣ чиновники такъ говорятъ, а тамъ смотришь: или налогъ новый, или опись имущества, или излишнія требованія...

— Но какъ-же, помилуйте, обойтись безъ налоговъ? Всѣ платятъ, все населеніе, въ томъ числѣ крестьяне, положеніе которыхъ несравненно хуже.

— Это вы очень ошибаетесь: крестьянину во много разъ лучше живется, чѣмъ дворянину,—загорячилась дама:—ему ничего не надо: ни дѣтей воспитывать, ни гостей принимать,

никто про него ничего не скажетъ; обработалъ себѣ землю, снялъ хлѣбъ—и кончено.

— Но почему же вы думаете, — робко возразилъ я, — что крестьянину нежелательно точно также и дѣтей воспитывать, и имѣть удовольствія...—быть можетъ, если бы у него были средства.

— Еще чего не доставало!—отрѣзала дама, не давши договорить.

— Ну, довольно объ этомъ,—вмѣшался хозяинъ, замѣтивъ, что супруга его раздражается:—давай-ка лучше обѣдать...

— Слѣдовательно, вы отказываетесь дать мнѣ свѣдѣнія о вашемъ владѣніи и хозяйствѣ?

— Да-съ, ужъ вы меня извините,—отвѣтилъ гусаръ:—ей Богу не могу! Годика черезъ 2 — 3, когда дѣти окончатъ, съ дѣлами немножко поуправляюсь, тогда милости просимъ, а теперь все разсказать—зарѣзъ, прямо зарѣзъ!

— Не знаю, почему ты назначаешь черезъ 2 — 3 года: а выдавать замужъ дочерей—этого не надо?

— Ахъ, да — я и забылъ! Дѣйствительно, придется попозже...

— Больше я къ вамъ не пріѣду, — отвѣтилъ я,—такъ что вы можете быть совершенно спокойны.

— Нѣтъ, мы будемъ очень рады,—сказала хозяйка, успокоенная моимъ отвѣтомъ,—какъ гость, пожалуйте...

Она взглянула на часы, показывавшіе $12^1/_2$, и прибавивъ: „пора обѣдать“, вышла изъ комнаты.

Вслѣдъ за ней появилась грязная, жирная, немытая и нечесаная баба и стала приготовлять столъ, убравъ предварительно чайную посуду.

Скоро начался обѣдъ, и не успѣли мы съѣсть первое блюдо, какъ раздался опять сильный лай собакъ.

Гусаръ, взглянувъ на жену, немедленно всталъ со стула и быстро удалился, не снявъ даже салфетки, которою завѣсилъ грудь. На этотъ разъ тревога хозяевъ была не напрасна: въ столовой появился сладенькій старичокъ, при видѣ котораго хозяйка замѣтно и сильно смутилась.

— Здравствуйте, Елизавета Сергѣевна,—сказалъ онъ какимъ-то пискливымъ голосомъ.

— Мое почтеніе, Григорій Семеновичъ, давно не видались..

— Да, давненько... А гдѣ же Илларіонъ Николаевичъ?— спросилъ онъ, подозрительно взглянувъ на пустой стулъ, передъ которымъ на столѣ стояла тарелка недоѣденнаго супа.

— Да, представьте, какой случай. Только что стали мы обѣдать, какъ прискакалъ нарочный отъ Татьяны Петровны съ увѣдомленіемъ, что пріѣхалъ на одинъ день Яковъ Трифо-

новичъ, который съ вечернимъ же поѣздомъ уѣзжаетъ. А Яковъ Трифоновичъ долженъ мужу...

— Это родственникъ, кажется, Илларіона Николаевича?

— Да, да: двоюродной сестры сынъ, адвокатъ.

— Такъ, такъ... И много долженъ?

— Не знаю хорошенько, но, кажется, тысячъ пять... Бѣда съ этими должниками! Вотъ изъ-за нихъ и краснѣй передъ добрыми людьми... Занялъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ отсрочилъ, а намъ деньги были нужны—мы также заняли на срокъ, а вотъ теперь...

— Да, да... Я вотъ тоже по этому дѣльцу: совершенно, знаете-ли, не могу уже ждать...

— Повремените немножечко, Григорій Семеновичъ...

— Совершенно не могу-съ, и радъ бы, но окончательно не могу.

— Но позвольте, что намъ дѣлать? Я знаю, вы хотѣли забрать хлѣбъ, но помилосердствуйте: подождите недѣлю, другую, когда онъ войдетъ въ настоящую цѣну.

— Нѣтъ-съ, Елизавета Сергѣевна, у меня, знаете-ли, другая комбинація... За хлѣбомъ не услѣдишь—дороже потомъ станетъ, по правдѣ вамъ сказать, а вотъ у васъ земелька лишняя оказывается...

— Какая земелька?!—воскликнула Елизавета Сергѣевна, и смертельная блѣдность покрыла ее лицо.

— Да, вѣдь я, Елизавета Сергѣевна, хорошо знаю ваши плановыя границы... Въ субботу ѣду: подъ овесъ пашутъ за Криницкимъ вершкомъ.—Чью, спрашиваю, землю пашете?—Лаптевскую, отвѣчаютъ,—Илларіонъ Николаевича?—Его, говорятъ.—Давно это его земля?—Давно, отвѣчаютъ. Потомъ то же самое сказалъ мнѣ и сосѣдъ вашъ, Антонъ Петровичъ, а въ банкѣ она не заложена—я узналъ объ этомъ.

— Я, знаете ли, ничего въ этомъ не понимаю... Пріѣдетъ мужъ, вы съ нимъ и поговорите...

— Да вотъ я съ тѣмъ и пріѣхалъ... Ужъ вы позвольте подождать...

— Сдѣлайте одолженіе... Неугодно-ли пообѣдать?

— Нѣтъ, благодарю, я уже давно пообѣдалъ, я встаю до солнца, такъ къ одинадцати часамъ уже, какъ волкъ, голоденъ...

— Не знаю только, скоро ли онъ пріѣдетъ.

— Ничего, все равно уже заразъ...

— Конечно.

При этомъ разговорѣ я чувствовалъ себя какъ на иголкахъ и, чтобы скрыть смущеніе, усердно лѣпилъ шарики изъ хлѣба и старался не смотрѣть на собесѣдниковъ. Мнѣ и жаль было хозяйку, и въ то же время я удивлялся ея находчивости, выработанной, несомнѣнно, долговременной практикой.

Явилась кухарка, еще болѣе усложнивъ дѣло. Она спросила: „подавать жаркое“?

— Подавайте, конечно,—растерянно отвѣтила Елизавета Сергѣевна.

— А баринъ?

— Да онъ, должно быть, не скоро пріѣдетъ.

— Они въ садъ ушли.

— Въ какой садъ—онъ уѣхалъ!

— Я видѣла, какъ въ садъ прошли.

— Да что ты городишь—я пойду узнать.—И съ этими словами Елизавета Сергѣевна скрылась, а старикъ язвительно улыбнулся и взглянулъ на меня.

— Ахъ, до какой степени глупа прислуга! — сказала, возвратившись Елизавета Сергѣевна:—мужъ, дѣйствительно, прошелъ черезъ садъ на скотный дворъ, откуда и уѣхалъ...

— Да, мужички еще ужасно глупы,—отвѣтилъ Григорій Семеновичъ.

Затѣмъ онъ вынулъ табакерку, понюхалъ табаку, чихнулъ и вытеръ носъ краснымъ платкомъ.

— Будьте здоровы!—сказала Елизавета Сергѣевна.

— Благодаримъ покорно,—отвѣтилъ гость. Далѣе наступило болѣе чѣмъ неловкое молчаніе, продолжавшееся въ теченіе всего обѣда, послѣ котораго я тотчасъ распрощался съ хозяйкою и уѣхалъ. Когда мы выѣхали за предѣлы усадьбы, возница, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Ну и исторія!

— А что?

— Да баринъ сейчасъ выскочилъ изъ сада безъ шапки, сѣлъ безъ сѣдла на коня и-и залопоталъ въ поле!

Я зналъ причину этой исторіи, но, конечно, ничего не отвѣтилъ возницѣ. Онъ, впрочемъ, и не ждалъ объясненія. Вытянувъ лошадь кнутомъ, онъ философски вздохнулъ и произнесъ:—Ну, и жизнь...

II.

Въ 20-ти верстахъ отъ цивилизаціи.

Однажды осеннею порою, когда я, сидя въ кабинетѣ, пилъ утренній кофе и читалъ газету, явился разсыльный и принесъ отъ товарища телеграмму, въ которой сообщалась пренепріятная вещь: какими-то судьбами одна деревня, состоявшая изъ трехъ общинъ, осталась необслѣдованною, причемъ студентъ, въ районѣ котораго находилась названная деревня,

уѣхалъ въ Москву. Въ виду этого, мнѣ предлагали закончить недодѣланное.

Только два дня назадъ передъ тѣмъ возвратился я изъ экскурсіи, безъ перерыва продолжавшейся пять недѣль, а потому извѣстіе произвело на меня впечатлѣніе далеко не изъ пріятныхъ. Но что подѣлаешь? Медлить не приходилось. До ближайшаго экстреннаго поѣзда оставалось всего $1^3/_4$ ч., но я рѣшилъ ѣхать именно въ немъ, и, благодаря услугамъ телефона, телеграфа и извозчиковъ, успѣлъ съ кѣмъ слѣдовало переговорить, дать нужную телеграмму и послѣ второго звонка сѣсть въ вагонъ. Черезъ двѣ минуты послѣ этого я уже мчался въ быстромъ поѣздѣ, а черезъ $1^1/_4$ ч. былъ на той станціи, отъ которой слѣдовало ѣхать въ деревню. При этомъ, въ цѣляхъ дальнѣйшаго изложенія, долженъ прибавить, что въ вагонѣ я встрѣтилъ хорошую свою знакомую, молодую симпатичную дѣвушку, возвращавшуюся изъ Парижа, гдѣ она училась, и въ веселой, интересной бесѣдѣ съ нею время прошло совершенно незамѣтно.

Поѣздъ, простоявъ одну минуту, улетѣлъ далѣе, а я одинъ остался на пустынной платформѣ. Вхожу внутрь станціи и тамъ застаю единственнаго сторожа, собирающагося куда-то уйти, такъ какъ до ближайшаго поѣзда оставалось около часа.

— Можно здѣсь достать лошадей?—обращаюсь къ нему съ вопросомъ.

— Не знаю, уѣхалъ ли Гаврила или нѣтъ... А вамъ далеко?

— До Z.

— О-о! Пожалуй, не повезетъ...

— Почему?

— Лошаденка плоха.

— А другихъ лошадей нѣтъ?

— Станція наша глухая, курьеръ останавливается на минуту, чтобы воды набрать, по дальности до другой остановки: къ нему и вовсе подводы не пріѣзжаютъ—пассажировъ изъ него нѣтъ, а если какой и слѣзетъ, ему своихъ лошадей высылаютъ.

— Вѣдь до Z не болѣе 20 верстъ,—почему вы думаете, что извозчикъ не довезетъ?

— Какой онъ „извозчикъ“,—онъ такъ себѣ, просто Гаврила и больше ничего, мужичонка, словомъ, а какія же у нихъ лошади—кошки дохлыя.

При этомъ сторожъ подошелъ къ окну и сказалъ:

— Онъ здѣсь на возу спитъ—поговорите съ нимъ.

Вмѣстѣ со сторожемъ я вышелъ на дворъ, въ концѣ котораго, у ограды стояла рыжая лошаденка и, мотая головою, подбрасывала ко рту вязанку сѣна, привѣшанную у нея на шеѣ, выхватывала зубами клоки изъ вязанки и жевала.

Приблизившись къ возу, мы увидѣли и Гаврилу, не его, собственно, а старый полушубокъ, подъ которымъ, укрывшись съ головою, спалъ Гаврила.

— Эй ты! вставай!—толкнувъ спящаго, крикнулъ сторожъ.

Гаврила высунулъ голову и вытаращилъ заспанные глаза, повидимому, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Вставай!—продолжалъ тормошить его сторожъ.

— А что?—наконецъ, спросилъ Гаврила.

— Да ты спать, что-ли, сюда пріѣхалъ?

— А развѣ курьерка прошла?

— Лови ее! Она, поди, ужъ подъ Москвою.

— Нну-у?

— То-то вотъ и „ну"... Бери-ка пассажира.

При этомъ словѣ Гаврила медленно, какъ медвѣдь изъ берлоги, приподнялся, зѣвнулъ во весь ротъ, снялъ шапку, сильно почесалъ голову и, взглянувъ затѣмъ на меня, спросилъ:

— А далеко?

— Въ Z.

— Ого-о?

— Повезете?

— Да чего не повезти...

— А гнѣдой-то твой дотащитъ?—иронизировалъ сторожъ.

— Ничего-о,—шажкомъ довезетъ...

— Много возьмете?

— Сколько пожалуете...

— Нѣтъ, вы ужъ сами назначьте...

— Грязь дюжо!... Три рублевочки съ полтинничкомъ надо бы...

— Дьяволъ!—вмѣшался сторожъ: — конь-то твой вмѣстѣ съ тобою того не стоитъ: не давайте, баринъ, больше рублевки.

— Ну, рублевка!—обижается Гаврила:—чтобы не торговаться—давайте двѣ рублевочки съ полтинникомъ.

Я не торгуюсь и, когда сторожъ принесъ чемоданъ, сажусь, и мы отправляемся въ путь.

Выѣзжаемъ въ поле. Черною лентою извивается узкая грязная дорога между оврагами, среди сжатыхъ полей и мрачныхъ паровъ, нигдѣ не видно ни растительности, ни селеній; вокругъ—тоскливая, мертвая тишина, нарушаемая лишь скрипомъ старой телѣги, да шлепаньемъ гнѣдой клячи, чуть-чуть двигающейся впередъ.

— Ваше степенство!—вдругъ неожиданно, проѣхавъ молча верстъ пять, заговорилъ Гаврила, погруженный, казалось, въ дремоту.

— Что?

— Да вишь, какое дѣло: членъ къ намъ пріѣзжалъ на счетъ, значитъ, приговоровъ.

— Ну?

— То-то вотъ я и говорю...

— Какой „членъ“?

— Земскій онъ, либо что...

— Ну?

— Что это?—къ лучшему, либо къ худшему?

— Чего-же онъ пріѣзжалъ?

— Да на счетъ приговоровъ...

— Какихъ?

— Чтобы, значитъ, училище строить...

— Ну?

— Я то-то, вишь, и спрашиваю: то-ли это къ лучшему, то-ли къ худшему?

— Конечно, къ лучшему: развѣ хорошо быть неграмотнымъ? Что-же вы приговоръ составили?

— Да дать-то мы его дали, потому, дѣйствительно, грамотному куды ловчѣе, а потомъ того, думка беретъ: къ худшему это, либо къ лучшему?

— Да почему-же къ худшему?

— Къ примѣру, то есть, на счетъ земли...

— Причемъ же тутъ земля?

— Вишь, дѣло какое, ваше степенство. Дали мы это приговоръ, крестовъ понаставили по безграмотству, да какъ членъ уѣхалъ, грѣшнымъ дѣломъ въ кабакъ пошли, чтобы, то есть, приговоръ запить. Ладно. Сидимъ это, балакаемъ, глядь, человѣчекъ приходитъ: попъ не попъ, чернецъ—не чернецъ, а такъ тоже съ гривою и въ брилѣ, а за спиною котомочки. Пришелъ это, перекрестился и сказываетъ: „миръ, говоритъ, вамъ, православные“. — Спасибо, говоримъ: откеда путь держишь?—Изъ Свинскаго *), сказываетъ, монастыря на Ахвонъ-гору. Хорошо. Потомъ того поднесли мы ему стаканчикъ, выпилъ онъ и спрашиваетъ: „пошто, говоритъ, собрались-али веселье какое“?—Веселье, сказываемъ мы, не веселье, а приговоръ на училище дали.—На училище? спрашиваетъ, а потомъ того головою-то замахалъ, вздохнулъ и перекрестился. „Что, думаемъ, за оказія?“ Поднесли еще стаканчикъ. Выпилъ.—Чего ты головой мотаешь? спрашиваемъ.—А того, говоритъ, что на Ахвонъ-гору басурманы напали съ языками многими и ежели, сказываетъ, Расея помощи не окажетъ, басурманъ съ языками ту Ахвонъ-гору возьметъ, надъ церквами надруганія сдѣлаетъ, а святителей и всѣхъ угодниковъ Божіихъ въ Кіянъ-море съ горы спуститъ. Вотъ, сказываетъ, куда денежки надо да-

*) Свѣнскій монастырь, Брянск. у., Орлов. губ.

вать, а училища, говоритъ,—смутьянство одно. Члены эти, сказываетъ, по всѣмъ мѣстамъ ѣздятъ и приговоры отбираютъ, а какъ отберутъ отъ всѣхъ, училищъ этихъ панастроютъ, грамотѣевъ въ нихъ понадѣлаютъ, да всѣхъ до-чиста возьмутъ по писарской части, чтобы, то есть, души считать, а потомъ того всю до-чиста землю поотберутъ, и крестьянству, значитъ, шаб-ба-ашъ... Вотъ таперича мы, ваше степенство, все и думаемъ...

— Конечно, чернецъ этотъ, или кто онъ тамъ такой, все вамъ навралъ.

— Набрехалъ, то есть?

— Да.

— Значитъ, землю отбирать не будутъ?

— Кто ее станетъ у васъ отбирать?...

— А можетъ статься, и надбавочка будетъ?

— Нѣтъ, и „надбавочки“ не будетъ.

— Не будетъ, говорите?...

И Гаврила задумался.

Не знаю, на какую тему заговорилъ бы онъ послѣ раздумья, если бы на сцену не явилось новое лицо: неподалеку отъ дороги показалась баба и стала махать клюкою. Гаврила не обратилъ на это ровно никакого вниманія и, глядя на старуху, продолжалъ путь.

— Эта женщина, должно быть, вамъ машетъ?

— Нѣ-е-тъ... Она съ дуринкою: бродитъ все такъ-то, да всѣхъ останавливаетъ...

— Зачѣмъ же она останавливаетъ?

— Да, вишь, у нее два сына были: одного-то въ солдаты взяли, а у другого она жила, покуда не женился, а какъ въ городѣ женился на городской дѣвкѣ, такъ безъ вѣсти и пропалъ; теперь баба-то эта разыскиваетъ перваго сына, наговорили ей, что, значитъ, письма есть такія: какъ пошлешь, что хочешь сказывай,—дойдетъ...

— Остановитесь!

— Тпрр...

Скоро баба нагнала насъ и стала быстро что-то говорить, но я ничего не понялъ и предложилъ ей сѣсть въ телѣгу и разсказать все обстоятельно. Долго не соглашалась она на мое приглашеніе, но, наконецъ, убѣдившись, что ей не грозитъ никакая опасность, помѣстилась рядомъ съ Гаврилою, иронически улыбавшимся по поводу моей, какъ онъ несомнѣнно думалъ, „затѣи“.

Когда мы тронулись въ путь, я приступилъ къ обстоятельному опросу.

— Зачѣмъ вы хотѣли насъ остановить?
— Чего ты, батюшка?
— Остановить вы насъ хотѣли?
— Да, батюшка, да-а...
— Зачѣмъ?
— Спросить, батюшка, спросить, родненькій. Дѣльце есть...
— Какое?
— Два сыночка у меня, батюшка, было... Ентотъ-то возьми, да въ городѣ и женись...
— Ну?
— Женился, да и ушелъ куда-то, безъ вѣсти пропалъ.
— Не знаетъ никто, гдѣ онъ?

Баба заплакала и затѣмъ уже сквозь слезы продолжала:

— Никто, батюшка, никто, родненькій... Сказывали, будто, въ Екатиринославѣ, но только неизвѣстно...
— А другой сынъ вашъ гдѣ?
— Да вотъ то-то, батюшка ты мой... Солдатикъ одинъ сказываетъ: ты, говоритъ, вѣсточку дай... Солдатикъ-то пьяный былъ, не сказалъ, какъ вѣсточку-то дать... А живу я на хуторахъ: ни одного грамотнаго тамъ нѣтъ... Пошла къ сельскому старостѣ... Онъ тоже неграмотный, да еще сказываетъ: „безъ тебя, вѣдьма, дѣловъ у меня много“... Прогналъ меня... Ахъ ты, головушка бѣдная!.. А до волости 10 верстъ, баринъ-батюшка: стара, ноги не донесутъ. Вотъ какъ-то выхожу на дорогу—купецъ ѣдетъ, кудель скупаетъ... Я къ купцу: купецъ-батюшка, какъ сыну вѣсточку подать?... Ты, говоритъ, бумаги купи, да, говоритъ, заверни ее, да что-то приклей... И на томъ спасибо... Вотъ надѣла я сумку и пошла, пошла, чтобы денегъ-отъ собрать... Хожу, хожу — все хлѣбъ даютъ, все хлѣбъ... Ахъ ты, головушка моя бѣдная!... Пошла я за три версты,— насилу дошла,—къ церкви—ну тамъ просить... Просила, просила по праздничкамъ—выпросила три копѣечки и пять грошиковъ... Пришла на хуторъ... Ждать—пождать, мужикъ нашъ въ городъ ѣдетъ... Я ему въ ноги: на тебѣ три копѣечки и пять грошиковъ—пошли ты изъ города сыну вѣсточку... Ждать—пождать, возвращается мужичокъ: „меньше, говоритъ, гривенника никакъ не можно“... Ахъ ты, головушка моя бѣдная! Опять пошла я собирать: съ Пасхи до Петрова дня ходила—еще собрала четыре копѣечки, да шесть грошиковъ...Ждать—пождать, опять одинъ тамъ въ городъ ѣдетъ... Я ему въ ноги: на тебѣ, пошли ты сыну вѣсточку изъ города... Пріѣзжаетъ мужичокъ: „на тебѣ, говоритъ, бумаги, мѣшокъ, куда бумагу ту спрятать, еще лоскуточекъ далъ си-и-нениныкій, ха-а-рррошенькій... Да еще, говоритъ, пятакъ надо, чтобы вѣсточку-отъ написать... Головушка ты моя бѣдная!... Баринъ-батюшка! Что-же, теперь дѣлать? Вотъ у меня все тутъ...

И, заливаясь горючими слезами, баба развязала узелъ, завязанный на концѣ большого, грязнаго, изорваннаго платка, которымъ обмотана была ея голова, и вытащила оттуда уже негодные, совершенно измятые листикъ почтовой бумаги и конвертъ, къ которому внутри плотно приклеилась марка съ оторваннымъ угломъ.

— Скажи мнѣ, батюшка, скажи мнѣ, родненькій, что-же мнѣ теперь дѣлать?

— Не плачьте, я напишу письмо, дамъ вѣсточку... Гдѣ же вашъ сынъ?

— На Капказѣ...

— А въ какомъ мѣстѣ? въ какомъ городѣ?

— Сказываютъ, у Рывань-городѣ.

— Въ Эривани?

— Въ Рывани.

— А въ полку какомъ?

— Не знаю.

— Ну, я какъ нибудь постараюсь узнать, какой тамъ полкъ стоитъ, а если два, то въ оба напишу на всякій случай... Теперь скажите вашу фамилію.

— Чего?

— Какъ фамилія сына вашего?

— Звать, то есть, какъ?

— Ну, какъ звать?

— Петръ.

— А по батюшкѣ?

— Отца Григорьемъ звали.

— А фамилія какъ?

— Не вдомекъ мнѣ, баринъ—батюшка!

— Фамилія, прозвище?

— Прозвище?

— Да.

— Да я жъ говорю—Петръ.

— Это имя вашего сына, мужа вашего звали Григоріемъ, сынъ, слѣдовательно, Петръ Григорьевичъ, а какъ фамилія, прозвище?

— Не вдомекъ мнѣ...

— Ддура!—вмѣшивается Гаврила: — тебя спрашиваютъ, какъ по уличному мужика твоего прозывали?

— По уличному? Да тоже Григорій.

— Можетъ быть, у васъ есть какая нибудь бумага, паспортъ, свидѣтельство?

— Только два сыночка и было...

— Ддурра!—опять вмѣшивается Гаврила:—у тебя бумагу спрашиваютъ...

— Да я же тебѣ бумагу давала...

Я увидѣлъ, что ничего съ бабою не подѣлаешь, и рѣшилъ снестись съ волостнымъ правленіемъ, для чего записалъ имя, отчество просительницы и ея мѣстожительство. Затѣмъ спутница моя, немного успокоенная, слѣзла съ воза и, не смотря на грязь, бухнулась на колѣни и сдѣлала мнѣ земной поклонъ. Я упросилъ ее встать, далъ рубль, и мы двинулись дальше, а баба, зашагавъ по полю, скоро скрылась изъ виду, спустившись въ оврагъ.

— Куда-же она теперь пошла?—спросилъ Гаврилу.

— Должно на хутора.

— А далеко до нихъ?

— Да, поди, верстъ пять, тутъ въ оврагахъ.

— Какъ она дойдетъ? Она чуть ноги волочитъ...

— У-у! она, дьяволъ, привычная.

— Вы ее знаете?

— Нѣтъ, хуторовъ мы тѣхъ не знаемъ, къ нимъ и дороги-то нѣтъ.

— Значитъ, часто на дорогѣ ее встрѣчали?

— Да третій, либо четвертый разъ.

— Все здѣсь-же?

— Нѣ..ѣтъ... Разъ штука-то какая произошла. Приказчика везу я (тутъ, верстъ за шестнадцать шоссе идетъ на губернію), везу это—глядь, эта самая баба стоитъ у столба этого... какъ его?

— Телеграфнаго?

— Во-во!.. Стоитъ, воетъ и что-то приговариваетъ. Остановились мы и спрашиваемъ: Что это ты, баба, тутъ робишь? А она сказываетъ: „съ сыномъ, говоритъ, съ солдатикомъ разговариваю“... Ахъ ты, братцы мои, — да какъ-же ты разговариваешь? А она говоритъ: „бабы сказывали, ежели къ столбамъ-то этимъ подойдешь и ухо приложишь и, ежели гудётъ, съ кѣмъ хочешь разговаривай — все услышитъ“ — ей Бо-о-гу!.. А вотъ и Z.,—неожиданно прибавилъ Гаврила, указывая на виднѣвшуюся деревню, разбросанную по пригорку.

Я взглянулъ на часы: было $2^1/_2$ по полудни. По моимъ разсчетамъ, часамъ къ 9-ти возможно было закончить описаніе деревни и къ ночному, шедшему въ $12^1/_2$ ч., поѣзду прибыть на станцію. Зная, съ какою медлительностью наряжаются подводы въ деревнѣ, я рѣшилъ и назадъ ѣхать съ тѣмъ же Гаврилою и обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ.

— Не пришлось бы вамъ, ваше степенство, здѣсь заночевать,—отвѣчалъ онъ.

— Почему?

— Надысь мужиченка съ нашей деревни сказывалъ, что нонѣ съ чугунки зна-ат-ныхъ господъ туды возилъ; какъ, говоритъ, пріѣхали, сейчасъ ведро поставили, и такое веселье пошло—Ббоже ммо-о-й! Мужичокъ пріѣхалъ здо-о-рово подвыпивши...

— Неужели такъ - таки всѣ пьяны?

— Какъ-же, ваше степенство, не пьяны, ежели, примѣрно, даромъ угощеніе: это хотя на кого...

— Да кто же эти знатные господа?

— Доподлинно сказать не могу, а только мужиченка сказывалъ, что, говоритъ, барыня вся шуршитъ, такъ и шуршитъ, вся, значитъ, въ шелкахъ, да въ лентахъ; а колецъ этихъ, говоритъ, ви-и-димо—невидим-о... А баринъ-то должно генералъ какой: весь, говоритъ, въ золотѣ, да въ серебрѣ; часы, говоритъ, при немъ въ ладонь, а цѣпь—по всей груди, отъ самой шеи, а на каждомъ, говоритъ, пальцѣ колецъ этихъ—Ббо-же мой!

— Откуда же они пріѣхали?

— Доподлинно не могу знать.

— А зачѣмъ они пріѣхали?

— Да, вишь, какое дѣло. Мужички вздумали дѣлежку, то есть, земли: владѣли-то они по ревизскимъ душамъ, а теперь давай, говорятъ, на живыхъ нарѣжемъ.

— Ну?

— Ну, а богатенькіе мужички, у которыхъ ревизскихъ душъ понабралось множество, а живыхъ малость, не хотятъ. Они-то, значитъ, повыписывали своихъ, чтобы, то есть, для приговора...

— Слѣдовательно, пріѣхавшіе здѣшніе же?

— Должно полагать, что такъ...

— Крестьяне?

— Куды тебѣ!

— Ну, помѣщики, что-ли?

— Не могу доподлинно сказать...

Что за исторія? думаю я: какіе такіе „знатные господа“? Какимъ образомъ, выдѣлившись изъ крестьянской среды, они не порвали съ нею связей? Не купцы ли они?.. Нужно думать, что нибудь да не такъ: деревня всегда преувеличиваетъ и перевираетъ событія... „весь въ золотѣ и серебрѣ“? Впервые встрѣчаюсь съ такимъ явленіемъ... Впрочемъ, сейчасъ все узнаю.

Въѣзжаю въ деревню. Въ ней по первому взгляду, дѣйствительно, что-то происходитъ: на улицѣ ни души — несомнѣнно, народъ собрался гдѣ-то въ одномъ мѣстѣ.

— Знаете, гдѣ живетъ староста?—спрашиваю Гаврилу.

— А вотъ,—отвѣчаетъ онъ, указывая кнутовищемъ на одну

изъ ближайшихъ избъ съ черною дощечкою надъ окномъ, на которой бѣлыми каракулями изображено: „сельскій староста“.

— Подъѣзжайте къ нему.

Вхожу въ избу и застаю тамъ трехъ старыхъ, сморщенныхъ, какъ печеныя картошки, бабъ.

По обыкновенію, онѣ до - смерти испугались внезапному посѣщенію, схватились со своихъ мѣстъ и стали кланяться.

— Гдѣ староста?—спрашиваю.

— Въ сборнѣ,—пугливо и еле слышно отвѣчаетъ одна изъ бабъ, поглядывая на своихъ товарокъ съ такимъ видомъ, какъ будто имъ вотъ - вотъ отрубятъ головы.

— Можно послать за нимъ?

— Мы сходимъ,—охотно соглашается Гаврила, вошедшій вслѣдъ за мною въ избу.

И Гаврила исчезаетъ, а я остаюсь съ бабами и, усѣвшись на скамейку, мирно закуриваю папиросу. Бабы также усѣлись на нарахъ за печкою и начали шушукаться.

— Я-жъ то-то и говорю, — начала одна изъ нихъ, несомнѣнно продолжая прерванную бесѣду:—такъ всю жизнь живешь, живешь, не допиваешь, не доѣдаешь, а вонъ поѣхала въ городъ—смотри-ка ты!

— Куды-ы тебѣ! енеральша, ей Богу енеральша!

— А ёнъ-то ёнъ! Батюшки ты мои! блещитъ, якъ крестъ на церкви!

— У - у!

Наступило молчаніе.

— Что-же это Гаврила не идетъ?—громко спросилъ я.

— Оттуда скоро не придетъ,—отвѣтила одна изъ бабъ:— какъ бы и ему стаканчикъ не поднесли...

— И поднесутъ,—подтвердила вторая.

— Непремѣнно поднесутъ,—соглашалась третья.

— Не сходить-ли мнѣ самому?

— Сходи, батюшка, сходи, такъ-то вѣрнѣе будетъ,—посовѣтовала первая.

— А далеко сборная?

— Въ концѣ на выгонѣ: какъ пойдешь, такъ все иди прямо, а какъ до конца дойдешь, тамъ влѣво и есть сборная, около Мишуткиной мельницы.

Получивъ эти свѣдѣнія, я простился съ бабами и отправился въ сборную избу.

На половинѣ дороги встрѣчаю сильно выпившаго Гаврилу и совершенно пьянаго старосту съ цѣпью на шеѣ. Крикъ ихъ доносился еще издалека и теперь оказалось, что споръ шелъ изъ-за меня: староста доказывалъ, что пріѣхавшіе господа выше меня по рангу, а Гаврила, наоборотъ, клялся, что я—„прямо изъ Петенбурга“.

Встрѣча со мною еще усилила препирательства.

— Ваше степенство!—жаловался Гаврила:—на силу вытащилъ старосту: мнѣ, говоритъ, наплевать на твоего господина, потому, говоритъ, какъ свой, то есть, енералъ прибылъ.

— И нна-а-плев-ва-ать!—не смущался моимъ присутствіемъ староста:—потому я завсегда къ сво-е-мму ен-не-еерра-ллу!..

— Угодишь ты, анафема, въ Сибирь!—кричалъ Гаврила.

Я уговорилъ ихъ не кричать и идти спать, а самъ направился къ сборной, чтобы тамъ разузнать все и, при посредствѣ кандидата старосты, который, по словамъ Гаврилы, былъ трезвъ, какъ нибудь наладить дѣло обслѣдованія.

Сборная сплошь окружена была толпою, не вмѣстившеюся внутри, откуда доносился сильнѣйшій шумъ и крикъ.

Кой какъ раздвинувъ первые ряды, я приблизился настолько къ окну, что сталъ разбирать отдѣльные голоса.

Среди привычной слуху народной рѣчи время отъ времени выдѣлялся городской жаргонъ, произносимый то женскимъ, то мужскимъ голосомъ, причемъ послѣдній былъ мнѣ необыкновенно знакомъ.

— Мужичье!—слышу я, между прочимъ: — вамъ такого раздѣла... зададутъ, что небу жарко будетъ!

— Ха! ха! ха-а!—раздается смѣхъ однихъ.

— Это еще посмотри-и-мъ!—кричатъ другіе.

— Дубье стоеросовое!—кричитъ опять знакомый голосъ:— вотъ и посмотрите, смутьяны, когда за рѣшотку посадятъ васъ! Ишь ты—дѣ-ли-ть! Ктой-то вамъ наговорилъ?! Это насчетъ чужой собственности?! Нѣ-ѣтъ, шал-ли-и-шь!

— Поглядимъ!

— Шша-л-и-и-шь! Потому какъ въ законахъ такихъ предписаніевъ нѣ-ѣ-тъ! Что твое, то—твое, а что мое,—какъ подошелъ, я въ морду!

— Вотъ, вотъ... вѣрно!..

— Погляди-и-мъ!

— Вотъ я сейчасъ къ земскому! — оретъ знакомый голосъ:—потому какъ съ утра, примѣрно, да поздней ночи мы видимъ и офицеровъ, и полковниковъ, и енераловъ! Я сейчасъ къ земскому! Онъ вамъ посмотритъ подъ штаны — что тамъ дѣлается!

— Хха-ха! ха!

— Погля-ди-и-мъ!

Въ это время случайно толпа внутри какъ-то раздвинулась, и я, къ своему необычайному удивленію, увидѣлъ лакея губернскаго клуба, одѣтаго въ присвоенной формѣ: фракъ съ мѣдными пуговицами и позументами и красный жилетъ... Такъ вотъ онъ „генералъ“!—подумалъ я, невольно усмѣхаясь...

Недолго думая, я вошелъ въ дверь и, усиленно работая

локтями, „какъ листъ передъ травой“, появился передъ Сидоромъ.

Онъ на секунду остолбенѣлъ, а потомъ инстинктивно взялъ руки по швамъ и, поклонившись, произнесъ привычное: „мое почтеніе-съ“!

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Нн... на... счетъ передѣла... ваше вскородіе...

Толпа замерла отъ удивленія, и замѣтно было, какъ сразу высоко я сталъ въ ея глазахъ. Не смутилась, казалось, только набѣленная и нарумяненная дѣвица, сидѣвшая рядомъ съ Сидоромъ, но я не обратилъ на нее никакого вниманія.

— Ну, о передѣлѣ вы поговорите потомъ, а теперь мнѣ часа три-четыре надо заняться своимъ дѣломъ.

— Слушаю-съ, ваше вскородіе!—отвѣчалъ за всѣхъ Сидоръ.

— Кандидатъ здѣсь?

— Здѣ-е-сь!

— Пожалуйте сюда!

Изъ толпы вышелъ щупленькій, лысый мужиченка.

— Вы кандидатъ?

— Мы-съ...

— Десятникъ здѣсь есть?

— Есть, ваше вскородіе!

— Пусть онъ сходитъ за моими бумагами, а вы, пожалуйста, пригласите отъ каждой общины человѣкъ по 15 крестьянъ, которые хорошо о землѣ своей знаютъ.

— Слушаю-съ.

— Здѣсь, вѣроятно, есть ото всѣхъ обществъ?

— Есть тутъ всѣ.

— Ну, вотъ, и хорошо. А староста одинъ на всѣхъ?

— Одинъ.

— Такъ распорядитесь.

— Слушаю-съ...

И кандидатъ отправился распоряжаться, а я въ ожиданіи сѣлъ за столъ.

На нѣкоторое время наступило самое неловкое молчаніе, а затѣмъ одинъ изъ присутствующихъ, когда Сидоръ съ дѣвицею незамѣтно удалились, кашлянувъ нѣсколько разъ, завелъ рѣчь, при глубокомъ вниманіи схода, который, повидимому, даже протрезвился отъ происшедшаго на его глазахъ событія.

— Ваше вскородіе!

— Что вамъ угодно?

— Можемъ мы на счетъ передѣла?

— Что такое?

— Да видите, ваше вскородіе, земля-то все одна и та же, а народъ все родится, все родится, и родится...

— Ну?

— У насъ теперь съ поконъ вѣковъ по ревизскимъ держатъ. Анъ и выходитъ: у кого набралось надѣловъ до десятка и болѣе на умершихъ, а живыхъ-то у его одинъ; а у кого и полнаго надѣла нѣтъ, а ѣдаковъ болѣе десятка; вотъ мы, значитъ, чтобы по божески: давай, говоримъ, на живыя души дѣлить: у кого одна душа—одинъ надѣлъ, двѣ — два, а десять—и всѣ десять. Да вотъ дѣла-то уже пятый годъ не выходитъ.

— Почему?

— Какъ сейчасъ это кто нибудь розинетъ ротъ, староста либо старшина тащатъ въ темную: они многодушники...

— По закону, слѣдуетъ, чтобы $^2/_3$ голосовъ.

— Да у насъ бы набралось и болѣе, да все стращаютъ... Теперь мы, значитъ, окончательно порѣшили, а они взяли да всѣхъ до чиста повыписали...

Въ это время явился десятникъ съ бумагами и кандидатъ, который сообщилъ, что все требуемое количество народа для опроса явилось.

Я приступилъ къ описанію владѣнія и хозяйствъ каждой общины, сказавъ, что относительно передѣла могутъ обратиться къ земскому начальнику,—такъ какъ, прибавлю, статистикамъ строжайше воспрещается вести бесѣды съ крестьянствомъ о стороннихъ дѣлахъ. Закончивъ поздно вечеромъ свое дѣло, я спросилъ, гдѣ Гаврила, чтобы скорѣе отправиться на поѣздъ.

На зовъ мой неожиданно явился Сидоръ и сообщилъ, что Гаврила мертвецки пьянъ, но что онъ, Сидоръ, уже позаботился, чтобы для меня запрягли тройку, которая часа въ два доставитъ меня на вокзалъ, а покуда убѣдительно просилъ „закусить“ въ домѣ его тестя.

Закусить я наотрѣзъ отказался, что же касается „тройки“, то ѣхать на ней согласился при условіи уплаты узаконенныхъ прогоновъ.

Только что вышелъ Сидоръ, какъ въ избѣ появился молодой парень и сказалъ:

— Пожалуйте, ваше вскородіе!

— Развѣ уже лошади готовы?

— Точно такъ-съ.

— Скоро.

На дворѣ была непроглядная тьма, что не мѣшало возницѣ во всю мочь гнать лошадей, такъ что я даже попросилъ ѣхать тише, тѣмъ болѣе, что грязь летѣла на меня дождемъ. Но тише ѣхать парень сталъ только далеко за деревнею, причемъ, сдерживая лошадей, произнесъ: „ну, теперь догоня-й!

— Кто васъ догонять будетъ?

— Да васъ-то хотѣлъ этотъ везть, какъ его?
— Сидоръ?
— Богъ его знаетъ, кто онъ такой...
— Да развѣ это другія лошади?
— Это общество отъ себя нарядило.
— Зачѣмъ?
— Чтобы онъ не набрехалъ чего.
— Его тройка еще, значитъ, не была готова?
— Онъ можетъ теперь только ее запрягаетъ... Ха, ха, ха-а! Дог-го-ня-й!.. Кто онъ такой есть, ваше вскородіе?
— Да вѣдь онъ изъ вашей деревни — развѣ вы сами не знаете?
— Да онъ съ измальства въ городѣ, а тесть сказывалъ, что будто-бы офицеръ его зять, и пугаетъ насъ.
— Это лакей, просто, какъ вамъ сказать, батракъ, что ли...
— Ха! ха-а! А что-жъ онъ въ золотѣ, да въ серебрѣ?
— Да это не золото и не серебро, а галунъ простой...
— Ха, ха, ха-а! Эхъ ты, братцы мои! А мы-то думали енер-ралъ! Ха-ха-ха-а!
— А что это съ нимъ за женщина?
— Да дочка Матренина; она за второго мужа вышла, а у него-то тоже восемь надѣловъ, а онъ одинъ. Вотъ и сказываютъ, что дочка-то ея за енераломъ живетъ въ городѣ, ну и выписали для острастки...
— Это, должно быть, проститутка.
— Какъ вы говорите?
— Проститутка.
— Это что-же?
— Такъ... ну живетъ съ кѣмъ придется...
— По просту?
— Вотъ, вотъ...
— Ахъ ты, братцы мои! Вотъ анафемы!

Онъ скоро довезъ меня до станціи, а когда я стоялъ уже на площадкѣ вагона, на платформѣ появились запыхавшіеся Сидоръ и дѣвица.

— Вотъ подлые мужики, — сказалъ Сидоръ, подошедши ко мнѣ:—подхватили таки!
— Я не зналъ...
— Ухъ, и подлый народъ!
— Очення жаль, что не заночевали,—произнесла дѣвица, двусмысленно улыбаясь:—не пожалѣли бы...

Въ это время раздался третій звонокъ, затѣмъ свистокъ оберъ-кондуктора, и поѣздъ помчался.

Это былъ скорый поѣздъ, весь освѣщенный электричествомъ, съ библіотекой и съ буфетомъ. Закусивъ въ послѣднемъ, я отправился въ свой совершенно свободный вагонъ и разлегся на мягкомъ диванѣ, но, увы, уснуть не могъ: слишкомъ сильны были впечатлѣнія дня.

Въ самомъ дѣлѣ. Съ момента полученія телеграммы отъ товарища до прибытія на станцію прошло не болѣе 3 часовъ. Незамѣтно пролетѣлъ я около 70 верстъ и вышелъ изъ вагона вполнѣ культурнымъ человѣкомъ, au courant всѣхъ міровыхъ событій, переполненный впечатлѣніями жизни людей всѣхъ пяти частей свѣта...

Но стоило только, оставивъ поѣздъ, удалиться отъ него не болѣе 30 саженъ, какъ я уже окунулся въ безпросвѣтный мракъ въ полномъ смыслѣ этого слова... И чѣмъ дальше, тѣмъ казалось, этотъ мракъ сгущался все болѣе и болѣе... Невѣдомый проходимецъ, пророчащій гибель „крестьянства“ отъ постройки школы... Простодушный Гаврила, напуганный и вѣрящій этому карканію. Баба, которая не знаетъ своей фамиліи, въ теченіе почти года не можетъ написать письма сыну, потонувшему для нея гдѣ-то въ таинственной Ривани, съ которымъ она переговаривается при посредствѣ телеграфныхъ столбовъ... Лакей и проститутка выростаютъ въ знатныхъ господъ, обладающихъ властью „рѣшать и вязать“ насущнѣйшіе вопросы деревенской жизни...

Положимъ, мой пріѣздъ вспугнулъ эту фантасмагорію, но—надолго-ли?.. Быть можетъ, уже теперь она опять возстановлена въ полной силѣ...

„Какъ жалки и мизерны островки нашей культуры!—думалось мнѣ.—Вотъ здѣсь, по обѣимъ сторонамъ дороги, направо и налѣво, начиная отъ рельсъ и до безконечности царитъ тьма, невѣжество, суевѣріе и сплошная безграмотность, а поѣздъ обладаетъ *собственною* культурою, не имѣющею рѣшительно никакой связи съ мѣстностью, по которой летитъ... Разбейся онъ случайно, и оставшіеся пассажиры не нашли бы ровно ничего, соотвѣтствующаго ихъ поѣздной обстановкѣ; точно Робинзону на его островѣ, имъ пришлось бы окунуться въ такую жизнь, о которой многіе не имѣютъ ни малѣйшаго представленія“...

Долгій свистокъ прервалъ мои размышленія: поѣздъ приближался къ городу...

III.

Николаевскій солдатъ.

— А какъ отъ васъ проѣхать къ Кроненбергъ?—обратился я съ вопросомъ къ сходу, закончивъ дѣла по описанію одной глухой деревушки.

Глубокое молчаніе, сопровождавшееся пожиманіемъ плечъ и переглядываніемъ, дало мнѣ понять, что я спросилъ о комъ-то такомъ, кого здѣсь совершенно не знаютъ и не слыхали.

Смотрю въ списокъ частныхъ владѣльцевъ, но въ немъ болѣе чѣмъ разборчиво написано: „М. И. Кроненбергъ. Удобной земли 351 дес. 236 с. При деревнѣ N“, т. е. при той самой, въ которой я находился.

— А вотъ здѣсь,—говорю я, водя пальцемъ по списку,—показано, что близь вашей деревни находится земля Кроненбергъ.

— Какъ изволите сказывать?—спросилъ, наконецъ, одинъ изъ стоявшихъ возлѣ меня, у стола.

— Кро-нен-бергъ...

Опять всѣ молчатъ и переглядываются.

— Да здѣсь, по близости проживаютъ какіе нибудь помѣщики?

— Есть тутъ одна...

— Какъ фамилія?

— Коровихой она прозывается...

— Какъ?

— Да мы, то есть, Коровихою прозываемъ, а по настоящему неизвѣстно...

— А звать какъ?

— Марья Ивановна.

Я теперь все понялъ и успокоился: несомнѣнно Кроненбергъ передѣлана въ „Коровиху“.

— Такъ вы, пожалуйста, разскажите Семену, какъ проѣхать къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Мы знаемъ, ваше вскородіе!—раздался въ толпѣ знакомый голосъ возницы.

— Ну, такъ ѣдемъ?

— Пожалуйте!

Попрощавшись со сходомъ, я вышелъ на улицу, и какъ ни скверна была изба, въ которой работалъ, а взяло меня раздумье: ѣхать или не ѣхать? Хотя было всего только три часа, но октябрьскій вечеръ вступалъ уже въ свои права, тѣмъ болѣе, что небо сплошь было покрыто грязными обла-

ками, стаею тянувшимися съ юга на сѣверъ и моросившими мелкимъ, какъ пыль, дождемъ.

Двинулись мы въ путь не менѣе, какъ черезъ полчаса по выходѣ изъ избы: задержалъ споръ, гдѣ лучше ѣхать: дорогою или „ложкомъ“? Одни доказывали, что „дорогою, хоша̀ и кружнѣй, да спокойнѣй“,—другіе, наоборотъ, утверждали, что „тамъ“, т. е. по настоящей дорогѣ, „двѣ галдо̀бины, а потомъ того—Сенькинъ мостъ неиспра̀венъ“, и высказывали мнѣніе, что „лучше ложкомъ пробраться: тамъ одно только сыроватое мѣстечко—у Ванюшкиной га̀ти, а то все ладно“...

— Кабы тамъ-то не застряли,—говорили поклонники путешествія дорогою.

— Чего тамъ застречь: кабы съ кладью, а то налегкѣ...

— Переско̀чимъ! — согласился Семенъ, большой поклонникъ кратчайшихъ путей.

И не желая дальнѣйшихъ споровъ, онъ дернулъ возжами, чмокнулъ и хлестнулъ кнутомъ свою иззябшую, измокшую, поджавшую хвостъ лошаденку, которая, дернувъ вправо, потомъ влѣво, направилась, наконецъ, прямо по глубокой грязи.

Когда мы достигли „ложка́“, почти совсѣмъ уже стемнѣло, и еле-еле можно было разглядѣть невысокіе холмы, среди которыхъ извивался этотъ „ложо̀къ“.

— Вы, ваше степѐнство, маленько попридержитесь,—обратился ко мнѣ Семенъ и пояснилъ:—середкою ѣхать о̀пасно — бываетъ въ ручеечекъ попадешь, а мы по-подъ го̀рочками поѣдемъ, чтобы сушѐй...

И черезъ нѣкоторое время телѣга приняла настолько наклонное положеніе, что пришлось не только „попридержаться“, а держаться, и хорошо держаться, чтобы не вылетѣть изъ жалкаго экипажа. Такъ продолжалось до самой „Ванюшкиной гати“. Подъѣхавъ къ послѣдней, Семенъ поднялся на телѣгѣ во весь ростъ, остановилъ лошадь, оглядѣлся во всѣ стороны и, перекрестившись, сталъ хлестать лошаденку и кричать во всю глотку: „нно! но-но-о“! „нну, маленька-я“! „нну, дьяволъ“!..

Энергія его, однако, не увѣнчалась успѣхомъ: очень скоро услышали мы подозрительный трескъ, а вслѣдъ затѣмъ телѣга вдругъ опустилась, и я съ Семеномъ полетѣли въ грязь, изъ которой не могла выбиться и лошадь.

— Какъ-же вы, не зная дороги, рѣшились ѣхать логомъ?— сердился я, поднявшись и тщетно отыскивая твердое мѣсто.

— Должно̀ правѣй надо было взять,—отвѣтилъ спокойно Семенъ и началъ распрягать лошадь.

— Что же мы будемъ теперь дѣлать?

— Должно̀ въ деревню надыть верхомъ съѣздить.

— А я-то что же буду дѣлать?

— Да я миго̀мъ... Вы тутъ чуть-чуть пообождите...

Въ это время къ нашему обоюдному удовольствію на холмѣ обрисовался силуэтъ человѣка.

— Го-го-го!—крикнулъ Семенъ.

— Го-го!—отвѣтилъ неизвѣстный и спустился къ намъ.

— Митричъ? — сказалъ Семенъ, всматриваясь въ пришедшаго.

— Онъ самый.

— Что̀ ты?

— Да корову Митяйкину ищу: дьяволъ, а не корова — стада не держится.

— Какая она изъ себя?

— Красная, сволочь, а назади бѣлое пятно.

— Она пошла.

— Нну?

— Провалиться—пошла.

— Давно?

— Надысь: я самъ видѣлъ—терлась у Матрены о плетень.

— Домой пошла?

— А куды ей больше идти?

— Вотъ дьяволъ! А я, прихожу въ деревню, а женка Митяйкина и ну на меня брехать, и ну брехать: иди, говоритъ, такой-сякой, корову искать! Да какъ загнула, братецъ мой, иной солдатъ такъ не загнетъ—ухъ, дьяволъ!

— Баба-бѣд-да-а!

— Что же вы лошади не выводите?—раздражался я, видя невозмутимо спокойную бесѣду Семена.

— Это мы си-чча-съ! Н-но-о! но-о!

— Нно-о, ан-наѳема-а!—помогалъ Митричъ, замахиваясь дубиною, бывшею въ его рукѣ.

— Нно-о-о!

Кой-какъ вытащили клячу, и Семенъ, взобравшись на нее, отправился въ деревню, а я остался съ Митричемъ.

— Загрузли, ваше вскородіе? — спросилъ онъ, набивая трубку.

— Да.

— Тутъ всегда такъ.

— Намъ говорили, чтобы мы дорогою ѣхали, а мы логомъ...

— Тамъ все одно, ваше вскородіе: Сенькинъ мостъ провалился—недавно ходилъ туда корову искать, тамъ цѣлый обозъ застрялъ.

— И тамъ, значитъ, не проѣдешь?

— Да оно, конечно, проѣхать можно, только и тамъ не очень... Взойдемте, ваше вскородіе, на пригорочекъ: тутъ поблизости пенекъ есть, посидѣть можно, а если мужики не покрали хворосту—кострикъ разложимъ.

— А телѣга какъ-же останется? вещи?

— И что вы, ваше вскородіе! Тутъ никто не возьметъ: кто въ экое провалье полѣзетъ? А ежели и пойдетъ—не выберется.

— Ну, идемъ...

— Идите за мною, ваше вскородіе.

И Митричъ осторожно зашагалъ впередъ, предостерегая меня отъ опасностей пути: „лѣвѣй, ваше вскородіе,—тутъ болотце“, или—„правѣй, ваше вскородіе,—тутъ колода валяется“ и т. п. Черезъ нѣкоторое время мы среди мокрыхъ кустовъ поднялись на горку, и, когда выбрались на вершину, гдѣ было немного свѣтлѣе, чѣмъ въ логу, Митричъ скоро разыскалъ и пень, и хворостъ. Такъ какъ не переставалъ моросить мелкій дождь, то зажечь хворостъ удалось только послѣ значительныхъ усилій, но за то какъ пріятно было, когда затрещалъ и запылалъ большой костеръ.

Я усѣлся на пень, а Митричъ на хворостъ.

Это былъ совсѣмъ старый, худой, высокій человѣкъ, весь сморщенный, согбенный, одѣтый въ нищенскія лохмотья; бритый подбородокъ, большіе усы и короткіе сѣдыя баки служили безошибочнымъ признакомъ, что Митричъ—николаевскій солдатъ.

— Вы, должно быть, николаевскій солдатъ?—спросилъ я.

— Точно такъ, ваше вскородіе.

— Долго служили?

— Тридцать и три года, ваше вскородіе.

— Изъ кантонистовъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше вскородіе: баринъ забрилъ по собственной охотѣ.

— Почему же ему такая охота пришла?

— Такое дѣло вышло, ваше вскородіе. Баринъ нашъ, Миколай Миколаичъ, вѣчный ему покой, до дѣвокъ охочи были. Вотъ выглядѣлъ я себѣ дѣвку: здо-оровую такую, краснощекую, румяную; выбралъ, да къ барину въ ноги: такъ и такъ молъ, бракомъ желаю сочетаться. А онъ и спрашиваетъ: „а дѣвка гдѣ“? Я отвѣчаю: „хуторская“. У барина хуторъ былъ верстъ за 20, гдѣ онъ, поди, и не бывалъ.—„Приведи, говоритъ, дѣвку“—„Ладно“, говорю. Ну, и привелъ. А какъ привелъ, онъ на нее какъ глянулъ, такъ и закобелѣлъ. И говоритъ онъ мнѣ: „поѣдемъ, говоритъ, въ городъ, а тамъ поглядимъ“. Поѣхали мы, на постояломъ дворѣ остановились, а ночью-то тамъ меня взяли, въ колодки заковали, на другой день забрили и-и повезли! И съ этой, ваше вскородіе, поры

не видѣлъ я ни барина, ни деревни, ни дѣвки, никого тридцать и три года—вонъ дѣло-то!

— Прямо въ солдаты?

— Въ казарму и шабашъ!

— Служба тяжелая была?

— Служба-то? Служба была настоящая, солдатская: теперь службы нѣтъ!

— Почему?

— Развѣ это служба? Такую службу и бабы могутъ, нести... А наша служба—другой разговоръ!

— Какая-же разница?

— Мы, ваше вскородіе, спали фронтомъ, руки по швамъ, а какъ скрозь сонъ кто разбросается,—дежурный прямо въ морду, прямо соннаго: помни, молъ, собачій сынъ, что на службѣ состоишь. — Эта служба! А ученье? Бывало, какъ зорька — мма-а-ршъ! Какъ только дали тебѣ команду—шаб-ба-ашъ! Вода—въ воду полѣзай, снѣгъ—въ снѣгъ, огонь—въ огонь, рѣка—въ рѣку—ппо-шше-лъ! А одежда, что лѣтомъ, что зимою одна и та же.—Это служба! Строгость была настоящая!

— Развѣ теперь нѣтъ строгости?

— Теперь-то? Теперь, ваше вскородіе, одно баловство! У насъ строгость была—первой сортъ! Была служба, а теперь—что? Одно баловство!...

Старикъ поднялся и сталъ подбрасывать хворость въ потухавшій костеръ.

Мнѣ стало холодно. Вспомнивъ, что въ чемоданѣ есть у меня коньякъ, я братился къ Митричу съ вопросомъ,—возможно-ли добраться до телѣги и достать чемоданъ?

— Съ большимъ даже удовольствіемъ,—отвѣтилъ николаевскій солдатъ,—я его сейчасъ притащу—мѣсто мнѣ знакомое.

Митричъ ушелъ, а я остался одинъ.

Покуда слышны были его шаги, покуда чувствовалось присутствіе другой жизни, находящейся неподалеку, могущей отозваться на мой окликъ, я не ощущалъ ничего особеннаго, но, когда шаги утихли, сознаніе полнаго одиночества и безпомощности охватило все мое существо, особенно, когда я оглянулся назадъ, въ непроглядный мракъ осенней ночи съ тоскливо завывающимъ вѣтромъ, съ моросящимъ, мелкимъ, какъ пыль, холоднымъ дождемъ... Инстинктивно началъ я бросать больше и больше хвороста въ костеръ, чтобы больше было тепла и свѣта, и старался не оглядываться назадъ...

Митричъ возвратился скоро и принесъ на плечѣ чемоданъ. Поспѣшно развязавъ послѣдній, я досталъ коньякъ, налилъ полный жестяной стаканчикъ, выпилъ его залпомъ, а потомъ поднесъ одинъ за другимъ два стаканчика Митричу. Онъ за-

мѣтно сразу повеселѣлъ, съ жадностью съѣлъ громадный кусокъ колбасы и цѣлую булку, набилъ трубку, закурилъ ее, подбросилъ хворосту въ костеръ и оживленно отвѣчалъ на мои вопросы.

— Что такъ поздно пасете?

— А у насъ до самого снѣга дотягиваютъ, какъ у мужиковъ кормовъ мало.

— Почти половину осени?

— Иной разъ такъ выдастся, что и всю-то осень—э-эхъ и жи-и-знь!

— Плохо?

— Не дда-а-й Богъ! мука мученическая! Гроза-ли, дождь ли, градъ-ли, снѣгъ-ли, а сто-о-й! Ни тебѣ шалаша, ни тебѣ сухого мѣста: куды скотина, туды и ты—такъ всю жисть кость твоя размокаетъ, тѣло холодѣетъ и не согрѣешься... А скотину надо смотрѣть и смотрѣ-ѣть! Она, дьяволъ, наровитъ какъ-бы куды шмыгнуть, а ты гляди-и! Иная коровенка все нутро вымотаетъ: такъ вотъ, сволочь, и смотритъ, какъ бы ей отъ стада! Вотъ какъ бродяга, примѣрно. А теперь овца—пугнули ее, ну, и лови! Свинью тожъ взять—одно наказанiе! А потомъ—штрафы! Господá теперь пообѣдняли: только и глядятъ, какъ бы штрафу взять—ей Богу, ваше вскородiе! Чуть что—штрафы! Извѣстно, кормовъ нѣтъ, на парáхъ мужицкихъ ни травинки, скотина голодная, конечно, наровитъ къ барскимъ кормамъ... бѣд-да-а!

Я поднесъ старику третiй стаканчикъ, онъ охотно выпилъ его, еще закусилъ и пришелъ въ воинственное настроенiе.

— Я, ваше вскородiе, подъ полякомъ былъ, подъ венгромъ, подъ Севастополемъ, а Господь Богъ миловалъ: даже ни одной раны не получилъ, а дѣлá бывали во-какiя!

— Чего же вы на поляка ходили?

— На поляка? Богъ его знаетъ...—сказываютъ, взбунтовался...

— Что-жъ поляки за люди?

— Поляки-то?

— Да.

— Да такъ... мелочь... Пошелъ я какъ-то съ товарищемъ воду на кашу брать (на стоянкѣ въ полѣ стоялъ лагеремъ) къ рѣчкѣ, анъ, глядь, въ кустахъ полякъ, должно, высматривалъ, либо спужался чего, мы за нимъ—онъ отъ насъ, мы за нимъ—онъ отъ насъ, видитъ потомъ, что не убѣчь ему, загаргаталъ что-то по своему, да въ воду, а я его за штанину—цопъ! Ну тащить, а онъ отбиваться; мы взяли да утопили его: ужъ и пускалъ-же пузыри! животики мы съ товарищемъ надорвали отъ смѣха! ей-Богу!

— За что-же вы его утопили?

— Да такъ... чего ему по кустамъ сидѣть...
— А кто лучше—полякъ или венгерецъ?
— Они, дьяволы, другъ подлѣ дружки живутъ, такъ неподалеку—одинаковы...
— Зачѣмъ-же вы противъ венгерцевъ ходили?
— Противъ венгровъ?
— Да.
— Сказывали, что за одно онъ съ полякомъ былъ...
— А подъ Севастополемъ зачѣмъ были?
— У-ухъ! Тамъ было—не да-й Бо-огъ! Тамъ, ваше вскородіе, всѣ до-чиста народы были!
— Зачѣмъ?
— Не могу доподлинно этого сказать... Погнали насъ, а тамъ ужъ Господи ты Боже! Что народу этого полегло—видимо невидимо! Въ одномъ мѣстѣ пошли мы на штыки съ французами! Такъ, ваше вскородіе, правду говорю: уцѣпимся другъ дружки зубами въ глотку, да и грыземъ—ей-Богу! Потѣ-ѣ-ха-а!
— Значитъ, очень не любили француза?
— Это француза-то?
— Да.
— Нѣ-ѣтъ! Чего его не любить: онъ такой, какъ и мы.
— Зачѣмъ же вы горло грызли?
— Да такъ, сгоряча, по близости значитъ...
— Значитъ, Богъ васъ спасъ отъ смерти?
— Вѣдомо... Кому-же больше? Святители, Саваовы — они-то и спасли...
— Развѣ все равно, что Богъ, что святитель?
— Святитель, Саваовы, святъ-святъ-святъ и во̀-вѣки вѣковъ аминь—это намъ извѣстно.
— А вы вѣрите въ загробную жизнь?
— Чего изволите?
— Вы знаете, что будетъ на томъ свѣтѣ?
— На томъ-то?
— Да.
— Ежели теперича ты крещонъ, да мать твоя до Спасова дня яблоковъ не ѣла, да говѣлъ ты, исповѣдывался—ничего, какъ есть, не бойся! А не крещоному—пло-о-хо!
— А зачѣмъ Христосъ на землю приходилъ?
— Объ этомъ не слыхалъ что-то...
— Да о Христѣ вы что нибудь слыхали?
— И Богочеловѣчилси, и Мати Присвитая Дѣва, и во̀-вѣки вѣковъ аминь—это намъ извѣстно...
Въ это время послышались голоса.
— Идутъ,—сказалъ Митричъ, всталъ и крикнулъ:—Го-го-го-о!
— Го-го!—отвѣчали голоса.

— Пойдемъ,—сказалъ я.

Митричъ взялъ чемоданъ, и мы отправились въ логъ.

Когда мы приближались къ болоту, гдѣ застряла телѣга, оттуда доносились уже крики: „ну-ну...“ „ге-ге-е!..“ „ташши-и-и!..“ „нно-о, дьяво-олъ!..“

Затѣмъ голоса утихли, послышался спокойный говоръ, и къ намъ подошла толпа крестьянъ, но сколько именно, за темнотою разобрать было нельзя.

— Ну что?—спросилъ я.

— Вытащили,—отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Можно, слѣдовательно, ѣхать?

— Нѣтъ, телѣга до-чиста поломалась.

— А другой не привезли?

— Да то-то не догадались...

— Какъ же это вы?!

— Да какъ, значитъ, телѣгу-то эту вытащили, тогда догадались.

— Что-же дѣлать?

— Должно опять въ деревню ѣхать.

— Нѣтъ ужъ спасибо: я тоже въ деревню съ вами уйду...

— И первый сортъ, а завтра на зорькѣ васъ и отвеземъ.

— Можетъ, верхомъ поѣдете?—предложилъ Семенъ.

Но я отказался, потому что не имѣю понятія о верховой ѣздѣ, и отправился въ деревню пѣшкомъ, въ самомъ концѣ шедшихъ гуськомъ, одинъ за другимъ крестьянъ. Митричъ распрощался съ нами и ушелъ на горку.

— Гдѣ-же живетъ солдатъ?—спросилъ я у ближайшаго спутника.

— Да тутъ, подъ деревнею, земляночка есть, на горочкѣ баня, значитъ: онъ тамъ и живетъ.

Было около трехъ часовъ ночи, когда мы достигли деревни. Распрощавшись со спутниками, я отправился ночевать въ ту избу, гдѣ утромъ производилъ опросъ.

Вся она переполнена была спящими: взрослыми, дѣтьми и животными; на земляномъ полу, бокъ-о-бокъ съ двумя женщинами и грудными возлѣ нихъ дѣтьми, лежали двое телятъ и поросенокъ.

— Пойдемте, ваше степенство, въ сѣнцы спать,—предложилъ хозяинъ, также ходившій на болото:—кабы знать, что ночевать будете, подготовились бы, а то не знали...

Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и скоро лежалъ уже рядомъ съ хозяиномъ на соломѣ, принесенной имъ со двора.

Увидѣвъ, что хозяинъ закурилъ трубку, я завелъ разговоръ о Митричѣ. Оказалось, что малѣйшія подробности его жизни извѣстны хозяину и деревнѣ вообще, но жизнь эта

нисколько не удивляла односельцевъ и, судя по взглядамъ хозяина, казалась совершенно нормальною...

Хозяинъ скоро захрапѣлъ, а я не могъ уснуть, не смотря на усталость... Раннею зарею я отправился на вокзалъ, такъ какъ выяснилось, что къ Кроненбергъ проѣхать нельзя, а это было у меня послѣднее неописанное имѣніе.

IV.

Переселенцы.

— Гдѣ живетъ староста?—спросилъ я первую встрѣтившуюся мнѣ при въѣздѣ въ деревню N женщину, несшую на коромыслѣ ведра съ водою.

— Живетъ онъ вотъ здѣсь (баба кивнула головою по направленію къ какой-то избѣ), да теперь по деревнѣ бѣгаетъ: народъ ночью убѣгъ.

— Какой народъ?

— Нашинскіе, сказываютъ, на новыя земли пошли. Ты подъѣзжай-ка къ Марьиной избѣ: поди онъ тамъ—оттеда всѣ убѣгли, только, значитъ, Марья осталась, да свекоръ старый.

— Ишь ты штука какая,—замѣтилъ, ухмыляясь, мой возница:—лови теперь ихъ! Это бондарева Марья?

— Бондарева, бондарева.

— Что супротивъ Егорки?

— Да, да... Здравствуй, Лексѣй! Я тебя не узнала.

— Здорово!.. Извѣстно, тѣснота, какъ не убѣжишь...

— Ужъ и не говори, Лексѣюшка, такая тѣснота, такая тѣснота, что и—и

— Ну, подъѣзжайте къ Марьѣ.

— Н-но!

И тощая наша кобыла зашагала дальше. У Марьиной избы стояла кучка народа и о чемъ-то бесѣдовала; ребятишки заглядывали въ окна избы, откуда доносился крикъ и плачъ.

Когда я отворилъ дверь, то увидѣлъ, что староста,—котораго я узналъ по знаку,—билъ женщину, а еще трое крестьянъ переругивались съ сѣдымъ старцемъ, свѣсившимъ свою голову съ печи.

— Какое вы имѣете право драться?! — крикнулъ я невольно на старосту.

Онъ сначала не понялъ, въ чемъ дѣло, быть можетъ, вообразивъ, что говоритъ это кто нибудь ихъ крестьянъ, и рѣзко отвѣтилъ: „А тебѣ какое дѣло“?! Но всмотрѣвшись, сильно растерялся и, понизивъ тонъ, объяснилъ:

— Что-же мнѣ дѣлать, ваше... степенство, ежели меня самого старшина во-какъ дуетъ! Отлупить отлупить, да еще на три дня засадить, отпустить на день, а потомъ опять лупить и опять засадить. Извольте смотрѣть.—И староста указалъ пальцемъ на свою избитую и опухшую физіономію.

— За что же онъ васъ бьетъ и арестовываетъ?

— За подати,—за что же больше Хоть лопни, а давай ему подати, а они, дьяволы, не только, чтобы платить, а взяли да и убѣгли.

— Куда же они скрылись?

— Да, вишь, подали прошеніе губернатору на переселеніе, а земскій, значитъ, насупротивъ: „куда, сказываетъ, вамъ переселяться, такіе-сякіе. Работниковъ, сказываетъ, найти невозможно, а вы жалуетесь, что вамъ жить не изъ чего: отчего, спрашиваетъ, у меня не работаете, у другихъ помѣщиковъ“? Вонъ они, дьяволы, какъ услыхали объ этомъ, взяли ночью, да и убѣгли.

— И много?

— Да полсотни народу ушло! Изъ этого двора всѣ мужики убѣгли: вотъ я ее, дьявола, и допрашиваю, а она, сатана, не сказываетъ, куда ушли...

— А я почемъ знаю,—всхлипывала баба:—нѣшто они мнѣ сказывали.

— Лови самъ, анафема,—ворчалъ на печи старикъ,—а биться не смѣй.

— Самого бьютъ,—оправдывался староста.

— А намъ что за дѣло, что тебѣ морду колотятъ?

— Давай подати, я тебя пальцемъ не трону.

— А гдѣ ихъ взять, собаки вы бѣшенныя?

— А мнѣ что за дѣло? Съ меня требуютъ...

— Ну, ладно,—вмѣшался я:—вы потомъ будете спорить, а теперь, староста, соберите сходъ.

— Слушаю-съ.

— Это десятскіе?—спросилъ я, указывая на троихъ крестьянъ, бывшихъ въ избѣ.

— Точно такъ, ваше степенство.

— Значитъ, сейчасъ можно собрать?

— Это мы скоро сдѣлаемъ.

И староста ушелъ съ десятскими собирать сходъ, а я, въ ожиданіи, подготовляя матеріалы, вступилъ въ бесѣду съ хозяевами. Первымъ заговорилъ старикъ.

— Вотъ, прости Господи, дьяволы ненасытные! черти двурогіе! Видитъ, что только-только живешь, не доѣдаешь, не допиваешь, а дав-ва-й! А земли-то повернуться негдѣ—съ чего же ты возьмешь на подать? „Работай!—говоритъ. Дастъ по гривеннику въ день—вотъ тебѣ и работа! Проживешь

больше... Тожъ на счетъ рендовой земли: хлѣбъ уберешь, въ копны сложишь—„не смѣй возить! Давай деньги впередъ“! А гдѣ ихъ взять-то? Кабы продать—деньги бы и были. А то „впередъ“! Въ нонѣшнемъ году сколько этого хлѣба на полѣ погнило—ая-яй! Чтобы вамъ пусто было! А на переселеніе тожъ не допущаютъ—ну и бѣгутъ.

— Куда же они ушли?

— Богъ ихъ знаетъ,—осторожно отвѣтилъ старикъ и спросилъ:—а что за это будетъ?

— Они безъ паспортовъ ушли?

— Не даютъ пачпортовъ-то. Заплатите, говоритъ, подати!.. А гдѣ ихъ взять? Ну, и ушли. Что за это можетъ быть?

— Если поймаютъ, возвратятъ по этапу и могутъ судить за безписьменность.

— Возвратятъ?

— Да.

— И судить?

— Могутъ судить.

— Ишь ты какое дѣло... А ежели тамъ къ обществу приписаться?

— Да вѣдь потребуютъ свѣдѣній, кто онъ, запросъ будетъ, и здѣсь отвѣтятъ, что бѣжали...

— Вонъ оно какое дѣло... А сказываютъ, что тамъ земля есть такая, что какъ пришелъ, такъ тебѣ всякое продовольствіе: ни въ солдаты тебя, ни податей.

— Кто это вамъ наговорилъ?

— Да такъ балакаютъ...

— Письмо, батюшка, получили,—наконецъ, заговорила баба, вытирая фартукомъ еще не высохшія слезы.

— Какое тамъ письмо,—предостерегъ бабу старикъ.

— Да господину можно сказать,—почему-то возымѣла ко мнѣ довѣріе баба и, обратившись къ старику, сказала:—покажи письмо.

— А отъ вашего степенства ничего не будетъ?—спросилъ старикъ.

— Мнѣ нѣтъ до этого никакого дѣла.

Старикъ завозился на печи, досталъ грязный платокъ изъ какого-то угла, развязалъ его и протянулъ руку съ какою-то измятою бумажкою. Я подошелъ къ печи, взялъ эту бумажку и, развернувъ ее, прочиталъ написанное еле разбираемыми каракулями письмо слѣдующаго содержанія:

„И кланяюсь папонькѣ и мамонькѣ, и еще кланяюсь тетеньки Дарьи да Герасиму, Анисьи и Ивану Савельичу, и кланяюсь Ерофею, Кузьмѣ, и въ ноги кланяюсь бабки Федотьи, а что-же на счетъ гнѣдого — продавать будете, а жеребчика бы возрастить. Какъ гнали насъ, сказываютъ: въ Сибири земли

бери сколько душа проситъ, и въ солдаты не берутъ, и платить ничего не надо, а лѣсу этого сколько хочешь—хоть цѣльный день и ночь топи. Нарымъ рѣка есть, а лѣсу тамъ видимо-невидимо, и рыбы тамъ сколько хочешь. Ежели наши пойдутъ, то пускай идутъ, какъ мы, за нами пускай идутъ, по чугункѣ либо какъ къ городу Нижнему, откуда по водѣ до Перми города, отседа потомъ своротить на правую руку къ Катинбургу, отседова лупи прямо не сворачивай, — какъ дошелъ Нарыма рѣки, тутъ она и есть... Сказываютъ: бабъ здѣсь мало, бабъ бери побольше, тащите, робятъ, дѣвокъ поболѣ. А ежели не пущать будутъ, бѣги, робята, — какъ добѣжишь, тутъ земли вволю и ничего не плати. Въ ноги кланяюсь папонькѣ, мамонькѣ, пускай бабка Федотья рубь присылаетъ, а жеребенка возрастить. Солдатъ царской службы Евдокимъ".

Это посланіе, всполошившее совершенно обѣднѣвшую деревню, написано было, какъ выяснилось изъ разговоровъ со старикомъ, сыномъ его старшей дочери, взятымъ въ солдаты и отправленнымъ, повидимому, въ Тобольскъ.

Въ деревнѣ не оказалось ни одного грамотнаго, который бы могъ прочитать письмо, а потому оно лежало съ зимы до весны, покуда не явился случайно торговецъ, скупавшій у бабъ пряжу. Какъ рѣдкій документъ, посланіе передано было на храненіе дѣду, къ которому и послали торговца. Послѣдній, прочитавъ письмо за 10 ф. пряжи, отъ себя пояснилъ, что слѣдуетъ воспользоваться драгоцѣнными указаніями и „скорѣе завладать землею, покеда другіе не взяли".

— Вотъ видите, какое дѣло, ваше степенство,—сказалъ старикъ, когда я прочиталъ письмо:—какъ-же не пойти при нашей тѣснотѣ?

По мѣрѣ силъ и возможности, я постарался разъяснить, что крестьяне поступили необдуманно.

Въ это время началъ собираться народъ. Само собою разумѣется, что волею-неволею центральнымъ пунктомъ разговоровъ была деревенская злоба дня уже потому, что многихъ не досчитывались.

Сплошь и рядомъ на вопросъ: такой-то? отвѣчали: „нѣтути, вышелъ"...

Со сходомъ я повелъ ту-же рѣчь, что и со старикомъ, по поводу необдуманнаго переселенія, но слова мои не возымѣли никакого дѣйствія. Въ отвѣтъ мнѣ они твердили, что лѣса у нихъ ни былинки, что не только невозможно что либо построить или отапливаться, но даже не изъ чего „кнутовища вырѣзать", а потому „все равно пропадать—тамъ ли, здѣсь ли".

— Отчего же вы раньше ходока не послали, чтобы онъ высмотрѣлъ получше земли, разспросилъ, разузналъ?

Оказывается, дѣлали они опытъ и съ ходоками, но первый

посланный ими скрылся, забравъ общественныя деньги. Они думаютъ, что онъ гдѣ нибудь хорошо устроился, такъ какъ однажды, года черезъ два послѣ того, какъ ходокъ былъ отправленъ, когда они уже и забыли о немъ, вдругъ ночью скрылась вся его семья, и до сихъ поръ неизвѣстно, гдѣ они проживаютъ. Отправленный на поиски за первымъ второй ходокъ былъ арестованъ и возвращенъ. Выяснилось также, что отправившіеся переселенцы захватили съ собою только хлѣба, такъ какъ тайный уходъ не далъ имъ возможности распродать имущество, хотя—объясняли крестьяне,—имущество это такъ малоцѣнно, столько за переселенцами недоимокъ, что все равно получилось бы и при продажѣ очень и очень мало.

Въ это время на улицѣ послышался шумъ и крикъ. На вопросъ, въ чемъ дѣло, мнѣ объяснили, что явился урядникъ, ругаетъ старосту за недосмотръ и требуетъ его къ становому приставу.

Староста вырвался отъ урядника, вбѣжалъ въ избу, протискался сквозь толпу ко мнѣ и прямо бухнулся въ ноги.

— Ваше вскородіе! Защитите!

За нимъ вслѣдъ явился и урядникъ.

— А ты куда же смотришь?—говорилъ онъ:—какое же ты начальство? Что же, баринъ за тебя отвѣчать долженъ?

Я предложилъ старостѣ встать, и заявилъ, что ничего не могу подѣлать, что это не мое дѣло, но что, вѣроятно, приставъ убѣдится, что онъ, староста, не виноватъ, и ему ничего не будетъ.

— Нѣтъ, ваше вскородіе,—пропадай теперь!

И урядникъ увелъ старосту, но черезъ нѣкоторое время вернулся, спрашивая, не возвратился ли староста въ избу: онъ, оказалось, скрылся.

Черезъ годъ мнѣ пришлось вторично проѣзжать черезъ эту деревушку. Я поинтересовался послѣдствіями происшедшаго при мнѣ событія и узналъ, что всѣ переселенцы возвратились обратно голодные и холодные, совсѣмъ нищіе, причемъ четыре человѣка умерли. Нѣкоторые изъ нихъ добрались до какихъ-то „лѣсовъ“, построили себѣ шалаши въ ожиданіи весны, но послѣдняя въ глухой тайгѣ началась, по ихъ словамъ, въ концѣ мая, причемъ „съ землею ничего нельзя было подѣлать“. Видя, что дѣло плохо, они отправились назадъ и шли „именемъ Христовымъ“.

А всетаки дѣла въ деревнѣ такъ плохи, что мысль о новомъ переселеніи не оставлена.

И. П. Бѣлоконскій.

Литературные факторы американской революціи.

XVIII.

Поэтическія и другія литературныя произведенія революціонеровъ послѣ объявленія независимости.

Какъ мы знаемъ, литературная борьба тори и виговъ или лойялистовъ и революціонеровъ не прекратилась съ началомъ военныхъ дѣйствій, а продолжалось во все время борьбы Америки съ Англіей, вплоть до заключенія мира. Особенное раздраженіе и ненависть со стороны революціонеровъ вызывали, какъ и можно было ожидать, тѣ американцы, которые даже въ то время, когда Англія обнажила ножъ на своихъ американскихъ подданныхъ, не задумались открыто примкнуть къ англичанамъ или, по крайней мѣрѣ, оказывать имъ болѣе или менѣе явное содѣйствіе.

Выше мы приводили примѣры литературнаго выраженія крайняго озлобленія лойялистовъ противъ революціонеровъ, для параллели приведемъ примѣръ литературнаго выраженія такого же озлобленія противъ лойялистовъ со стороны революціонеровъ или виговъ. Послѣдующія строки представляютъ извлеченіе изъ статьи въ „Pensylvania Packet“ отъ 5 авг. 1779 г. подъ названіемъ „Месть тори“, подписанная „Вигомъ“ *).

„Между многими ошибками, которыя американцы совершили въ теченіе войны съ Англіей, немногія имѣли и имѣютъ болѣе гибельныя послѣдствія, чѣмъ ихъ снисходительное отношеніе къ тори? Первое время насъ могли побуждать къ этому справедливость или политическія соображенія **), но развѣ не удивительно, что мы продолжаемъ держаться той же политики и теперь, когда вполнѣ выяснились дурные ея результаты.

---

*) Извлекаемъ изъ «American History of tolal by contemporaries», edited by prof. A. Bushnell Hart, 1899, vol. II, 474—78.

**) Т. е., надо думать, надежда на то, что тори образумятся и примкнутъ къ революціонерамъ.

„Мы кричимъ, что наши денежные знаки падаютъ все время въ цѣнѣ и принимаемъ мѣры къ тому, чтобы поднять ихъ цѣнность, но не обращаемъ при этомъ вниманія на то, что тори, составляющіе главную причину ихъ обезцѣненія, преспокойно живутъ между нами по прежнему. Мы не можемъ больше молчать объ этомъ; мы не должны допускать, чтобы нашей независимости, которую мы сумѣли пока отстоять отъ внѣшнихъ враговъ, грозилъ врагъ внутренній. Возстань, Америка! Тебѣ грозитъ великая опасность и при томъ оттуда, откуда ты ее меньше всего ждешь! Тебя погубятъ тори, тори—твои злѣйшіе враги! Уже давно пора убрать ихъ вонъ изъ нашей среды. Они составляютъ постоянную опасность для нашихъ вольностей. Они имѣютъ для этого тысячу средствъ и дѣятельно пользуются ими.

„Кто былъ виновникомъ войны? Тори!.. Кто убѣдилъ великобританскаго тирана вести войну пріемами, неизвѣстными доселѣ среди цивилизованныхъ народовъ и способными возбудить негодованіе даже среди варваровъ? Тори! Кто убѣдилъ дикарей пустыни стать подъ знамена непріятеля? Тори! Кто помогалъ индѣйцамъ скальпировать старыхъ и молодыхъ женщинъ, дѣтей и умирающихъ героевъ? Тори! Кто подговаривалъ и помогалъ сжигать наши города, раззорять поля, насиловать женщинъ? Тори! Кто виной тому, что тысячи изъ насъ оплакиваютъ преждевременную смерть самыхъ близкихъ людей? Тори! Кто мѣшалъ всякимъ попыткамъ конгресса обезпечить вольности нашего отечества? Тори! Кто отказывается принимать наши деньги? Тори! Кто употребляетъ всѣ усилія для обезцѣненія ихъ? Тори! Кто распространяетъ лживые слухи, чтобы поколебать мужество виговъ? Тори! Кто поддерживаетъ предательскія сношенія съ врагомъ? Тори! Кто одинъ день принимаетъ присягу на вѣрность С. Штатамъ и нарушаетъ ее на слѣдующій день? Тори! Кто больше всего мѣшаетъ быстрому пополненію нашихъ полковъ новыми волонтерами? Тори! Кто отговариваетъ отъ поступленія въ арміи? Тори! Кто склоняетъ поступавшихъ дезертировать? Тори! Кто, наконецъ, укрываетъ дезертировъ? Тори! Кто, однимъ словомъ, желаетъ, чтобы насъ покорили, поработили? Тори!

„Неужели же мы и впредь будемъ терпѣть, чтобы эти люди жили свободно среди насъ, люди, виновные во всѣхъ перечисленныхъ и въ тысячѣ другихъ не указанныхъ нами бѣдъ, которыя обрушились на нашу страну! Да и только ли они живутъ? Развѣ они не участвуютъ въ нашихъ собраніяхъ? Развѣ они не оскорбляютъ насъ своей наглостью? Развѣ они не устраиваютъ сами собственныхъ, предательскихъ сборищъ?.. Однимъ словомъ, развѣ они не пользуются всѣми тѣми правами, какими пользуются бывшіе солдаты, проливавшіе свою кровь за отечество или патріоты, всѣмъ пожертвовавшіе для праваго дѣла! Да, на всѣ эти вопросы къ великому и вѣчному нашему позору—можно отвѣчать только

утвердительно! Да, мы терпимъ среди себя, мы оказывали вниманіе тѣмъ самымъ людямъ, которые желаютъ нашего порабощенія. Потомство не повѣритъ этому, а если повѣритъ, то проклянетъ память своихъ предковъ за ихъ постыдную слабость!"

„Можемъ ли мы разсчитывать хотя бы на благодарность за свою гуманность, если только это высокое слово примѣнимо въ этомъ случаѣ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Не ожидайте, что вы найдете въ груди тори хоть искорку этой или какой-либо иной добродѣтели! Какіе принципы могутъ быть у негодяевъ, которые желаютъ, чтобы ихъ отечество было порабощено величайшимъ тираномъ, котораго знаетъ современное человѣчество? Пора намъ освободиться отъ этихъ змѣй, которыхъ мы согрѣли на своей груди! Необходимо тотчасъ же прогнать ихъ вонъ! Мнѣ страшно подумать о всѣхъ бѣдахъ, которыя можетъ доставить намъ хотя одинъ тори, оставшійся среди насъ. Мы должны каждый день ждать какихъ нибудь заговоровъ, убійствъ и всякаго рода козней, на которыя можетъ подтолкнуть тори ихъ злоба и досада! На что неспособны руки тѣхъ, кто уже запятналъ себя кровью своихъ согражданъ?

„Вспомнимъ, какъ мерзавецъ Матьюсъ которому мы позволили жить свободно въ Нью-Іоркѣ, задумалъ устроить покушеніе на Вашингтона. Заговоръ былъ открытъ, но если бы Матьюсъ получилъ должное возмездіе, онъ не могъ бы теперь варварски мучить нашихъ несчастныхъ друзей, попавшихъ въ плѣнъ и заключенныхъ въ нью-іоркскихъ тюрьмахъ?

„Неужели послѣ всего этого мы можемъ терпѣть около себя хотя одного тори? Что до меня касается, я долженъ сказать, что у меня вся кровь закипаетъ, когда я встрѣчу тори на улицѣ или въ ресторанѣ. Ихъ гнусность можно сравнить развѣ лишь съ ихъ наглостью... Вездѣ, во всякомъ обществѣ они позволяютъ себѣ развивать свои омерзительныя доктрины и затѣмъ смѣются надъ малодушіемъ тѣхъ, кто позволяетъ имъ дѣлать это безнаказанно... Проснитесь же, американцы, сознайте грозящую вамъ опасность! Не теряйте ни минуты, гоните вонъ отъ себя всѣхъ тори. Пусть Америка будетъ пріютомъ лишь для свободныхъ людей!

„Гоните прочь всякаго мерзавца, который желаетъ, чтобы на васъ наложилъ цѣпи англійскій тиранъ. Посылайте ихъ туда, гдѣ они могутъ вполнѣ наслаждаться столь дорогимъ для нихъ рабскимъ состояніемъ—на Британскіе острова; пусть они пьютъ изъ чаши рабства, пусть они ѣдятъ хлѣбъ озлобленія до конца своихъ дней, пусть они влачатъ тамъ свое существованіе!.. Никогда не позволяйте имъ вернуться въ эту счастливую страну и вкушать плодовъ независимости, которой они стараются всячески помѣшать. Обречемъ ихъ на изгнаніе, на вѣчное изгнаніе изъ отечества!"

Можно себѣ представить, какъ сильно дѣйствовали на массу

патріотовъ такія рѣзкія, такія полныя дикой ненависти литературныя произведенія, появлявшіяся въ американскихъ газетахъ и журналахъ, имѣвшихъ уже въ то время огромное вліяніе вслѣдствіе широкаго распространенія образованія и въ особенности грамотности среди народной массы. Ненависть къ тори (на которую послѣдніе отвѣчали, какъ мы видѣли выше, по крайней мѣрѣ, такой же ненавистью къ революціонерамъ) объясняется въ значительной степени тѣми трудностями, которыя приходилось преодолѣвать американцамъ въ неравной борьбѣ съ сильнымъ и богатымъ врагомъ. Американцы не имѣли ни денегъ, ни войска,—которое должны были создать на скоро изъ волонтеровъ, записывавшихся на извѣстный срокъ,—ни даже сильной центральной власти, такъ какъ конгрессъ и въ самомъ дѣлѣ дѣлѣ былъ конгрессомъ въ прямомъ смыслѣ слова, т. е. собраніемъ представителей фактически пользующихся полной независимостью колоній, представителей, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ полномочій, данныхъ имъ посылавшими ихъ законодательными собраніями колоній (называвшихъ себя со времени объявленія независимости „states“ т. е. „государствами“).

Вести въ такихъ условіяхъ борьбу съ однимъ изъ сильнѣйшихъ государствъ всего міра, знать, что извѣстная часть самихъ же американцевъ болѣе или менѣе явно оказываетъ помощь или нравственное и матеріальное содѣйствіе англичанамъ и въ своемъ раздраженіи противъ такихъ своихъ согражданъ не потерять чувства мѣры—это значило бы выказать такое самообладаніе, до котораго далеко еще современному человѣчеству.

До чего доходило нервное состояніе революціонеровъ и лойялистовъ и къ какимъ средствамъ прибѣгали иногда послѣдніе, чтобы смутить народную массу, всегда чуткую къ разнаго рода слухамъ и росказнямъ, можно судить по такой баснѣ, распущенной лойялистами и англичанами. Разсказывали, что будто бы въ одномъ изъ старѣйшихъ американскихъ городовъ Плимута, курица снесла яйцо, на которомъ можно было прочитать довольно явственныя пророческія слова. „О, Америка! ты будешь побѣждена Хоу“ (фамилія англійскаго главнокомандующаго, репутація котораго, какъ искуснаго генерала, сильно смущала первые годы революціи американцевъ).

Революціонеры не могли, конечно, оставить безъ вниманія такого слуха, способнаго смутить многія простыя души, и вотъ въ скоромъ времени въ одной американской газетѣ появилось написанное стихами „Другое пророчество“, закончивающееся такими словами:

Когда яйца будутъ говорить то, что дураки думаютъ,
Когда куры будутъ умѣть и говорить, и писать,
Когда крокодилы станутъ проливать искреннія слезы,
Когда лицемѣры обратятся въ искреннихъ людей,

Когда всѣ люди сдѣлаются подлецами
И проникнутся рабскими чувствами,
Когда тори станутъ правдивыми людьми,
Когда порокъ станетъ добродѣтелью и мракъ свѣтомъ,
Когда свободные люди обратятся всѣ въ трусовъ
И забывъ, какъ надлежитъ вести себя настоящимъ мужамъ,
Перестанутъ защищать святое и правое дѣло,
А небо будетъ помогать нашимъ кровожаднымъ, варварскимъ врагамъ,
Тогда только Америку побѣдитъ Хоу!

Мы не можемъ познакомить читателя хотя бы съ незначительной частью огромной литературы всевозможныхъ пѣсенъ, балладъ, гимновъ, которые въ изобиліи появлялись на страницахъ американскихъ газетъ и несомнѣнно значительно содѣйствовали подъему духа какъ народной массы, такъ и въ особенности революціонныхъ войскъ, которымъ не только приходилось часто испытывать тяжелыя пораженія, но и нуждаться постоянно въ одеждѣ, кровѣ, пищѣ. Между этого рода литературными произведеніями особенно выдѣляется простотой языка и возвышенностью мысли „Молитва американскаго патріота“, автора которой до сихъ поръ еще не могутъ опредѣлить съ достовѣрностью историки американской литературы.

Отецъ всѣхъ, Всемогущій
На небѣ и здѣсь на землѣ,
Потоки доброты котораго
Изливаются на всѣ созданія,

Научи меня помнить, откуда я пришелъ
И куда мнѣ предстоитъ по смерти вернуться,
Отврати меня отъ личныхъ цѣлей,
Такъ какъ я тѣсно связанъ со всѣми людьми.

Пусть весь мой умъ, всѣ мои мысли
Будутъ направлены на благо родины,
Того требуетъ разсудокъ, того требуетъ добродѣтель
Того требуютъ природа и Ты.

Пусть ничто меня не отвлекаетъ
Отъ святого дѣла свободы,
Ни тщеславіе, ни корысть, ни жажда похвалъ,
Ни ложная дружба—да не введутъ меня во искушеніе!

Не допусти меня увлекаться личной злобой
Въ дни испытанія страны,
Или воспользоваться общественной властью
Для отмщенія личныхъ обидъ.

Можетъ быть еще болѣе замѣчателенъ по простотѣ и въ то же время по чрезвычайной силѣ и выразительности знаменитый „Americen Soldier's Hymn“, который въ самомъ дѣлѣ пѣли американскіе солдаты, идя въ сраженіе. Американцы сравниваютъ этотъ гимнъ съ знаменитымъ Лютеровскимъ „Ein feste Burg ist

unser Gott". Къ сожалѣнію упомянутый выше американскій гимнъ еще труднѣе поддается переводу, чѣмъ приведенная „Молитва американскаго патріота". Всякій, кто знаетъ, какъ сильно возбуждаетъ даже въ наши дни по истеченіи почти 4 столѣтій послѣ тѣхъ событій, какими онъ былъ вызванъ, названный Лютеровскій гимнъ, можетъ судить о томъ какую громадную нравственную силу представляли подобные гимны и пѣсни въ тѣ бурные дни, которые вдохновляли самихъ авторовъ этихъ великихъ произведеній. Нравственное вліяніе одной такой пѣсни, одного такого гимна можетъ иногда далеко превзойти вліяніе той или другой побѣды на полѣ брани. Вспомнимъ, что нѣкоторыя изъ такихъ произведеній не умираютъ, а живутъ въ народѣ и снова распѣваются имъ въ дни новыхъ испытаній, пробуждая и поддерживая благородныя чувства и мысли *)...

Однако, большинство сочиненій революціонеровъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, отличалось рѣзкостью выраженій и крайнимъ озооблеціемъ противъ англичанъ и въ особенности противъ лойялистовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны поэтическія произведенія Фил. Френо (Freneau), по происхожденію французскаго гугенота **), котораго Тайлеръ справедливо называетъ поэтомъ ненависти (poet of hatred). Поэмы Френо, отличались необыкновенной страстностью нападокъ на лойялистовъ и англичанъ, въ то же время выдѣляясь и необыкновенными литературными достоинствами—легкостью стиха, мѣткостью выраженій, богатствомъ риѳмы, и потому дѣйствіе ихъ было огромно. Къ тому же Френо былъ весьма плодовитъ, такъ что одинъ списокъ его поэтическихъ произведеній, написанныхъ въ теченіе борьбы съ Англіей, занялъ бы болѣе страницы. Надо сказать, наконецъ, что поэтическія произведенія Френо замѣчательны не только по силѣ выражаемой авторомъ ненависти къ англичанамъ и лойялистамъ, но, можетъ быть, еще въ большей степени необыкновенно страстными призывами къ борьбѣ за великій принципъ свободы, прославленію которой посвящена не одна страница талантливыхъ произведеній Френо. Только совокупность всѣхъ этихъ условій и объясняетъ, конечно, доминирующее значеніе Френо среди поэтовъ американской революціи, среди литературныхъ силъ, поддерживавшихъ это великое освободительное движеніе.

Мы можемъ лишь самымъ бѣглымъ образомъ остановиться на произведеніяхъ Френо. Въ стихотвореніи „Стансы" по поводу но-

*) Rouger de Lisle обезсмертилъ себя, написавъ (въ 1792 г.) слова и музыку марсельезы. Сила пѣсни можетъ иногда казаться опасной правительствамъ, какъ это было, напр., относительно марсельезы, пѣніе которой было запрещено во Франціи во времена реставраціи и второй имперіи.

**) Какъ извѣстно, гонимые во Франціи гугеноты искали себѣ убѣжища въ разныхъ странахъ и въ томъ числѣ и въ пустыняхъ Америки (въ XVII вѣкѣ).

ваго американскаго фрегата „Aliance“ *), вышедшемъ въ 1778 г., Френо изображаетъ Нептуна, осматривающаго свои водныя владѣнія и вдругъ къ своему удивленію замѣчающаго чудный, но совершенно новый для него корабль.

По мѣрѣ того какъ монархъ приближался,
Все яснѣе и яснѣе становился усѣянный звѣздами флагъ, **)
Наконецъ удивленный Нептунъ спрашиваетъ у одного тритона изъ своей свиты:
Что это за флагъ развѣвается на кораблѣ?
Такого чуднаго корабля
Я, право, много лѣтъ уже не видѣлъ.
Этотъ корабль—столь быстрый, крѣпкій и грозный—
Должно быть, принадлежитъ великому и способному народу.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ морского бога тритонъ разсказываетъ Нептуну послѣднія политическія новости и объясняетъ, что корабль принадлежитъ націи, только что народившейся на крайнемъ западѣ и, однако, побѣдоносно борящейся съ наглой державой, пытавшейся ее поработить, борется удачно даже на морѣ, гдѣ эта держава привыкла владычествовать безраздѣльно. Въ послѣднемъ стихѣ тритонъ такъ характеризуетъ въ краткихъ словахъ народъ, которому принадлежалъ корабль, припоминая по этому поводу знаменитый въ древности корабль „Арго“, на которомъ совершили свое плаваніе, т. наз. аргонавты.

Даже на палубѣ знаменитаго «Арго»
«Не было людей съ такими великими сердцами,
Аргонавты совершали свой походъ, отыскивая золотое руно,
Эти моряки рискуютъ жизнью, борясь съ тираннiей.

Въ томъ-же 1778 году Френо напечаталъ другое стихотвореніе „Независимость Америки и окончательное освобожденіе отъ британской тиранніи“, въ которомъ мы находимъ между прочимъ такія строки.

Свершилось! Великобританія сожалѣетъ теперь о своемъ безуміи!
Пусть это послужитъ вамъ урокомъ, тираны: будьте впредь умнѣе!
Если въ вашихъ рукахъ оказалась власть надъ людьми,
Не отнимайте у нихъ ихъ человѣческихъ правъ!
Когда Богъ изъ хаоса сотворилъ міръ
Онъ создалъ и человѣка, но создалъ его свободнымъ
По образу своему и подобію.
Какъ послѣ этого тиранъ, ты дерзаешь налагать на него ярмо?

---

*) Названномъ такъ вѣроятно въ честь только что заключеннаго союза съ Франціей.

**) Американскій флагъ, представляетъ собой бѣлое поле съ красными полосами; въ одномъ изъ угловъ поля находится синій квадратъ, усѣянный звѣздами (прежде ихъ было 13 по числу колоній, составившихъ первоначальный союзъ, затѣмъ по мѣрѣ увеличенія числа штатовъ увеличивалось и число звѣздъ, доходящее въ настоящее время до 50).

А вотъ нѣсколько строкъ изъ той части поэмы, которая характеризуетъ Георга III.

На немъ мы видимъ, до чего можетъ дойти человѣческая низость,
Онъ соединяетъ въ себѣ одномъ всѣ гнусности, на которыя способенъ человѣкъ.
Каинъ, Немвродъ, Неронъ—дьяволы въ образѣ человѣка
Иродъ, Домиціанъ—смотрятъ на него съ удивленіемъ
И, завидуя его дѣламъ, говорятъ,
Что никто не могъ быть мерзѣе ихъ, кромѣ Георга III.

Вотъ еще примѣръ чрезвычайной рѣзкости Френо—тѣ строки, которыя относятся къ злѣйшимъ его врагамъ, соотечественникамъ лоялистамъ или тори.

Такихъ подлецовъ еще на свѣтѣ не было,
И, дай-то Богъ, чтобъ никогда не было и впредь!
Если только духи изъ ада носятся среди насъ,
То навѣрно эти духи вошли въ эти подлыя души.
Убійство и кровь—вотъ что больше всего ихъ услаждаетъ.
Кричите вокругъ ихъ домовъ, ночные вороны!
Когда они справляютъ свадьбы, пусть вѣдьмы, и отчаяніе
И печаль, и горе, и черная ночь имъ сопутствуютъ.
Пусть зажгутъ имъ свадебный свѣтъ лѣшіе изъ ада
И быстро гонятъ ихъ къ гибели,
Пусть они гонятъ ихъ по всему свѣту,
Чтобы они нигдѣ ни могли найти покоя!

Въ 1779 г. прекратился журналъ „United Service Magazine“, гдѣ помѣщалъ преимущественно свои произведенія Френо. Можетъ быть, вслѣдствіе этого Френо, бывшій, кстати сказать, по профессіи командиромъ коммерческаго судна (впрочемъ Френо окончилъ курсъ въ университетѣ—Princeton college) отправился на суднѣ изъ Филадельфіи въ одну изъ сосѣднихъ колоній и вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ и другими пассажирами попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ. Хотя, какъ мы говорили, Френо былъ на суднѣ, въ качествѣ простого пассажира, его посадили въ одну изъ пріобрѣвшихъ печальную знаменитость плавучихъ тюремъ Нью-Іоркской гавани, гдѣ вслѣдствіе совокупнаго вліянія отвратительнаго воздуха, скверной пищи, такой же воды и наконецъ, жестокаго обращенія онъ схватилъ сильнѣйшую лихорадку. Его перевели на т. наз. лазаретное судно, гдѣ обстановка оказалась не лучше, но откуда Френо удалось бѣжать. Описаніе Нью-Іоркскихъ плавучихъ тюремъ составляетъ предметъ одной изъ самыхъ злыхъ,—если не злѣйшей—изъ сатиръ Френо „The British Prison-Ship“ (Британская плавучая тюрьма). Надо прочитать самому всю эту сатиру, полную отвратительныхъ картинъ, чтобы представить себѣ, какую дикую ненависть къ англичанамъ—виновникамъ всѣхъ этихъ ужасовъ, должна была возбуждать сатира Френо и какъ сильно она, какъ и прочія сатиры Френо, должна была содѣйствовать готовности американцевъ не остана-

вливаться ни передъ какими жертвами, чтобы свергнуть съ себя власть метрополіи.

Имѣя въ виду дать ниже прозаическое описаніе англійскихъ тюремъ, составленное однимъ американскимъ плѣннымъ солдатомъ, мы не находимъ возможнымъ приводить отрывковъ изъ этой или другихъ сатиръ Френо, тѣмъ болѣе, что читателю, знакомому по переводу лишь съ содержаніемъ сатиръ Френо, весьма трудно судить о производимомъ ими впечатлѣніи, секретъ котораго кроется не только въ содержаніи, но и въ формѣ и въ особенности въ соотвѣтствіи этой формы литературному развитію, вкусамъ, настроенію тѣхъ лицъ, къ которымъ обращался авторъ сатиръ.

Надо сказать, впрочемъ, что сочиненія ревелюціонеровъ и вообще всѣхъ сочувствовавшихъ американцамъ въ ихъ борьбѣ за независимость, оказывали огромное вліяніе не только на самихъ же революціонеровъ, но въ значительной степени и на англичанъ, среди которыхъ во все время войны все болѣе и болѣе росло число противниковъ политики короля и его министровъ. Мы знаемъ, что въ теченіе періода, предшествовавшаго разрыву съ Англіей, наиболѣе рѣзкія политическія статьи и памфлеты американцевъ получили широкое распространеніе и въ Англіи, привлекая вниманіе какъ народныхъ массъ, такъ и нѣкоторыхъ выдающихся общественныхъ и государственныхъ дѣятелей *) Начавшаяся война, конечно, подняла шовинистскій духъ въ Англіи и значительно уменьшила число искреннихъ доброжелателей американцевъ, тѣмъ не менѣе ихъ было достаточно, какъ это видно по слѣдующему факту, характеризующему какъ англійское общество конца прошлаго столѣтія, такъ и ту высоту политической свободы—или точнѣе одного изъ главныхъ ея элементовъ—свободы прессы,—которой тогда пользовалась Англія.

Въ 1778 г. въ самый разгаръ борьбы съ Америкой одинъ жившій въ Англіи католическій священникъ Чарльзъ Генри Уортонъ, (Wharton) уроженецъ Америки, написалъ „Поэтическое посланіе къ Георгу Вашингтону — главнокомандующему арміей С.-Амер. Соедин. Штатовъ“, представляющее диѳирамбъ Вашингтону и великому новому народу, зарождающемуся на американскомъ континентѣ. Въ этомъ посланіи мы находимъ также рѣзкую критику безумной политики Англіи, вызвавшей справедливое негодованіе и, наконецъ, возстаніе американцевъ. Это „Посланіе“

*) Впрочемъ, и въ самой Англіи появлялись произведенія, рѣзко защищавшія колонистовъ. Такъ въ 1775 году въ Англіи вышло сочиненіе Прайса (Price) «О свободѣ», въ которомъ авторъ весьма энергично защищалъ точку зрѣнія колонистовъ и рѣзко осуждалъ дѣйствія министерства. Это сочиненіе въ теченіе 2 лѣтъ имѣло 8 изданій. Въ 1776 г. лондонскій Сити избралъ Прайса, какъ у насъ выражаются, «почетнымъ гражданиномъ» за его защиту колонистовъ. См. H. Lecky. A history of England in XVIII century, vol. III, 330 и 535.

было первоначально (1778 г.) напечатано въ Америкѣ, а черезъ два года было перепечатано и въ Англіи, гдѣ оно въ теченіе трехъ недѣль разошлось въ количествѣ 15,000 экземпляровъ по довольно большой для того времени цѣнѣ $2^1/_2$ шил. (около полутора рубля), причемъ, какъ то значилось на книгѣ, доходъ отъ изданія предназначился на оказаніе помощи военно-плѣннымъ американцамъ...

Таково было положеніе англійской прессы и печати вообще въ то время, которое, по мнѣнію англичанъ, грозило погубить ихъ свободу... Такъ *свободно*, скажемъ мы, *со своей точки зрѣнія*, могли пользоваться революціонеры въ Америкѣ и сочувствующія имъ лица въ Англіи силою литературы и печати вообше, чтобы повернуть общественное мнѣніе на свою сторону и дискредитировать политику „величайшаго изъ тирановъ" Георга III.

XIX.

Американскій солдатъ о своемъ заключеніи въ англійской плавучей тюрьмѣ въ Нью-Іоркѣ.

Ни одна категорія литературныхъ произведеній не вызвала, можетъ быть, такого озлобленія революціонеровъ противъ англичанъ, какъ рядъ описаній того обращенія, тѣхъ страданій, которыя приходилось выносить американскимъ солдатамъ или матросамъ, которые попадали въ плавучія тюрьмы *) Нью-Іорка. Нѣкоторыя изъ этихъ описаній явились во время войны, другія уже послѣ окончанія ея, значительно содѣйствуя продленію взаимнаго недоброжелательства, которымъ долгое время характеризовались отношенія Англіи и С. Штатовъ. Всѣхъ такихъ описаній такъ много, что они выдѣлены проф. Тайлеромъ въ особую категорію „prison literature", составляющую предметъ особой обширной главы.

Изъ всѣхъ примѣровъ этихъ описаній, приводимыхъ проф. Тайлеромъ, мы остановимся лишь на одномъ, принадлежащемъ простому американскому солдату, такъ какъ это описаніе заслуживаетъ вниманія не только по содержащимся въ немъ фактамъ,

*) *Американскій* историкъ Ал. Бушнелль Хортъ, приводя въ цитированномъ выше сборникѣ, извлеченіе изъ отчета о состояніи англійскихъ мѣстъ заключенія для американскихъ плѣнниковъ (отчетъ написанъ *американцемъ*, которому англичане *среди войны* въ 1778 г. по просьбѣ Вашингтона разрѣшили посѣтить тюрьмы Нью-Іорка, чтобы убѣдиться насколько справедливы ужасные разсказы о ихъ состояніи) говоритъ по поводу этого отчета слѣдующее. «Варварства, бывшія на плавучихъ тюрьмахъ въ Нью-Іоркѣ и аналогичныя жестокости по отношенію къ лойялистамъ, которые были заключены въ тюрьмахъ Коннектикута, можно считать типичными явленіями вѣка, когда вообще обращеніе съ арестантами было гнусно какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ» (American history as tolt by contemporaries, 1899. p. 508).

но и потому, что оно характеризуетъ въ извѣстной мѣрѣ американскихъ солдатъ того времени, степень ихъ развитія, способность выражать свои мысли и т. д. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ американскіе солдаты представляли значительный контрастъ по сравненію не только съ наемными гессенцами, запроданными ихъ княземъ для борьбы противъ народа, о которомъ эти несчастные никогда дотолѣ ничего не слышали, но даже и по сравненію съ самими англійскими войсками, набиравшимися тогда (и отчасти набирающимися до сихъ поръ) изъ подонковъ городскаго и сельскаго пролетаріата... Конечно, этотъ контрастъ, равно какъ и контрастъ между тѣми побужденіями, которыя заставляли становиться подъ знамена англичанъ и ихъ гессенскихъ наемниковъ, съ одной стороны, и американцевъ—съ другой, оказали не малую долю вліянія на окончательный исходъ борьбы, гдѣ всѣ шансы на успѣхъ, казалось, принадлежали великой европейской державѣ!..

Итакъ, мы приводимъ ниже извлеченіе изъ „Разсказа о плѣнѣ Томаса Андроса и о заключеніи его въ плавучей тюрьмѣ въ Нью-Іоркской гавани въ 1781 году“.

Во время первыхъ актовъ борьбы колоніи съ метрополіей въ 1775 г. 16-лѣтній Том. Андросъ былъ земледѣльческимъ рабочимъ на одной фермѣ въ колоніи Коннектикутъ; мать его была вдова и жила въ большой бѣдности. Когда распространилось извѣстіе о роковыхъ схваткахъ при Лексингтонѣ и Конкордѣ, молодой рабочій записался въ солдаты и участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ. Въ августѣ 1781 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ плавучую тюрьму „Old Iersey“ въ нью-іоркской гавани. „Это было“, пишетъ Андросъ, „старое 64 пушечное судно, по своей ветхости негодное къ активной службѣ. Съ него былъ снятъ весь рингоутъ *) и такелажъ **), такъ что оставался только старый, отвратительный, прогнившій корпусъ. Омерзительная внѣшность этого судна вполнѣ гармонировала съ тѣми гнусностями, которыя происходили внутри... Нельзя сомнѣваться въ томъ, что ни одно судно англійскаго флота не погубило столько человѣческихъ жизней... Число американскихъ матросовъ, погибшихъ на этомъ суднѣ, опредѣляется по меньшей мѣрѣ въ 11,000. Послѣ того, какъ стало для всѣхъ очевиднымъ, что смерть ожидаетъ почти каждаго попавшаго въ эту плавучую тюрьму, заключеніе въ ней плѣнныхъ, по безчеловѣчности и гнусности, въ сущности нисколько не отличалось отъ массоваго разстрѣлянія тѣхъ же плѣнныхъ на общественной площади... Но люди, повидимому, забыли милосердіе и насъ обрекли на заключеніе въ эту тюрьму. Во все время моего пребыванія въ ней, насъ не посѣтилъ ни

*) Такъ называются мачты, реи и другія деревянныя части вооруженія.
**) Такъ называются всякаго рода снасти (веревки) на суднѣ.

одинъ Говардъ или ангелъ милосердія, чтобы узнать наши страданія или облегчить ихъ. Одинъ или два раза, по желанію какого-то посѣтителя, побывавшаго у насъ на верхней палубѣ, сотнямъ заключеннымъ, стоявшимъ на этой палубѣ такъ тѣсно, какъ только это было возможно, была брошена корзина съ яблоками, чѣмъ была произведена чрезвычайная давка среди заключенныхъ, грозившая здоровью и жизни толпившихся. Такой поступокъ могло внушить не состраданіе, а жестокость. Когда я увидѣлъ это, я поспѣшилъ убѣжать какъ можно дальше въ сторону.

„Въ началѣ перваго вечера насъ согнали въ темную нижнюю палубу, заперевъ всѣ выходы изъ нея и поставивъ для ихъ охраны вооруженныхъ солдатъ. Тутъ мнѣ представилась отвратительная сцена, описать которую было бы невозможно. Около входа въ трюмъ вооруженные солдаты гнали заключенныхъ къ помпамъ для откачиванія воды, такъ какъ судно иначе могло бы затонуть вслѣдствіе большой течи... Кругомъ раздавались брань, ругательства, проклятія. Во время откачиванія допущенъ былъ снизу небольшой свѣтъ, отъ котораго дѣлался еще замѣтнѣе и еще ужаснѣе окружавшій насъ мракъ. Мнѣ казалось, что я вижу прообразъ ада и уже на землѣ испытываю муки, которыя обѣщаны грѣшникамъ лишь на томъ свѣтѣ. Мнѣ вспомнились слова Мильтоновскаго описанія ада.

Юдоль горя, страна печали
Гдѣ нѣтъ мѣста миру и покою...

...„Когда я попалъ въ это мѣсто страданій, отчаянія и смерти, насъ заключенныхъ на суднѣ было около 400, но скоро это число увеличилось втрое. Настолько же увеличилась и смертность. Тутъ царствовали невозбранно всякія тяжелыя болѣзни, особенно дезинтерія, оспа и желтая лихорадка... Больные и здоровые находились вмѣстѣ. Въ короткое время число больныхъ и умирающихъ дошло до 209 или даже болѣе, причемъ всѣ они были помѣщены въ носовой части жилой палубы, куда загонялись на ночь и всѣ остальные заключенные. Крайнее нервное разстройство составляетъ обычный симптомъ желтой лихорадки и, можно себѣ представить, насколько увеличивался ужасъ нашего положенія; когда вдругъ среди мрака, въ которомъ мы находились (жилая палуба не освѣщалась), раздавалось предостереженіе: „берегитесь, по палубѣ идетъ сумасшедшій человѣкъ съ ножомъ въ рукахъ..

„Такъ какъ многіе жестоко страдали отъ лихорадки, то постоянно требовалась вода для питья, но воды нельзя было достать иначе какъ выйдя на верхнюю палубу, куда впускали не болѣе одного человѣка заразъ. Вслѣдствіе этого ночью многимъ приходилось страшно томиться отъ жажды. Къ тому же невсегда было безопасно пробовать выйти наверхъ напиться. Будучи раз-

дражаемы постоянными требованіями пропуска наверхъ, когда уже тамъ кто нибудь былъ, часовые отгоняли докучливыхъ арестантовъ штыками.

„Утромъ люки открывались, мы могли выйти на верхнюю палубу и оставаться тамъ весь день. Но первое же зрѣлище, которое мы видѣли, производило ужасное впечатлѣніе: съ судна увозили на лодкѣ мертвыя тѣла на ближній берегъ, гдѣ эти тѣла чуть чуть закапывались въ песокъ... Какой бы болѣзнью ни приходилось страдать тому или иному изъ заключенныхъ, его предоставляли на волю судебъ. Насколько мнѣ извѣстно, никогда не былъ приглашаемъ докторъ для оказанія помощи арестантамъ.

„Заключеннымъ давали ведра и щетки для мытья палубы и уксусъ для спрыскиванія. Но всѣми овладѣвала такая апатія и отчаяніе, что почти никогда никто не принимался за чистку. Да и къ тому же корабль представлялъ собою сверху до низу такую сплошную клоаку, что вычистить его было бы и невозможно. Мнѣ кажется, что такого грязнаго, полнаго заразы и смерти жилища, назначеннаго для людей, никогда еще не было среди христіанскихъ народовъ... Самое элементарное человѣколюбіе требовало бы болѣе гуманнаго обращенія даже и съ пиратами... *Но съ точки зрѣнія англичанъ мы были мятежники и измѣнники отечеству, мы возстали противъ метрополіи и начали ничѣмъ не вызванную* безосновательную гражданскую смуту и войну... Поэтому они считали себя въ правѣ не соблюдать по отношенію къ намъ тѣхъ правилъ гуманности, которыя полагается соблюдать по отношенію къ плѣннымъ, взятымъ во время войны съ иностраннымъ государствомъ.

„Я не помню, чтобы что-нибудь когда-нибудь напоминало на кораблѣ о существованіи религіи. Я не видѣлъ никогда ни у кого Библіи, не слышалъ молитвы или религіозной бесѣды, я не видалъ никогда на суднѣ священника, хотя, кажется, никогда еще на свѣтѣ не было собрано на такомъ небольшомъ пространствѣ столько страждущихъ и умирающихъ, нуждающихся въ утѣшеніяхъ религіи... Если и слышалось упоминаніе о Богѣ, то лишь въ связи съ богохульствомъ и проклятіями... Прошу не забывать, что разсказываемое мною относится почти исключительно къ тому времени, когда я былъ на суднѣ. Я почти ничего не говорю о томъ, что было до или послѣ этого... Еще менѣе я желалъ бы, чтобы всѣ гнусности плавучихъ тюремъ ставились въ вину всей націи безъ исключенія. Конечно такіе факты представляютъ позоръ, который не смоетъ съ себя совершенно Англія и по прошествіи тысячелѣтія. Однако, какъ только все это стало извѣстно болѣе честнымъ и гуманнымъ англичанамъ, они самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ описанныхъ жестокостей“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что американскій солдатъ, вынес-

шій лично всѣ тѣ ужасы, о которыхъ онъ разсказываетъ, пытается возвыситься надъ чувствомъ личнаго озлобленія и удерживаетъ читателя отъ огульнаго осужденія всей націи за то, что среди нея же самой встрѣтило самое рѣзкое осужденіе со стороны лучшей части общества, т. е проявляетъ такое уваженіе къ истинѣ и такое самообладаніе, признаковъ котораго тщетно было бы искать въ комментаріяхъ и сужденіяхъ многихъ русскихъ періодическихъ изданій по поводу англо-трансваальскаго конфликта *).

Наша работа разрослась далеко за предѣлы, которые мы себѣ поставили. Поэтому мы находимъ себя вынужденными отказаться отъ характеристики литературной дѣятельности Франклина, тѣмъ болѣе что Франклинъ за весь разсматриваемый періодъ (съ 1764 г. по 1785 г.) въ теченіе двадцати одного года почти непрерывно жилъ внѣ Америки (за исключеніемъ времени отъ мая 1775 до октября 1776 г.), сначала (съ 1764 по 1776 г.) въ Лондонѣ въ качествѣ агента нѣскольких американскихъ коллегій, а послѣ объявленія независимости (съ 1776 по 1785 г.) въ Парижѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посла Соед. Штатовъ при французскомъ дворѣ. Такимъ образомъ, своими весьма многочисленными статьями Франклинъ вліялъ первое время на англичанъ, а затѣмъ на французовъ и на континентальную Европу вообще, слѣдовательно, Франклинъ не принималъ прямого участія въ литературной борьбѣ, происходившей въ Америкѣ между революціонерами, съ одной стороны, и всѣми ихъ противниками, съ другой.

Мы опускаемъ также характеристику немногочисленныхъ драматическихъ произведеній, написанныхъ во время революціи въ Америкѣ и такъ или иначе касавшихся переживаемыхъ страной политическихъ событій. Это были первые опыты самостоятельной американской драмы и потому со стороны формы эти опыты, по признанію самого проф. Тайлера, вообще говоря, болѣе чѣмъ посредственны, содержаніе же ихъ такъ полно намековъ на разныхъ лицъ и разныя событія, что каждая выдержка изъ этихъ драмъ потребовала бы—для полнаго пониманія—длинныхъ комментарій.

*) Мы думаемъ, что слѣдующія нѣсколько строкъ, извлекаемыя нами изъ сочиненія Лекки представляютъ интересъ для читателя, какъ примѣръ относительнаго безпристрастія англійскихъ историковъ. Описывая обращеніе съ плѣнными англичанъ и американцевъ, Лекки говоритъ; «Справедливость требуетъ прибавить, что американцы, если не имѣть въ виду отношенія ихъ къ лойялистамъ, во все время войны съ Англіей обнаруживали почти всегда замѣчательную гуманность. Всѣ попытки англичанъ обвинить американцевъ въ дурномъ обращеніи съ плѣнными и заключенными оказывались несправедливыми , въ противоположность такимъ же обвиненіямъ американцевъ противъ англичанъ, оказавшимся болѣе чѣмъ основательными» (H. Lecky, цитир. сочин. vol. IV, стр. 100).

XX.

Церковная проповѣдь какъ одинъ изъ литературныхъ факторовъ американской революціи.

„Въ Америкѣ, какъ и во время великаго возмущенія (Grand Rebellion) *) въ Англіи, революціонному движенію много содѣйствовала церковная проповѣдь",—писалъ одинъ лойялистскій писатель во время борьбы съ Англіей.

Въ самомъ дѣлѣ проповѣдники въ Америкѣ сохранили еще значительную долю того огромнаго вліянія, какое они имѣли въ первое время по переселеніи въ Новый Свѣтъ, которое, какъ извѣстно, и вызвано было отчасти стремленіемъ пересоздать все общественное устройство на основахъ ученія Библіи **).

Извѣстный намъ Джемсъ Отисъ ***) считалъ невозможнымъ успѣхъ движенія противъ Англіи, если къ нему не примкнетъ, какъ онъ выразился, „черный полкъ" (the black regiment) ****). Въ 1774 г. лойялистъ Данъ Леонардъ въ статьѣ, излагающей быстрый ростъ революціоннаго духа среди американцевъ, объясняетъ его въ значительной мѣрѣ агитаціей „проповѣдниковъ дисендентовъ". „Какъ должно дѣйствовать на собраніе вѣрующихъ",—писалъ Леонардъ *****),—когда они по воскресеньямъ слышатъ съ церковной каѳедры отъ проповѣдниковъ, почитать и уважать слова которыхъ они привыкли съ самого дѣтства, слышатъ тѣ же слова, тѣ же мысли, которыя они въ будніе дни читаютъ въ газетахъ!".

Литературная исторія церковной проповѣди во время революціи есть въ сущности исторія церковной проповѣди революціонныхъ принциповъ, такъ какъ тѣ проповѣдники, которые не были сторонниками возмущенія, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, могли найти настолько смѣлаго типографщика (printer)******), который рѣшился бы напечатать противореволюціонную проповѣдь; къ тому же даже и говорить-то такія проповѣди было невозможно. Когда же отношенія Америки и Англіи дошли до крайняго напряженія и фактически началась между ними борьба,

*) Grand Rebellion или, чаще, Great Rebellion называется революціонное движеніе въ XVII вѣкѣ въ Англіи, окончившееся казнью Карла I и установленіемъ республики.

**) См. Higginson. A larger history of United States, 1885. Конечно наши слова относятся почти исключительно къ колоніямъ, составляющимъ такъ назыв. «Новую Англію».

***) См. выше главу II.

****) Намекъ на черное одѣяніе пасторовъ.

*****) О Леонардѣ см. главу X.

******) Въ то время еще не дифференцировались функціи типографщика и издателя, и владѣтель типографіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и издателемъ.

проповѣдникамъ ставилось въ вину, если они избѣгали касаться политическихъ вопросовъ и такимъ образомъ не поддерживали въ народѣ духъ протеста. „Говоритъ ли г-нъ Вайбердъ въ своихъ проповѣдяхъ противъ политическихъ притѣсненій и другихъ золъ нашего времени“?—спрашивалъ свою жену Джонъ Адамсъ въ письмѣ изъ Филадельфіи *) вскорѣ послѣ сраженія при Бонкеръ Хиллъ „Скажи ему что у насъ **) духовенство всѣхъ исповѣданій, не исключая и епископальнаго, мечетъ громы и молній каждое воскресенье. Оно молится за Бостонъ и Массачусэтсъ, благодаритъ открыто Бога за наши успѣхи противъ англичанъ и возноситъ молитвы за американскую армію“.

Какъ извѣстно, очагомъ революціоннаго движенія были колоніи т. наз. Новой Англіи и въ особенности Массачусэтсъ; тамъ же конечно, раздавались съ церковной каѳедры наиболѣе рѣшительныя и смѣлыя проповѣди духовенства.

30 марта 1775 года, въ тяжелые дни между сраженіями при Конкордѣ и Бонкеръ Хиллъ, въ селѣ Уотертаунъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бостона, собрались делегаты отъ многихъ городовъ Массачусэтса въ качествѣ временнаго правительства колоніи въ замѣнъ законодательнаго собранія, которое при начавшихся фактически военныхъ дѣйствіяхъ противъ англійскихъ войскъ не могло, конечно, собраться въ Бостонѣ. Это было въ годовщину дня, когда согласно королевской хартіи законодательное собраніе должно было выбирать членовъ колоніальнаго совѣта ***) (colonial council). Уже почти въ теченіе полутораста лѣтъ законодательное собраніе колоніи отправлялось въ этотъ день *in corpore* въ церковь и слушало проповѣдь какого нибудь выдающагося проповѣдника, спеціально приглашаемаго для такого случая. Такъ было сдѣлано и на этотъ разъ. Делегаты отправились въ старое зданіе, служившее для молитвенныхъ собраній (meeting house) и выслушали проповѣдь Самуила Лангдона—ректора ****) Харвордскаго колледжа, который съ первыхъ же словъ поспѣшилъ явиться выразителемъ горя, негодованія и рѣшимости борьбы, которыми были исполнены сердца его слушателей.

*) Гдѣ онъ былъ для участія въ занятіяхъ конгресса.

**) Т. е. въ Филадельфіи.

***) Въ большинствѣ американскихъ колоній управленіе было организовано на подобіе управленія метрополіи; роль короля исполнялъ губернаторъ, законодательное собраніе, выбираемое народомъ, соотвѣтствовало палатѣ общинъ; такъ назыв. колоніальный совѣтъ, способъ избранія котораго былъ неодинаковъ въ разныхъ колоніяхъ, соотвѣтствовалъ палатѣ лордовъ или верхней палатѣ. Губернатору принадлежало право налагать свое *veto* на законодательные и другіе акты колоніальныхъ собраній.

****) Въ то время роль ректора (president) въ колледжахъ весьма часто исполняли духовныя лица, такъ какъ и самые колледжи возникли первоначально преимущественно для того, чтобы подготовлять колонистамъ собственныхъ церковныхъ проповѣдниковъ.

„Сегодня“, такъ началъ Лангдонъ,—„день знаменательный, когда обыкновенно въ столицу нашей колоніи среди общей радости съѣзжались со всѣхъ концовъ Массачусэтса народные представители. Увы! теперь наша столица занята гарнизономъ наемниковъ и обратилась въ опору деспотизма. Какъ я могу говорить вамъ съ этой каѳедры о предстоящихъ вамъ важныхъ занятіяхъ, не усугубивъ печаль вашу изложеніемъ грустныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ? Мы дожили до такого времени, когда британская свобода близка къ окончательному паденію, когда готова рухнуть и разлетѣться въ прахъ конституція, составлявшая силу и гордость англичанъ, когда Америкѣ грозятъ жестокія притѣсненія, когда властная рука протягиваетъ свои когти къ Новой Англіи и особенно къ Массачусэтсу, желая заставить насъ повиноваться произвольнымъ актамъ законодателей, которыхъ мы не выбирали и которые сами не будутъ нисколько чувствовать того бремени, которое они съ легкимъ сердцемъ возлагаютъ на насъ. Наши угнетатели не затруднились нисколько нарушить самыя положительныя и самыя торжественныя обѣщанія королей, они не задумались измѣнить существеннымъ образомъ хартію нашей колоніи, руководствуясь одними ложными слухами. Они стали держаться по отношенію къ намъ совершенно новой политики, не справляясь ни съ какими законами... Судьбы наши находятся больше не въ рукахъ нашихъ довѣренныхъ людей, на мудрость и справедливость которыхъ мы могли бы полагаться!.. Нѣтъ, надъ нами въ качествѣ правителей хотятъ поставить людей, къ которымъ мы не питаемъ никакого довѣрія, принципы которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ нашими нравами и вольностями, людей, готовыхъ служить кому угодно и совершать какія угодно беззаконія за хорошее жалованье, людей, которыхъ мы никогда не видѣли и которыхъ всѣ связи и интересы находятся по ту сторону Атлантическаго океана. Вотъ какіе люди будутъ присланы намъ въ качествѣ администраторовъ и судей по усмотрѣнію тѣхъ, кто, располагая всѣмъ богатствомъ и всѣми силами страны, задается благороднѣйшей цѣлью поработить сначала колоніи, а затѣмъ и весь англійскій народъ“.

Въ виду „критическаго и крайне опаснаго положенія“ Америки со времени сраженія при Конкордѣ и Лексингтонѣ континентальный конгресъ опредѣлилъ, чтобы 20 іюля 1775 года „во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ въ Америкѣ было днемъ поста и чтобы въ этотъ день повсемѣстно было совершено богослуженіе съ вознесеніемъ молитвъ Всевышнему *) о помощи.“

Въ самомъ дѣлѣ этотъ день былъ вездѣ проведенъ такимъ об-

*) Journal of American Congress, т. I, 81—82 (цитировано у Тайлера, II, 284).

разомъ въ постѣ и молитвѣ; вообще это былъ первый случай, когда во всей Америкѣ (С. Штатахъ) соблюдался постъ въ одинъ и тотъ же день, въ чемъ между прочимъ выразилось начало національной жизни колоній, жившихъ до революціи каждая своей особой жизнью *).

Въ этотъ день, 20 іюля 1775 г., въ лагерѣ американскихъ войскъ въ Роксбёри (Массачусэтсъ) передъ собравшимися офицерами и солдатами произнесъ горячую проповѣдь молодой пастырь Эзри Сампсонъ, недавно окончившій Іэль Колледжъ (Yale College),— человѣкъ настолько способный, что его товарищи по колледжу говорили про него, что онъ „Сампсонъ не только по имени, но и по дарованіямъ“ „Разсказываютъ про одного турецкаго генерала“, сказалъ между прочимъ проповѣдникъ, „что будучи посланъ сражаться съ арміей христіанъ, нарушившей самыя торжественныя обязательства, онъ выступилъ впередъ своихъ войскъ и, взявъ въ руки договоръ, который христіане нарушили, и держа его такимъ образомъ, чтобы они видѣли этотъ договоръ, такъ обратился ко Всевышнему: „Всемогущій Боже! если ты, какъ они говорятъ, Богъ христіанъ, ты долженъ любить правду и ненавидѣть вѣроломство. Посмотри же, какъ они нарушили этотъ договоръ, и такъ какъ ты не можешь помогать тѣмъ, кто не правъ, пошли имъ пораженіе, а мнѣ побѣду“.

„Онъ кончилъ, обнажилъ мечъ и повелъ войска въ бой. Схватка была жаркая, но христіане скоро обратились въ бѣгство. Развѣ мы въ настоящее время не можемъ указать, какъ на доказательство вѣроломства и злыхъ умысловъ нашихъ враговъ, на нарушенную хартію нашей колоніи, на жестокій законъ о закрытіи Бостонской гавани и на другіе измѣнническіе и безчестные акты по отношенію къ несчастнымъ жителямъ Массачусэтса и въ особенности города Бостона“.

Утромъ того же дня, который былъ назначенъ конгрессомъ для поста, покаянія и молитвы (20 іюля 1775 г.) члены конгресса собрались въ обычное мѣсто засѣданія въ $9^1/_2$ ч. утра и затѣмъ отправились всѣмъ составомъ въ церковь, въ которой долженъ былъ говорить проповѣдь пасторъ Дюшэ (Duché), считавшійся однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ среди англиканскаго духовенства въ Америкѣ. Изобразивъ Америку, какъ вѣтвь, еще не отпавшую отъ британскаго древа, Дюшэ произнесъ

*) Англиканская церковь считаетъ постъ въ извѣстныхъ случаяхъ полезнымъ, но не обязательнымъ для вѣрующихъ. Въ годы общественныхъ бѣдствій англійскій король назначалъ иногда извѣстный день для поста и общественной церковной службы; описанный случай былъ первый, когда конгрессъ поступилъ аналогично въ Америкѣ. Если не ошибаемся, въ настоящее время президентъ республики каждый годъ назначаетъ одинъ день для поста и молитвы во всей Америкѣ, когда прекращаются занятія во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ.

чрезвычайно рѣзкую и страстную проповѣдь, которая несомнѣнно должна была очень понравиться всѣмъ наиболѣе радикальнымъ членамъ конгресса. Пасторъ говорилъ, что Америку „разоряютъ и притѣсняютъ", что метрополія совершенно безъ всякаго основанія „крайне рѣзко и сурово относится къ своимъ американскимъ колоніямъ" и сумѣлъ возбудить крайнее негодованіе среди слушателей изображеніемъ несправедливости и варварства столь противоестественнаго отношенія Англіи къ колоніямъ, заселеннымъ потомками англійскихъ выходцевъ. „Мы теперь подвергаемся опасности жестокихъ и несправедливыхъ нападеній не отъ какихъ нибудь чужестранныхъ народовъ, не отъ дикарей окружающей насъ пустыни, нѣтъ, на насъ подняла свою безжалостную руку Великобританія, готовая погубить свое собственное дѣтище"!

Проповѣдникъ, произнесшій эти горячія слова, былъ Дж. Дюшэ 38-лѣтній пасторъ церкви Христа (Christ Church), происходившій отъ старинной и вліятельной семьи въ Пенсильваніи, человѣкъ, пріобрѣвшій большую популярность, благодаря большимъ ораторскимъ дарованіямъ, высокому образованію, пріятности манеръ. Популярность Дюшэ среди людей болѣе крайнихъ мнѣній особенно увеличилась послѣ того, какъ онъ рѣшился открыть молитвой засѣданіе конгресса, обсуждавшаго мѣры борьбы съ Англіей. Какъ мы знаемъ, это было совершенно незаконное и можно сказать, даже чисто революціонное собраніе, и для духовнаго лица нужно было много смѣлости, чтобы показать свою солидарность съ собраніемъ такихъ лицъ, на которыхъ законное правительство смотрѣло, какъ на заговорщиковъ.

Дѣло было такъ. Какъ намъ извѣстно, первый континентальный конгрессъ состоялся 5 сентября 1774 года *). На слѣдующій день послѣ открытія конгресса одинъ изъ делегатовъ отъ Массачусэтса предложилъ, чтобы засѣданія каждый день открывались молитвой. Двое изъ членовъ конгресса возражали противъ этого, указывая на практическія затрудненія, являющіяся результатомъ крайняго разнообразія въ вѣроисповѣданіи членовъ конгресса, изъ которыхъ одни были конгрегаціоналисты, другіе пресвитеріане, третьи анабаптисты, четвертые квакеры и т. д. Тутъ всталъ Самуилъ Адамсъ и сказалъ, что хотя онъ конгрегаціоналистъ, „онъ, однако, не ханжа (bigot) и можетъ выслушать благоговѣйно молитву, произнесенную благочестивымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ другого христіанскаго исповѣданія, если только этотъ человѣкъ другъ своего отечества (т. е. сочувствуетъ задачамъ конгресса).

*) Это былъ конгрессъ, выработавшій рядъ мѣръ для коммерческой борьбы съ метрополіей знаменитымъ «Соглашеніемъ» и составившій декларацію правъ колонистовъ, нарушенныхъ англійскимъ правительствомъ. См. выше главу IX.

„Я не знаю Филадельфіи“, продолжалъ Адамсъ, „но слышалъ, что г-нъ Дюшэ именно такой человѣкъ, и поэтому я предлагаю пригласить завтра же открыть засѣданіе конгресса молитвой г-на Дюшэ,—пастора англиканской епископальной церкви“.

Предложеніе Адамса было принято, и приглашать Дюшэ отправился лично предсѣдатель конгресса. Случилось такъ, что какъ разъ въ это время весь городъ (Филадельфія) былъ взволнованъ слухомъ, оказавшимся впослѣдствіи ложнымъ, что британскія войска, стоявшія лагеремъ около Бостона, открыли огонь по этому несчастному городу. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ открывалъ молитвой засѣданія конгресса пасторъ церкви Христа въ Филадельфіи 7 сент. 1774 года. „Онъ явился со своимъ причетникомъ (clerk), одѣтый въ полное облаченіе“, писалъ нѣсколько дней спустя Джонъ Адамсъ своей женѣ, „прочелъ нѣсколько молитвъ, какъ это полагается дѣлать, а затѣмъ 35 и 36 псалмы, которые назначены для седьмого сентября. Не забудь, что это пришлось какъ разъ на другой день послѣ того, какъ между нами разнеслась вѣсть о канонадѣ Бостона. Казалось, что самъ Богъ такъ устроилъ, чтобы были прочтены именно эти псалмы. Затѣмъ совершенно неожиданно для всѣхъ Дюшэ произнесъ *ex tempore* подходящую случаю молитву, проникнувшую въ сердца всѣхъ слушавшихъ. Сознаюсь, я никогда не слышалъ лучшей молитвы, какъ и не слышалъ такого хорошаго чтенія молитвы... Общее впечатлѣніе было чрезвычайно сильно... Вообще г-нъ Дюшэ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ умныхъ и достойныхъ людей и одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ среди англиканскаго епископальнаго духовенства и въ то же время одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ радѣтелей свободы и своего отечества“.

То, что Адамсъ сообщалъ своей женѣ, стало скоро извѣстно всей Америкѣ, и популярность Дюшэ въ 1775 и 1776 г. вслѣдствіе этого была огромна. Казалось, Дюшэ былъ полонъ рѣшимости стоять за дѣло свободы и поддержать такую же рѣшимость въ другихъ. Такъ, въ пламенной проповѣди, сказанной имъ въ церкви Христа первому батальону войскъ, сформированныхъ въ Филадельфіи, недѣли двѣ спустя послѣ сраженія при Бонкеръ Хиллъ, Дюшэ убѣждалъ солдатъ твердо стоять за свободу и не смущаться даже и тогда, когда дѣло дойдетъ до открытой борьбы съ Англіей, которая затѣваетъ эту борьбу, очевидно, изъ зависти къ растущему величію Америки. „Будьте тверды, непоколебимы, настойчивы“, говорилъ проповѣдникъ. „Могутъ возникнуть для васъ новыя и неожиданныя трудности, которыя способны смутить и наиболѣе закаленныя души. Будьте поэтому готовы къ худшему. Не тратьте своихъ силъ на слишкомъ рѣзкія и сильныя проявленія своего усердія. Не спѣшите доводить дѣла до крайности, чтобы не утомлять себя слишкомъ большимъ напряженіемъ силъ, думайте о томъ, чтобы сохранить

въ себѣ достаточно силъ для критическихъ минутъ. Спокойно и хладнокровно ждите событій, теченіе которыхъ находится въ рукахъ Провидѣнія; надѣйтесь на одного того, отъ кого зависитъ дать вамъ силу и средства, необходимыя для предстоящихъ вамъ испытаній. Однимъ словомъ, друзья мои, если бы обстоятельства приняли даже самый дурной оборотъ, если бы мы лишились всѣхъ матеріальныхъ благъ жизни, если бы непріятель парализовалъ нашу торговлю и намъ пришлось бы, какъ это уже и было съ нѣкоторыми, бросить свои дома, имѣнія, будемъ всетаки твердо и безстрашно защищать дѣло свободы". Проповѣдь, изъ которой мы привели эти слова, произвела очень сильное впечатлѣніе и имѣла большое вліяніе не только на тѣхъ, кто слышалъ ее, но и на многія тысячи и даже десятки тысячъ американцевъ и англичанъ, никогда не видѣвшихъ и не слышавшихъ Дюшэ, такъ какъ эта проповѣдь, посвященная, кстати сказать, Вашингтону, была напечатана въ томъ же 1775 г. въ Филадельфіи и въ Лондонѣ. Къ сожалѣнію, какъ оказалось впослѣдствіи, никто такъ не нуждался въ прекрасныхъ совѣтахъ, въ мужественныхъ увѣщаніяхъ Дюшэ и никто ими такъ скоро не пренебрегъ, какъ самъ краснорѣчивый проповѣдникъ церкви Христа въ Филадельфіи...

Нѣсколько дней спустя послѣ объявленія конгрессомъ независимости (4 іюля 1776 г.) Дюшэ получилъ оффиціальное извѣщеніе, что въ виду его „благочестія", а равно и „постоянной и усердной преданности дѣлу американской свободы", конгрессъ назначаетъ его своимъ проповѣдникомъ и „будетъ радъ видѣть его каждый день въ девять часовъ для открытія засѣданія молитвой". Дюшэ съ тѣхъ поръ являлся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ каждый день къ 9 час. утра въ залъ засѣданій конгресса и усерднѣйшимъ образомъ молилъ Бога о помощи конгрессу въ его стремленіи уничтожить власть англійскаго короля въ Америкѣ.

Но вскорѣ для американцевъ настали черные дни: рядъ понесенныхъ ими пораженій подвергнулъ тяжелому испытанію души патріотовъ, и между другими Дюше не выдержалъ этого испытанія. Когда неудачи американцевъ привели къ тому, что Филадельфія попала во власть британскихъ войскъ, Дюшэ быстро перемѣнилъ фронтъ и, открывъ свою церковь для „жестокихъ притѣснителей", о гибели которыхъ онъ такъ недавно и такъ горячо молился, сталъ съ такимъ же усердіемъ и такъ же горячо и краснорѣчиво молиться о ниспосланіи всякихъ благъ королю и всему королевскому дому...

Вскорѣ послѣ этого Дюше сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи и обратился съ письмомъ къ „своему другу" главнокомандующему американской арміей, убѣждая его „объяснить конгрессу всю безусловную необходимость отказаться поскорѣе отъ необдуманной и неумѣстной декларація независимости"... „Ваше вмѣшательство и совѣтъ, я въ этомъ увѣренъ, будутъ встрѣчены

благопріятно конгрессомъ, а если бы это даже оказалось и не такъ, то у васъ есть вѣрное средство привести дѣло къ концу—начать самому переговоры съ англичанами въ качествѣ начальствующаго арміей“.

Можно себѣ представить, какое негодованіе возбудило среди американцевъ это письмо Дюшэ къ Вашингтону, когда оно стало извѣстнымъ. Негодованіе это было настолько сильно, что Дюшэ нашелъ даже неудобнымъ и, можетъ быть, небезопаснымъ оставаться долѣе въ Америкѣ: всего черезъ нѣсколько недѣль послѣ отправленія указаннаго письма къ Вашингтону, Дюше уже уѣхалъ въ Англію на одномъ изъ англійскихъ военныхъ судовъ...

XXI.

Церковная проповѣдь какъ одинъ изъ литературныхъ факторовъ американской революціи (окончаніе).

Въ весеннюю кампанію 1777 года въ одномъ изъ американскихъ полковъ (изъ тѣхъ, которые были сформированы штатомъ Пенсильванія) появился молодой пасторъ Генри Брекенбриджъ, оказавшійся весьма увлекательнымъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Надо сказать, впрочемъ, что онъ былъ такъ проникнутъ яростью противъ англичанъ и такъ преисполненъ пламеннымъ желаніемъ уничтожить враговъ отечества, что его проповѣди, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя были опубликованы затѣмъ въ газетахъ, полны всякаго рода сильнѣйшихъ чувствъ кромѣ тѣхъ, которыя чѣмъ нибудь напоминали бы нагорную проповѣдь Христа...

Брекенбриджъ родился въ 1748 г. въ Шотландіи и былъ привезенъ родителями—людьми крайне бѣдными—въ Америку, когда ему было всего 5 лѣтъ. Мы не находимъ возможнымъ передавать читателю сколько труда, сколько характера, сколько энергіи долженъ былъ проявить Генри Брекенбриджъ, чтобы получить образованіе, которое ему удалось закончить послѣ нѣсколькихъ невольныхъ перерывовъ въ Princeton College въ 1771 г. Получивъ въ этомъ году степень баккалавра, Брекенбриджъ остался въ колледжѣ въ качествѣ тутора и сталъ въ то же время заниматься богословскими науками.

Получивъ права церковной проповѣди, Брекенбриджъ занялся педагогической дѣятельностью въ качествѣ директора одного средняго учебнаго заведенія. Въ это время для Америки настали критическіе дни, и Брекенбриджъ, бросивъ школу, поспѣшилъ въ лагерь сражающихся за отечество, чтобы раздѣлить съ ними всѣ лишенія и поддержать ихъ мужество своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и непоколебимой вѣрой въ успѣхъ праваго дѣла.

Находясь среди войскъ Брекенбриджъ произнесъ и затѣмъ опубликовалъ въ 1778 г. „Шесть политическихъ проповѣдей,

основанныхъ на Священномъ Писаніи". О содержаніи и направленіи ихъ можно судить уже по однимъ заглавіямъ: „Кровавые слѣды тираніи", „Сущность торизма и его уловки", „Судьба торизма и тираніи", „Помощь Бога дѣлу свободы", „Великое озлобленіе тирана и его причины".

Какъ было сказано въ заглавіи сборника проповѣдей, всѣ онѣ были основаны на Священномъ Писаніи. Надо сказать, что, говоря о Священномъ Писаніи, авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду преимущественно Ветхій Завѣтъ и въ особенности тѣ части его гдѣ разсказывается объ избіеніи хананеянъ Іисусомъ Навиномъ, о проклятіяхъ псалмопѣвца царя Давида, о свирѣпости братьевъ Маккавеевъ и т. п.

Первая проповѣдь. „Кровавые слѣды тираніи" была написана и произнесена вслѣдъ за пораженіемъ американской арміи при Брэндивайнѣ (Brandywine) и представляетъ собой дикій призывъ къ патріотической ненависти и мести. Исходя въ своей проповѣди изъ части 11 стиха посланія апостола Іуды: „горе имъ, потому что идутъ путемъ Каиновымъ", Брекенбриджъ называетъ нѣсколькихъ знаменитыхъ продолжателей дѣлъ Каина, „перваго въ ряду убійцъ": Неврода, Фараона *), Ахава, Александра Македонскаго, Чингисъ-Хана, Тамерлана. „Я опускаю", продолжаетъ далѣе Брекенбриджъ, „все, что говорится въ исторіи о гуннахъ, вандалахъ и готахъ. Я не буду говорить также о жестокихъ и кровожадныхъ государяхъ и народахъ новѣйшихъ временъ, когда Европа утопала въ крови. Я пропускаю ихъ, чтобы тѣмъ скорѣе перейти къ лицу несравненно большей жестокости, вѣроломства и кровожадности, лицу, по сравненію съ которымъ всѣ другіе упомянутые злодѣи ничтожны. Я разумѣю жестокаго, неумолимаго, кровожаднаго англійскаго короля".

Охарактеризовавъ такимъ образомъ Георга III, Брекенбриджъ пытается далѣе изобразить въ самомъ отвратительномъ видѣ дѣйствія исполнителей королевской воли въ Америкѣ. „Пусть городъ Бостонъ засвидѣтельствуетъ ихъ жестокость плачемъ дѣтей, стонами несчастныхъ матерей. Пусть высоты Канады и окрестности Квебека покажутъ слѣды тираніи въ этой несчастной странѣ. Пусть штаты, лежащіе между высотами Канады и далекимъ фортомъ Сёлливанъ, разскажутъ потомству все, что они вынесли отъ гессенскихъ наемниковъ, покушавшихся на честь американскихъ женщинъ, отъ жестокихъ англичанъ, раззорявшихъ поля и усадьбы... Но теперь эти злодѣи подошли и къ намъ. Они высадились въ сосѣдней колоніи и прошли уже часть ея, сжигая жилые дома, уничтожая пищевые запасы, предавая пыткамъ тѣхъ, кто, по ихъ подозрѣніямъ, скрывалъ деньги. Они изгоняли мирныхъ гражданъ

---

*) Такъ въ Библіи, какъ извѣстно, названъ египетскій царь, въ царствованіе котораго произошелъ исходъ евреевъ изъ Египта.

изъ домовъ, насиловали женщинъ, предавали все огню и мечу... Они не щадятъ себя, чтобы только уничтожить насъ... Они готовы скорѣй разстаться съ собственной жизнью, чѣмъ дать намъ возможность остаться въ живыхъ... Что можетъ быть болѣе гнуснаго что можетъ быть болѣе дьявольскаго"?

Проповѣдь Брекенбриджа заканчивается рядомъ проклятій врагу и призывомъ къ неумолимой ненависти къ нему. „Горе имъ, потому что они отвергли всѣ наши смиренныя просьбы и петиціи! Они отвергли ихъ съ пренебреженіемъ и грубостью. Они были глухи ко всѣмъ нашимъ мольбамъ... Они какъ будто бы задались цѣлью безжалостно стереть насъ съ лица земли. Они преслѣдуютъ эту цѣль съ жестокимъ упорствомъ. Они ведутъ войну со свирѣпостью, безпримѣрною среди цивилизованныхъ народовъ. Они кромсали тѣла нашихъ героевъ, павшихъ на полѣ брани. Они разоряли наши школы и университеты (colleges). Они сжигали церкви. Они пролили кровь безоружнаго и просящаго о пощадѣ священника. И все это они сдѣлали съ людьми, говорящими на одномъ съ ними языкѣ и одинаковой съ ними вѣры. Горе имъ, потому что они пролили кровь братьевъ! Они пошли путемъ Каиновымъ".

... „Не будемъ же никогда, ни на минуту забывать всѣхъ этихъ злодѣяній. Проникнемся всѣ до единаго ненавистью къ тираніи и къ тирану, пусть Георгъ III будетъ для насъ вторымъ Каиномъ на землѣ. Пусть матери внушаютъ отвращеніе къ этому имени своимъ дѣтямъ, когда они еще сосутъ грудь! Покажемъ свою ненависть словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, особенно дѣломъ! Старики, отпускайте съ радостью своихъ сыновей въ ряды войскъ! Жены, не смущайте слезами и сожалѣніями мужей своихъ, идущихъ защищать отечество! Солдаты, — къ вамъ я обращаюсь по преимуществу, — покажите врагамъ свою рѣшимость не останавливаться ни передъ чѣмъ для защиты своей родины! Пусть врагъ читаетъ всю вашу ненависть къ нему на вашихъ лицахъ, въ вашихъ глазахъ!.. Пусть каждый мужикъ идетъ въ солдаты! Пусть каждый солдатъ не щадитъ своего живота! Пусть каждый рѣшитъ побѣдить или умереть! Будемъ грудью стоять за каждый холмъ, за каждую долину, за каждое поле, пока не прогонимъ врага, и онъ не уйдетъ совсѣмъ изъ Америки; пока тиранъ не откажется отъ своей гнусной цѣли и не сознается, что нельзя наложить цѣпей на американцевъ, нельзя поработить свободныхъ людей"!..

Не одинъ Брекенбриджъ проповѣдывалъ съ церковной каѳедры дикую, неумолимую ненависть къ англичанамъ и къ тори; такія же проповѣди говорилъ и писалъ, напр., Нат. Уитэкеръ, пасторъ одного изъ конгрегаціонистскихъ приходовъ въ колоніи Массачусетсъ. Этотъ пасторъ пытался оправдать словомъ Божіимъ проповѣдываемую имъ ненависть къ тори, основываясь на аналогіи

между ними и нѣкоторыми „злыми людьми“ Ветхаго Завѣта, на которыхъ обрушился гнѣвъ Божій и проклятія пророковъ.

Изъ проповѣдей Уитэкера особенное вниманіе привлекли двѣ, произнесенныя имъ въ 1777 г. и тогда же напечатанныя, проповѣди, въ которыхъ особенно рѣзко выразилась страстная ненависть Уитэкера къ тѣмъ, кого онъ считалъ врагами отечества.

Первая изъ этихъ проповѣдей называется „Противоядіе противъ тори или проклятіе Мероза“ (Meroz). Резюмируя основную мысль проповѣди изрѣченіемъ: „да будетъ проклятъ тотъ, кто удерживается отъ пролитія крови“, онъ видитъ въ поведеніи тори, отказывавшихся взяться за оружіе и примкнуть къ революціонерамъ, такое преступленіе, за которое они заслуживаютъ вышеприведенныхъ словъ проклятія. Преступленіе тори, само по себѣ гнусное, усугубляется по мнѣнію Уитэкера двумя обстоятельствами: во-первыхъ, идя противъ братьевъ, они идутъ противъ природы, во-вторыхъ, они совершаютъ грѣхъ и по отношенію къ потомству. Имѣя въ виду послѣднее, проповѣдникъ восклицаетъ: „Что это за сцену я вижу передъ собой? Посмотри на эти прекрасные удобные дома, построенные нашими трудами, въ нихъ водворились королевскіе фавориты. „Посмотрите далѣе на эти обширныя поля, надъ которыми въ потѣ лица трудились отцы наши и мы сами, вотъ они обогащаютъ приспѣшниковъ тирана, помогавшихъ ему въ его гнусныхъ стремленіяхъ поработить насъ. Прониклись ли вы къ нимъ достаточной ненавистью! Или, можетъ быть, вамъ надо показать картину еще болѣе отвратительную? Что за изможденныя худыя лица я вижу въ поляхъ, лица рабочихъ въ поту за тяжелымъ трудомъ земледѣльца? Кто эти одѣтые въ тряпье люди, которые таскаютъ тяжести, носятъ на себѣ воду для надменныхъ баръ и затѣмъ съ низкими поклонами просятъ у тѣхъ же баръ куска хлѣба? Боже милосердый, поддержи духъ мой! Вѣдь это они, мои сыновья, мои дочери... они въ тяжелыхъ кандалахъ, въ позорныхъ цѣпяхъ рабства!.. Но, можетъ быть, близокъ часъ ихъ освобожденія? Увы, мало на это надежды! Рабство губитъ человѣческія способности, ввергаетъ человѣка въ уныніе и апатію, дѣлаетъ его глупымъ, вселяетъ въ душу его отчаяніе... Эти люди не видятъ для себя никакого выхода, они страдаютъ отъ бѣдности и непосильнаго труда, чахнутъ и умираютъ, оставляя и дѣтей своихъ въ томъ же жалкомъ положеніи. Чего же послѣ этого заслуживаютъ, или вѣрнѣе, какихъ проклятій заслуживаютъ тѣ мерзавцы, тѣ гнусныя твари, которыя могутъ спокойно смотрѣть на попытки порабощенія нашего отечества“.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были производить на души патріотовъ такія проповѣди и какую сильную поддержку имѣли революціонеры въ церковной каѳедрѣ, вліяніе которой въ Америкѣ, по традиціи, всегда было огромно,

что въ значительной степени объясняется тѣмъ, что духовенство въ Америкѣ всегда жило (и, мы могли бы прибавить, живетъ и теперь) интересами своей паствы *) и стремилось такъ или иначе отвѣчать на вопросы, волновавшіе общество, не сводя своей роли на механическое отправленіе церковной службы и не ограничиваясь безцвѣтными проповѣдями съ прописной моралью...

Всѣ проповѣдники, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, родились или, по крайней мѣрѣ, воспитывались въ колоніяхъ Новой Англіи и собственно даже въ центральной колоніи Новой Англіи Массачусэтсѣ. Мы знаемъ, что эта колонія была душой возстанія; неудивительно, что въ ней же мы находимъ и проповѣдниковъ, которые отличались въ своихъ проповѣдяхъ наибольшей рѣзкостью выраженій, наибольшей ненавистью къ Англіи и въ особенности къ ея американскимъ союзникамъ—тори или лойялистамъ **).

Духовенство другихъ колоній было болѣе сдержанно въ своихъ проповѣдяхъ, да и въ самой Новой Англіи лишь немногіе проповѣдники обращали церковную проповѣдь въ политическую трибуну для возбужденія въ своихъ слушателяхъ неумолимой ненависти къ врагу. Приведенные выше образцы церковной проповѣди во время революціи надо, такимъ образомъ, разсматривать, какъ крайнее, хотя, какъ намъ кажется, весьма характерное для изучаемаго нами времени, выраженіе того настроенія, которое вызывали у революціонеровъ превратности ихъ борьбы съ англичанами, и въ особенности сознаніе, что среди нихъ самихъ, среди американцевъ, есть люди, радующіеся успѣхамъ ихъ враговъ.

Между наиболѣе рѣшительными сторонниками революціонеровъ среди пасторовъ центральныхъ колоній особенно выдѣлялся Георгъ Дёффильдъ (Duffield), пресвитеріанскій пасторъ, окончившій въ 1752 г. Принстонъ Колледжъ. Къ опасностямъ походной жизни въ эпоху революціи Дёффильдъ получилъ прекрасную подготовку въ первые годы своего пастырскаго служенія на западной границѣ Пенсильваніи. Набѣги индѣйцевъ были тамъ такъ часты, что прихожане являлись въ церковь вооруженными. Въ одной изъ церквей, гдѣ служилъ Дёффильдъ, во все время службы часовые стояли на укрѣпленіяхъ, окружавшихъ церковь, чтобы тотчасъ дать знать вѣрующимъ, когда покажутся какіе нибудь признаки опасности. Усердіе, краснорѣчіе и неустрашимость Дёффильда создали ему извѣстность во всей Пенсильваніи, и въ 1766 г.

*) Въ Англіи и Америкѣ духовенство играетъ крупную роль не только въ дѣлахъ благотворительности, но и въ другого рода—гораздо болѣе радикальныхъ—попыткахъ врачеванія современныхъ общественныхъ золъ.

**) Массачусэтсъ поставилъ и больше всего войскъ въ теченіе борьбы за независимость: изо всего числа солдатъ регулярной арміи, сформированной колонистами, на долю Массачусэтса (въ то время одной изъ наиболѣе населенныхъ колоній) приходится болѣе четвертой части. См. Higginson. A larger history of Un. States, 292.

онъ былъ приглашенъ въ одну изъ приходскихъ церквей Филадельфіи.

Дёффильдъ былъ рѣшительнымъ и смѣлымъ сторонникомъ революціонеровъ съ самаго начала разлада съ Англіей, и его горячія проповѣди привлекали всегда наиболѣе видныхъ представителей партіи виговъ между жителями Филадельфіи и между другими американцами, попадавшими по тѣмъ или инымъ причинамъ въ этотъ городъ. Вотъ, что писалъ, напр., своей женѣ 11 іюня 1775 г., когда народъ находился въ большомъ волненіи послѣ схватокъ при Лексингтонѣ и Конкордѣ, Джонъ Адамсъ, бывшій въ то время въ Филадельфіи въ качествѣ члена конгресса. „Сегодня утромъ я ходилъ слушать г-на Дёффильда, здѣшняго проповѣдника, который своими взглядами, молитвами (prayers) и проповѣдями напоминаетъ мнѣ духовенство Новой Англіи болѣе, чѣмъ какой либо иной изъ проповѣдниковъ, которыхъ мнѣ приходилось здѣсь слышать. Его проповѣдь представляла собой толкованіе 35 главы Исаія, при чемъ онъ относилъ къ Америкѣ слова пророка о „пустынѣ“ *). Своимъ краснорѣчіемъ онъ вдохнулъ одушевленіе въ сердца всѣхъ своихъ слушателей“. Черезъ шесть недѣль Адамсъ снова пишетъ женѣ объ этомъ пресвитеріанскомъ пасторѣ, который, очевидно, приходился ему такъ по сердцу. „Сегодня я слышалъ проповѣдь г-на Дёффильда на 2 книгу Паралипоменонъ, XV глава, стихи 1 и 2. Этотъ пасторъ всегда старается своей проповѣдью отвѣтить на запросы времени. На этотъ разъ онъ указывалъ на особенную необходимость мужества и добродѣтелей въ переживаемые тяжелые дни и приводилъ въ качествѣ примѣра поведеніе американской арміи подъ Бостономъ. Ты можешь себѣ представить, какъ мнѣ пріятно было все это слышать“ **).

Когда англичане лѣтомъ 1776 г. подошли къ Нью-Іорку, Дёффильдъ служилъ полковымъ священникомъ въ американской арміи, стоявшей лагеремъ подъ Нью-Іоркомъ. Въ это время Дёффильду случилось, однажды, для исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей за недостаткомъ чего нибудь другого, болѣе подходящаго, влѣзть на дерево, сѣсть верхомъ на вѣтку и оттуда говорить проповѣдь. Скоро однако проповѣдь была прервана непріятельскими выстрѣлами въ дерево, столь оригинально замѣнявшее церковную каѳедру.

Дёффильдъ былъ не только горячій патріотъ, онъ былъ че-

*) Вотъ что мы читаемъ въ 35 главѣ «Возвеселится пустыня... и разцвѣтетъ, какъ нарциссъ. Великолѣпно будетъ цвѣсти и радоваться, будетъ торжествовать и ликовать... Укрѣпите ослабѣвшія руки и утвердите колѣни дрожащія. Скажите робкимъ душою: будьте тверды, не бойтесь, вотъ Богъ вашъ, прійдетъ отмщеніе, воздаяніе Божіе; Онъ прійдетъ и спасетъ васъ» и т. д.

**) Дж. Адамсъ родился въ окрестностяхъ Бостона и былъ однимъ изъ делегатовъ Массачусэтса на конгрессѣ.

ловѣкъ высокихъ идеаловъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ проповѣди, произнесенной имъ въ своей церкви 11 декабря 1783—день празднованія окончанія войны и заключенія мира. „Здѣсь Господь нашъ",—сказалъ, между прочимъ, Дёффильдъ,—„создалъ страну гражданской и религіозной свободы и приготовилъ убѣжища для бѣдныхъ и угнетаемыхъ во всѣхъ частяхъ земли. Здѣсь, если мы сумѣемъ мудро устроить свои дѣла, будетъ царствовать равенство, и отъ насъ благословенная свобода широко распространится по всему континенту. Будучи далеки отъ раздора, распрей и войнъ, раздирающихъ королевства и имперіи въ Европѣ, здѣсь земледѣльцы будутъ наслаждаться плодами трудовъ своихъ, купцы будутъ увѣрены въ безопасности своего имущества и въ невозможности незаконныхъ поборовъ, мастера будутъ охотно изощрять свою изобрѣтательность, увѣренные въ томъ, что никто не помѣшаетъ имъ воспользоваться выгодами своихъ изобрѣтеній. Люди науки будутъ свободно предаваться своимъ влеченіямъ и будутъ безпрепятственно распространять свѣтъ знанія до самыхъ далекихъ окраинъ континента, обращая въ людей нынѣшнихъ дикарей, бродящихъ по дальнимъ степямъ запада".

Мы уже говоримъ, что далеко не всѣ духовныя лица, служившія дѣлу революціи съ церковной каѳедры, были такъ несдержаны въ своихъ проповѣдяхъ, какъ Брекенбриджъ или Уитэкеръ. Другіе проповѣдники, стараясь поднять духъ революціонеровъ, не считали нужнымъ въ то же время пробуждать въ своихъ слушателяхъ чувство дикой ненависти къ врагу. Среди такихъ проповѣдниковъ, получившихъ извѣстность не столько крайностью своихъ взглядовъ или рѣзкостью выраженій, сколько глубиною ихъ внутренней убѣдительности, видное мѣсто занимаютъ Джонъ Уизерспунъ (Witherspoone) и Эзри Стайльсъ (Stiles). Описаніемъ дѣятельности перваго изъ нихъ мы и закончимъ нашу характеристику церковной проповѣди, какъ одного изъ факторовъ американской революціи.

Уизерспунъ родился, воспитывался и прожилъ до 46 лѣтъ въ Шотландіи и, уже далеко перейдя за половину обыкновенной человѣческой жизни, пріѣхалъ въ Америку. Это, однако, не помѣшало ему сыграть не маловажную роль въ движеніи, начавшемся вскорѣ послѣ его переселенія.

Уизерспунъ родился въ 1722 г. близь Эдинбурга и по матери былъ прямымъ потомкомъ знаменитаго Джона Нокса *). Двадцати лѣтъ Уизерспунъ окончилъ Эдинбургскій университетъ и тотчасъ поступилъ пасторомъ въ городѣ Бейтъ на западѣ Шотландіи.

*) Религіозный реформаторъ XVI вѣка, роль котораго въ торжествѣ реформаціи въ Шотландіи, представляетъ нѣкоторыя аналогіи съ ролью Лютера въ Германіи.

Въ теченіе 25 лѣтъ пастырскаго служенія Уизерспунъ пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ и какъ талантливый писатель по богословскимъ и частію по инымъ вопросамъ. Въ 1768 г. ему было предложено паствой занять пресвитерскій приходъ сначала въ Дунди, а затѣмъ въ Дублинѣ, но онъ предпочелъ принять предложеніе, пришедшее изъ Америки,—занять должность ректора (president) колледжа колоніи Нью-Джерси *) (одна изъ колоній Новой Англіи).

Въ Америкѣ также были очень рады согласію Уизерспуна. Съ самаго того времени, когда онъ высадился въ Филадельфіи и до пріѣзда въ Принстонъ, онъ повсюду встрѣчалъ выраженія уваженія и радости. Въ день его пріѣзда колледжъ былъ иллюминованъ, и въ радости учебнаго заведенія принимало участіе не только населеніе мѣстечка, но и жители сосѣднихъ селеній и даже всей колоніи. Въ теченіе 26 лѣтъ своей жизни въ Америкѣ Уизерспунъ не только сумѣлъ оправдать всѣ тѣ ожиданія, всѣ тѣ надежды, которыя на него возлагались, но, можно сказать, далеко превзошелъ ихъ.

Мы не можемъ касаться здѣсь заслугъ Уизерспуна, какъ ректора Принстонскаго колледжа, и ограничимся лишь характеристикой его, какъ политическаго дѣятеля. Какъ выразился одинъ американскій историкъ, „Уизерспунъ сталъ американцемъ съ того момента, какъ ступилъ на американскій берегъ“. Пріѣхавъ въ то время, когда подготовлялся великій разладъ съ метрополіей, приведшій къ окончательному разрыву, Уизерспунъ быстро освоился съ тѣми вопросами, которые волновали американское общество, и рѣшительно сталъ на сторону революціонеровъ, не раздѣляя впрочемъ нѣкоторыхъ ихъ крайностей.

Въ 1776 г. Уизерспунъ началъ свою активную политическую карьеру участіемъ въ трудахъ конвента, выбраннаго населеніемъ Нью-Джерси для выработки новой конституціи, которая должна была замѣнить прежнее гражданское устройство колоніи до начала борьбы съ Англіей. Труды Уизерспуна въ конвентѣ настолько подняли его репутацію, какъ практическаго дѣятеля, что въ томъ же году онъ былъ выбранъ въ качествѣ делегата Нью Джерси въ американскій конгрессъ, куда прибылъ какъ разъ во время, чтобы вотировать и подписать знаменитую декларацію независимости.

Уизерспунъ принималъ участіе въ трудахъ конгресса во все время войны, будучи однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ, наиболѣе здравыхъ и разумныхъ членовъ его. Въ то же время Уизерспунъ написалъ массу статей въ газетахъ и журналахъ, статей, имѣвшихъ

*) Болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Princeton College по мѣсту нахожденія колледжа (въ мѣстечкѣ Princeton). Колледжъ существуетъ до сихъ поръ и принадлежитъ къ числу высшихъ учебныхъ заведеній Америки.

большое вліяніе на общественное мнѣніе и отрезвлявшихъ иногда болѣе или менѣе значительную часть общества отъ опасныхъ увлеченій, проистекавшихъ отъ недостаточнаго образованія и развитія, какъ, напр., отъ увлеченія выпускомъ бумажныхъ денегъ и отъ другихъ подобныхъ экспериментовъ.

Принимая столь дѣятельное участіе въ политической жизни своего новаго отечества и не переставая въ то же время исполнять обязанности ректора Priceton College, Уизерспунъ не могъ, конечно, найти много времени для подготовки и произнесенія проповѣдей. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отношеніи вліяніе его было довольно значительно. Изъ проповѣдей Уизерспуна заслуживаетъ вниманія, какъ характеризующая самого Уизерспуна и его отношеніе къ американской революціи, проповѣдь, произнесенная имъ 17 мая 1776 г., въ день, назначенный конгрессомъ для молитвы и поста во всѣхъ американскихъ колоніяхъ и для окончательной подготовки къ рѣшительному шагу (объявленію независимости) по отношенію къ Англіи, шагу, послѣ котораго уже нельзя будетъ болѣе отступать назадъ и идти на компромиссы.

Проповѣдь Уизерспуна, изданная впослѣдствіи подъ заглавіемъ „Власть Провидѣнія надъ страстями людей", заключала въ себѣ сдержанное, но рѣшительное изложеніе доводовъ, побуждающихъ американцевъ настаивать на правѣ самостоятельнаго управленія собственными дѣлами.

„Нѣтъ ни одного примѣра въ исторіи",—сказалъ, между прочимъ, въ своей проповѣди Уизерспунъ,—„чтобы народъ, который потерялъ гражданскую свободу, сохранилъ бы свободу въ духовныхъ (церковныхъ) дѣлахъ. Если такимъ образомъ мы поступимся своей политической свободой, мы подготовимъ путь и для порабощенія нашей совѣсти".

Переходя далѣе къ характеристикѣ дѣйствій англійскихъ министровъ, парламента и всего народа, Уизерспунъ говорилъ: „я не могу согласиться на ихъ несправедливыя притязанія вовсе не потому, что считаю этихъ людей продажными или безнравственными, хотя, можетъ быть, такое утвержденіе и было бы основательно по отношенію ко многимъ изъ нихъ, а просто потому, что это—люди, а слѣдовательно, имъ присущи всѣ тѣ эгоистическія поползновенія и стремленія, которыя составляютъ одно изъ свойствъ человѣческой натуры, потому, далѣе, что они живутъ гдѣ-то вдали отъ насъ, не имѣя съ нами общихъ интересовъ, что легко можетъ дать имъ поводъ къ злоупотребленію своей властью надъ нами... Я всегда думалъ, что мы лишь ослабляемъ основательность нашихъ протестовъ, когда жалуемся на произволъ короля или на наглость, жестокость или упрямство англійскихъ министровъ. Мы просто хотимъ и должны оградить себя отъ людского невѣжества, пристрастія, несправедливости"...

Въ теченіе своей проповѣди Уизерспунъ коснулся и занимав-

шаго въ то время всѣхъ вопроса, не пора ли формально отложиться отъ Англіи (до тѣхъ поръ, хотя война фактически началась, все еще считалось возможнымъ найти какой нибудь компромиссъ для возстановленія связи съ метрополіей).

„Теперь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ: будемъ ли мы вести войну съ одной изъ сильнѣйшихъ державъ міра въ качествѣ мятежниковъ, возставшихъ противъ правительства, законность котораго мы не оспариваемъ, или въ качествѣ независимаго народа, поднявшагося противъ незаконно захваченной власти, которую мы ненавидимъ и презираемъ... Можно ли въ самомъ дѣлѣ думать, что и теперь еще осуществимо примиреніе при сохраненіи конституціонныхъ гарантій гражданской свободы въ Америкѣ? Неужели кто нибудь изъ васъ воображаетъ, что можно придумать такой порядокъ вещей, при которомъ Англія будетъ увѣрена въ нашей покорности, а мы будемъ увѣрены въ своей свободѣ“?..

Всѣми признано, что англійскія колоніи въ Америкѣ достигли большого процвѣтанія, чѣмъ колоніи какого либо другого европейскаго народа. Чѣмъ же это объясняется? Не климатомъ, такъ какъ въ нихъ мы находимъ самые различные климаты, не характеромъ населенія, такъ какъ населеніе этихъ колоній составилось изъ выходцевъ изо всѣхъ странъ. Слѣдовательно, это преуспѣяніе можно объяснить лишь британской свободой, которую англичане принесли съ собой изъ своей родины, которой въ большей или меньшей степени проникнутъ гражданскій строй всѣхъ колоній... Неужели найдется человѣкъ со здравымъ и свѣтлымъ умомъ, который пожелалъ бы, чтобы эти великія и процвѣтающія колоніи были подчинены, были обращены въ рабство далекой европейской державой? Неужели кто нибудь можетъ сомнѣваться въ томъ, что для американскихъ колоній согласиться на притязанія англійскаго парламента значило бы низвести себя на роль подвластныхъ провинцій, управляемыхъ заносчивыми сатрапами, находящимися подъ номинальнымъ контролемъ далекаго короля, до котораго не донесутся крики угнетаемыхъ, короля, окруженнаго къ тому же лицами, заинтересованными въ томъ, чтобы онъ оставался въ блаженномъ невѣдѣніи?..

„По всему этому я утверждаю — и думаю, что съ этимъ согласится всякій безпристрастный или незаинтересованный человѣкъ и что такъ разсудитъ дѣло и потомство,—я утверждаю, что мы всѣ должны теперь соединиться для обезпеченія свободы и независимости нашего отечества, такъ какъ мы не можемъ обезпечить одного, не достигнувъ другого“.

Эта проповѣдь Уизерспуна получила широкое распространеніе въ Америкѣ и въ Англіи, причемъ въ Глазго она была перепечатана и снабжена примѣчаніями и негодующими возраженіями, въ которыхъ пресвитеріанскаго пастора называли измѣнникомъ и предателемъ отечества. Тотъ фактъ, что проповѣдь Уизерспуна

получила широкое распространіе въ Англіи, для насъ весьма важенъ тѣмъ, что онъ характеризуетъ ту свободу, съ которой можно было въ Англіи конца XVIII столѣтія распространять факты и взляды, идущіе въ разрѣзъ съ политикой короля и министровъ.

XXII.

Ретроспективный взглядъ на значеніе литаратурныхъ факторовъ въ американской революціи. Какъ понимаютъ американскую революцію современные англичане и американцы.

Мы обозрѣли теперь наиболѣе замѣчательныя литературныя произведенія эпохи американской революціи и преимущественно тѣ изъ нихъ, въ которыхъ особенно выразились мысли и чувства, волновавшія колонистовъ передъ тѣмъ, какъ они рѣшились наконецъ на разрывъ съ когда-то родной и любимой метрополіей и во время самой борьбы съ ней, стоившей обѣимъ сторонамъ и особенно американцамъ многихъ жертвъ и лишеній.

Мы видѣли, что литература играла весьма видную роль въ этомъ великомъ движеніи, что она дѣйствовала непрерывно на разумъ и на чувства американцевъ холоднымъ анализомъ законности актовъ парламента и страстнымъ призывомъ защищать, не щадя живота, отечество отъ деспотическихъ поползновеній короля и послушныхъ ему министровъ и парламента.

Вспомнимъ хотя бы какъ *генералъ* Ли привѣтствовалъ появленіе знаменитаго памфлета Т. Пэна „Здравый смыслъ“: „я надѣюсь, что эта *книжка*... нанесетъ послѣдній ударъ Великобританіи“. Вспомнимъ, что по словамъ другихъ современниковъ Пэнъ своимъ памфлетомъ „совершилъ чудо“, обративъ тысячи рѣшительныхъ тори въ революціонеровъ.

Мы знаемъ далѣе, что въ такомъ же смыслѣ высказался о вліяніи этого литературнаго произведенія и самъ главнокомандующій американской арміи и цѣлый рядъ другихъ выдающихся американскихъ дѣятелей той эпохи. Мы напомнили о памфлетѣ Пэна, такъ какъ чрезвычайное вліяніе его на формальный и безповоротный разрывъ съ метрополіей представляетъ безспорный и крупный историческій фактъ. Если бы даже прямыя свидѣтельства современниковъ не давали намъ безспорнаго доказательства громаднаго вліянія литературы на развитіе и ходъ американской революціи, то достаточно убѣдительнымъ косвеннымъ доказательствомъ того же самаго могло бы служить то раздраженіе, та ненависть, которыя навлекали на себя наиболѣе талантливые литературные выразители революціонныхъ и лойялистскихъ тенденцій у людей противоположнаго образа мыслей. Мы знаемъ, что съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и даже задолго до этого лойялист-

скіе писатели должны были нерѣдко искать спасенія отъ народной расправы въ бѣгствѣ...

Мы знаемъ, съ другой стороны, какимъ потокомъ брани, показывавшей крайнюю степень раздраженія, осыпали лойялисты вождей революціоннаго движенія, и что ихъ ненависть къ Адамсу, Пэну, дѣйствовавшимъ перомъ, едва ли уступала въ чемъ нибудь ненависти къ генераламъ Вашингтону и Грину, служившимъ родинѣ своей шпагой.

Огромное вліяніе литературы во время американской революціи доказывается, наконецъ, и тѣмъ также извѣстнымъ намъ фактомъ, что наиболѣе талантливыя произведенія лойялистовъ и въ особенности революціонеровъ расходились въ массѣ изданій и были перепечатываемы во всѣхъ колоніяхъ и даже въ Англіи. Относительно же произведенія Пэна „Здравый смыслъ“ мы имѣемъ свидѣтельства современниковъ, удостовѣрявшія, что оно вѣроятно было прочитано всѣми взрослыми американцами безъ исключенія...

Мы полагаемъ, что факты, изложенные въ нашей работѣ, напомнили лишній разъ читателю ту вполнѣ доказанную исторіей весьма важную и тѣмъ не менѣе весьма часто забываемую истину, что наиболѣе рѣзко протестуютъ противъ малѣйшихъ посягательствъ на свободу народы, уже широко пользующіеся свободой, что наиболѣе громко кричатъ о притѣсненіяхъ и несправедливостяхъ тѣ народы, которые относительно обезпечены отъ всякихъ грубыхъ формъ притѣсненій и произвола... Въ самомъ дѣлѣ изо всѣхъ заокеанскихъ колоній европейскихъ народовъ англійскія колоніи первыя подняли знамя возстанія и основали независимое государство. Почему? Потому что ихъ притѣсняли больше чѣмъ колонистовъ другихъ странъ? Нѣтъ, американцы пользовались такими вольностями о какихъ и не мечтали колонисты другихъ странъ (напр., французы или испанцы), не мечтали по той простой причинѣ, что они никакихъ вольностей не знали у себя дома... Намъ кажется даже, что мы безъ преувеличенія можемъ сказать, что американцы возстали въ XVIII столѣтіи, защищая такія права, какихъ и теперь не удалось еще обезпечить себѣ народамъ континента Европы, кромѣ развѣ Франціи *).

Все это, а также упомянутое нами въ началѣ работы замѣчательное безпристрастіе американскихъ историковъ объясняетъ намъ тотъ взглядъ на американскую революцію, который въ настоящее время можно считать установившимся *въ Америкѣ*, взглядъ, рѣзко отличающійся отъ того, который распространенъ среди т. наз. образованнаго общества на континентѣ Европы и въ особенности въ Россіи.

*) Да и это исключеніе можно принять лишь съ оговорками, такъ какъ американцы, напр., всегда пользовались ничѣмъ не стѣсняемымъ правомъ сходокъ и ассоціацій, какового права и *современная* французская *республика* не обезпечиваетъ въ той же мѣрѣ своимъ гражданамъ.

Вотъ этотъ распространенный теперь среди американцевъ взглядъ на ихъ революцію, извлекаемый нами изъ много разъ цитированной превосходной книги *) профессора (одного изъ лучшихъ въ Америкѣ и во всемъ мірѣ) Харвардскаго университета Ал. Бушнеля Харта, книги, вышедшей въ 1892 г. и съ тѣхъ поръ имѣвшей уже нѣсколько изданій, введенной въ качествѣ учебнаго руководства и пособія во многихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Америки и признанной въ своемъ родѣ образцовымъ произведеніемъ.

Заканчивая обзоръ событій американской революціи, проф. Бушнелль Хартъ выражается слѣдующимъ образомъ. „Окидывая взглядомъ все это критическое время, трудно признать (it is difficult to sle), что колонисты испытывали тяжелыя притѣсненія. За десять лѣтъ пошлинами и налогами съ колонистовъ не было собрано и 400,000 фунт. стерл. (около 4,000,000 руб.). Содержаніе (англійскихъ) армій не стоило колонистамъ ни копейки, находившіяся въ Америкѣ войска не вмѣшивались въ сферу гражданской жизни за единственнымъ исключеніемъ Бостона. Законы о пошлинахъ и другія распоряженія относительно внѣшней торговли колоній были систематически нарушаемы (evaded, т. е. буквально „обходимы“). Истиннаго оправданія революціи надо искать не въ спискѣ неудовольствій на дѣйствія англійскаго правительства, составленномъ колонистами **) (catalogge of grievances drawn up by the colonies). Революція была законна (right), такъ какъ въ основѣ ея лежали два великихъ принципа человѣческаго прогресса.

„Во первыхъ, по мѣрѣ того какъ американскія колоніи становились значительнѣе, населеннѣе и богаче, колонисты все болѣе и болѣе негодовали на то, что развитію ихъ торговли мѣшаютъ нѣкоторыя стѣсненія, введенныя въ интересахъ людей, живущихъ за океаномъ. Такимъ образомъ, колонисты, поднимая возстаніе, настаивали на неотъемлемомъ правѣ каждаго человѣка пользоваться трудами рукъ своихъ. Успѣхъ революціи открылъ для американской промышленности и торговли тысячи путей во всѣхъ концахъ міра.

„Во вторыхъ, революція представляла собой протестъ противъ попытки подчинить Америку безконтрольной власти (arbitrary power). Эти попытки были произведены отъ имени англійскаго парламента, но дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это время въ

*) Epochs of American history, vol. II, Formation of the Union, New-Iork, 1892, 67—68.

**) Намекъ на декларацію независимости, представляющую въ нѣкоторомъ родѣ обвинительный актъ по отношенію къ англійскому правительству или вѣрнѣе по отношенію къ королю Георгу III. Мы знаемъ также (см. конецъ IX главы), что первый континентальный конгрессъ (1774) указалъ парламенту рядъ совершенныхъ парламентомъ нарушеній правъ колонистовъ.

силу нѣкоторой совокупности обстоятельствъ, представлявшихъ опасность для самой судьбы конституціоннаго режима въ Англіи, король вполнѣ подчинилъ своему вліянію парламентъ. Такимъ образомъ, колонисты, поднимая возстаніе противъ короля, дѣйствовали во имя тѣхъ же принциповъ и идей, какіе руководили тогда меньшинствомъ англичанъ, составлявшимъ оппозицію королю и его министрамъ.

„Вотъ почему въ 1879 г. англійскій посолъ въ Америкѣ сэръ Эд. Торнтонъ могъ съ полнымъ правомъ сказать, обращаясь къ американцамъ: „англичане понимаютъ теперь, что, поднимая возстаніе, вы боролись за *нашу* свободу“.

Да не подумаетъ читатель, что взглядъ, высказанный Э. Торнтономъ и приведенный проф. Хартомъ, раздѣляется немногими англичанами и американцами. Нѣтъ, рѣшаемся мы повторить, это не такъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ сошлемся на свидѣтельство талантливаго профессора государственнаго права въ Iowa College (колледжъ штата Айоуэй или, какъ у насъ принято произносить, и писать Іова) Джесси Мэси, который въ своемъ глубоко продуманномъ сочиненіи, „Англійская конституція“, *) говоритъ: „въ настоящее время обратилось въ общее мѣсто какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ, что истиннымъ мятежникомъ, истиннымъ измѣнникомъ по отношенію къ англійской конституціи (the real rebel against English Constitution) былъ самъ король... и что успѣхъ колонистовъ въ значительной степени содѣйствовалъ реакціи противъ деспотическихъ поползновеній Георга III“ (стр. 379, 386).

Иными словами, американцы возстали не тогда, когда послѣ ряда притѣсненій и угнетеній у нихъ были отняты послѣдніе слѣды свободы, а тогда, когда ихъ свободѣ въ первый разъ стала грозить серьезная опасность.

П. Г. Мижуевъ.

---

*) Jesse Maccy. The English Constitution, et commentary on its nature ond growth. New-Iork, 1897.

НА ПЬЯНОЙ ЯРМАРКѢ.

(Отрывки изъ дневника).

VII.

На дворѣ дѣйствительно происходила дѣятельная торговля Сотни чукотскихъ санокъ стояли рядами и группами внутри и снаружи крѣпости. Чукчанки сидѣли на санкахъ верхомъ, обернувъ свои продукты широкими ровдужными покрывалами, чтобы предохранить ихъ отъ слишкомъ назойливыхъ покупателей, которые такъ и рвали изъ рукъ. Русскіе и якуты, колымчане, анадырщики и индигирщики торопливо переходили отъ нарты къ нартѣ таская на плечахъ тяжелые мѣшки съ предметами мѣны. Среднеколымскіе каюры, не зная ни слова по чукотски, вели нѣмую торговлю при помощи жестовъ и выразительныхъ вычисленій на всѣхъ десяти пальцахъ обѣихъ рукъ. Къ удивленію, эти *безъязычные* успѣвали въ торговлѣ гораздо лучше *язычныхъ*, ибо чукчи болѣе довѣряли ихъ выразительной мимикѣ, чѣмъ сбивчивой и коварной болтовнѣ своихъ старинныхъ пріятелей—низовиковъ. Пріемы торговли были весьма оригинальны.

Чукчи и чукчанки признавали только потребительную стоимость предмета и не думали о мѣновой. Иной разъ они запрашивали тройную цѣну за самую ничтожную вещь и тутъ же отдавали за полюбившуюся имъ бездѣлицу новую кукашку или пару черныхъ пыжиковъ.

Лавки были открыты. То были жалкія лавчонки съ товарами самого плохого качества, кое какъ разложенными на двухъ-трехъ полкахъ. Но чукчамъ эти лавки казались великолѣпными, и они лѣзли туда толпою. Приказчики метались за стойками, какъ угорѣлые, не успѣвая удовлетворить требованіямъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ покупателей. Одни изъ чукчей входили, крѣпко сжимая въ рукахъ свою связку шкуръ, еще съ порога громко называли нужную имъ вещь, чайникъ, топоръ, тарелку и безъ дальнѣйшихъ пере-

говоровъ отдавали за нее свою пушнину, не обращая вниманія, существуетъ ли соотвѣтствіе между покупкой и уплатой за нее. Другіе, напротивъ, стояли, не зная, что спросить, и молча вслушивались въ чужія требованія, стараясь отыскать въ нихъ руководство для себя. Многіе, увлекаясь подражаніемъ, покупали вещи, совсѣмъ не нужныя имъ въ данное время.

Но главная торговля происходила въ купеческихъ домахъ. Оленные приносили сюда партіи выпоротка и оленьи шкуры. Торговые чукчи несли дорогую пушнину, лисицъ, сиводушекъ, тяжелые *рога* мамонтовой кости, пришельцы съ Носа забирали чай мѣстами, а табакъ большими кулями, высчитывая послѣ многихъ споровъ количество бобровыхъ шкуръ, соотвѣтствующихъ табачному забору.

Впрочемъ, сегодня первое мѣсто принадлежало выпоротку и равдугѣ. Настоящая серьезная пушнина должна была появиться только завтра.

Я зашелъ на нѣсколько минутъ въ домъ самаго крупнаго изъ колымскихъ купцовъ Куттука. Егоръ Николаевичъ Сохранный, повѣренный Куттука, работалъ въ задней половинѣ, не покладая рукъ. У стѣнъ по обѣ стороны возвышались уже двѣ большія горы, состоявшія—одна изъ выпоротковъ, другая изъ жесткихъ немятыхъ шкуръ, и онѣ быстро росли, стремясь добраться до потолка, но каждый разъ осыпаясь внизъ. Изъ подъ выпоротковъ виднѣлись толстые концы огромныхъ мамонтовыхъ клыковъ, сѣрые, слоистые, очень похожіе на старыя бревна. Кучка красивыхъ огненно-красныхъ лисицъ лежала у Сохраннаго за спиной, въ такомъ мѣстѣ, куда не имѣли доступа приходившіе люди.

Двое рабочихъ безостановочно набивали шкурами кожаные мѣшки и уносили ихъ въ амбаръ, чтобы сколько нибудь очистить пространство. Худощавый мальчикъ лѣтъ четырнадцати, очень похожій на Сохраннаго,—съ лицомъ, покрытымъ прыщами, торопливо считалъ выпоротки, разбирая ихъ въ то же время по сортамъ.

— 48 сѣрыхъ, 66 черныхъ! — говорилъ онъ. —Итого 745 сѣрыхъ и 252 черныхъ!.. — Сохранный быстро записывалъ цифры въ огромную книгу, лежавшую передъ нимъ на столѣ, успѣвая въ то же время слѣдить за порядкомъ и отвѣчать на всѣ вопросы приходившихъ.

Торговые чукчи приходили сюда по пяти и по шести разъ. Они никакъ не могли рѣшиться заключить сразу сдѣлку и откладывали ее на завтра и даже на послѣ завтра. Другіе приносили свою пушнину небольшими частями, разсчитывая при каждой дробной сдѣлкѣ выторговать нѣкоторую выгоду и, конечно, тѣмъ болѣе оставались въ накладѣ, ибо ловкій

купецъ постоянно успѣвалъ понизить стоимость той или другой шкуры. За то при каждой такой сдѣлкѣ чукчи неизмѣнно требовали прибавки не въ зачетъ договора, выпрашивали какую нибудь бездѣлицу, горсть сахару, нѣсколько листовъ табаку и т. п. Получивъ ее, они уходили довольные, увѣренные въ томъ, что одурачили русскаго пріятеля.

Сзади тѣснились зѣваки, люди зашедшіе изъ любопытства, молодые пастухи, которымъ и продавать было нечего. Они слонялись по ярмаркѣ въ качествѣ зрителей, заходили въ лавки, набирались въ переднія комнаты купеческихъ избъ, глазѣя, попрошайничая и нигдѣ не упуская случая выпить чашку чаю, нерѣдко подстерегая минуту, чтобы стащить одинъ изъ кирпичей или папушъ, которые съ какой-то самопроизвольной силой расплывались, какъ и шкуры, до самыхъ дальнихъ угловъ, не смотря на всѣ старанія русскихъ продавцевъ сосредоточить ихъ вокругъ себя. На моихъ глазахъ одинъ изъ такихъ непрошенныхъ гостей, поднялъ съ полу связку норниковъ *), случайно выроненную работникомъ, и весьма хладнокровно сталъ предлагать ее для продажи. Когда его уличилъ какой-то порѣчанинъ, видѣвшій его продѣлку, онъ съ такимъ же спокойствіемъ возвратилъ добычу по принадлежности.

— Ваше, такъ возьмите!—сказалъ онъ, нисколько не смущаясь, и не счелъ даже за нужное удалиться.

Покинувъ домъ Куттука, я опять вышелъ и сталъ ходить между торгующими. Недалеко отъ воротъ я остановился у нарты Чаунскаго пришельца Меветиргина, одного изъ моихъ недавнихъ знакомыхъ. Онъ уже успѣлъ распродать весь свой запасъ выпоротковъ и другихъ шкуръ и наполнилъ задокъ своей нарты черными кирпичами и мохнатыми коричневыми папушами. Однако, поверхъ его нарты была брошена широкая кукашка, сшитая изъ лоснящихся шкуръ и опушенная чернымъ *пухомъ* **) изъ собачьяго мѣха, которая то и дѣло привлекала вниманіе проходившихъ мимо колымчанъ. Но Меветиргинъ до сихъ поръ не соглашался на продажу; ему нужна была такая вещь, которую ни одинъ изъ покупателей не хотѣлъ предложить.

Высокій рыжеватый парень изъ нижнеколымскихъ русскихъ каюровъ, обвѣшанный выпоротками и сжимавшій въ объятіяхъ свертокъ жесткихъ пыжиковъ, мимоходомъ остановился у нарты Меветиргина.

— Кукашка!—сказалъ онъ.—Продай!.. Что просишь?

— Черный чайникъ!—неохотно отвѣтилъ чукча.

---

*) *Норникъ*—шкурка песцоваго щенка, убитаго въ началѣ августа.

**) Пухъ—опушка.

— Не стоитъ!—сказалъ покупатель. —За черный чайникъ и двѣ такихъ мало!..

Но вдругъ глаза его весело блеснули при видѣ казака, проходившаго мимо саней съ большимъ чайникомъ въ рукахъ. То былъ одинъ изъ жителей Средней Колымы, съ которыми нижнишанскіе (низовскіе) находятся въ вѣчномъ антагонизмѣ. Повидимому, ему пришло въ голову поддѣть на удочку непонимающаго *средневца*.

— Парень! — окликнулъ онъ казака. — У тебя чего, чайникъ? Вотъ чукчка продаетъ кукашку за чайникъ. Хорошая кукашка! Жаль чайника нѣту!..

Казакъ оскалилъ зубы. Лицо его пылало не совсѣмъ обыкновеннымъ румянцемъ.

— Не чайникъ, — чай! — сказалъ онъ весело, отвѣчая на первоначальный вопросъ.

— Какой чай?—съ удивленіемъ спросилъ казакъ, но Меветиргинъ перебилъ его.

— У-ухъ!—простоналъ онъ, сладострастно втягивая воздухъ ноздрями. Онъ, очевидно, понималъ, о какомъ чаѣ идетъ дѣло.

— Давай!—протянулъ онъ руку къ чайнику.

— Пошелъ, пошелъ!—закричалъ казакъ.—Много не дамъ!

— Одну!—просилъ чукча, облизываясь.

— Что дашь?.. кукашку?..

— У-ухъ!—простоналъ чукча,—вотъ бѣда! Чайникъ надо!— Кирпичъ лучше дамъ!—предложилъ онъ.—Мало?.. Ну, шапку дамъ!—и онъ снялъ съ нарты большой бѣлый малахай *) съ красивой черной опушкой.

— Ладно!—сказалъ казакъ.—Чашка есть?

Меветиргинъ досталъ изъ нарты чашку и подставилъ подъ носокъ чайника.

— Ловко! — сказалъ каюръ. — Видно средневцы отъ насъ-отъ—умнѣе!.. Егорша!—подозвалъ онъ Петрушина, выходившаго изъ за угла избы.

Петрушинъ подошелъ съ меланхолическимъ видомъ. Мѣшокъ на его плечахъ былъ почти пустъ, а въ рукахъ онъ держалъ стаканъ и блюдце изъ тонкаго стекла, пестро расцвѣченнаго сурикомъ и золотомъ.

— Казаки-то ловко сторожатъ! — сказалъ каюръ.—Сами спиртъ такъ и носятъ!..

— То и есть! — отвѣтилъ Петрушинъ. — А бѣдному человѣку...

— Тебѣ, видно, не пофартило?

— Оно какъ бы не пофартило, кабы было чего въ рукахъ!.. Да ничего нѣту отъ роду! Что было, все на кормъ извелъ. Эти

*) Мѣховая шапка въ видѣ большого капора.

собаки скоро меня самого съѣдятъ... А на руки купцы не вѣрятъ. Вонъ жидоморъ, — мотнулъ онъ головою въ сторону избы, — даетъ всякую пустяковину!.. Колокольцы, иголки, пуговки!.. А чай, табакъ у него нѣту!..

— А то чего у тебя? — спросилъ Сергунька, указывая на стаканъ.

— Все отъ него же!—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Петрушинъ, повертывая въ рукахъ посуду. — Говоритъ: два рубля, да никто брать не хочетъ!..

Золотые узоры блеснули на солнцѣ.

— Ка́ко мэй (выраженіе удивленія)!—сказалъ съ восхищеніемъ Меветиргинъ.

Онъ, очевидно, захмѣлѣлъ отъ недавно выпитой чашки. Спиртъ огнемъ переливался въ его жилахъ. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто все окружающее принадлежитъ ему, и готовъ былъ схватить или, пожалуй, укусить кого угодно, оленя, чукчу, казака, молодую дѣвку...

— Ка́ко мэй!..—повторилъ онъ, глядя на стаканъ.—Красиво!—Въ немъ уже загорѣлось необычайное желаніе овладѣть этой красивой игрушкой.—Продай!—обратился онъ къ русскому.

— Что есть?—спросилъ Петрушинъ.

— Вотъ кукашка!—сказалъ чукча.—Онъ терзался мыслью, что плата его окажется недостаточною. Петрушинъ сталъ разсматривать предлагаемую одежду.

— Чего дать на прибавку? — сказалъ чукча въ слухъ.— Вотъ та́льпугун (прибавка)!—предложилъ онъ, вытаскивая изъ подъ чума пару новыхъ торбасовъ,—больше ничего нѣтъ!

— Бери, бери!—махалъ руками Сергунька, едва удерживаясь отъ душившаго его смѣха.

Петрушинъ отдалъ стаканъ, неторопливо взялъ кукашку и торбаса и сталъ отходить отъ нарты съ притворно-беззаботнымъ видомъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, пошелъ скорѣе и подъ конецъ пустился почти бѣгомъ. Онъ боялся, чтобы чукча не передумалъ, и спѣшилъ спрятать добычу въ безопасное мѣсто.

Меветиргинъ, получивъ стаканъ, торопливо сдернулъ шарфъ съ шеи и, окутавъ драгоцѣнную покупку, сунулъ ее за пазуху. Затѣмъ, не тратя ни одной лишней минуты, онъ схватилъ свою нарту за ремни и поспѣшно потащилъ ее къ воротамъ. Онъ, очевидно, тоже боялся погони.

— А-ха-ха-ха!—заливался Сергунька,—вотъ нехристь! вотъ малоумный! Сказано: дикая сила!..

Двое русскихъ, видѣвшихъ эту сцену, тоже вторили ему.

Пьяные попадались все чаще въ толпѣ. Нѣкоторые уже плохо держались на ногахъ; одинъ даже упалъ поперекъ дороги, но чукчи подхватили его и вынесли изъ воротъ.

VIII.

Вдругъ я услышалъ шумъ и крики. То была одна изъ самыхъ скверныхъ ярмарочныхъ исторій, уже разрѣшившаяся рукопашной свалкой. Зачинщикомъ былъ Чепатка. Я видѣлъ его нѣсколько минутъ тому назадъ въ толпѣ торгующихъ. Онъ тоже успѣлъ выпить и важно расхаживалъ по ярмаркѣ, сжимая въ рукахъ связку дорогихъ сиводушекъ, между которыми чернѣла одна темнобурая лисица. Все это предназначалось на выпивку и было отложено для этой цѣли, по крайней мѣрѣ, за полгода до ярмарки.

— О, Чепатъ, богатый купецъ!—гудѣлъ онъ, размахивая своей связкой и повторяя любимыя похвальбы.—Богатый человѣкъ!.. Жру быковъ!.. Отнимаю чужое имѣніе!.. Насильникъ!.. богачъ!.. Медвѣжье сердце!

Онъ направлялся къ воротамъ, намѣреваясь увести съ собой и брата, который былъ тутъ же, и отправиться на свое стойбище,—но вдругъ остановился.

Прямо передъ его глазами стояла группа казаковъ, внимательно наблюдавшихъ за его движеніями. Въ центрѣ ея были оба командира,

— Безобразіе!—говорилъ Брусницынъ сердито,—среди ярмарки... на полномъ народѣ! Еще Ѳедосѣй Ѳедорычъ выйдетъ!

Чепаткѣ вдругъ захотѣлось подразнить сердитаго казака.

— Что, казаки, ищете водку?—воскликнулъ онъ, выдергивая изъ-за пазухи бутылку. — Вотъ водка! Идите! Отнимите! О! о!..

При видѣ подобной неслыханной дерзости казаки онѣмѣли, но вдругъ маленькіе глазки Кожевникова блеснули. Онъ неторопливо подошелъ къ Чепаткѣ, молча вырвалъ у него бутылку и хладнокровно вылилъ ея содержаніе на снѣгъ.

— А-а! — ахнули чукчи и русскіе, бывшіе свидѣтелями этого поступка, который затмѣвалъ даже дерзость Чепатки. Водка цѣнилась на ярмаркѣ дороже человѣческой крови, особенно водка, уже вышедшая на улицу, оплаченная тройной оплатой.

Чепатка зарычалъ, какъ медвѣдица, у которой отняли добычу, и, размахнувшись своей огромной пятерней, ударилъ командира по лицу. Не смотря на то, что кавралинъ не рѣшился сжать кулакъ, ударъ былъ такъ силенъ, что мгновенно сбилъ Кожевникова съ ногъ. Въ ту же минуту два здоровыхъ казака, какъ-то очутившись за спиной Чепатки, набросились на него сзади и тоже уронили его на землю. Еще черезъ минуту всѣ четверо были на ногахъ, казаки держали

Чепатку, Кожевниковъ размахнулся бутылкой, которую онъ все еще держалъ въ рукѣ, и нанесъ Чепаткѣ ужасный ударъ. Къ счастью, онъ былъ значительно ниже кавралина, и ударъ пришелся по плечу, защищенному мохнатой кукашкой. Чепатка крикнулъ отъ боли и, передернувъ плечами, высвободилъ правую руку, но Кожевниковъ не ожидалъ второго удара. Вмѣсто него, передъ Чепаткой оказался высокій сухощавый якутъ, каюръ изъ Среднеколымска, считавшій своей обязанностью поспѣшить на помощь товарищамъ—порѣчанамъ. Чепатка, обезумѣвъ отъ ярости, схватилъ за шиворотъ новаго врага и дернулъ. Толстая якута распоролась сверху до низу, какъ будто была сдѣлана изъ бумаги. Чепатка выпустилъ воротъ, якутъ отлетѣлъ въ сторону и покатился по снѣгу.

Димитрій Корзубьевъ, стоявшій въ группѣ казаковъ, подскочилъ къ Чепаткѣ. Онъ былъ блѣденъ и глаза его горѣли.

— Я тебя выучу!..—прошипѣлъ онъ и, размахнувшись, изо всей силы ударилъ кавралина кулакомъ въ лицо.

Въ толпѣ чукчей пробѣжалъ глухой ропотъ. Ударъ былъ такъ мѣтокъ и силенъ, что даже Чепатка пошатнулся. Лицо его окрасилось струйкой крови, которая катилась по подбородку, потекла по обнаженной шеѣ и скрылась подъ воротомъ кукашки. Брусницынъ вытащилъ револьверъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, рука, державшая револьверъ, дрожала.

— Я тебя, собака! — сказалъ онъ, усиливаясь быть твердымъ.—Тутъ тебѣ и конецъ будетъ!..

— Стрѣляй!—сказалъ Чепатка.—Не страшно! Вотъ грудь моя! Стрѣляй!..

Однако, онъ пересталъ сопротивляться, и нѣсколько казаковъ подхватили его подъ руки и повели въ казенную избу. Оба командира послѣдовали за нимъ.

Торговля вдругъ прекратилась. Чукчи мрачно толпились у воротъ, провожая глазами Чепатку. Порѣчане—русскіе и якуты, казаки и мѣщане, отступили внутрь двора и загораживали имъ дорогу, но въ сравненіи съ чукчами ихъ была незначительная кучка. Ламутовъ, которые въ предстоящей дракѣ могли бы быть союзниками чукчей, нигдѣ не было видно. Они какъ будто растаяли въ одно мгновеніе. Чукчи стояли молча, но Канчіу, Чепаткинъ братъ, не хотѣлъ молчать.

— Гдѣ мой братъ?—бѣшено кричалъ онъ, пробиваясь впередъ и осыпая противниковъ ругательствами. — Куда увели Чепатку?..

Онъ былъ страшенъ. Изо рта его била пѣна, испорченный глазъ налился кровью, поперекъ лба выступилъ багровой полосой широкій полуизгладившійся шрамъ отъ старой раны. Русскіе не отвѣчали и не заводили новой ссоры, но упорно загораживали ему дорогу. Въ ихъ группѣ виднѣе всѣхъ былъ

рослый плечистый человѣкъ по фигурѣ великанъ, одѣтый въ красивую анадырскую парку съ широкимъ бѣлымъ опуваномъ, вышитымъ разноцвѣтными шелками. То былъ Полозовъ, тоже одинъ изъ невольныхъ пришельцевъ, подобно Бинскому. О силѣ его ходили самые баснословные разсказы.

Онъ каждый разъ выдвигалъ на встрѣчу Канчіу свою широкую грудь.

— Не потеряется твой Чепатка! — говорилъ онъ успокоительно.—Ничего ему не сдѣлаютъ!.. Проспится, такой же будетъ!

Люди, уводившіе Чепатку, подходили къ казенной избѣ. Видно было, какъ они исчезаютъ въ дверяхъ.

— Пустите! — заревѣлъ Канчіу внѣ себя отъ ярости.—Я перерву вамъ глотки! Пустите!—и привычнымъ движеніемъ бросилъ руку на поясъ, чтобы выдернуть изъ ноженъ свой длинный американскій ножъ.

— Ножикъ отнимите! Ножикъ! — пронеслось между русскими. Двое каюровъ, стоявшихъ поближе, схватили Канчіу. Сергунька, недавно торговавшій кукашку у Меветиргина, рискуя обрѣзаться, крѣпко прихватилъ обѣими руками его руку, уже до половины выдернувшую ножъ.

— Ахъ ты, бродяга!—ударилъ Канчіу кулакомъ по скулѣ маленькій казакъ съ злымъ лицомъ.

Въ толпѣ чукчей опять пробѣжалъ ропотъ.

Кеулинъ, стоявшій впереди всѣхъ у самого плеча Канчіу, повернулся къ своимъ соплеменникамъ.

— Вы чего стоите?—сказалъ онъ.—Видите: русскіе всѣ за одно сердце, какъ стая собакъ. Развѣ вы бабы?

— Братцы! — загудѣли русскіе. — Онъ чукчей бунтуетъ!.. Вотъ зараза!

— Взять его надоть!—сказалъ какой-то казакъ, не принимавшій участія въ борьбѣ, но стоявшій около Кеулина.—Онъ и есть настоящій грабитель. Чепатка что?!..

— Не стойте, какъ каменные!—подстрекалъ Кеулинъ соплеменниковъ.—Или вы безруки?!

Канчіу сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы высвободить руку, державшую ножъ, но Сергунька повисъ на ней всѣмъ тѣломъ. Кеулинъ неожиданно протянулъ руку и схватилъ Сергуньку за шиворотъ. Но русскіе какъ будто этого и дожидались. Десять человѣкъ сразу накинулось на Кеулина, двадцать рукъ вцѣпилось въ него. Державшіе Канчіу выпустили его и тоже бросились помогать. Канчіу, очутившись на свободѣ, торопливо побѣжалъ къ воротамъ. Его боевая ярость вдругъ остыла. Толпа чукчей, какъ будто по данному сигналу, тоже отступила къ воротамъ. Задніе даже начали выходить одинъ за другимъ.

Кеулинъ отбивался, какъ бѣшеный. Онъ рвался изо всей мочи, лягался ногами, какъ дикій конь, колотилъ своихъ противниковъ головою въ грудь, царапалъ и кусалъ державшія его руки. Одинъ разъ ему даже удалось совсѣмъ вырваться, и онъ уже собирался обратиться въ бѣгство, но Полозовъ протянулъ руку и поймалъ его за ногу, какъ собака ловитъ крысу. Снова завладѣвъ Кеулиномъ, русскіе вцѣпились въ него ожесточеннѣе прежняго и потащили туда же, куда и Чепатку. Теперь дѣятельнѣе всѣхъ былъ Иванъ, котораго помощникъ прислалъ узнать о ходѣ смуты.

— Вы не умѣете бить!—говорилъ онъ, осыпая плѣнника градомъ безпощадныхъ ударовъ,—я его *усмиру!*

Кеулинъ сдѣлалъ новое усиліе и опять вырвался. До дверей казенной избы его дотащили не безъ труда. Въ дверяхъ онъ упалъ, и вся толпа навалилась на него сверху... У воротъ русскіе уже вытѣсняли чукчей наружу.

— Идите, идите!—говорилъ привратникъ, безцеремонно толкая чукчанокъ, управлявшихся съ санками. — Начальникъ велѣлъ запереть ворота.

Чукчи ворчали, но выходили вонъ. Я все еще стоялъ тутъ же, наблюдая за сумятицею. Нѣсколько человѣкъ, наиболѣе экспансивныхъ, подошли ко мнѣ.

— А гдѣ наши люди?—говорили они.—Имъ что сдѣлаютъ? Ихъ не убьютъ?

Я сталъ успокаивать ихъ, увѣряя, что арестованнымъ ничего не будетъ и что черезъ нѣсколько часовъ ихъ выпустятъ на свободу. Безпорядки на анюйской ярмаркѣ всегда кончались пустяками, и я надѣялся, что и на этотъ разъ обойдется безъ особыхъ недоразумѣній. На дворѣ оставалось только три или четыре человѣка, которые еще копались у своихъ нартъ, не смотря на нетерпѣливыя увѣщанія привратника.

Вдругъ изъ казенной избы прибѣжалъ, запыхавшись, Иванъ. На немъ лица не было.

— Идите, пожалуйста!—заговорилъ онъ, торопливо обращаясь ко мнѣ. — Помощникъ васъ велѣлъ искать. Шибко надо!..

— Запирай скорѣе, мерзавецъ!—крикнулъ онъ привратнику, еще возившемуся у воротъ.

Маленькій казакъ покраснѣлъ и, не долго думая, надѣлилъ полновѣснымъ тычкомъ одного изъ копавшихся чукчей.

— Уходите!—кричалъ онъ, осыпая ихъ самыми отборными ругательствами.—Мнѣ изъ за васъ брань слышать!..

Въ задней половинѣ казенной избы, составлявшей родъ казармы для казаковъ, царствовало великое смятеніе. Помощникъ бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ съ растеряннымъ видомъ. Чепатка лежалъ въ углу, связанный кушаками по

рукамъ и по ногамъ, и тщетно усиливался разорвать свои узы.

— Убили человѣка!—кричалъ онъ,—убили! И меня убейте! Канчіу, Канчіу, сюда!..—И вдругъ, перейдя отъ ярости къ отчаянію, онъ заливался слезами, потомъ опять принимался кричать громче прежняго.

Среди комнаты на брошенной шкурѣ лежалъ неподвижно Кеулинъ. Глаза его были закрыты, но на лицѣ застыло грозное выраженіе. Короткая струйка крови запеклась подъ носомъ. Двое казаковъ усердно, но безъ утѣшительнаго результата оттирали ему голову снѣгомъ.

— Что это? — спросилъ я съ ужасомъ, останавливаясь передъ неподвижнымъ тѣломъ.—Онъ умеръ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ въ обморокѣ!—подскочилъ помощникъ почти со слезами. — Только мы его оживить не можемъ... Пожалуйста! Можетъ, вы съумѣете... попробуйте!..

Бинскій стоялъ тутъ же съ злымъ лицомъ.

— Развѣ можно такъ бить? — говорилъ онъ съ негодованіемъ.—Кто это его?

— Да никто! — отвѣтилъ Иванъ со сконфуженнымъ видомъ.—Мы его вовсе и не били настояще... Только внесли да стали вязать, а онъ вдругъ опустился...

Я опустился на колѣни и приложилъ ухо къ груди Кеулина.

— Развѣ *этакъ* бьютъ чукчей?—продолжалъ оправдываться Иванъ.—Вотъ въ пятомъ годѣ Кулиненка били, вотъ били!.. Приколами *) по спинѣ колотили, ногами топтали, а онъ и то отдохъ!..

— Отдохнетъ и этотъ!—сказалъ Кожевниковъ. — Что ему, собакѣ, сдѣлается?..

Я продолжалъ внимательно изслѣдовать тѣло Кеулина. Никакихъ внѣшнихъ признаковъ насилія на немъ не было. Члены еще не утратили жизненной теплоты и гибкости. Мнѣ показалось даже, что я уловилъ нѣсколько смутныхъ и неправильныхъ біеній сердца.

— Можетъ быть, онъ дѣйствительно въ обморокѣ!—сказалъ я.—Попробуйте оттирать его щетками!..

Принесли пару жесткихъ щетокъ и тѣ же два казака усиленно принялись растирать тѣло при дѣятельномъ участіи Полозова, которому теперь во что бы то ни стало хотѣлось воскресить жертву поимки, но Кеулинъ упорно отказывался ожить.

---

*) *Приколъ*—толстая палка, окованная желѣзомъ, съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Употребляется, какъ тормазъ, для останавливанія собачьей нарты.

— Плохо дѣло!—сказалъ, наконецъ, Брусницынъ, выражая словами общее состояніе мыслей.—Что же теперь будетъ?

Кожевниковъ сидѣлъ съ равнодушнымъ видомъ, какъ будто все это его не касалось.

— Я заварилъ кашу, а вы расхлебывайте, новое начальство!..—говорила каждая складка его безцвѣтнаго лица.

— Чукчамъ-то, чукчамъ пуще всего говорить не надо! — сказалъ Брусницынъ.—Они узнаютъ—бѣда! Имъ недолго и крѣпость разнести!..

— Оборони Богъ!—сказалъ высокій чернобородый казакъ съ благообразнымъ лицомъ, одинъ изъ самыхъ безпощадныхъ кулаковъ во всемъ округѣ.

— А тѣло куды же?—спросилъ Сергунька, который тоже былъ тутъ.

Низшіе теперь разговаривали съ высшими совершенно свободно. Смятеніе и опасность уравняли всѣхъ.

— Ѳеодосій Ѳедорычъ! — сказалъ Брусницынъ: — Вы бы какъ нибудь распорядились!..

Помощникъ опять забѣгалъ по комнатѣ. Ему ничего не приходило въ голову. Началось совѣщаніе, но никто не могъ предложить ничего подходящаго.

— А гдѣ тойонъ?...—вспомнилъ кто-то. Но никто не зналъ, гдѣ онъ. Его не видѣли на дворѣ съ самаго полудня и во время суматохи онъ ни разу не показывался.

— Тойонъ у отца Инокентія! — сказалъ, наконецъ, Бинскій.—Пьянъ, какъ стелька, скотина. Дрыхнетъ подъ кроватью... Да и батюшка не лучше... Позовите лучше Ремкилена, у него больше толку, чѣмъ у этой дубины... Ремкиленъ у Куттука сидитъ, я видѣлъ.

Послали за Ремкиленомъ и за тойономъ. Тойонъ дѣйствительно былъ пьянъ и валялся на полу въ парадномъ мундирѣ. На всѣ увѣщанія посланныхъ онъ только мычалъ, моталъ головой и опять закрывалъ глаза. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, Иванъ, казакъ помощника, принесъ ковшъ воды и окатилъ его. Средство подѣйствовало. Тойонъ сѣлъ, открылъ глаза и спросилъ, что надо.

— Помощникъ зоветъ: чукча тамъ померъ, Кеулинъ.

— Слава Богъ! — отвѣтилъ тойонъ своей любимой формулой.

Кое какъ казаки вывели его на дворъ, но на свѣжемъ воздухѣ его опять разобрало. Онъ рѣшительно не могъ идти собственными ногами.

— А, чтобъ тебѣ выкиснуть!—сказалъ Иванъ.—До вечера что ли биться надъ нимъ? Дайте-ка нарту!..

Тойона посадили на нарту и потащили къ казенной избѣ къ его великому удовлетворенію.

— О-о! на русакахъ ѣду! — кричалъ онъ. — Слава Богъ! Господи помилуй!

— О, будь ты киловатой! — ругались казаки. — Мы что? — собаки, чтобы возить нарту?..

— Вотъ, Аѳанасій Андреичъ!—обратился къ нему помощникъ, когда онъ вошелъ въ казенную избу. — Здѣсь чукча умеръ скоропостижно... Скажи ему!—толковалъ онъ переводчику. — Онъ начальникъ здѣсь. Пусть чукчи не дѣлаютъ бунта, не то я закрою ярмарку!..

— Слава Богъ!—сказалъ тойонъ. — Кого убили? Этого?— Онъ потыкалъ Кеулина ногой, — пускай!.. Онъ не крещеный, ясаку не платитъ, все равно собака!..—прибавилъ онъ, поддѣлываясь къ русскимъ понятіямъ.

Ремкиленъ тоже утверждалъ, что смерть Кеулина ничего не значитъ и что нужно продолжать торговлю по прежнему.

Чаунскіе чукчи издавна враждуютъ съ богатыми оленеводами, кочующими вблизи русскихъ поселеній, и гибель Кеулина не могла быть непріятна этимъ двумъ представителямъ власти. У тойона съ Кеулиномъ были старые счеты. Года два тому назадъ, во время ярмарки, на праздникѣ у какого-то богатаго чаунщика Кеулинъ, повздоривъ съ тойономъ, бросился на него съ кулаками.

Чепатка, увидѣвъ тойона, поднялъ неистовый крикъ.

— Эйгелинъ! Вели меня развязать! Ы! ы!.. мнѣ на дворъ нужно!.. Вели отпустить.

— Развяжите его! — сказалъ сердито тойонъ казакамъ.— Вы зачѣмъ связали такого человѣка?

Казаки помялись нерѣшительно и принялись развязывать кавралина Все собраніе перешло въ другую половину избы, гдѣ было „присутствіе".

— Только чукчамъ, пожалуйста, не говорите! — просилъ помощникъ.—Пусть узнаютъ завтра!..

Онъ хотѣлъ выиграть хоть одну ночь. Но въ это время со стороны воротъ послышался неясный гулъ.

— Что тамъ?—встревоженно спросилъ помощникъ.—Иванъ, поди-ка!

Огромная толпа чукчей съ шумомъ напирала на ворота.

— Кеулинъ!—кричали одни, ожесточенно колотя кулаками по твердому дереву.—Дайте Кеулина!

— Чепатка!—кричалъ Канчіу,—выпустите Чепата, вы его тоже убьете! — Онъ въ безсильной ярости царапалъ ногтями доски и старался просунуть пальцы въ щели.

Ворота трещали, но не поддавались натиску, а прибѣгнуть къ какимъ нибудь орудіямъ чукчи не осмѣливались. Кто принесъ чукчамъ извѣстіе о смерти Кеулина, осталось неизвѣстнымъ.

Чепатка, услышавъ крики, выпрямился, какъ боевой конь при кликахъ битвы.

— Канчіу, сюда, сюда!—крикнулъ онъ и бросился къ двери.

Но Полозовъ перехватилъ его на дорогѣ въ свои могучія объятія.—Сиди!—сказалъ онъ кратко, отбрасывая его на прежнее мѣсто,—а то опять свяжу! Ѳеодосій Ѳедорычъ! — прибавилъ онъ съ досадой,—вы распорядитесь, пожалуйста!..

— Какъ я распоряжусь?—жалобно возразилъ помощникъ.—Аѳонасій Андреичъ, что съ Чепаткой дѣлать?..

— Выпустите его!—сказалъ тойонъ переводчику. — Слышите, его зовутъ!—прибавилъ онъ, прислушиваясь къ голосамъ, доносившимся отъ воротъ.

— Да онъ взбунтуетъ всѣхъ чукчей!—сказалъ Полозовъ.—Какъ его выпустить? Скажи ему,—прибавилъ онъ, обращаясь къ переводчику,—что мы его выпустимъ. Только пусть прямо идетъ домой, ляжетъ спать и ни съ кѣмъ не разговариваетъ!..

Чепатка злобно посмотрѣлъ на него.

— Ты худой!—сказалъ онъ, не дожидая перевода.—Худой, молчи!..

— Да онъ командира ударилъ! — кипятился Полозовъ.—Пусть онъ прежде прощенія попроситъ, пусть въ ноги поклонится!..

Но Чепатка, услышавъ отъ переводчика объ этомъ новомъ требованіи, проявилъ непреодолимое упрямство.

— Не стану!—рычалъ онъ.—Всѣ худые! Плохіе людишки! Вотъ мое горло,—рѣжьте!.. Не стану кланяться.

— Чепатъ! Чепатъ!—ясно донеслось со двора.

— Выпустите его! — сказалъ помощникъ, хватаясь за голову.—Боже, они сломаютъ ворота.

— Да какъ же это сдѣлать?—съ недоумѣніемъ возразилъ Брусницынъ.—Отворить ворота, да они какъ разъ выскочатъ... Тутъ и *крышка*...

Никто изъ казаковъ не хотѣлъ взять на себя обязанности привратника. Наконецъ, Полозовъ и Бинскій, какъ самые сильные, взялись отворить ворота и, выпустивъ Чепатку, удержать напоръ наружной толпы. Импровизированные привратники въ сопровожденіи казаковъ и каюровъ повели Чепатку къ воротамъ.

Ремкиленъ по просьбѣ помощника тоже пошелъ съ ними. Какой-то доброволецъ изъ каюровъ перелѣзъ черезъ ограду съ задней стороны крѣпости и побѣжалъ окольными тропинками въ лагерь ламутовъ, расположенный вблизи.

Чукчи, увидѣвъ Чепатку, заволновались еще болѣе.

— Чепатъ, Чепатъ!—кричалъ Канчіу.—Живъ?

— Эгей!—сказалъ Чепатка.—Только бутылка пропала!..—и онъ грубо выругался, припомнивъ пролитую водку.

— А гдѣ Кеулинъ? — ревѣли чаунскіе, колотя въ ворота кулаками.—Что съ нимъ сдѣлали?

— Умеръ!—сказалъ Ремкиленъ хладнокровно.

— Убили!—взвылъ за воротами чей-то изступленный голосъ.—Говори: кто убилъ?

— Онъ самъ умеръ, опился! — сказалъ Ремкиленъ. — Выпилъ цѣлую бутылку спирту одинъ.

— Лжешь!—сказалъ Чепатка.—Онъ былъ трезвъ! Я знаю.

— Отдайте хоть тѣло! — кричали чаунскіе. — Ремкиленъ, развѣ ты не чукча? Грѣхъ мертвому тѣлу лежать у иновѣрцевъ. Скажи коммиссару, пусть отдастъ тѣло!

Стукъ возобновился съ удвоенной силой. Ремкиленъ посмотрѣлъ съ сомнѣніемъ на ворота. Даже его непоколебимая философія начала поддаваться.

— Надо впустить ихъ!—сказалъ онъ казакамъ.—Скажите коммиссару.

Услышавъ новое требованіе чукчей, помощникъ пришелъ въ крайнюю степень отчаянія.

— Кого впустить? — спрашивалъ онъ съ ужасомъ. — Всю ораву? Да они насъ всѣхъ укокошатъ!

Но Кожевниковъ неожиданно принялъ сторону чукчей.

— Зачѣмъ всю ораву? — возражалъ онъ невозмутимо.— Надо впустить три или четыре человѣка и отдать имъ тѣло, чортъ съ ними! По ихней вѣрѣ, правда, грѣхъ!

Нужно было на что нибудь рѣшиться. Скрѣпя сердце, помощникъ позволилъ впустить чаунскихъ.

— Двоихъ!—просилъ онъ. — На что четверыхъ?.. Намъ и съ двоими дай Богъ справиться...

Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ съ чукчами было рѣшено, что во дворъ войдутъ только двое: вотчимъ и двоюродный братъ покойнаго, а другіе родственники останутся за воротами.

Ржавыя петли воротъ заскрипѣли, Бинскій и Полозовъ стали на стражѣ, готовые захлопнуть ихъ при первомъ признакѣ тревоги.

Но чукчи держались уговора и послѣ того, какъ депутаты были впущены, позволили закрыть ворота безъ всякихъ враждебныхъ демонстрацій.

Вотчимъ Кеулина, Чельгимъ, маленькій хромой старикъ съ упрямымъ лицомъ, вошелъ въ казенную избу. Племянникъ его остался на дворѣ съ задней мыслью немедленно перескочить черезъ ограду, если старику въ *деревянномъ жилищѣ* сдѣлаютъ зло.

— Гдѣ Кеулинъ?—рѣзко спросилъ старикъ, войдя въ комнату и нисколько не смущаясь при видѣ такого количества враговъ, стоявшихъ и сидѣвшихъ предъ нимъ.

— Ты почему не кланяешься начальнику?—сурово заговорилъ тойонъ.—Непокорные вы; отъ предковъ не знаете власти Развѣ не знаете, что русскій сталъ владыкой на этой землѣ? Вотъ *онъ* умеръ отъ своей злобы...

Чельгимъ слушалъ съ злобнымъ и упрямымъ видомъ и посреди рѣчи тойона вдругъ сѣлъ на землю.

— Встань!—закричалъ тойонъ.—Какъ ты смѣешь садиться предъ лицомъ начальниковъ?

— Кто ты?—сказалъ, наконецъ, Чельгимъ, поднимаясь на ноги.—Я тебя не знаю! Я пришелъ къ коммиссару, не къ тебѣ. Гдѣ Кеулинъ?—повторилъ онъ свой вопросъ.—Если убили, отдайте тѣло!

Его повели на другую половину. Тѣло убитаго лежало у стѣны, покрытое кухлянкой. Старикъ нетерпѣливо сбросилъ русскую одежду и мрачно посмотрѣлъ на мертваго пасынка.

— Гычъ (эхъ)!—сказалъ онъ.—Таковъ ты сталъ! Отъ сердца твоего бѣда твоя! Самъ свою голову бросилъ подъ ноги казакамъ.

Онъ снялъ съ шеи пестрый платокъ и бережно покрылъ лицо покойнаго. Чукчи молча вынесли тѣло на дворъ, положили его на нарту и съ трудомъ потащили ее къ воротамъ по неровной дорогѣ, изрытой ухабами и усѣянной кучами щепъ. Русскіе помогали имъ тащить. Ворота отперлись тѣмъ же порядкомъ и выпустили чаунщиковъ.

Молодая баба въ красной камлейкѣ со множествомъ длинныхъ ровдужныхъ хвостовъ, пришитыхъ у пояса, дожидавшаяся за воротами, съ воплями упала на тѣло. То была одна изъ женъ Кеулина. Другая осталась на р. Россомашьей при главномъ стадѣ.

— Кеулинъ, Кеулинъ!—вопила она, разрывая свои одежды и царапая лицо.—Не смотришь? Не говоришь ни слова? Худые людишки!..—обратилась она къ окружающимъ.—Русскіе убиваютъ нашихъ мужей, а вы только глядите!..

Мужчины, стоявшіе вокругъ, мрачно молчали.

— Полно!—сказалъ Чельгимъ, дѣлая движеніе, чтобы взяться за ремень и потянуть нарту впередъ.

— Трусъ!—завопила баба, запустивъ руки въ свои черныя растрепанныя косы.—Хуже бабы! Невѣстокъ колотишь, день и ночь бранишься... Отчего ты не дрался, когда казаки убивали твоего сына?

Чельгимъ ничего не отвѣтилъ. Чукчи продолжали стоять въ мрачномъ молчаніи. Они не смѣли ничего предпринять. Уваженіе къ русскому имени отнюдь не относилось къ голоднымъ и трусливымъ жителямъ колымскихъ береговъ и даже къ этой жалкой деревянной крѣпости, обнесенной полуразрушенной оградой. Въ основаніи его лежали смутные раз-

сказы объ отдаленной странѣ, съ многолюднымъ населеніемъ по издѣліямъ котораго можно было заключать о его, сверхъестественной мудрости, превосходящей мудрость самыхъ сильныхъ шамановъ, и полумиѳическія представленія о невѣдомомъ, но грозномъ могуществѣ русскихъ, которое въ представленіи чукотскаго міра такъ же недосягаемо, какъ могущество боговъ, и гнѣвъ которыхъ могъ бы стереть съ земли все существованіе полярной пустыни. Помимо того, у чукчей не было единодушія. Олойскіе ненавидѣли чаунскихъ и наоборотъ. Кавралины презирали и тѣхъ, и другихъ и радовались униженію оленныхъ чукчей вообще. Чепатка, вышедшій изъ исторіи съ честью, не былъ расположенъ къ продолженію враждебныхъ дѣйствій. Въ концѣ концовъ, онъ тоже былъ купцомъ, возившимъ мѣха на Анюй и на Анадырь, и ему не было разсчета заводить ссору слишкомъ далеко...

Толпа оставила ворота и мало-по-малу стала расходиться. Родственники Кеулина увезли мертвое тѣло на стойбище Чельгима, гдѣ оно должно было по обычаю подвергнуться разсѣченію для опредѣленія причинъ смерти. Другіе тоже запрягали оленей и собирались уѣзжать.

Впрочемъ, были люди, возбужденіе которыхъ не хотѣло успокоиться такъ скоро.

Не болѣе какъ черезъ часъ, проходя по двору, я встрѣтилъ Бинскаго и Кобелева, они шли вмѣстѣ, повидимому намѣреваясь закончить дневныя треволненія приличными возліяніями. Вдругъ мы замѣтили какого-то чукчу, который направлялся къ казенной избѣ. Онъ, должно быть, перелѣзъ черезъ ворота или оставался гдѣ нибудь въ углу во время закрытія воротъ.

— Это что опять за чукча?—съ удивленіемъ сказалъ Кобелевъ.—Онъ почего пришелъ? Пойдемъ, посмотримъ!

— Ты почего пришелъ, Янынтынъ?—сказалъ онъ, кладя ему руку на плечо.

Старый анадырщикъ зналъ по имени почти всѣхъ чукчей, бывшихъ на ярмаркѣ.

— Копылой (Кобелевъ)!—вдругъ зарыдалъ чукча.—Сегодня убили моего брата! Вотъ смотри!—говорилъ онъ сквозь слезы, отсчитывая на пальцахъ.—Въ прошломъ году у меня умеръ братъ, осенью умеръ племянникъ. Теперь Кеулинъ, все равно я самъ. Зачѣмъ Янынтыну жить?..

Рыданія усилились.

— Это кто? братъ Кеулина?—съ удивленіемъ спросилъ Бинскій.—Отчего онъ такъ плачетъ?

— Не братъ!—сказалъ Кобелевъ.

— Ну, такъ родственникъ, что ли?

— Нѣтъ и не родственникъ!—сказалъ Кобелевъ съ разстановкой.—Да у нихъ вѣра такая!..

Ему была близка и понятна страстная и легко воспламеняющаяся природа дикаря, но онъ не могъ выразить своего представленія словами.

— Такая вѣра *горная!*—задумчиво повторилъ онъ.

— Ему надо выпить,—рѣшилъ Бинскій,—Пойдемъ!—прибавилъ онъ, взявъ за руку Янынтына.—Акамимыль (водка)!

— Кайво (хорошо)!—сказалъ Янынтынъ, не осушая слезъ, и послушно послѣдовалъ за новымъ другомъ...

Минутъ черезъ пятнадцать въ избѣ Бинскаго происходила здоровая выпивка. Добродушный Полозовъ ухаживалъ за Янынтыномъ, какъ за ребенкомъ, и всячески старался его успокоить. Бинскій то и дѣло подливалъ въ его чашку спиртъ. Но Янынтынъ никакъ не могъ опьянѣть. Онъ плакалъ, грозился и не хотѣлъ успокоиться.

— Насъ много!—кричалъ онъ:—Минчикъ (Бинскій)! Много! Все воины. У всѣхъ американскія ружья и много стрѣлъ. Великая сила. Минчикъ, Минчикъ! пойдемъ къ коммиссару! ты, я, Копылой; станемъ ему говорить: Худой ты, худой! Зачѣмъ убилъ Кеулина? лучше убилъ бы меня!..

И онъ снова разражался рыданіями.

— Лучше завтра! — говорилъ Бинскій. — Теперь лучше выпей!..

Однако, черезъ часъ Янынтынъ лежалъ на землѣ и спалъ мертвымъ сномъ, отказавшись отъ переговоровъ съ властями, по крайней мѣрѣ, на этотъ день.

Я, впрочемъ, покинулъ Янынтына гораздо раньше, увлекшись желаніемъ узнать отношеніе моихъ многочисленныхъ знакомыхъ изъ среды порѣчанъ ко всему случившемуся, а кстати выслушать мнѣніе свѣдущихъ людей относительно вѣроятности столкновенія, которое я считалъ совершенно невозможнымъ, основываясь на своемъ небольшомъ опытѣ изъ чукотско-русской жизни.

Къ моему немалому удивленію, оказалось, что, если за стѣнами крѣпости смятеніе успокоилось, то внутри крѣпости оно еще ростетъ. Многіе уже говорили, что какой-то чукча хотѣлъ вломиться въ казенную избу, чтобы отомстить за Кеулина. Другіе даже сообщали, что его схватили съ ножомъ, и что онъ успѣлъ ранить одного изъ казаковъ. Третьи передавали за вѣрное, что чукчи готовятъ ночное нападеніе и будутъ дожидаться, пока русскіе заснутъ, чтобы перелѣзть черезъ ограду. Люди, хорошо знавшіе чукчей, конечно, раздѣляли мое мнѣніе, понимая, что, если дикари не поддались первому побужденію,—то тѣмъ болѣе уже ничего не предпримутъ потомъ. Но большинство, имѣвшее представленіе о

чукчахъ, какъ о кровожадныхъ и необузданныхъ насильникахъ, ожидало всего худшаго. Вспоминались полулегендарные разсказы о старыхъ чукотскихъ нашествіяхъ, нѣкогда опустошавшихъ изъ конца въ конецъ весь нижнеколымскій край, когда деревня за деревней разрушались и сожигались до тла, когда озлобленные враги истребляли и сожигали пищу; покончивъ съ людьми, принимались убивать собакъ, чтобы не оставить на землѣ побѣжденныхъ ни одного живого существа.

Женщины плакали, мужчины мрачно чесали въ затылкѣ. Порѣчанъ было около 200 человѣкъ, но они не чувствовали въ себѣ достаточно энергіи для предстоящаго столкновенія. Хуже всѣхъ чувствовали себя индигирщики. Они видали чукчей только однажды въ годъ и относились къ нимъ съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ. Въ этомъ сказывалось вліяніе разсказовъ и преданій, распространенныхъ на западѣ полярной страны, въ которыхъ чукчи представляются въ видѣ грозныхъ одноногихъ и одноглазыхъ существъ, подобныхъ злымъ духамъ. Осколки этихъ сказаній достигаютъ и до Индигирки.

— Буде чукчи придутъ, — говорили индигирщики, — мы драться не станемъ. Вы одни деритесь. А мы изъ подъ нартъ не вылѣземъ, лежать станемъ, пусть насъ лежачихъ и убьютъ. Всетаки мука меньше.

Напротивъ, анадырщики, съ малолѣтства знающіе чукчей, половину жизни проводящіе на чукотскихъ стойбищахъ, молчали и только хитро улыбались.

Чистая половина казенной избы была наполнена людьми. Помощникъ, терзаясь нерѣшительностью, созвалъ совѣщательное собраніе изъ всѣхъ именитыхъ людей, бывшихъ въ крѣпости, въ неопредѣленной надеждѣ, что кто нибудь изъ нихъ подскажетъ ему правила поведенія. Но никто изъ присутствовавшихъ не зналъ, что дѣлать. Купцы трусили еще болѣе, чѣмъ простой народъ, ибо само собой подразумѣвалось, что цѣлью нападенія явится прежде всего грабежъ товаровъ и имущества, находившихся въ крѣпости.

— Что дѣлать, господа?—спрашивалъ помощникъ, обращаясь къ разношерстной толпѣ казаковъ и торговцевъ, кое какъ размѣстившихся на скамьяхъ, принесенныхъ изъ черной избы.

— А мы не знаемъ!—угрюмо возразилъ высокій, рыжій человѣкъ зловѣщаго вида, въ черныхъ очкахъ, похожихъ на конскіе наглазники. Благодаря этимъ очкамъ, онъ былъ извѣстенъ въ просторѣчіи подъ именемъ *Слѣпой Кумухи* *).

---

*) Кумуха — ругательное слово довольно неопредѣленнаго содержанія, напр., Подь ты къ кумухѣ!—То кака кумуха?

— Что же, надо сопротивляться: насъ вѣдь много!—сказалъ молодой священникъ съ длиннымъ, немного кривымъ носомъ и густыми желтыми волосами, похожими на расчесанное мочало.

Кумуха непріязненно посмотрѣлъ на него. Самая мысль о сопротивленіи казалась ему ужасной.

— Да чѣмъ будемъ сопротивляться?—трещалъ помощникъ.—Есть ли еще оружіе?.. Иванъ Ивановичъ, что у насъ есть?

— Ничего нѣту! — невозмутимо отвѣтилъ Кожевниковъ, пощипывая свой мохъ на нижней губѣ.

— Какъ ничего нѣту?—съ ужасомъ воскликнулъ помощникъ!—Вы развѣ не привезли?

— Да вы сами не велѣли!—возражалъ Кожевниковъ:—Велѣли взять суму табаку!

— Ну, ну! — перебилъ его помощникъ, размахивая руками.—Лучше скажите, что у насъ есть всетаки?

— Есть одна бердàна,—сказалъ Кожевниковъ почти насмѣшливо,—и то безъ патроновъ. Всего четыре заряда, съ прошлаго года позавалялись въ ящикѣ.

— Чортъ знаетъ, что такое! — сердито сказалъ священникъ:—Я не понимаю... казаковъ возите, оружіе покидаете... Я не понимаю, зачѣмъ тогда казаки?.. Надо послать въ Нижній нарту за оружіемъ,—предложилъ было онъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, батюшка! — возразилъ плотный пожилой торговецъ степеннаго вида съ лысиной во всю голову:—До Нижняго вѣдь далеко. Пока она вернется, отъ насъ, можетъ, живой души не останется.

— Что же дѣлать, господа?—опять спросилъ помощникъ.

— Я бы уѣхалъ!—смиренно сказалъ миссіонеръ, пожилой съ темными волосами, въ монашескомъ подрясникѣ.—У меня собаки хорошія.

Но торговцы накинулись на него съ негодующими протестами.

— Вамъ хорошо удирать!—кричали они:—А мы какъ поѣдемъ? у насъ товаръ...

— Попустому на собакъ надѣетесь!—говорилъ язвительно Кумуха.—*У нихъ* по всѣмъ каменьямъ *) уже засады посажены. Въ одиночку-то имъ насъ еще легче перебить.

— Никого не выпущу!—кричалъ помощникъ.—Уѣзжать, такъ уѣзжать; оставаться, такъ оставаться! Этакъ и я бы могъ удрать. Ни одного каюра впередъ не пущу. Ѣхать, такъ всѣмъ вмѣстѣ...

Ѳедоръ Отеловъ, болѣе всѣхъ знакомый съ чукотскими нравами, не говорилъ ни слова.

---

*) Камень—утесъ, скала, хребетъ.

— Да вы бы хоть что нибудь сказали, Өедоръ Алексѣичъ,—обратился, наконецъ, къ нему помощникъ:—сидитъ, какъ воды въ ротъ набралъ.

— Чего стану говорить? Все по пустому,—спокойно отвѣтилъ Отеловъ.

— Какъ по пустому?

— Да очень просто. Будто ночью придутъ... Какъ это можно? Чукчи тоже страхъ имѣютъ.

— Какой у нихъ страхъ, у подлецовъ?—возразилъ повѣренный Куттука.—Вонъ у меня на глазахъ мѣсто чаю распороли. Подите съ такимъ народомъ...

— Это совсѣмъ иное!—возражалъ Отеловъ.—Это и наши, сколько угодно. А то, чтобъ ночью... Да они никогда не придутъ, ни ночью, ни днемъ. *Отъ силы* *), завтра станутъ выкупъ просить.

— Какой выкупъ?—спросилъ помощникъ.

— Животъ, значитъ, имѣніе. Какъ по ихней вѣрѣ за кровь слѣдующее. Безъ этого не обойтись!

— Выкупъ что? Выкупъ пустое! — сказалъ повѣренный Куттука. — Его можно наладить загодя. Только бы они *чего другое* не попросили...

Но другіе свѣдущіе люди подтвердили, что чукчи будутъ просить именно выкупа.

— Я *говору*,—совѣтовалъ Отеловъ,—много не давайте, потому чукотская вѣра извѣстная: чѣмъ больше даешь, тѣмъ больше просятъ. Не надо ихъ, подлецовъ, поваживать! Да и чего дадите, сразу не давайте. Все одно, они ужъ безъ прибавки не уйдутъ. Такъ лучше одно имъ дать на три части. Пусть думаютъ, что много.

Начали собирать выкупъ, чай, сахаръ, табакъ. Торговцы чувствовали себя значительно ободренными и, условившись относительно того, куда прислать требуемые товары, понемногу стали расходиться.

Помощнику доложили, что ламуты, за которыми онъ посылалъ уже давно, пришли и ждутъ пріема. Онъ приказалъ ихъ ввести.

Ламутовъ было четверо. У всѣхъ вмѣстѣ было только пять глазъ, ибо трое изъ нихъ были кривые. Глаза у ламутовъ портятся особенно часто отъ ѣдкаго дыма урасы **). Тѣмъ не менѣе всѣ они были прекрасными стрѣлками. Трое кривыхъ были невысокіе, очень тощіе люди, съ черной скобкой прямыхъ волосъ на четыреугольныхъ головахъ и мелкими, словно немного стертыми чертами

*) Въ крайнемъ случаѣ.

**) Ураса́—шатеръ, покрытый шкурами, также шалашъ изъ хвороста.

на плоскихъ лицахъ. Четвертый былъ красивый молодой человѣкъ съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и большими сѣрыми глазами. Онъ говорилъ по русски и долженъ былъ служить переводчикомъ.

— Вотъ чукчи бунтуютъ!—сказалъ помощникъ, окидывая новыхъ защитниковъ критическимъ взглядомъ. Они были не больше, чѣмъ онъ самъ, и въ сравненіи съ дюжими чукчами казались существами, принадлежащими къ другой породѣ.

— О, худой чукча!—воздѣлъ руки къ небу одинъ изъ кривыхъ ламутовъ, тоже немного говорившій по русски.

— Вы должны стоять на нашей сторонѣ, — сказалъ помощникъ. — Можетъ, чукчи захотятъ драться, вы обязаны драться съ нами противъ нихъ.

— Мой тоже боится чукчи!—сказалъ ламутъ.

— Что боится?—настаивалъ помощникъ,—когда нужно, бояться нечего. Вотъ сегодня ночью крѣпость сторожить нужно... Вы возьмите ружья и придите!

— Велишь, пойдемъ!—сказалъ молодой ламутъ.—Ламутокъ не чукча: приказывай, не слушай. Ламутка исправнику бои, казаку да бои (ламуты не чукчи, чтобъ не слушаться приказаній. Ламуты исправниковъ боятся и казаковъ боятся).

Новые защитники, не смотря на свою охотничью славу, нѣсколько напоминали зайцевъ, собирающихся выстрѣлить изъ ружья. Они очень боялись чукчей, и только начальственное повелѣніе, которое для этихъ смиренныхъ дѣтей природы является непререкаемой заповѣдью, могло ихъ понудить принять участіе въ распрѣ.

— Отчего васъ такъ мало?—спросилъ помощникъ,—гдѣ другіе?

— Дома осталъ!—сказалъ молодой ламутъ. — По пустому на што? Ружья нѣту! Далеко оставка *) осталъ. Всего четыре ружья—мы примемъ четыре. Мы спать хотѣли, другой пришелъ сторожить. Ахъ, худыя ружья! — прибавилъ онъ жалобно.—Кремень замокъ. Близко стрѣляй. Чукча американъ ружья много. Хорошъ ружья, далеко стрѣляй.

Было условлено, что ламуты, худо или хорошо, будутъ содержать ночью наружный караулъ. Помощникъ распорядился разставить внутри по угламъ двора четырехъ казаковъ и назначилъ ночной дозоръ, который долженъ былъ постоянно ходить изъ края въ край вдоль внутренней стороны ограды. По предложенію Брусницына, Ремкиленъ былъ оставленъ внутри крѣпости въ качествѣ заложника. Помощ-

---

*) Ламуты для облегченія своихъ передвиженій покидаютъ на опредѣленныхъ мѣстахъ часть своего имущества и приноравливаютъ свои странствованія такъ, чтобы возвратиться туда черезъ извѣстный промежутокъ времени.

никъ особенно опасался, чтобы чукчи не вломились въ казенную избу. Въ сѣняхъ онъ поставилъ особый караулъ тоже изъ четырехъ казаковъ, но на твердость его онъ мало полагался. Ремкилена онъ оставилъ ночевать на своей половинѣ въ видѣ дополнительной охраны. Однако, этотъ длинный, сухопарый человѣкъ внушалъ ему почти такое же недовѣріе, какъ и его соплеменники, стучавшіе недавно въ ворота.

— Чортъ его знаетъ,—говорилъ онъ, нисколько не скрывая своихъ опасеній,—что ему придетъ въ башку! Еще ночью накинется, да начнетъ душить.

Въ видѣ охраны противъ Ремкилена помощникъ придумалъ заставить переночевать въ своей квартирѣ также и Полозова, огромная фигура котораго казалась ему самой надежной живой оградой.

Онъ такъ и впился въ него, просилъ, уговаривалъ и приставалъ до тѣхъ поръ, пока Полозовъ, смѣясь, согласился исполнить его желаніе. Обезопасивъ себя такой тройной охраной и тщательно заложивъ деревянными брусьями дверь, ведущую къ выходу, помощникъ ушелъ, наконецъ, въ каморку, служившую ему спальней. Можно было слышать, какъ онъ запиралъ и загораживалъ дверь изнутри...

Въ избушкахъ гасили огни, жители укладывались на отдыхъ, предоставивъ ламутамъ и казакамъ сторожить появленіе враговъ. Только купцы еще топили лейку *), торопливо набивая вороха шкуръ въ большія кожаныя сумы, чтобы очистить на завтра арену для торговой дѣятельности, въ возможность которой они еще плохо вѣрили. Во всякомъ случаѣ, въ виду смуты имъ нужно было торопиться изо всѣхъ силъ, чтобы окончить всю торговлю въ одинъ или два дня.

IX.

Русское населеніе крѣпости плохо спало эту ночь. Рано утромъ, какъ только широкая весенняя заря выкатилась изъ-за горизонта, окрасивъ зарѣчные утесы яркой и прозрачной свѣтло-оранжевой дымкой, Фунтикъ уже разгородилъ свои двери и въ сопровожденіи стражи, дремавшей въ сѣняхъ, лично обошелъ крѣпость изъ конца въ конецъ и осмотрѣлъ всѣ закоулки неправильнаго многогранника стѣнъ. Къ великому его облегченію, нигдѣ не замѣчалось никакихъ тревожныхъ признаковъ. Вчерашніе страхи разсѣялись съ наступленіемъ

*) Лейка—жировая плошка.

утра и большинство теперь было готово отнестись юмористически къ недавнимъ треволненіямъ.

Карпушка, нижнеколымскій казакъ, маленькій, тощій, съ крючковатой бородкой на заостренномъ подбородкѣ, накинувъ на плечи старенькую кукашку, прошелъ изъ глубины двора по направленію къ воротамъ. Онъ шелъ тихо, съ трудомъ переставляя ноги. Уже двадцать лѣтъ онъ хворалъ специфической мѣстной болѣзнью, которая сдѣлала его объектомъ множества насмѣшливыхъ разсказовъ и сатирическихъ пѣсенъ, слагаемыхъ мѣстными бардами. За то въ рукахъ у Карпушки была вышеупомянутая берданка безъ патроновъ, составлявшая единственное оружіе крѣпости.

Кобелевъ, стоявшій у дверей своей избы и вычесывавшій пятерней бѣлый пухъ изъ растрепанныхъ волосъ, подозвалъ его къ себѣ.

— Чего, дяденька? — подошелъ Карпушка, проявляя во всей своей особѣ безкорыстное почтеніе и желаніе услужить. Въ его глазахъ анадырщики были немногимъ лучше кавралиновъ, и Кобелевъ внушалъ ему почти такое же почтеніе, какъ и Чепатка.

— А это что у тебя въ рукахъ?—спросилъ Кобелевъ, прищуривъ глаза.

— У меня?—протянулъ Карпушка, недоумѣвая,—у меня ружье.

— Знаю, что ружье, а ты скажи *въ доскональ,* какъ у него имя-то по настоящему?

Кобелевъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ гижигинской командѣ и намѣревался блеснуть своими познаніями по военной наукѣ и „словесности“.

— А кто его знаетъ, — невинно отвѣтилъ Карпушка: — какъ его говорятъ... Берданка! — внезапно воскликнулъ онъ, припомнивъ.

— Что есть бердана?—строго продолжалъ Кобелевъ.

Карпушка недоумѣвающе выпучилъ глаза.

— Не знай!—кротко отвѣтилъ онъ.

— Ахъ ты, ворона!—покачалъ головою Кобелевъ, внезапно переходя въ учительный тонъ.—Ничего-то вы не знаете? Да ты знаешь ли хоть, какъ заряжаютъ-то его.

— Побей Богъ, дяденька, не знай! — чистосердечно признался Карпушка.—Кручки да кольчики, шпунтики да гвоздочки. Кто ихъ знаетъ, куда какого тянуть. Я промежъ нимя навѣкъ спутался.

— Ахъ ты—горе богатырь!—негодовалъ Кобелевъ.—Да ты этакъ изъ него какъ выстрѣлить хочешь? Какого ты чукчу убить могошь? Я ужъ не чаю.

— И я не чаю, дяденька!—скромно согласился Карпушка.

— Развѣ что самого себя! О, Карпушка, Карпушка!—укоризненно качалъ головою Кобелевъ, — за что намъ съ тобою Государь жалованье даетъ? Харенъ деньги (пропащіе деньги)!

За воротами было не болѣе десятка чукчей. Дѣти пустыни, въ свою очередь, съ большимъ недовѣріемъ относились къ противникамъ, засѣвшимъ за деревянной оградой, и выжидали, чѣмъ кончится распря, опасаясь явиться въ крѣпость раньше разъясненія недоразумѣній. Между ними тоже циркулировали преувеличенные разсказы о военныхъ приготовленіяхъ противной стороны. Уже на третій день одинъ изъ моихъ чукотскихъ знакомыхъ осторожно спрашивалъ меня, правда ли, что въ ночь, послѣдовавшую за безпорядками, отрядъ казаковъ, вооруженныхъ ружьями и саблями, намѣревался сдѣлать нападеніе на ближайшія стойбища. Самые раздраженные между ними, не желая вступать въ столкновеніе съ русскими, нашли для своего озлобленія другой объектъ въ лицѣ тойона.

Тойонъ прибылъ довольно рано въ сопровожденіи трехъ человѣкъ изъ своей свиты. Его немедленно впустили въ крѣпость и попросили пройти къ помощнику, но, къ всеобщему удивленію, онъ отказался на отрѣзъ. Лицо его было встревожено, онъ уже не говорилъ: „Слава Богъ“ и „пускай“. Онъ разсказалъ, что толпа пріятелей покойнаго Кеулина окружила его по дорогѣ недалеко отъ крѣпости и хотѣла ограбить. Вчерашнія слова тойона, приравнивавшія умершаго къ собакѣ за то, что онъ не крещенъ и не платитъ ясака, чрезвычайно раздражили всѣхъ чаунскихъ и анюйскихъ чукчей. Люди, напавшіе на тойона, обвиняли его въ томъ, что убійство Кеулина произошло по его наущенію.

— Ты ходишь къ помощнику,—кричали они,—и пьешь у него водку на единѣ! ты подущаешь его, чтобы онъ посылалъ казаковъ нападать на нашихъ людей!—Нѣкоторые прямо кричали, что его слѣдуетъ убить. Тойону удалось освободиться отъ нападавшихъ только послѣ торжественнаго обѣщанія оказать поддержку ихъ требованіямъ передъ лицомъ русскихъ властей. Поэтому онъ и отказывался идти къ помощнику до появленія чаунскихъ.

— Я лучше подожду ихъ! — говорилъ онъ довольно жалобно:—они и безъ того говорятъ, что я наущаю помощника. Одинъ идти боюсь.

Чаунскіе не заставили себя долго ждать. Они явились почти тотчасъ же и остановились передъ воротами. Въ качествѣ депутатовъ опять выступили Чельгимъ съ племянникомъ и еще одинъ плотный, приземистый человѣкъ съ хитрымъ лицомъ и несоразмѣрно длинными руками, какъ у обезьянъ. Чтобы придать больше вѣса своимъ словамъ,

они взяли съ собой Уквута, относительно котораго существовало представленіе, что ему до тонкости извѣстно трудное искусство обхожденія съ начальникомъ. Впрочемъ, Уквутъ во все время недоразумѣній и послѣдовавшихъ затѣмъ переговоровъ держался очень сдержанно. Еще вчера, какъ только ворота были заперты и чукчи очутились за оградой, первой его заботой было сложить свой шатеръ и удалить его отъ русской крѣпости на безопасное разстояніе.

— Я купецъ, драки боюсь, — объяснялъ онъ теперь довольно откровенно.—Люди станутъ драться, а мнѣ бѣда. Пристать къ чукчамъ, русскіе разсердятся; не пристать,—чаунскіе ограбятъ.

Спикеромъ выступилъ неизвѣстный чукча съ длинными руками. Я спросилъ его, въ какой степени родства ему приходится покойный?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ выразительно:—мнѣ убитый не родственникъ и даже не другъ, но мы ходили по одной землѣ и носили одинаковое платье—этого достаточно...

Какъ и предсказывалъ Отеловъ, требованія чукчей сводились къ матеріальному вознагражденію. Вчерашнее раздраженіе улеглось, или скорѣе какъ-то ушло въ глубину, и всѣ помыслы пришедшихъ сосредоточивались на томъ, чтобы получить возможно большій выкупъ. Чельгимъ молчалъ и мрачно стоялъ сзади, а переговоры велъ его новый товарищъ.

Помощникъ сдѣлалъ слабую попытку представить выкупъ въ видѣ добровольнаго дара.

— Намъ тоже жаль семью убитаго, — сказалъ онъ: — маленькія дѣти останутся безъ призрѣнія... Вотъ, отнесите имъ...

Больше всего по этому поводу горячился Полозовъ, но слова его пропадали втунѣ, ибо старикъ, переводчикъ, ни разу не удостоилъ сообщить ихъ чукчамъ.

— Что дадите?—спросилъ онъ безъ обиняковъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ чукчамъ вручили пудъ табаку, котелъ, пять фунтовъ фамильнаго чаю и фунтовъ десять сахару. Они повидимому удовлетворились этимъ даяніемъ. По крайней мѣрѣ, Чельгимъ молча снялъ съ себя кукашку, завернулъ въ нее полученные товары и, схвативъ все въ охапку, пошелъ изъ комнаты.

Я сталъ распрашивать родственниковъ покойнаго о томъ, что именно оказалось при изслѣдованіи трупа, но ихъ отвѣты отличались невразумительностью. „Почки оторвались отъ спины и залились кровью, сердце упало внизъ до середины живота“.

Разрозненныя части трупа по обычаю, безъ всякаго погребенія, были покинуты въ лѣсу на жертву лисицамъ и вол-

камъ *), и жители того стойбища, къ которому принадлежалъ Кеулинъ, поспѣшили перекочевать на другое мѣсто, чтобы избавиться отъ нападеній враждебнаго духа, какимъ Кеулинъ долженъ былъ сдѣлаться послѣ смерти.

Отдавъ выкупъ родственникамъ покойнаго, помощникъ велѣлъ отворить ворота, и торговля возобновилась. Вѣсть о примиреніи быстро облетѣла стойбища, и уже черезъ полчаса крѣпость была наполнена народомъ. Но чукчи не вполнѣ освободились отъ недовѣрчивости. У всѣхъ мужчинъ на поясѣ висѣли длинные боевые ножи, а въ санкахъ подъ выпоротками были спрятаны копья. Помощникъ торопливо перебиралъ свои бумаги. Онъ всетаки чувствовалъ себя небезопаснымъ послѣ вчерашняго происшествія и страстно желалъ какъ можно скорѣе убраться во свояси.

— Ну васъ къ Богу!—говорилъ онъ поминутно:—только бы уѣхать отсюда по добру по здорову, никогда больше не пріѣду на Анюй.

Однако ему предстояло исполнить цѣлую кучу административной работы. Нужно было призвать всѣхъ бродячихъ инородцевъ къ присягѣ, взыскать ясакъ съ ламутовъ, получить съ нихъ долги за прошлогодній порохъ и свинецъ и раздать имъ новые запасы. Были, наконецъ, какіе-то листы для собиранія статистическихъ свѣдѣній „о верблюдахъ и мулахъ“ и пр.

Покинувъ казенную избу, я опять сталъ бродить среди торгующихъ. Во всѣхъ лавкахъ были шумъ и тѣснота.

Чукчи вели себя довольно миролюбиво, но иногда при спорахъ изъ за цѣны товаровъ раздраженіе ихъ вдругъ вырывалось наружу. Немного позднѣе я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Высокій молодой чукча, въ сопровожденіи довольно красивой дѣвушки въ одеждѣ изъ пестрыхъ шкуръ, вошелъ въ лавку и остановился у порога, обводя глазами полки.

— Чего хочешь, Ка́рика?—сказалъ онъ, наконецъ, великодушно обращаясь къ своей спутницѣ.

Дѣвушка немедленно указала на голубой платокъ съ красными разводами, висѣвшій подъ самымъ потолкомъ.

— Дай!—сказалъ ея спутникъ, обращаясь къ продавцу и выдергивая изъ за пазухи песца.

Получивъ платокъ, онъ собственноручно накинулъ его на шею дѣвушкѣ.

*) Одной изъ обычныхъ формъ погребенія у чукчей, кромѣ сожженія на кострѣ, является такъ же оставленіе въ пустынѣ на произволъ хищныхъ звѣрей. Трупъ при этомъ обыкновенно обкладывается сырымъ мясомъ оленей, принесенныхъ въ жертву духу умершаго.

— Еще кэргиль та́ах (волокнистый табакъ),—сказалъ онъ, указывая на пачку дешеваго табаку,—и бѣлый сахаръ...

Человѣкъ въ очкахъ подалъ требуемое.

— Еще этотъ поясъ,—сказалъ чукча, указывая на тоненькій красный поясокъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— Лепечешь!—возразилъ Кумуха:—Не дамъ!

— Дай!—сердито сказалъ чукча, внезапно сжавъ довольно массивный кусокъ сахару въ своихъ крѣпкихъ пальцахъ.

Сахаръ хрустнулъ и раскололся.

— Сахаръ изломалъ!—зашумѣли чукчи, стоявшіе вокругъ. Такое дѣйствіе у чукчей считается высшимъ обнаруженіемъ силы.

— Возьми!—сказалъ Кумуха, сердито сдергивая поясокъ со стѣны.—Чтобъ тебѣ подавиться!—проворчалъ онъ по русски.

Чукча повязалъ свою спутницу новымъ поясомъ и сунувъ ей гостинца за пазуху, съ торжествомъ вышелъ вонъ.

Я опять вошелъ въ домъ Куттука. Сегодня торговля здѣсь шла еще оживленнѣе, чѣмъ вчера. Груды оленьихъ шкуръ достигли потолка. Носовые и оленные чукчи приносили самые цѣнные мѣха: бобровъ, сиводушекъ, бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ. Во время моего прихода главное мѣсто занимала большая группа ламутовъ, которые другъ за другомъ приносили вереницы переметныхъ сумъ, набитыхъ равдугой, бѣлками и шкурами дикихъ оленей.

— Смотри книга! сколько до́лга!—говорилъ молодой ламутъ, разговаривавшій вчера съ помощникомъ, — отцовъ до̀лга, моя бра́та, вмѣстѣ читай!

Повѣренный Куттука сталъ перелистывать книгу.

— 324 рубля,—прочелъ, наконецъ, онъ.

— Триста! триста рублей! — зашумѣли ламуты: — Сколько на бѣлки? *)

— 3240 бѣлокъ,—сказалъ повѣренный.

— Три тысячи! Ого!—говорили ламуты—Большой долгъ! Богатый человѣкъ Борисъ! Отъ отцовъ богатый.

— Это берёгъ долгу!—сказалъ Борисъ, поднимая великолѣпную медвѣжью шкуру, лежавшую на полу и присоединяя къ ней россомаху и сиводушку.—Мой, отцовъ, братнинъ! А за это дай деньги!—закончилъ онъ, указывая на кучу оленьихъ и песцовыхъ шкуръ, лежавшихъ въ сторонѣ.

Повѣренный поморщился.

— На что деньги?—возразилъ онъ.—Возьми лучше чай!

— Чай потомъ бралъ!—настаивалъ ламутъ.—Пожалуйста, деньги! Не моя пушная... Чужой человѣкъ послалъ, ясакъ платилъ, по̀рухъ... Пожалуйста, дай скорѣе!

---

*) Ламуты ведутъ денежный счетъ на бѣлки.

Ламуты одобрительно гудѣли. Каждый изъ нихъ былъ представителемъ и коммиссіонеромъ трехъ или четырехъ семей, которыя отдавали уходящему на ярмарку свои шкуры, поручая ему внести ясакъ и купить нужные товары.

Обманы въ ихъ средѣ были неизвѣстны, а объ отказѣ услужить тѣмъ, кто не могъ придти на ярмарку, тоже не могло быть рѣчи.

Торговецъ принялся за вычисленье.

— 25 рублей,—сказалъ онъ, наконецъ:—деньги дороги!

— Двадцать пять рубля!—съ ужасомъ повторилъ ламутъ.— Ой, шибко мало! Ясакъ надо сорокъ. Дай, пожалуйста, чужой пушнина. Потомъ мой приносить стану, тогда дешево баять станешь. Не стану поперечить...

— Такъ! такъ!—одобряли ламуты.—Лучше свое продать дешевле, чѣмъ чужое!..

На улицѣ кипѣла такая же оживленная дѣятельность, что и вчера. Чукчи и чукчанки, сидя на своихъ маленькихъ санкахъ, бойко распродавали различныя мелочи оленьяго хозяйства, порѣчане съ мѣшками на плечахъ озабоченно сновали взадъ и впередъ. У воротъ около большой нарты нѣсколько иной формы, чѣмъ обыкновенно, стояли двое *носовыхъ*, кудрявый Яширгинъ и другой маленькій, черный человѣкъ въ бѣлой парусиновой камлеѣ. Товары принадлежали человѣку въ бѣлой камлеѣ, но распоряжался ими почему-то Яширгинъ. То были большей частью американскія издѣлія, тяжелые топоры съ широкимъ стальнымъ *укладомъ*, нѣсколько длинныхъ ножей, крѣпкихъ и гибкихъ съ латунными украшеніями на рукояткѣ, двѣ или три стальныхъ пилы-ножевки, двѣ связки американской льняной веревки, жесткой какъ проволока, нѣсколько красныхъ вязаныхъ фуфаекъ, двѣ или три пары суконныхъ штановъ. Вокругъ нарты толпились зрители и покупатели, большей частью русскіе каюры и казаки. Въ колымскихъ лавкахъ нельзя было найти ничего подобнаго.

Роли теперь перемѣнились: чукча запрашивалъ и ломался, а русскіе наперерывъ предлагали свои кирпичи и папуши.

— А это кто купитъ?—спросилъ Яширгинъ, съ гордостью, вытаскивая изъ нарты новое ружье-винчестеръ съ изящной отдѣлкой изъ вороненной стали:—и стрѣлы есть: десять двадцатокъ,—прибавилъ онъ, поднимая тяжелый ящикъ съ патронами.

— Ахъ, купить нечѣмъ!—сказалъ одинъ изъ казаковъ, стоявшихъ у нарты, присматриваясь къ ружью разгорѣвшимися глазами.—Ахъ, все отдамъ, куплю!...—Сколько?—спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Сорокъ (кирпичей чаю)!—отвѣтилъ кавралинъ твердо:— и бутылку!

— Десять и двѣ собаки въ придачу хочешь?—кричалъ покупатель.

Какой-то чукча вертѣлъ въ рукахъ большой блестящій ножъ.

— Хорошій ножъ!—непрерывно повторялъ онъ, внимательно разглядывая его со всѣхъ сторонъ.

— Хорошій, такъ возьми!—сказалъ Яширгинъ, посмотрѣвъ въ его сторону.

— Чѣмъ заплачу?—спросилъ съ сомнѣніемъ чукча.

— Чѣмъ хочешь!—безпечно отвѣтилъ Яширгинъ.—А это кто купитъ?—снова спросилъ онъ съ торжествомъ, вытаскивая изъ нарты какой-то комокъ и встряхивая его въ воздухѣ...— Рубаха... бабья!...

Рубаха оказалась женскимъ платьемъ изъ пестраго ситца, сшитымъ по самому модному фасону. На плечахъ буффы, у пояса какія-то сборки и даже турнюръ сзади.

— О, какая рубаха!—смѣялись чукчи.—Такую кто носить станетъ?

Но Отеловъ, проходившій мимо, поспѣшно вырвалъ изъ рукъ кавралина предлагаемое платье. У колымскихъ купцовъ даже матеріалъ, изъ котораго оно было сшито, стоилъ вдвое дороже чукотской цѣны.

Чукча, купившій ножъ, уже успѣлъ повѣсить его себѣ на поясъ. Теперь онъ вертѣлъ въ рукахъ свой старый ножъ, грубое издѣліе якутскаго кузнеца, съ корявой рукоятью, неуклюже торчавшей изъ самодѣльныхъ кожаныхъ ноженъ. Это было настоящее орудіе каменнаго вѣка, только случайно сдѣланное изъ желѣза. Онъ разсматривалъ его съ великимъ презрѣніемъ, почти съ ненавистью.

— Мэй!*)—обратился онъ, наконецъ, ко мнѣ съ вопросомъ.— Почему ваши купцы не возятъ такихъ товаровъ? Развѣ ваши люди не такъ искусны, какъ американцы!

— У нихъ—не русскіе товары!—возразилъ я:—у нихъ—изъ ближнихъ земель... по эту сторону**)... Настоящая русская земля далеко, а Америка ближе. Русскіе возятъ товары на нартахъ и по сухой дорогѣ, а американцы по морю на огненныхъ лодкахъ...

— Такъ!—недовѣрчиво протянулъ чукча:—А развѣ у васъ нѣтъ моря? Люди говорятъ, море обошло вокругъ всей земли?

— Правда!—подтвердилъ я:—и у нашей земли есть море!

— Отчего же ваши купцы не возятъ товаровъ на огненныхъ лодкахъ?

*) Мэй—слово обращенія.

**) Этими неопредѣленными выраженіями обыкновенно обозначаются ближайшія области Сибири.

Чельгинъ, получивъ выкупъ, вынесъ его изъ воротъ и положилъ на свою нарту. Онъ, быть можетъ, и удовлетворился бы полученными дарами, но родственники и пріятели стали убѣждать его, что такого выкупа недостаточно за человѣческую голову, и подстрекали требовать прибавки. Нѣкоторые совѣтовали даже, въ знакъ пренебреженія, отнести выкупъ назадъ и бросить его на землю передъ казенной избой. Но Чельгинъ никакъ не могъ рѣшиться на такую жертву. Въ видѣ средней мѣры онъ ограничился тѣмъ, что всѣ данные ему товары сложилъ на землю около своей нарты и останавливалъ всѣхъ русскихъ, проходившихъ мимо, выразительно указывая имъ на эту маленькую кучку.

— Мало, мало дали,—неистово кричалъ онъ,—пусть, прибавятъ! Мало!

Друзья покойнаго стояли тутъ же и вторили старику. Крики эти не прекратилась даже тогда, когда повѣренный Куттука прислалъ, въ видѣ прибавки отъ себя лично, шесть или семь кирпичей и большой кусокъ сахара.

Мало того, къ вечеру Чельгинъ не досчитался двухъ или трехъ кирпичей и еще какихъ-то товаровъ изъ числа выкупа украденныхъ неизвѣстно кѣмъ. Другіе родственники Кеулина стали требовать отъ него доли выкупа.

Въ концѣ концовъ, старикъ оказался въ довольно враждебныхъ отношеніяхъ къ своимъ ближайшимъ пособникамъ.

Незадолго до окончанія дневного торга онъ снова явился къ помощнику и попросилъ его сохранить до утра выкупъ.

— Я боюсь!—говорилъ онъ сосредоточенно.—Вступаются совсѣмъ чужіе люди, требуя части. Пожалуй, отнимутъ у меня.

Помощникъ, предчувствуя, что дѣло о выкупѣ послужитъ предметомъ новыхъ препирательствъ, не хотѣлъ было соглашаться на его просьбу, которая въ сущности составляла замаскированное возвращеніе выкупа по совѣту недовольныхъ, но Чельгинъ по просту положилъ товары на скамью и ушелъ прочь.

На другой день рано утромъ нужно было привести чукчей къ присягѣ. Было рѣшено совершить этотъ актъ за оградой еще до открытія воротъ, потому что, если бы впустить чукчей въ крѣпость, они немедленно разсѣялись бы по домамъ купцовъ, и никакія силы человѣческія не могли бы отвлечь ихъ отъ продолженія торга. Помощникъ вывелъ съ собой за ограду почти весь наличный персоналъ казаковъ и поставилъ ихъ вокругъ своей особы въ видѣ охраны. Огромная толпа чукчей съ тойономъ и старостами во главѣ обступила его со всѣхъ сторонъ. Тойонъ опять былъ во всемъ блескѣ своего параднаго мундира, но искоса посматривалъ на группу чаунцевъ, которые угрюмо стояли въ сторонѣ.

Церемонія присяги прошла безъ всякихъ инцидентовъ:

священникъ читалъ русскій текстъ, а чукчи, стоявшіе кругомъ, по мѣрѣ перевода повторяли каждую фразу. Носовые присягали особо въ казенной избѣ. Помощникъ попросилъ меня быть переводчикомъ, такъ какъ казенный переводчикъ плохо понималъ даже русскія фразы текста формулы.

За то попытка произвести перепись собравшихся гостей ярмарки и привезенныхъ ими товаровъ, которую я нѣсколько разъ стремился привести въ исполненіе, окончилась неудачей. Впрочемъ, русское населеніе и ламутовъ я успѣлъ переписать въ нѣсколько пріемовъ, съ трудомъ преодолѣвая упрямое нежеланіе купцовъ сообщить размѣры своихъ оборотовъ, но по отношенію къ чукчамъ это осталось совершенно неосуществимымъ. Люди, съ которыми я былъ въ довольно пріятельскихъ отношеніяхъ, тотчасъ же принимали враждебное положеніе, какъ только я касался щекотливаго вопроса о количествѣ принесенныхъ ими мѣховъ.

Тутъ не обошлось даже безъ непріятныхъ инцидентовъ.

Часа черезъ два послѣ открытія воротъ я стоялъ у входа въ крѣпость, разговаривая съ какимъ-то зажиточнымъ кавралиномъ и отмѣчая въ своей записной книжкѣ нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ цифръ. Одинъ изъ чукчей, стоявшихъ возлѣ, нѣсколько минутъ непріязненно смотрѣвшій на мои дѣйствія, вдругъ подошелъ ко мнѣ сзади и неожиданно ударилъ меня по рукѣ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ выдернуть книжку. Я оттолкнулъ его и спряталъ книжку въ карманъ. То былъ старый кавралинъ Рэнто, уже много лѣтъ живущій на оленной землѣ, человѣкъ довольно безпокойнаго нрава, носившій на груди и на рукахъ нѣсколько почетныхъ шрамовъ, оставленныхъ многочисленными драками съ друзьями и недругами.

— Ты зачѣмъ ходишь тутъ и записываешь наши дѣла?— кричалъ онъ съ угрозой:—а ни одной рюмки нельзя у тебя выпить?

Молодой мальчикъ въ сѣрой кукашкѣ, повидимому сынъ или племянникъ его, старался увести его прочь, но Рэнто упрямо вырывался, продолжая свои выкрики.

Чукчи со смѣхомъ смотрѣли на него и видимо выжидали, что будетъ дальше. Я почувствовалъ себя въ нѣсколько сомнительномъ положеніи. Къ счастью, явился Бинскій. Онъ опять былъ на веселѣ, но его возбужденное состояніе какъ нельзя лучше подходило для настоящаго случая.

— Что у васъ тутъ такое?—кричалъ онъ еще издали и, узнавъ въ чемъ дѣло, подошелъ прямо къ чукчѣ, схватилъ его за шиворотъ и приподнялъ на воздухъ.

— Пусти, пусти!—кричалъ Рэнто, безсильно барахтаясь въ его объятіяхъ.

Чукчи опять засмѣялись, но симпатіи ихъ были уже не на той сторонѣ, что прежде.

— А онъ ему какъ доводится?—спрашивали въ толпѣ, указывая на Бинскаго и на меня.

— Это его землякъ, ближній человѣкъ; оба изъ одного племени!—объяснили болѣе свѣдущіе.

Бинскій ни за что не хотѣлъ выпустить Рэнто и грозно приказывалъ ему просить прощенія за свою дерзость, но я постарался положить конецъ этой сценѣ. Рэнто, освободившись отъ объятій Бинскаго, торопливо надѣлъ кукашку и ушелъ по дорогѣ къ стойбищамъ, но черезъ часъ онъ снова явился въ крѣпость и принесъ мнѣ и Бинскому по куску оленьяго мяса въ видѣ примирительныхъ даровъ.

— Зачѣмъ ты такой сердитый?—говорилъ онъ Бинскому съ искательной улыбкой.—Не надо ссориться. Лучше будемъ жить въ мирѣ, но пусть онъ дастъ мнѣ рюмку водки...

Вспомнивъ о предстоящемъ посѣщеніи Чельгина, который долженъ былъ явиться за выкупомъ, оставленнымъ въ казенной избѣ на храненіе до утра, я отправился туда. Но вмѣсто Чельгина съ товарищами я засталъ цѣлую группу ламутовъ.

Тутъ были староста уяганскаго рода, делянскій старшина, капралъ рода балаганчиковъ *), потомъ двое кривыхъ ламутовъ, участвовавшихъ въ наружномъ караулѣ у крѣпостныхъ стѣнъ въ ночь послѣ безпорядковъ, и еще нѣсколько другихъ. Ламуты сидѣли рядомъ на длинной скамьѣ, плотно придвинувшись къ стѣнѣ, неподвижно выпрямивъ свой тощій станъ и неподвижно установивъ ноги на одной и той же половицѣ. Можно было подумать, что всѣ они связаны проволокой и приклеены къ своимъ мѣстамъ. Помощникъ уже получилъ ясакъ и теперь писалъ росписку.

— А за прошлогодній порохъ разсчитались съ командиромъ?—спросилъ онъ, поднимая голову.

— Какъ да (какъ же)!—протянулъ делянскій староста, высокій, сухой ламутъ съ корявымъ лицомъ подъ бурой шапкой волосъ, остриженныхъ въ скобку.

— А сей годъ сколько взяли?

— Пудъ пороху, два пуда свинцу!—сказалъ староста.

Помощникъ опять принялся писать.

— А за отопленіе казенной избы заплатите?—сказалъ онъ полувопросительно.

Дѣло шло о двадцати рубляхъ, которые слѣдовало запла-

*) Староста-начальникъ ламутскаго рода. Старшина и капралъ-помощники его по собиранію ясаковъ, распредѣленію пороха и свинца и т. д.

тить сторожамъ за отопленіе обѣихъ половинъ казенной избы во время ярмарки.

Всѣ расходы по содержанію ярмарки,—ремонтъ крѣпостныхъ стѣнъ, расчистка дорогъ, исправное содержаніе казенныхъ и церковныхъ домовъ и т. п.—издавна падаютъ на самыя бѣдныя племенныя единицы,—на русскихъ мѣщанъ, на юкагировъ и ламутовъ, хотя послѣдніе, напримѣръ, совершенно не нуждаются въ ярмаркѣ и не извлекаютъ изъ нея никакихъ выгодъ. Напротивъ того, чукчи, для удобства которыхъ собственно и существуетъ ярмарка, не несутъ никакихъ тягостей и занимаютъ положеніе какихъ-то иностранныхъ гостей, изъятыхъ отъ дѣйствія обыкновенныхъ законовъ и раскладокъ. Само собою разумѣется, что русскіе купцы, извлекающіе довольно крупную прибыль изъ оборотовъ анюйской торговли, точно также освобождены отъ всякаго участія въ необходимыхъ расходахъ. Между тѣмъ въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ большая часть ламутовъ находитъ для себя болѣе выгоднымъ приходить для торга прямо въ Среднеколымскъ, гдѣ товары дешевле и обмѣнъ производится проще и спокойнѣе. Приходъ ламутовъ на анюйскую ярмарку ограничивается только частями родовъ, обитающими по берегамъ обѣихъ Анюевъ въ непосредственной близости съ анюйской крѣпостью. Тѣмъ тягостнѣе стало для ламутовъ отбывать наложенныя на нихъ повинности...

На этотъ разъ, услышавъ требованіе о двадцати рубляхъ, ламуты категорически стали отказываться отъ уплаты.

— Мы бы совсѣмъ не ходили!—говорилъ делянскій старшина, довольно бѣгло объясняясь по русски:—намъ Средній лучше ярмарки. Старый исправникъ говорилъ: „Ходите, пожалуйста, берегите меня. Я отъ чукчей боюся. А платить ничего не будете. Вродѣ казаковъ“.

— Я ничего не знаю!—возразилъ помощникъ.—Онъ мнѣ ничего не сказалъ.

— Да и то старосты не пришли и богатые тоже,—продолжалъ делянскій старшина,—а послали насъ, худородныхъ людей, пустыхъ ребятишекъ... А мы и совсѣмъ не хотимъ приходить.

— Какъ не хотите приходить?—вспылилъ помощникъ:—Мы васъ принудимъ. Вы наши сторожа на Анюѣ противъ чукчей. Мы чукчей боимся. А въ Средній мы вамъ дорогу запремъ, и со старостъ, которые туда ходятъ, строго взыщемъ. Они обязаны намъ повиноваться и охранять насъ отъ всѣхъ противниковъ.

Ламуты молча слушали, понуривъ голову.

— Ты какую присягу принималъ вчера?—неустрашимо

продолжалъ представитель власти, обращаясь къ старшинѣ и привскакивая на своихъ тоненькихъ ножкахъ.

— Слушаться!—тихо отвѣчалъ ламутъ.

— Ну, вотъ! давай деньги!

— Да что дадимъ?—уныло переспросилъ старшина:—Годъ худой. Равдуги купцы не берутъ. Что было, все издержали, тебѣ же на ясакъ принесли. Теперь взять не откуль.

— Нечего Бога гнѣвить!—возразилъ помощникъ.—Я знаю, что иные изъ васъ привезли по пятьдесятъ песцовъ, бобровъ, куницъ... Нечего вамъ бѣдными притворяться!

— Сколько ни живемъ на свѣтѣ, бобра не видѣли!—отвѣчалъ ламутъ:—Откуль бобра возьмемъ? На нашей сторонѣ бобра нѣтъ. А песцовъ точно принесли. Коихъ отдали за долги, коихъ иные чужіе люди прислали на ясакъ. Теперь все отдали купцамъ, они, *однако*, назадъ не отдадутъ... Тоже за порохъ дали... Тоже чаекъ, табачокъ и намъ нужно. Мы тоже люди, не одни чукчи,—перечислялъ старшина своимъ унылымъ и спокойнымъ голосомъ.

Родичи его молчали. Ихъ пестрые кафтаны, красиво разукрашенные цвѣтнымъ бисеромъ, сафьяномъ и краснымъ сукномъ, составляли странный контрастъ печальнымъ словамъ ихъ представителя, а между тѣмъ эти слова были совершенно справедливы. Дѣйствительно, мѣха, привезенные ламутами на ярмарку, предназначались для уплаты ясаковъ, почти все остальное ушло на покрытіе долговъ купцамъ.

— Худо это старосты дѣлаютъ, что сами остаются дома, а посылаютъ насъ, пустыхъ ребятишекъ,—повторилъ делянскій старшина.—Что-жъ дѣлать. Я положу пять рублей!

— Хорошо, хорошо!—обрадовался помощникъ.—Ты положишь пять рублей, да вотъ уяганскій староста положитъ пять, да балаганчики пусть дадутъ—такъ и наберется. А со старостъ вы можете потомъ взыскать между собой; не то жалуйтесь на нихъ вышнему начальству.

— Что жаловаться?—продолжалъ ламутъ тѣмъ же безнадежнымъ тономъ.—Вотъ третьегодный командиръ и дрова, и воду, и плату все взялъ, да окромя того по мордѣ билъ... Кому станемъ жаловаться?.. Пущай!.. Только денегъ у меня нѣтъ. Развѣ положу отъ пороху, который у тебя взялъ.

Но взять у ламутовъ порохъ обратно,—значило, довести ихъ до полнаго раззоренія, ибо они существуютъ исключительно ружейной охотой.

Помощникъ самъ предложилъ разложить уплату этихъ денегъ на купцовъ. Загадочные горные охотники, сидѣвшіе на скамьѣ у стѣны, отнеслись какъ-то равнодушно къ этому неожиданному освобожденію, не обрадовались и не поблаго-

дарили. Даже на деревянномъ лицѣ делянскаго старшины не отразилось ничего.

Черезъ минуту они встали и принялись креститься на иконы, собираясь уходить. Всѣ ихъ обязанности предъ лицомъ русской власти были исполнены. На мѣсто ламутовъ почти тотчасъ явился Чельгинъ въ сопровожденіи двухъ новыхъ спутниковъ, которые тоже доводились родственниками покойному и, по словамъ Чельгина, заявляли притязаніе на долю въ выкупѣ.

На этотъ разъ чукчи прямо стали требовать прибавки.

— Мало!—говорили они, презрительно указывая на товары, лежавшіе на столѣ.—Это за оленя столько даютъ. Человѣческая голова дороже...

Опять начался торгъ. Иванъ выносилъ изъ чулана по одиночкѣ разныя мелочи: ножъ, ковшъ, небольшой цвѣтной шарфъ, кусокъ сахару, и клалъ ихъ на столъ въ видѣ прибавки.

Вопреки изобличеніямъ Чельгина, новые просители настойчиво заявляли о своемъ безкорыстіи.

— Мы себѣ ничего не возьмемъ, — говорили они: — зачѣмъ? У покойника есть сынъ на Россомашьей рѣкѣ, мы отнесемъ ему.

— А если бы немножко водочки, хорошо было бы! — началъ одинъ изъ нихъ осторожнымъ тономъ.—Мальчику было бы на утѣшеніе.

Но изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что сыну Кеулина только четыре года.

— Что же!—сказалъ другой чукча:—мы только родственники. Есть у Кеулина родной братъ—Тэримъ, онъ бы сказалъ настоящее слово. Жаль, что его нѣтъ на ярмаркѣ.

— А гдѣ онъ?—освѣдомился я.

— Далеко!—былъ неопредѣленный отвѣтъ:—но на будущій годъ онъ непремѣнно придетъ и будетъ просить выкупа.

— На будущій годъ? — повторилъ помощникъ, пренебрежительно махнувъ рукой.—Пускай!

— Дайте ему много табаку и чаю! —совѣтовали чукчи:— и котелъ, и ледоколъ, и красную камлею. Онъ будетъ очень сердиться.

— Пусть, пусть!—говорилъ помощникъ.—Я все равно не пріѣду больше. Пусть проситъ, сколько душѣ угодно.

— А что же водка?—снова спросилъ первый проситель.

Но помощникъ довольно твердымъ тономъ объявилъ, что водки у него нѣтъ. Чепатка, впрочемъ, былъ счастливѣе родственниковъ Кеулина и вытребовалъ у Кожевникова бутылку спирту взамѣнъ за пролитый во время драки. Торговля спиртомъ вообще продолжалась безъ всякаго стѣсненія. Нѣ-

которые чукчи видимо бравировали запрещеніемъ и по примѣру Чепатки выносили изъ крѣпости боченки и бутылки со спиртомъ прямо на глазахъ казаковъ.

— Богъ съ ними!—говорилъ теперь Брусницынъ.—Пусть хоть цѣлыя фляги увозятъ, лишь бы насъ живыхъ отпустили.

Родственники Кеулина все время надоѣдали тойону еще болѣе, чѣмъ помощнику, и нѣсколько разъ возобновляли рѣчь о необходимости его ограбить и даже убить. Незадолго до отъѣзда тойона Эйгелинъ, уходившій куда-то, вернулся съ встревоженнымъ лицомъ и сказалъ, что чаунскіе стоятъ недалеко отъ воротъ и поговариваютъ о томъ, чтобы напасть на него.

Черезъ полчаса Тайонъ уѣхалъ на стойбище, расположенное верстахъ въ тридцати отъ крѣпости и, разумѣется, ни о какомъ нападеніи не было помину.

Весною 1896 года братъ Кеулина, Тэримъ, дѣйствительно пришелъ на ярмарку и вытребовалъ новый выкупъ за голову убитаго. Чукчи цѣлый годъ относились враждебно къ порѣчанамъ и выражали свое неудовольствіе, назначая двойную цѣну за убойныхъ оленей.

Н. А. Танъ.

ВОДЫ ЭДЕРЫ.

Романъ Уйда.

(Переводъ съ англійскаго).

XV.

Чтобы испробовать всѣ средства, онъ рѣшилъ повидаться съ префектомъ, если онъ только соблаговолитъ принять его. Сановникъ этотъ жилъ въ приморскомъ портовомъ городѣ, откуда управлялъ провинціей, пока еще звѣзда его не потухла, т. е. пока была въ силѣ его политическая партія. Конечно, мало вѣроятно, чтобы должностное лицо убѣдилось доводами, которые могъ представить противъ правительственнаго проекта бѣдный сельскій священникъ. Донъ Сильверіо рѣшилъ всетаки сдѣлать эту попытку, такъ какъ при имени префекта въ поблекшихъ глазахъ графа Коррадини промелькнуло тревожное выраженіе.

Отъ Санъ Беды до портоваго города было приблизительно около сорока миль; первая половина дороги спускалась внизъ съ вершинъ Апеннинъ, вторая шла черезъ плоскую песчанную мѣстность, съ разбросанными кое-гдѣ хвойными рощами. Первую часть ея онъ прошелъ пѣшкомъ, вторую проѣхалъ въ пассажирскомъ поѣздѣ, который, какъ змѣя, медленно извивался длинной, черной лентой черезъ дюны и болота. Въ поясѣ священника было очень немного франковъ, да и тѣ онъ затруднялся расходовать.

Когда онъ добрался до мѣста, наступилъ уже вечеръ; было слишкомъ поздно идти въ префектуру, чтобъ разсчитывать на пріемъ. Настоятель изъ Санъ Беды далъ ему письмо къ священнику церкви Св. Ансельма, который встрѣтилъ его радушно и охотно пріютилъ на ночь.

— Правительственный проектъ, проектъ, одобренный министрами и депутатами?—проговорилъ хозяинъ, узнавъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.—Это все равно, родной мой, что задумать на-

паденіе на Гранъ-Сассо-Д'Италія! Для этого нужны деньги, большія деньги: наши сенаторы малымъ не удовольствуются.

— Я полагаю такъ,—согласился донъ Сильверіо,—но недоумѣваю, откуда ихъ взять?

— Изъ кармановъ плательщиковъ податей, другъ мой!— отвѣтилъ священникъ Св. Ансельма съ улыбкой человѣка, хорошо знакомаго съ міромъ, въ которомъ живетъ. — Страна кишитъ предпріятіями, начатыми исключительно съ тою цѣлью, чтобы деньги, которыя ржавѣли въ карманахъ глупцовъ, перешли въ карманы мудрецовъ, знающихъ, какимъ образомъ пустить ихъ въ оборотъ, чтобъ пріумножить. Для чего существуютъ всѣ наши безполезныя желѣзно-дорожныя линіи, наши уродливыя новыя улицы, всѣ наши новшества, положенныя въ котелъ для варки, какъ ужинъ колдуньи?

— Я знаю, знаю это,—сказалъ донъ Сильверіо усталымъ голосомъ.—Вся страна переполнена аферистами, какъ муравьями!

— Не обижайте муравьевъ! — возразилъ хозяинъ. — Я не хочу оскорблять имени честныхъ, трудолюбивыхъ, маленькихъ насѣкомыхъ, давая его людямъ, которые своей эгоистичной алчностью и безсовѣстной спекуляціей проѣдаютъ, какъ ржавчиной, страну. Но скажите, чего ожидаете вы отъ нашего уважаемаго префекта?

— Я ничего не ожидаю, но хочу все испробовать. Что вы мнѣ скажете о немъ?

— Объ его превосходительствѣ Джіовачино Галло, сенаторѣ и кавалерѣ всевозможныхъ орденовъ? Сказать о немъ можно многое, хотя нѣтъ ничего такого, чего нельзя сказать также и о многихъ другихъ высокопоставленныхъ особахъ. Это обычное явленіе: гибкій позвоночникъ, острый глазъ, скользящая поступь. Онъ былъ молодымъ юристомъ, кандидатомъ въ депутаты и женился на красавицѣ, которой до него любовался одинъ князь. Онъ не задавался никакими вопросами: у нея было богатое приданое. Нужно отдать ему справедливость: по отношенію къ ней онъ былъ всегда безукоризненъ. Онъ рано вступилъ въ парламентъ и оказался тамъ полезнымъ для существующихъ обществъ. Черезъ него въ палатѣ проводились также многіе проекты желѣзныхъ дорогъ и каналовъ. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ онъ имѣлъ успѣхъ и отлично знаетъ ему цѣну. Я слышалъ, что и онъ, и жена его persone gratissime въ Квириналѣ, и что ея брилліанты замѣчательны. Когда два года тому назадъ его назначили сенаторомъ, пресса, особенно органы правой, привѣтствовала его назначеніе, говоря, что въ его лицѣ сенатъ пріобрѣлъ человѣка безупречной честности, просвѣщеннаго ума и характера, отлитаго въ античную форму благородной простоты и спартанскаго мужества. Вы думаете, родной мой,

можно разсчитывать, что этотъ баловникъ судьбы отнесется благосклонно къ вашему заступничеству за прихожанъ?

— Я пришелъ сюда, дорогой и преподобный отецъ, безъ всякихъ иллюзій. Но, если бы онѣ у меня и были, ваша характеристика ихъ разсѣяла бы.

Хотя онъ и не питалъ никакой надежды, тѣмъ не менѣе въ два часа дня отправился на аудіенцію, дарованную ему вслѣдствіе содѣйствія епископа, по просьбѣ священника церкви Св. Ансельма.

Префектура помѣщалась во дворцѣ архитектуры XVI столѣтія. Это было величественное зданіе огромныхъ размѣровъ, сильно изуродованное протянутыми кругомъ его телеграфными и телефонными проволоками, такъ какъ внизу помѣщались почтовая контора и казначейство, и обширнымъ внутреннимъ дворомъ, только что выбѣленнымъ и размалеваннымъ свѣжею краскою. У рѣшотокъ и дверей стояло нѣсколько солдатиковъ въ неказистыхъ мундирахъ, безобразно скроенныхъ и дурно сшитыхъ. Въ первомъ этажѣ находились апартаменты его превосходительства. Дона Сильверіо заставили дожидаться въ изящномъ вестибюлѣ, расписанномъ Діотисальви, гдѣ стояла по серединѣ огромная мраморная группа, изображающая смерть Цезаря.

Онъ смотрѣлъ на нее съ любопытствомъ.

— На что, великій Юлій, послужили тебѣ твои побѣды, на что послужилъ тебѣ твой геній, величайшій, можетъ быть, изъ тѣхъ, которыхъ когда либо видѣлъ свѣтъ? На что? Ты былъ заколотъ, какъ быкъ, сваленный съ ногъ, и изъ каждой поры земли, которой управлялъ ты, течетъ кровь!—проговорилъ онъ.

Спустя четверь часа, его провели черезъ рядъ большихъ комнатъ въ чрезвычайно красивой архитектуры залъ, гдѣ у письменнаго стола стоялъ префектъ.

Джіовачино Галло былъ человѣкъ небольшого роста, полный, съ большимъ животомъ, плѣшивой головой, блестящими безпокойными глазами, высокимъ узкимъ лбомъ и краснымъ лицомъ, какъ у человѣка, которому не чужды удовольствія хорошаго стола. Обращеніе его было учтивое, но сдержанное, холодное и нѣсколько напыщенное; онъ считалъ себя великой особой и былъ привѣтливѣе только съ еще болѣе великими особами, передъ которыми онъ даже низкопоклонничалъ.

— Чѣмъ могу я служить, преподобный отецъ?—спросилъ онъ вѣжливо, но сухимъ и до крайности оффиціальнымъ тономъ, садясь за письменный столъ и указывая гостю стулъ.

Донъ Сильверіо объяснилъ ему цѣль своего визита и изложилъ просьбы рушинцевъ.

— Я только священникъ изъ Рушино, — сказалъ онъ въ поясненіе,—но въ этомъ дѣлѣ я ходатайствую за всѣхъ обитателей Вальдадеры. Вы, ваше превосходительство, управляете провинціей, по которой протекаетъ и беретъ свое начало Эдера. Мой народъ и всѣ другіе, не принадлежащіе къ моему приходу, представителемъ которыхъ я являюсь, осмѣливаются обратиться къ вамъ за поддержкой въ ихъ огромномъ несчастіи, просятъ вашего заступничества въ ихъ бѣдствіи.

Выраженіе лица префекта сдѣлалось еще болѣе холоднымъ и непреклоннымъ, его глаза блеснули злобой, пухлыя руки судорожно сжали малахитовый ножъ для книгъ: онъ хотѣлъ, чтобы ножъ былъ изъ стали, а населеніе Вальдадеры имѣло одну только голову.

— Знаете ли вы, милостивый государь,—сказалъ онъ нетерпѣливо,—что это дѣло уже ратификовано парламентомъ.

— Но оно не было ратификовано лицами, которыхъ оно главнымъ образомъ касается.

— Вы предполагаете, стало быть, что прежде, чѣмъ начать большія общественныя работы, иниціаторы должны обойти всѣхъ крестьянъ округа и у каждаго изъ нихъ со шляпой въ рукѣ просить разрѣшенія?

— Большія общественныя работы, кажется мнѣ, слишкомъ громкимъ названіемъ; слишкомъ громкимъ—въ данномъ случаѣ. Въ этой желѣзной дорогѣ никто не нуждается. Ацетиленовыя работы—частная спекуляція. Я осмѣливаюсь напомнить вашему превосходительству, что народъ, котораго признавать вы не желаете,- собственникъ земли, и тамъ, гдѣ онъ даже ею не владѣетъ, онъ получаетъ большія выгоды, какъ отъ нея, такъ и отъ рѣки.

— Ихъ доходы будутъ приняты въ соображеніе и возмѣщены,—сказалъ префектъ. — Я не допускаю, чтобы кто либо изъ нихъ могъ претендовать на большее.

— Простите меня, ваше превосходительство,—но это только фраза, а не фактъ. Если бы вы дали имъ даже милліоны, вы не могли бы вознаградить ихъ за захватъ рѣки и земли. Онѣ принадлежатъ имъ и ихъ потомкамъ по естественному праву, котораго нельзя лишить ихъ даже по постановленію парламента, не причинивъ имъ огромнаго вреда и несправедливости.

— Отдѣльные индивидуумы должны страдать ради блага всего общества.

— И несомнѣнно, когда этотъ индивидуумъ не мы, страданія его кажутся намъ несущественными?

— Какой дерзкій священникъ! — подумалъ Джіовачино Галло и съ сердцемъ швырнулъ на столъ ножикъ.

— Возьмемъ только одинъ мой приходъ, — продолжалъ донъ Сильверіо.—Ихъ небольшой заработокъ всецѣло зависитъ отъ водъ Эдеры; она даетъ имъ пищу, кровъ, занятія; она даетъ имъ здоровье и силу; она орошаетъ ихъ небольшіе участки, съ которыхъ они сами и ихъ семьи получаютъ зерно, маисъ и рисъ. Если вы осушите рѣку, они умрутъ съ голоду. Развѣ ваши соотечественники не дороже вамъ членовъ иностраннаго синдиката?

— Для нихъ будетъ работа на ацетиленовомъ заводѣ.

— Развѣ они не свободные люди, что ихъ, какъ рабовъ, можно гонять на ненавистную имъ работу? Народъ этотъ родился и выросъ въ деревнѣ. Они работаютъ на открытомъ воздухѣ, какъ ихъ предки. Простите меня, ваше превосходительство, но королевское правительство каждый годъ отправляетъ въ ссылку тысячи, десятки тысячъ нашихъ крестьянъ съ семьями. Налоги на землю и на всѣ ея продукты опустошаютъ въ странѣ тысячи квадратныхъ миль, земля обезлюдѣла, самый цвѣтъ ея населенія выселяется толпами въ Бразилію, Ла-Плату, Аргентинскую республику—всюду, гдѣ трудъ дешевъ и климатъ смертоносенъ. Бѣдняковъ нагружаютъ на эмигрантскіе пароходы и переправляютъ съ меньшей заботливостью, чѣмъ грузъ фруктовъ. Они соглашаются ѣхать потому, что здѣсь они голодаютъ. Хорошо ли для страны терять цвѣтъ населенія, своихъ воздержанныхъ, покорныхъ и трудолюбивыхъ рабочихъ? отправлять ихъ черезъ океаны по контракту съ другими государствами? Развѣ не заключило государство контракта съ однимъ изъ острововъ на Тихомъ Океанѣ на пять тысячъ итальянцевъ? Что же, они свободные люди или рабы? Можете-ли вы, ваше превосходительство, назвать свой народъ свободнымъ, когда онъ не имѣетъ голоса, чтобы защищить свою рѣку, когда ему, въ замѣнъ простора, предлагаютъ нездоровый трудъ въ закрытомъ помѣщеніи? Теперь они, дѣйствительно, бѣдны, но они довольны; у нихъ едва держится душа въ тѣлѣ, но они живутъ на родной землѣ, живутъ, какъ жили отцы ихъ. Хорошо-ли, справедливо-ли, благоразумно-ли возбуждать въ народѣ неудовольствіе и повергать его въ отчаяніе тиранніей и грабежомъ, которые послужатъ на пользу только иностраннымъ спекуляторамъ и отечественнымъ биржевымъ игрокамъ? Я не думаю, ваше превосходительство, чтобы на свѣтѣ существовалъ народъ, который, не взирая на постоянное, жестокое раздраженіе его, былъ бы болѣе кроткимъ, долготерпѣливымъ и болѣе пригоднымъ существовать при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ итальянцы; хорошо-ли, справедливо-ли и благоразумно-ли, пользуясь національной чертой характера—покорностью, отнять у цѣлой половины провинціи ея естественную помощь

и красоту,—горный потокъ, дарованный ей самимъ небомъ? Вы могущественны, ваше превосходительство, правительство слушаетъ васъ: не попытаетесь ли вы остановить это постыдное насиліе, пока есть еще время?

Передъ краснорѣчіемъ и мелодичнымъ голосомъ дона Сильверіо устоять могли немногіе; на одинъ моментъ онъ тронулъ даже нечувствительное ухо и каменное сердце слушавшаго его сановника, какъ патетическій романсъ, пропѣтый знаменитымъ теноромъ.

Но моментъ этотъ былъ очень короткій. На лицѣ Джіовачино Галло появилось выраженіе жестокости и въ то же время недовѣрія.—Чортъ побери этого священника!—подумалъ онъ,—онъ доставитъ намъ не мало непріятностей.

Онъ всталъ, непреклонный, холодный, напыщенный, съ ледяной улыбкой на своихъ красныхъ, толстыхъ губахъ bon viveur'а.

— Если вы воображаете, что я рискну нападать или позволю себѣ даже только критиковать дѣло, которое по своей мудрости его высокопревосходительство министръ земледѣлія изволилъ одобрить и утвердить, вы имѣете довольно странное понятіе о моей пригодности къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей. Что касается васъ, преподобный отецъ, то, къ сожалѣнію, вы, очевидно, забываете, что главнѣйшая обязанность вашей священной должности—внушать паствѣ безмолвное повиновеніе постановленіямъ правительства.

— Это ваше послѣднее слово?

— Это мое первое и послѣднее слово.

Донъ Сильверіо низко поклонился.

— Вы можете пожалѣть объ этомъ,—сказалъ онъ просто, направляясь отъ письменнаго стола къ выходу.

Когда онъ приблизился къ двери, префектъ, все еще стоявшій на своемъ мѣстѣ, остановилъ его:

— Подождите!

Онъ открылъ въ столѣ два или три ящика, разыскивая какія-то бумаги, и, пока просматривалъ ихъ, оставилъ священника стоять по серединѣ комнаты. Донъ Сильверіо стоялъ, выпрямившись; его высокая, тонкая фигура была полна величаваго достоинства; его блѣдное лицо было сурово.

— Вернитесь на минуту,—сказалъ Галло.

— Я могу васъ слушать, ваше превосходительство, и отсюда,—возразилъ донъ-Сильверіо и не двинулся съ мѣста.

— У меня есть здѣсь донесенія моихъ агентовъ,—сказалъ префектъ, перебирая разныя бумаги,—о томъ, что среди рѣдкаго населенія Вальдадеры существуетъ уже нѣсколько времени злонамѣренная агитація.

Донъ Сильверіо не произнесъ ни слова и не шелохнулся

— Это аграрное волненіе,—продолжалъ Галло,—охватившее ограниченную площадь, имѣетъ мало вѣроятія на распространеніе, но оно существуетъ; собранія бываютъ по ночамъ, на открытомъ воздухѣ и въ укромныхъ мѣстахъ; собираются то на одной фермѣ, то на другой. Главой этого зловреднаго и беззаконнаго движенія нѣкто Адонъ Альба. Онъ изъ вашего прихода?

Префектъ поднялъ глаза и бросилъ бѣглый, испытующій взглядъ на священника.

— Да, изъ моего прихода,—подтвердилъ донъ Сильверіо, не обнаруживъ ни малѣйшаго волненія.

— Вы знаете объ этой агитаціи?

— Если бы я и зналъ, то не сказалъ бы вамъ. Но я не пользуюсь довѣріемъ Адона Альба.

— Конечно, я не прошу васъ разоблачать тайнъ вашей исповѣдальни, но...

— Ни въ исповѣдальнѣ, ни внѣ ея я не слыхалъ отъ него ничего подобнаго тому, что вы говорите.

— Онъ молодой человѣкъ?

— Да.

— И владѣтель земли, извѣстной подъ названіемъ Терры Верджины?

— Да.

— И его участокъ одинъ изъ тѣхъ, которые должны быть отчуждены для предполагаемыхъ работъ?

— Да.

— Увѣрены ли вы въ томъ, что не онъ послалъ васъ сюда?

— Мои прихожане не имѣютъ привычки посылать меня куда либо. Вы перемѣшали наши соотвѣтствующія положенія.

— Смиреніе не принадлежитъ къ числу вашихъ духовныхъ добродѣтелей, ваше преподобіе?

— Возможно.

Галло сунулъ свои бумаги назадъ въ ящикъ и съ шумомъ захлопнулъ его.

— Вы видѣли синдика Санъ-Беды?

— Да.

— Что же онъ сказалъ вамъ?

— Приблизительно то же, что и вы. Оффиціальный языкъ всегда ограниченъ и заученъ навсегда.

Галло охотно запустилъ бы въ дерзкаго священника своей бронзовой чернильницей; онъ имѣлъ отъ природы холерическій темпераментъ, но годы угодливости и государственной службы научили его сдерживаться.

— Хорошо, преподобный отецъ! — сказалъ онъ съ плохо скрытымъ раздраженіемъ,—я вижу, что разговоръ нашъ без-

полезенъ. Вы защищаете и покрываете народъ. Можетъ быть, я и не долженъ порицать васъ за это, но позвольте мнѣ напомнить вамъ, что моя обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы порядокъ и спокойствіе ни кѣмъ не нарушались, и если въ своемъ участкѣ приходскій священникъ разжигаетъ неудовольствіе или поддерживаетъ волненіе, съ нимъ будетъ поступлено гораздо строже, чѣмъ съ другими при тѣхъ же обстоятельствахъ. Мы терпимъ и уважаемъ церковь до тѣхъ поръ, пока она остается строго въ своей сферѣ, но— только до тѣхъ поръ.

— Мы всѣ прекрасно знаемъ, что намъ отказано даже въ ограниченныхъ привилегіяхъ свѣтскихъ людей! — отвѣтилъ донъ Сильверіо. — Имѣю честь пожелать вамъ, ваше превосходительство, добраго утра.

Онъ затворилъ за собою дверь.

— Чортъ возьми! — сказалъ Джіовачино Галло: — вотъ сильный характеръ! Развѣ римская церковь слѣпа, что оставляетъ такого человѣка ржавѣть и гнить въ несчастномъ Рушино?

Когда донъ Сильверіо опять встрѣтился со священникомъ св. Ансельма, послѣдній участливо спросилъ его о результатахъ свиданія.

— Напрасная потеря времени и словъ,—отвѣтилъ онъ.—Я долженъ былъ предвидѣть заранѣе, что изъ переговоровъ съ правительственнымъ чиновникомъ не выйдетъ ничего другого.

— Но вы могли бы воткнуть палку въ колесо графа Коррадини. Если бы вы сказали Галло, что тотъ торговался...

— Зачѣмъ я буду выдавать человѣка, который принялъ меня съ полнымъ довѣріемъ? И какую пользу принесло бы это?

И, болѣе чѣмъ когда либо, удрученный душою и тѣломъ, онъ возвратился въ Рушино.

Когда онъ вышелъ отъ префекта, высокопоставленная особа пригласила своего секретаря.

— Брандонъ, пошлите мнѣ Сарелли.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Сарелли; оффиціально онъ занималъ должность швейцара префектуры, а по склонности былъ вдобавокъ и ея главнымъ шпіономъ. Уроженецъ города, человѣкъ съ значительной проницательностью и превосходной памятью, онъ не имѣлъ нужды записывать что либо: самое опасное для такой профессіи, — письменныя замѣтки.

— Сарелли, какая молва о священникѣ села Рушино?

Сарелли стоялъ почтительно на вытяжку, какъ бывшій артиллерійскій унтеръ-офицеръ, и давалъ быстрые и ясные отвѣты.

— Большія дарованія, выдающееся краснорѣчіе, нелюбимъ начальствомъ; прежде—извѣстный проповѣдникъ въ Римѣ; предполагають, что въ Рушино онъ въ наказаніе; образованный, милосердный, безупречный.

— Гм!—проговорилъ Галло разочарованно. — Стало быть, невѣроятно, чтобы онъ производилъ смуту или безпорядки? Могъ бы вынудить насъ прибѣгнуть къ тяжелымъ мѣрамъ?

Сарелли быстро смѣкнулъ.

— Во всемъ безупреченъ, ваше превосходительство, кромѣ одного случая...

— Какого случая?

— Ваше превосходительство изволили, вѣроятно, слышать объ Улиссѣ Ферреро, большомъ разбойникѣ изъ Нижняго Абруццо Цитеріо Примо?

— Да; продолжайте!

— Улиссъ Ферреро былъ бѣглымъ; всѣ до одного изъ его шайки были захвачены или убиты; онъ потерялъ правую руку; въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ скрывался въ лѣсахъ Нижняго Абруццо; по ночамъ онъ спускался внизъ, заходилъ на фермы и обитатели ихъ кормили, поили его и помогали ему...

— Ихъ нравы были всегда преступны; продолжайте!

— Онъ часто скрывался то въ томъ, то въ другомъ лѣскѣ Вальдадеры. Населеніе округа и особенно Рушино покровительствовало ему. Здѣсь считали его святымъ, потому что однажды, когда онъ находился во главѣ своей шайки, въ то время чрезвычайно сильной, онъ пришелъ въ Рушино и не причинилъ имъ никакого вреда, онъ только ѣлъ, пилъ и затѣмъ оставилъ горсть серебряныхъ монетъ въ уплату за все, что взялъ самъ и его люди. По этому-то они и скрывали его. Время отъ времени онъ выходилъ изъ лѣса; тогда поселяне давали ему все, что могли, и онъ, какъ король, расхаживалъ взадъ и впередъ по Рушино; это продолжалось довольно долго, и какъ мы узнали послѣ, дону Сильверіо Фраскара было все извѣстно, но онъ ничего не сдѣлалъ. Когда, наконецъ, Улисса Ферреро схватили (въ ноябрѣ исполнится девять лѣтъ, и арестовали не въ Рушино, а въ лѣсахъ надъ ней) и предали суду, вызваны были многіе свидѣтели, между ними и этотъ донъ Сильверіо. Судья спросилъ его: „Знали ли вы, что этотъ человѣкъ часто посѣщалъ вашъ приходъ?“ Донъ Сильверіо отвѣтилъ: „Да, я зналъ“.—„Знали ли вы, что онъ бѣглый и разыскивается правосудіемъ?“ „Да“, отвѣтилъ онъ снова. Тогда судья въ гнѣвѣ стукнулъ кулакомъ по столу: „И вы, священникъ, охранитель порядка, не выдали его властямъ?“ Донъ Сильверіо, ваше превосходительство, имѣлъ дерзость совершенно спокойно, но съ улыбкою (я стоялъ къ нему вплоть) отвѣтить судьѣ: „Я свя-

щенникъ, изучилъ мой требникъ, но не нашелъ въ немъ закона, который разрѣшалъ бы мнѣ доносить на моихъ ближнихъ". Этотъ отвѣтъ произвелъ ужасный переполохъ въ залѣ суда. Говорили о заключеніи его въ тюрьму за оскорбленіе суда и соумышленіе съ бѣглымъ. Но это происходило въ Санъ Бедѣ, гдѣ всѣ паписты, какъ извѣстно вашему превосходительству, и потому ничего не вышло.

— Весьма вѣроятно, что онъ могъ дать подобный отвѣтъ,— подумалъ Джіовачино Галло.—Человѣкъ талантливый, умный, неподкупнаго характера. Возможно, что и теперь онъ будетъ поощрять и извинять мятежъ.

Вслухъ онъ сказалъ:

— Вы можете идти, Сарелли. Прощайте.

— Еще одно слово, ваше превосходительство.

— Говорите.

— Нельзя ли допустить, что подъ мятежной агитаціей между молодыми людьми Вальдадеры скрывается организація и внушеніе этого дона Сильверіо?

— Да, это возможно: послѣдите!

— Покорный слуга вашего превосходительства.

Сарелли удалился съ сознаніемъ собственнаго достоинства...

XVI.

Отсутствіе дона Сильверіо не могло, конечно, остаться тайной для прихожанъ, они узнали объ этомъ уже по одному появленію священника смежнаго прихода, замѣстившаго его. Въ виду того, что онъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ ни зимой, ни лѣтомъ не выѣзжалъ изъ Рушино, теперь никто не могъ объяснить себѣ его частыхъ отлучекъ. Болѣе проницательные предполагали, что онъ пытается разстроить проектъ отвода рѣки; но не всѣ относились къ нему съ такимъ довѣріемъ. Большинство совершенно его не понимало и многимъ онъ всегда казался подозрительнымъ. Къ Адону пристали съ разспросами: не знаетъ ли онъ чего, а если не знаетъ, то что объ этомъ думаетъ? Адонъ отстранилъ ихъ нетерпѣливымъ, высокомѣрнымъ жестомъ.

— Но ты вѣдь зналъ, когда онъ ѣздилъ въ Римъ?—настаивали они.

Онъ съ досадой отвернулся. Ему было больно говорить объ учителѣ, отъ котораго онъ отрекся, о другѣ, которому измѣнилъ. Совѣсть не позволяла ему сомнѣваться въ донѣ Сильверіо, между тѣмъ прежняя вѣра въ него исчезла. Онъ быстро катился по наклонной плоскости и, падая стреми-

тельно внизъ, утрачивалъ всѣ лучшіе инстинкты; онъ жаждалъ только мести.

Человѣку, живущему въ первобытномъ состояніи далеко отъ большихъ городовъ, кажется, что мстить и защищать себя оружіемъ, даннымъ природой или искусствомъ, — только справедливо; законъ его не удовлетворяетъ: крестьянинъ не можетъ понять, почему онъ, обиженный, долженъ тратиться, дожидаться и смиренно просить, въ то время какъ обидчики идутъ безнаказанно къ своей цѣли. Судъ, который творилъ Св. Людовикъ подъ дубомъ или императоръ Акбаръ въ манговой рощѣ, былъ бы для него понятенъ, а вся процедура и софистика современнаго судопроизводства прямо противны.

Адонъ стремился стать Теллемъ, Мазаніелло, Андреемъ Гоферомъ своей провинціи; но апатія, безпечность и робость односельчанъ связывали ему руки. Онъ зналъ, что не можетъ надѣяться съ ними на побѣду. Всѣ его пламенныя воззванія были падучими звѣздами, блестящими, но безполезными: страстныя рѣчи, которыми онъ пытался возбудить крестьянъ, только пугали ихъ. Немногіе смѣльчаки поддерживали его и содѣйствовали пропагандѣ; но они были не настолько многочисленны, чтобы расшевелить инертную массу.

Планъ его былъ простъ и примитивенъ; онъ состоялъ въ томъ, чтобы оказывать постоянное сопротивленіе всякой попыткѣ приступить къ работамъ; уничтожать ночью все то, что будетъ сдѣлано за день, утомить и запугать рабочихъ настолько, чтобы они, выбившись изъ силъ, сами отказались. Рабочіе эти, какъ предполагалось, будутъ иностранцы, т. е. изъ другой провинціи. Прошелъ слухъ, будто въ Рушино уже на этой недѣлѣ придутъ триста человѣкъ изъ Терра-Д-Отранто. Адонъ разсчитывалъ, что у него и у его сторонниковъ есть одно преимущество: вся мѣстность кругомъ, и суша, и вода, была имъ хорошо знакома; имѣя точкой опоры собственный домъ, они въ теченіе нѣкотораго времени съ успѣхомъ могли бы вести партизанскую войну. Конечно, онъ зналъ, что для охраны рабочихъ пришлютъ войско, но ему казалось, что, когда рѣшеніе всего округа противиться во что бы то ни стало сдѣлается очевиднымъ, правительство не захочетъ возбуждать бунтъ ради поддержанія иностраннаго синдиката. Насколько онъ вообще былъ способенъ разсуждать, онъ разсуждалъ именно такимъ образомъ.

На всей рѣкѣ было одно только чувство острой скорби о грозящей потерѣ воды, стоялъ одинъ только жалобный стонъ безпомощнаго отчаянія, Но превратить эту душевную муку въ ту грозную страсть, изъ которой создается сопротивленіе и мятежъ, было задачей, превосходившей силы Адона.

11*

— Никому до насъ нѣтъ дѣла; мы слишкомъ слабы, мы слишкомъ ничтожны,—повторяли они,—мы пошли бы на все, будь надежда на успѣхъ, но...

— Да кто же на землѣ можетъ быть въ чемъ либо увѣренъ?—возражалъ Адонъ.—Вы никогда не увѣрены въ вашей жатвѣ до самаго послѣдняго дня, пока не соберете и не увезете ее; и вы, однако, сѣете.

Они съ этимъ соглашались; но сѣять зерно было безопасной, привычной работой, мысль же сѣять свинецъ и смерть—пугала ихъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно прибрежные жители, люди болѣе пылкаго темперамента, примкнули къ Адону, считая, что никогда сельское населеніе не имѣло столь справедливаго основанія для бунта; они-то и собирались вокругъ него на ночныя собранія, свѣдѣнія о которыхъ достигли префектуры, имѣвшей въ каждой провинціи шпіоновъ.

Адонъ сильно измѣнился; онъ исхудалъ, почти высохъ и утратилъ свою юношескую красоту; ясное и счастливое выраженіе его глазъ исчезло, они сдѣлались свирѣпыми и глядѣли враждебно изъ подъ прямыхъ бровей.

Чтобы отвлечь подозрѣніе, днемъ онъ, какъ и всегда, работалъ на своей землѣ; по ночамъ же обѣгалъ округъ внизъ и вверхъ по теченію рѣки, заглядывая всюду, гдѣ предполагалъ найти прозелитовъ или оружіе. У него не было ни обдуманнаго плана дѣйствія, ни опредѣленныхъ намѣреній; его единственною мыслью было сопротивленіе, сопротивленіе и сопротивленіе...

Мать не говорила ему ничего, что могло бы удержать его или помѣшать ему, но втайнѣ страшно тревожилась. Она не разжимала губъ, считая недостойнымъ обезкураживать его, и не вѣрила въ успѣхъ, какъ не вѣрила и въ чудо.

Одна только маленькая Нерина имѣла ту не сомнѣвающуюся, непоколебимую, слѣпую вѣру въ него, которая такъ дорога душѣ человѣка. Она была убѣждена, что на призывъ его откликнется вся Вальдадера и что никакая на землѣ власть не осмѣлится коснуться ихъ воды. Для нея всякое чудо казалось возможнымъ. Она исполняла всѣ его приказанія. Ей незнакомъ былъ ни страхъ, ни сомнѣнія. Она всегда готова была по его порученію выскользнуть незамѣтно изъ своей комнаты и въ темную безлунную ночь обѣжать весь округъ; она разыскивала оружіе, приносила домой и раздавала; она старалась привлечь на сторону Адона колеблющихся и слабыхъ духомъ, повторяя имъ его слова. Отъ его огня вся юная душа ея воспламенялась, и страстная преданность ея безъ разсужденія принимала все, что онъ приказывалъ или говорилъ.

Опасность, которой она подвергалась, и укрывательство, въ которомъ была виновной, не смущали ее ни на минуту. Желаніе Адона было для нея закономъ. Развѣ тогда у рѣки онъ не пожалѣлъ ее? Развѣ она не должна дѣлать все, что только возможно, чтобы служить ему и спасти рѣку? Это стало ея единственнымъ символомъ вѣры; его было достаточно, чтобы наполнить всю ея, еще ребяческую, душу. Если къ этому и примѣшивалось болѣе интенсивное чувство, она не отдавала себѣ въ немъ отчета. Адонъ же былъ къ ней совершенно равнодушенъ. Онъ посылалъ ее по своимъ порученіямъ такъ же, какъ посылалъ бы мальчика, и цѣнилъ въ ней искреннюю и горячую преданность, какой не могъ бы найти ни въ комъ другомъ.

Хотя на видъ она была тщедущнымъ, маленькимъ созданьицемъ, но она была ловка и неутомима; она, казалось, не знала усталости, всегда свѣжая, какъ роса, сильная, какъ молодое вишневое дерево. Ея большіе орѣховаго цвѣта глаза сверкали изъ подъ длинныхъ рѣсницъ и хорошенькій ротикъ походилъ на одну изъ розъ на стѣнѣ дома. Но въ провинціи, гдѣ красавицы соединяли въ себѣ прекрасный римскій типъ съ венеціанскимъ колоритомъ, никто не обращалъ на нее вниманія, не смотря на присущую ей прелесть и грацію, дикую, безыскусственную.

Но Адонъ не замѣчалъ ея физическихъ прелестей. Его душу наполняла великая злоба, между нимъ и всѣмъ остальнымъ, что не было обидою, которую нанесли ему, близкимъ его и водамъ Эдеры, точно висѣла черная туча. Пока онъ не избавитъ свою родину отъ надвигающагося несчастія, для него не будетъ существовать въ жизни ничего привлекательнаго, ничего заслуживающаго вниманія.

Онъ пользовался дѣвочкой для своихъ цѣлей и не щадилъ ее: онъ стремился къ цѣли возложенной на себя миссіи и совсѣмъ даже не видѣлъ въ ней ея юности, привлекательности, женственности; для него она была все равно что сильная, быстрая и смѣлая кобыла, которую онъ, въ случаѣ необходимости, загналъ бы до смерти, объѣзжая заросли и пастбища. Прежде такой мягкосердечный, онъ сталъ теперь жестокимъ; онъ готовъ былъ наполнить рѣку трупами, если бы подобной жертвой могъ достигнуть желаемаго. И въ Неринѣ его подкупила именно подмѣченная имъ въ ней жестокость, ея способность наслаждаться дикой местью,—инстинкты, составлявшіе такой странный контрастъ съ ребяческой веселостью и счастливымъ добродушіемъ ея обычнаго состоянія.

Онъ зналъ, что никакими средствами нельзя отъ нея вы-

вѣдать довѣренной ей тайны. Она часто проводила всю ночь внѣ дома, обходя, по его порученіямъ, разбросанныя на большомъ разстояніи другъ отъ друга жилища крестьянъ и, не смотря на это, въ свое время на разсвѣтѣ уже кормила скотину и убирала въ стойлахъ.

И она была такая проворная, надежная, безмолвная; даже острый глазъ старой Джіаны не замѣчалъ ея ночныхъ отлучекъ, даже проницательная наблюдательность Клеліи Альбы никогда не замѣчала въ ней усталости или небрежнаго отношенія къ работѣ. Она всегда оказывалась на лицо, когда была нужна имъ, исполняла все, повиновалась каждому слову, каждому знаку; онѣ не знали, что въ то время, какъ она носила воду, стригла траву, подметала кирпичный полъ или стирала бѣлье, сердце ея было преисполнено гордостью и ликованіемъ: ей довѣрили тайну — опасную тайну,—о которой старшія женщины ничего не подозрѣваютъ. Каждую ночь, когда она перебѣгала пустоши или заросли вереска, она могла стать жертвой шальной пули; каждую ночь одинъ невѣрный шагъ могъ сбросить ее стремглавъ въ оврагъ или въ затонъ; каждую ночь, возвращаясь по камнямъ черезъ потокъ, она могла оступиться и упасть въ одну изъ бездонныхъ ямъ, скрытыхъ въ его глубинахъ; но опасность эта только увеличивала для нея цѣну оказаннаго ей довѣрія; она гордилась, что выборъ палъ на нее.

— Я ничего не боюсь,—говорила она совершенно искренно,—я хочу только, чтобы вы всегда были мною довольны.

Ей приходилось имѣть дѣло съ простыми крестьянами, большею частью такими же грубыми, какъ тѣ недубленыя кожи, которыя они носили на работѣ, но никогда ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ей грубаго слова, не бросилъ на ребенка непристойнаго взгляда.

Для всѣхъ она была *la briuba* *), честное и храброе маленькое существо; они обращались съ ней такъ же, какъ съ собственнымъ ребенкомъ или съ сестрой, и Нерина, появляющаяся при свѣтѣ звѣздъ съ старымъ ружьемъ за спиною, владѣть которымъ научилъ ее Адонъ, со своими маленькими подпрыгивающими, какъ у молодого козленка, бронзовыми ножками, сдѣлалась для нихъ привычной и желанной гостьей. Она казалась имъ предвѣстницей доброй надежды; она была немногорѣчива, но слова ея дышали отвагой и энергіей; она воодушевляла лѣниваго и робкаго, придавала нерѣшительному твердость, нервному—силу; она говорила то, чему училъ ее Адонъ, но вкладывала въ его слова свою великую вѣру въ него, свою наивную, несомнѣваю-

*) Маленькая дѣвочка.

щуюся увѣренность въ правотѣ дѣла и въ то что небо благословитъ его.

О сопротивленіи, которое проповѣдывалось, какъ священная война, молодежь Терры Верджины говорила только вполголоса. Сдержанное и молчаливое населеніе, пріученное въ продолженіе многихъ поколѣній къ осторожности подъ гнетомъ суровыхъ мѣропріятій и безчеловѣчныхъ репрессалій, постепенно увлекалось и очаровывалось призывомъ Адона. Конспирація, какъ и азартная игра, имѣетъ утонченный и непреодолимый соблазнъ для тѣхъ, которые сдѣлались ея участниками. Она, словно вино, ударяетъ въ голову и воспламеняетъ мозгъ. На этихъ смиренныхъ отшельниковъ, не знавшихъ ничего за предѣлами собственныхъ полей, зарослей и пустошей, возбужденіе подѣйствовало, какъ магическій напитокъ, нарушивъ монотонность ихъ повседневной жизни.

Большинство изъ нихъ были люди совершенно некультурные, не знавшіе даже грамоты; они освоились только съ законами природы: съ землей, деревьями и животными, которыя росли и паслись на ней; но у нихъ было воображеніе; въ ихъ жилахъ текла бурная кровь; они не были ни тупицами, ни дикарями, хотя въ гнѣвѣ Адонъ и называлъ ихъ такими. Призывъ къ возстанію для спасенія рѣки увлекъ ихъ. Чувство, болѣе узкое, чѣмъ патріотизмъ, но болѣе благородное, чѣмъ матеріальная выгода, заставляло ихъ раздѣлять съ нимъ его страстную ненависть къ узурпаторамъ и прислушиваться къ его призыву—съ оружіемъ въ рукахъ возстать всѣмъ за одно.

Но, съ другой стороны, долгіе годы рабства и тяжелыхъ испытаній сдѣлали ихъ робкими, какъ голодъ и плеть дѣлаютъ собаку дрессированной.

— Кто мы такіе?—говорили ему нѣкоторые.—Жалкіе земляные черви.

Трогательная черта характера этихъ древнихъ властелиновъ міра—смиреніе; это смиреніе—результатъ обманутыхъ надеждъ, сознанія, что всякія перемѣны совершаются только для господъ, что надъ работой крестьянина солнце восходитъ и заходитъ такъ же, какъ восходило при отцѣ, какъ взойдетъ при дѣтяхъ, что работы этой никогда не убавится, а плоды ея никогда не достанутся ни ему самому, ни сыновьямъ его. Подобное смиреніе не унизительно, но, вслѣдствіе своей безнадежности, безконечно печально.

Конечно, рѣка была ихъ собственностью, но государство претендовало на нее, какъ и на многое другое.

— Что можетъ быть больше вашимъ, чѣмъ сынъ, котораго вы себѣ вымолили, дитя, для котораго вы трудились долгіе годы?—сказалъ Адону разъ одинъ старикъ.—Однако, какъ только онъ становится полезенъ семьѣ, государство

беретъ его и, не говоря ни слова, отсылаетъ на войну въ Африку, страну вамъ неизвѣстную, гдѣ онъ находитъ иногда смерть, гдѣ порой его калѣчатъ и убиваютъ; тѣло его, то тѣло, которое вы вымолили себѣ, которое мать носила въ своемъ чревѣ, питала и лелѣяла, дѣлается достояніемъ звѣрей пустыни и птицъ небесныхъ. Если берутъ дѣтей, отчего же не взять и рѣки?

Но молодежь, еще не исковерканная, не изломанная продолжительной работой, скуднымъ питаніемъ и долгими годами тщетныхъ надеждъ, слушала Адона. Нѣкоторые изъ нихъ уже отслужили свой срокъ въ полку и потому могли даже преподать кое-какіе военные и ружейные пріемы тѣмъ, которые соглашались отстаивать силой воды Эдеры отъ притязаній иностранцевъ.

Ихъ сходки происходили на пустыряхъ, на полянкахъ, въ заросляхъ вереска или же въ просѣкахъ и ложбинкахъ, гдѣ топотъ ногъ и бряцаніе оружія тревожили испуганныхъ лисицъ и изумленныхъ барсуковъ. Стрѣлять не осмѣливались, опасаясь, чтобы звуки выстрѣловъ не открыли мѣста сборищъ какому нибудь непріязненному уху; но они продѣлывали всякія другія воинскія упражненія.

Чрезвычайная уединенность долины Эдеры благопріятствовала имъ. Быть можетъ, разъ въ полгода небольшой отрядъ карабинеровъ проѣзжалъ черезъ ихъ округъ, но это случалось только по случаю выдающагося убійства или грабежа; что же касается полиціи, то ея не было ближе Санъ-Беды.

Для созыва на эти ночныя ученія или, наоборотъ, отмѣны ихъ и посылалась обыкновенно Нерина. Однажды ночью, по приказанію Адона, она собралась въ поселокъ, лежащій въ лѣсу; дѣвочка хотѣла уже отодвинуть большой желѣзный засовъ, запиравшій наружную дверь, какъ на верху лѣстницы, съ которой она только что спустилась, появился свѣтъ. Не отнимая руки отъ замка, Нерина обернулась и увидѣла Клелію Альбу.

— Почему ты не въ постели?—спросила Клелія. Ея лицо было сурово и мрачно.

Нерина не отвѣтила. Вся храбрость ея исчезла.

— Почему же?—повторила снова мать Адона.

— Я собиралась уходить,—отвѣтила дѣвочка. Ея голосъ дрожалъ. Она была одѣта также, какъ днемъ, но голова ея была покрыта шерстянымъ платкомъ. Ружье, которое она брала съ собой, хранилось въ курятникѣ и она захватывала его лишь по дорогѣ.

— Уходить! въ четвертомъ часу ночи? Развѣ это отвѣтъ порядочной дѣвушки?

Нерина молчала.

— Ступай въ свою комнату, я тамъ запру тебя; утромъ ты дашь отвѣтъ.

Хотя Нерина все еще дрожала, но самообладаніе вернулось къ ней.

— Простите меня, Мадама Клелія,—кротко проговорила она,—я должна уйти.

Ея маленькое смуглое личико выражало рѣшимость.

Страшная тоска сдавила сердце Клеліи Альбы. Она знала, что Адона нѣтъ дома. Неужели онъ, чистая и честная душа, обольстилъ дѣвочку, которая жила подъ его собственной крышей? завести интригу съ маленькой нищей, осрамить себя и оскорбить такъ свою мать! Неужели это и было причиной его частыхъ отлучекъ, многихъ ночей, проведенныхъ внѣ дома? Ея темныя брови нахмурились, ея черные глаза засверкали.

— Пошла въ свою комнату, развратница!—сказала она громовымъ голосомъ.—Утромъ ты мнѣ за это отвѣтишь.

Но Нерина, которая раньше уже отодвинула запоръ и рукою все время держалась за большой ключъ въ замкѣ, внезапно повернула его, распахнула дубовую дверь и, прежде чѣмъ Клелія успѣла сообразить, что та дѣлаетъ, выскочила изъ дома, захлопнувъ за собою дверь. Порывомъ вѣтра лампу въ рукѣ Клеліи Альбы задуло.

Она пыталась въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ощупью найти дверь. Наконецъ, наткнувшись руками на стѣну и дубовый стулъ, она отыскала ее и распахнула. На дворѣ стояла безлунная, беззвѣздная и грозная ночь. Въ непроницаемой темнотѣ дѣвочка исчезла безслѣдно. Клелія вышла на порогъ и прислушивалась, но не было ни звука. Дулъ рѣзкій вѣтеръ; сильно пахло левкоями и желтофіолемъ. Стояла такая тишина, что можно было разслышать журчаніе рѣки, струившейся среди осоки. Закричала сова, козодой затянулъ свою мелодичную, странную, жалобную пѣсню. Нерины и слѣдъ простылъ. Клелія Альба вернулась въ домъ, затворила за собою дверь, заперла ее и задвинула засовомъ.

Старуха Джіана сошла внизъ съ зажженнымъ ночникомъ въ рукѣ; она была встревожена и напугана.

— Что случилось? что случилось, сударыня?

Клелія Альба опустилась на стулъ у двери.

— Случилось... случилось то, что нищенское отродіе, которое вы заставили меня пріютить,—возлюбленая моего сына; онъ обезчестилъ мой домъ!

Джіана недовѣрчиво покачала сѣдою головою.

— Синьора Клелія, не произносите такихъ словъ, не допускайте подобныхъ мыслей о вашемъ сынѣ и дѣвочкѣ. Она

такъ же невинна, какъ любой цвѣтокъ, который распускается въ вашемъ саду, а онъ—благородный юноша, теперь только, по людской злобѣ, потерявшій голову, обезумѣвшій. Что заставляетъ васъ такъ оскорблять ихъ?

— Въ такой часъ ихъ обоихъ нѣтъ дома! Развѣ этого не достаточно?

Джіана была озадачена; она слышала изъ своей комнаты слова, которыми обмѣнялись Клелія и Нерина, и знала, что дѣвочка ушла.

— Я осудила бы другихъ, но не Адона и ребенка,—возразила она.—Конечно, они виноваты въ томъ, что имѣютъ отъ васъ тайны, но это не то, что вы думаете.

— Довольно!—сурово остановила ее Клелія Альба.—Утро покажетъ, кто изъ насъ правъ. Для меня достаточно, что сынъ Валерія Альба, мой сынъ, забылъ свой долгъ относительно матери и уваженіе къ самому себѣ.

Клелія Альба съ трудомъ поднялась со стула, зажгла у ночника старухи свою лампу и, тяжело ступая, стала медленно подниматься по лѣстницѣ. Она была изумлена и оскорблена. Адонъ, ея сынъ!—проводитъ ночи съ маленькой бродягой.

Джіана удержала ее за юбку.

— Послушайте, сударыня. Я вижу его съ того дня, какъ онъ родился у водъ Эдеры, вижу его каждый день, всю его жизнь. Онъ не способенъ на подлое дѣло. Вы—мать, не оскорбляйте его подобными подозрѣніями ни на одну минуту. Онъ ведетъ себя странно, предосудительно, непонятно, но не слѣдуетъ торопиться осуждать его.

Клелія Альба высвободила свою юбку изъ рукъ старой служанки.

— Твои намѣренія добрыя, но ты выжила изъ ума. Убирайся!

Джіана выпустила юбку и покорно спустилась внизъ. Поставивъ свой ночникъ на полъ, она сѣла на стулъ у двери, дрожащими пальцами перебирая четки.

— Рано или поздно кто нибудь изъ нихъ вернется домой,—думала она, не вѣря, чтобы они оба ушли изъ дома въ эту вѣтренную черную ночь ради любовнаго свиданья.—Но онъ поступаетъ дурно, очень дурно. Быть можетъ, онъ послалъ ребенка по своимъ дѣламъ, но онъ долженъ помнить, что дѣвочка все равно что персикъ: какъ осторожно съ нимъ ни обращайтесь, пушокъ его пропадетъ; и онъ оставляетъ насъ, двухъ старухъ, однѣхъ. Вѣдь прежде, чѣмъ мы успѣемъ разбудить стараго Эттора въ конюшнѣ, намъ могутъ перерѣзать горло!

И какой длинной показалась ей эта ночь въ каменныхъ сѣняхъ, гдѣ сидѣла она одна, слушая крикъ совъ и завыванія вѣтра, срывавшаго съ крышъ черепицы. На верху

въ своей комнатѣ мать Адона провела такую же безсонную ночь, расхаживая взадъ и впередъ.

XVII.

Джіана вышла еще до разсвѣта въ надеждѣ встрѣтить возвращающагося домой Адона, чтобы переговорить съ нимъ прежде, чѣмъ онъ увидится съ матерью. Она была въ страшномъ безпокойствѣ и за Нерину, къ которой успѣла сильно привязаться. Она думала, что послѣ словъ Клеліи Альбы дѣвочка не осмѣлится вернуться въ домъ: не смотря на свою отвагу—она была робкой, какъ ласточка.

Она пошла къ берегу и ждала тамъ; чтобы попасть домой, Адону необходимо было перейти рѣку, но въ какомъ мѣстѣ: выше или ниже—она не знала. Чуть-чуть брезжился свѣтъ, предвѣстникъ восхода солнца. На землѣ царилъ полный покой и прохлада.

— Боже, какъ мы глупы!—думала старуха.—Земля обновляется для насъ съ каждой зарей, а наша сварливость, тревоги и сѣтованія окутываютъ все кругомъ и за ними мы не видимъ ничего, кромѣ нашихъ собственныхъ безумныхъ душъ!

Вскорѣ ниже Рушинскаго моста показался Адонъ, твердымъ и привычнымъ шагомъ переходившій по бревнамъ, переброшеннымъ черезъ рѣку. Онъ шелъ бодрой, легкой походкой, высоко поднявъ голову, съ оружіемъ за поясомъ, суровый и повелительный. Онъ возвращался съ военнаго ученія, которымъ остался доволенъ. Увидавъ ожидавшую его здѣсь старую Джіану, Адонъ понялъ, что случилось что-то, и первой его мыслью была мать.

— Не заболѣла-ли она?—воскликнулъ онъ, добравшись до берега и вступивъ на собственную землю.

— Нѣтъ, не больна,—отвѣтила Джіана,—но глубоко опечалена и страшно разсержена; она накрыла Нерину, уходившую изъ дома въ глубокую полночь.

Адонъ поблѣднѣлъ. Джіана подошла къ нему вплоть.

— И вы, и дѣвочка, оба Богъ знаетъ гдѣ пропадаете всю ночь! Что же другое, кромѣ вашей связи могло придти въ голову вашей матери?

— Если она это думаетъ, ошибается.

— Мнѣ такъ кажется и самой, но синьора Клелія не хочетъ ничего слушать. Куда посылаете вы дѣвочку въ такой часъ?

— Что она сказала матери?

— Ничего; только—должна идти.

— Преданное маленькое существо!

— Да, конечно! и вотъ, когда дѣвчонки такъ преданны, мужчины и губятъ ихъ. Я не должна бы говорить съ вами непочтительно, Адонъ, потому что ѣла вашъ хлѣбъ и жила подъ вашей кровлей столько лѣтъ; но, съ какой бы цѣлью вы ее ни посылали по ночамъ, вы поступаете дурно, жестоко, недостойно вашего имени; насколько я знаю Клелію Альбу,—а кто же можетъ знать ее лучше меня,—она никогда не позволитъ Station Station Нeринѣ переступить снова порогъ ея дома.

Лицо Адона потемнѣло.

— Домъ мой. Нерину изъ него не выгонятъ.

— Быть можетъ, онъ и вашъ; но онъ также и вашей матери, и едва ли вы прогоните ее ради маленькой нищей.

Адонъ молчалъ, зная характеръ матери; онъ почувствовалъ себя между двухъ огней.

— Поди,—сказалъ онъ, наконецъ:—поди и скажи ей, что, дѣйствительно, дѣвочка ходила по моему порученію, но мы не видѣлись; между нами ничего нѣтъ, она не моя и никогда ею не будетъ.

— Я не возьмусь за такое порученіе, потому что она не станетъ меня слушать. Подите къ ней сами и скажите, что хотите; можетъ статься, она и повѣритъ вамъ. Какъ бы то ни было, вы предупреждены. Я пойду разыскивать Нерину.

— Развѣ она не вернулась?

— Конечно, нѣтъ, и не осмѣлится такъ же, какъ выгнанный пинками щенокъ. Вы забываете, что она молоденькая дѣвочка, она считаетъ себя ничтожествомъ, не болѣе булыжника или хворостинки. Но мать ваша обозвала ее развратницей,—такого слова скоро не смоешь. Она скромна, какъ стебель травки, но этого не забудетъ. Вашими заговорами вы доставили много горя, зла, зла!

Адонъ выслушалъ упрекъ безмолвно; онъ зналъ, что мать поступитъ эгоистично, несправедливо, безчеловѣчно, совершенно забывая о другихъ.

— Ступай и разыщи дѣвочку,—проговорилъ онъ, наконецъ.—Къ матери я пойду самъ.

— Самое лучшее, что вы можете сдѣлать. Но не забудьте о скотинѣ. Нерины вѣдь нѣтъ, чтобы ею заняться.

Она прошла впередъ мимо него по пѣшеходному мостику; но съ полпути обернулась и окликнула:

— Я зажгла огонь и поставила на него кофе... Гдѣ же мнѣ искать дѣвочку: въ заросляхъ? въ лѣсу? наверху въ Рушино, или внизу въ долинѣ? или же, можетъ быть, у священника?

— Дона Сильверіо нѣтъ дома,—крикнулъ Адонъ въ отвѣтъ и направился къ дому. Джіана слѣдила за нимъ съ

мостика, пока юноша не скрылся изъ виду; потомъ она вернулась обратно по другой тропинкѣ, ведущей къ хлѣвамъ. Ее осѣнила мысль: Нерина такъ привязана къ скотинѣ, что не могла бы, конечно, забыть о ней; возможно, что она уже убираетъ ее въ стойлахъ.

— Онъ сказалъ вѣрно: она преданное маленькое созданіе!— проговорила старуха.—Да, такія, какъ она, рождены для работы, страданій и для того только, чтобы испить горькую чашу.—Гдѣ она, Пьерино?—обратилась Джіана къ старой бѣлой собакѣ, лежавшей на травѣ.—Если бы дѣвочка исчезла,— думала она,—Пьерино не было бы дома, ужъ онъ бы ее разыскивалъ.

Сердце Джіаны ожесточалось противъ Адона; она смутно понимала, какія надежды и планы занимали его, но не могла простить, что ради нихъ онъ жертвовалъ матерью и дѣвочкой-сироткой.

— Это такъ похоже на мужчину,—говорила она про себя:—летѣть во весь опоръ къ тому, что онъ считаетъ своей славой, и не обращать никакого вниманія на то, что топчетъ на пути, какъ косецъ не замѣчаетъ въ травѣ маргаритокъ.

На скотномъ дворѣ коровы и волы стояли уже напоенные, вычищенные и довольные, возлѣ нихъ лежала груда свѣжей травы. Въ хлѣвахъ раздавалось только ихъ дыханіе и чавканіе, да отъ времени до времени позвякивали цѣпи, которыми животныя были привязаны къ яслямъ.

— Можетъ быть, она спряталась на сѣновалѣ,—подумала Джіана и съ трудомъ полѣзла по рѣдкимъ перекладинамъ лѣстницы. Дѣйствительно, Нерина оказалась тамъ. Она крѣпко спала на сѣнѣ и казалась такой маленькой, юной, совсѣмъ невинной.

Старухѣ припомнился день, когда она увидѣла дѣвочку въ первый разъ уснувшей на каменной скамьѣ возлѣ крыльца, и глаза ея подернулись влагой.

— Кто знаетъ, гдѣ будешь ты спать завтра?—думала она и пошла назадъ, стараясь тихо спуститься съ лѣстницы, какъ бы изъ страха разбудить ту, кому пробужденіе будетъ очень нерадостно.

По возвращеніи въ домъ Джіана занялась своей обычной работой; сверху доносились къ ней голоса Адона и Клеліи Альбы; они говорили съ раздраженіемъ, но разслышать словъ она не могла.

Въ тотъ же день на разсвѣтѣ вернулся и донъ Сильверіо со своего свиданія съ графомъ Коррадини и сенаторомъ Галло. Когда онъ дошелъ до Рушино, замѣщавшій его священникъ уже отслужилъ обѣдню. Донъ Сильверіо умылся и вошелъ въ церковь для утренней молитвы; потомъ, утоливши голодъ

хлѣбомъ и тарелкой чечевицы, онъ немедленно направился по столь привычной ему дорогѣ въ Терру Верджину. Чего бы ни стоило ему это свиданіе, какъ ни больно было ему отчужденіе Адона, онъ чувствовалъ, что не имѣетъ права мѣшкать, а долженъ сейчасъ же предупредить его о тѣхъ опасныхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣются о немъ въ префектурѣ.

— Онъ не убьетъ меня,—думалъ священникъ,—а если и убьетъ, бѣды большой не будетъ... развѣ только для тебя, моя бѣдняжка!—прибавилъ онъ, обращаясь къ своей собачкѣ, весело бѣжавшей за нимъ слѣдомъ.

Джіана, увидѣвъ его изъ окна кухни, поблагодарила небо, что оно его послало, и вышла къ нему на встрѣчу.

— Ну, слава Богу, что вы вернулись, высокопреподобный отецъ,—воскликнула она.—У насъ въ домѣ большое горе и неурядица.

— Мнѣ очень грустно это слышать,—отвѣтилъ онъ, но про себя подумалъ:—боюсь, что больше не въ моей уже власти вносить сюда умиротвореніе.

Войдя въ большую сводчатую кухню, онъ присѣлъ, почувствовавъ сильную усталость: за ночь онъ сдѣлалъ пѣшкомъ миль двадцать.

— Разскажите же мнѣ, что найдете возможнымъ,—сказалъ онъ старой служанкѣ.

Джіана описала ему въ живыхъ и яркихъ краскахъ происшедшее между синьорой Клеліей и дѣвочкой, передала свой разговоръ съ Адономъ и о томъ, что Нерина уснула на сѣновалѣ, не рѣшившись, вѣроятно, войти въ домъ.

Донъ Сильверіо слушалъ, сокрушаясь и возмущаясь.

— Какъ могъ онъ подвергать опасности дѣвочку-ребенка, посылая ее съ подобными порученіями? И зачѣмъ поторопилась его мать наговорить въ запальчивости такихъ жестокихъ словъ, допустила такія несправедливыя, невѣрныя подозрѣнія?

— Онѣ невѣрны и несправедливы, правда, сударь,—сказала Джіана.—Но это имѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, такой нехорошій видъ: дѣвочка уходитъ изъ дому ночью... Вѣдь она была только бродягой, пока не попала къ намъ.

— Какъ же обстоитъ теперь? Убѣдилъ ли ее Адонъ въ невинности ребенка?

— Ужъ на это я не могу отвѣтить, сударь. Они на верху. Часъ тому назадъ они говорили громко, но теперь притихли. Я думала, было, подняться къ нимъ, да не посмѣла.

— Поди туда и пошли ко мнѣ Адона.

— Онъ, быть можетъ, спитъ, ваше преподобіе, онъ возвратился на разсвѣтѣ.

— Тогда разбуди его. Мнѣ нужно безотлагательно переговорить съ нимъ.

Джіана пошла и вскорѣ вернулась.

— Онъ ушелъ въ поле на работу, ваша преподобіе. Такъ сказала синьора Клелія. Если онъ заброситъ землю, она сдѣлается совсѣмъ никуда негодной.

— Онъ, можетъ, пошелъ къ Неринѣ?

— Не думаю, сударь. Но я схожу и посмотрю.

— И попроси синьору Клелію выйти ко мнѣ.

На нѣсколько минутъ донъ Сильверіо остался одинъ въ большой старинной комнатѣ, пропитанной запахомъ сухихъ травъ, висѣвшихъ на стропилахъ, и маисовыхъ листьевъ, сушившихся въ печкѣ.

— Земля сдѣлается негодной—да! Ацетиленовый заводъ займетъ мѣсто благоухающихъ садовъ, оливковыхъ насажденій, полей и пастбищъ.—Его не удивляло, что Адонъ приходилъ въ ярость; но къ чему послужитъ она? Какое горе, какое отчаяніе, какія слезы остановятъ хоть на одинъ часъ это разрушеніе? Топоръ срубитъ все и на опустошенной землѣ появится камень и цементъ, кирпичи и желѣзо, машины, колеса и котлы—боги бездушнаго вѣка!

— О, какъ жаль, какъ безконечно жаль всего!—думалъ донъ Сильверіо, смотря въ окно на сіявшее сквозь желѣзную рѣшетку синее небо, на фонѣ котораго раскачивалась розовая вѣтвь и кружилась ласточка.

— Ваша покорная слуга, преподобный отецъ,—раздался голосъ Клеліи Альбы. Донъ Сильверіо поднялся съ мѣста.

— Другъ мой,—проговорилъ онъ,—я нашелъ васъ въ горести и боюсь, что принесъ вамъ тоже недобрыя вѣсти. Но разскажите прежде, что у васъ вышло съ Нериной?

— Только то, сударь, что если Нерина войдетъ сюда, я уйду.

— Не можетъ быть, чтобы вы говорили серьезно.

— Если вамъ такъ кажется, взгляните на меня

Онъ увидалъ ея строгія орлиныя черты, тяжелыя нависшія вѣки; ея глаза выражали неукротимый гнѣвъ: она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя никогда не прощаютъ обидъ.

— Но это чудовищно!—воскликнулъ онъ,—вы не можете бросить на произволъ судьбы одинокую дѣвочку, вы не можете покинуть свой собственный домъ, домъ вашего покойнаго мужа, то и другое невѣроятно; вы бредите!

— Это домъ моего сына. Онъ вправѣ оказывать гостепріимство, кому хочетъ. Но, если дѣвочка переступитъ нашъ порогъ, я уйду. Я еще не настолько стара, чтобы не заработать себѣ на хлѣбъ.

— Хорошая моя, дорогой другъ мой, это невѣроятно! Я понимаю, *что* вы заподозрили, но не могу простить вамъ ва-

шихъ подозрѣній. Будь это даже правда,—что совершенно невозможно, — вашъ долгъ по отношенію къ бездомной сиротѣ, дѣвочкѣ такого нѣжнаго возраста, лишенной матери, могъ бы внушить больше милосердія?

— Предоставьте мнѣ, сударь, судить самой о моихъ обязанностяхъ, какъ матери Адона и блюстительницы дома. Онъ заявилъ мнѣ, что хозяинъ здѣсь онъ. Я не отрицаю его правъ: онъ совершеннолѣтній. Онъ можетъ привести ее сюда, но я уйду.

— Но вы же знаете, что дѣвочка безъ васъ не можетъ здѣсь жить съ молодымъ человѣкомъ.

— Почему же и нѣтъ?—сказала Клелія Альба, и жестокая улыбка промелькнула на ея лицѣ.—Мнѣ кажется это болѣе пристойнымъ, чѣмъ проводить вмѣстѣ ночи въ полѣ.

— Замолчите! — произнесъ донъ Сильверіо тѣмъ тономъ, которому повиновались самые дерзкіе.—Какая польза отъ вашей добродѣтели, если она дѣлаетъ васъ такой жестокой, такой недовѣрчивой, такой безпощадной!

— Я не претендую на бо̀льшую добродѣтель, чѣмъ должна имѣть ее всякая порядочная женщина; но Валерій Альба не привелъ бы ко мнѣ своей возлюбленной, этого не долженъ дѣлать и сынъ его.

— При вашемъ теперешнемъ настроеніи разговаривать съ вами безполезно. Подите въ свою комнату, синьора Клелія, и помолитесь, чтобы Господь смягчилъ вашу душу. Васъ ждетъ и безъ того не мало горя, а вы своей подозрительностью и недовѣріемъ создаете себѣ еще новыя несчастія. Этотъ домъ не долго уже будетъ вашимъ или Адона.

Онъ вышелъ. Клелія Альба была слишкомъ горда, слишкомъ упорна въ своемъ упрямствѣ, чтобы попытаться удержать его или спросить, что означали послѣднія слова.

— Гдѣ Адонъ?—спросилъ священникъ стараго работника Эттора, который несъ на спинѣ корзину.

— Онъ внизу у пяти яблонь, ваше преподобіе,—отвѣтилъ Этторъ.

Эти пять яблонь были великолѣпныя, старинныя деревья, сучковатыя, обросшія мохомъ и покрытыя плѣсенью, но все еще приносившія обильные плоды; онѣ росли въ полѣ, которое въ этомъ году приготовлялось для новаго виноградника. Работа была тяжелой, надрывающей силы; борозды для посадки проводились наискось, чтобы не задѣть яблонь или не повредить поросшихъ здѣсь смоковницъ. Адонъ, раздѣтый до рубашки, ушелъ въ борозду почти по поясъ.

Выглянувъ изъ нея, онъ увидѣлъ идущаго по полю священника, снялъ шапку и снова принялся за работу.

— Вылѣзи изъ своей канавы и выслушай меня. Я не задержу длинными разговорами.

Адонъ, въ силу долгой привычки къ почтительному повиновенію, ловкимъ движеніемъ выскочилъ на край канавы, и ждалъ мрачный, безмолвный, готовый въ запальчивости отвѣтить на всякій упрекъ.

— Достойно ли тебя безчестить имя шестнадцатилѣтней дѣвочки, посылая ее въ полночь съ порученіями къ твоимъ сотоварищамъ-мятежникамъ?

Донъ Сильверіо говорилъ на-прямикъ и хотя только на основаніи подозрѣній, но тонъ его былъ тономъ обвиненія.

Адонъ ни на минуту не усомнился, что ему извѣстны всѣ факты.

— Развѣ дѣвочка насъ выдала? — спросилъ онъ злобно.

— Я не видалъ дѣвочки, но подло пользоваться ребенкомъ для такихъ порученій, опасность и беззаконность которыхъ онъ не сознаетъ. Ты злоупотребляешь молодостью и безпомощностью, которыя должны бы быть ея наибольшей защитой.

— Кромѣ нее, мнѣ некому довѣрить.

— Бѣдное маленькое существо! Ты могъ ей довѣриться и потому самъ злоупотребилъ ея довѣріемъ! Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы ты былъ ея любовникомъ. Я не думаю, чтобы ты интересовался ею больше, чѣмъ той глыбой земли, на которой стоишь. Но, съ моей точки зрѣнія, это дѣлаетъ твой поступокъ еще болѣе безчестнымъ, болѣе бездушнымъ, жестокимъ и своекорыстнымъ. Если бы ты обольстилъ ее, ты считалъ бы себя, по крайней мѣрѣ, должникомъ. Она была для тебя только разсыльнымъ, рабомъ и ничѣмъ больше. Несомнѣнно, что сознаніе зависимости ея отъ тебя должно бы сдѣлать ее для тебя священной.

Адонъ потупилъ глаза. Лицо его покраснѣло отъ смутнаго чувства стыда: онъ заслужилъ эти упреки и даже въ гораздо большей степени.

— На время я устрою дѣвочку; но ты не долженъ больше посылать ее по своимъ дѣламъ,—произнесъ донъ Сильверіо.— Можетъ быть, потомъ твоя мать и смягчится къ ней, хотя это сомнительно.

— Домъ мой,—сказалъ Адонъ угрюмо.—Она не должна закрывать его двери передъ Нериной.

— Согласись, что ты не прогонишь мать отъ ея очага,— возразилъ донъ Сильверіо съ презрѣніемъ. — Я говорю тебѣ, что помѣщу дѣвочку гдѣ-нибудь въ Рушино, куда нибудь въ надежное мѣсто. Но я пришелъ сказать тебѣ еще кое-что. Я отлучался на три дня и видѣлъ префекта, сенатора Галло, который передалъ мнѣ, что ему извѣстны твои

дѣйствія, планы и сообщники, а также самая организація замышляемаго сопротивленія.

Слова священника поразили Адона, какъ громомъ. Онъ думалъ, что его тайны абсолютно никто не знаетъ.

— Какъ могъ онъ узнать? Кто нашъ предатель?—пробормоталъ онъ.

— Это не имѣетъ большого значенія, — произнесъ донъ Сильверіо. — Гораздо важнѣе, что въ префектурѣ занесены, куда слѣдуетъ, всѣ твои поступки и намѣренія.

Адонъ грубо разсмѣялся.

— Если такъ, ваше преподобіе, почему же они не арестуютъ меня? Вѣдь это очень легко: я не прячусь.

— Тебѣ нерѣдко приходилось, вѣроятно, видѣть, какъ птицеловъ разставляетъ свои сѣти? Онъ вѣдь не схватитъ первую приблизившуюся птицу? Онъ не настолько глупъ. Онъ дождется, пока всѣ наивныя пернатыя созданія не попадутъ въ петли. Также поступаетъ и правительство. Оно дѣйствуетъ хладнокровно, не торопясь, но навѣрняка.

— Вы хотите запугать меня, чтобы заставить отказаться.

— Я говорю только правду; если бы ты не былъ юнцомъ, ослѣпленнымъ безумнымъ гнѣвомъ, ты давно бы уже понялъ, что такія дѣйствія, какъ подстрекательство и попытки взбунтовать крестьянъ Вальдадеры,—должны дойти до слуха властей. Не заблуждайся! Ты оставленъ на свободѣ не изъ любви или боязни къ тебѣ: они слишкомъ дальновидны и умны, чтобы тронуть грушу прежде, чѣмъ она созрѣетъ.

Адонъ молчалъ. Слова священника его не убѣждали, и мрачныя, недобрыя мысли зашевелись въ мозгу. Первая ссора съ боготворимой матерью усилила пробудившуюся въ немъ отчаянность и злобу.

— Ты слѣпъ, какъ кротъ,—сказалъ донъ Сильверіо,—но у тебя нѣтъ искусства крота сооружать сложныя подземныя галлереи. Ты разбрасываешь свои тайны широкимъ взмахомъ руки, какъ разбрасываешь зерна на пашнѣ. Ты думаешь: достаточно выбрать темную ночь, чтобы ни одно живое существо не видало тебя и твоихъ товарищей по оружію?! Развѣ, напр., дикая кошка сдѣлаетъ такой промахъ? Если ты воюешь, изучай образъ дѣйствія врага. Пойми, что у этого врага столько же глазъ, столько же ушей, столько же ногъ, сколько у языческаго божества; длина его рукъ соотвѣтствуетъ ихъ силѣ, за его спиной могучая власть, неограниченное количество золота и поддержка тѣхъ, которые желаютъ только мирно и безпрепятственно накапливать свои богатства. Ты воображаешь, что можешь выступить противъ такого противника съ заржавленными мушкетами, съ нѣсколькими безбородыми мальчишками да бѣдной маленькой Нериной?

Голосъ дона Сильверіо звучалъ язвительно, рѣзко и властно, его слова хлестали, какъ бичъ; потомъ онъ умолкъ, и его тонъ измѣнился, сдѣлался безконечно мягкимъ и нѣжнымъ, онъ началъ просить и уговаривать.

— Сынъ мой, дорогой сынъ мой! не мечтай о невозможномъ. Открой глаза на факты, на неприкрытую истину. Тебѣ приходится страдать отъ великой обиды; но развѣ сознаніе, что ты повелъ на смерть людей, которыхъ зналъ съ дѣтства, дастъ тебѣ утѣшеніе? Результатъ вѣдь можетъ быть лишь одинъ: ты и тѣ, которые пойдутся за тобой, будутъ или убиты въ схваткѣ, или брошены въ тюрьму, сосланы, чтобѣ въ изгнаніи вести жизнь травленнаго звѣря. Другого исхода не можетъ быть. Если ты не имѣешь состраданія къ матери, пожалѣй своихъ товарищей, тѣхъ женщинъ, которыя родили ихъ, и тѣхъ, которыя ихъ любятъ.

Отъ этихъ словъ Адонъ пришелъ въ такую ярость, что задыхался и дрожалъ. Вся злоба его души сгустилась въ одну грозную тучу, которая разразилась гнусными сомнѣніями и оскорбленіями. Онъ стиснулъ зубы, и его голосъ зашипѣлъ утративъ всю свою музыкальность:

— Ваши кліенты, сударь, люди высокаго положенія; мои же—несчастные бѣдняки, эти бѣдняки—мои братья. Вы становитесь на сторону богатыхъ и сильныхъ, я же—на сторону бѣдныхъ и ограбленныхъ. Можетъ быть, ваше преподобіе считало своей обязанностью сообщить властямъ о томъ, что, какъ вы говорили, стало имъ извѣстнымъ?

Дону Сильверіо было бы легче, если бы его ударили ножемъ въ грудь. Но въ первый моментъ онъ не столько чувствовалъ оскорбленіе, сколько изумленіе: Адонъ, его воспитанникъ, его ученикъ, его любимецъ, могъ говорить съ нимъ такимъ образомъ?! Затѣмъ имъ овладѣло тягостное омерзѣніе, ему хотѣлось ударить, повалить неблагодарнаго юношу на землю. Съ большимъ усиліемъ онъ преодолѣлъ проснувшуюся жажду мести за оскорбленную честь. Молча, не бросивъ взгляда упрека или презрѣнія, онъ повернулся и пошелъ въ тѣни низко спустившихся вѣтвей яблонь.

Адонъ съ крѣпко стиснутыми зубами и съ дикимъ огнемъ въ глазахъ, спрыгнулъ внизъ въ канаву и снова принялся за свою работу.

Адонъ не раскаивался.

— Онъ сошелъ съ ума! онъ самъ не понимаетъ, что говоритъ!—думалъ оскорбленный имъ человѣкъ. Но хотя священникъ и старался найти оправданіе, обида жгла его, какъ отравленное лезвіе рану. Адонъ могъ его заподозрѣть! Считать доносчикомъ!

Неужели это награда за 18 лѣтъ неустанной привязан-

ности? Хотя бы весь міръ свидѣтельствовалъ противъ него, онъ могъ бы поклясться, что Адонъ Альба остался ему вѣренъ...

— Онъ сошелъ съ ума,—думалъ Сильверіо.—Первое большое горе превратило его кровь въ ядъ. Завтра онъ придетъ ко мнѣ въ слезахъ.

Но онъ сознавалъ, что никакое раскаяніе, никакія слезы Адона не смоютъ нанесеннаго оскорбленія: такія слова можно простить, но они не забудутся до самой смерти.

XVIII.

Къ яблоновой рощицѣ примыкала высокая кайма густолиственныхъ ясеней, бузины, миртъ и шиповника. За ними и ждала священника старая Джіана; по лицу ея текли слезы. Она удержала его за одежду.

— Подождите, ваше преподобіе, подождите! Дѣвочка въ хлѣву, гдѣ скотина.

Донъ Сильверіо смотрѣлъ на нее нѣсколько минутъ, ничего не понимая. Наконецъ, опомнился:

— Она тамъ, въ самомъ дѣлѣ? Бѣдняжка! Ей не слѣдуетъ возвращаться въ домъ.

— Она объ этомъ и не думаетъ. Она не можетъ только понять, почему синьорина Клелія такъ страшно гнѣвается. Боже мой! что же мнѣ дѣлать?

— Задержи ее не надолго. Я переговорю съ женщинами въ Рушино, попрошу временно пріютить ее.

— Она никуда не пойдетъ, ваше преподобіе. Она говоритъ, что должна быть тамъ, гдѣ можетъ служить Адону. Если ее запрутъ, она убѣжитъ и спрячется въ лѣсу. Три года тому назадъ она была совсѣмъ дикой, и опять одичаетъ.

— Очень возможно! Но мы должны сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ. Я иду домой и черезъ нѣсколько часовъ вернусь или кого-нибудь пришлю.

Джіана отпустила его неохотно. Переходя рѣку, онъ взглянулъ на сверкавшую воду, бурлившую вокругъ старыхъ каменныхъ быковъ, то зеленую, какъ изумрудъ, то темную, какъ торфъ, и на душѣ его проснулась безконечная печаль. Какъ лѣсной пожаръ сметаетъ подъ клубами дыма и волнами пламени милліоны беззвѣстныхъ невинныхъ созданій, такъ и ядовитое пламя человѣческой алчности, появившись издалека, губитъ живыя существа, не думая о нихъ и не жалѣя ихъ!..

Вечеромъ въ тотъ же день онъ послалъ сказать Джіанѣ, чтобы она пришла съ Нериной. Онѣ покорно явились на его

зовъ. Дѣвочка имѣла усталый видъ, свѣжій цвѣтъ ея лица поблекъ, но взглядъ выражалъ рѣшимость.

— Мое бѣдное дитя,—сказалъ онъ мягко,—синьорина Клелія сердится на тебя. Будемъ надѣяться, что гнѣвъ ея скоро пройдетъ. Но пока ты не должна входить въ ихъ домъ. Ты, навѣрное, не захочешь поссорить мать съ сыномъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила Нерина.

— Я нашелъ на время для тебя пріютъ у старой Алаиды Манзи; ты вѣдь ее знаешь, она добрая женщина. Мнѣ очень жаль тебя, дитя мое; но ты поступила дурно, уйдя ночью, а еще хуже, что не вернулась назадъ въ свою комнату, когда тебѣ это приказала Клелія Альба.

Лицо Нерины потемнѣло.

— Я не сдѣлала ничего дурного.

— Я въ этомъ увѣренъ, но ты не послушалась Клеліи Альбы.

Нерина молчала.

— Ты молоденькая дѣвочка и не должна шататься по ночамъ. Это въ высшей степени опасно. Порядочныя дѣвушки никогда не бываютъ внѣ дома послѣ восхода луны.

Нерина продолжала молчать.

— Обѣщаешь ли ты мнѣ никогда больше не выходить по ночамъ?

— Я не могу обѣщать этого, ваше преподобіе.

— Почему?

— Если я понадоблюсь, я уйду.

— Ты хочешь сказать, если Адонъ Альба тебѣ прикажетъ?

Нерина не отвѣтила.

— Ты думаешь, что тебѣ подобаетъ имѣть тайны отъ меня, твоего духовника?

Нерина ничего не отвѣтила; ея розовыя губки были плотно сжаты. Ей было очень тяжело, что приходилось раздражать и не слушаться дона Сильверіо; но она не заговорила бы, если бы ее даже жгли на вѣчномъ огнѣ.

— Возьми ее и отведи къ Алаидѣ,—сказалъ священникъ усталымъ тономъ Джіанѣ.

— Она слушается только Адона, ваше преподобіе. Мои слова ни къ чему не ведутъ.

— Адонъ не пошлетъ ее больше, если онъ только не скотина или не глупецъ. Уведи ее. Присмотри за ней вмѣстѣ съ Алаидой.

— Я сдѣлаю все, что могу,—сказала Джіана покорно.

Женщины вышли.

Донъ Сильверіо присѣлъ къ письменному столу и написалъ своимъ красивымъ четкимъ почеркомъ: *„Именемъ своего священнаго сана я запрещаю тебѣ рисковать жизнью и доб-*

рымъ именемъ дѣвицы Нерины, посылая ее съ беззаконными порученіями".

Онъ подписался, приложилъ печать къ листу и отправилъ его съ ризничимъ къ Адону.

Отвѣта не послѣдовало.

Наступившая ночь съ охватившимъ горькимъ раздумьемъ была одной изъ самыхъ тяжелыхъ, которыя донъ Сильверіо когда либо переживалъ, а жестокихъ, безсонныхъ ночей онъ провелъ въ жизни не мало.

То, что Адонъ, хотя бы на одинъ мигъ, могъ допустить такія гнусныя мысли, наполняло его отвращеніемъ и изумленіемъ. Донести на нихъ! ему, который охотно бы отдалъ оставшіеся годы жизни, если бы подобная жертва спасла ихъ рѣку и долину отъ гибели? Не было ничего, чего онъ не сдѣлалъ бы для спасенія Эдеры.

Въ часы одиночества, когда лунный свѣтъ падалъ на его постель, а маленькая бѣлая собачка лежала, свернувшись, возлѣ его ногъ, священника мучила мысль — не было ли его долгомъ остановить Адона хотя бы цѣною предательства, въ которомъ онъ осмѣлился заподозрѣть его? Но если это долгъ, то, вѣроятно, первый, сознательно имъ не исполненный.

Если нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ доноса, то пусть лучше они несутся на встрѣчу погибели...

Между распустившихся виноградныхъ листьевъ сіяла золотомъ Венера.

— Развѣ ты не устала!—сказалъ онъ блиставшему свѣтилу.—Развѣ ты не устала смотрѣть на жестокости и безуміе земли?

XIX.

Жители Рушино ложились спать рано; обыкновенно черезъ полчаса послѣ заката солнца вездѣ было ужъ темно, свѣтилъ только огонекъ въ церковномъ домѣ. Нерина безропотно вошла подъ кровлю мрачнаго каменнаго домика Алаиды. Хотя дѣвочка не ѣла цѣлый день, но отказалась отъ пищи и сдѣлала лишь нѣсколько большихъ глотковъ воды; потомъ, не сказавъ ничего, кромѣ короткаго пожеланія доброй ночи, легла на мѣшокъ, набитый листьями, на который ей указала хозяйка.

— Она скоро примирится,—подумала старуха.—Они воспитали ее хорошо!

Сама Алаида, не обремененная никакими заботами, какъ только стемнѣло, улеглась и заснула. Дѣвочка показалась ей добрымъ, спокойнымъ, кроткимъ созданіемъ: она, какъ и подобало, прочитала на сонъ грядущій „Отче нашъ". Но Нерина

не спала. Она задыхалась въ этой маленькой душной комнатѣ съ затворенными окномъ. Привыкнувъ на своемъ чердакѣ къ свѣжему ароматичному воздуху окутанныхъ мракомъ полей, здѣсь, въ прокислой, спертой атмосферѣ она почувствовала, что ее какъ будто схватили за горло.

Она легла, не раздѣваясь. Когда раздалось ровное дыханіе старухи, впавшей въ тяжелую дремоту, свойственную ея возрасту, Нерина безшумно встала и вышла изъ комнаты, снявъ съ гвоздя повѣшенный Алаидою ключъ отъ входной двери. Внизъ, къ выходу вела короткая каменная лѣстница. Въ домѣ онѣ были однѣ; не смотря на полную темноту и на отсутствіе спичекъ, она добралась до двери, отперла ее и черезъ минуту бѣжала внизъ по крутой каменистой улицѣ. Почувствовавъ вѣтерокъ, который дулъ съ рѣки и несъ ей благоуханіе полей Адона, Нерина засмѣялась.

— Я приду во время!—подумала она, сбѣгая кратчайшимъ путемъ къ мосту—головоломной тропинкой, шедшей по откосу, бывшему нѣкогда гласисомъ крѣпости.

Обычныя сборища заговорщиковъ происходили на лугу въ ложбинѣ, которая была окружена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и называлась могилой Асдрубала. Это названіе получила она отъ каменнаго вала того же имени, хотя было совершенно невѣроятно, чтобы Асдрубалъ, убитый на разстояніи болѣе ста миль на сѣверо-востокъ на Маречіи, могъ быть погребенъ въ Вальдадерѣ. Но мѣсто это и названіе были въ округѣ хорошо извѣстны сотнямъ крестьянъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго понятія о томъ, кто такой Асдрубалъ.

Адонъ назначилъ собраться здѣсь къ ночи, и въ тотъ моментъ, когда его увидала Нерина, онъ переходилъ свою межу. На немъ былъ обычный рабочій костюмъ и полное вооруженіе: ружье на плечѣ, большіе пистолеты за поясомъ, кинжалъ за чулкомъ. Его старинное оружіе когда-то сослужило немалую службу въ вопросахъ жизни и смерти и должно было опять пойти въ ходъ съ тою же цѣлью. На трехгранномъ лезвіѣ кинжала шестнадцатаго столѣтія осталось кровавое пятно, которому было болѣе ста лѣтъ и которое ничѣмъ нельзя было вывести.

— Нерина!—воскликнулъ онъ, скорѣе испуганный, чѣмъ обрадованный.

При свѣтѣ луны, подъ серебристой листвой оливъ, ея маленькое, загорѣлое личико и вся ея фигурка приняли болѣе мягкія и женственныя очертанія. Но Адонъ не замѣтилъ этого. Онъ былъ въ власти одной напряженной, всецѣло овладѣвшей имъ мысли. Онъ относился къ Station Неринѣ такъ же, какъ Гарибальди къ своей Анитѣ.

Но сквозь острый эготизмъ, который во всемъ мірѣ не

видитъ ничего, кромѣ своего собственнаго дѣла, своихъ собственныхъ цѣлей и несчастій, въ немъ промелькнуло на минуту безкорыстное чувство состраданія къ ребенку, котораго онъ такъ безжалостно превратилъ въ свою служанку, въ свою рабыню.

— Бѣдная, маленькая дѣвочка! я былъ жестокъ, безчеловѣченъ и несправедливъ къ тебѣ,—сказалъ онъ, тронутый смутнымъ сознаніемъ ея безконечной преданности, какъ трогаетъ подчасъ преданность собаки.

— Вы всегда были добры ко мнѣ,—отвѣтила Нерина, и она, дѣйствительно, такъ думала, въ глубинѣ души своей.—Я пришла узнать: не нужна ли я вамъ?—прибавила она робко.

— Нѣтъ, нѣтъ. Они думаютъ о тебѣ дурно, потому что ты ходила съ моими порученіями. Бѣдное дитя, я и безъ того уже причинилъ тебѣ не мало зла. Я не хочу больше поступать такимъ образомъ.

— Вы мнѣ дѣлали только добро.

— Какъ! когда моя мать выгнала тебя изъ дома?

— Это ея право.

— Подожди немного. Ты опять къ намъ вернешься. Ты теперь у старухи Алаиды?

— Да.

— Какъ же ты ушла ночью?

— Она спитъ крѣпко, а отпереть дверь не трудно.

— Ты храбрая дѣвочка!

— Есть у васъ для меня какое-нибудь дѣло?

— Нѣтъ, милая.

— Куда вы идете?

— На собраніе, на могилу Асдрубала.

— Кто созвалъ его?

— Я самъ. Тебѣ должно быть очень тяжело и грустно, дѣвочка, и все по моей винѣ.

Она подавила рыданіе.

— Я здѣсь недалеко, а старая Алаида—добрая женщина. Дайте мнѣ сегодня ночью какое-нибудь порученіе.

— Нѣтъ, милая моя, я не могу.

Она припомнилъ слова записки, которую получилъ въ этотъ день отъ дона Сильверіо. Онъ сознавалъ всю ея справедливость, зналъ, что въ ней запрещалось только то, что не допускается чувствомъ человѣчности, гостепріимства, мужества и состраданія. Хотя всѣмъ его существомъ овладѣла одна убійственная страсть, которая закрыла его сердце и захватила разумъ, вытѣснивъ всѣ другіе чувства и инстинкты; но онъ еще не потерялъ совѣсти, чтобы теперь, когда понялъ значеніе своихъ поступковъ, продолжать пользоваться услугами дѣвочки.

— Скажите мнѣ въ такомъ случаѣ, скажите,—настаивала Нерина,—когда же начнете вы что нибудь дѣлать?

— Какъ только иностранцы приступятъ къ работамъ, мы ихъ прогонимъ.

— Но если они не уйдутъ?

— Дитя, рѣка глубока; мы знаемъ ея извилины и глубину, а они нѣтъ.

Ея большіе, блестящіе глаза загорѣлись; въ нихъ заискрилась радость.

— Мы ихъ снова окрестимъ!—сказала она, и все лицо ея, освѣщенное луною, засіяло. Въ ея венахъ текла пылкая кровь горныхъ жителей, мысль о кровавой расправѣ разогрѣла ее, какъ августовскій полдень сокъ винограда.

Онъ тоже дико засмѣялся.

— Ихъ кровь падетъ на ихъ собственныя головы!

Онъ собирался прогнать ихъ, потопить въ потокѣ, засыпать пескомъ, охотиться за ними въ заросляхъ вереска; заставить каждаго изъ нихъ проклясть день, въ которой они придутъ сюда.

— Будь они прокляты! Пусть кровь ихъ падетъ на ихъ собственныя головы!—пробормоталъ онъ сквозь зубы. Онъ думалъ о чужестранцахъ, которые, какъ говорили, примутся за работу прежде, чѣмъ молодой мѣсяцъ будетъ въ послѣдней четверти. Сотни этихъ людей—были поденщики изъ Романіи и другихъ провинцій, связанные контрактомъ, ничѣмъ не отличавшіеся отъ рабовъ, которые стонутъ подъ ударами плети бѣлыхъ людей въ Африкѣ.

— Позвольте мнѣ пойти съ вами, — настаивала снова Нерина.—Я спрячусь въ кустахъ. Меня никто не увидитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ суровымъ тономъ. — Ступай назадъ и ночуй въ Рушино. Я поступалъ дурно, я поступалъ безчестно, потому что пользовался твоимъ невѣжествомъ и злоупотреблялъ твоимъ послушаніемъ. Иди и слушайся своего священника, а не меня.

Дѣвочка, всегда покорная, исчезла за вѣтвями оливъ. Адонъ пошелъ дальше; на душѣ у него было мрачнѣе ночи; его бѣсило, что совѣсть и честь вынуждали его подчиняться приказаніямъ дона Сильверіо.

Но она не пошла обратно: она выждала немного и затѣмъ направилась по слѣдамъ Адона. Джіана была права: Нерина осталась лѣсной птичкой. Ее поймали и приручили на время, но дикость ея не исчезла. Жить съ ними ей очень нравилось, она охотно усваивала всѣ ихъ обычаи, но въ глубинѣ души преобладала любовь къ свободѣ, любовь къ движенію, къ свѣжему воздуху, небу и волѣ. Въ ней сохранилась страсть къ приключеніямъ и, какъ всѣ жительницы Абруццо, она была отважна; ей страстно захотѣлось взглянуть на этихъ освѣщен-

ныхъ луною людей, которыхъ она сама созывала такъ часто на ночныя собранія. Теперь, убѣжавъ изъ подъ присмотра Алаиды, она никакъ не могла вернуться назадъ, промѣнять эту свѣтлую, прохладную, лучезарную ночь на маленькую, душную, темную спальню. Нѣтъ, она не уйдетъ даже въ томъ случаѣ, если на ея пути будетъ стоять самъ донъ Сильверіо съ поднятымъ крестомъ въ рукѣ. Она походила на молодую львицу, почуявшую кровь.

Дорогу къ могилѣ Асдрубала Нерина знала такъ же хорошо, какъ и Адонъ. Она находилась въ лощинѣ, окруженной густой чащей деревьевъ, приблизительно на разстояніи пяти миль отъ Терры Верджины, на сѣверномъ берегу рѣки. Мѣсто было вполнѣ уединенное и настолько обширно, что свободно вмѣщало собраніе въ нѣсколько десятковъ душъ.

Адонъ продолжалъ свой путь, не подозрѣвая, что за нимъ слѣдятъ; онъ шелъ раскачивающейся походкой легко и быстро; его гибкіе члены были крѣпки, какъ сталь, а горѣвшая въ немъ злоба придавала его движеніямъ быстроту.

Изъ боязни его гнѣва дѣвочка дала ему опередить себя на полмили или даже нѣсколько больше. На ходу она скакала и подпрыгивала, радуясь свободѣ и наслаждаясь свѣжестью ночного воздуха. Часы, проведенные ею въ душномъ домикѣ Алаиды, были для нея такъ же ужасны, какъ для дикой птицы время, проведенное въ сѣтяхъ птицелова. На верху въ Ансальдо она никогда не сидѣла дома, а въ Терра Верджинѣ заходила подъ кровлю,чтобы только поспать или поѣсть.

Луна скрылась за нависшей тучей. Стало довольно темно, рѣдкія звѣзды слабо мерцали.

Но дѣвочка оріентировалась такъ же хорошо, какъ горный заяцъ.

Острый запахъ вереска опьянялъ ее; подгоняемая крѣпкимъ морскимъ вѣтромъ, она неслась точно на крыльяхъ. Она забыла, что опять стала бездомной скиталицей, какъ и въ тотъ день, когда сидѣла подъ листьями лопушника на берегу Эдеры. Онъ сказалъ ей, что она снова къ нимъ вернется, этого было достаточно, она повѣрила. Мадама Клелія проститъ ее, такъ какъ она не сдѣлала ничего дурного. Все пойдетъ опять по хорошему; она опять будетъ кормить скотину и ходить на ключъ за водою: ея мысли и желанія дальше не шли. Весело, съ легкимъ сердцемъ она слѣдовала за нимъ то бѣгомъ, гдѣ было мѣсто открытое, то медленно пробираясь въ густыхъ заросляхъ вереска, но все время впередъ, съ той же скоростью, какъ и Адонъ.

Вдругъ она остановилась, испуганная.

Въ тишинѣ ночи громко раздавался плескъ воды, крикъ и

кудахтанiе совъ, да отъ времени до времени лай лисицъ въ чащѣ. Лѣсъ ночью полонъ звуковъ: шуршанiе крыльевъ, шаги невидимыхъ ногъ, отдѣльный пронзительный крикъ, трескъ ломающихся вѣтокъ, шорохъ листьевъ папортника, журчанiе маленькихъ ручейковъ, неслышныхъ днемъ, движенiе всѣхъ робкихъ созданiй, которыя въ темнотѣ набираются храбрости. Но ко всѣмъ этимъ звукамъ она привыкла; она могла опредѣлить каждый изъ нихъ. Теперь ей послышалось нѣчто совершенно иное: человѣческiе шаги, и показалось, что все кругомъ, и верескъ, и папоротникъ, и дрокъ въ одно мгновенiе оживились. Можетъ быть, это идутъ рушинцы на сходку къ Адону? Нѣтъ, она не могла предположить, чтобы у нихъ хватило мужества принять участiе въ вооруженныхъ собранiяхъ жителей долины. Она остановилась и стала прислушиваться. Звуки принадлежали человѣческимъ существамъ, и она слышала, какъ они, тяжело дыша, пробирались и ползли сквозь чащу вереска.

Вдругъ Нерина почувствовала около себя присутствiе человѣка; задерживая дыханiе, она тихонько отпрянула въ чащу.

Если мѣстные жители,—они не обидятъ, но если чужiе?—въ нихъ она не была увѣрена.

Впереди нея было открытое мѣсто, на которомъ дикая заросль была только что вырублена. Изъ чащи кустарниковъ люди выбрались на эту площадку; здѣсь, при слабомъ мерцанiи звѣздъ, она разглядѣла, что это солдаты и что ихъ пять человѣкъ.

Ее охватилъ ужасъ, точно ледяная рука сдавила ей сердце, страхъ не за себя, но за тѣхъ, которые тамъ, въ зеленой лощинѣ у трехъ вѣковыхъ сосенъ.

Это солдаты; да, солдаты; и звуки, которые она слышала, былъ трескъ растенiй подъ ихъ ногами, звяканiе оружiя; да, солдаты! Но откуда же взялись они? Вѣдь въ Рушино нѣтъ солдатъ.

Она только разъ въ жизни видѣла солдатъ, когда кавалеристы арестовали Баруффо. Но это не кавалеристы; это маленькiе, пѣшiе, одѣтые въ парусину люди, подвигающiеся впередъ осторожно, какъ бы со страхомъ; стволы ихъ ружей сверкали во мракѣ ночи.

Она ниже и ниже пригибалась къ землѣ, стараясь спрятаться, сдѣлаться невидимой; она надѣялась, что они пройдутъ впередъ, и тогда она ихъ обгонитъ, добѣжитъ до лощины и спасетъ Адона и его товарищей. Она не сомнѣвалась, что они пришли накрыть собранiе; но, принимая въ соображенiе ихъ частыя остановки и нерѣшительность, Нерина

надѣялась, что они не знаютъ, въ какую сторону имъ слѣдуетъ направиться.

— Если вы попросите меня провести васъ—хорошо! Я проведу! но заведу такъ, что вы во вѣкъ этого не забудете!— сказала она про себя, прячась въ верескѣ. Когда она увидала, что есть дѣло, которое необходимо исполнить, отвага вернулась къ ней. Они были уже очень близко отъ мѣста сходки и могли бы, какъ мышонка въ ловушку, захватить заговорщиковъ, если бы только знали, гдѣ они; но, наблюдая за тѣмъ, какъ они останавливались, всматривались, приглядывались къ звѣздамъ и оборачивались на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, она поняла, что они хорошенько не знаютъ и, можетъ быть, еще возможно отвлечь ихъ хитростью, какъ перепелка отвлекаетъ охотника отъ своего гнѣзда.

Въ то время, какъ у нея созрѣвалъ этотъ планъ, шестой человѣкъ, сержантъ, подъ командой котораго были остальные, натолкнулся на нее ногою и, нагнувшись, схватилъ ее и приподнялъ вверхъ. Она не сдѣлала даже попытки вырваться.

— Что это за ночной звѣрь мнѣ попался?—воскликнулъ онъ.—Кто ты, исчадіе ада?

Подъ его желѣзными пальцами Нерина вся скорчилась, но освободиться не пыталась. Онъ проклиналъ, ругался, трясъ ее, сдавилъ ей руку такъ, что у нея выступили слезы. Ей было страшно больно, но она молчала.

— Кто ты?—кричалъ онъ.

— Я прихожу сюда съ горъ по лѣтамъ на работу.

— Не умѣетъ ли кто нибудь изъ васъ говорить на ея діалектѣ?—закричалъ сержантъ солдатамъ; самъ онъ былъ изъ Милана.

— Я изъ Паганики, тамъ говорятъ почти такъ же, какъ и здѣсь,—отозвался одинъ.

— Въ такомъ случаѣ спроси у нея дорогу.

Солдатъ повиновался.

— Гдѣ дорога къ тремъ соснамъ, къ могилѣ Асдрубала?

— Она далеко,—отвѣтила Нерина.

— Ты знаешь ее?

— Да, знаю.

— Не слыхала-ли ты о ней какихъ либо разговоровъ?

— Да.

— Что тамъ бываютъ по ночамъ сходки?

— Да.

— Соберутся тамъ и сегодня?

— Да.

— Такъ ты знаешь, гдѣ могила Асдрубала?

— Вѣдь я вамъ ужъ сказала.

Солдатъ перевелъ ея отвѣтъ сержанту; послѣдній не выпускалъ ее изъ рукъ.

— Спроси: не можетъ-ли она насъ провести туда?

Солдатъ спросилъ и снова перевелъ отвѣтъ:

— Она соглашается, если ей дадутъ два золотыхъ.

— Исчадіе ада! Ничего я ей не дамъ; но если она заведетъ насъ не туда, награжу ее пулей.

Солдатъ перевелъ Неринѣ:

— Онъ дастъ тебѣ два золотыхъ, если ты намъ укажешь вѣрный путь; тебѣ нечего насъ бояться: мы честные люди и слуги короля.

— Хорошо, я проведу слугъ короля.

— Увѣрена ты въ дорогѣ?

— Такъ же, какъ возвращающійся домой голубь.

— Въ такомъ случаѣ трогаемся въ путь, — сказалъ сержантъ,—если она насъ надуетъ, я убью ее.

Ему не особенно было пріятно довѣряться дѣвочкѣ, но они заблудились въ заросляхъ и могли бы проплутать всю ночь, т. е. пропустить собраніе, не сойтись во время съ товарищами и дать ускользнуть тѣмъ, которые соберутся на сходку. Онъ разсчитывалъ, что страхъ, удерживающій рекрутовъ подъ оружіемъ, заставитъ и ее быть вѣрной своему слову.

— Попросите его снять съ меня руку,—сказала Нерина,— иначе я не двинусь съ мѣста.

Солдатъ перевелъ своему начальству:

— Она проситъ, чтобы вы были такъ милостивы и отпустили ее, иначе она не можетъ пройти черезъ верескъ.

Сержантъ неохотно пустилъ дѣвочку впередъ и направилъ на нее свой револьверъ.

— Скажи ей, что если она только сдѣлаетъ попытку бѣжать, я застрѣлю ею.

— Скажите ему, что я это знаю,—возразила Нерина.

Она не боялась, потому что была преисполнена жестокой радостью; ей хотѣлось пѣть, смѣяться и плясать: они въ ея рукахъ; они пришли захватить въ ловушку Адона, а сами попадутъ въ нее, какъ кроты!

Они связали ей руки назадъ; она не сопротивлялась,— руки ей не были нужны. Съ опущенною внизъ головою она рѣшительно пошла впередъ, направляясь на югъ. Могила Асдрубала лежала на сѣверъ; Нерина замѣтила полярную звѣзду, повернулась къ ней спиной и пошла прямо на югъ, къ большому болоту, находившемуся, приблизительно на разстояніи трехъ верстъ и извѣстному подъ названіемъ Мокрой Травы; трава на немъ была роскошная, флора чрезвычайно разнообразная. На видъ это быто поле, въ дѣйствительности

же—топь; все населеніе Валдадеры боялось и избѣгало этого мѣста, какъ боятся сыпучихъ песковъ на морскомъ берегу.

Она шла быстро, насколько позволяла ей узкая тропинка, извивавшаяся среди мелкаго лѣса; солдаты, обремененные ранцами, оружіемъ и сапогами, поспѣвали за ней съ трудомъ, проклиная свою горькую долю и жалуясь на безсонную ночь.

Звѣзды стали больше и ярче; темнота разступалась; Эдера стремилась съ юга, съ мѣста своего рожденія въ горахъ, которыя, какъ львы, лежали у ногъ Гранъ-Сассо. Дѣвочка слышала ея отдаленное журчаніе.

— Они пришли захватить тебя, — говорила она рѣкѣ,—а я убью ихъ. Пусть ихъ задохнутся въ болотѣ, пойдутъ внизъ, внизъ, внизъ...

Сердце прыгало; она подвигалась впередъ, чувствуя заряженный револьверъ за спиною, но шла точно къ брачному ложу.

— Куда ты насъ ведешь, подлая собака?—закричалъ сержантъ.

— Куда же ты идешь, смуглолицая красотка?—перевелъ солдатъ.

— Я веду васъ прямо, — сказала Нерина, — только вы неповоротливы, въ сапогахъ, мужчины въ нашей мѣстности не носятъ обуви.

Солдаты со вздохомъ согласились съ ней, они охотно пошли бы босикомъ. Сержантъ ругался, не понявъ, что она сказала.

Вскорѣ показалось болото — на видъ прекрасное, мирное пастбище, съ множествомъ камыша, золотившагося на его поверхности. При свѣтѣ звѣздъ, ярко сверкавшихъ, его зелень блестѣла; кругомъ сидѣли на гнѣздахъ водяныя птицы; шумно размахивая крыльями, онѣ поднялись съ пронзительнымъ крикомъ.

Черезъ эту топь тянулась полоса деревянныхъ свай, служившихъ мостомъ для тѣхъ смѣльчаковъ, которые отваживались, перепрыгивая съ одной на другую, перебираться на ту сторону. Однимъ изъ этихъ смѣльчаковъ былъ и Адонъ, научившій Нерину, какъ переходить здѣсь.

— Слѣдуйте за мною и ставьте ноги туда, куда ставлю я,—сказала Нерина маленькому солдатику изъ Абруццо и вскочила на первую сваю, почти незамѣто погрузившуюся въ яркую зеленую тину, въ которой квакали тысячи лягушекъ.

Солдатъ перевелъ ея слова старшему:

— Она говоритъ, что мы должны ступать, куда ступаетъ она. Мы теперь совсѣмъ близко отъ могилы варвара.

Нерина съ легкостью козленка перепрыгивала съ одной

сваи на другую. Они думали, что она шла по лугу. Сержантъ и его люди двинулись толпой. При мерцавшемъ свѣтѣ звѣздъ и чуть-чуть разсвѣтавшаго утра они не разглядѣли ряда погружавшихся бревенъ и, какъ камни, стали уходить въ густую тину, которая втягивала ихъ по колѣни, по поясъ, по плечи, по горло; лужайка подавалась, тина обхватывала ихъ, травы опутывали, бездонная грязь не выпускала; водяныя птицы кричали и махали крыльями, и имъ вторилъ страшный крикъ погибавшихъ людей.

Нерина благополучно уже добралась до противоположнаго берега, и въ ушахъ ихъ зазвенѣлъ ея насмѣшливый хохотъ.

— Я хорошо васъ провела!—закричала она имъ.—Хорошо провела! Ахъ, вы, королевскіе слуги! Ахъ, вы свиньи, рабы, шпіоны, охотники на людей, живодеры!

Она плясала у самого поля смерти, и свѣтъ небесныхъ свѣтилъ сіялъ на ея лицѣ.

Убѣги она дальше въ лѣсъ, не останавливаясь, она спаслась бы. Но моментъ торжества и издѣвательства погубилъ ее.

Сержантъ взялъ револьверъ въ зубы; онъ теперь понялъ, что онъ погибшій человѣкъ; тина доходила ему до подбородка, трава и грязь колебались, разверзаясь, какъ могила. Онъ вытащилъ изъ тины свою правую руку, схватилъ револьверъ и прицѣлился въ плясавшую дѣвочку. Съ величайшимъ усиліемъ онъ выстрѣлилъ и вслѣдъ за выстрѣломъ исчезъ въ травѣ и грязи.

Дѣвочка упала мертвой на краю болота.

Солдаты исчезали другъ за другомъ, ни одинъ не спасся.

Спугнутыя водянныя птицы прилетѣли обратно и снова водворились на своемъ болотѣ.

Воцарившаяся тишина нарушалась только кваканьемъ лягушекъ.

XX.

Донъ Сильверіо всталъ на разсвѣтѣ и часовъ въ пять утра вошелъ въ свою церковь. Въ обнаженныхъ, мрачныхъ стѣнахъ величественнаго храма его дожидалось только нѣсколько женщинъ. Утро было жаркое, доносился запахъ почекъ, цвѣтовъ и свѣжаго сѣна съ полей.

По окончаніи обѣдни старая Алаида робко пробралась къ нему по заплѣсневѣлой мозаикѣ и преклонила колѣни.

— Высокопреподобный,—прошептала она, — тутъ не моя вина. Я спала крѣпко; должно быть, она отперла дверь, потому что та оказалась отворенной; ея постель пуста, она не вернулась.

— Ты говоришь о Неринѣ?

— О Неринѣ, ваше преподобіе. Я сдѣлала все, что могла Я не виновата: она—какъ соколъ въ клѣткѣ.

— Меня это очень огорчаетъ,—сказалъ онъ, подумавъ,— Неужели Адонъ?.. Нѣтъ ли ее въ Террѣ Верджинѣ?—спросилъ онъ.

Алаида покачала головой.

— Нѣтъ, преподобный отецъ. Я посылала спросить своего внука. Джіана не видала ее и говоритъ, что дѣвочка никогда не осмѣлилась бы приблизиться къ дому Клеліи Альбы.

— Это очень грустно,—повторилъ опять донъ Сильверіо. Онъ не порицалъ старуху, считая, что нельзя осуждать человѣка за неумѣнье приручить орленка.

Онъ пошелъ къ себѣ въ церковный домъ, гдѣ разговѣлся стаканомъ воды, хлѣбомъ и крессомъ и послалъ за Джіаной. Она явилась черезъ полчаса, разстроенная и испуганная.

— Ваше преподобіе, я ничего не знаю о ней; я не осмѣлилась бы пріютить ее даже въ конюшнѣ. Мадама Клелія выгнала бы и меня. Когда мадама Клелія уже разъ сказала...

— Адонъ дома?

— Увы! нѣтъ. Онъ ушелъ ночью, и мы съ тѣхъ поръ не видали его. Онъ сказалъ мнѣ, что пойдетъ на собраніе у трехъ сосенъ, на то мѣсто, которое называется могилой варвара.

Донъ Сильверіо молчалъ.

— Это очень серьезно,—проговорилъ онъ, наконецъ.

— Да, очень серьезно, ваше преподобіе,—сказала Джіана.— Пусть бы лучше между ними была любовь. Любить сладостно и отрадно; но въ сердцѣ Адона нѣтъ ничего подобнаго. Увы! тамъ ничего нѣтъ, кромѣ мрака и ненависти; онъ жаждетъ крови тѣхъ, которые хотятъ причинить зло рѣкѣ.

— Развѣ мать потеряла на него всякое вліяніе?

— Совершенно, ваше преподобіе... Она для него теперь не больше изогнутой палки, хотя мѣсяцъ тому назадъ она отдала ему свой жемчугъ и браслеты. Онъ продалъ ихъ въ городѣ, чтобы купить оружіе.

— Правда? что за безуміе!

— Какъ же иначе вооружить людей?

— Вооружить!—повторилъ онъ.—А для чего было вооружать ихъ? Какая польза въ томъ, что двѣ сотни вступятъ въ борьбу со всѣми силами государства? Они сгніютъ въ тюрьмѣ; вотъ все, что они получатъ.

— Можетъ быть, можетъ быть,—сказала старуха съ упрямствомъ, свойственнымъ невѣжеству.—Кто нибудь долженъ же начать. Они не имѣютъ права отнимать у насъ воду, ваше преподобіе, такъ же, какъ не имѣютъ права отнять грудь у младенца.

Испугавшись,—не много ли ужъ наговорила, она присѣла

и вышла на улицу. Но черезъ минуту снова вбѣжала съ испуганнымъ поблѣднѣвшимъ лицомъ, на которомъ морщины были такъ же глубоки, какъ въ полѣ борозды.

— Ваше преподобіе, ваше преподобіе,—воскликнула она, съ трудомъ переводя духъ,—солдаты!

Донъ Сильверіо вскочилъ, поспѣшно переложилъ съ колѣнъ на кресло свою маленькую собачку и спустился внизъ по узкой каменной лѣстницѣ, которая вела изъ библіотеки къ выходу. Въ высокую отворенную дверь онъ увидалъ такъ хорошо знакомую ему улицу, подпорку стѣны церкви, большую вѣтвь одного изъ остролистовъ, посаженныхъ имъ, блескъ оружія и бѣлыя кожаныя перевязи часовыхъ. Въ озаренномъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ воздухѣ стоялъ пронзительный вопль женщинъ. Услыхавъ его, онъ вздрогнулъ. Выше улицу занимали полроты карабинеровъ и человѣкъ двадцать драгунъ; первые держали на готовѣ винтовки, у вторыхъ были обнажены сабли. Поселяне, обезумѣвъ отъ страха, кричали, торопливо запирая свои двери и ставни; открытой осталась только одна дверь церковнаго дома. Донъ Сильверіо вышелъ на середину улицы и обратился къ офицеру, командовавшему карабинерами.

— Могу я узнать причину вашего появленія въ моемъ приходѣ?

— Мы не обязаны отвѣчать вамъ, преподобный отецъ,— сказалъ капитанъ.

Истерично рыдавшій народъ обнималъ дѣтей, призывалъ Матерь Божію на помощь, падалъ на колѣна въ пыль, на острые камни. Ихъ священнику стало стыдно за нихъ.

— Не бойтесь, не прячтесь, дѣти мои,—говорилъ онъ.— Не преклоняйте колѣнъ передъ солдатами. Вы не сдѣлали ничего худого.

— Я запрещаю вамъ говорить съ толпой,—заявилъ офицеръ.—Идите назадъ къ себѣ.

— Чѣмъ же я превысилъ данную мнѣ власть?

— Вы узнаете объ этомъ въ свое время, — отвѣтилъ командиръ.—Отправляйтесь въ церковный домъ!

— Мое мѣсто съ моей паствой.

Офицеръ въ раздраженіи ударилъ его въ грудь рукояткой шпаги. Два карабинера толкнули его назадъ.

— Никакой законъ не оправдываетъ вашего поведенія,— холодно проговорилъ священникъ, — и не разрѣшаетъ вамъ разлучать меня съ паствой.

— Здѣсь законъ—сабля!—отвѣтилъ капитанъ.

— Единственный законъ, дѣйствующій повсюду въ королевствѣ,—замѣтилъ Донъ Сильверіо.

— Арестуй его, онъ производитъ безпорядки,—закричалъ офицеръ.

Карабинеры притащили священника въ его кабинетъ, и бригадиръ началъ рыться въ его ящикахъ и бумагахъ.

Къ захвату рукописей и документовъ онъ отнесся равнодушно, потому что никогда не писалъ ничего, что не могъ бы показать другимъ. Но дерзкій и самоуправный поступокъ офицера чрезвычайно встревожилъ и взволновалъ его: очевидно, солдаты получили приказаніе дѣйствовать рѣшительно, по собственному усмотрѣнію, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Онъ мучился за Адона, молился и надѣялся, что, быть можетъ, Адонъ успѣлъ вернуться, и его найдутъ мирно работающимъ на поляхъ Терры Верджины. Онъ догадывался въ то же время, что эти люди не осмѣлились бы вести себя такъ въ Рушино, если бы вся мѣстность не была окружена значительной военной силой; онъ нисколько не сомнѣвался, что это обдуманная атака, организованная префектомъ и начальникомъ областныхъ гарнизоновъ, рѣшившихъ захватить сразу въ одну сѣть всѣхъ заговорщиковъ Вальдадеры.

Изъ его кабинета не было видно улицы; онъ могъ только слышать плачъ женщинъ и крики дѣтей, доносившіеся изъ запертыхъ домовъ.

— Что дѣлаютъ ваши люди съ моей паствой? — сказалъ онъ грозно.

Бригадиръ не отвѣтилъ; онъ продолжалъ бросать въ чемоданъ его бумаги.

— Гдѣ ваши полномочія на обыскъ? У насъ вѣдь не военное положеніе?—спросилъ донъ Сильверіо.

Тотъ съ многозначительной миной вытянулъ наполовину саблю изъ ноженъ и рѣзко опустилъ ее обратно. Онъ не удостоилъ его другимъ отвѣтомъ.

Нѣсколько женщинъ заглянуло въ рѣшетку окна, выходившаго въ маленькій садикъ; ихъ лица были растерянныя, блѣдныя, напуганныя, впереди всѣхъ выдѣлялась сѣдая голова и обожженное солнцемъ лицо старухи Джіаны.

— Высокопреподобный! — взвизгнули онѣ въ одинъ голосъ,—они ведутъ нашихъ!

— Адонъ! Они захватили Адона!—вскрикнула Джіана.

Донъ Сильверіо вскочилъ съ своего мѣста.

— Адонъ! Развѣ вы взяли Адона Альбу?

— Главнаго-то заговорщика! Какъ же!—воскликнулъ бригадиръ съ злораднымъ смѣхомъ. — Онъ заслужилъ теперь тридцать лѣтъ каторги. Ваша паства дѣлаетъ вамъ честь, высокопреподобный!

— Пустите меня къ моей паствѣ,—сказалъ донъ Силь-

верio, и въ тонѣ его голоса, въ жестѣ руки было столь авторитетное, что карабинеры пропустили его безпрепятственно.

Онъ сошелъ внизъ по каменной лѣстницѣ къ сводчатой открытой двери, на порогѣ которой стоялъ часовой. На улицѣ толпились вооруженные люди, страшный гвалтъ и шумъ покрывался пронзительнымъ взвизгиванiемъ женщинъ.

— Не пропущу никого!—воскликнулъ часовой, направляя ружье въ грудь Дона Сильверiо.

— Я пройду,—сказалъ священникъ, подтолкнувъ вверхъ дуло ружья.—Здѣсь правлю я, именемъ Бога,—произнесъ онъ голосомъ, который прозвучалъ далеко по улицѣ, какъ величественная мелодiя, заглушивъ взвизгиванiя, ругательства, весь адъ дьявольскихъ звуковъ; онъ сошелъ внизъ со ступенекъ своего дома и никто не осмѣлился остановить его.

Внизу онъ услыхалъ топотъ лошадей и бряцанiе оружiя; по улицѣ ѣхало нѣсколько кавалеристовъ, всю ночь проплутавшихъ въ зарosляхъ. Затѣмъ показалось полроты пѣхотинцевъ въ сопровожденiи карабинеровъ; они гнали передъ собою толпу молодежи,—обезоруженныхъ, раненыхъ, хромыхъ, со связанными на спинѣ руками; это былъ остатокъ собравшихся на могилѣ Асдрубала. Они были застигнуты, схвачены и окружены стальной стѣною; нѣкоторые вмѣстѣ съ предводителемъ своимъ пытались защищаться, но такихъ оказалось немного; большинство же, почувствовавъ у горла холодную сталь солдатскаго ружья, побросало на землю оружiе и просило пощады. Адонъ боролся такъ, какъ будто въ него перешла тѣнь Асдрубала; но друзья измѣнили ему, да и врагъ превосходилъ численностью двадцати на одного. Они одолѣли юношу, обезоружили, связали, потащили черезъ родной его верескъ наверхъ въ Рушино, стѣны котораго показались, когда выглянуло солнце.

Дѣвочка лежала мертвой на краю болота; люди, которыхъ она привела сюда на погибель, задохлись въ травѣ и тинѣ; но онъ ничего не зналъ объ этомъ.

Онъ зналъ только, что его дѣло проиграно, жизнь загублена, послѣдняя надежда утрачена.

Лишь по росту и по походкѣ можно было узнать Адона. Лицо его почернѣло отъ пороха и запекшейся крови; правая рука, прострѣленная пулей, повисла; вся одежда до пояса была въ лохмотьяхъ; онъ хромалъ, но, поднимаясь по улицѣ села, онъ только одинъ держалъ высоко голову. Остальные изображали изъ себя жалкую кучку обезсиленныхъ, еле державшихся на ногахъ, измученныхъ продолжительною ходьбою людей, которыхъ солдаты подгоняли ударами то пряжкой темляка, то тупымъ концомъ сабли.

Донъ Сильверiо увидалъ эту картину передъ своей цер-

ковью, въ ясномъ освѣщеніи ранняго утра. Воздухъ былъ пропитанъ возбуждающимъ тошноту запахомъ пота, пороха, ранъ и пыли.

Онъ направился прямо къ Адону.

— Сынъ мой, дорогой мой! Я пойду съ тобой. Они не могутъ отказать мнѣ въ этомъ.

Но душа Адона находилась во власти тысячи демоновъ, въ ней было темно, какъ въ могилѣ, онъ утратилъ все человѣческое: совѣсть, благодарность, раскаяніе.

Онъ громко крикнулъ ему:

— Іуда!—на губахъ его показалась пѣна, глаза налились кровью.—Іуда, ты предалъ насъ!

Затѣмъ,—какъ разсерженный волъ опускаетъ свои рога, такъ онъ, быстро пригнувъ голову, прокусилъ насквозь до кости кисть руки державшаго его солдата; внѣ себя отъ боли солдатъ вскрикнулъ и выпустилъ его; руки Адона оставались связанными за спиною, но его ноги, хотя изъ нихъ и сочилась кровь, были свободны.

Онъ повернулся къ церкви, къ той трещинѣ въ этрусской стѣнѣ, черезъ которую нѣсколько часовъ тому назадъ прошла Нерина. Здѣсь каждый вершокъ былъ ему знакомъ. Сотни разъ въ отроческомъ возрастѣ онъ ради забавы спускался бѣгомъ вдоль этихъ развалинъ, чтобы весело броситься въ рѣку.

Когда солдатъ съ отчаяннымъ крикомъ выпустилъ его изъ рукъ, Адонъ кинулся бѣжать, какъ левъ, вырвавшійся на свободу. Прежде, чѣмъ они успѣли схватить его, онъ перепрыгнулъ стѣну и летѣлъ внизъ по откосу; солдаты, бросившіеся въ погоню, спотыкались, скатывались по скользкой травѣ и падали черезъ глыбы гранита. Онъ благополучно сбѣжалъ по тропинкѣ подъ гору, не смотря на то, что кровь лилась изъ его ранъ и застилала глаза, а дурнота, похожая на предсмертную агонію, помрачала его мозгъ. Онъ бросился въ рѣку, какъ преслѣдуемый звѣрь къ безопасному убѣжищу; онъ поплылъ вдоль по теченію, разрѣзая разгоряченной грудью прозрачныя и свѣжія струи рѣки. Потомъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ.

— Возьми меня! спаси меня! товарищъ, братъ и другъ!— воскликнулъ онъ громко, разставаясь съ жизнью, и нырнулъ тамъ, гдѣ было всего глубже. Все потемнѣло, въ ушахъ зашумѣла вода.

У моста, подъ тѣнью развалинъ крѣпости быстрое теченіе подхватило и унесло его тѣло далеко въ море.

XIX.

Наступила уже зима, когда донъ Сильверіо Фраскара, послѣ суда, на которомъ противъ него не нашлось никакихъ уликъ, былъ, наконецъ, объявленъ невиновнымъ и отпущенъ на свободу. Разумѣется, ему не предложили возмѣщенія убытковъ и не извинились передъ нимъ.

— Будь военный судъ, можно бы легко доказать его виновность,—сказалъ сенаторъ Джіовачино Галло синдику Санъ-Беды, и графъ Коррадини горячо присоединился къ мнѣнію его превосходительства, находя, что ради порядка и общественнаго спокойствія хорошо бы на всегда замѣнить гражданскій судъ военнымъ...

Его держали въ продолженіе многихъ недѣль и мѣсяцевъ въ приморскомъ городѣ, гдѣ разбиралось дѣло молодежи Вальдадеры, со всѣми утомительными и безчеловѣчными задержками и проволочками, свойственными мѣстнымъ обычаямъ. Приложено было не мало усилій, чтобы доказать преступность его дѣйствій; но оказалось невозможнымъ: всѣ показанія свидѣтелей, даже и относившихся къ нему враждебно, каждый его поступокъ—обнаруживали лишь мудрость, чистоту и значеніе какъ его совѣтовъ, такъ и личнаго примѣра. Несчастные юноши, захваченные съ оружіемъ въ рукахъ, были приговорены—кто на четыре, кто на семь, нѣкоторые на десять, а нѣсколько главныхъ зачинщиковъ—на 25 лѣтъ одиночнаго заключенія. Донъ Сильверіо сдѣлалъ все, чтобы выгородить этихъ несчастныхъ, которые на собственную погибель пошли за Адономъ. Онъ защищалъ также мотивы и характеръ погибшаго, и съ такимъ краснорѣчіемъ, что оно растрогало до слезъ не только публику, но даже каменныя сердца предсѣдателя и прокурора, и дѣлалъ это, подвергая себя опасности, такъ какъ юристовъ нельзя убѣдить, что *понимать* не значитъ еще быть соумышленникомъ, что состраданіе не есть еще соучастіе.

Но всѣ его усилія спасти юношей отъ суровой кары закона оказались тщетными. Судья, присоединяясь къ мнѣнію государственнаго прокурора, объявилъ, что для примѣра необходимо примѣнить самыя строгія мѣры: надо разъ на всегда положить конецъ стремленіямъ народа оказывать сопротивленіе государству, когда дѣло касается общественныхъ работъ. Полезныя, патріотическія предпріятія не должны задерживаться или погибать вслѣдствіе невѣжества, враждебнаго всякому прогрессу; такъ говорилъ королевскій адвокатъ, и его странная рѣчь содѣйствовала его карьерѣ. Всѣхъ тем-

ныхъ людей разослали по тюрьмамъ; дону Сильверіо разрѣшено было вернуться домой.

Когда онъ переходилъ долину Эдеры, направляясь къ Рушино, холодный сѣверный вѣтеръ дулъ съ Апеннинъ, осыпая снѣгомъ сѣрыя и желтыя скалы Абруццо. Ему казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ село, прошло уже цѣлое столѣтіе. Отъ ледяного вѣтра онъ дрожалъ въ своемъ плохенькомъ, старенькомъ пальто. Его силы надорвались отъ нравственныхъ и физическихъ страданій послѣднихъ шести мѣсяцевъ, хотя за все время у него не вырвалось ни одного слова жалобы. Какъ всѣ благородныя натуры, онъ обвинялъ себя за грѣхи другихъ. Донъ Сильверіо неустанно думалъ: нельзя ли было спасти Адона?

Когда онъ дошелъ до поворота, съ котораго открывался видъ на рѣку, онъ присѣлъ на камень и закрылъ глаза руками.

Ризничій, вышедшій ему на встрѣчу, привелъ съ собой его маленькую собачку; она постарѣла и исхудала.

— Я дѣлалъ все, что могъ, но она не хотѣла утѣшиться,— проговорилъ старикъ.

Какъ человѣкъ, принуждающій себя заглянуть въ лицо мертвецу, священникъ открылъ глаза и взглянулъ на Эдеру и поля Терры Верджины. Оливковыя деревья еще уцѣлѣли; на мѣстѣ же дома Адона торчалъ черный обгорѣлый остовъ безъ крыши; не вспаханныя, побѣлѣвшія отъ мороза поля были голыя.

— Преподобный отецъ, — проговорилъ ризничій въ полголоса,—когда Клелія Альба узнала, что Адонъ утонулъ, она подожгла свой домъ и въ немъ погибла. Говорятъ, будто она дала сыну слово поступить такъ.

— Я это знаю!—сказалъ донъ Сильверіо.

Вѣтеръ, проносившійся съ сѣвера, покрывалъ рѣку бѣлой пѣной и черными водоворотами у кустовъ засохшей осоки. Чаща акацій надъ Рушино была вырублена, трава исчезла подъ бревнами, желѣзомъ и камнями; верескъ измятъ, затоптанъ ногами, вездѣ виднѣлись кучи гравія и песку; обнаженная земля разверзалась, какъ свѣже-вырытая могила. Вдоль южнаго берега проложили временные рельсы; на нихъ стояло нѣсколько платформъ, нагруженныхъ кирпичами; на голомъ пыльномъ участкѣ выстроены были деревянные бараки для рабочихъ; вода рѣки все еще бѣжала, но вся картина носила характеръ той грязи, безпорядка и разрушенія, которыя сопровождаютъ современныя работы, оскорбляя изящный образъ природы.

— Здѣсь было триста человѣкъ, — сказалъ ризничій.

Теперь работы пріостановились вслѣдствіе морозовъ, но какъ только наступитъ тепло...

— Довольно, довольно! — перебилъ донъ Сильверіо; онъ всталъ и, не выпуская изъ рукъ собачки, пошелъ впередъ по знакомой дорогѣ.

— Тѣла его такъ и не нашли? — спросилъ онъ въ полголоса.

Старикъ покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, ваше преподобіе. Эдера назадъ не возвращаетъ. Онъ бросился въ самомъ глубокомъ мѣстѣ.

Когда священникъ проходилъ по улицѣ села, на ней не было ни души, кромѣ старой Джіаны. Старуха бросилась къ его ногамъ. Народъ высыпалъ на улицу, но не произнесъ ни слова привѣта. Память Адона чтилась ими, какъ святыня, а Адонъ сказалъ, что священникъ донесъ на нихъ. Одна женщина даже бросила камнемъ въ синьорино. Донъ Сильверіо прикрылъ собачку, и ударъ пришелся ему по рукѣ.

— Двадцать лѣтъ у меня не было другой мысли, кромѣ служенія этимъ людямъ!—думалъ онъ; но у него не вырвалось ни порицанія, ни упрека.

Женщины шипѣли ему въ слѣдъ:

— Іуда! Іуда!

Только нашелся одинъ, который запротестовалъ:

— Нѣтъ, господа, это стыдно. Развѣ вы забыли, что онъ дѣлалъ для насъ во время холеры? Правда, то было давно, а все же...

Но женщины не унимались:

— Онъ выдалъ нашихъ бѣдныхъ парней! Онъ привелъ солдатъ! Онъ продалъ рѣку!

Эти оскорбленія пробудили, наконецъ, его мужество и чувство собственнаго достоинства.

Онъ выпрямился, высоко поднялъ голову и прошелъ среди поносившей его толпы, благословляя ее.

Онъ вошелъ въ свою церковь.

— Онъ молится о душѣ Адона,—сказалъ ризничій.

Когда донъ Сильверіо направился къ дому, улица уже опустѣла, народъ устыдился своей неблагодарности. Наконецъ, священникъ переступилъ порогъ церковнаго дома. Засохшая виноградная лоза загораживала окно кабинета. Онъ сѣлъ на свое обычное мѣсто за столомъ, положивъ собачку на колѣни. Его глаза были влажны, на душѣ невыразимо тяжко; его энергія сломилась.

— Какъ я буду жить здѣсь?—подумалъ онъ. Все, что придавало жизни цѣну и скрашивало одиночество, исчезло. Даже прихожане отвернулись отъ него, подозрительные, неблагодарные, враждебные.

Старый ризничій, стоявшій въ нерѣшительности и смущеніи на порогѣ, подошелъ ближе и почтительно прикоснулся къ его рукѣ:

— Ваше преподобіе, здѣсь вамъ письмо, получено три дня тому назадъ.

Донъ Сильверіо протянулъ руку черезъ голову собачки и взялъ его.

Увидавъ печать и надпись онъ измѣнился въ лицѣ.

Наконецъ-то, Римъ вспомнилъ о немъ и оцѣнилъ его!

На послѣднемъ совѣщаніи папы онъ былъ назначенъ кардиналомъ.

КОНЕЦЪ.

Типы капиталистической и аграрной эволюціи.

V.

Въ Бреславлѣ догматическое направленіе марксизма одержало побѣду. Но эта побѣда была едва ли не Пирровой. По крайней мѣрѣ, „побѣжденные" не только не чувствовали себя нравственно побитыми, но, напротивъ, въ одинъ голосъ бодро предсказывали наступленіе того дня, когда „аграрная программа отпразднуетъ свое возрожденіе", и только желали, чтобы это не случилось „слишкомъ поздно"... Наоборотъ, „побѣдители" должны были вставить въ свою резолюцію слѣдующую характерную оговорку: „партейтагъ признаетъ, что сельское хозяйство подчиняется своимъ особымъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ развитія индустріи". Это была моральная побѣда Фольмара, впервые возставшаго противъ шаблоннаго уподобленія первыхъ послѣднимъ. Не смотря на видимое крушеніе его, дѣтища—аграрной программы,— онъ, какъ теоретикъ, могъ торжествовать, видя оффиціальное признаніе, даже противниками, справедливости основной идеи его франкфуртскаго реферата.

Такимъ образомъ, догматики отступали со своей старой теоретической позиціи. Имъ приходилось думать только о лучшемъ прикрытіи этого отступленія. Предстояло внести въ старые взгляды поправки, вытекающія изъ логики вещей, но внести ихъ не какъ прямыя поправки, а лишь какъ *оговорки* теоріи, и къ тому же по возможности ослабить ихъ силу, представивъ достаточное количество „оговорокъ къ оговоркамъ" *). Рѣшеніе этой задачи естественнымъ образомъ выпало на долю нынѣшнему теоретическому вождю марксистовъ-догматиковъ, Карлу Каутскому, „великому инквизитору догматизма", какъ его называла одна изъ рас-

---

*) Совершенно точно такъ же, какъ признаются сейчасъ «*Оговорки* матеріалистическаго пониманія исторіи» (см., напр., подъ этимъ заглавіемъ статью г. А. Дживелегова въ «Мірѣ Божьемъ», февраль нынѣшняго года).

пространеннѣйшихъ марксистскихъ газетъ, Лейпцигская „Volkszeitung“.

Съ этой точки зрѣнія и приходится оцѣнивать его книгу „Die Agrarfrage“, въ которой нѣкоторые ярые приверженцы склонны видѣть своего рода „великое явленіе“, etwas epochemachendes, какъ говорятъ нѣмцы—нѣчто, составляющее для марксизма въ области аграрнаго вопроса приблизительно то же, что „Капиталъ“ Маркса въ области вопросовъ индустріальной эволюціи. Эта книга должна, по ихъ мысли, вполнѣ пополнить тотъ пробѣлъ, которымъ является въ „Капиталѣ“ отсутствіе систематической разработки аграрнаго вопроса. Обратимся же къ этому новому „аграрному *Капиталу*“, предварительно отмѣтивъ, что самъ Каутскій, конечно, глядитъ на задачи и значеніе своего труда гораздо скромнѣе, хотя эта скромность не мѣшаетъ ему въ предположительной формѣ признать, что въ трудѣ его содержатся „новыя и плодотворныя идеи“, которыми онъ обязанъ прежде всего вліянію своихъ великихъ учителей—Маркса и Энгельса.

Трудъ Каутскаго, какъ мы замѣтили выше, имѣлъ цѣлью доказать, что факты аграрной эволюціи отнюдь не противорѣчатъ тому, что иронически называютъ „марксистской догмой“. Вполнѣ понятно, что для выполненія этой задачи прежде всего слѣдовало бы выяснить, что разумѣетъ Каутскій подъ этою „догмой“, какъ она исторически сложилась и что собою представляетъ въ своей окончательной формѣ; послѣ этого не трудно было бы рѣшить, съ одной стороны, есть ли у самого Маркса и Энгельса что нибудь общаго съ этою „догмой“, а съ другой стороны,—можно ли въ настоящее время, въ виду новыхъ фактовъ жизни, удержать эту „догму“ въ сколько нибудь полномъ и неизмѣненномъ видѣ.

Но такая постановка вопроса была бы невыгодна Каутскому, и онъ ея не дѣлаетъ, сознательно или безсознательно—вопросъ посторонній, который насъ здѣсь мало интересуетъ. Во всякомъ случаѣ книга Каутскаго представляетъ собою капитуляцію по многимъ пунктамъ передъ напоромъ позднѣйшей критики, но всякій разъ капитуляцію замаскированную, скрытую, недостаточно явную. Когда Каутскій дѣлаетъ ту или другую уступку критическому направленію, онъ обычно очень глухо упоминаетъ, что то или другое „часто встрѣчаемое“ или „распространенное“ мнѣніе—невѣрно и подлежитъ такимъ-то и такимъ-то поправкамъ и оговоркамъ. Всѣ такія уступки дѣлаются двумя-тремя бѣглыми фразами, разбросанными въ различныхъ частяхъ книги, затерянными среди цѣлыхъ страницъ защиты собственныхъ мнѣній Каутскаго и опроверженія мнѣній противниковъ. Человѣку, незнакомому съ идейной исторіей марксизма, легко совсѣмъ не обратить вниманія на эти „оговорки“, совсѣмъ не оцѣнить ихъ значенія, а потому и заключить послѣ прочтенія книги Каутскаго съ легкимъ сердцемъ, что область аграрныхъ отношеній только лишній разъ самымъ

блестящимъ образомъ подтверждаетъ глубокую научную силу „догмы".

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 132 его книги мы читаемъ: „Статистика показываетъ, что того быстраго исчезновенія мелкаго земледѣльческаго производства передъ напоромъ крупнаго—исчезновенія, котораго, по образцу Англіи, ожидали или опасались также и на континентѣ, съ тѣхъ поръ какъ капитализмъ проложилъ себѣ тамъ широкую дорогу, слѣдовательно, приблизительно, съ пятидесятыхъ годовъ — въ дѣйствительности не наступило. Скорѣе замѣчается мѣстами тенденція къ росту мелкихъ предпріятій по величинѣ занимаемой ими территоріи". Кто заключитъ по этой фразѣ, что рѣчь идетъ объ ошибкѣ, занимавшей, какъ мы видѣли, центральное мѣсто въ „Grund-und Bodenfrage" Либкнехта и встрѣчающейся даже у Маркса и Энгельса, особенно въ знаменитомъ коллективномъ ихъ трудѣ—„Манифестѣ" 1847 года?

Или другой примѣръ. Указывая на быстрый ростъ крупныхъ американскихъ фермъ, Каутскій оговаривается: „Однако, хотя въ Америкѣ до сихъ поръ сельскохозяйственная эволюція шла быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ, и хотя она болѣе благопріятствовала крупнымъ хозяйствамъ, чѣмъ принято по общему правилу объ этомъ думать — и здѣсь о *вытѣсненіи* мелкихъ хозяйствъ крупными не можетъ быть и рѣчи" *). Кто догадается, что эта мимоходомъ сдѣланная „оговорка" имѣетъ въ виду прямо противоположное утвержденіе Энгельса, который въ 1882 г. писалъ: „мелкая и средняя собственность самостоятельно трудящихся фермеровъ, основа всего политическаго строя Америки, все болѣе и болѣе гибнетъ подъ напоромъ конкурренціи фермъ-гигантовъ" **); кто догадается, что рѣчь идетъ объ очень популярномъ воззрѣніи среди марксистовъ-догматиковъ?

Кто, наконецъ, догадается, кого собственно имѣетъ въ виду другая характерная оговорка Каутскаго: „цифры... на первый взглядъ свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что эволюція (сельскаго хозяйства) идетъ не такъ просто, *какъ это до сихъ поръ предполагалось,* и что этотъ процессъ, очевидно, въ земледѣліи *сложнѣе и запутаннѣе* (komplizirter), чѣмъ въ индустріи" ***).

Не зная исторіи развитія марксистскихъ воззрѣній въ области аграрныхъ отношеній, изъ всѣхъ этихъ отрывковъ можно лишь заключить, что Каутскій, вѣрный защитникъ „догмы", разсѣиваетъ популярныя заблужденія и проливаетъ истинный свѣтъ на существо аграрной эволюціи, которую кто-то—быть можетъ, именно враги „догмы", — понимаютъ превратно. Вотъ и все. Никто и не заподозритъ, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Каутскій уступаетъ

---

*) «Die Agrarfrage», von K. Kautsky, Stutgardt 1899, s. 135.

**) Въ предисловіи къ «Манифесту».

***) «Die Agrarfrage», s. 137. Курсивъ нашъ.

передъ напоромъ критики и отступаетъ отъ взглядовъ, которымъ не всегда былъ чуждъ и самъ Марксъ, не говоря уже объ Энгельсѣ или Либкнехтѣ.

Но довольно объ этомъ. Если въ своемъ трудѣ Каутскій еще пытался замаскировать отступленіе марксизма съ его первоначальныхъ теоретическихъ позицій, то позднѣе, въ разгарѣ споровъ изъ за вопросовъ, поднятыхъ Бернштейномъ, онъ долженъ былъ сдѣлать нѣсколько очень существенныхъ и откровенныхъ признаній. „Съ другой стороны — говорилъ онъ на Штутгардскомъ партейтагѣ—я признаю, что аграрныя отношенія не развиваются по тому же самому шаблону, что и индустріальныя. Я признаю также, что въ то время, когда мы вырабатывали Эрфуртскую программу *), мы въ аграрныхъ вопросахъ *думали во многомъ по иному,* чѣмъ теперь. Съ тѣхъ поръ добыто множество статистическаго матеріала, да и обстоятельства съ тѣхъ поръ такъ перемѣнились, что мы *должны во многомъ думать иначе, чѣмъ раньше...* Для насъ въ этомъ нѣтъ ничего постыднаго, напротивъ, слѣдуетъ отнести къ чести нашей тотъ фактъ, что мы считаемся съ измѣненіями въ обстоятельствахъ, и я говорю совершенно открыто: если бы намъ приходилось нынче съизнова сочинять Эрфуртскую программу, то, вѣроятно, я *въ отношеніи къ аграрному вопросу предложилъ бы иную форму*"... Послѣ такихъ признаній со стороны духовнаго отца Эрфуртской программы доказывать далѣе, что догматическій марксизмъ въ области аграрныхъ вопросовъ сбитъ съ позиціи, — значило бы стучаться въ открытую дверь.

Согласно „догмѣ“ въ области аграрной, какъ и въ индустріальной, только неизбѣжное развитіе капитализма создаетъ всѣ необходимыя предпосылки высшей хозяйственной формаціи, быстро уничтожая вмѣстѣ съ мелкимъ, раздробленнымъ производствомъ узкій индивидуализмъ и подготовляя человѣчество къ кооперативному труду въ широчайшихъ размѣрахъ, расчищая дорогу современнымъ, раціональнымъ методамъ производства и „обобществляя“ трудъ. Теперь, однако, Каутскій вынужденъ признать, что мелкое и среднее крестьянство проявило извѣстную жизненность, которой не ожидали теоретики и практики марксизма, а крупное капиталистическое сельское хозяйство, напротивъ, не проявило всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыя ему охотно приписывались. Каутскому приходится лишь ослабить значеніе этого вынужденнаго признанія и дать такое объясненіе ошибкѣ, которое бы стояло въ возможно менѣе рѣзкомъ противорѣчіи съ общимъ характеромъ „догмы“. Это онъ и пытается далѣе сдѣлать, не безъ искусства, но нельзя сказать, чтобы съ большимъ успѣхомъ.

---

*) Слѣдовательно, еще въ 1891 году.

Первый аргументъ Каутскаго заключается въ слѣдующемъ. Когда многіе политико-экономы самыхъ различныхъ временъ и націй,—напримѣръ, Адамъ Смитъ, Рудольфъ Мейеръ, Зомбартъ и др.—указываютъ на то, что крупные землевладѣльцы рѣдко фигурируютъ въ качествѣ прогрессивныхъ факторовъ эволюціи сельскаго хозяйства, то при этомъ обычно смѣшиваютъ двѣ вещи: *современное* капиталистическое крупное хозяйство и пережитки стараго докапиталистическаго, полуфеодальнаго. Въ разрушеніи послѣдняго видятъ доказательство нежизнеспособности перваго. Временное преходящее явленіе возводятъ въ рангъ общаго и постояннаго. Такъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки указываютъ на цифры, свидѣтельствующія о постоянномъ пониженіи средней величины фермъ съ 1850 до 1880 года. Но причина этого очень проста: она заключается въ распаденіи огромныхъ плантацій юга послѣ освобожденія негровъ. „Въ такихъ цифрахъ ни одинъ понимающій дѣло человѣкъ не увидитъ побѣды мелкаго производства надъ *современнымъ* (курсивъ подлинника) крупнымъ производствомъ". Напротивъ, вездѣ, „гдѣ въ Америкѣ идетъ впередъ *современное* сельское хозяйство—крупныя предпріятія быстро ростутъ по величинѣ занимаемой ими площади *). Когда указываютъ на недостатки крупнаго сельскаго хозяйства, то, въ сущности, обычно попадаютъ совсѣмъ не въ ту цѣль: „не въ капиталистическое крупное хозяйство, а въ феодальное латифундное". Дѣло вотъ въ чемъ: въ силу историческихъ условій, нынѣшніе крупные землевладѣльцы сдѣлались не кореннымъ деревенскимъ классомъ—каково крестьянство,—а въ сущности „городскимъ сословіемъ, съ городскими вкусами и привычками". И образованіе, которое они получаютъ—„не солидное агрономическое или коммерческое; для этого, не смотря на свой городской обликъ, землевладѣніе еще слишкомъ погрязаетъ въ тинѣ феодальныхъ традицій. Дворъ и армія—вотъ образовательныя учрежденія, которыя формируютъ юныхъ отпрысковъ крупнаго землевладѣнія. И вотъ, когда случайность рожденія превращаетъ внезапно въ сельскаго хозяина такого молодца, образованіе котораго проходило на скачкахъ, бѣгахъ, да въ модныхъ ресторанахъ и въ крайнемъ случаѣ сдѣлало изъ него знатока винъ и лошадей,—то понятно, что въ немъ мы находимъ мало подходящаго человѣка для того, чтобы практически демонстрировать превосходство крупнаго хозяйства надъ мелкимъ. И, однако, его крупное помѣстье, въ случаѣ если земельная рента растетъ, можетъ въ теченіе долгаго времени поддерживать его существованіе, какъ крупнаго хозяина, пока онъ, наконецъ, не обанкрутится". Нельзя же изъ наблюденія такого рода фактовъ рѣшать общій вопросъ

---

*) Ф. О. Герцъ хорошо показалъ ошибочность и этого утвержденія Каутскаго. Но пока мы условно принимаемъ его совершенно правильнымъ.

объ исторической роли крупнаго производства, для веденія котораго особенно нужна и общая интеллигентность, и спеціальное образованіе.

Этотъ аргутентъ кажется Каутскому чрезвычайно важнымъ, и онъ возвращается къ нему нѣсколько разъ (см., напр., стр. 130, 133, 134, 196 etc.). Въ основѣ своей онъ заключаетъ ту несомнѣнную истину, что если мы желаемъ оцѣнить, какое значеніе для сельскаго хозяйства имѣютъ тѣ или другіе его размѣры, то мы не можемъ просто сравнивать конкретныя хозяйства или группы хозяйствъ различныхъ размѣровъ, ибо въ конкретной дѣйствительности вліяніе размѣровъ хозяйства постоянно осложняется массой постороннихъ вліяній, затемняющихъ его дѣйствіе. Но Каутскому нужно знать не только вліяніе *размѣровъ* хозяйства, ему нужно изслѣдовать роль *капиталистическаго* хозяйства крупныхъ размѣровъ. Чтобы устранить при этомъ вліяніе историческихъ традицій, онъ предлагаетъ намъ обращать вниманіе лишь на вполнѣ *современныя* крупныя хозяйства, слѣдовательно,—на поставленныя наиболѣе раціонально. Но вѣдь такихъ хозяйствъ меньшинство? Пусть такъ; устранить, скинуть со счетовъ большинство крупныхъ хозяйствъ всетаки несомнѣнное право Каутскаго,—но только въ томъ случаѣ, если онъ *выдержитъ тотъ же пріемъ и по отношенію къ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствамъ*. Пусть, говоря о крестьянскомъ хозяйствѣ, онъ также не забываетъ, что и на немъ тяготѣютъ старыя историческія традиціи крѣпостного права и феодализма: подавленность иниціативы, слѣпой консерватизмъ, отсутствіе образованія. Пусть и здѣсь онъ принимаетъ въ разсчетъ только *современное*, освободившееся отъ старыхъ традицій крестьянское хозяйство; его представители также окажутся въ ничтожномъ меньшинствѣ, но пусть онъ этимъ не смущается, точно такъ же, какъ не смущался малочисленностью *современныхъ* капиталистическихъ хозяйствъ въ общей массѣ традиціонныхъ, отмѣченныхъ печатью феодальной рутины...

Но тутъ-то и заключается ахиллесова пята аргументаціи Каутскаго. Онъ забываетъ, что его аргументъ—палка о двухъ концахъ. Сравнивая мелкое хозяйство съ крупнымъ, онъ первое мѣряетъ однимъ аршиномъ, второе—другимъ. Онъ хочетъ противополагать *среднему, рутинному* крестьянскому хозяйству *современное*, т. е. *передовое* капиталистическое. Пріемъ для извѣстныхъ полемическихъ цѣлей, конечно, очень удобный, но съ научнымъ безпристрастіемъ ничего общаго не имѣющій.

Нѣтъ ничего легче, какъ обратить этотъ пріемъ противъ Каутскаго. Его картинамъ жалкаго положенія мелкаго хозяйства можно противопоставить яркія картины процвѣтанія передовыхъ—„современныхъ“ мелкихъ хозяйствъ, вродѣ тѣхъ, которыя рисуетъ д-ръ Морицъ Гехтъ въ своей книгѣ „Drei Dörfer der Badichen

Hard" *). Три села, описываемыя имъ — Гагсфельдъ, Бланкенлохъ и Фридрихсталь, это — типичныя села Zwergbauer'овъ, карликовыхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Средняя площадь поля, принадлежащаго крестьянской семьѣ изъ 5—7 человѣкъ, въ Гагсфельдѣ равняется 2 гектарамъ, въ Бланкенлохѣ—$2^1/_2$, въ Фридрихсталѣ даже 1,8 гект. Сколько нибудь замѣтной дифференціаціи въ предѣлахъ этихъ среднихъ цифръ не существуетъ. Самый крупный землевладѣлецъ—единственный въ своемъ родѣ—живетъ въ Бланкенлохѣ и владѣетъ всего... девятью гектарами. Отъ 4 до 6 гектаровъ во всѣхъ трехъ селахъ вмѣстѣ имѣютъ лишь 18 семей; всѣ остальныя имѣютъ меньше. Посредствомъ аренды нѣкоторые крестьяне еще увеличиваютъ площадь своего поля на $^1/_2$—1 гектаръ. Совсѣмъ не имѣютъ земли въ Гагсфельдѣ 14 человѣкъ, въ Бланкенлохѣ 7, въ Фридрихсталѣ 8 человѣкъ. Въ первомъ селеніи многія семьи соединяютъ земледѣліе съ индустріей; 300—400 рабочихъ заняты наемнымъ трудомъ въ сосѣдней столицѣ Бадена Карльсруэ и только 9 семей живутъ исключительно земледѣліемъ; въ Бланкенлохѣ изъ 1684 жителей лишь 103 человѣка (изъ нихъ лишь трое женатыхъ) заняты въ городской индустріи, и, наконецъ, Фридрихсталь является ужъ чисто земледѣльческимъ, крестьянскимъ селеніемъ. Почвенныя условія для этихъ селъ довольно неблагопріятны: почва въ нихъ легкая, песчаная, съ подпочвой рейнскаго гравія, такъ что фруктовыя деревья не могутъ привиться; безъ сильнаго ежегоднаго удобренія сколько нибудь хорошая и продолжительная урожайность совершенно немыслима.

Можно было бы подумать—особенно, если мыслить шаблонами,—что жители этихъ деревень—несчастнѣйшіе въ мірѣ люди, вынужденные влачить жалкое существованіе въ грязи и нищетѣ, наканунѣ окончательной агоніи. Но обойдите жилища этихъ Zwergbauer'овъ, и вы увидите нѣчто неожиданное. Въ Фридрихсталѣ и Гагсфельдѣ у каждой семьи вы найдете, такъ называемую, „чистую комнату", въ которую не впускаютъ ребятъ и въ которую самъ крестьянинъ въ обычное время, въ будни, входитъ не иначе, какъ въ чулкахъ. Въ Бланкенлохѣ такая роскошь представляетъ еще сравнительную рѣдкость. Убранство этой „чистой комнаты" состоитъ прежде всего всюду въ мягкомъ диванѣ. Передъ диваномъ обычно овальный столъ съ точеными ножками; убранство дополняется лампой, зеркаломъ, альбомомъ съ фотографіями, какими нибудь бездѣлушками. Не рѣдкость и ковры. На всѣхъ окнахъ вы увидите чистенкія занавѣски. Въ Гагсфельдѣ и Фридрихсталѣ, какъ общее правило, вы найдете оклеенныя обоями стѣны; въ Бланкенлохѣ ихъ предпочитаютъ окрашивать бѣлой или голубою краской. Чтобы

*) Такъ и поступаетъ въ своей критикѣ Каутскаго Эд. Давидъ («Bäuerliche Barbaren» S. Monatshefte 1899, II) или F. O. Hertz («Die Agrar. Fragen, s. 68).

довершить картину, остается сказать, что карманные часы и золотыя вѣнчальныя кольца почти что въ общемъ употребленіи; что почти всякій стоитъ въ какихъ либо отношеніяхъ съ горожанами, обзаводится визитными карточками, и что, напримѣръ, подъ Новый годъ въ одномъ Бланкенлохѣ было куплено въ 1894 г. 1200 трехъ-пфенинговыхъ марокъ для разсылки поздравленій... Эти мелочи особенно рельефно рисуютъ уровень благосостоянія жителей. А вотъ и цифры, характеризующія болѣе существенную сторону этого благосостоянія. Во всѣхъ трехъ селахъ ежегодно потребляется 670 доппельцентнеровъ сахара, стоимостью въ 45—50 тыс. марокъ, т. е. 17 килограммовъ на жителя, противъ 8,2 килогр. средняго потребленія въ Германіи; 145 доппельцентн. кофе, стоимостью около 60 тыс. мар., 3,5 килогр. на жителя противъ 2,41 средняго по Германіи. Болѣе богатыя семьи ѣдятъ 5—6 разъ въ недѣлю мясо, болѣе бѣдныя—3—4 раза и т. д.

Другія цифры и данныя намекнутъ намъ и на важнѣйшія условія такого необычайнаго, въ особенности на русскій аршинъ, благосостоянія этихъ „малоземельныхъ крестьянъ“. Прежде всего, образовательный уровень селъ стоитъ довольно высоко. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ фактъ, что въ одномъ лишь маленькомъ Фридрихсталѣ получается въ недѣлю 76 политическихъ газетъ; получаются и всевозможныя другія изданія, напр., спеціальныя сельскохозяйственныя: „Landwirtschaffliche Wochenblatt“ „Tabakzeitung“, „Practischer Wegweiser“ и т. п. Затѣмъ интересно отмѣтить роль коопераціи въ хозяйственной жизни этихъ селъ. Особенно интересны разнообразныя и широкія функціи потребительныхъ товариществъ. Они закупаютъ не только продукты для личнаго потребленія сочленовъ, но и для такъ назыв. производительнаго потребленія; и закупаютъ не только для перепродажи отдѣльнымъ членамъ товарищества, а и для ихъ общаго пользованія. Закупка и утилизація сельскохозяйственныхъ машинъ, орудій, удобренія и т. п. — все это входитъ въ кругъ вѣдѣнія потребительныхъ товариществъ. Такъ, напр., въ Бланкенлохѣ потребительное общество владѣетъ зерноочистительной машиной, которою пользуются всѣ сочлены; на томъ же основаніи существуетъ пользованіе луговой бороной и т. п. Примѣненіе искусственнаго удобренія стоитъ ежегодно для Гагсфельда 1000 марокъ, для Бланкенлоха и Фридрихсталя по 3000; закупается—опять таки черезъ потребительное товарищество—гуано, калисуперфосфатъ и др. удобрительныя вещества; калисуперфосфатъ особенно усиленно примѣняется къ удобренію луговъ, и сообща предпринимаются оросительныя работы. По иниціативѣ потребительнаго товарищества приглашаются странствующіе сельскохозяйственные лекторы, предпринимаются новые опыты и т. п. Въ Фридрихсталѣ, опять таки по иниціативѣ мѣстнаго потребительнаго товарищества, основана кооперативная молочная, въ

которой ежедневно перерабатывается 700—800 литровъ молока въ масло и сыры.

При такихъ условіяхъ понятна и высокая производительность труда въ этихъ селахъ. Средній урожай зерновыхъ хлѣбовъ въ Гагсфельдѣ и Бланкенлохѣ равняется 20—23 доппельцентн. на гектаръ, а въ Фридрихсталѣ даже 25—28 допп., тогда какъ средняя цифра по Германіи для разныхъ сортовъ зерновыхъ хлѣбовъ колеблется отъ 10,5 допп. (рожь) до 14 допп. (пшеница). Сѣна въ трехъ селахъ получается обычно 50—60 допп. на гектаръ, а при искусственномъ орошеніи эта цифра подымается до 60—70 допп., тогда какъ средняя по Германіи равняется всего 28 допп. Средній сборъ картофеля съ гектара равняется въ трехъ селахъ 120 допп., а въ лучшіе годы подымается даже до 150—160 допп., при средней цифрѣ для Германіи за 1885—1894 гг., въ 87,8 допп. Различіе довольно солидное!

Какъ справедливо замѣчаетъ Max May *), нельзя, конечно, по аналогіи съ нѣсколькими исключительными явленіями распространять какіе нибудь рѣшительные выводы на явленія массовыя. Такіе блестящіе образчики состоянія мелкаго хозяйства, какъ три описанныхъ Гехтомъ села, сравнительно крайне рѣдки, и a priori заключать, что и для массы другихъ селъ легко достижимъ тотъ же уровень развитія, какъ и для нихъ—было бы болѣе чѣмъ неосторожно. Но мы не для этого и приводимъ нашъ примѣръ. Мы хотимъ только показать, какъ легко аргументировать à la Каутскій въ самомъ противоположномъ его идеямъ духѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ набрать цѣлый букетъ примѣровъ въ духѣ вышеприведеннаго **) и съ торжествомъ сказать: „тамъ, гдѣ повидимому падаетъ мелкое хозяйство, падаетъ въ сущности только старый, отжившій типъ допотопнаго, полуфеодальнаго мелкаго хозяйства, а вовсе не *современное* мелкое хозяйство, которое, напротивъ, ростетъ, процвѣтаетъ и далеко оставляетъ за собой, въ смыслѣ производительности, крупное сельское хозяйство, которое держится, главнымъ образомъ, благодаря старымъ феодальнымъ привилегіямъ“. Такой выводъ будетъ по меньшей мѣрѣ столь же

---

*) «In Anlehung an Kautsky's Buch «Die Agrarfrage» Schweiz, Blätter für Wirtschafts-und Sozialpolitik», 1893, Heft 14.

**) Въ книгѣ Герца дѣйствительно приводится цѣлый рядъ данныхъ о большей производительности мелкихъ хозяйствъ сравнительно съ крупными (стр. 66—72) и о повышеніи благосостоянія мелкихъ крестьянъ (стр. 76—79). Послѣднія данныя на первый взглядъ даже сильно отдаютъ благодушнымъ оптимизмомъ, не совсѣмъ понятнымъ въ устахъ представителя того направленія, къ которому принадлежитъ Герцъ. Впрочемъ, не надо забывать, что бѣдность есть понятіе относительное. Сравненіе нынѣшняго положенія крестьянъ съ ихъ прежнимъ положеніемъ даетъ односторонніе результаты. Необходимо принять во вниманіе исторически-неизбѣжный при развитіи культуры ростъ *потребностей* и отношеніе роста внѣшняго благосостоянія къ этому послѣднему росту.

основателенъ, какъ и противоположный выводъ Каутскаго. Словомъ, подобнымъ методомъ можно доказать все, что угодно.

Такою же „палкою о двухъ концахъ“ оказываются и многіе другіе аргументы К. Каутскаго. Такъ, онъ говоритъ: „чѣмъ болѣе обостряется классовая борьба.., тѣмъ болѣе склонны дѣлаются всѣ правительства дать возможность экономически излишнимъ мелкимъ хозяйствамъ поддерживать болѣе или менѣе паразитическое существованіе за счетъ общества. Процессъ ихъ исчезновенія, конечно, посредствомъ этого можетъ быть замедленъ; къ тому же результату, далѣе, могутъ вести уже однѣ надежды, пробужденныя всевозможными мѣропріятіями, и обѣщанія правительствъ, побуждающія мелкихъ хозяевъ продолжать и впредь ту безнадежную борьбу за существованіе, отъ которой въ противномъ случаѣ они давно бы отказались. Однако, ни одинъ разумный человѣкъ не можетъ видѣть въ этомъ опроверженія марксистской „догмы“, которая говоритъ только объ *экономическихъ* тенденціяхъ“ *).

Этотъ аргументъ Каутскаго опять-таки заключаетъ въ себѣ нѣкоторое здоровое зерно. Несомнѣнно, что поскольку мы говоримъ о чисто-хозяйственной борьбѣ крупнаго капиталистическаго производства съ мелкимъ трудовымъ и о тенденціяхъ, проявляющихся въ этой борьбѣ — постольку мы должны выдѣлять въ наблюдаемой нами дѣйствительности всѣ слѣды постороннихъ, неэкономическихъ вліяній, осложняющихъ и затемняющихъ дѣйствіе хозяйственныхъ тенденцій. Только въ такомъ случаѣ и возможно рѣшить задачу въ ея чистомъ видѣ, устранивъ всякое вторженіе чуждыхъ элементовъ. Но что будетъ, если мы произведемъ такое устраненіе односторонне, если мы будемъ систематически устранять лишь тѣ изъ этихъ тенденцій, которыя дѣйствуютъ въ одну опредѣленную сторону, столь же систематически не трогая противоположныхъ? Само собой разумѣется, что мы въ этомъ случаѣ только усугубимъ величину ошибки, которую пришлось бы сдѣлать, если бы мы вовсе не прибѣгали къ процессу отвлеченія и, не мудрствуя лукаво, рѣшали абстрактные вопросы наивно эмпирически. А между тѣмъ, именно такъ и поступаетъ Каутскій. Въ приведенной нами его аргументаціи заключается самая тенденціозная односторонность. Какъ раньше онъ желалъ сравнивать передовое капиталистическое земледѣліе съ обычнымъ, рутиннымъ крестьянскимъ, такъ и здѣсь неожиданную жизнеспособность мелкаго хозяйства сравнительно съ крупнымъ онъ хочетъ отнести въ значительной мѣрѣ на счетъ внѣэкономическихъ факторовъ; онъ какъ будто не замѣчаетъ, что всюду—а особенно въ области сельскаго хозяйства—внѣэкономическая сила чаще всего и больше всего беретъ подъ свою защиту интересы крупнаго хозяйства

*) «Die Agrarfrage», ss. 139—140.

противъ мелкаго, а не наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, современная экономическая политика большинства государствъ такъ изобилуетъ всевозможными мѣрами въ защиту крупныхъ сельскихъ хозяевъ, аграріевъ, что едва ли представляется необходимость въ подробномъ развитіи и доказательствѣ этого положенія. То доминирующее вліяніе, которое при современномъ порядкѣ вещей принадлежитъ крупному землевладѣнію и капиталу, представляетъ „достаточное основаніе" такому, а не иному направленію господствующей хозяйственной политики. Крупное землевладѣніе и капиталъ имѣютъ возможность прямо диктовать современному государству эту политику, и такъ происходитъ далеко не со вчерашняго дня. И если бы скинуть со счетовъ все это вмѣшательство внѣэкономическихъ силъ въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ и хозяевъ; если въ вѣковой борьбѣ капиталистическаго, крупнаго землевладѣнія и земледѣлія съ мелкимъ трудовымъ хозяйствомъ вычеркнуть всѣ тѣ завоеванія перваго у послѣдняго, которыя совершены внѣэкономическими средствами—то, конечно, поднялись бы фонды отнюдь не сельско-хозяйственнаго капитализма, а именно мелкаго трудового земледѣлія. То же, хотя въ болѣе слабой степени, приходится сказать и о мелкомъ (кустарномъ) производствѣ въ области индустріи.

Дальнѣйшую защиту „догмы" Каутскій ведетъ слѣдующимъ образомъ. Если марксистская теорія утверждала, что во всѣхъ отрасляхъ производства крупныя капиталистическія хозяйства будутъ побѣждать мелкія, то, въ сущности, она была совершенно права. Ни факты земледѣльческой эволюціи, ни какіе либо другіе факты нисколько этому не противорѣчатъ. Капитализмъ, дѣйствительно, разрушаетъ мелкія хозяйства; его побѣда надъ ними сказывается въ томъ, что онъ дѣлаетъ ихъ *экономически излишними*. Но это не значитъ, что фактически они должны исчезнуть. При *нормальныхъ* условіяхъ, правда, оно такъ бы и было; но мелкое производство спасается тѣмъ, что продолжаетъ существовать при самыхъ *не нормальныхъ* условіяхъ. Хроническое недоѣданіе и чрезмѣрный трудъ—вотъ тотъ новый факторъ, который врывается въ борьбу мелкаго производства съ крупнымъ за существованіе и удерживаетъ чашку вѣсовъ въ равновѣсіи, парализуя дѣйствіе другихъ факторовъ, которые иначе дали бы рѣшительный перевѣсъ крупному хозяйству *).

И здѣсь дѣло не обходится безъ односторонности. Въ самомъ

*) «Aber auch auf jenen Gebieten, deren sich die Maschine bemächtigt hat, muss das Vordringen der Grossindustrie nicht nothwendig zu einem Verschwinden der kleinen Betrieben führen. Sie ruinirt diese, sie macht sie ökonomisch überflüssig, aber es ist unglaublich, welche Zähigkeit derartige überflüssige Existenzen entfalten können. Hunger und Ueberarbeit verlängern ihren Todeskampf aufs Aeusserste». («Die Agrarfrage», s. 138). См. также цѣлую главу «Ueberarbeit und Unterconsumbtion im Kleinbertrieb» ss. 106—116.

дѣлѣ, нисколько не отрицая тяжелаго положенія мелкихъ земледѣльцевъ, связаннаго нерѣдко и съ голоданьемъ, и съ чрезмѣрной работой, мы только зададимъ вопросъ: не употребляетъ ли и крупное хозяйства аналогичнаго орудія борьбы въ своей конкурренціи съ мелкимъ? Развѣ не доказали всѣ, рѣшительно всѣ изслѣдованія, что самымъ продолжительнымъ является рабочій день именно сельскаго пролетарія, что самой низкой является опять таки заработная плата батрака? Развѣ мы не знаемъ, что сплошь и рядомъ крупное имѣніе основываетъ всю свою доходность на томъ, что обезпечиваетъ себя рабочими, которыхъ привязываютъ къ мѣсту данные имъ жалкіе клочки земли и которые, живя обработкой этихъ клочковъ, глядятъ на работу по найму лишь какъ на вспомогательный доходъ, а потому соглашаются работать за голодныя цѣны? Помѣщики, законтрактовывающіе рабочихъ изъ голодающихъ мѣстностей или пользующіеся рабочими другихъ странъ и національностей, привыкшихъ къ болѣе низкому уровню потребностей,—иногда даже рабочими низшихъ человѣческихъ расъ — тоже прекрасно знаютъ, какъ много значитъ чрезмѣрный трудъ и низкій уровень потребностей рабочаго, особенно въ нынѣшнее трудное время сельскохозяйственнаго кризиса. Напомнимъ для Каутскаго рѣшительное утвержденіе его учителя, К. Маркса, что сельско-хозяйственный пролетарій „всегда одной ногой стоитъ въ болотѣ пауперизма". Достаточно, впрочемъ, учесть значеніе одного того факта, что сельско-хозяйственный пролетарій, обычно находящій занятіе лишь въ теченіе нѣкоторой части года (рабочій сезонъ) и вынужденный жить въ теченіе цѣлаго года на этотъ временный заработокъ,—получаетъ мѣсячную плату низшую, чѣмъ въ какой либо другой отрасли производства, даже изъ тѣхъ, гдѣ заработокъ круглый годъ постоянный. Комментаріи излишни... Тамъ, гдѣ чрезмѣрный трудъ и недоѣданье составляютъ оружіе пассивной самообороны земледѣльца отъ захватовъ крупнаго капитала,—оружіе это вовсе не является гирей, бросаемой лишь на одну чашку вѣсовъ. Нѣтъ, на противоположной чашкѣ лежитъ такая же точно гиря, и если всетаки вѣсы не склоняются на сторону концентраціи землевладѣнія, то этому должны быть еще какія нибудь иныя причины. Если мелкое, трудовое крестьянское земледѣліе, не смотря на давленіе капитализма, всетаки держится и даже растетъ, то на его сторонѣ должны быть какія-то особыя, своеобразныя выгоды, которыми не обладаютъ крупныя капиталистическія хозяйства.

Но, можетъ быть, ростъ и развитіе мелкаго хозяйства представляютъ просто обманчивую видимость? Каутскій не упускаетъ случая заронить въ умъ читателя и такого рода сомнѣніе. Способъ у него подъ руками былъ легкій. Еще въ „Grund-und Bodenfrage" Либкнехта указывалось, что парцеллированіе крестьянскихъ владѣній, связанное съ внѣшнимъ ростомъ числа хозяйствъ, на

дѣлѣ представляетъ собой своеобразный способъ ликвидаціи мелкаго хозяйства: постепенное дробленіе уничтожаетъ его, превращаетъ мелкое землевладѣніе „въ пыль". Односторонность и недостаточность этого объясненія теперь, однако, общепризнаны. Дробленіе хозяйствъ, дѣйствительно, происходитъ, оно часто переходитъ всякую разумную хозяйственную границу—это фактъ. Но вѣдь мелкое хозяйство на континентѣ, согласно признанію Каутскаго, часто растетъ не только по числу хозяйствъ, но и „по пространству занимаемой имъ площади" *). А это послѣднее обстоятельство плохо мирится съ попыткой представить внѣшній ростъ числа хозяйствъ, какъ просто обманчивую оболочку совершенно противоположнаго явленія—хозяйственной ликвидаціи. Во вторыхъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ дробленіе хозяйствъ имѣетъ подъ собой и разумную основу. Тамъ, гдѣ земледѣліе становится все болѣе и болѣе интенсивнымъ, на единицу пространства приходится затрачивать все больше и больше труда и капитала. Тѣмъ самымъ нормальные размѣры трудового крестьянскаго хозяйства могутъ и должны съуживаться. „Карликовое" земледѣліе крестьянъ Бланкенлоха или Фридрихсталя дальше отъ ликвидаціи, чѣмъ масса болѣе крупныхъ, но менѣе интенсивныхъ хозяйствъ. Впрочемъ, подробнѣе намъ придется еще говорить объ этомъ ниже.

Что прямо отожествлять дробленіе хозяйствъ съ ихъ упадкомъ еще нельзя, и что такимъ дробленіемъ нельзя объяснить роста мелкаго земледѣлія—это Каутскому извѣстно. И вотъ онъ пробуетъ подойти къ дѣлу съ другой стороны. Ростъ мелкаго производства можетъ иногда быть обманчивой видимостью по слѣдующей причинѣ. „Крупное производство не появляется разомъ во всѣхъ отрасляхъ производства, но завоевываетъ ихъ одну за другой. Гдѣ оно достигаетъ господства, тамъ оно вытѣсняетъ мелкія предпріятія; но это еще вовсе не значитъ, чтобы всѣ мелкіе хозяева должны были превратится въ наемныхъ рабочихъ. Они просто обращаются къ занятіямъ и профессіямъ другого рода, въ которыхъ капиталъ еще не пріобрѣлъ господства, и переполняютъ ихъ. Но именно этимъ способомъ капиталистическая конкурренція производитъ свою разрушительную работу и въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ еще не господствуетъ крупная индустрія. Этотъ процессъ совершается, однако, не въ формѣ всеобщаго *уменьшенія* мелкихъ хозяйствъ; напротивъ, мѣстами онъ ведетъ даже къ увеличенію числа послѣднихъ, такъ что, если судить исключительно по голымъ статистическимъ цифрамъ, можно подумать, что мелкое производство тамъ испытываетъ особенный подъемъ... Но кто знаетъ соціальныя отношенія, кроющіяся глубоко подъ этими цифрами, тотъ никоимъ образомъ не сможетъ

*) «Die Agrarfrage» s. 132.

вычитать въ нихъ повѣсть побѣдоносной конкурренціи мелкаго хозяйства съ крупнымъ капиталомъ“ *).

Все это хорошо, но вопросъ въ томъ, можетъ ли данное объясненіе быть примѣнено къ росту мелкаго хозяйства, наблюдаемому въ настоящее время? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ Каутскій не даетъ. Но изъ цифръ, приводимыхъ самимъ Каутскимъ, видно, что, въ общемъ, населеніе не только не переполняетъ все болѣе и болѣе деревни, напротивъ—городъ притягиваетъ къ себѣ все бо́льшую и бо́льшую часть деревенскихъ жителей. Деревни страдаютъ отъ прямого обезлюденія. Мы знаемъ, что въ исторіи различныхъ ремеслъ бывали нерѣдки случаи внезапнаго переполненія конкуррентами однѣхъ профессій благодаря упадку другихъ. Но ростъ мелкихъ хозяйствъ въ земледѣліи никоимъ образомъ нельзя объяснять аналогичной причиной. Переполнялись конкуррентами обычно какъ разъ простѣйшія ремесла, не требующія ни особенной выучки, ни особенныхъ предварительныхъ затратъ. Чѣмъ элементарнѣе въ двухъ этихъ отношеніяхъ профессія, тѣмъ легче она наводнялась неудачниками, выбитыми изъ другихъ профессій. Но для того, чтобы быть хорошимъ земледѣльцемъ, по меньшей мѣрѣ необходимо обладать тѣмъ вѣковымъ эмпирическимъ опытомъ, который имѣетъ крестьянинъ, съ дѣтства свыкающійся со своею родною нивой; нужно и затратить деньги на покупку или арендованіе земли; нужно перейти въ совершенно необычную культурную обстановку. Недаромъ въ другомъ мѣстѣ самъ же Каутскій говоритъ, что, по общему правилу, земледѣлецъ, вкусившій отъ преимуществъ городской жизни, навсегда потерянъ для земледѣлія. Все это, вмѣстѣ взятое, и въ особенности общій ростъ городского населенія насчетъ деревенскаго, заставляетъ отвергнуть возможную гипотезу, будто земледѣліе, какъ отрасль производства, позднѣе прочихъ подвергнувшаяся капитализаціи, служитъ послѣднимъ пріютомъ для тѣхъ самостоятельныхъ производителей, которые вытѣсняются изъ другихъ отраслей производства давленіемъ крупнаго капитала. Этотъ способъ объясненія развитія мелкаго земледѣлія, конечно, стоялъ бы въ наименьшемъ противорѣчіи съ духомъ „догмы“, но бѣда въ томъ, что за него нѣтъ даже и тѣни вѣроятія.

Однако же факты остаются фактами. Самъ Каутскій даетъ цифры, свидѣтельствующія о слѣдующемъ: число мелкихъ, самостоятельныхъ хозяйствъ въ земледѣліи не только не уменьшается—какъ это слѣдовало бы въ силу теоретическихъ выкладокъ—а даже, напротивъ, абсолютно все увеличивается и увеличивается. Съ другой стороны, въ численности сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ—чистыхъ пролетаріевъ—не только не наблюдается быстраго роста, какъ опять таки слѣдовало бы въ

*) «Die Agrarfrage» S. 138.

силу тѣхъ же выкладокъ—а совершенно наоборотъ, абсолютное и относительное уменьшеніе *). Для объясненія этихъ фактовъ, очевидно, приходится обратиться къ особенностямъ и своеобразіямъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственнаго капитализма.

Существуетъ мнѣніе, будто въ сельскомъ хозяйствѣ не крупное производство выгоднѣе мелкаго, а наоборотъ. Мнѣніе это вызвано было именно неудачею многихъ другихъ попытокъ объяснить такъ часто наблюдающійся застой и регрессъ крупнаго землевладѣнія при ростѣ мелкаго. Но если бы мнѣніе это было вѣрно, то мы пришли бы къ самому странному заключенію. Пришлось бы принять, что эволюція земледѣлія не только обнаруживаетъ своеобразныя черты, но даже совершается въ направленіи, діаметрально противоположномъ индустріальной эволюціи; что здѣсь ходъ вещей тятотѣетъ не къ прогрессирующей соціализаціи труда и собственности, а наоборотъ — къ прогрессирующей ихъ индивидуализаціи. Этого Каутскій не признаетъ и не признаетъ совершенно основательно. Но аргументація его и въ этомъ пунктѣ заключаетъ очень существенную методологическую погрѣшность, о которой приходится сказать нѣсколько словъ.

Еще Фурье краснорѣчиво изображалъ всѣ выгоды, связанныя съ широкой кооперадіей земледѣльческаго труда и собственности. „Громадныя сбереженія отъ устройства одного огромнаго и хорошаго хлѣбнаго амбара вмѣсто 300 амбарушекъ, въ которыхъ хлѣбъ поѣдается крысами и насѣкомыми и находится подъ постоянной опасностью отъ сырости и пожара. Одинъ большой и экономный винный заводъ съ хорошими прессами и чанами для выжимки вина, вмѣсто 300 плохихъ прессовъ съ жалкими боченками, да еще въ неумѣлыхъ рукахъ, въ рукахъ людей, которые не имѣютъ понятія ни объ разсыропливаньи, ни о сохраненіи вина, вслѣдствіе чего громадныя количества его портятся каждый годъ... Сотня молочницъ, теряющихъ сто утръ на разноску молока по городу, будутъ замѣнены одной висячей телѣгой, вмѣщающей тонну молока. Сотня земледѣльцевъ, ѣздящихъ на базаръ каждый на своей особой телѣжкѣ и осликѣ, замѣнятся тремя или четырьмя большими телѣгами, для которыхъ достаточно будетъ двухъ человѣкъ. Вмѣсто трехъ сотъ кухонь, требующихъ трехъ сотъ огней и столько же кухарокъ, на все село достаточно будетъ одной кухни, и т. д.“.

На стр. 93 своей книги Каутскій, въ главѣ о „техническомъ превосходствѣ крупнаго хозяйства“ только повторяетъ, въ сущности, ту же самую аргументацію Фурье, даже почти со всѣми тѣми же самыми примѣрами. Дальше онъ подробно вычисляетъ

*) «Die Agrarfrage» s. 218, цифры по Франціи и Германіи. Аналогичныя данныя по Соед. Штатамъ, см. у Э. Циммермана, «Очерки Амер. сел. хоз.». М. 97 г., стр. 117.

потери мелкаго хозяйства на межникахъ, границахъ, углахъ, посѣвѣ и т. д. Затѣмъ онъ начинаетъ доказывать на цифрахъ сельскохозяйственной статистики, что крупные собственники употребляютъ гораздо больше машинъ, орудій, искусственнаго удобренія, труда ученыхъ агрономовъ и спеціалистовъ, сравнительно съ мелкими крестьянскими хозяйствами; что они пользуются лучшими условіями сбыта, что они получаютъ на болѣе льготныхъ условіяхъ кредитъ и т. п.

Со времени трактатовъ Фурье и до появленія книги Каутскаго, само собой разумѣется, техника сдѣлала столько шаговъ впередъ, что въ распоряженіи Каутскаго былъ уже гораздо болѣе богатый матеріалъ для иллюстраціи выгодъ „обобществленнаго труда", коопераціи въ широкихъ размѣрахъ. Но при сравненіи его аргументаціи съ аргументаціей Фурье, мы находимъ въ первой шагъ назадъ въ одномъ, очень важномъ отношеніи. Фурье рисовалъ выгоды коопераціи, какъ таковой; онъ представлялъ себѣ чистую форму земледѣльческой ассоціаціи, какъ непосредственнаго союза прежде разрозненныхъ производителей. Иначе поступаетъ Каутскій. Въ главѣ о „техническомъ превосходствѣ крупнаго хозяйства" онъ не опредѣляетъ точно, что онъ подразумѣваетъ подъ крупнымъ хозяйствомъ. Онъ безразлично говоритъ то вообще о крупномъ хозяйствѣ, вообще о соединеніи труда и собственности, то о конкретныхъ формамъ крупнаго хозяйства—современныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ или хозяйствахъ гроссбауэровъ—„хозяйственныхъ мужичковъ". Это пріемъ врядъ-ли правильный вообще, а въ особенности для марксиста. Марксъ такъ не поступалъ. Раскроемъ хотя бы въ первомъ томѣ его „Капитала" главу о „раздѣленіи труда въ мануфактурѣ". Въ концѣ перваго-же отдѣла мы встрѣчаемъ разсужденіе на ту тему, что мануфактурное раздѣленіе труда „представляетъ особенный родъ коопераціи и многія изъ его выгодныхъ сторонъ возникаютъ изъ *общей сущности коооперацiи*, а не изъ какихъ либо спеціальныхъ достоинствъ *именно этой особенной формы* ея" *). Это двустороннее разсмотрѣніе современныхъ хозяйственныхъ формъ представляетъ чрезвычайно важную принципіальную особенность критики К. Маркса. Недаромъ онъ такъ рѣзко критикуетъ буржуазныхъ экономистовъ, которые при анализѣ капиталистическаго производства такъ охотно отожествляютъ любую функцію производства или управленія, „поскольку она вытекаетъ *изъ самой природы общественнаго процесса труда*, съ тою-же самою функціей, поскольку она обусловливается *капиталистическимъ, а слѣдовательно, антагонистическимъ характеромъ* этого процесса" **).

*) К. Марксъ. Капиталъ, т. I, изд. 2-е, стр. 291. Курсивъ нашъ.
**) Ibid., стр. 285. Курсивъ нашъ.

Этимъ-то смѣшеніемъ постоянно и запутывался вопросъ о сравнительныхъ выгодахъ крупнаго и мелкаго земледѣлія. Одни постоянно старались и стараются доказать преимущества и прогрессивность современнаго капиталистическаго сельскаго хозяйства, пользуясь дедукціей изъ общихъ экономическихъ теоремъ о выгодахъ коопераціи въ широкихъ размѣрахъ и примѣняя эти теоремы къ спеціальной области сельскаго хозяйства. Другіе, напротивъ, пораженные темными сторонами капиталистической формы сельскаго хозяйства и не замѣчая этихъ темныхъ сторонъ въ трудовомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, пробовали въ принципѣ взять подъ свою защиту мелкое производство противъ крупнаго. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ истина лежитъ посрединѣ, или, лучше сказать, въ сторонѣ отъ обоихъ этихъ мнѣній. Кооперація, обобществленіе труда и собственности все въ бо̀льшихъ и бо̀льшихъ размѣрахъ развертываетъ передъ нами безконечно растущую цѣпь выгодъ и преимуществъ; но капиталистическая форма этого обобществленія не даетъ многимъ изъ нихъ проявиться или парализуетъ ихъ своими своеобразными невыгодами, которыхъ было чуждо свободное трудовое крестьянское хозяйство, когда его еще не угнетала власть денегъ и капитала. Иллюстрацію этого положенія мы не разъ будемъ находить въ дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія Каутскаго.

Какъ мы уже видѣли, общее заключеніе Каутскаго по вопросу о роли размѣровъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ таково: „крупное производство во всѣхъ значительныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства обладаетъ техническимъ превосходствомъ надъ мелкимъ, хотя — прибавляетъ онъ въ видѣ уступки противоположному направленію—и не въ такой степени, какъ въ рѣшающихъ отрасляхъ индустріи“. Существеннымъ ограниченіемъ является прежде всего слѣдующее различіе между индустріей и земледѣліемъ. „Въ индустріи рабочая мастерская—фабрика—есть искусственное произведеніе рукъ человѣческихъ и приспособляется спеціально къ требованіямъ машиннаго производства. Въ сельскомъ же хозяйствѣ мастерская для большинства машинъ дается самой природой, и машина должна приспособляться къ ней“ *). Такимъ образомъ, „машинному производству приходится въ сельскомъ хозяйствѣ преодолѣть бо̀льшія препятствія, чѣмъ въ индустріи“. До сихъ поръ рѣчь шла о такихъ препятствіяхъ, которыя неразлучны съ самымъ существомъ, съ самой природой сельско-хозяйственнаго производства. Но есть и такія, которыя вытекаютъ спеціально изъ капиталистической его формы. Марксъ въ

*) «Die Agrarfrage», s. 38. Ср. у А. Скворцова: «Фабрикація имѣетъ дѣло съ мертвымъ матеріаломъ, который нужно только подать машинѣ. Земледѣлецъ же эксплуатируетъ силу природы, разсѣянную въ пространствѣ... Кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ организмами, съ которыми нужно обращаться осторожно»... («Основ. полит. эк.», стр. 221).

1-мъ томѣ „Капитала“ установилъ чрезвычайно важное положеніе, согласно которому примѣненіе машинъ въ капиталистическомъ обществѣ ненормально съуживается. При не-капиталистическомъ способѣ производства всякая машина, всякій инструментъ выгоденъ тогда, когда онъ сберегаетъ болѣе труда, чѣмъ сколько пошло на его изготовленіе. Капиталисту же нѣтъ дѣла до *всей суммы* сберегаемаго машиною труда, потому что часть этого труда онъ получаетъ неоплаченнымъ, въ видѣ прибавочной стоимости. Машину онъ покупаетъ у своего собрата-капиталиста по ея полной стоимости, а трудъ у рабочаго—не по полной. Для того, чтобы капиталистъ примѣнилъ машину, нужно не только, чтобы она экономизировала болѣе труда, чѣмъ въ ней овеществлено, но чтобы она экономизировала больше *оплаченнаго* труда, чтобы машина стоила дешевле, чѣмъ стоили тѣ рабочія руки, которыя она сдѣлаетъ излишними. Но мы уже видѣли, что заработная плата сельскихъ работниковъ значительно ниже, чѣмъ индустріальныхъ; слѣдовательно, и соціальныя препятствія введенію машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ больше, чѣмъ въ индустріи. Далѣе, мы уже видѣли, что постоянному контингенту рабочихъ въ индустріи соотвѣтствуетъ непостоянный контингентъ въ сельскомъ хозяйствѣ (въ силу сезоннаго характера земледѣльческихъ работъ), обусловливающій бѣгство изъ деревни какъ разъ самыхъ интеллигентныхъ и энергичныхъ элементовъ сельско-хозяйственнаго пролетаріата. При сложности сельско-хозяйственныхъ машинъ это, далѣе, обусловливаетъ частую ихъ порчу въ непривычныхъ и неумѣлыхъ рукахъ, тогда какъ отдаленность отъ центровъ производства машинъ затрудняетъ ихъ поправку, опять таки въ такой степени, которая для индустріи неизвѣстна. Сказанное имѣетъ особенное значеніе для странъ съ обширными пространствами, не особенно густымъ населеніемъ и относительно слабымъ развитіемъ соотвѣтствующихъ отраслей индустріи,—напр., для Россіи.

Другимъ „могущественнымъ препятствіемъ развитію сельскохозяйственнаго крупнаго производства, не смотря на все превосходство послѣдняго, — препятствіемъ, котораго индустрія не знаетъ“ *)—является *ограниченность почвы*. Мы уже видѣли, что въ своей полемикѣ противъ Каутскаго, Шиппеля и др. на это особенно напиралъ Молькенбуръ. И Каутскій въ своей книгѣ вынужденъ былъ молчаливо признать справедливость этого возраженія. Не упоминая о бреславльской полемикѣ, онъ, однако, въ цѣломъ параграфѣ подробно развиваетъ выставленный его оппонентами тезисъ, какъ существенное ограниченіе основной тенденціи побиванія мелкаго производства крупнымъ. „Средства производства въ индустріи—говоритъ онъ—могутъ быть умножаемы по произволу, тогда какъ главное средство производства въ сель-

*) «Die Agrarfrage», s. 144.

скомъ хозяйствѣ—земля, почва—при всякихъ данныхъ условіяхъ, представляетъ данную, а не измѣняемую по произволу величину“ *). Насколько важно это обстоятельство, покажетъ слѣдующій примѣръ: чтобы завести въ извѣстномъ районѣ сапожную фабрику, вовсе не нужно *предварительно* разлучить со средствами производства *мѣстныхъ* сапожниковъ. Между тѣмъ, для образованія новой крупной сельско-хозяйственной экономіи непремѣнно нужно экспропріировать сидящихъ на землѣ мелкихъ крестьянъ; мало того, необходимо, чтобы земли экспропріированныхъ составляли вмѣстѣ сплошную площадь, ибо только тогда и можно вести на нихъ настоящее крупное производство. Въ индустріи вытѣсненіе мелкихъ производителей, по общему правилу, можетъ быть *слѣдствіемъ* возникновенія новаго крупнаго производства, въ сельскомъ же хозяйствѣ оно должно быть его необходимой *предпосылкой,* предварительнымъ условіемъ, sine qua non. Въ сельскомъ хозяйствѣ капитализація производства должна быть въ то же время его централизаціей, въ смыслѣ соединенія многихъ отдѣльныхъ предпріятій въ одно цѣлое, тогда какъ въ индустріи процессъ капиталистическаго накопленія (Akkumulation) можетъ идти впередъ независимо отъ централизаціи **).

Слѣдующая уступка дѣлается въ сторону Давида и др., пытавшихся, не покидая почвы марксизма, отстаивать своеобразныя выгоды мелкихъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ. Каутскій признаетъ „еще другое различіе между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ“, именно: „въ первой большее производство, при нормальныхъ условіяхъ, всегда имѣетъ превосходство надъ мелкимъ; въ сельскомъ хозяйствѣ это вѣрно лишь до нѣкоторой степени. Различіе основывается на томъ, что въ индустріи всякое увеличеніе размѣровъ производства представляетъ растущую концентрацію производительныхъ силъ со всѣми выгодами, которыя отсюда проистекаютъ: экономіей времени, издержекъ, матеріала, облегченіемъ надзора и т. д. Въ сельскомъ же хозяйствѣ, напротивъ, всякое увеличеніе производства, при прочихъ равныхъ условіяхъ (именно, при тѣхъ же методахъ культуры), означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ большее протяженіе производства въ пространствѣ, слѣдовательно, увеличеніе потерь на времени, силахъ, орудіяхъ, сыромъ матеріалѣ (тѣмъ болѣе, что это все вещи весьма малоцѣнныя сравнительно съ вѣсомъ и объемомъ—навозъ, сѣно, солома, картофель etc) и растущую трудность надзора“ ***). На извѣстной ступени—различной для различныхъ отраслей сельско-хозяйственной культуры—эти невыгоды неминуемо перевѣшиваютъ выгоды дальнѣйшаго „обобществленія“.

*) Ibid., s. 142.

**) «Die Agrafrage», ss. 142—144.

***) «Die Agrarfrage», ss. 144—145. Характерно самое заглавіе соотвѣтственнаго § книги: «Der grössere Betrieb nicht nothwendig der bessere».

Въ томъ же смыслѣ дѣйствуетъ—продолжаетъ Каутскій—и тотъ общій законъ, согласно которому „чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ—при данной величинѣ капитала—должно быть меньше занимаемое имъ пространство“. Интенсивность хозяйства состоитъ въ большей затратѣ труда и капитала на единицу пространства, а слѣдовательно, и въ полученіи съ нея большей стоимости. Очевидно, что интенсификація земледѣлія можетъ и должна вести за собой уменьшеніе средней величины хозяйствъ. Именно въ этомъ обстоятельствѣ и видитъ Каутскій объясненіе того, что Энгельсъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ отъ знаменитыхъ „исполинскихъ фермъ“ Сѣв. Америки. Въ нихъ можно было наблюдать „своеобразное смѣшеніе значительной экстенсивности хозяйства съ примѣненіемъ высоко развитой техники“. Это было хищническое хозяйство, возможное лишь въ странѣ съ большимъ запасомъ свободныхъ, плодородныхъ земель, дозволявшимъ смѣну выпаханной, истощенной земли другою, еще нетронутой. Долго такое положеніе вещей продолжаться не можетъ, и вотъ почему—полагаетъ Каутскій—„bonanza-farms“ должны терять и теряютъ постепенно свою рентабельность. Но съ судьбой этихъ „исполинскихъ фермъ“ вовсе не связана судьба „марксистской догмы“. Даже общее уменьшеніе фермъ по среднимъ размѣрамъ занимаемой ими площади само по себѣ еще отнюдь не свидѣтельствовало бы о парцеллированіи хозяйствъ. Оно бы могло идти параллельно съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ размѣровъ хозяйствъ — лишь при томъ условіи, чтобы развитіе интенсивности хозяйства шло быстрѣе, обгоняло процессъ сокращенія средней величины площади. Отсюда Каутскій и получаетъ желанный выводъ: если цифры намъ показываютъ тамъ и сямъ, вмѣсто концентраціи земледѣлія и землевладѣнія, видимую децентрализацію его, то этотъ процессъ „доказывалъ бы не побѣду мелкаго производства надъ крупнымъ, а лишь большее сгущеніе производства на меньшемъ пространствѣ“.

Теоретическая *возможность* случая, о которомъ говоритъ Каутскій, несомнѣнна. Дробленіе хозяйствъ по размѣрамъ занимаемой площади можетъ сопровождаться одновременнымъ фактическимъ поглощеніемъ мелкихъ производствъ крупными. Но вѣдь вопросъ не въ этихъ условныхъ истинахъ экономической теоріи. Вопросъ въ томъ, приложима ли данная истина къ объясненію извѣстныхъ реальныхъ фактовъ. Есть мѣстности, гдѣ средній размѣръ хозяйствъ уменьшается. Раздробляются не только мелкія, но и среднія и крупныя хозяйства. Увеличиваются ли при этомъ, благодаря интенсификаціи, истинные размѣры хозяйства? Когда рѣчь идетъ о Старомъ Свѣтѣ, не надо забывать, что земледѣліе въ немъ переживаетъ серьезный кризисъ; что непосредственная причина кризиса—паденіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства и гнетущая задолженность, нужда въ деньгахъ. Уже отсюда достаточно ясно, можетъ ли при подобныхъ условіяхъ идти рѣчь объ интенсифи-

каціи хозяйства въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. Интенсификація—это прежде всего затрата большаго количества труда и капитала на единицу пространства, а паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и задолженность предписываютъ, напротивъ, сокращеніе, экономію всякихъ расходовъ и издержекъ производства. Для настоящаго времени болѣе всего характеренъ именно регрессъ классически-интенсивнаго хозяйства британскихъ фермеровъ и обращеніе тамъ многихъ воздѣлывамыхъ земель въ простыя пастбища.

Притомъ, интенсификація, съ точки зрѣнія ея вліянія на концентрацію производства, есть, вообще говоря, палка о двухъ концахъ. Конечно, она облегчаетъ возникновеніе крупныхъ хозяйствъ, такъ сильно затрудняемое „ограниченностью почвы“. Но не менѣе несомнѣнно и то, что эта интенсификація можетъ влить новыя силы, новую жизнь въ парцеллярное хозяйство. Тотъ мелкій крестьянинъ, который при низшей системѣ земледѣлія былъ полупролетаріемъ, при переходѣ къ болѣе интенсиввой системѣ оказывается вполнѣ обезпеченнымъ земельной собственностью. Съ этой стороны интенсификація въ борьбѣ капитализма съ крестьянствомъ ничего не мѣняетъ.

Но въ другомъ отношеніи есть перемѣна, и перемѣна немаловажная. Именно, является вопросъ: относительныя преимущества крупнаго хозяйства надъ мелкимъ одинаковы ли при разныхъ системахъ земледѣлія? А если нѣтъ, то гдѣ стоятъ выше фонды крупнаго производства—въ болѣе экстенсивныхъ, или въ болѣе интенсивныхъ системахъ?

Отвѣтъ на эти вопросы нетруденъ. Наиболѣе экстенсивныя системы земледѣлія—лѣсное и луговое хозяйство — требуютъ въ то же время и наибольшихъ земельныхъ пространствъ; достаточная величина земельной площади—необходимое условіе, безъ котораго раціональное лѣсное хозяйство немыслимо. По мнѣнію Маркса, раціональное лѣсное хозяйство мыслимо лишь въ обширнѣйшихъ предѣлахъ, охватывающихъ цѣлую страну. Лишь регулированіе лѣсного хозяйства государствомъ удовлетворяетъ необходимымъ условіямъ раціональности. Если мы пойдемъ дальше и сравнимъ зерновое хозяйство съ другими, болѣе интенсивными системами земледѣлія, то мы опять таки увидимъ, говоря словами самого Каутскаго,—что „въ области производства зерна крупное производство въ наибольшей степени обладаетъ превосходствомъ надъ мелкимъ“ *). То же утверждаютъ и различные критики Каутскаго. Разница между ними и Каутскимъ состоитъ лишь въ томъ, что Каутскій только бросаетъ это признаніе мимоходомъ въ главѣ о заатлантической конкурренціи, а при систематическомъ обсужденіи сравнительныхъ преимуществъ крупнаго и мелкаго хозяйствъ совершенно игнорируетъ эту столь важную сторону

*) «Die Agrarfage», s. 252.

дѣла. Критики же Каутскаго, напротивъ, обращаютъ на нее очень серьезное вниманіе. Въ рукахъ защитниковъ мелкаго хозяйства является очень сильнымъ то, что параллельно степени интенсивности различныхъ системъ земледѣлія идетъ уменьшеніе выгодъ крупнаго хозяйства сравнительно съ мелкимъ.

Наша точка зрѣнія не позволяетъ намъ согласиться вполнѣ съ какой-нибудь одной изъ спорящихъ сторонъ въ данномъ вопросѣ. Для насъ онѣ обѣ неправы, и, отмѣтивъ ошибку Каутскаго, мы не замедлимъ указать слабыя стороны и его противниковъ.

Едва ли не лучше всего обставлена въ данномъ вопросѣ аргументація Л. Гумпловича *), и потому мы приведемъ изъ его статьи довольно большую выдержку.

„Концентрація населенія въ городахъ—говоритъ онъ—образуетъ небывалый ранѣе рынокъ для многочисленныхъ сортовъ плодовъ и овощей, потребленіе которыхъ въ возможно свѣжемъ видѣ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельной потребностью для горожанъ, живущихъ въ средѣ, искусственно замкнутой, отдаленной отъ живой природы. Даже разведеніе цвѣтовъ дѣлается немаловажнымъ факторомъ для крупныхъ городскихъ центровъ—все по той же причинѣ. Всѣ относящіяся сюда растенія (цвѣты, разнообразные сорта овощей—въ особенности высшіе и тонкіе сорта,—далѣе, томаты, виноградъ, ягоды etc.)—все это предметы интенсивной культуры, а интенсивный способъ обработки становится доходнымъ только вблизи такихъ рынковъ, каковыми являются крупные города. Но по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, растутъ города, а съ другой—теряютъ значеніе разстоянія, благодаря развитію способовъ транспорта,—интенсивное земледѣліе должно получать сильный толчекъ къ развитію, къ подъему. Съ другой стороны, нѣжность этихъ продуктовъ ставитъ всетаки извѣстныя ограниченія ихъ способности переносить перевозку, такъ что здѣсь нечего особенно бояться убійственнаго вліянія заморской конкурренціи.

„Вопросъ о предѣлахъ возможнаго распространенія интенсивнаго хозяйства самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ о жизнеспособности мелкаго хозяйства. Именно, чѣмъ интенсивнѣе способъ производства, чѣмъ больше цѣнность, которая заключается въ каждомъ отдѣльномъ клочкѣ земли и въ каждомъ отдѣльномъ растеніи, тѣмъ болѣе *индивидуализированной* должна быть работа. Растенія нельзя создавать, подобно большинству индустріальныхъ полуфабрикатовъ, въ абсолютно-единообразной, геометрически правильной формѣ, которая дѣлаетъ возможнымъ *механизированіе* работы. Это—живыя существа, которыя живутъ каждое по своему и часто имѣютъ свои капризы. Какъ бы ни сокращала и ни упро-

*) D-r Ladislaus Gumplowicz, «Kautsky über die Agrarfrage», «Die Zeit.» (Wien) 1899, № 256.

щала машина процессъ работы—рѣшающими моментами всетаки остаются тѣ, въ которыхъ непосредственно вмѣшивается человѣческая рука: только она, непосредственно управляясь глазомъ и мозгомъ, можетъ ежесекундно приспособляться къ тысячамъ особенностей и изгибовъ живого роста. Свои прихоти и капризы обнаруживаютъ какъ полезныя, такъ и сорныя растенія...

„Правда, существуютъ, напримѣръ, машинки для полки. Но посредствомъ нихъ можно прочищать почву только между двумя бороздами; пожалуй, въ отдѣльныхъ случаяхъ можно еще прочистить мѣсто и между двумя растеніями; но вѣдь самыя опасныя сорныя травы—это тѣ, которыя гнѣздятся въ самой непосредственной близости къ воздѣлываемому злаку, коварно обвиваясь вокругъ его корней. Стоитъ только нѣсколько посильнѣе дернуть при полкѣ, и полезное растеніе повреждено вмѣстѣ съ паразитнымъ,—повреждено, если не совсѣмъ загублено. Не говоря уже о машинахъ, даже самая миніатюрная скрябка при этомъ слишкомъ груба, жестка и неуклюжа—для этого годятся только гибкіе и проворные человѣческіе пальцы. И какъ при полкѣ, такъ и при многихъ другихъ работахъ,—только пальцы такого человѣка, который старается со всей возможной добросовѣстностью и заботливостью способствовать самымъ тщательнымъ уходомъ нормальному росту каждаго растеньица. Эти же качества лучше всего достигаются собственнымъ интересомъ работника къ его парцеллѣ. Здѣсь мало помогъ-бы даже самый педантичный надзоръ. Надсмотрщикъ на фабрикѣ можетъ видѣть и оцѣнить всякую ошибку, сдѣланную кѣмъ-либо изъ рабочихъ, всякое его упущеніе; смотря по роду производства, онъ можетъ это сдѣлать или во время самаго процесса работы, или, по крайней мѣрѣ, тотчасъ-же по ея окончаніи, и поэтому онъ можетъ сообразно качеству работы повышать или понижать заработную плату. Но надсмотрщикъ въ имѣніи долженъ былъ-бы видѣть на три аршина подъ землей, подобно кладоискателямъ въ сказкахъ, для того, чтобы опредѣлить хотя съ малѣйшей степенью приближенія, сколько будущаго богатства зарылъ своимъ заступомъ въ землю каждый отдѣльный работникъ...

„Далѣе, при тепличной культурѣ — самой интенсивной изъ всѣхъ—площадь земли, денежный доходъ съ которой достаточенъ для существованія рабочей семьи, сводится всего на всего къ нѣсколькимъ дюжинамъ метровъ... Но для работы на такомъ маленькомъ клочкѣ земли можетъ быть вполнѣ достаточно одного рабочаго. И только при извѣстныхъ случаяхъ, напр., во время сбора плодовъ, можетъ потребоваться ему 2—3 человѣка на помощь. Но благодаря тому, что этотъ одинъ рабочій производитъ въ *своей* тепличкѣ всю работу—онъ знаетъ въ этомъ своемъ маленькомъ королевствѣ всякій бутонъ, всякій созрѣвающій плодъ. И такимъ образомъ онъ можетъ ко всякому растеньицу примѣ-

нять своеобразнымъ образомъ весь уходъ и въ то же время работать съ виртуозной быстротой, увѣренностью и точностью выполненія. Тѣмъ самымъ мелкому производству создаются необычайно благопріятныя техническія условія существованія".

Въ томъ, что говоритъ здѣсь Гумпловичъ, очень много вѣрнаго. Вѣрно, что по сравненію съ индустріей, механизированіе работы въ земледѣліи встрѣчаетъ необычайныя трудности и роль живого труда здѣсь соотвѣтственно этому возрастаетъ. Вѣрно, что техническія трудности надзора обозначаютъ для капиталистическаго сельскаго хозяйства, сравнительно съ индустріей, чрезвычайное возрастаніе соотвѣтственной графы расходовъ. Вѣрно, что здѣсь для успѣшности труда требуется, сравнительно съ индустріей, особенно много личнаго усердія, привязанности, любовнаго отношенія къ дѣлу и знанія мѣстныхъ условій—а, слѣдовательно, гораздо большее значеніе здѣсь имѣетъ *постоянство* рабочаго состава и *личная заинтересованность* его въ успѣхѣ предпріятія. Вѣрно, наконецъ, что важность этихъ факторовъ производства возрастаетъ по мѣрѣ перехода отъ болѣе экстенсивныхъ системъ земледѣлія къ болѣе интенсивнымъ. И, тѣмъ не менѣе, всетаки невѣрно, что съ прогрессомъ земледѣлія хозяйство обнаруживаетъ въ силу перечисленныхъ причинъ тенденцію къ индивидуализаціи вмѣсто соціализаціи. Прогрессъ, интенсификація земледѣлія отнюдь не ограничивается и не исчерпывается переходомъ отъ однѣхъ системъ земледѣлія къ другимъ, болѣе интенсивнымъ. Нѣтъ, прежде всего и болѣе всего онъ состоитъ въ интенсификаціи, происходящей въ предѣлахъ одной и той-же системы. Если бы Гумпловичъ хотѣлъ доказать свое положеніе, „чѣмъ интенсивнѣе способъ производства, тѣмъ индивидуализированнѣе должна быть работа"—онъ именно и долженъ бы былъ показать, что въ каждой отдѣльной системѣ земледѣлія происходитъ, по мѣрѣ развитія техники, движеніе въ сторону индивидуализаціи. Вѣдь онъ хочетъ понять вліяніе развивающейся техники. Значитъ, перемѣннымъ элементомъ онъ долженъ принимать только развитіе техническихъ знаній и способовъ производства, т. е. способовъ овладѣнія природой. Всѣ остальныя условія онъ долженъ брать постоянными, неизмѣнными. Въ томъ числѣ неизмѣнна должна быть и система земледѣльческаго хозяйства. Возьмемъ-ли мы лѣсное, полевое, зерновое хозяйство, садоводство, огородничество, культуру тепличную или торговыхъ растеній—въ каждой изъ нихъ можетъ происходить одновременно движеніе вверхъ, къ подъему. Но это движеніе можетъ происходить во всѣхъ отрасляхъ параллельно, такъ что между отдѣльными системами въ отношеніи интенсивности могутъ сохраняться всѣ старыя пропорціи. Въ самомъ исходномъ пунктѣ этого хозяйственнаго развитія между различными системами была немалая разница: въ однѣхъ большую роль игралъ трудъ механизирован-

ный, трудъ, который человѣкъ съумѣлъ свалить съ собственныхъ плечъ на машины, инструменты, мертвые двигатели, различныя вспомогательныя вещества etc.; въ другихъ—большую роль игралъ трудъ живой, непосредственный. При быстромъ возрастаніи роли механизированнаго труда на счетъ живого, переходъ отъ одной системы хозяйства къ другой могъ парализовать вліяніе этой тенденціи, и въ данномъ случаѣ конкретное развитіе хозяйства усилило-бы роль живого труда на счетъ механизированнаго. Соотвѣтственно этому индивидуальный трудъ могъ-бы получить перевѣсъ надъ соціальнымъ. Гумпловичъ обобщаетъ этотъ конкретный фактъ, не замѣчая, что онъ—функція двухъ совершенно различныхъ перемѣнныхъ, и желаетъ видѣть въ немъ проявленіе одной основной, самостоятельной тенденціи: „процессъ, интенсификація земледѣлія ведетъ за собой индивидуализацію работы". Аналогичную ошибку дѣлаетъ и нашъ русскій экономистъ-агрономъ, проф. А. И. Скворцовъ. Онъ полагаетъ, что „земледѣльческая промышленность, по сложенію и развитію отдѣльныхъ частей капитала, является прямой противоположностью фабричной промышленности; тамъ, въ фабрикаціи, увеличивается масса основного капитала и матеріаловъ, вообще постояннаго капитала въ ущербъ перемѣнному; здѣсь, въ земледѣліи, наоборотъ, увеличивается перемѣнный капиталъ, масса живого труда, при незначительномъ только увеличеніи постояннаго капитала". На чемъ-же основывается это убѣжденіе? На примѣрахъ изъ области переходовъ отъ однѣхъ системъ земледѣльческаго хозяйства къ другимъ, примѣрахъ, изъ которыхъ наиболѣе яркимъ является случай перехода отъ трехполья къ плодосмѣну. При этомъ, во-первыхъ, вводятся въ сѣвооборотъ новые растенія, именно корнеплоды, требующіе огромнаго количества какъ разъ ручной работы; во-вторыхъ, естественные луга уступаютъ мѣсто травосѣянію, что опять требуетъ усиленнаго приложенія труда; въ третьихъ, часто уничтожается не требующій никакой работы выгонъ, взамѣнъ этого вводится стойловое кормленіе скота, что означаетъ новое приращеніе труда по кормленію и уходу за скотомъ. Итакъ, А. И. Скворцовъ вовсе не доказываетъ, что одна и та же техника стойловаго кормленія скота или воздѣлыванія корнеплодовъ въ своемъ высшемъ развитіи увеличиваетъ роль живого труда на счетъ труда накопленнаго, овеществленнаго. Этого и нельзя доказать. Измѣненія органическаго строенія капитала въ сторону роста постоянной его части насчетъ перемѣнной не есть частный процессъ, выведенный путемъ непосредственнаго наблюденія надъ какой-нибудь частной хозяйственной областью, и уже затѣмъ лишь путемъ аналогіи перенесенный на другія. Нѣтъ, это общій законъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Въ этомъ законѣ выражается прогрессъ овладѣнія человѣка силами природы, прогрессъ его умѣнья заставлять различныя вещества и силы природы ра-

ботать на себя, прогрессъ экономіи труда, освобожденія человѣка отъ наиболѣе тяжелаго и безсмысленнаго грубо-физическаго труда. Онъ имѣетъ силу и для индустріи, и для земледѣлія. Здѣсь его дѣйствіе можетъ лишь *затемняться* различными осложняющими вліяніями. Ошибка проф. Скворцова очень характерна для большинства марксистовъ, хотя она, вопреки основной тенденціи ихъ, ведетъ не къ уподобленію земледѣлія индустріи, а къ самому рѣзкому ихъ противоположенію. Она характерна именно по методу. Констатируя какой либо историческій *процессъ*, многіе марксисты склонны немедленно превращать его въ *законъ*, вмѣсто того, чтобы разложить этотъ процессъ на его элементы, на тѣ перемѣнныя, функціей которыхъ онъ является: они слишкомъ часто ищутъ „причину" и „законъ", вмѣсто того, чтобы пользоваться несравненно болѣе простымъ, точнымъ и плодотворнымъ понятіемъ *функціональной связи*.

Къ этой ошибкѣ у Гумпловича, между прочимъ, прибавляется новый промахъ. Говоря, что интенсификація хозяйства создаетъ необычайно благопріятныя условія для мелкаго производства и болѣе индивидуализированной работы, онъ въ числѣ аргументовъ приводитъ, между прочимъ, громадное значеніе личной заинтересованности мелкаго хозяина въ успѣхѣ дѣла и трудности надзора за рабочими въ крупномъ хозяйствѣ. Несомнѣнно, однако, что его аргументъ даетъ меньше того, что предлагается въ выводѣ. Онъ говоритъ не о преимуществѣ мелкаго хозяйства надъ крупнымъ, а о преимуществѣ самостоятельнаго производителя надъ наемнымъ рабочимъ. Однако, крупное хозяйство можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйствомъ ассоціированныхъ непосредственныхъ производителей. Объ этомъ промахѣ, этомъ смѣшеніи мы уже достаточно говорили выше по поводу самого Каутскаго.

Итакъ, въ данномъ вопросѣ мы не могли стать ни на сторону Каутскаго, ни на сторону его критиковъ. Мы не чувствуемъ никакой склонности во чтобы то ни стало отстоять „положительную историческую миссію" капитализма во всѣхъ отрасляхъ производства и при всякихъ условіяхъ; поэтому мы и не могли односторонне освѣтить значеніе интенсификаціи производства, лишь какъ способа обойти важное затрудненіе капиталистической концентраціи—ограниченность почвы, или воспользоваться имъ какъ поводомъ объяснить недостаточно быстрый ростъ, а иногда даже размельчаніе крупныхъ хозяйствъ просто „сгущеніемъ" ихъ на меньшихъ земельныхъ пространствахъ. Но, съ другой стороны, мы не питаемъ ни малѣйшей слабости къ разрозненному, мелкому хозяйству, съ его „индивидуализированнымъ" трудомъ. Поэтому мы не могли за переходомъ отъ однѣхъ системъ земледѣльческаго хозяйства къ другимъ просмотрѣть тѣхъ измѣненій,

того прогресса техники, который происходитъ въ предѣлахъ каждой изъ этихъ системъ.

Будемъ слѣдить теперь за аргументаціей Каутскаго дальше. Признавъ, во всякомъ случаѣ, что въ земледѣліи капиталистическая концентрація наталкивается на цѣлый рядъ своеобразныхъ препятствій, Каутскій быстро находитъ для капитализма и средство побѣдоносно преодолѣть эти препятствія. Во первыхъ, это средство—ипотека. Растущая задолженность землевладѣнія превращаетъ юридическихъ владѣльцевъ имѣній лишь въ номинальныхъ собственниковъ. Реальныя права и преимущества переходятъ въ руки единоличныхъ и коллективныхъ кредиторовъ, напр., земельныхъ банковъ. „Въ то время, какъ въ сельско-хозяйственномъ *производствѣ* тенденція и централизація едва замѣтна, и даже часто на лицо противоположная тенденція къ децентрализаціи,—въ земельной *собственности* господствуетъ самая рѣшительная тенденція къ централизаціи, проявляющаяся всего рѣзче именно въ ипотекарной собственности...“ *) Этотъ способъ, однако, еще ни единственный. Такъ какъ „крупное производство не необходимо лучшее“ и такъ какъ централизація хозяйства затруднительна вслѣдствіе ограниченности почвы, то возникаетъ новая хозяйственная форма — латифундія. Подъ именемъ латифундіи Каутскій разумѣетъ соединеніе въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ хозяйствъ, все равно, разбросанныхъ ли въ различныхъ мѣстахъ или лежащихъ рядомъ, но разбитыхъ на отдѣльные участки для удобства эксплуатаціи. „Этотъ способъ земельной централизаціи—соединеніе въ однѣхъ рукахъ различныхъ отдѣльныхъ имѣній, подобно централизаціи посредствомъ ипотечныхъ банковъ, оставляетъ величину отдѣльныхъ предпріятій неизмѣнной. Но здѣсь вмѣстѣ съ централизаціей собственности является и централизація управленія. Возникающая благодаря этому новая хозяйственная форма—латифундія—а вовсе не безграничное раздвиганіе границъ одной владѣльческой экономіи—является той формой, въ которой развивается современное, гигантское сельско-хозяйственное производство. А этой формѣ такъ же мало извѣстны какія нибудь предѣлы, какъ и централизаціи капитала“ **). И въ другомъ мѣстѣ, вслѣдъ за однимъ австрійскимъ агрономомъ, онъ именно въ этихъ латифундіяхъ видитъ „будущее современнаго, раціональнаго сельскаго хозяйства“ ***).

Каутскій не замѣчаетъ—или, по крайней мѣрѣ, не *отмѣчаетъ* въ своей книгѣ—того факта, что въ этихъ формахъ сельско-хозяйственной концентраціи и централизаціи предпріятій *форма* капи-

---

*) «Die Agrarfrage» Ss. 324—325. Положеніе, что въ ипотекарной собственности наблюдается столь рѣзкій процессъ централизаціи, въ сущности говоря, очень спорно; но условно мы пока предполагаемъ его совершенно правильнымъ.

**) «Die Agrarfrage», S. 152.

***) Ibid., S. 155.

тализма совершенно убиваетъ, съѣдаетъ *содержаніе*. Нечего уже и говорить объ ипотекахъ. Положеніе, при которомъ владѣлецъ долговыхъ обязательствъ фактически становится хозяиномъ имѣнія, получая подъ видомъ % почти всю чистую прибыль предпріятія, конечно, въ высшей степени удобно для него, для этого кредитора; соединивъ въ своихъ рукахъ извѣстное количество такихъ долговыхъ обязательствъ, онъ имѣетъ полную возможность чувствовать себя фактическимъ господиномъ многихъ имѣній. *Для него*, вѣроятно, эта форма капиталистическаго накопленія—самая высшая, ибо онъ самъ при этомъ можетъ не пошевелить даже пальцемъ. Но для всей страны, для ея будущности „историческая миссія" такого рода централизаціи болѣе чѣмъ сомнительна. Недалеко отъ этого ушло и хозяйственное значеніе латифундіи. Что составляетъ характерную особенность именно этого вида централизаціи въ отличіе отъ непосредственнаго объединенія, слитія двухъ имѣній въ одно? Да именно гораздо болѣе внѣшній, формальный, поверхностный характеръ объединенія. Оно неидетъ въ глубь хозяйственной структуры предпріятія, не перестраиваетъ его въ бо́льшемъ масштабѣ. Два имѣнія, принадлежавшія раньше двумъ разнымъ владѣльцамъ, завтра дѣлаются собственностью одного,—но что же изъ того? Рабочіе, чьими руками создаются новыя цѣнности въ томъ и другомъ, превосходно могутъ даже и не замѣтить этой перемѣны. Гдѣ же то объединяющее, дисциплинирующее вліяніе крупнаго капитала, которое должно на нихъ сказаться, согласно теоріи? Гдѣ воспитательная роль „обобществленія"? Гдѣ, словомъ, положительная историческая миссія этого новаго шага капитализма? Каутскій, какъ теоретикъ, чувствуетъ удовлетвореніе — найдена новая форма развитія капитализма, не знающая тѣхъ препятствій, которыя въ сельскомъ хозяйствѣ стоятъ поперекъ пути другимъ формамъ. Но только кабинетный человѣкъ, неисправимый догматикъ можетъ за этимъ позабыть, что существуетъ другой вопросъ: *какой цѣной* куплена эта возможность дальнѣйшей централизаціи? Отвѣтъ ясенъ—цѣною отказа отъ всякаго дальнѣйшаго творческаго вліянія капитализма, цѣною поглощенія его содержанія—формой. Процессъ капиталистическаго *способа эксплуатаціи* безъ соотвѣтствующаго прогресса *способа производства*—вотъ что составляетъ особенность этого хозяйственнаго новообразованія. И это — вершина сельско-хозяйственнаго капитализма, это, по собственному признанію Каутскаго, послѣднее слово капиталистической концентраціи въ области сельскаго хозяйства! Повидимому, и здѣсь оправдывается та истина, что зародыши организмовъ въ первыхъ стадіяхъ развитія болѣе сходны между собою, формируясь, проявляютъ все рѣзче и рѣзче черты отличія. Особенность сельско-хозяйственнаго капитализма—та особенность, что въ немъ форма преобладаетъ надъ содержаніемъ, отрицательныя стороны надъ положительными—всего рѣзче про-

является именно въ латифундіи, этой хозяйственной нормѣ, представляющей такой рѣзкій контрастъ съ революціонной концентраціей въ области индустріи.

Впрочемъ, въ качествѣ марксиста—и притомъ марксиста, писавшаго свою книгу уже послѣ выхода III т. Капитала—Каутскій не могъ не отмѣтить цѣлаго ряда отрицательныхъ сторонъ, присущихъ капитализму именно въ области сельскаго хозяйства. Во первыхъ, онъ признаетъ, что при капиталистическомъ режимѣ существуетъ постоянная эксплуатація деревни городомъ. Въ формѣ процентовъ по ипотечнымъ долгамъ, въ формѣ проживанія землевладѣльцами своей ренты въ городахъ, наконецъ, въ формѣ налоговъ—изъ деревни постоянно отливаетъ извѣстное количество цѣнностей въ городъ безъ того, чтобы уравновѣшиваться возвращеніемъ соотвѣтственнаго эквивалента. Во вторыхъ, онъ признаетъ, что къ тому же результату, но инымъ путемъ ведетъ уничтоженіе сельскихъ подсобныхъ промысловъ. Все это не можетъ не отражаться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на сельскомъ хозяйствѣ. Въ третьихъ, Каутскій признаетъ, опять-таки вслѣдъ за Марксомъ,—что прогрессъ капиталистическаго земледѣлія ведетъ къ обѣдненію почвы питательными веществами: въ видѣ различныхъ продуктовъ у земли постоянно нѣчто отнимается, направляется въ городъ и не возвращается обратно землѣ. „Прогрессъ техники земледѣлія, далекій отъ того, чтобы выравнивать эти потери, представляетъ собою скорѣе ничто иное, какъ прогрессирующее совершенствованіе методовъ истощенія почвы и увеличенія массы питательныхъ веществъ, которыя ежегодно отнимаются отъ земли и уплываютъ въ городъ". Какъ видите, въ вопросѣ о законахъ плодородія почвы Каутскій безпомощно повторяетъ слова Маркса, основывавшагося на теоріи Либиха. Но когда Марксъ писалъ свой первый томъ, Либиховскій „законъ возстановленія" былъ послѣднимъ словомъ агрономіи. Со времени его открытія прошло уже болѣе полувѣка. Въ нашихъ знаніяхъ о законахъ плодородія почвы произошла цѣлая революція. И что же? Весь послѣ-Либиховскій періодъ, всѣ послѣдующія открытія Пастера, Вилле, опыты Солари съ введеніемъ азота, открытія Бертело, Гелльригеля, Вильфарта и Виноградскаго въ области бактеріологіи почвы—все это для Каускаго прошло безслѣдно, и онъ попрежнему знаетъ только, что въ видѣ хлѣба, волокнистыхъ веществъ etc. извѣстное количество питательныхъ веществъ взято у почвы, и потому ровно такое же количество должно быть ей возвращено;—ненасытная пасть города не возвращаетъ землѣ поглощаемаго, слѣдовательно, всякое увеличеніе производительности земледѣльческаго труда есть лишь прогрессъ способовъ истощенія почвы. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что въ этомъ рудиментарномъ воззрѣніи Каутскаго темныя стороны капитализма даже преувеличиваются. Причиной такого промаха

является исключительно то обстоятельство, что Каутскій рѣшился написать „аграрный Капиталъ“, не стоя на уровнѣ современныхъ агрономическихъ знаній. И вотъ, онъ самъ даетъ оружіе противъ себя—правда, оружіе, пришедшее въ негодность, покрытое ржавчиной вѣковъ,—но для Каутскаго сохраняющее весь былой блескъ, твердость и остріе закаленой стали.

Далѣе, вслѣдъ за Марксомъ Каутскій долженъ признать угнетающее вліяніе ренты на современное земледѣліе. Правда, „ренту долженъ выплачивать собственнику и промышленный капиталистъ; но цѣна ея тамъ составляетъ лишь ничтожную часть всей денежной суммы, затрачиваемой на предпріятіе. Иначе въ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь... капитализированная земельная рента образуетъ главную часть всей денежной суммы, которую долженъ затратить сельскій хозяинъ... Такимъ образомъ, онъ только небольшую часть своего капитала можетъ примѣнять въ своемъ производствѣ въ качествѣ настоящаго, производительнаго капитала“ *). Остальное—дань, выплачиваемая владѣльцу земли за доступъ къ ней, выплачиваемая или постоянно, въ видѣ арендной платы, или сразу, въ видѣ покупной цѣны земли. Эта особенность сельскаго хозяйства представляетъ источникъ задолженности землевладѣнія. Каждая перемѣна владѣльца, каждый переходъ земли изъ рукъ въ руки увеличиваетъ задолженность. Арендная система представляетъ въ этомъ отношеніи большія преимущества. Не требуется сразу доставать большого количества денегъ. Поэтому, говоря словами Каутскаго, „арендная система есть классическая форма проявленія капиталистическаго сельскаго хозяйства“ **). „Но и арендная система имѣетъ свои темныя стороны“. Эти темныя стороны—во первыхъ, стремленіе землевладѣльца возвышать арендную плату, стремиться къ болѣе короткимъ срокамъ договора, чтобы имѣть возможность учесть въ свою пользу всякое временное улучшеніе въ положеніи сельскаго хозяйства путемъ возвышенія платы за землю; во вторыхъ,—стремленіе арендатора въ возможно болѣе короткій срокъ съ возможно меньшими затратами извлечь изъ земли все, что она можетъ дать, не заботясь о постоянствѣ плодородія почвы (это обстоятельство опять таки вполнѣ достаточно было выяснено у Маркса). Такимъ образомъ, и при системѣ хозяйствованія на купленной въ собственность землѣ, и при арендѣ „земельная рента является сильнѣйшимъ препятствіемъ раціональнаго сельскаго хозяйства“ ***). Аналогичнымъ препятствіемъ является наслѣдственное право. Оно ставитъ въ буржуазномъ обществѣ передъ сельскимъ хозяиномъ дилемму: или раздроблять имѣніе между дѣтьми, или, отдавая его одному, отя-

*) Die Agrarfrage, ss. 194—195.
**) Ibid., s. 196.
***) Ibid., 197.

гощать его въ пользу другихъ обязательствами денежнаго характера. Это—также одна изъ причинъ земельной задолженности. Благодаря этому затрудненію, стоящему поперекъ дороги раціональному сельскому хозяйству, получаютъ даже въ такихъ классическихъ странахъ капитализма, какъ Англія, новую жизненность и силу чисто феодальныя установленія, ограничивающія свободную мобилизацію земельной собственности, какъ, напр., фидеикомиссы. Словомъ, при всѣхъ техническихъ успѣхахъ, связанныхъ съ развитіемъ въ сельскомъ хозяйствѣ капиталистическаго способа производства, „тотъ же способъ производства самъ развиваетъ тенденціи, которыя становятся поперекъ дороги развитію и распространенію крупнаго производства; которыя сильнѣйшимъ образомъ препятствуютъ ему добиться при современномъ общественномъ порядкѣ абсолютнаго, исключительнаго господства; которыя, такимъ образомъ, препятствуютъ сельскому хозяйству достигнуть высшей ступени развитія, возможной при данныхъ техническихъ условіяхъ. Да, эти мѣшающія развитію тенденціи, благопріятствуя парцеллированію земельной собственности, могутъ даже мѣстами приводить къ техническому регрессу агрикультуры *). Онѣ „все болѣе ограничиваютъ, стѣсняютъ сельское хозяйство и вліяютъ въ томъ смыслѣ, что формы собственности и присвоенія, соотвѣтствующія современному способу производства, становятся все въ большее и большее противорѣчіе съ потребностями раціональнаго сельскохозяйственнаго производства“ **).

Каутскій, кромѣ того, не обратилъ достаточно вниманія на нѣсколько другихъ важныхъ пунктовъ, въ которыхъ сельско-хозяйственный капитализмъ противорѣчитъ раціональной культурѣ или запутывается во внутреннихъ противорѣчіяхъ. Эти пункты достаточно выяснены у Маркса: 1) противорѣчіе между законами рынка и законами плодородія почвы; 2) неблагопріятное отношеніе въ земледѣліи рабочаго періода къ періоду производства, и 3) медленный темпъ оборота капитала. За то Каутскій очень мѣтко оцѣниваетъ вліяніе заатлантической конкурренціи и покровительственныхъ пошлинъ, какъ противоядія этой конкурренціи. Оцѣнка сама по себѣ не нова, но удачна своеобразная ея формулировка. „Не *количество* привозимыхъ продуктовъ опасно для европейскаго земледѣлія, говоритъ Каутскій—но ихъ *производственныя условія*“. Прежде всего важно то, что на заатлантическомъ сельскомъ хозяйствѣ не виситъ стопудовой гири въ видѣ ренты. „Тамъ неизвѣстны тягости, которыя накладываетъ капиталистическій способъ производства на сельское хозяйство. Выступленіе этихъ странъ на міровомъ рынкѣ дѣлаетъ для европейскаго сельскаго хозяйства болѣе невозможнымъ перекладывать на

*) Ibid., s. 194.
**) Ibid., s. 232.

массу потребителей тѣ тягости, которыя на него накладываютъ частная собственность на землю и капиталистичес ій способъ производства. Оно должно выносить эти тягости на своихъ собственныхъ плечахъ—и въ этомъ состоитъ весь современный аграрный кризисъ“ *).

Далѣе, Каутскій совершенно правильно отмѣчаетъ, что „крупное производство обладаетъ болѣе всего превосходствомъ надъ мелкимъ въ области зернового хозяйства,—и какъ разъ здѣсь чувствительнѣе всего удары заатлантической конкурренціи“. Кромѣ того, само собой понятно, чѣмъ крупнѣе хозяйство, тѣмъ большая относительно часть продуктовъ въ немъ отчуждается и поступаетъ на рынокъ—тѣмъ сильнѣе, слѣдовательно, ощущается имъ и заатлантическая конкурренція.

Мѣтко также замѣчаніе Каутскаго, что если бы и была возможной энергическая аграрная политика въ покровительственномъ духѣ, какъ средство ослабить вліяніе этой конкурренціи,—то результатомъ этой политики было бы собственно „поощреніе не *сельскаго хозяйства*, а *землевладѣнія*: она удерживала бы на извѣстной высотѣ хлѣбныя цѣны путемъ возвышенія ренты и, такимъ образомъ, только длила бы отягощеніе сельскаго хозяйства гнетомъ этой послѣдней“.

Еще болѣе важнымъ препятствіемъ для крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ является *рабочій вопросъ*,—недостатокъ рабочихъ рукъ, бѣгство рабочихъ въ города... Каутскій придаетъ этому особенно важное значеніе: онъ прямо говоритъ объ ограбленіи деревни городомъ, о притяженіи городомъ какъ разъ наиболѣе энергичныхъ и интеллигентныхъ рабочихъ. Безъ достаточнаго контингента хорошихъ рабочихъ никакое раціональное капиталистическое производство немыслимо. Въ сельскомъ хозяйствѣ рабочій—какъ при цеховомъ строѣ „ученики“ ремесленника—лично несвободенъ, онъ—если онъ не поденщикъ — представляетъ собой все еще нѣчто вродѣ старой помѣщичьей „дворни“, онъ—простой придатокъ къ домашнему обиходу хозяина. Это не то, что фабричный рабочій, внѣ своей работы совершенно свободный, проводящій свою жизнь независимо. Вообще въ индустріи производство и домашнее хозяйство отдѣлены другъ отъ друга, тогда какъ въ сельскомъ хозяйствѣ они, напротивъ, неразрывно соединены. Здѣсь нѣтъ производства безъ, такъ сказать, „домашняго очага“, нѣтъ и точнаго, постояннаго „домашняго очага“ безъ нѣкотораго самостоятельнаго сельско-хозяйственнаго промысла. Отчасти это зависитъ отъ разсѣянія деревенскаго населенія въ противоположность концентраціи городского. Рабочій или является всецѣло принадлежностью сельско-хозяйственной экономіи, или—въ большинствѣ случаевъ—онъ долженъ быть

*) Ibid, s. 239.

одновременно самостоятельнымъ сельскимъ хозяиномъ, необезпеченнымъ доходомъ своего производства и вынужденнымъ искать подсобнаго заработка на сторонѣ. Съ одной стороны, эта нераздѣльность домашняго обихода отъ производства, связанная съ потребленіемъ внутри хозяйства большинства продуктовъ собственнаго производства, составляетъ силу мелкаго хозяйства и одну изъ причинъ его живучести. Съ другой стороны, самъ сельскохозяйственный капитализмъ нуждается въ подобныхъ мелкихъ хозяйствахъ. Чѣмъ больше совершенно обезземеливаются крестьяне, тѣмъ чувствительнѣе для крупныхъ хозяевъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Вѣдь „болѣе интенсивное сельское хозяйство имѣетъ тенденцію уменьшать число рабочихъ рукъ, занятыхъ зимою, и, напротивъ, лѣтомъ занимать больше рабочихъ рукъ на единицу пространства“ *). Но это обозначаетъ для батрака, поденщика растущую непрочность, необезпеченность заработка, его временный характеръ, невозможность существовать только на него. Рабочій бѣжитъ въ городъ. Такъ, дойдя до извѣстнаго предѣла, вытѣсненіе мелкаго хозяйства крупнымъ ухудшаетъ положеніе самого крупнаго хозяйства, ведетъ къ его регрессу. Мелкое хозяйство снова поднимаетъ голову и возвращаетъ часть утерянныхъ позицій. Но и этой реакціи есть свои границы. Увеличеніе количества мелкихъ хозяйствъ, мало обезпечивающихъ работника, доставляетъ вновь достаточный контингентъ наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ; положеніе крупнаго хозяйства вновь улучшается, и т. д. Такимъ образомъ мы имѣемъ рядъ колебаній вокругъ извѣстнаго уровня. Въ извѣстныхъ предѣлахъ мелкое хозяйство перестаетъ быть конкуррентомъ крупнаго, они другъ друга обусловливаютъ. Устанавливается нѣкоторая нормальная пропорція ихъ другъ къ другу. Такимъ образомъ, „при капиталистическомъ способѣ производства одинаково мало можно ожидать уничтоженія какъ мелкаго производства крупнымъ, такъ и наоборотъ—крупнаго мелкимъ“ **).

Это положеніе, несомнѣнно, представляетъ огромную уступку со стороны Каутскаго, того самаго Каутскаго, который въ своей книгѣ объ „Эрфуртской программѣ“ ***) смѣло предрекалъ „das völlige Verschwinden des Kleinbetriebes“, полное исчезновеніе мелкаго производства!

Но и эта уступка выходитъ у Каутскаго не прямой и открытой, а замаскированной. „Изъ всего этого вытекаетъ, говоритъ онъ, что нельзя думать, будто мелкое землевладѣніе въ современномъ обществѣ исчезнетъ и совершенно будетъ вытѣснено крупнымъ землевладѣніемъ. Мы видѣли, что тамъ, гдѣ концентрація

*) Ibid., 220.
**) Ibid. 160—161.
***) Erfurter Programm, s. 25. Ср. также s. 83, 84 etc.

землевладѣнія заходитъ слишкомъ далеко, обнаруживается тенденція къ парцеллированію, и если она встрѣчаетъ слишкомъ большія препятствія—само государство и крупные землевладѣльцы стремятся облегчить ея осуществленіе. Но именно эти стремленія крупнаго землевладѣнія показываютъ намъ, что нѣтъ ничего превратнѣе того взгляда, согласно которому живучесть мелкаго производства является слѣдствіемъ его способности конкуррировать съ крупнымъ. Она скорѣе слѣдствіе того, что мелкое производство *перестаетъ* быть конкуррентомъ крупнаго"... *). Словомъ, нѣтъ ничего превратнѣе воззрѣній Фольмара, Давида и др. Каутскій вѣчно одерживаетъ побѣды надъ своими теоретическими противниками, даже тамъ, гдѣ дѣлаетъ имъ уступки по всей линіи.

То, что говоритъ Каутскій, можно сказать и на иной ладъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ крупное *капиталистическое* производство перестаетъ быть конкуррентомъ *мелкаго*, а, напротивъ, нуждается въ немъ ради собственнаго существованія. Мелкое производство можетъ обойтись безъ крупнаго, а крупное не можетъ обойтись безъ мелкаго. Кто же проявляетъ здѣсь, въ такомъ случаѣ, недостатокъ жизнеспособности? Очевидно, не крестьянство, а сельско-хозяйственный капитализмъ. Онъ не проявляетъ того дѣйствія, которое проявляетъ капитализмъ индустріальный. Вмѣсто того, чтобы уничтожать мелкую, разробленную собственность — очагъ всяческаго индивидуализма—онъ на извѣстной ступени развитія вынужденъ самъ насаждать ее. Вмѣсто того, чтобы провести работника черезъ чистилище—состояніе пролетаріата—онъ обманнымъ образомъ прикрѣпляетъ его къ землѣ, къ парцеллѣ, дѣлая изъ него какого то ублюдка—полупролетарія, полукрестьянина—не обладающаго независимымъ духомъ настоящаго крестьянина, но насквозь проникнутаго его стремленіемъ къ собственной „землицѣ", не обладающаго привычкой къ объединенію и духомъ классовой солидарности настоящаго пролетарія, но обладающаго лишь его привычками покорности и дисциплины. Или, говоря словами самого Каутскаго: „иначе, чѣмъ въ городахъ, вліяетъ капиталистическое развитіе въ деревнѣ. Здѣсь оно не объединяетъ людей, а разъединяетъ, разсѣиваетъ... Оно ведетъ... къ обезлюденію деревни... а рука объ руку съ этимъ обезлюденіемъ идетъ ея духовное опустошеніе". Куда же дѣлась догма о „положительной исторической миссіи"?

У самого Каутскаго вырываются подчасъ такія рѣшительныя признанія эфемерности этой пресловутой „миссіи" (рѣчь идетъ здѣсь, конечно, исключительно о сельскомъ хозяйствѣ), что большаго не нужно желать и самому крайнему противнику „догмы". Вотъ, напримѣръ, его выводъ изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій: „гдѣ было феодальное сельское хозяйство въ концѣ XVIII

*) Die Agrarfrage, s. 163.

столѣтія,—тамъ находится капиталистическое въ концѣ XIX, а именно—въ тупомъ переулкѣ, изъ котораго оно на данной соціальной основѣ не можетъ выбраться своими собственными силами“ *).

Какія же силы выведутъ сельское хозяйство изъ этого тупого переулка? Постороннія, внѣшнія силы — силы города, индустріи, отвѣчаетъ Каутскій. „Индустрія образуетъ движущую силу не только своего собственнаго, но и сельско-хозяйственнаго развитія“ **). Индустрія обратила крестьянина въ продавца особеннаго товара вмѣсто самодовлѣющей хозяйственной единицы, лишивъ его подсобныхъ промысловъ; силы города, индустріи разрушили феодальный порядокъ и вывели феодальное сельское хозяйство изъ того тупого переулка, изъ котораго оно собственными силами не могло выбраться; индустрія посредствомъ микроскопа и химической лабораторіи произвела переворотъ во всѣхъ способахъ сельско-хозяйственнаго производства. Индустрія должна и на этотъ разъ подчинить себѣ сельское хозяйство, поставить его въ полную зависимость отъ себя, индустріализировать его и такимъ образомъ подготовить его конечное преобразованіе, переходъ вмѣстѣ съ индустріей въ новую, цѣлостную хозяйственную организацію. „Какъ *вездѣ* въ капиталистическомъ обществѣ, такъ и здѣсь, въ концѣ концовъ, индустрія одерживаетъ побѣду надъ сельскимъ хозяйствомъ“—говоритъ Каутскій въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу ***). Носителемъ новаго принципа, конечно, долженъ быть опредѣленный классъ. „Въ то время, какъ капиталистическій способъ производства видимо затрудняетъ образованіе такого класса въ деревнѣ, онъ благопріятствуетъ ему въ городѣ“. Что касается различныхъ элементовъ сельскаго населенія, то они, „подобно сельскому населенію феодальнаго времени, попадаютъ въ тупой переулокъ, изъ котораго они не могутъ освободиться собственной инипіативой, и въ которомъ они тѣснятся все съ большимъ чувствомъ боязни и отчаянія... Какъ въ концѣ XVIII ст., такъ и на этотъ разъ принести имъ освобожденіе и открыть дорогу къ дальнѣйшему развитію должно будетъ... населеніе городовъ“ ****).

Итакъ, индустріи, городу должна будетъ принадлежать активная роль, а сельскому хозяйству, деревнѣ—пассивная. Но возникаетъ вопросъ—еще захочетъ ли она взять на себя эту роль пассивнаго матеріала въ рукахъ зодчаго—города? Старый, рудиментарный марксизмъ порою давалъ на этотъ вопросъ весьма рѣшительные отвѣты. Фр. Энгельсъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ

*) «Die Agrarfrage». s. 228.
**) Ibid. s. 292 и далѣе.
***) Ibid s. 274.
****) Ibid s. 294.

событій 1848 г., даже писалъ, что враждебное отношеніе крестьянъ къ освободительной инициативѣ Парижа „не есть слѣдствіе ошибокъ и случайныхъ недоразумѣній: оно естественно. Оно проистекаетъ изъ самого существа вещей, изъ общественнаго положенія мелкой земельной собственности. Французскому пролетаріату, прежде чѣмъ онъ проведетъ свои требованія, *придется подавить всеобщую крестьянскую войну*"... Вотъ въ какихъ конкретныхъ очертаніяхъ представлялась Энгельсу будущая „побѣда индустріи надъ сельскимъ хозяйствомъ".

Каутскій и здѣсь, какъ вездѣ, является умѣреннымъ и осторожнымъ эклектикомъ.

Впрочемъ, насъ Каутскій интересуетъ здѣсь не какъ аграрный политикъ, а исключительно какъ теоретикъ. Въ качествѣ „экономическаго матеріалиста" онъ долженъ искать вездѣ „послѣдней инстанціи", первоначальнаго и основного двигателя всѣхъ перемѣнъ. Ему мало видѣть въ „экономикѣ" такой элементъ, который образуетъ движущую силу всякаго развитія; онъ еще въ самой экономикѣ находитъ одинъ элементъ—индустрію, которая „образуетъ движущую силу не только своего собственнаго, но и сельско-хозяйственнаго развитія".

Къ міросозерцанію Каутскаго въ высшей степени подходитъ мѣткій терминъ „индустріоцентризмъ", примѣняемый довольно произвольно Оппенгеймеромъ къ теоріи Маркса вообще. „Извѣстно,—говоритъ онъ,—что всѣ первоначальныя, наивныя научныя попытки антропоцентричны — ихъ творцы ставятъ самихъ себя въ центръ вещей. Такъ, Птоломеева система въ астрономіи наивно поставила землю въ центръ всего міра. И затѣмъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій были попытки поддержать старую систему посредствомъ все болѣе и болѣе искусственныхъ конструкцій, построеніемъ все новыхъ и новыхъ системъ эпицикловъ. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока переворотъ, произведенный Коперникомъ, не устранилъ всѣхъ трудностей однимъ ударомъ. Совершенно такъ же городскіе мыслители, которые, естественно, прежде всего должны были научно поставить хозяйственную проблему, разсматривали хозяйственную жизнь города, какъ центръ вещей, какъ солнце, вокругъ котораго уже въ качествѣ служебнаго, подчиненнаго элемента, въ качествѣ спутника вращается сельское хозяйство (въ томъ случаѣ, если вообще обращали хоть какое нибудь вниманіе на это послѣднее). Послѣднимъ борцомъ за это пониманіе хода вещей былъ Марксъ; его система—послѣдняя, съ титанической силой предпринятая попытка спасти это пониманіе. Отсюда и вся необычайная сложность и искусственность его экономической системы эпицикловъ.

„Но какъ только высказана мысль, что отношеніе между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ должно быть понято совершенно наоборотъ—такъ тотчасъ же она пробивается сквозь всѣ препят-

ствія. Каждый ребенокъ и знаетъ, и видитъ, что промышленность добывающая—сельское хозяйство—есть фактъ первичный, а переработка матеріи—индустрія—есть фактъ вторичный въ хозяйственной исторіи. Ни одинъ ремесленникъ не могъ бы существовать, если бы сельское хозяйство его округа не предоставляло достаточнаго излишка средствъ существованія, чтобы доставить ему пропитаніе. Растутъ излишки средствъ существованія, доставляемые сельскимъ хозяйствомъ—можетъ существовать больше ремесленниковъ; уменьшаются они, и многіе ремесленники должны исчезнуть. Измѣняется норма распредѣленія этихъ излишковъ между различными сельско-хозяйственными классами, и долженъ явиться спросъ на другіе продукты индустріи; промышленное населеніе должно приспособляться къ этому спросу, т. е. должно измѣнять соотвѣтственнымъ образомъ родъ своихъ занятій, а, быть можетъ, даже и мѣстность... Такимъ образомъ, вообще говоря, для всякаго пониманія индустріальнаго развитія основнымъ, фундаментальнымъ фактомъ является покупательная сила деревни по своей абсолютной величинѣ и относительному распредѣленію... И всякая экономическая система, которая пытается понять народное хозяйство, исходя не изъ этого его главнаго корня—какъ бы она ни была во всѣхъ другихъ отношеніяхъ глубока, тонка и остроумна—по необходимости будетъ ложной. Настолько же ложной, насколько и всякая астрономическая теорія, которая еще основывается на геоцентрическомъ взглядѣ. И этотъ Коперниковскій переворотъ сдѣланъ впервые мною *)“...

Оппенгеймеръ ошибается, и въ иныхъ отношеніяхъ ошибается жестоко. Его характеристика „индустріоцентризма“ дѣйствительно, какъ мы видѣли, вполнѣ приложима къ воззрѣніямъ Каутскаго; но Марксъ никогда не былъ повиненъ въ одностороннемъ разсматриваніи эволюціи сельскаго хозяйства, какъ факта вторичнаго порядка, требующаго сведенія къ первоисточнику—вліянію индустріальныхъ перемѣнъ. Марксъ никогда не упускалъ и оборотной стороны медали—достаточно „фундаментальнаго“ значенія самостоятельныхъ перемѣнъ въ области сельскаго хозяйства, деревни для экономическихъ судебъ города, индустріи. Никто иной, какъ онъ, установилъ, напримѣръ, что „монополія земельной собственности представляется *историческою исходною точкой* и остается *постояннымъ основаніемъ* капиталистическаго способа производства“ **). Слѣдовательно, когда нужно, Марксъ начиналъ разсмотрѣніе народно-хозяйственной жизни, исходя изъ „главнаго корня“, „исторически первичнаго момента“ Оппенгеймера. Опять таки никто

---

*) «Die soziale Bedeutung der Genossenschaft» S. Monatshefte, 1899, I, s. 43 (есть и отд. изд.).

**) Это мѣсто должно быть особенно важно для Оппенгеймера, который, основываясь на отрывочныхъ замѣчаніяхъ гл. XX, т. III «Капитала» («торговый капиталъ... исторически является въ дѣйствительности самымъ стариннымъ

иной, какъ экономисты школы Маркса, съумѣли на основаніи твердыхъ данныхъ статистики оцѣнить значеніе покупательной силы сельскаго населенія для судебъ индустріи. Для Россіи такая работа выполнена съ замѣчательнымъ умѣньемъ и научной точностью въ книгѣ г. Николая—она. Но этого для Оппенгеймера мало. Онъ увлеченъ аналогіей съ Птоломеевой системой и Коперниковскимъ переворотомъ; онъ самъ хочетъ быть—не мало, не много—Коперникомъ политической экономіи. Онъ тоже долженъ найти „центръ", „фундаментъ", „первоисточникъ", „солнце экономическаго міра", отраженнымъ свѣтомъ котораго свѣтили бы всѣ остальные „ряды расчисленныхъ свѣтилъ". Онъ дѣлаетъ ту же ошибку, что и Каутскій, только въ обратную сторону. Онъ не видитъ, что народное хозяйство всякой страны просто есть сложный организмъ, цѣлое, всѣ части котораго связаны между собою тѣсною, неразрывною связью, такъ что нельзя тронуть, нельзя измѣнить ни одной, чтобы это не отозвалось и на другихъ. Между развитіемъ индустріи и развитіемъ сельскаго хозяйства можно найти множество функціональныхъ соотношеній, допускающихъ по измѣненіямъ въ одной области съ достаточнымъ правомъ заключать объ измѣненіяхъ въ другихъ областяхъ. Только и всего.

Какъ бы то ни было, но теорія Каутскаго дѣйствительно представляетъ большія аналогіи съ той низшей ступенью человѣческой философіи, которая извѣстна подъ именемъ „антропоцентризма". Еще старѣе антропоцентризма является до извѣстной степени связанный съ нимъ антропоморфизмъ, перенесеніе человѣческихъ свойствъ на внѣшній міръ. „Индустріоцентризмъ" Каутскаго также, если угодно, имѣетъ своимъ предшественникомъ грубый „индустріоморфизмъ", простое перенесеніе законовъ индустріальной эволюціи на внѣшній міръ, на область сельскаго хозяйства; „индустріоморфизмъ", типичный образчикъ котораго мы видѣли, напримѣръ, въ Grund-und Bodenfrage Либкнехта. Да и вообще мы видимъ у Каутскаго ту же самую старую „догму" только въ значительно ослабленномъ, можно сказать, разжиженномъ и обезцвѣченномъ видѣ. Съ нея слиняли прежніе яркіе цвѣта, исчезла опредѣленность и категоричность выраженій; множество оговорокъ и оговорокъ къ оговоркамъ зачастую сильно затрудняютъ достаточно точное пониманіе хода мыслей. Вслѣдствіе этого нѣтъ недостатка и въ противорѣчіяхъ, едва заштопанныхъ бѣлыми нитками. Писательскій талантъ Каутскаго, обычная легкость и ясность языка, мѣткость формулировокъ, стройность и живость изложенія на этотъ разъ далеко не всегда поправляютъ дѣло.

свободнымъ видомъ капитала» etc.)—упрекаетъ Маркса въ исторической ошибкѣ. «Не къ XVI вѣку относится возникновеніе капитализма, говоритъ онъ,—а самое позднее—къ XIV; и не торговый капиталъ былъ его корнемъ, а крупное землевладѣніе и рента».

Неудивительно, поэтому, то холодное отношеніе, которое встрѣтила книга Каутскаго у многихъ марксистовъ заграницей. Вотъ отзывъ одного изъ нихъ, итальянскаго депутата парламента и профессора Джероламо Гатти, хорошаго знатока аграрныхъ отношеній. „Въ этой книгѣ“—говоритъ онъ на стр. 411—412 своего послѣдняго труда *)—„намъ не приходилось часто останавливать свое вниманіе на книгѣ Каутскаго, не смотря на его большой авторитетъ, такъ какъ книга его въ дѣйствительности не вноситъ ничего существенно важнаго ни въ нашу доктрину, ни въ нашу тактику. Что касается до доктрины, такъ въ этой книгѣ лишь вновь поддерживается старая марксистская догма о быстромъ исчезновеніи мелкой крестьянской собственности—что уже свидѣтельствуетъ о поверхностности взгляда... Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе общаго интеллектуальнаго вліянія Каутскаго эта поверхностность вредна; но весь авторитетъ Каутскаго не можетъ повліять здѣсь по крайней мѣрѣ на образованную часть нашей международной партіи, не имѣющей, конечно, какъ цѣлое, ни времени, ни возможности все наблюдать и подмѣчать самостоятельно, за свой собственный счетъ. Что касается тактики... то все дѣлаетъ эту книгу трудомъ, противорѣчивымъ въ самомъ своемъ существѣ“. Это мы только и старались доказать.

В. Черновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Prof. Gerolamo Gatti, dep. al parl. «Le nuove correnti dell'economia agraria». (Agricoltura et Soc.,—«Biblioteca di Scienze sociali e politiche», № 29).

ПЕРВОЕ ГОРЕ.

(Разсказъ).

Когда Гриша выходилъ на балконъ, ему стоило только прищурить свое большіе синіе глаза, чтобы видѣть за открытыми воротами конюшни круглый свѣтлый задъ Ловкаго въ его стойлѣ, рядъ уздечекъ на перегородкѣ и кучера Игната въ старой безрукавкѣ и съ неугасимой трубкой въ зубахъ. Обыкновенно Гриша не долго противился искушенію: онъ засовывалъ обѣ руки въ карманы своихъ коротенькихъ штанишекъ, спускался съ лѣсенки балкона и шелъ черезъ большой заросшій дворъ степенной поступью настоящаго хозяина.

— Ну, что?—спрашивалъ онъ Игната, оглядывая знакомую и милую ему обстановку каретнаго сарая,—лѣвая все еще хромаетъ?

— Хромаетъ еще, хромаетъ!—съ полной готовностью поддержать разговоръ отвѣчалъ Игнатъ.

— А хомутъ починилъ?

— Да, вотъ, починяю.

— Смотри: сегодня моего Королька никому не давать!

— Да развѣ моя воля? Скажутъ: „надо на станцію ѣхать, либо въ село, запрягай Королька“... Я и запрягу.

— Что это, право! все мою лошадь, все мою...—ворчливо замѣчалъ мальчикъ.—А овса ей всыпалъ? .

— Откуда же я возьму, ежели мнѣ не приказано?—отвѣчалъ Игнатъ, и бородатое, обыкновенно хмурое лицо его принимало лукавое выраженіе.—Папенька не велѣлъ.

— Безъ овса!—отчаянно вскрикивалъ Гриша и гнѣвныя слезы навертывались у него на глазахъ. Игнатъ весело и ласково смѣялся.

— Ишь, порохъ какой! право, порохъ,—успокоительно говорилъ онъ.—Да ужъ будьте покойны: не обижу я вашего Королька. У другихъ отниму, а Королекъ у меня всегда въ полномъ удовольствіи. Ужъ не бойся, милый!

Онъ ласково заглядывалъ въ глаза мальчику и проводилъ по его головѣ своей корявой, грубой рукой. Гриша успокоивался и начиналъ свой обычный обходъ. Онъ садился поочередно во всѣ экипажи, влѣзалъ на козлы и дѣлалъ попутно свои замѣчанія.

— Хо-рошая телѣжка!—говорилъ онъ тономъ знатока.

— Дурного въ ней нѣтъ!—сочувственно отзывался Игнатъ.

— Дрожина-то... прочная, небось?

— Дегтемъ вымажешься, баловникъ!—предостерегалъ кучеръ.—Нянюшка будетъ браниться.

— Ладно. Не вымажусь,—спокойно отвѣчалъ Гриша.

Игнатъ служилъ въ усадьбѣ первый годъ, но очень быстро сошелся со своимъ маленькимъ бариномъ, и между ними завязалась странная, но искренняя дружба.

— Вотъ я вамъ разскажу, какъ я у Лухковскихъ господъ жилъ, — начиналъ Игнатъ. — Была у нихъ лошадь...

— Ты у нихъ до насъ жилъ?

— Нѣтъ. До васъ жилъ я тутъ у одного купца... Конечно, нужда... Безъ нужды дня бы у него не прожилъ!.. Тоже въ судъ!.. А за что меня въ судъ? развѣ я чужое бралъ?

— А развѣ тебя купецъ хотѣлъ судить?

— Чего ужъ тамъ хотѣлъ! прямо, значитъ, подалъ жалобу. Будто я у него лошадь и телѣгу увелъ. Жалованья не платилъ цѣлый годъ, а отпустить тоже но отпускаетъ. Живи! Мы съ бабой и такъ, и этакъ. Пользуется, значитъ, что пачпорта не было. Что ты тутъ дѣлать будешь? Взяли мы съ Матреной, съ бабой моей, ночью лошадь въ телѣгу запрягли, да и... домой. Не пѣшкомъ же намъ было идти, да еще съ ребенкомъ малымъ, до дому-то верстъ 60 будетъ. Хватился купецъ, а нашъ и слѣдъ простылъ. Лошадь я бы ему вернулъ, неужто взялъ бы. А онъ, вишь, разсвирѣпѣлъ, что даровой работникъ ушелъ, да въ судъ, да жалобу: такъ, молъ, и такъ, обокрали.

— И судили тебя?

— Говорятъ,—судили.

— Ну, какъ-же?

— А вотъ и такъ-же!—неопредѣленно отвѣчалъ Игнатъ, и густыя брови его озабоченно хмурились и все лицо надолго принимало угрюмое, почти страдальческое выраженіе.

— А ты-бы сказалъ, что не виноватъ,—совѣтовалъ Гриша серьезно.

— Да развѣ меня спрашивали? У насъ суды-то какіе? старые суды. Слышно, новые-то лучше, правильнѣе. Да и гдѣ она, соколикъ, правда-то? Судили, судили, да воромъ меня и сдѣлали. Вотъ какъ!

— Какъ сдѣлали?—жадно допытывался мальчикъ.

— А вотъ такъ!—хмурясь и горько усмѣхаясь, отвѣчалъ Игнатъ.

Иногда разговоръ принималъ другое направленіе.

— Развѣ Матрена твоя жена?—спрашивалъ Гриша.

— А-то чья же?—добродушно отзывался Игнатъ.

— Чего же она не съ тобой, а все въ землянкѣ хлѣбы печетъ?

Игнатъ улыбался.

— А чего ей тутъ со мной? Сказки мнѣ, что ли, сказывать?

— Зачѣмъ сказки?—горячо возражалъ мальчикъ.—Мама сказки папѣ не разсказываетъ, такъ живетъ... А Полька, значитъ, твоя дочь?

— Значитъ, дочь.

— А еще у васъ дѣти были?

— Нѣтъ, только и всего.

— Отчего у васъ больше не было?

Игнатъ смѣялся и крутилъ головой.

— Ну, ужъ и ребенокъ!—говорилъ онъ.

— Чего смѣешься?—слегка обижаясь и объясняя свою мысль, продолжалъ Гриша.—Вотъ у папы съ мамой трое дѣтей... Игнатъ!—ласково просилъ онъ тутъ же, заглядывая въ глаза своего пріятеля,—когда уѣдемъ въ городъ, ты ужъ побереги моего Королька.

— Уберегу! уберегу!—обѣщалъ Игнатъ.—Да только, милый, какъ бы мнѣ раньше вашего не уѣхать.

— А куда?—удивленно спрашивалъ мальчикъ.

— А вотъ... туда!—съ своей обычной загадочной манерой отвѣчалъ Игнатъ.

Нерѣдко задушевную бесѣду друзей прерывала старуха няня.

— Гришенька! здѣсь, что-ли?—спрашивала она, заглядывая въ сарай.—И что-это, правда,—ворчливо продолжала она,—господское дитё, а въ конюшнѣ живмя живетъ. Вотъ, пожалуюсь мамѣ! Скажите на милость: пріятеля себѣ нашелъ. Иди сейчасъ, иди! А ты, непутевый,—обращалась она къ Игнату,—чѣмъ тебѣ ребенка образумить, ты его пуще заманиваешь.

— Да я что-же, Анна Герасимовна? я ничего,—сконфуженно оправдывался Игнатъ.—Если бы я его дурному училъ...

— Еще-бы тебя въ учителя! — презрительно замѣчала няня.—Иди, баловникъ, иди!

Гриша повиновался; но, чтобы подчеркнуть свое неудовольствіе, шелъ не рядомъ съ няней, а сзади нея, и преувеличенно надувалъ губы.

— Зачѣмъ Игната обижаешь? — наконецъ, лаконически спрашивалъ онъ.—Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— А развѣ онъ тебѣ компанія?—горячо возражала няня.—

Тоже кучеръ! Одно слово, что кучеръ. Развѣ у насъ раньше такіе-то кучера были? Просто мужикъ косолапый. Идетъ, голову повѣситъ, морда вся въ волосахъ, такъ что и глазъ не видно.

— Врешь! видно!—сердито вскрикивалъ мальчикъ.

— Ну, спасибо, голубчикъ, спасибо, батюшка, что свою старую няньку на мужика промѣнялъ! Мужикъ косолапый милѣе няньки сдѣлался!—обиженнымъ тономъ говорила няня.— Спасибо, вотъ ужъ спасибо, родной!

— Да развѣ я сказалъ? Ну!—со слезами въ голосѣ защищался Гриша.

Эти частыя ссоры, всегда быстро оканчивавшіяся полнымъ примиреніемъ, не проходили, однако, безслѣдно: запрещенная привязанность пріобрѣтала цѣну и силу всего запрещеннаго. Болѣе чѣмъ когда либо тянуло Гришу къ Игнату, но, боясь огорчить няню и вызвать ея законную ревность, мальчикъ хитрилъ, закупалъ старуху лаской, нервничалъ и весь разгорался отъ радости и волненія, когда ему удавалось обмануть бдительность няни и скрыться въ спасительной темнотѣ каретнаго сарая. Тогда онъ опять говорилъ, спрашивалъ, лазилъ, а Игнатъ слѣдилъ за нимъ, и странная нѣжность сквозила въ его угрюмыхъ, печальныхъ глазахъ подъ безпорядочно нависшими бровями.

— Идетъ! Анна Герасимовна идетъ!—шепталъ онъ иногда, лукаво улыбаясь. Гриша пугался, потомъ оба смѣялись.

Отца и мать Гриша видѣлъ большей частью только за столомъ. Отецъ всегда былъ занятъ, мать цѣлыми днями сидѣла у себя въ спальнѣ и считалась нездоровой. Когда у нея не болѣла голова, то болѣло что нибудь другое, что не позволяло ей переносить шумнаго общества дѣтей и даже яркаго свѣта дня. Когда Гришѣ приходила въ голову мысль забѣжать къ ней, она ласкала его, порывисто цѣловала несчетное число разъ и сейчасъ же просила уйти и не безпокоить ее.

Иногда Гриша сопротивлялся.

— Мама,—говорилъ онъ,—я буду сидѣть тихо, очень тихо. Онъ садился въ кресло и складывалъ руки на колѣняхъ.

— Ты здоровъ?—съ безпокойствомъ спрашивала мать.

— Да,—разсѣянно отвѣчалъ онъ, занятый какой нибудь посторонней мыслью, и сейчасъ же переходилъ на интересующій его вопросъ. Говорилъ онъ шепотомъ, чтобы не нарушать общаго настроенія тишины и спокойствія.

— Мама,—шепталъ онъ,—отчего когда жарко, непремѣнно вспотѣешь?

— А тебѣ жарко?—спрашивала мать.

16*

— Жарко... А ты думаешь я въ двухъ рубашкахъ?

— Развѣ въ одной?

— Конечно, въ одной! Вотъ!—звонко вскрикивалъ Гриша и, разстегнувъ воротъ ситцевой косоворотки, показывалъ свою голую грудь. Мать болѣзненно морщилась.

— Зачѣмъ ты кричишь?—упрекала она.

— Ахъ, я забылъ! — виновато говорилъ мальчикъ и умолкалъ.

— Мама!—шепталъ онъ опять минуту спустя, — скажи: зачѣмъ хвостъ?

— Какой хвостъ?

— А у лошадей, у собакъ?

— Какъ, зачѣмъ? Такъ просто хвостъ. Такъ ужъ устроено.

— Анъ не просто! а мухъ махать? Чѣмъ бы имъ мухъ-то махать?

Болтовня мальчика начинала раздражать нервную женщину, но она еще терпѣла молча, въ полной увѣренности, что Гришѣ самому надоѣстъ полумракъ комнаты, и онъ уйдетъ. Но Гриша скользилъ по спинкѣ кресла, укладывался спиной на сидѣньѣ и задиралъ ноги, закладывая ихъ одну на другую.

— Мама!—говорилъ онъ опять,—а ты знаешь, гдѣ заводятся блохи?

Мать брезгливо морщилась и закрывала глаза.

— Ну ужъ, Гриша! Что это за разговоръ!

— Въ гужахъ. Если заведутся блохи, надо гужи выбросить и ужъ новые...

— Вотъ что значитъ, что ты все по конюшнямъ! Съ осени найму тебѣ гувернантку. Мнѣ стыдно за тебя!

— Да чего стыдно-то?—удивлялся мальчикъ.

— Ну, хорошо. Ну, иди. Иди къ нянѣ и сестрамъ. Все ты или одинъ, или съ мужиками.

Гриша глубоко вздыхалъ, нехотя поднимался съ кресла и опять вздыхалъ: ему еще не хотѣлось уходить изъ прохладной комнаты, отъ своей грустной, больной, но все же нѣжно-любимой мамы.

— Поцѣлуй меня!—тихо говорила мать.

Онъ шелъ цѣловать, шалилъ, терся лицомъ объ ея лицо, а она нащупывала подъ рубашкой его острыя плечики и впадала въ жалобный тонъ.

— Худой ты у меня! блѣдненькій! Гриша, отчего ты такой?

— Шалю!—отвѣчалъ по привычкѣ мальчикъ, но сострадательная нѣжность матери дѣйствовала на его нервы и жалобила его.

— Ты у меня плохонькій! И тебѣ не легко, не просто

дается жизнь! И у тебя часто не весело на душонкѣ, мой мальчикъ!

И случалось, что тронутый ея жалостью и непонятными еще для него словами, Гриша вдругъ начиналъ рыдать на ея плечѣ.

— Что ты? о чемъ ты?—испуганно допрашивала его мать, хватая его за голову и нащупывая, нѣтъ ли жару.

Но Гриша сейчасъ же успокаивался и уходилъ. И не успѣвалъ онъ дойти до двери, какъ уже забывалъ о своихъ безпричинныхъ слезахъ, занятый какой нибудь новой интересной мыслью. Что-то еще вздрагивало и всхлипывало въ груди, а онъ уже радостно нащупывалъ въ карманѣ забытую веревку и соображалъ, какое бы сдѣлать изъ нея наилучшее употребленіе.

А между тѣмъ первое серьезное горе уже висѣло надъ его головой.

Въ одно утро отецъ, не отрываясь отъ газеты, сказалъ мамѣ черезъ столъ:

— Да... ты знаешь? За Игнатомъ пріѣхали!

— Пріѣхали? уже?—испуганно переспросила мама и, словно обдумывая что-то, опустила на столъ недопитую чашку.

— Неужели ничего нельзя было сдѣлать? вѣдь у нихъ дѣти,—тихо сказала она.

— Что-жъ прикажешь? — пожалъ плечами отецъ. — Не связываться же съ этимъ мерзавцемъ... ну, какъ его тамъ? съ купцомъ, этимъ... Я его немного знаю: кулакъ и мошенникъ.

— Ну, вотъ видишь, тѣмъ болѣе!—сказала мама.

— Чего же, тѣмъ болѣе? Конечно, будь у насъ гласный судъ, съ присяжными,—Игната бы, вѣроятно, оправдали или наказали за самоуправство... пустяки какіе нибудь. Но мы и отъ Россіи-то отстали. Увелъ лошадь, да еще замокъ сломанъ, ну, значитъ, воровство со взломомъ... Дѣло ясно.

— Но что же имъ было дѣлать?—спросила мама.—Вѣдь этотъ человѣкъ воспользовался какой-то задержкой съ паспортомъ, не платилъ жалованья, вымогалъ даровую работу... Вѣдь Игнатъ просто убѣжалъ изъ рабства...

— А уводить лошадь всетаки не слѣдовало! Ну, будетъ, что теперь толковать!—съ досадой отвѣтилъ отецъ и опять углубился въ газету.

Гриша жадно слушалъ и ничего не понималъ.

— Мама, куда везутъ Игната?—спросилъ онъ, широко раскрывая глаза. Мать разсѣянно поглядѣла на него, но вдругъ вспомнила о дружбѣ мальчика съ кучеромъ, чуть-чуть нахмурилась и отвела глаза.

— Кто пріѣхалъ за Игнатомъ, мама?—продолжалъ допытываться Гриша.

— Отчего не сказать ему?—недовольнымъ тономъ заговорилъ отецъ.—Что это за вѣчная боязнь огорчить, повліять на нервы? И выйдетъ какая-то мокрая курица, тряпка, а не человѣкъ...

— Боже мой, да говори самъ! развѣ я мѣшаю!—со слезами на глазахъ вскрикнула мама, подняла руки къ вискамъ и вышла изъ за стола.

— Вѣчныя сцены! вѣчныя сцены!—закричалъ ей вслѣдъ отецъ.

— Твоего Игната везутъ въ острогъ за кражу со взломомъ. Понимаешь?—сказалъ онъ жестко. Гриша поблѣднѣлъ.—Игната за кражу, а его жену Матрену за пособничество. Его на три года, а ее на полтора.

— А Польку?—спросилъ Гриша.

— А Польку... Ну, что-жъ Польку? Конечно, ее не въ острогъ... Я ужъ не знаю, куда ее... Польку.

Гриша въ упоръ глядѣлъ на отца и глаза его дѣлались блестящими и злыми. Онъ блѣднѣлъ все сильнѣе, но онъ боялся отца и сдерживался, на сколько могъ.

— Это за что-же?—вызывающимъ тономъ спросилъ онъ.

— Онъ укралъ, тебѣ говорятъ. Или все равно, что укралъ.

— Совсѣмъ не все равно!.. И самъ же ты сказалъ, что купецъ мошенникъ.

— Ну, сказалъ.

— Такъ что же это? какъ же это? развѣ это можно?

Отецъ вдругъ разсердился.

— Да что ты на меня уставился? Я его, что ли, въ острогъ сажаю? Пожалуйста, пожалуйста, безъ исторій! разбаловали такъ, что силъ нѣтъ никакихъ.

Сдерживаясь насколько могъ, Гриша всталъ и вышелъ изъ комнаты. Но только онъ очутился за дверью, какъ гнѣвъ и обида на кого-то словно стиснули ему горло. Онъ побѣжалъ по корридору и выскочилъ на балконъ. Его первой мыслью было повидать Игната, но ворота конюшни были заперты, и это означало, что Игната тамъ нѣтъ. Гриша побѣжалъ въ дѣвичью. Тамъ у стола сидѣла няня и пила чай, а противъ нея сидѣлъ какой-то незнакомый Гришѣ мужчина въ военной формѣ. Военный, манерно отставляя локоть, доставалъ изъ банки варенье и ѣлъ, запивая его чаемъ. Гриша сейчасъ же узналъ нянину банку и понялъ, что няня угощаетъ военнаго, но онъ былъ такъ занятъ неожиданной вѣстью объ отъѣздѣ Игната, что не обратилъ вниманія не присутствіе нянинаго гостя.

— Няня, кто пріѣхалъ за Игнатомъ?—дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

Няня отвѣтила не сразу.

— Да, отвезутъ теперь твоего голубчика; не будешь больше отъ няньки бѣгать.

— Кто пріѣхалъ, няня?

— Теперь ужъ не отвертится... Кто пріѣхалъ-то? да вотъ кто пріѣхалъ.

Гриша понялъ не сразу. Тотъ, кто долженъ былъ везти Игната и Матрену въ тюрьму, представлялся ему огромнымъ, страшнымъ и отвратительнымъ на видъ, а на него глядѣло загорѣлое, добродушное лицо военнаго и улыбалось не то смущенной, не то просто глупой улыбкой. Кромѣ него и няни, никого больше въ комнатѣ не было. Наконецъ, Гриша понялъ.

— Ты?—удивленно и недовѣрчиво спросилъ онъ, глядя въ упоръ на военнаго.

— Я-съ!—осклабляясь въ широкую улыбку отвѣтилъ тотъ, видимо колеблясь, встать ли ему передъ барченкомъ, или продолжать сидѣть.

— Ты?—еще разъ повторилъ Гриша, и голосъ его какъ-то странно сорвался и зазвенѣлъ.

— Гришенька! да ты что? ты въ умѣ-ли?—крикнула няня.

Но мальчикъ уже не владѣлъ собой: въ глазахъ у него помутилось, въ головѣ странно зашумѣло.

— Ты... ты негодный!...я тебя...я тебя расколочу!—взвизгнулъ онъ и бросился впередъ. Но вдругъ лицо его передернулось, углы рта задрожали, и онъ заплакалъ громко и жалобно, какъ плачутъ безпомощныя, огорченныя дѣти. Урядникъ смущенно смѣялся и оглядывался по сторонамъ, разводя руками...

Гриша убѣжалъ въ дѣтскую, забился въ уголъ около своей кровати и прижался къ стѣнѣ, держась обѣими руками за грудь. Безсильное негодованіе все еще клокотало въ немъ и искало себѣ исхода. Онъ увидалъ на полу сестрину куклу, сталъ топтать ее ногами и, наконецъ, отшвырнулъ ее въ другой конецъ комнаты. На стѣнѣ висѣла его собственная картинка; онъ сорвалъ ее и бросилъ на полъ. Отъ такой усиленной дѣятельности нервная напряженность его нѣсколько ослабла: онъ сѣлъ, прислонился лбомъ къ желѣзу кроватки, затихъ и сталъ мечтать... Онъ мечталъ о силѣ...

Ему нужна была сила, чтобы мстить, чтобы покорять всѣхъ этихъ жестокихъ и виноватыхъ людей: судей, которые осудили Игната, урядника, который долженъ былъ увезти его; няню за то, что она угощала урядника вареньемъ, и даже отца... На отца Гриша негодовалъ за его видимое равнодушіе къ судьбѣ Игната. Онъ долженъ былъ заступиться, долженъ былъ прогнать урядника, а онъ оставался спокойнымъ, читалъ свои газеты и даже сказалъ, что Игнатъ „все равно, что воръ“.

Гриша придумывалъ наказанія и наслаждался.

— Ладно!—говорилъ онъ себѣ, думая о нянѣ.—Эту я проберу: не буду съ ней говорить и прощаться и обрѣжу себѣ палецъ. Пойдетъ кровь... ручьемъ... а я не дамся завязать. Пусть тогда кормитъ своимъ вареньемъ кого угодно!

Гриша отдавался мечтамъ и ковырялъ ногтемъ отставшую краску на желѣзѣ. Вдругъ онъ насторожился: ему послышался громкій говоръ отца и въ отвѣтъ ему робкій голосъ Игната. Мигомъ онъ вскочилъ и выбѣжалъ въ дѣвичью. Среди комнаты, низко опустивъ голову, стояли Игнатъ и Матрена и переминались съ ноги на ногу. Около Матрены, уткнувшись носомъ въ сборки ея платья, стояла Полька, а мать глядѣла на нее сверху и на лицѣ ея было больше тупого недоумѣнія, чѣмъ страха и горя. Сзади нихъ, изъ за дверей выглядывали любопытныя лица дворни.

— Ну, ладно,—громко говорилъ Гришинъ отецъ,—теперь ужъ поздно и ничего не подѣлаешь. Насчетъ Польки не безпокойтесь. Худо ей не будетъ, а въ животѣ и смерти одинъ Богъ воленъ. Обѣщаемся ее беречь. Съ Богомъ, Игнатъ. Что-жъ дѣлать?!

Отецъ махнулъ рукой, какъ-бы давая понять, что прощаніе кончено, но никто не трогался съ мѣста. Игнатъ молчалъ и тупо глядѣлъ себѣ въ ноги.

— Да, мы обѣщаемся,—дрожащимъ голосомъ прибавила мама, протянула руку къ Полькѣ, но сейчасъ же опустила ее и отвернулась.

— Дѣла теперь уже не поправишь! — опять заговорилъ отецъ, видимо начинавшій тяготиться нѣмой сценой отчаянія этихъ людей.—Ужъ надо какъ нибудь... Срокъ не такъ великъ, глядишь—и пройдетъ.

Матрена тихо отстранила Польку, сдѣлала шагъ впередъ и молча повалилась барынѣ въ ноги, касаясь лбомъ пола.

— Матрена! — вскрикнула та, и слезы сразу брызнули у нея изъ глазъ.—Не кланяйся мнѣ, Матрена! Повѣрь ты мнѣ: я уберегу твою дѣвочку. Я тебѣ клянусь... Не кланяйся въ ноги!

Она наклонилась, дотронулась дрожащей рукой до плеча Матрены и сама опустилась на полъ рядомъ съ ней.

— Надо терпѣть... Всѣмъ надо терпѣть!—торопливо шептала она.—Всѣмъ надо...

— Ну, довольно, довольно!—не скрывая своего нетерпѣнія, заговорилъ отецъ,—я очень огорченъ. Я былъ доволенъ тобой, Игнатъ. Отбудешь срокъ, приходи опять. Возьму. И не безпокойся за дочь. Съ Богомъ теперь!

Онъ взялъ за руку жену и хотѣлъ увести ее съ собой, но та освободила руку и еще разъ крѣпко обняла Матрену.

— Надо терпѣть!—шепнула она еще разъ.

Матрена встала. Она обвела комнату недоумѣвающимъ взглядомъ и остановилась на Гришѣ. Одинъ мигъ женщина и мальчикъ глядѣли другъ другу въ глаза, потомъ Гриша робко опустилъ рѣсницы и двинулся впередъ.

— Прощай!—сказалъ онъ очень тихо и очень ласково. Но Матрена продолжала глядѣть на него молча, все еще неудомѣвая надъ чѣмъ-то. Тогда Гриша направился къ Игнату. Онъ протянулъ руку, Игнатъ взялъ ее и вдругъ наклонился къ самому лицу ребенка.

— Польку... будешь жалѣть?—спросилъ онъ.

— Буду!—серьезно и торжественно отвѣтилъ Гриша и непонятное, радостное волненіе охватило его.

— Не давай въ обиду!—строго приказалъ Игнатъ.

— Ни за что!—страстно вскрикнулъ мальчикъ и смѣлымъ блестящимъ взоромъ взглянулъ въ печальные глаза своего друга. Игнатъ провелъ рукой по головѣ мальчика, истово перекрестился на образъ и направился къ двери.

— Матрена!—позвалъ кто-то изъ дворни.—Матрена! Игнатъ-то вышелъ. Ждутъ тебя, поди! Телѣга у крыльца.

Молодая женщина встрепенулась, тупое выраженіе недоумѣнія смѣнилось испугомъ. Рядомъ съ ней, по прежнему уткнувшись лицомъ въ складки платья, стояла Полька и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ну, иди... иди къ нянькѣ,—сказалъ отецъ, останавливаясь передъ Гришей, который опять сидѣлъ въ дѣтской за кроватью и мрачно смотрѣлъ передъ собой.

Мальчикъ молчалъ и не трогался съ мѣста.

— Гриша!—строго крикнулъ отецъ,—тебѣ я говорю, или нѣтъ?

Ребенокъ поднялъ голову и остановилъ на немъ серьезный, непріязненный и пристальный взглядъ.

— Послушай,—невольно смягчаясь, заговорилъ отецъ,—ты, кажется, сердишься на меня? Я-то тутъ при чемъ? Развѣ я виноватъ? Это мнѣ слѣдовало бы хорошенько отчитать тебя: какъ ты смѣлъ скандалить и кричать на урядника? Да, говори-же!—нетерпѣливо крикнулъ онъ, чувствуя, что упорный взглядъ сына раздражаетъ и какъ будто стѣсняетъ его.

— Пусть...—тихо и спокойно сказалъ Гриша.

— Что: пусть?

— Пусть ты меня бранишь. Мнѣ теперь все равно.

Отецъ немного растерялся.

— Ну, прекрасно,—сказалъ онъ.—А я съ тобой теперь и говорить не хочу.

Онъ повернулся и направился къ двери:

— По твоему,—крикнулъ ему вслѣдъ Гриша,—по твоему его вареньемъ кормить, какъ няня?

Отецъ остановился.

— Всякій дѣлаетъ свое дѣло,—замѣтилъ онъ,—исполняетъ свой долгъ. Уряднику приказано было ѣхать за Игнатомъ, онъ поѣхалъ. Весьма вѣроятно, что онъ хорошій, добрый человѣкъ, а ты обидѣлъ его. И ты обидѣлъ меня, няньку... За что?

Гриша медленно опустилъ глаза, и на лицѣ его ясно выразились недоумѣніе и боль.

— Не хорошо, братъ! — укоризненно заключилъ отецъ и вышелъ изъ комнаты.

Гриша сидѣлъ неподвижно.

— Обидѣлъ...—думалъ онъ. Онъ вспомнилъ, какъ онъ мечталъ о силѣ, мечталъ о томъ, какъ онъ отомститъ отцу, уряднику, нянѣ за то, что они не заступились за Игната, не пожалѣли его такъ, какъ пожалѣлъ онъ.

— Не хорошо, братъ! — вспомнился ему укоризненный, почти ласковый голосъ отца.—Не хорошо?.. Обидѣлъ?..—мучительно раздумывалъ мальчикъ. — Я обидѣлъ... А они всѣ... Игната... за что?

Гриша опустилъ голову еще ниже и глубокія морщины прорѣзались на его дѣтскомъ лбу.

— Всякій дѣлаетъ свое дѣло... И тѣ, кто послалъ урядника, тоже дѣлали свое дѣло? И они тоже добрые, хорошіе люди? А какъ-же вышло такое нехорошее, злое дѣло?..

Онъ поднялъ глаза и въ его остановившемся, безцѣльно устремленномъ взглядѣ застылъ неразрѣшимый, мучительно-тяжелый вопросъ.

Л. Авилова.

ЭЛИНОРЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

(Перев. съ англійскаго В. Кардо-Сысоевой).

Всѣ они должны были отправиться съ 12-ти-часовымъ поѣздомъ въ Римъ.

Наконецъ-то, посланникъ, которому пришлось пройти черезъ цѣлый рядъ непріятностей политическаго и домашняго характера, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ бунтъ со стороны его неаполитанскаго повара, наконецъ-то, онъ могъ привести въ исполненіе свою причуду. Для молодой американки, овладѣвшей его воображеніемъ, былъ устроенъ завтракъ. Во главѣ его дома въ это время находилась его замужняя дочь, Мери, пріѣхавшая изъ Индіи провѣдать своихъ малютокъ и своего отца. Когда послѣдній попросилъ ее составить списокъ гостей для этого завтрака, она съ добродушнымъ удивленіемъ только приподняла брови.

— Дорогая моя,—сказалъ посланникъ,—мы цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ исполняли свои обязанности, и я нахожу это, наконецъ, скучнымъ.

Онъ, дѣйствительно, выдержалъ цѣлый рядъ утомительныхъ пріемовъ разныхъ царственныхъ особъ и министровъ, и дочь поняла его настроеніе.

Въ характерѣ ея отца крылся своего рода элементъ непокорности, который она слишкомъ хорошо знала для того, чтобы его затрогивать.

И вотъ приглашенія были разосланы.

— Подбери для нея интересное общество, дорогая моя,—сказалъ посланникъ,—и всякаго типа понемногу.

Лэди Мэри сдѣлала все отъ нея зависящее. Она пригласила одну итальянскую маркизу, о которой отецъ ея отзывался, какъ о „самой умной женщинѣ въ Римѣ“, между тѣмъ, какъ сама она знала ее только за женщину, самую изящную и популярную; позвала одного молодого ломбард-

скаго землевладѣльца, состоявшаго раньше во флотѣ, имѣвшаго большія связи при дворѣ и необыкновенно красивые голубые глаза; одного датскаго профессора и ученаго, человѣка очень богатаго и собирателя различныхъ доисторическихъ памятниковъ; двухъ-трехъ художниковъ; американскаго монсиньора, человѣка очень вліятельнаго и не лишеннаго остроумія; Реджи Бруклина, само собой разумѣется, и его сестру; затѣмъ г-жу Варіани, которая могла помѣшать мистеру Мэнистею говорить слишкомъ много несообразностей, и, наконецъ, одного мрачнаго англійскаго адмирала съ женой—гостей оффиціальныхъ, которыхъ посланникъ зачислилъ въ списокъ въ послѣднюю минуту и съ нѣкоторой досадой, какъ своего рода представителей той суровой тиранніи долга, которая посягаетъ на его краткое удовольствіе.

— А мистера Белазиса?—спросила лэди Мэри, останавливаясь съ перомъ въ рукѣ и мужественно готовая встрѣтить всевозможныя крайности.

— О, Боже мой, только не его!—поспѣшно проговорилъ посланникъ.—Я дважды отъ него отдѣлался, а на этотъ разъ мнѣ уже навѣрно пришлось бы его прочесть.

И вотъ, мистеръ Мэнистей курилъ, сидя на балконѣ виллы въ ожиданіи дамъ. Миссъ Мэнистей, которая уже опять успѣла расхвораться подъ вліяніемъ жары, не ѣхала съ ними. Обстоятельство это не способствовало хорошему настроенію Мэнистея. Трое не составляютъ веселаго общества, какъ всѣмъ извѣстно.

Если лэди Мэри устраивала завтракъ только потому, что принуждена была это сдѣлать, то Мэнистей, со своей стороны, отправлялся на него съ еще болѣе непріятнымъ чувстомъ принужденія. Ничто теперь не имѣло привлекательности въ его глазахъ, ничто не казалось ему желательнымъ, или имѣющимъ значеніе, кромѣ того разговора съ Льюси Фостеръ, который онъ имѣлъ намѣреніе завести, но который она, въ свою очередь, очевидно, постарается отклонить.

Душа его была переполнена обидой. Въ теченіе всего предыдущаго дня, когда онъ устраивалъ свою несчастную сестру, затѣмъ по пути въ Римъ и обратно, передъ нимъ въ самой глубинѣ всѣхъ его мыслей вставалъ образъ Льюси, облеченной въ бѣлое платье, безпомощной и прелестной Льюси, лежавшей безъ чувствъ тамъ, въ его креслѣ.

Вечеромъ на станціи онъ едва могъ сдерживать въ приличныхъ границахъ свою поспѣшность усадить въ экипажъ измученную маленькую старушку-тетку, чтобы самому достичь

скорѣе виллы прямой, сокращенной дорогой. Быть можетъ, заслышавъ его шаги внизу, она выйдетъ къ нему навстрѣчу на балконъ, утомленная, разбитая, но тѣмъ не менѣе съ робкой признательностью въ своихъ ясныхъ, нѣжныхъ глазахъ?

Но на этомъ балконѣ онъ не нашелъ никого, и весь вечеръ этого нестерпимаго дня явился сплошнымъ разочарованіемъ. Элиноръ оставалась въ своей комнатѣ, очевидно, утомленная событіями предыдущей ночи; а миссъ Фостеръ, хотя и появилась за обѣдомъ, но послѣ исчезла немедленно и, такимъ образомъ, не представилось случая для иного разговора, кромѣ самаго обыденнаго.

Она, съ своей стороны, разумѣется, сказала все, что ей подобало сказать, вродѣ слѣдующаго: „надѣюсь, что все удалось устроить такъ, какъ вы желали“. „Миссисъ Бургоинъ и я были крайне огорчены!“ „Бѣдная миссъ Мэнистей, вѣроятно, провела очень тяжелый день“.

Онъ не могъ представить себѣ, чтобы молодая дѣвушка была способна говорить такъ оффиціально и небрежно съ человѣкомъ, который всего двадцать четыре часа назадъ спасъ ее отъ нападенія сумасшедшей женщины. Потому что вѣдь на самомъ дѣлѣ было такъ. Знала ли она, что произошло? или же подъ вліяніемъ обморока все совершенно исчезло у нея изъ памяти? Въ душѣ его шевельнулось сознаніе, что было бы по рыцарски по отношенію къ ней и болѣе великодушно по отношенію къ сестрѣ, если бы онъ не поднималъ надъ этимъ завѣсы и не упоминалъ болѣе ни словомъ объ ея испугѣ, о грозившей ей опасности и объ ея обморокѣ.

Но Мэнистей не привыкъ поддаваться сомнѣніямъ людей болѣе стойкихъ или болѣе робкихъ. Онъ страстно желалъ достичь желаемаго конца, т. е. минуты взаимнаго пониманія и задушевнаго обмѣна чувствъ.

А потомъ?

Что, на самомъ дѣлѣ, станетъ онъ дѣлать потомъ? Онъ стоялъ съ сигарой въ рукахъ, безсознательно глядя въ садъ и мысленно вопрошая себя.

Внезапно ему припомнились тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя овладѣли имъ тогда, въ первое воскресенье, которое Люси Фостеръ проводила на виллѣ: это отвращеніе передъ малѣйшимъ представленіемъ объ женитьбѣ, это удивленіе, что кто нибудь могъ предполагать о его женитьбѣ на миссисъ Бургоинъ, эта небрежная, досужая мечта, съ какою онъ слѣдилъ тогда за Льюси, какъ она шла вдоль аллеи въ своемъ топорномъ платьѣ...

Съ той поры онъ узналъ нѣсколько горькихъ минутъ разочарованія. Недавнія честолюбивыя надежды, казалось, растаяли въ воздухѣ. Казалось, что, въ концѣ концовъ, его

горячій темпераментъ и фатальное непостоянство вовлекли его въ цѣлую бездну какихъ-то запутанныхъ обстоятельствъ и неудачъ.

Хорошо, но вѣдь изъ этой бездны можно было еще выбраться. Острый приливъ твердой воли и смутнаго желанія охватилъ его душу. Что если на самомъ дѣлѣ избитые пути являются наилучшими?

„To the old paths, my soul!“

Внезапно раздавшійся голосъ поразилъ его слухъ. То Элиноръ звала Льюси изъ гостиной. Ахъ, Элиноръ? Наплывъ чувства не то великодушнаго, не то горделиваго овладѣлъ его существомъ. Онъ зналъ, что причинилъ ей огорченія въ Нэми. Онъ поступилъ буквально, какъ животное, какъ неблагодарное животное! Женщины, подобныя Элиноръ, обладаютъ крайне восторженными и утонченными идеалами дружбы. Чего ждала она отъ него? Во всякомъ случаѣ не того, чего ждали всѣ эти вульгарные невѣжественные зрители — въ этомъ онъ былъ увѣренъ. И тѣмъ не менѣе, ея требованія наскучили ему, хотя онъ не могъ не сознавать, что его неудовольствіе по поводу книги не имѣло оправданія.

Пускай же онъ теперь все это исправитъ, а потомъ пускай на самомъ дѣлѣ относится къ ней, какъ другъ. И мысль смутно рисовала ему, какъ онъ такъ или иначе снова возвратитъ себѣ ея довѣріе, снова призоветъ ея помощь и расположеніе.

Любовь между нею и миссъ Фостеръ, казалось, становилась все крѣпче. Онъ думалъ объ этомъ съ безпокойствомъ— это вовсе не входило въ его планы; это являлось препятствіемъ на его пути. Съ нѣкоторымъ угрызеніемъ совѣсти и въ то же время не безъ ироніи онъ сознавалъ, что Элиноръ знала его слишкомъ хорошо.

— Ахъ, дорогая моя лэди,—говорилъ посланникъ,—какъ мало въ этомъ мірѣ вещей, которыя могутъ доставлять удовольствіе. Но быть съ вами—есть одно изъ нихъ!

Льюси вспыхнула отъ чувства молодого и вполнѣ естественнаго удовлетворенія. Она сидѣла по лѣвую сторону посланника, и онъ на минуту съ очаровательной отеческой фамильярностью опустилъ свою руку на ея руку.

— Ну, весело-ли вы проводили время? Подарили-ли вы ваше сердце Италіи?—говорилъ старикъ, наклоняясь къ своей собесѣдницѣ. Его занимала происшедшая съ нею перемѣна— этотъ красивый нарядъ, эта распустившаяся красота.

— Я чувствовала себя будто въ сказочномъ царствѣ,— сказала Льюси, робко поднимая на него свои широко раскрытые голубые глаза.—Никогда я не встрѣчу болѣе ничего подобнаго.

— Это потому, что намъ никогда не можетъ быть два раза въ жизни двадцать лѣтъ,—проговорилъ старикъ, вздыхая.— А еще двадцать лѣтъ спустя, вы будете удивляться, откуда бралось все это волшебство. Пусть!!—но теперь-то, во всякомъ случаѣ, міръ представляетъ для васъ прелестную диковинку.

Онъ остановилъ на ней болѣе внимательный взглядъ и ему показалось, что, хотя она и стала красивѣе, но за то какъ будто менѣе счастлива. Онъ не находилъ уже въ ней того трепета юности, того молодого веселья, которыми вѣяло отъ нея раньше, а вокругъ ея прекрасныхъ глазъ обозначались теперь какіе-то темные круги. Что же случилось? ужъ не встрѣтила ли она „того“, кто былъ предназначенъ ей судьбою? Инстинктивно онъ взглянулъ черезъ столъ на Мэнистея и миссисъ Бургоинъ. Въ теченіе зимы онъ составилъ свое собственное особое заключеніе объ этой парочкѣ. Бѣдная миссисъ Бургоинъ! Ему не разъ приходилось встрѣчать на свѣтѣ подобные случаи. Она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которымъ не достаетъ того высшаго плѣнительнаго дара, благодаря которому другія женщины достигаютъ возможной высоты всѣхъ своихъ стремленій. Такія женщины, какъ Элиноръ, обладаютъ всей привлекательностью, всѣми достоинствами и тѣмъ не менѣе всегда любятъ болѣе, нежели бываютъ любимы. „Мужчинамъ они слишкомъ легко даются“ думалъ посланникъ. Затѣмъ вниманіе его привлекла его сосѣдка.

— Дорогая лэди,—сказалъ старикъ,—вы очень молоды, а я скоро буду древнимъ старикомъ. Позвольте мнѣ воспользоваться обстоятельствомъ и дать вамъ маленькій совѣтъ. Всѣ мы должны пройти черезъ различныя невзгоды и превратности жизни; и вотъ этотъ-то совѣтъ поможетъ вамъ легче перенести большинство ихъ.

Онъ остановился и наблюдалъ за нею. Его добрые, веселые глаза свѣтились сквозь побѣлѣвшія рѣсницы. Льюси опустила свою вилку и оглянулась на него съ улыбкой ожиданія.

— Учитесь „персидскому языку“,—проговорилъ старикъ наставительнымъ тономъ,—и твердите словарь наизусть!

Льюси продолжала глядѣть на него съ удивленіемъ.

— Сегодня утромъ я кончилъ,—проговорилъ посланникъ ей на ухо. — Завтра же начну снова. Дочь моя ненавидитъ самый видъ этого занятія. Она говоритъ, что я переутомляю себя, а что старые люди всегда должны немного отдохнуть послѣ того, какъ окончатъ свою работу. Но я знаю,

что если бы не мой словарь, я уже давно бы все бросилъ. По вечерамъ, когда у меня обѣдаетъ слишкомъ много надоѣдливыхъ людей, или когда они тащатъ меня изъ дому, я прохожу столбецъ. Но обыкновенно мнѣ достаточно и половины столбца... хорошихъ трудныхъ персидскихъ корней, а не какихъ нибудь пустяковъ. Я, разумѣется, могу читать Гафиза, Омара Кейяма и тому подобное. Но это уже, такъ сказать, взбитыя сливки. Это не идетъ въ счетъ. Тутъ требуется нѣчто твердое для зубовъ. Латинскіе стихи хороши въ такихъ случаяхъ. Въ прошломъ году я половину Тома Мура переложилъ гендикасилабами. Но когда мой младшій сынъ, который учится въ Оксфордѣ, отказался выдать ихъ за свой трудъ,—я бросилъ это дѣло. Я полагаю, что математики имѣютъ что нибудь болѣе подходящее подъ руками. Но такъ или иначе, всегда слѣдуетъ изучать словарь. Послѣ садоводства я ставлю этотъ трудъ на первое мѣсто. Теперь, относительно мистера Мэнистея—чѣмъ онъ занимается?

Его внезапный вопросъ засталъ Льюси врасплохъ, и отъ него не ускользнуло, какъ ея нѣжныя щечки моментально вспыхнули.

— Я полагаю, что у него есть своя книга?—сказала она, улыбаясь.

— О, это ни къ чему не ведетъ! Со своей книгой можно дѣлать, что угодно. Но со словаремъ вы не можете дѣлать того, что вамъ хочется. Вы должны или заниматься толкомъ, или совсѣмъ бросить. Вотъ почему это дѣйствуетъ такъ успокоительно. И вотъ, если бы меня спросили, я могъ бы найти нѣсколько персидскихъ источниковъ для Мэнистея, которые слѣдуетъ просматривать ежедневно.

Льюси взглянула черезъ столъ. Глаза ея опустились, и она проговорила своимъ тихимъ глубокимъ голосомъ, которому старикъ внималъ съ наслажденіемъ:

— Я полагаю, вы хотѣли бы отправить его домой?

Посланникъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Отправить его въ деревню, къ его арендаторамъ, огородамъ, провинціальнымъ собраніямъ... „Персидскій языкъ", конечно, интереснѣе; но и это можетъ пригодиться.—Онъ остановился на минуту затѣмъ подъ прикрытіемъ общаго громкаго говора серьезно добавилъ:—Онъ напрасно тратитъ время, дорогая лэди—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Льюси все еще не поднимала глазъ; но поза ея непримѣтно измѣнилась.—Этотъ предметъ интересуетъ ее,—подумалъ старикъ.

— Тысячу разъ достойно сожалѣнія,—продолжалъ онъ, съ осторожностью, замаскированной ловкостью дипломата,—что онъ выступилъ здѣсь въ припадкѣ раздраженія; онъ ложно

смотритъ на вещи—и, по сколько я слышалъ, книга его представляетъ изъ себя сплошную ошибку. Италія—не Англія, и англиканская церковь не есть папство. Его притчи хромаютъ, его иллюстраціи неприложимы. А тѣмъ временемъ онъ упускаетъ для себя всѣ шансы. Я зналъ его отца. Мнѣ непріятно видѣть, что сынъ его толчетъ воду. Если вы имѣете на него какое нибудь вляніе,—сказалъ старикъ, улыбаясь,—отправьте его домой... Или пускай это сдѣлаетъ миссисъ Бургоинъ. Онъ когда-то имѣлъ обыкновеніе ее слушаться.

Мучительная тоска сжала сердце Льюси.

— Мнѣ кажется, онъ всегда дѣлаетъ только по своему,—произнесла она съ трудомъ.— МистеръНильподаетъ ему иногда совѣты.

Посланникъ на минуту остановилъ на ней свой пристальный взглядъ и, не сказавъ больше ни слова, отвернулся.

— Реджи,—обратился онъ къ молодому Бруклину,—вы, кажется, нехорошо обращаетесь съ м-мъ Варіани Не слѣдуетъ ли мнѣ вступиться?

Реджи и его собесѣдница, которые находились въ самомъ разгарѣ болтовни и смѣха, обернулись въ его сторону.

— Сэръ,—сказалъ Бруклинъ,—м-мъ Варіани нападаетъ на моего лучшаго друга.

— Многіе изъ насъ находятъ это занятіе пріятнымъ,—сказалъ посланникъ.

— А! Но она переходитъ на личности,—продолжалъ Реджи, играя своимъ бананомъ. — Она бранитъ его за то, что онъ не женатъ и называетъ его фатомъ-эгоистомъ. Вотъ и я тоже не женатъ и протестую противъ подобныхъ общихъ классификацій. Къ тому же другъ мой имѣетъ самый убѣдительный отвѣтъ.

— Я жду его,—сказала м-мъ Варіани.

Реджи принялся осторожно чистить свой бананъ.

— Прекрасно. Кто-то изъ насъ спросилъ его однажды, почему онъ не женится, и онъ на это отвѣтилъ: „Милый другъ, я дѣлалъ предложеніе всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ, какихъ я только знаю; но онѣ не желаютъ за меня выходить". Ну вотъ!

Послѣдовалъ всеобщій смѣхъ, среди котораго Реджи продолжалъ:

— Я считалъ такое положеніе заслуживающимъ полнаго участія, но у м-мъ Варіани каменное сердце...

М-мъ Варіани взглянула на него, но оставалась непоколебимой. Она и этотъ очаровательный мальчикъ были большими друзьями.

— Держу съ вами пари, что онъ никогда ни за кого не сватался,—проговорила она спокойно.

Реджи попробовалъ протестовать.

— Нѣтъ, онъ никогда не сватался, я увѣрена; теперь англичане уже болѣе не дѣлаютъ женщинамъ предложенія.

— Дайте м-мъ Варіани доказать свою точку зрѣнія,—сказалъ посланникъ, протягивая впередъ руку, какъ бы желая всѣхъ призвать къ молчанію, а другую прикладывая къ уху, чтобы лучше слышать:—это, дѣйствительно, въ высшей степени интересное преніе.

— Но это уже всѣмъ извѣстно, что англичане болѣе не женятся!—воскликнула м-мъ Варіани.—Я читала недавно въ одномъ романѣ, что вашему англійскому обществу очень вредитъ то обстоятельство, что очаровательнѣйшія молодыя дѣвушки все время находятся въ напрасномъ ожиданіи, такъ какъ никто не хочетъ на нихъ жениться.

— Прекрасно,—вотъ здѣсь нѣтъ, кажется, ни одной молодой англійской дѣвушки среди присутствующихъ,—сказалъ посланникъ, окидывая взглядомъ столъ:—такъ какъ же вы объясняете себѣ этотъ фактъ, сударыня?

— У васъ въ Англіи слишкомъ много развелось французскихъ поваровъ,—сказала м-мъ Варіани, пожимая своими полными плечами.

— Но что, скажите на милость, имѣютъ общаго повара съ нашимъ вопросомъ?—воскликнулъ посланникъ.

— Ваши молодые люди чувствуютъ себя слишкомъ комфортабельно, — отвѣчала лэди, указывая спокойнымъ движеніемъ руки въ сторону Реджи Бруклина.—Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорили. Спрашиваю я одну англійскую лэди, жену одного англійскаго генерала, который знаетъ хорошо и Францію, и Англію — и она говоритъ: наши молодые люди имѣютъ такой хорошій обѣдъ въ своихъ клубахъ и полкахъ, а спортъ доставляетъ имъ столько удовольствій и наслажденій и стоитъ имъ такъ дорого, что они положительно не хотятъ никакихъ женъ! Молодыя дѣвушки не представляютъ для нихъ больше никакого интереса. Въ этомъ заключается разница между ними и французами. Французъ еще интересуется женщинами. Французъ еще послѣ обѣда испытываетъ желаніе побесѣдовать съ дамами, а англичанинъ — нѣтъ!.. Вотъ почему французы все еще намъ пріятны.

Маленькіе черные глазки говорившей засверкали; но въ общемъ она только съ вызывающимъ спокойствіемъ посматривала на окружавшихъ ее англичанъ и американцевъ. Г-жа Варіани, энергичная, умная, безпристрастная, среднихъ лѣтъ женщина, занимала въ Римѣ особое положеніе. Она состояла корреспонденткой одной передовой французской газеты; у нея было много друзей среди англичанъ, и она, наравнѣ съ маркизой Фадзолани, сидѣвшей по правую

сторону посланника, дѣлала положительныя чудеса при уходѣ за больными и ранеными итальянцами въ несчастную Адовскую кампанію.

— Прячу свою дряхлую голову! — воскликнулъ посланникъ, прикрывая обѣими руками свои сѣдые кудри,—но все, что мнѣ извѣстно—это то, что въ теченіе одного только этого года я разослалъ двадцать свадебныхъ подарковъ, и что состояніе моихъ банковыхъ счетовъ находится въ полнѣйшемъ несоотвѣтствіи съ этой теоріей.

— Ахъ! вы составляете исключеніе, — сказала м-мъ Варіани.—Только сегодня утромъ еще я выслушала разсказъ объ одномъ англійскомъ джентельмэнѣ изъ числа моихъ добрыхъ знакомыхъ. Ему около сорока лѣтъ; у него есть большое помѣстье; его мать и сестры на колѣняхъ умоляютъ его жениться, такъ какъ иначе все должно перейти къ какому-то кузену. А онъ—ни за что на свѣтѣ! Ему дѣла нѣтъ до того, что случится съ помѣстьемъ... Намъ дана только одна жизнь,—говоритъ онъ,—и вотъ онъ не желаетъ ее портить... Вашимъ женщинамъ это причиняетъ, разумѣется, неудовольствіе! Женщинамъ всегда скучно, когда мужчины за ними не ухаживаютъ.

Всѣ разсмѣялись... Льюси окинула взглядомъ столъ, и первое, что бросилось ей въ глаза, это лицо Элиноръ Бургоинъ, а тамъ дальше черноволосая голова Мэнистея и его разсѣянная улыбка. И юной душой дѣвушки вдругъ овладѣло сознаніе той настоящей и ужасной дѣйствительности, которая скрывалась за веселыми лицами и разговорами собесѣдниковъ за этимъ столомъ. Ей чудилось, что она все еще слышитъ раздирающій сердце голосъ Элиноръ: „Ахъ! я никогда не мечтала, чтобы онъ могъ чувствовать то же, что я. Я просила такъ не много“!

Она боялась дать волю своимъ мыслямъ. Ей казалось, что страданія миссисъ Бургоинъ должны обнаружиться передъ цѣлымъ свѣтомъ, и минутами дѣвушка испытывала чувство горячаго стыда, какъ бы за самую себя. На ея взглядъ даже эта самая перемѣна общаго внѣшняго вида и выраженія, проглядывающая сквозь изящество и тщательность наряда, была уже сама по себѣ ужасна.

О! зачѣмъ пріѣхала она въ Римъ! и почему такъ измѣнился свѣтъ? Въ ея собственной душѣ тоже какъ будто что-то билось, и она всѣми силами старалась сдерживать это біеніе, чтобы его никто не увидалъ и не замѣтилъ.

Она написала дяди Бену и Портерсамъ. Завтра она объяснитъ тетѣ Патти, что не можетъ ѣхать въ Валломброзу, а должна поспѣшить въ Англію. Чистая совѣсть дѣвушки уже испытывала мученіе передъ мыслью о тѣхъ мотивахъ,

которые ей при этомъ предстоитъ изобрѣсти. А потомъ болѣе ни слова, пока мистеръ Мэнистей не будетъ окончательно на пути къ назначенію въ Ватиканъ, противъ котораго онъ уже началъ роптать и отъ котораго отклонился бы, если бы только могъ. Но, благодареніе небу, для него нѣтъ возможности отказаться.

Глаза Льюси снова встрѣтились съ глазами Мэнистея. Со своей обычной горячностью онъ велъ споръ на другомъ концѣ стола по поводу какого-то политическаго вопроса. Тѣмъ не менѣе ей показалось, что онъ не перестаетъ наблюдать за ней, не теряетъ ее изъ виду.

Какой холодной и неблагодарной должна была показаться она ему въ прошлый вечеръ! Сегодня за завтракомъ, а такъ же и въ вагонѣ онъ почти не говорилъ съ нею.

Между тѣмъ Льюси въ тайнѣ души чувствовала, что ей что-то грозитъ. Слова Алисы Мэнистей въ ту ужасную ночь продолжали ее преслѣдовать. Ея похолодѣвшая рука дрожала на колѣняхъ. Голосъ посланника даже и тотъ тревожилъ ее.

Послѣ завтрака гости размѣстились группами на обширной тѣнистой лужайкѣ посольскаго сада.

Хозяинъ дома познакомилъ Льюси съ голубоглазымъ ломбардцемъ Фіоранчини, между тѣмъ какъ самъ, понуждаемый, увы! безжалостнымъ долгомъ, посвятилъ себя на время женѣ знаменитаго англійскаго адмирала, который за завтракомъ былъ сосѣдомъ лэди Мэни. Посланникъ слѣдилъ за дамой своими полузакрытыми глазами, пока они направлялись въ домъ, гдѣ онъ предложилъ ей посмотрѣть его картины. Это была изящная фешенебельная женщина съ очень бѣлыми и ровными вставными зубами. Она имѣла какой-то условный кроткій видъ. Посланникъ вяло шелъ рядомъ съ нею, скрестивъ на груди руки и опустивъ сѣдую голову въ широкополой войлочной шляпѣ, которую онъ обыкновенно носилъ въ саду.

Между тѣмъ галантный, украшенный бакенбардами, адмиралъ пытался овладѣть вниманіемъ Мэнистея, но Мэнистей рѣшительно уклонился отъ него, и адмиралъ отступилъ къ миссисъ Бургоинъ и американскому монсиньору, которые слѣдовали позади. Мэнистей приблизился къ Льюси, шедшей со своими новыми знакомыми, графомъ Фіоранчини и г-жей Варіани. Голосомъ, который не могли слышать другіе, онъ проговорилъ ей:

— Около фонтана есть скамейка совершенно въ тѣни. Не присядете ли вы тамъ?

Она поспѣшно взглянула на своихъ спутниковъ.

— Кажется, мы шли посмотрѣть на розовую аллею? — отвѣтила она.

— А! въ такомъ случаѣ я поищу что нибудь попрохладнѣе этой аллеи,—сказалъ Мэнистей съ сердитымъ смѣхомъ. Онъ стремительно удалился, но при этомъ наткнулся на датскаго профессора Іенсена, который завладѣлъ имъ, не обращая вниманія на его рѣзкость, такъ какъ считалъ ее столь же естественной для англичанина, какъ и дневной свѣтъ. И вотъ этотъ ученый съ волосами льняного цвѣта вскорѣ уже съ наслажденіемъ излагалъ передъ своимъ нелюбезнымъ слушателемъ содержаніе послѣдняго „Билютеня" академіи.

Между тѣмъ Льюси, повидимому, не замѣчая всѣхъ красотъ посольскаго сада, слѣдовала съ своими спутниками и скоро очутилась сидящей между ними на каменной скамьѣ подъ развѣсистымъ дубомъ. Передъ ними разстилалась цѣлая чаща розъ; позади этой чащи высились остатки старой стѣны романской архитектуры, а на голубомъ небѣ надъ этой стѣной, между двумя темными кипарисами, обрисовывалась стройная маленькая колокольня; вдали же, въ самой глубинѣ, смутно виднѣлись Сабинскія горы. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ розъ, лѣтнимъ зноемъ, предвѣщавшимъ близость іюня, и тѣмъ неизъяснимымъ волшебствомъ, которымъ вѣетъ отъ Рима.

Льюси склонила голову и молчала. Но молодой графъ Фіоранчини не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые способны понимать удрученное состояніе другихъ. Онъ сидѣлъ, сдвинувъ шляпу на затылокъ, покуривалъ, игралъ тростью и старался придавать самое выгодное выраженіе своимъ лазурно-голубымъ глазамъ, сіявшимъ изъ подъ темныхъ, какъ смоль, кудрей, которыя создали ему такую популярность въ Римѣ. Его неправильное, но крайне оживленное лицо говорило объ извѣстной талантливости и своенравіи. Мадамъ Варіани ему нравилась, а молодую американку онъ находилъ красивою. Но ему было безразлично, съ кѣмъ говорить; онъ былъ способенъ болтать даже съ древеснымъ пнемъ. Онъ былъ переполненъ мелочными интересами и радостями жизни.

— Давно знаете вы мистера Мэнистея?—спросилъ онъ у Льюси, слѣдя веселымъ взоромъ за профессоромъ и его плѣнникомъ.

— Я провела у нихъ шесть недѣль въ Маринатѣ.

— Какъ?—ради того, чтобъ онъ окончилъ книгу? — сказалъ онъ, смѣясь.

— Мистеръ Мэнистей надѣялся ее кончить.

Графъ разсмѣялся еще громче, еще добродушнѣе и покачалъ головой.

— Ну, ему не окончить ее. Книга чистый вздоръ! И я прекрасно это знаю, потому что заставилъ его прочесть изъ нея кое-что себѣ и своей сестрѣ. Нѣтъ, странная эта исторія съ

Мэнистеемъ. У большинства англичанъ мозгъ двусторонній, тогда какъ насъ, у латитянъ, онъ односторонній. Но у Мэнистея, подобно намъ, мозгъ имѣетъ тоже одну сторону. Придетъ ему въ голову какая нибудь фантазія—и онъ старается провести ее повсюду, желаетъ, чтобы весь свѣтъ съ нимъ соглашался. Но свѣтъ непреклоненъ — „et ça ne marche pas!“ Мы не можемъ себя погубить для его удовольствія. Италія и не воображаетъ распадаться на кусочки—ничуть не бывало! Война была дѣйствительно отвратительнымъ дѣломъ, но мы оправимся понемногу. И никакой революціи у насъ не будетъ. Быть можетъ, на короткое время народъ и не будетъ привѣтствовать короля и королеву, но вы увидите, что и на будущій годъ Савойскій домъ будетъ царствовать по прежнему. Потомъ онъ полагаетъ, что наши священники вредятъ намъ. Ничуть не бывало. Мы умѣемъ управлять ими.

Госпожа Варіани жестомъ выразила свое несогласіе. Ея полное, красивое лицо, обращенное къ говорившему, имѣло нѣсколько сонный видъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ подавляющей жары; но тому, кто зналъ ее, эти слегка сдвинутыя брови говорили о живомъ вниманіи съ ея стороны.

— Да, мы это можемъ, я вамъ говорю! — воскликнулъ графъ, ударяя себя по колѣну. — Къ тому-же борющіяся партіи сгруппированы совершенно не такъ, какъ представляется Мэнистею. Есть разнаго рода священники; напр., въ томъ уголкѣ свѣта, гдѣ я живу, старые священники совсѣмъ хорошіе люди. Мы, землевладѣльцы, идемъ вмѣстѣ съ монархіей и прекрасно обходимся безъ нихъ. Къ тому же нашъ старый епископъ такой милашка; но вотъ эти, только что окончившіе семинарію, могу васъ увѣрить, составляютъ истинное зло. Они роятся надъ нами вродѣ саранчи и готовы всячески вредить правительству. Но правительство возьметъ свое. Италія одержитъ верхъ. Мэнистей съ самаго начала принималъ все слишкомъ трагически. Онъ не замѣчаетъ, что здѣсь, наоборотъ, разыгрывается комедія. Мы итальянцы, прекрасно понимаемъ другъ друга. Вотъ Ватиканъ теперь кричитъ и бранится. А между тѣмъ, такъ мнѣ на дняхъ разсказывалъ префектъ, между полицейскимъ управленіемъ и извѣстнымъ окномъ въ Ватиканѣ установленъ сигналъ, благодаря которому насъ можно немедленно вызвать на помошь противъ народа, если онъ взбунтуется. А послѣ той церемоніи въ церкви св. Петра, на которой я имѣлъ удовольствіе васъ увидѣть, сударыня,—онъ отвѣсилъ поклонъ Льюси,—первое, что сдѣлалъ Ватиканъ—это отправилъ правительству благодарность за то, что оно такъ прекрасно защищало и охраняло его. Нѣтъ, Мэнистей находится въ заблужденіи. Мы все

время наполовину разыгрываемъ комедію. Клерикалы должны имѣть свою политику, какъ и всякіе другіе люди, только они называютъ ее Индіей.

— Но ваши несчастные крестьяне умираютъ отъ голода, а вашъ упадокъ нравственности, ваши народныя бѣдствія?— сказала Льюси.

Она говорила съ горячностью, слегка нахмуривъ брови, какъ будто ее раздражало что-то. „Она напоминаетъ красивую монахиню", подумалъ молодой человѣкъ, глядя съ восхищеніемъ на ея строгое, очаровательное лицо.

— О, мы справимся со всѣмъ этимъ!—сказалъ онъ хладнокровно.—Война была большой гадостью и несчастьемъ. Но намъ это послужитъ урокомъ. Она не погубитъ насъ, какъ снѣговая буря губитъ посѣвы на поляхъ. Мэнистей, подобно всѣмъ другимъ мудрымъ иностранцамъ, отпѣваетъ насъ; онъ не чувствуетъ того жизненнаго пульса, который бьется въ жилахъ Италіи, какъ это чувствуемъ мы.—И онъ драматически всплеснулъ руками.—Подите, поживите съ нами въ теченіе одного лѣта на одной изъ нашихъ большихъ фермъ близь Мантуи—и вы увидите! Моя земля приноситъ ровно вдвое противъ того, что она приносила моему отцу и крестьяне наши также стали вдвое состоятельнѣе. Вотъ вамъ умирающая съ голоду Италія—и это на сѣверѣ разумѣется, какъ вы, вѣроятно, и предполагали.

Онъ откинулся назадъ, неистово продолжая курить.

— Оптимистъ!—проговорилъ женскій голосъ.

Они оглянулись и увидали надъ собой маркизу Фатзолани. Она стояла, улыбаясь и съ пахитоской въ рукахъ. Это была высокая, еще молодая женщина, хотя и мать пятерыхъ рослыхъ дѣтей. Черное, плотно облегавшее станъ, платье на подобіе амазонки; сѣрыя перчатки съ крагами, натянутыми до локтей; небольшая круглая шляпа съ перомъ; живость и грація всей манеры, блескъ ясныхъ черныхъ глазъ—все это вмѣстѣ взятое какъ бы говорило о здоровой жизни на открытомъ воздухѣ, о здоровьѣ тѣла и духа: въ ней чувствовалась личность сильная, бодрая, благородная.

— Присмотритесь къ ней хорошенько,—сказалъ посланникъ, обращаясь къ Льюси, когда они, по окончаніи завтрака, отправлялись въ садъ.—Это одна изъ матерей новой Италіи. На то, что она дѣлаетъ здѣсь для будущаго, въ Англіи потребовалось бы не менѣе двадцати женщинъ. Она обладаетъ всѣмъ практическимъ смысломъ сѣвера и всей утонченностью юга. Она одна изъ тѣхъ людей, которые даютъ мнѣ чувствовать, что между Италіей и Англіей существуетъ извѣстное таинственное сродство, которое современемъ скажется въ исторіи. Мнѣ кажется, что я могъ бы угадывать ея мысли, а она мои,

если бы только ей это было нужно. Она католичка и либералка. Она обладаетъ всѣми инстинктами, чувствами и традиціями высшаго правящаго класса; но когда она находится въ деревнѣ, то положительно живетъ со своими крестьянами, говоритъ ихъ языкомъ, и они обожаютъ ее. Она лучшая изъ женъ и матерей, и нѣтъ такихъ тонкостей въ литературѣ и искусствѣ, о которыхъ вы не могли бы съ ней побесѣдовать. Подобныхъ ей даже въ Англіи мало найдете. Не думаю также, чтобы и Америка создавала подобныхъ. Въ ней есть нѣчто изъ самаго стараго міроваго матеріала. Она, правда, принадлежитъ къ націи, которая еще только создается, но нація эта въ первоначальномъ своемъ видѣ уже носила въ себѣ всѣ зачатки европейской исторіи!

И Льюси, глядя на ея доброе, оживленное лицо, какъ-то безсознательно почувствовала себя бодрѣе и спокойнѣе въ присутствіи этой женщины. Она подвинулась, чтобы дать около себя мѣсто маркизѣ.

Но маркиза заявила, что она должна отправиться домой, чтобы вытащить на прогулку одного изъ своихъ мальчугановъ, который готовится къ экзамену.

— Ахъ, эти экзамены просто ужасъ!—воскликнула она, всплескивая руками.—Эти несчастные мальчики! При этомъ у нихъ нѣтъ даже тѣхъ игръ, которыми пользуются англійскія дѣти. Но вы говорили о войнѣ, о нашей бѣдной Италіи...

Она замолчала и, положивъ руку на плечо Льюси, заглянула въ лицо дѣвушки. Глаза ея на минуту затуманились, какъ будто передъ нею пронеслись мрачныя видѣнія — бѣдствія и кровопролитія войны. Но затѣмъ они снова прояснились и засверкали.

— Увѣряю васъ, миссъ Фостеръ,—медленно заговорила она на своемъ не свободномъ, но живописномъ англійскомъ языкѣ.—То, что совершила Италія въ теченіе сорока лѣтъ— прямо колоссально! Трудно повѣрить даже! Вы американцы, употребили сотню годовъ на созданіе націи, вы выдержали большую гражданскую войну. А здѣсь сорокъ лѣтъ всего и то неполныхъ прошло со смерти Кавура. И все это время Италія представляетъ изъ себя тотъ котелъ, — вы помните сказку?—въ которомъ варили стараго человѣка, чтобы онъ сдѣлался молодымъ. И вотъ, все кипѣло и бродило; пѣна все поднималась и поднималась. Поднимается она и до сихъ поръ, котелъ продолжаетъ кипѣть. Въ концѣ концовъ все-таки получится молодая сильная Италія. А мистеръ Мэнистей—ахъ! Я очень люблю мистера Мэнистея, но только онъ замѣчаетъ одну копоть и шипѣніе этого котла. Онъ не имѣетъ представленія...

— О, Мэнистей!—воскликнулъ молодой графъ, бросая свою

папиросу.—Онъ позёръ и только! Но его итальянскіе друзья не обращаютъ на это никакого вниманія. У него есть своя англійская рыбка, которую ему надо поджаривать. А безъ этого...

Онъ наклонился впередъ, пристально глядя на Льюси съ юношескимъ разсѣяннымъ вниманіемъ, въ которомъ не было ничего невѣжливаго, между тѣмъ, какъ шляпа еще ниже соскользнула назадъ съ его кудрявой головы. Вся его поза выражала безпечное добродушіе, въ которомъ, однако, чувствовалась нѣкоторая примѣсь южной горячности.

— Да, его итальянскіе друзья не обращаютъ на это вниманія,—сказала мадамъ Варіани.—Но его англійскимъ друзьямъ слѣдовало бы объ немъ позаботиться. Каждый человѣкъ бываетъ чѣмъ-нибудь недоволенъ—это даже полезно, но мистеръ Мэнистей не доволенъ черезчуръ многимъ. Это уже глупо, одна потеря времени.

— Книга его великій промахъ,—сказалъ Фіоранчини рѣшительно.—Когда она выйдетъ въ свѣтъ, она покажется настоящимъ абсурдомъ. Онъ говоритъ, что мы сдѣлались атеистами, потому что не допускаемъ нашихъ священниковъ творить свою волю. Ба! да мы знаемъ этотъ народъ лучше, чѣмъ онъ. Вотъ отецъ мой былъ сторонникомъ похода противъ Рима—онъ былъ членомъ перваго правленія послѣ 1870 года—онъ не уступилъ бы клерикаламъ ни одной іоты тамъ, гдѣ не видѣлъ пользы страны. Но онъ былъ самымъ религіознымъ человѣкомъ, котораго я когда либо зналъ. Онъ никогда не игнорировалъ ни одного изъ обрядовъ, въ которыхъ былъ воспитанъ. И насъ онъ училъ тому-же. Каждое воскресенье послѣ обѣдни онъ читалъ намъ по-итальянски Евангеліе. А когда умиралъ, то послалъ за своимъ старымъ духовникомъ, который имѣлъ обыкновеніе предавать его анаѳемѣ съ каѳедры, но въ душѣ всетаки очень любилъ. И, пожалуйста, не дѣлайте изъ этого тайны, — сказалъ онъ мнѣ. — Позовите его открыто, пускай весь свѣтъ это видитъ. „Non erubesco evangelium!“

Молодой человѣкъ замолчалъ и покраснѣлъ, нѣсколько сконфуженный собственнымъ краснорѣчіемъ.

Но г-жа Варіани все съ тѣмъ-же видомъ проницательной, но дремлющей на солнцѣ кошечки проговорила:

— Всѣ вы, англосаксонцы, таковы. Сѣверъ никогда не пойметъ юга, никогда! Вы считаете католицизмъ тираніей и думаете, что мы должны или допустить притѣсненіе духовенства, или вовсе выбросить за бортъ. Но нѣтъ ничего подобнаго. Мы пользуемся тѣмъ, что намъ нужно, остальное откладываемъ въ сторону. Если *вы* переходите въ нашу вѣру,—дѣло обстоитъ совершенно иначе. Вамъ приходится все проглотить и начать съ самаго начала—отъ Адама и Евы!

— Но вотъ чего я не могу понять,—сказалъ Фіоранчини съ жаромъ:—какъ могла миссисъ Бургоинъ допустить это? Она должна была дать книгѣ другое направленіе и могла это сдѣлать. Она необыкновенно умная женщина. Она хорошо знаетъ, что каррикатура—не аргументъ.

— Но что такое случилось съ миссисъ Бургоинъ?—сказала маркиза, обращаясь къ Льюси. — Такая перемѣна! Я прямо въ отчаяніи.

— Вы находите, что у нея больной видъ? — торопливо спросила Льюси.

Ея смущенный взоръ почти съ мольбою обратился къ добрымъ и яснымъ глазамъ, которые смотрѣли на нее сверху. Инстинктивно это юное существо, находившееся здѣсь вдали отъ дома, подъ гнетомъ затаенной мучительной тоски, прибѣгало теперь къ материнскому участію, которымъ вѣяло отъ этой зрѣлой женщины. „Ахъ, если бы только я могла вамъ все разсказать? Если бы вы могли дать мнѣ добрый совѣтъ?“—говорилъ умоляющій взглядъ дѣвушки.

— По моему, видъ у нея страшно больной,—проговорила маркиза серьезно. — А зимой она такъ хорошо поправилась. Мы ее всѣ здѣсь полюбили. Это такъ прискорбно. Должно быть что нибудь неладно тамъ, на вашей виллѣ, миссъ Фостеръ!

Льюси поспѣшно шла, направляясь обратно къ лужайкѣ, чтобы присоединиться къ своимъ спутникамъ. Движенія какъ будто нѣсколько облегчали тоску, наполнявшую ея душу. Собственное сознаніе, подкрѣпленное словами маркизы, заставляло ее терзаться еще больше. Она чувствовала себя какой-то убійцей.

Огибая чащу розовыхъ кустовъ, Льюси вдругъ очутилась передъ Элиноръ Бургоинъ, которая, оживленно болтая, была окружена небольшой толпой пожилыхъ мужчинъ, находившихъ ее сегодня, какъ и всегда, самой обворожительной и изысканной изъ собесѣдницъ.

Льюси порывисто подошла къ ней.

Боже! какъ она блѣдна и какой у ней утомленный видъ! Какая печаль заволакиваетъ эти глаза!

— Не пора ли намъ отправляться домой? — прошептала Льюси ей на ухо.—Я увѣрена, что вы страшно устали.

Элиноръ поднялась. Она взяла руки дѣвушки въ свои и, крѣпко сжимая ихъ обратилась съ улыбкой къ своему сосѣду Дэну:

— Мы должны отправиться на виллу Боргезе, наши друзья ожидаютъ тамъ. Поѣздъ же нашъ не пойдетъ еще очень, очень долго.

— Да развѣ римскіе поѣзда ходятъ когда нибудь,—сказалъ Іенсенъ, поглаживая свою бороду цвѣта соломы.—Зачѣмъ насъ покидать, сударыня? чѣмъ этотъ садъ хуже другихъ садовъ? Скажите, какія чары должны мы изобрѣсти, чтобы удержать васъ здѣсь?

Онъ отвѣсилъ низкій поклонъ, слегка улыбаясь и прикладывая руку къ сердцу. Это былъ ученнѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ, который, однако, не придавалъ никакого значенія своей учености. Единственной репутаціи, какой онъ добивался это—репутаціи человѣка, „страшнаго для женщинъ“. Это былъ парадоксъ его существованія.

Элиноръ механически разсмѣялась и обернулась къ Льюси.

— Пойдемте!—шепнула она ей.

Они отправились. Элиноръ шла съ полузакрытыми глазами и Льюси казалось, что она даже слегка задыхается отъ усталости; но она весело проговорила:

— Милый, забавный старичекъ! Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ недавно послѣ цѣлыхъ тридцати лѣтъ онъ опять вернулся въ Петербургъ, почитать въ библіотекѣ Эрмитажа. И какъ тамъ въ одной книгѣ, которую никто не раскрывалъ послѣ него, онъ нашелъ листокъ бумаги съ нѣсколькими словами, нацарапанными имъ карандашомъ, когда онъ былъ еще совсѣмъ юношей: „Моя несравненная душечка“. А спросите, говоритъ, у меня теперь, кто была эта „душечка“—рѣшительно не припомню!

Элиноръ громко разсмѣялась и вдругъ пошатнулась. Льюси схватила ее за руку Элиноръ тяжело оперлась на нее.

— Дорогая миссисъ Бургоинъ,—съ ужасомъ воскликнула молодая дѣвушка,—вамъ не хорошо? Пойдемте въ какой нибудь отель, гдѣ вы могли бы совершенно свободно отдохнуть до отхода поѣзда, или пойдемте къ кому нибудь изъ вашихъ хорошихъ знакомыхъ.

По лицу Элиноръ было видно, какое она дѣлала усиліе, чтобы овладѣть собою; она провела рукой по глазамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я совершенно здорова,—сказала она поспѣшно.—Это все солнце виновато, и потомъ за завтракомъ я ничего не могла ѣсть. Новый поваръ посланника меня не соблазнилъ. А затѣмъ—она такъ посмотрѣла на Льюси, что послѣдняя невольно вздрогнула—затѣмъ я ненавижу себя. Былъ одинъ часъ вчера, который бы я желала вычеркнуть изъ своей жизни, вернуть его обратно. Я отказываюсь отъ всего, отъ всего рѣшительно!

Онѣ продолжали идти вдоль обширной лужайки. Навстрѣчу къ нимъ шелъ посланникъ съ миссисъ Суитингемъ. Посланникъ, наскучивъ своей собесѣдницей, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эти двѣ приближающіяся фигуры, на Элиноръ

въ ея бѣломъ платьѣ, которое слегка волочилось по травѣ, и съ распущеннымъ чернымъ кружевнымъ зонтикомъ, на фонѣ котораго такъ изящно обрисовывались ея граціозная головка и шея.

Но Элиноръ и Льюси видѣли только другъ друга. При послѣднихъ словахъ своей спутницы дѣвушка вспыхнула и гордо выпрямилась.

— Вы не можете отказываться отъ того, чего не берутъ обратно, чего не желаютъ взять,—произнесла она съ горячстью. Затѣмъ уже другимъ тономъ добавила:—но, Бога ради, пожалуйста, позвольте мнѣ позаботиться о васъ! будетъ лучше, если мы не пойдемъ на виллу Боргезе!.

Она почувствовала, какъ ея руку сжали страстнымъ пожатіемъ и выпустили снова.

— Право, мнѣ совсѣмъ хорошо,—сказала Элиноръ почти обыкновеннымъ тономъ.—Eccelensa! мы должны проститься съ вамъ. Не видали ли вы нашего джентельмэна?

— Да вотъ онъ идетъ,—отвѣчалъ посланникъ, который въ эту минуту приблизился къ нимъ въ сопровожденіи итальянскаго монсиньора.—Пускай онъ сейчасъ же уведетъ васъ отъ этого солнца—оно, повидимому, васъ порядкомъ удручаетъ.

Мэнистей, однако, приближался весьма медленно, бесѣдуя дорогой со своимъ спутникомъ. Его нахмуренный, нетерпѣливый видъ не могъ не обратить на себя вниманія группы, сосредоточившейся вокругъ посланника. Подойдя къ нимъ, онъ сказалъ, обращаясь къ патеру:

— Вы знаете, онъ взялъ назадъ свое отреченіе?

— Вотъ какъ!—сказалъ монсиньоръ, приподнимая брови.—Бѣдный дружище!

Смѣшанное выраженіе участія и равнодушія, которое слышалось въ тонѣ говорившаго, придавало его словамъ нѣкоторую язвительность.

Мэнистей вспыхнулъ.

— Я слышалъ, что ему было обѣщано снисхожденіе?

— Въ такомъ случаѣ онъ, навѣрное, и получилъ его,—отвѣтилъ монсиньоръ, улыбаясь.

— Ему сказали, что письмо его не предназначено для опубликованія. А между тѣмъ на слѣдующее утро оно появилось въ „Osservatore Romane“.

— О, нѣтъ,—это невозможно; ваши факты не вѣрны.—Монсиньоръ засмѣялся съ невозмутимымъ добродушіемъ. Но когда смѣхъ умолкъ, лицо его приняло жестокое и нѣсколько грозное выраженіе, подобно скалѣ, отъ которой отхлынула скрывшая было ее волна. Одну минуту онъ молча смотрѣлъ на Мэнистея.

— Гдѣ онъ?—спросилъ Мэнистей отрывисто.

— Вы говорите объ отцѣ Бенеке?—вмѣшался посланникъ.—Я вчера только что слышалъ о немъ. Онъ уѣхалъ въ деревню, но адреса своего мнѣ не оставилъ. Онъ, видно, желалъ, чтобы его не безпокоили.

— Разумное рѣшеніе, — сказалъ Мэнистей, протягивая руку посланнику.—Ваше превосходительство должны извинить меня. Мнѣ назначена аудіенція у его святости въ три часа.

Онъ простился съ дамами. Посланникъ внимательно посмотрѣлъ на Мэнистея и вмѣстѣ съ Льюси нѣсколько отсталъ отъ общества.

— Придется сегодня вечеромъ зубрить новый столбецъ,—сказалъ онъ съ уныніемъ.—Почему вы не остались со мной? я показывалъ миссисъ Суитенгемъ свои картины, сокровища, которыя я собиралъ въ теченіе двадцати лѣтъ и которыя послѣ моей смерти получитъ національная галлерея, если только будетъ вести себя хорошо. А она вдругъ спрашиваетъ у меня, оригиналы ли это, и принимаетъ моего Луими за Рафаэля! Да, непремѣнно придется заучить столбецъ,—задумчиво проговорилъ посланникъ. Затѣмъ съ быстрой перемѣной настроенія онъ взглянутъ на Льюси и взялъ ея руку, которую она протянула.

— Прощайте, прощайте! Вы не забудете меня и моего совѣта?—проговорилъ старикъ, улыбаясь и ласково трепля ее по рукѣ.—И помните!—онъ нагнулся къ ней и, понижая голосъ, въ которомъ слышался авторитетъ и нѣжность, добавилъ:—посылайте Мэнистея домой!

Онъ почувствовалъ, какъ рука дѣвушки вздрогнула въ его рукѣ, и обернулся, отыскивая глазами Мэнистея.

— А, Мэнистей, вотъ вы гдѣ. Такъ дамы ваши непремѣнно желаютъ насъ покинуть?

Мэнистей раскланялся еще разъ и увелъ Льюси. По дорогѣ къ дому онъ не проронилъ ни слова и, когда молодая дѣвушка осмѣлилась, наконецъ, поднять на него взглядъ, то почувствовала надвигающуюся бурю въ этихъ сдвинутыхъ бровяхъ и плотно сжатыхъ губахъ.

— Мы отправляемся на виллу Боргезе, не правда ли?—робко спросила она,—но хорошо ли это будетъ для миссисъ Бургоинъ?

— Мы должны отправиться куда нибудь, я полагаю,—сказалъ онъ, быстро шагая впередъ:— не можемъ же мы оставаться на улицѣ.

XIV.

На обратномъ пути на Маринату обществу предстояло провести 2 часа въ галлереѣ и саду виллы Боргезе. Но не о картинкахъ и статуяхъ дворца, не о морѣ зелени, не о знаменитыхъ пихтахъ у Льюси не осталось впослѣдствіи никакихъ воспоминаній. Она помнила только, что съ ея стороны было желаніе обратиться въ бѣгство, а со стороны Мэнистея была большая настойчивость, и, въ концѣ концовъ, онъ восторжествовалъ, и она очутилась въ безвыходномъ положеніи.

Въ тѣнистомъ уголкѣ громаднаго сада, гдѣ цѣлый лѣсъ какихъ-то душистыхъ желтыхъ кустарниковъ свѣшивался надъ бассейномъ фонтана, окруженнаго рядомъ дремлющихъ нимфъ, Льюси вдругъ очутилась лицомъ къ лицу съ мистеромъ Мэнистеемъ, сознавая, что ей придется, въ концѣ концовъ, покориться своей участи.

— Я не понимаю, какимъ образомъ я не нашла здѣсь миссисъ Бургоинъ,—проговорила она, торопливо отыскивая, глазами свою спутницу.

Дэзи Бруклинъ только что разсталась съ нею, чтобы присоединиться къ брату и отправиться съ нимъ домой, сама Льюси должна была встрѣтиться съ Элиноръ и съ мистеромъ Ниллемъ въ этомъ мѣстѣ.

Мэнистей смотрѣлъ на нее своимъ сверкающимъ рѣшительнымъ взглядомъ.

— Вы не застали ее потому, что я ее удалилъ.

Льюси невольно оступила назадъ при его словахъ, но онъ продолжалъ:

— Я не могу понять, миссъ Фостеръ, почему вы такъ упорно отказывались весь вчерашній вечеръ и весь сегодняшній день удѣлить мнѣ минуту, которой я просилъ? вѣдь и у меня есть *воля*,—и она теперь проснулась.

— Я васъ не понимаю,—сказала Льюси, блѣдная какъ полотно.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте объяснить вамъ,—сказалъ Мэнистей холодно:—Миссъ Фостеръ, два дня тому назадъ вы подверглись нападенію, опасности, находясь подъ моимъ кровомъ, на моемъ попеченіи. Какъ хозяину дома, вы должны позволить мнѣ отдать вамъ очетъ и извиниться за это, если только возможно. Но вы избѣгаете меня. Вы не даете мнѣ случая разсказать вамъ, что я сдѣлалъ, чтобъ защитить васъ, не даете выразить своего безконечнаго огорченія и сожалѣнія. Я могу только предположить одно: что вы слишкомъ оскорблены нашей нерадивостью по отношенію къ вамъ, что

вы не хотите говорить объ этомъ, что вы не въ состояніи простить!

— Простить!—воскликнула Льюси, застигнутая врасплохъ.— Что мнѣ прощать, мистеръ Мэнистей? что хотите вы этимъ сказать?

— Объясните мнѣ въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ рѣшительно,—почему у васъ не нашлось для меня ни одного добраго слова, ни одного добраго взгляда съ тѣхъ поръ, какъ это все случилось? Пожалуйста, присядьте, миссъ Фостеръ.— Онъ указалъ на мраморную скамью подлѣ нея.—А я останусь здѣсь. Всѣ остальные далеко. Вы должны подарить мнѣ десять минутъ—всего десять минутъ требую я!

Льюси сѣла на скамью, сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе, чтобы сохранить свое достоинство и присутствіе духа.

— Боюсь, что я дала вамъ о себѣ крайне дурное представленіе,—сказала она ему, обращаясь къ нему съ робкой улыбкой.—Само собою разумѣется, что мнѣ нечего прощать кому бы-то ни было... Я знаю, что вы сдѣлали все, отъ васъ зависящее, чтобы оградить меня отъ непріятностей. И благодаря именно *вамъ*—со мной не случилось ничего дурного.— Она слегка отвернула голову, съ трудомъ выговаривая слова. Передъ ними обоими промелькнула въ эту минуту та отчаянная борьба у дверей столовой, самое воспоминаніе о которой уже было слишкомъ ужасно.

— Вы знали...—проговорилъ онъ съ жаромъ и подступая къ ней ближе.

— Я знала, что я была въ опасности, что если бы не вы, быть можетъ, ваша несчастная сестра...

— Ахъ! не говорите объ этомъ,—сказалъ онъ, вздрогнувъ.

И облокотившись на пьедесталъ одной изъ статуй вблизи нея, онъ молча устремилъ пристальный взглядъ въ зеленую воду бассейна.

— Вотъ вы не хотите объ этомъ говорить,—съ трепетомъ произнесла Льюси:—Ну, таково было и мое желаніе. Зачѣмъ же станемъ мы опять объ этомъ вспоминать? Для васъ это должно быть такъ страшно тяжело. А я, со своей стороны, ничѣмъ не могу помочь ни вамъ, ни миссъ Мэнистей. Совсѣмъ было бы другое дѣло, если бы я могла...

— Вы можете. Вы должны позволить мнѣ высказать, что я сдѣлалъ для вашей безопасности въ ту ночь,—проговорилъ онъ настойчиво, перебивая ее.—Я сдѣлалъ такія распоряженія и отдалъ такое строгое приказаніе Дальгетти—женщинѣ очень сильной физически—ни подъ какимъ видомъ не выпускать мою бѣдную сестру, что я никоимъ образомъ не могъ себѣ представить, чтобы вамъ или кому нибудь изъ нашего общества могла угрожать опасность. Когда въ тотъ вечеръ тетушка

моя, уходя спать, выразила опасеніе, что дверь ваша недостаточно надежна, я даже разсмѣялся и сказалъ ей, что это не имѣетъ никакого значенія — настолько я былъ увѣренъ! Я просидѣлъ въ креслѣ всю ночь и нисколько не тревожился; полагаю, именно благодаря этому-то, и заснулъ, въ концѣ концовъ. Понятно, фатальнымъ явилось то обстоятельство, что никто изъ насъ не зналъ о хлороформѣ, который она спрятала.

Льюси томилась отчаяньемъ.

— Прошу васъ, прошу васъ, не говорите такъ, будто кто нибудь виноватъ, будто тутъ было нѣчто, въ чемъ слѣдуетъ извиняться.

— Но какъ же могло бы быть иначе? Васъ потревожили, васъ испугали, на васъ сдѣлали нападеніе. Вы могли бы...

Онъ перевелъ дыханіе. Затѣмъ, наклоняясь къ ней, онъ тихимъ голосомъ спросилъ:

— Скажите, она ворвалась къ вамъ въ комнату?

Льюси колебалась.

— Зачѣмъ вы хотите говорить объ этомъ?—произнесла она съ безнадежностью.

— Я имѣю право это знать.

Подъ его настойчивымъ, властнымъ, повелительнымъ взглядомъ не оставалось возможности выбора. Она чувствовала надъ собой его власть и покорилась. Въ самыхъ простыхъ словахъ, запинаясь, но сдержанно разсказала она всю исторію. Мэнистей слѣдилъ за каждымъ словомъ, затаивъ дыханіе.

— Боже мой! — произнесъ онъ, когда она умолкла:— Боже мой!

И онъ на одну минуту поднесъ руку къ своимъ глазамъ.

— Вы знали, что у нея было оружіе?—спросилъ онъ.

— Я такъ предполагала,—отвѣчала она спокойно.—Все время, пока она была у меня въ комнатѣ, она что-то прятала въ своей бѣдной рукѣ.

Въ своей бѣдной рукѣ!—эта маленькая фраза показалась Мэнистею необыкновенно трогательною. Послѣдовало минутное молчаніе, послѣ котораго онъ горячо заговорилъ:

— Клянусь, это было великолѣпнымъ заключеніемъ всего предыдущаго! Миссъ Фостеръ, когда вы отправлялись къ намъ, вы вѣроятно думали, что ѣдете къ друзьямъ. Вы знали о насъ очень немного; но послѣ того радушнаго пріема, какой оказали намъ, мнѣ и моей тетушкѣ ваши друзья и родственники въ Бостонѣ, не говоря уже о гостепріимствѣ вообще, вы могли ожидать, по меньшей мѣрѣ, что мы встрѣтимъ васъ теплѣе, что мы сдѣлаемъ для васъ все возможное, покажемъ вамъ все, достойное вниманія?

Льюси покраснѣла, затѣмъ разсмѣялась.

— Я совершенно не знаю, для чего вы все это говорите,

мистеръ Мэнистей? Я знала, что вы будете со мной любезны, и, разумѣется, разумѣется, вы были очень добры.

Она съ отчаяньемъ взглянула на узенькую тропинку, ведущую отъ фонтана, и перевела глаза на него. Своимъ взглядомъ она, казалось, умоляла его или отпустить ее, или же говорить о чемъ нибудь другомъ.

— Только уже во всякомъ случаѣ не я проявилъ эту „доброту“,—сказалъ онъ рѣшительно. — Признаюсь, что съ той минуты, поры, какъ появилась Алиса, вы были моей главной мыслью и заботой. Но до этого момента, миссъ Фостеръ, я относился къ вамъ съ такой нелюбезностью и невниманіемъ, что забыть этого вы не можете, вы не должны. Я ничего не дѣлалъ для вашего развлеченія, я не удѣлялъ вамъ ни минуты своего времени. Послѣ первой вашей поѣздки въ Римъ, я предоставилъ вамъ изо дня въ день скучать въ этомъ душномъ саду, совершенно забывая о васъ, и сердился, если даже миссисъ Бургоинъ принималась о васъ заботиться. Чтобы быть уже совершенно, совершенно искреннимъ, признàюсь, что я досадовалъ вообще на то, что вы къ намъ пріѣхали. Между тѣмъ я былъ хозяиномъ дома, вы были на моемъ попеченіи: я самъ пригласилъ васъ. Не думаю, чтобы существовалъ на свѣтѣ болѣе непростительный невѣжа, нежели я. Ну, вотъ, миссъ Фостеръ, это моя исповѣдь. Можете ли вы простить меня? хотите ли дать мнѣ случай загладить свою вину?

Онъ стоялъ такъ близко около нея, его широкая грудь тяжело поднималась отъ волненія, которое помимо ея воли сообщалось ей самой. Она не могла удержаться, она протянула ему руку, взглядъ ея выражалъ нѣжность, она улыбалась, какъ будто просила о чемъ нибудь. Онъ взялъ было эту руку, но она тотчасъ же отняла ее и проговорила убѣдительно:

— Мнѣ рѣшительно нечего, нечего прощать! Вы всѣ были со мной такъ милы. А что касается миссисъ Бургоинъ и тети Патти, то онѣ были прямо ангелами доброты!

Мэнистей покрутилъ свои усы.

— Я не завидую имъ, что онѣ показались ангелами; но я желалъ бы имѣть пару собственныхъ крыльевъ. Вы хотите еще двѣ недѣли провести съ нами—не такъ ли?— Льюси вздрогнула и опустила глаза. — Вотъ въ эти-то двѣ недѣли, миссъ Фостеръ, я могъ бы искупить свою вину, я могъ бы сдѣлать ваше пребываніе пріятнымъ. Теперь стоитъ жара; но мы могли бы забыть про жару. У меня здѣсь много ходовъ, много друзей, у которыхъ есть ключи къ вещамъ, не для всѣхъ доступнымъ. Довѣрьтесь мнѣ. Возьмите меня своимъ проводникомъ, учителемъ, курьеромъ! Словомъ, я хочу сдѣлать для васъ время пріятнымъ.

Онъ улыбался ей своей нетерпѣливой, деспотической улыбкой. Это было такъ на него похоже—въ одну минуту исправить всѣ свои прежнія ошибки, принести быстрое энергическое раскаяніе! Она едва удерживалась, чтобы не разсмѣяться; сердце ея невольно рвалось къ нему, но сдерживалось печальнымъ сознаніемъ дѣйствительности.

Она отвернулась отъ его прекраснаго лица, отъ котораго вѣяло чѣмъ-то вѣчно ребяческимъ, что ее такъ трогало и такъ нравилось въ немъ.

Перебирая у себя на колѣняхъ какіе-то стебельки, она проговорила со смущеніемъ:

— Могу ли я вамъ сказать, что вамъ слѣдуетъ сдѣлать въ эти двѣ недѣли?

— Скажите,—сказалъ Мэнистей, наклоняясь къ дѣвушкѣ. Счастье для нея, что она не видала выраженія восторга, съ которымъ онъ встрѣтилъ ея дѣвическую ласку и простоту.

— Не слѣдуетъ ли вамъ окончить свою книгу? Вы могли бы это сдѣлать, не правда ли? И миссисъ Бургоинъ такъ огорчена. На нее положительно грустно смотрѣть.

Собственныя слова придали ей храбрости. Она взглянула на него снова серьезнымъ, дружественнымъ взглядомъ. Мэнистей внезапно выпрямился. И послѣ небольшого молчанія совершенно инымъ голосомъ проговорилъ:

— Мнѣ казалось, что я уже раньше объяснялъ вамъ, что я и моя книга достигли, такъ называемаго, „cul-de-sac“, и что я уже болѣе не зналъ, что съ ней дѣлать?

Льюси вспомнились тѣ отзывы объ этой книгѣ, которые она слышала въ посольствѣ, и хранила неловкое молчаніе.

— Миссъ Фостеръ!—произнесъ Мэнистей съ какой-то рѣшительностью.

Сердце Льюси замерло.

— Мнѣ кажется, что я вижу ту мысль, которая теперь у васъ въ головѣ. Прогоните ее прочь. Въ Римѣ ходили слухи, которымъ, быть-можетъ, даже тетушка моя вѣрила. Только слухи эти невѣрны какъ относительно меня, такъ и Элиноръ. Она первая можетъ вамъ это засвидѣтельствовать.

— Разумѣется,—поспѣшно воскликнула Льюси,—разумѣется!—и не знала, что ей дальше сказать, терзаясь своимъ пуританскимъ страхомъ передъ ложью и естественнымъ женскимъ опасеніемъ выдать Элиноръ.

— Нѣтъ, я вижу, вы все еще сомнѣваетесь! До васъ дошла какая нибудь сплетня, и вы ей вѣрите.

Онъ отбросилъ сигару, которую вертѣлъ въ рукѣ, и опустился подлѣ нея на мраморную скамью.

— Я считаю, что вы должны меня выслушать,—сказалъ онъ съ той мужской силой выраженія и спокойствіемъ, ко-

торыя такъ шли къ нему.—Дружба между мною и моей кузиной была не совсѣмъ обыкновеннаго характера, я это знаю. Дружба эта была такой, какая понятна скорѣе французамъ, нежели англичанамъ, потому что для французовъ литература и бесѣды—вещи серьезныя, а не пустяки, не идущія въ счетъ, какъ для насъ. Она была по отношенію ко мнѣ олицетвореніемъ нѣжности и доброты; но я предполагаю, что подобно очень многимъ, она тоже, въ концѣ концовъ, нашла меня невыносимымъ человѣкомъ, непригоднымъ для совмѣстной работы.

— Она такъ больна и утомлена,—тихо проговорила Льюси.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ Мэнистей смущенно.— Она, правда, никогда не могла выносить жары. Она поправится, какъ только вернется въ Англію. Но допуская всю тяжесть моихъ проступковъ, скажите, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать? Какимъ образомъ могу я успокоить Элиноръ?—и потомъ, долженъ ли я измѣнить свою книгу для удовлетворенія Нилля, или же смиренно похоронить ее? Негодная вещь!—стоитъ ли она хоть десятой доли тѣхъ волненій, которыя она доставила мнѣ и Элиноръ? Хотя тамъ есть и замѣчательно хорошіе взгляды! — прибавилъ онъ инымъ тономъ.

— Ну, а если бы вы ее похоронили, — сказала Льюси, слегка улыбаясь и въ то же время стараясь набраться мужества, чтобы исполнить совѣтъ посланника:—что стали бы вы послѣ этого дѣлать? вы вернулись бы въ Англію? и... и... въ ваше помѣстье?

— А! этотъ милѣйшій старичекъ уже успѣлъ вамъ наговорить?—сказалъ онъ.—Я такъ и думалъ! Онъ за послѣднее время уже раза два-три принимался ругать меня и мои взгляды. Но я не обращаю на это вниманія: онъ одинъ изъ привилегированныхъ. Такъ, значитъ, посланникъ находитъ, что мнѣ слѣдуетъ ѣхать домой?

Онъ закинулъ одну руку за спинку скамьи и устремилъ на дѣвушку смѣлый взглядъ.

— Развѣ у васъ въ Англіи не считаютъ это такъ же необходимымъ?

— Да, нѣкоторые считаютъ,—сказалъ онъ, какъ бы обдумывая.—Послѣднее время меня бомбардировали письмами по поводу политики, общаго положенія дѣлъ и послѣднихъ выборовъ. Одинъ откровенный другъ пишетъ мнѣ сегодня утромъ: „Чортъ побери итальянцевъ! что тебѣ до нихъ за дѣло. Англичане должны бояться только собственныхъ домовыхъ. Возвращайся домой, ради самого Бога! Близится великолѣпная борьба, и ты будешь непростительнымъ глупцомъ, если не примешь въ ней участія“.

— Я, разумѣется, не смѣю быть настолько откровенной,—

сказала Льюси сдержано, хотя мускулы ея лица вздрагивали отъ смѣха.

Они обмѣнялись взглядомъ, полнымъ неудержимаго веселья. Но Мэнистей тотчасъ же уныло откинулся на скамью.

— Что меня ожидаетъ дома? — рѣзко проговорилъ онъ, снова принимая свой мрачный видъ.

Настроеніе Льюси тоже мгновенно измѣнилось. Она ждала.

Лицо Мэнистея слегка осунулось, горькая дума туманила его глаза, устремленные въ дальнюю просѣку сада.

— Я ненавижу свой старый домъ, — проговорилъ онъ медленно.—Онъ вызываетъ во мнѣ мучительное воспоминаніе. Отецъ мой былъ замѣчательный человѣкъ и имѣлъ много друзей; но мы, его дѣти, почти никогда не видѣли его и не имѣли особенныхъ основаній его любить. Моя мать умерла въ этомъ домѣ отъ недуга, о которомъ даже ужасно подумать. Нѣтъ, нѣтъ—это былъ не тотъ недугъ, что у Алисы,—глухо добавилъ онъ.—Ну, а теперь сама Алиса?—мнѣ въ каждомъ углу сталъ бы видѣться ея призракъ!

Льюси внимала ему, какъ очарованная. Каждая нота этого необыкновеннаго голоса, каждый жестъ его живописной фигуры имѣлъ уже такое значеніе для этого бѣднаго ребенка, что воспоминаніе объ этихъ минутахъ неизгладимо запечатлѣлось въ ея памяти.

— О, я увѣрена, что она поправится! — проговорила она съ нѣжностью и безсознательно наклоняясь къ нему.

— Нѣтъ! она никогда не поправится—никогда! А если бы такъ случилось, то мы съ нею давно уже перестали быть товарищами и друзьями. Нѣтъ, миссъ Фостеръ, ничто не призываетъ меня домой... за исключеніемъ политики. Я могъ бы, конечно, занять квартиру въ Лондонѣ; что же касается того, чтобы разыгрывать помѣщика, — онъ разсмѣялся и пожалъ плечами.—Нѣтъ, я сбѣжалъ бы оттуда при первой возможности. Во всякомъ случаѣ я никогда не вернусь туда одинъ.

Онъ быстро обернулся къ ней. Тонъ, которымъ онъ произнесъ послѣднее слово, пристальный горячій взглядъ, которымъ оно сопровождалось, какъ бы всколыхнули знойный майскій воздухъ.

Мучительное сознаніе опасности, невыразимое угрызеніе совѣсти охватили душу Льюси. Это придало ей силу.

Она перемѣнила позу и заговорила съ полнымъ самообладаніемъ, собирая свои перчатки и зонтикъ.

— Намъ, въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ, наконецъ, разыскать остальныхъ, мистеръ Мэнистей. Какой забавный этотъ графъ Фіоранчини!

Съ этими словами она поднялась. Мэнистей вздохнулъ всей грудью и продолжалъ сидѣть, наблюдая за нею. Ея

холодное достоинство говорило ему, что его или совсѣмъ не поняли, или, наоборотъ, поняли слишкомъ ясно. Въ обоихъ случаяхъ ему приходилось отступить и перемѣнить тему. Но все же ему доставляло нѣкотораго рода удовольствіе сознаніе, что она оказалась ужъ не черезчуръ податливой.

— А! я видѣлъ, въ какомъ обществѣ вы находились послѣ завтрака,—сказалъ онъ небрежно и снова закуривая свою сигару.—Не много хорошаго могли вы тамъ услыхать обо мнѣ и о моей книгѣ—да?

— Они всѣ мнѣ очень понравились!—сказала она съ жаромъ. — Они любятъ свою страну и вѣрятъ въ нее. Скажите, мистеръ Мэнистей, гдѣ вы оставили мистера Нилля и миссъ Бургоинъ?

— Я сейчасъ покажу вамъ,—сказалъ онъ, слѣдуя рядомъ съ нею.—Они въ такой части сада, которой вы не знаете. Боже мой, какъ тутъ хорошо!

Онъ оглянулся кругомъ, вдыхая въ себя ароматъ травы и цвѣтовъ и легкое дыханіе прохладнаго западнаго вѣтерка. Они поднялись на вершину небольшого возвышенія и тутъ между стволами деревьевъ передъ ними запестрѣли храмы и башни города, точно роскошная вышивка на блѣдно-голубомъ фонѣ неба.

Оба они въ тайнѣ испытывали чувство какого-то недоумѣнія. Неужели всего минута прошла, какъ онъ произнесъ свое слово, какъ онъ посмотрѣлъ на нее своимъ взглядомъ? Какая странная вещь — человѣческая жизнь! На минуту онъ предался забвенью.

— Они любятъ свою страну, говорите вы? — проговорилъ онъ затѣмъ,—что же? я допускаю, что у этой исключительной группы людей руки не запятнаны, что они не расхищаютъ жизненныхъ соковъ своей родины, какъ это дѣлаютъ другіе, на сколько я это знаю. Мнѣ, однако, они представляются милыми мечтателями, которые попусту хлопочутъ надъ ничтожными реформами, между тѣмъ какъ подъ ними рушится фундаментъ. Но какъ бы тамъ ни было, они понравились вамъ—и этого довольно. А теперь, скажите, когда и какимъ образомъ начнемъ мы нашъ походъ? Куда хотите вы отправиться? что желаете вы посмотрѣть? на чемъ бы вы ни остановились—я не стану противорѣчить. Я готовъ допустить все, что вамъ угодно, что Ватиканъ представляетъ изъ себя одну сплошную святую простоту, что патріоты не лишены религіи, что священники большіе политики! Мы будемъ смотрѣть на вещи прямо и правильно. Хотите вы увидать склепъ св. Петра? — на это нужно только распоряженіе кардинала. Желаете вы осмотрѣть „Villa Albano“, недоступную для публики съ тѣхъ поръ, какъ правительство наложило свои руки

на картины Боргезе?—передъ вами она раскроется. Желаете вы посѣтить садъ Ватикана и видѣть папу на его прогулкѣ? Отдавайте только мнѣ приказанія, и будетъ крайне странно, если я окажусь не въ состояніи привести ихъ въ исполненіе!

Онъ смотрѣлъ на нее веселымъ дружескимъ взглядомъ. Но она молчала, и онъ видѣлъ, что она спѣшила, что глаза ея измѣряли разстояніе, а щеки пылали. Но, почему? что новаго сказалъ онъ ей, чтобы она такъ смутилась, такъ встревожилась? Волненіе овладѣло его душой. И онъ кротко и убѣдительно, какъ бы обращаясь къ какому нибудь прелестному, своевольному ребенку, проговорилъ ей:

— Согласны вы мнѣ довѣриться? позволите ли вы мнѣ исправить, искупить свои проступки?

— Я думала,—сказала Льюси нерѣшительно,—что вы отправляетесь домой въ началѣ іюня. Ахъ, мистеръ Мэнистей, пожалуйста, взгляните, не миссисъ ли Бургоинъ это?

Мэнистей сдвинулъ брови.

— Они находятся не въ этомъ направленіи. А что касается моего отъѣзда домой, миссъ Фостеръ, то у меня нѣтъ такихъ обязательствъ, которыя я не могъ бы нарушить.

Въ тонѣ его ясно слышалось оскорбленное чувство. Это больно отозвалось въ душѣ дѣвушки.

— Я съ удовольствіемъ повидала бы все это, — сказала она неопредѣленно, все еще стараясь, какъ ему казалось, опередить его и разглядѣть знакомыя фигуры въ отдаленіи:— но... но... такъ трудно заранѣе дѣлать планы. Ахъ, вотъ онъ, вотъ мистеръ Нилль!

Она почти побѣжала къ нему навстрѣчу, и Мэнистей могъ разслышать, какъ она, едва переводя духъ, освѣдомлялась о миссисъ Бургоинъ.

Мэнистей остановился и, когда они къ нему приблизились, онъ проговорилъ:

— А, Нилль! добро пожаловать! не проводишь ли ты этихъ лэди на станцію? или во всякомъ случаѣ, не посадишь ли ихъ въ экипажъ? Имъ пора на поѣздъ. А я обѣдаю въ Римѣ.

Онъ церемонно приподнялъ шляпу передъ Льюси, повернулся и пошелъ своей дорогой.

Ночь спустилась надъ виллой.

Элиноръ сидѣла въ своей комнатѣ, въ той комнатѣ на западной сторонѣ, откуда были видны оливковыя рощи Кампаньи и гдѣ Льюси помѣщалась нѣкоторое время по своемъ пріѣздѣ.

Прошло около получаса съ тѣхъ поръ, какъ Элиноръ слышала стукъ подъѣхавшаго экипажа Мэнистея и голосъ

послѣдняго въ библіотекѣ, отдававшій приказанія Альфредо. Она, Льюси Фостеръ и тетя Патти уже разошлись по своимъ комнатамъ. Странно было, что онъ обѣдалъ въ городѣ. Еще по дорогѣ между ними было условлено, что онъ проводитъ ихъ на виллу.

Элиноръ сидѣла въ низкомъ креслѣ передъ столомъ, на которомъ горѣла парафиновая лампа. Позади находилось окно, которое было раскрыто, но задвинуто ставнями снаружи, а изнутри были плотно задернуты обѣ занавѣски. На колѣняхъ у Элиноръ лежала тетрадь съ дневникомъ, которую она разсѣянно перелистывала, пробѣгая глазами, которые едва ли что нибудь видѣли. Голова ея съ ореоломъ распущенныхъ волосъ была откинута на спинку кресла, и рѣзкій свѣтъ лампы съ безжалостной ясностью обрисовывалъ всѣ обострившіяся черты лица. Она была женщина уже не молодая, больная и одинокая.

Благодаря всему тому, о чемъ повѣствовалось въ дневникѣ, она и пережила еще эту зиму.

Какъ живо, какъ ощутительно близко все это казалось—прямо не вѣрилось, что это было такъ недавно, — а между тѣмъ теперь все это исчезло, какъ Цезари на Палатинѣ!

Вотъ, напримѣръ:

Ноября 22. — Сегодня мы хорошо поработали. Три часа утромъ и почти три послѣ обѣда. Финансовое обозрѣніе, начиная съ 1870 года, почти окончено. Я бы не могла выдержать такъ долго, если бы не его рвеніе, такъ какъ у меня болитъ голова: всю прошлую ночь мнѣ казалось, что по всему Риму звонятъ колокола, а часы бьютъ, не переставая.

Но какъ его пылъ увлекаетъ и какъ искренно и трогательно признателенъ онъ бываетъ за все, что для него сдѣлаютъ! Иногда я переписываю и поправляю, иногда онъ диктуетъ; иногда же я предоставляю ему говорить, пока у него не сложится въ опредѣленную форму цѣлая страница или даже цѣлый отдѣлъ. Глупо говорить, какъ говорятъ его враги, будто у него нѣтъ опредѣленныхъ плановъ. Я видѣла, какъ за послѣднія недѣли ему приходилось возиться съ очень тяжелой и запутанной работой, и онъ съ изумительной легкостью и быстротой обработалъ все въ нѣчто совершенно стройное. И работать съ нимъ—наслажденіе. Онъ взвѣшиваетъ и обсуждаетъ все, что я говорю, и не изъ ложной любезности. Если ему что не нравится, онъ хмуритъ брови, закусываетъ губы и разбиваетъ меня въ прахъ. Но очень часто случается, что я одерживаю верхъ, и никто не умѣетъ уступать съ большей граціею, нежели онъ. Люди говорятъ объ его тщеславіи; я не отрицаю его, но мнѣ

кажется, что оно-то, быть можетъ, и составляетъ часть его очарованія.

Онъ слишкомъ обо мнѣ заботится, слишкомъ, слишкомъ много!

Декабря 16. — Завтракъ у маркизы. Были тамъ Фіоранчини и нѣсколько католиковъ-либераловъ. Мэнистея аттаковали со всѣхъ сторонъ. Сперва онъ былъ молчаливъ и нѣсколько дулся: его не всегда легко увлечь. Затѣмъ онъ воспламенился, и прямо изумительно было слушать, какъ онъ велъ съ ними споръ почти на такомъ же свободномъ итальянскомъ языкѣ, какъ его собственный.

Разумѣется, мнѣ иногда хочется, чтобы все это было у него убѣжденіемъ, а не простой политикой. Но, быть можетъ, это и вѣрно, какъ онъ говоритъ, что человѣкъ видитъ яснѣе со стороны. А затѣмъ его главное убѣжденіе состоитъ въ томъ, что люди образованные и люди необразованные всегда говорятъ на различныхъ нравственномъ и умственномъ языкахъ; но это не должно быть причиной, чтобы образованные относились враждебно къ единственному языку, понятному необразованнымъ, т. е. къ церкви и религіи. Численностью необразованныхъ больше, а потому-то и имѣетъ въ дѣйствительности большое значеніе то, что они думаютъ и что дѣлаютъ. Какъ бы то ни было, надо такъ устроить, чтобы они вели себя прилично: иначе общество распадается. Достигнуть этого можно только посредствомъ религіи.

Какое поэтому безуміе со стороны Италіи и Франціи, что онѣ ссорются съ единственной организаціей, которая можетъ управлять массами!

Люди, которые возстаютъ противъ католическихъ мелочныхъ обрядовъ, или глупцы, или педанты. Вы вѣдь не желаете быть убитыми въ своихъ постеляхъ? Ну, и оставьте патеровъ всѣхъ церквей въ покоѣ. Они немного требуютъ за все то, что дѣлаютъ.

Ахъ, какъ онъ чувствуетъ всю поэзію обрядовъ и какъ заставляетъ ее чувствовать меня!

Декабря 23. — Сегодня я была свидѣтельницей прелестнаго поступка съ его стороны. На ступеняхъ Trinita Dei Monti оказался ребенокъ, оставленный здѣсь родителями, которые бросились смотрѣть на что-то, происходившее на верхней улицѣ. Маленькое существо въ лохмотьяхъ надрывалось отъ плача. Мы въ это время поднимались по ступенямъ, и Мэнистей поднялъ ребенка. Я думала, что съ тѣмъ сдѣлается припадокъ. Сперва онъ былъ совершенно парализованъ страхомъ. Но Мэнистей началъ съ нимъ говорить на его жаргонѣ и съ торжествомъ тащилъ его вверхъ. Малютка улыбался и протягивалъ свою грязную ручонку

желая схватить его за лицо. Наверху онъ разыскалъ въ толпѣ его родителей и, повидимому, съ трудомъ отдѣлался отъ мальчугана, который ни за что не хотѣлъ съ нимъ разстаться. Затѣмъ онъ вернулся ко мнѣ въ самомъ оживленномъ настроеніи и всю дорогу дурачился, какъ мальчикъ. Въ немъ есть какая-то наивность, благодаря которой онъ никогда не можетъ скрыть ни своего довольства, ни недовольства собою.

Рождество. — Мы ходили къ ночной службѣ въ Santa Maria Maggiore. На этихъ церемоніяхъ онъ обыкновенно или скучаетъ до полусмерти, или весь проникается энтузіазмомъ и умиленіемъ. Въ прошлый вечеръ толпа раздражала его, и я очень жалѣла, зачѣмъ мы пошли. Но когда мы возвращались домой по освѣщеннымъ луною улицамъ, наполненнымъ народомъ, который спѣшилъ въ церкви или изъ церквей, черными и бѣлыми монахинями, коричневыми монахами и вереницами семинаристовъ въ ярко-красныхъ одѣяніяхъ,— онъ вдругъ сталъ пѣть рождественскіе гимны.

Мы проходили черезъ Monte Cavallo, мимо статуй двухъ божественныхъ всадниковъ, которые спасли древній Римъ; свѣтъ падалъ на фонтаны, и казалось, что эти двѣ фигуры, полныя молодого пыла и мощи, вотъ-вотъ сейчасъ пустятся на своихъ коняхъ.

Мэнистей остановился, чтобы посмотрѣть на нихъ... — А мы говоримъ, что міръ живетъ наукой! — сказалъ онъ.—Безумцы! Когда же онъ жилъ чѣмъ либо инымъ, какъ не мечтами—и въ Афинахъ, и въ Римѣ, и въ Іерусалимѣ?

Мы еще постояли у фонтана и поговорили. Когда мы пошли дальше, я сказала: — Какъ странно въ мои годы наслаждаться Рождествомъ въ первый разъ въ жизни! — Онъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто я своими словами доставила ему удовольствіе, и сказалъ съ самой очаровательной улыбкой:—Кому же другому слѣдуетъ больше наслаждаться жизнью, какъ не вамъ, добрая, хорошая Элиноръ!

Когда мы вернулись домой, я прошла къ себѣ въ комнату и растворила окна настежъ. Наша квартира на концѣ Via Sistina и изъ нея дивный видъ на Римъ. Свѣтила роскошная луна—Св. Петръ, холмы, каждая церковь и башня, залитые лучезарнымъ свѣтомъ, выдѣлялись такъ отчетливо. И вотъ, постепенно мнѣ начало казаться, что я уже не жалкая, никому не нужная изгнанница, что во всей этой красотѣ есть доля и для меня.

Сколько мира и покоя заключаетъ въ себѣ ночь!

Февраля 20. — Какъ прелестно это перое дыханіе весны. Миндальныя деревья въ Кампаньи совсѣмъ розовыя. Снѣгъ

на Сабинскихъ горахъ постепенно исчезаетъ. „Piazza di Spagna" вся загромождена цвѣтами: анемонами, розами, нарциссами. И впервые въ моей жизни я ощущаю это томленіе весны. И это въ двадцать девять-то лѣтъ!

Марта 24. — Святая недѣля. — Я была сегодня на одной свадьбѣ въ англійской церкви. Право, какъ будто рушилась какая-то преграда, раздѣлявшая меня съ жизнью. Невѣста— милѣйшая дѣвушка, которая зимой часто бывала моимъ юнымъ товарищемъ, поцѣловала меня, отправляясь перемѣнить свой нарядъ. Я обняла ее съ особымъ порывомъ радости. Другія женщины переживаютъ все это, быть можетъ, на десять лѣтъ раньше, нежели я; но все это не теряетъ своей прелести отъ того, что наступаетъ позднѣе, что проникаетъ въ сердце, изсушенное горемъ.

Марта 26. — Сегодня мое рожденье. Изъ окна, которое выходитъ на „Piazza", я сейчасъ видѣла, какъ Мэнистей велъ переговоры съ цвѣточницей. Эти сирени и гвоздики для меня—я это знаю. Онъ уже успѣлъ подарить мнѣ маленькій изумрудъ, который у меня на часовой цѣпочкѣ. На немъ вырѣзанъ маленькій геній съ факеломъ въ рукахъ. Онъ сказалъ, что я должна принять его, какъ генія нашей дружбы.

Я перемѣнила сегодня распоряженіе относительно своего костюма. Я замѣтила, что черное ему положительно непріятно. Матильдѣ придется изобрѣсти что нибудь другое.

Апрѣля 25. — Онъ уѣхалъ во Флоренцію, а я работаю за него надъ труднымъ вопросомъ по поводу какихъ-то уничтоженныхъ монастырей. Я просила графа Б., который знаетъ объ этихъ вещахъ, помочь мнѣ, и работаю очень усердно. Мэнистей вернется черезъ четыре дня.

Апрѣля 29. — Сегодня онъ возвратился. Какой веселый вечеръ! Когда онъ увидалъ, что я успѣла сдѣлать, онъ взялъ обѣ мои руки и горячо поцѣловалъ ихъ.—Элиноръ, царица надъ всѣми кузинами! — А теперь мы немедленно отправляемся на виллу. Тамъ ничто уже не будетъ прерывать нашей работы; гости пріѣзжать не будутъ. Смотрѣть за всѣмъ будетъ тетя Патти. Мнѣ кажется, что книга закончится въ іюнѣ. Конечно, въ ней есть нѣсколько сомнительныхъ мѣстъ. Но она должна произвести большой эффектъ.

Какъ необыкновенно хорошо я чувствую себя послѣднее время! Докторъ на прошлой недѣлѣ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Онъ думалъ, когда увидѣлъ меня въ первый разъ, что я скоро превращусь въ тѣнь! Я надѣюсь, что холмы будутъ такъ же вдохновлять Мэнистея, какъ его вдохновляетъ Римъ. Перемѣна мѣста заставляетъ меня тревожиться. И для чего намъ эта перемѣна? Милый, обо-

жаемый Римъ! Уѣхать отъ тебя даже за четырнадцать миль—и то раздираетъ мнѣ сердце!

Да, вотъ онѣ, всѣ эти записи, теперь полныя ироніи для нея и на вѣки неизгладимыя. Когда она перечла ихъ, перебирая въ головѣ всѣ вызванныя ими воспоминанія, то надъ ними, подобно суровому и холодному вихрю, уничтожающему весенній цвѣтъ, пронеслось послѣднее воспоминаніе о томъ нестерпимомъ мучительномъ днѣ! Но неужели Мэнистей такъ безусловно забылъ ее, покинулъ такъ окончательно? Быть можетъ, дѣйствительно, съ его стороны это только нѣсколько преувеличенная вѣжливость? Но женскій инстинктъ подсказывалъ ей, что никогда еще она не значила для него такъ мало, какъ теперь: онъ просто-на-просто пересталъ совершенно о ней думать. Она снова сдѣлалась для него такою же чужой, какою была въ первое время своего пріѣзда въ Римъ. Нѣтъ, болѣе того: потому что, когда люди встрѣчаются впервые, то съ обѣихъ сторонъ испытывается тайное восхитительное ожиданіе чего-то неизвѣстнаго, неизвѣданнаго. Что же остается тогда, когда все уже извѣстно и все исчерпано?

Что произошло между нимъ и Льюси Фостеръ? Разумѣется, она хорошо понимала, что онъ преднамѣренно устроилъ встрѣчу съ нею. Но когда Льюси и она возвращались вмѣстѣ домой, онѣ почти не сказали другъ съ другомъ ни слова. Она живо видѣла передъ собою ихъ двѣ безмолвныя фигуры въ вагонѣ, какъ онѣ сидѣли, прижавшись другъ къ другу, и Льюси держала ея руку въ своей рукѣ. И при этомъ Льюси была такая блѣдная, печальная, съ приподнятыми бровями, — что свидѣтельствовало объ усиленной работѣ мысли.

Не наступилъ ли уже кризисъ? Она отказала ему?—Элиноръ не смѣла спросить.

Внезапно она поднялась со своего кресла. Она заломила руки надъ головой и принялась ходить взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Въ этомъ существѣ, столь нѣжномъ, любящемъ, столь полнымъ чувства и печали, мало-по-малу поднималось сознаніе личнаго права, созрѣвало твердое, почти жестокое рѣшеніе. Она могла еще поколебаться, проявить слабость, какъ тамъ, въ посольскомъ саду; но слабость эта скоро пройдетъ. Ревность, настолько подавляющая, что заглушала рѣшительно все другое, овладѣла ею съ какой-то демонической силой. Не было ли это послѣдней попыткой самосохраненія, послѣднимъ протестомъ живого человѣка противъ собственнаго уничтоженія?

Ей принадлежать онъ не будетъ; но это зло, эту измѣну она должна предотвратить.

Она представляла себѣ Льюси въ объятіяхъ Мэнистея, и это сводило ее съ ума. Она сознавала, что съ ея стороны это безуміе, непростительное, унижающее ея достоинство. Но это сознаніе не могло поколебать ея рѣшенія.

Было ли затронуто собственное сердце Льюси? Надъ этимъ вопросомъ Элиноръ терзалась уже въ теченіе двухъ дней. Но если и такъ, то это только преходящее увлеченіе. Тѣмъ необходимѣе оградить дѣвушку отъ этого человѣка. Мэнистей, олицетвореніе прихоти и своеволія, никогда не можетъ сдѣлать счастливою женщину, подобную Льюси. Она надоѣстъ ему, и онъ броситъ ее. И что же останется Льюси съ ея чистой, прямой, глубокой душой? Ничего, кромѣ разбитаго сердца.

Элиноръ разсѣянно остановилась передъ зеркаломъ, вглядѣлась въ себя и вздрогнула отъ ужаса. Такое лицо — и вдругъ соперничать съ Льюси!

На туалетномъ столѣ лежали двѣ терракотовыя головки изъ Нэми — Артемида и греческій образчикъ съ чистымъ благороднымъ лбомъ и гладкими прядями волосъ, съ проборомъ по серединѣ—та головка, въ которой Мэнистей нашелъ столько сходства съ Льюси. Элиноръ припомнились его слова въ саду, его улыбка и взглядъ, когда къ нимъ приближалась дѣвушка. Да, сходство было несомнѣнное. Та же нѣжная молодая сила, та же несравненная округлость контуровъ юнаго лица.

И эту-то красоту развила сама же Элиноръ, сдѣлала ее вдвое примѣтнѣе, какъ брилліантъ, когда его очистятъ отъ земли.

Безумный порывъ охватилъ на мгновеніе ее существо,— порывъ того чувства, которое имѣетъ нѣчто общее съ преступленіемъ и которое иногда зарождается въ самыхъ великодушныхъ и благородныхъ натурахъ.

Она взяла тарракотовую головку и, подойдя къ окну, отдернула занавѣски и распахнула ставни. Ночь хлынула на нее изъ окна, звѣздная ночь, нависшая надъ безбрежными пространствами моря и Кампаньи. На западѣ небо еще слегка алѣло. По равнинѣ тамъ и сямъ мелькали огоньки, быть можетъ, то были костры, разведенные пастухами для предохраненія отъ маляріи. На самой же дальней окраинѣ западнаго берега сверкалъ огонь маяка, освѣщавшій кораблямъ путь по Средиземному морю. И никакихъ другихъ признаковъ жизни! Внизу черная непроглядная тѣнь скрывала за собой оливковые сады, дорогу и небольшіе холмы.

Элиноръ казалось, будто она стоитъ тутъ одна въ цѣломъ мірѣ со своей мучительной тоской, окруженная безмол-

віемъ, среди котораго еще больнѣе чувствовалась эта тоска. Она протянула руку, наклонилась впередъ и съ силой бросила маленькую головку въ разстилавшуюся внизу темную бездну. Вилла стояла высоко надъ оливковыми садами, а сами сады росли по крутому скату. Статуеткѣ приходилось летѣть очень далеко. Элиноръ показалось, что среди глубокой тишины она слышитъ, какъ камень ударяется о толстыя вѣтви оливъ. Съ дикимъ торжествомъ слѣдила она мысленно за тѣмъ, какъ разбивалась терракота, какъ разсыпались въ дребезги эти изящные черепки и смѣшивались съ землею. Съ глубокимъ вздохомъ, шатаясь, она отошла отъ окна и снова опустилась въ кресло. Чувство остраго недомоганія овладѣло ею; ей казалось, что она задыхается.—Если бы я только могла достать свое лѣкарство тамъ на столѣ!—думала она, но достать его была не въ силахъ и продолжала лежать въ полномъ изнемноженіи...

Вдругъ дверь отворилась.

Что, развѣ это былъ сонъ? развѣ это ей только чудилось, что она борется противъ страшныхъ бушующихъ волнъ, стараясь пристать къ берегу?

Послышался слабый крикъ. Легкіе поспѣшные шаги раздались по комнатѣ. Льюси Фостеръ опустилась на колѣни подлѣ нея и обхватила ее руками.

— Дайте мнѣ... тѣ капли... на моемъ столѣ,—съ трудомъ выговорила Элиноръ.

Льюси не произнесла ни слова. Спокойной, твердой рукой она принесла и дала ей лѣкарства. Это было сильное средство для возбужденія сердечной дѣятельности, и оно оказало свое дѣйствіе. По мѣрѣ того, какъ силы возвращались къ Элиноръ, у нея появлялась дрожь, и Льюси поспѣшила закрыть окно.

Сама она была почти такъ же блѣдна, какъ Элиноръ. На глазахъ ея были слѣды слезъ, а на лицѣ все та же дума, которая туманила ей голову въ вагонѣ на пути изъ Рима.

Она снова опустилась около Элиноръ.

— Я пришла провѣдать васъ, потому что не могла заснуть и хотѣла предложить вамъ одинъ планъ. Мнѣ въ голову не приходило чтобы вы такъ сильно больны,—вамъ слѣдовало позвать меня раньше.

Элиноръ протянула свою слабую руку. Льюси взяла ее съ нѣжностью и прижалась къ ней своей щекой. Она не могла понять, почему Элиноръ была на ногахъ предъ открытымъ окномъ въ такомъ состояніи нездоровья и изнеможенія.

Она наклонилась впередъ и сказала нѣсколько словъ на ухо Элиноръ.

Мало-по-малу къ послѣдней окончательно возвратилось

сознаніе, и она могла отвѣчать на вопросы. Обѣ женщины сидѣли теперь рядомъ, рука съ рукой, склонившись головами другъ къ другу, и отрывистый шепотъ ихъ голосовъ болѣе часу нарушалъ безмолвіе комнаты.

Разъ только Льюси поднялась, чтобы взять путеводитель со стола Элиноръ. А другой разъ—для того, чтобы раскрыть указанный ей ящикъ и вынуть изъ него кожаную книжку съ какими-то итальянскими замѣтками. Она настояла, наконецъ, чтобы Элиноръ легла въ постель, и сама помогла ей раздѣться. Едва Элиноръ успѣла опуститься на подушки, какъ послышался какой-то шумъ въ библіотекѣ, который заставилъ ихъ вздрогнуть. Элиноръ испуганно оглянулась кругомъ.

— Это, должно быть, мистеръ Мэнистей,—поспѣшила сказать Льюси.—Его не было въ домѣ, когда я шла черезъ стеклянную галлерею. Всѣ двери были раскрыты и у него горѣла лампа. Мнѣ кажется, что я даже слышала изъ своей комнаты, какъ онъ отпиралъ выходную дверь. Мнѣ придется теперь подождать, пока онъ уйдетъ.

Онѣ стали ждать, и Элиноръ пристально всматривалась въ темноту комнаты, пока неоднократно растворялись и затворялись двери, и пока, наконецъ, все не затихло снова.

Обѣ женщины обнялись страннымъ объятіемъ: съ полной искренностью со стороны Льюси и съ чувствомъ невыразимаго стыда со стороны Элиноръ. Молодая дѣвушка тихо прокралась къ себѣ въ комнату.

— Его не было дома—онъ былъ въ саду?—говорила себѣ Элиноръ съ замѣшательствомъ. И съ этимъ вопросомъ на губахъ, съ лихорадочнымъ чувствомъ жара въ крови и съ угрызеніемъ совѣсти на душѣ, пролежала она безъ сна до самаго утра, все чего-то ожидая.

Мэнистей тоже провелъ нѣсколько часовъ подъ покровомъ ночи, пытаясь умѣрить свою страсть и сомнѣнья въ ея прохладной тишинѣ.

При свѣтѣ звѣздъ онъ все ходилъ и ходилъ взадъ и впередъ по террасѣ, пытая и спрашивая сердце, въ которомъ теперь подъ вліяніемъ любви было больше мужества и благодарства, нежели за эти послѣдніе годы.

Что стояло у него на пути? Его отношенія къ кузинѣ? онъ угадывалъ, какое добросовѣстное чувство наполняло нѣжную, чуткую душу дѣвушки, и со своей стороны могъ отвѣчать на него только искренностью и великодушіемъ—поручить себя Элиноръ.

Она-то уже знала, чѣмъ были ихъ отношенія; она не

откажетъ ему въ этомъ благодѣяніи—выяснить ихъ отношенія молодой дѣвушкѣ.

Но что, если?.. На одно мгновеніе имъ овладѣлъ приливъ совершенно новыхъ страховъ. Ему припомнилась та минута въ библіотекѣ послѣ борьбы съ Алисой, когда Льюси только что начала приходить въ сознаніе, и къ нимъ вошла Элиноръ. Слышала ли она? онъ помнилъ, что и тогда еще въ головѣ его пронеслось подозрѣніе, что она могла все слышать.

Неужели она дѣйствовала противъ него, мстила за его пренебреженіе, оказывая вліяніе на Льюси?

Вся душа его загорѣлась протестомъ. Вотъ она, наконецъ, та сильная страсть, которую ему суждено было извѣдать. Пусть будетъ, что будетъ, но онъ не допуститъ, чтобы Элиноръ становилась для него преградой!

Безсознательно онъ направился вдоль маленькой тропинки, ведущей отъ террасы внизъ, и вскорѣ очутился на травянистыхъ дорожкахъ подъ оливами. Старая вилла высилась надъ ними, какъ темная крѣпость. Теперь это не была уже ея комната, тамъ, въ западномъ углу? нѣтъ! Онъ хорошо помнилъ, что ее перевели на восточную сторону около библіотеки, позади стеклянной галлереи. Теперь это должно быть окна Элиноръ.

А! Что это за свѣтъ? Онъ съ удивленіемъ откинулъ голову назадъ. Одно изъ оконъ, на которое онъ смотрѣлъ, растворилось, и въ яркомъ свѣщеніи лампы показалась чья-то фигура. Она подалась впередъ. Элиноръ! Что-то упало совсѣмъ близко около него. Онъ слышалъ, какъ треснула вѣтка при этомъ паденіи какой-то вещи.

Въ изумленіи онъ продолжалъ стоять, глядя на окно, которое все еще оставалось открытымъ. Вдругъ кто-то показался въ немъ снова, только не та, прежняя фигура. Трепетъ восторга пробѣжалъ по его жиламъ. И въ темнотѣ ночи онъ послалъ Льюси свой привѣтъ, свое благоговѣніе.

Но окно затворилось, свѣтъ исчезъ и все снова погрузилось во мракъ.

Онъ зажегъ спичку и сталъ смотрѣть подъ деревомъ, которое было около него. Да, вѣтка была, дѣйствительно, сломана. Но что же ее сломало? Онъ зажигалъ спичку за спичкой, свѣтя себѣ лѣвой рукой, а правой раздвигая ножомъ сухую траву. Наконецъ, онъ увидалъ горсть какихъ-то каменныхъ осколковъ, смѣшанныхъ съ землей. Онъ собралъ ихъ и положилъ на уголъ старой стѣны тутъ, около дерева. Онъ разсматривалъ эти осколки при помощи своего жалкаго освѣщенія и увидалъ, что это были куски терракоты. Глазъ его, столь опытный въ этихъ вещахъ, сейчасъ же распозналъ: это были части головки, которую онъ далъ Элиноръ въ Нэми.

Верхняя часть головы и лба уцѣлѣли, а равно и дивный контуръ щеки.

Онъ зналъ эту головку, зналъ ее сходство съ Льюси. Онъ помнилъ тѣ слова, которыя Элиноръ сказала тогда въ саду.

Продолжая держать осколки въ своей рукѣ, онъ медленно пошелъ обратно къ террасѣ.

Выброшены, выкинуты изъ окна ночью рукой Элиноръ? Почему? Онъ все думалъ и раздумывалъ... Мрачное сознаніе тяготѣвшей надъ нимъ судьбы постепенно овладѣвало имъ среди ночной темноты, когда онъ рисовалъ себѣ двухъ женщинъ, которыя сидѣли теперь вмѣстѣ въ полуночномъ безмолвіи, между тѣмъ какъ онъ бродилъ здѣсь одинъ. И въ душѣ его поднималась отвага только что зарождавшейся страсти, а въ головѣ созрѣвало твердое рѣшеніе человѣка который чувствуетъ, что ему что-то угрожаетъ, но что главный источникъ опасности заключается не въ могуществѣ какого-нибудь внѣшняго врага, а въ самой добродѣтели той женщины, которую онъ любитъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Продовольственныя нормы.

Въ наукѣ вопросъ о питаніи сводится къ закону сохраненія силы или энергіи. Жизнь организма и его отправленія обусловливаются химическимъ разложеніемъ принятыхъ организмомъ пищевыхъ веществъ, причемъ заключающаяся въ нихъ связанная сила переходитъ въ живую въ видѣ либо тепла, либо внутренней или внѣшней работы организма. Такимъ образомъ, съ введеніемъ въ организмъ пищевыхъ веществъ, вводится извѣстное количество силы въ потенціальномъ состояніи, отъ проявленія которой зависитъ какъ существованіе организма, такъ и его жизнедѣятельность. Наука установила въ этомъ отношеніи очень точную мѣрку, позволяющую судить по количеству пищевыхъ матеріаловъ о размѣрѣ потенціальной силы. Такъ какъ между количествомъ теплоты и механической работы существуетъ строго опредѣленное отношеніе, въ которомъ онѣ замѣняютъ другъ друга, то является, слѣдовательно, возможность выразить это отношеніе математически, въ извѣстномъ количествѣ единицъ. Единицею измѣренія теплоты служитъ калорія или то количество теплоты, которое требуется для повышенія температуры 1 килограмма воды на 1° Цел., а одной калоріи въ свою очередь соотвѣтствуетъ такое количество механической работы, которое необходимо для поднятія того же килограмма воды на высоту 425 метровъ. Обѣ эти нормальныя величины образуютъ собою одну общую величину въ 425 килограммометровъ. Вотъ эта величина и называется въ наукѣ „механическимъ эквивалентомъ теплоты". Зная такимъ образомъ количество потребляемой извѣстнымъ организмомъ пищи, можно опредѣлить количество соотвѣтствующихъ этой пищи калорій и ихъ механическихъ эквивалентовъ, — и наоборотъ, по этимъ послѣднимъ величинамъ можно судить о количествѣ затраченнаго на нихъ пищевого матеріала.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ основанія, на которыхъ построены пищевыя нормы. Пища — это матеріалъ для организма съ присущими ему отправленіями.

Наукою затѣмъ выяснены основные законы питанія, значеніе

для организма разныхъ пищевыхъ веществъ и ихъ химическій составъ. Но вопросы практическаго порядка, сколько и какихъ веществъ требуется для правильнаго питанія организма у разныхъ половъ и возрастовъ, при различныхъ климатическихъ условіяхъ и въ зависимости отъ различной жизненной обстановки, не разработаны и не детализированы надлежащимъ образомъ. По крайней мѣрѣ, пищевая норма установлена съ наибольшею вѣроятностью лишь на средняго рабочаго человѣка; до нѣкоторой степени она можетъ быть соображена по возрастамъ и поламъ; но колебанія той же нормы въ зависимости отъ климатическихъ условій и отъ жизненной обстановки совсѣмъ еще не опредѣлены количественно. Правда, отдѣльныя попытки на этотъ счетъ произведены уже нѣкоторыми учеными, но попытки эти единичны и обоснованы на маломъ количествѣ данныхъ. Такъ, Фойтъ, наиболѣе занимавшійся этимъ вопросомъ, нашелъ, что для средняго организма, при среднихъ жизненныхъ условіяхъ, въ сутки требуется такое количество пищи, въ которомъ содержалось бы 118 граммовъ бѣлка, 56 граммовъ жира и 500 граммовъ углеводовъ. Эта средняя пищевая норма для взрослаго рабочаго организма считается наиболѣе соотвѣтствующею дѣйствительности и профессоромъ Ф. Ф. Эрисманомъ. По мнѣнію того же Фойта, раздѣляемому и Baer'омъ, пища неработающаго заключеннаго должна содержать не менѣе 85 граммовъ бѣлка, 30 граммовъ жира и 300 граммовъ углеводовъ. Профессоръ Эрисманъ даетъ цифры для работающаго старика и неработающихъ старика и старухи; Камереръ, Уфельманъ и Гассе дали затѣмъ среднія пищевыя нормы по тремъ возрастнымъ группамъ для дѣтей и подростковъ; Уфельманъ опредѣлилъ среднее количество молочной пищи для однолѣтняго ребенка, на основаніи данныхъ о кормленіи материнскимъ и коровьимъ молокомъ*); мюнхенская физіологическая школа **) установила подобныя же нормы для дѣтей $1^1/_2$ года и отъ 6 до 15 лѣтъ, для работника, работницы, старика и старухи; г. Г. Герценштейнъ ***) приводитъ въ своей статьѣ „Пищевое довольствіе" минимальныя количества пищевыхъ веществъ для различныхъ возрастовъ. Всѣ эти данныя имѣютъ, конечно, очень важное значеніе, какъ сравнительный матеріалъ, пользуясь которымъ можно установить приблизительно слѣдующія пищевыя нормы по возрастнымъ группамъ населенія.

---

*) Ф. Ф. Эрисманъ. Курсъ гигіены. Т. III., вып. I.

**) Л. Н. Марессъ. Пища народн. массъ. Русская Мысль, 1893 г., кн. X,

***) Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIII.

Возрасты:	Бѣлковъ.	Жировъ.	Углеводовъ.
	Количество въ граммахъ.		
Дѣти до 1 года об. пола	24	26	36
„ отъ 1 до 6 лѣтъ об. пола. .	45	40	120
„ „ 6 „ 12 „ „ „ . .	72	46	254
„ „ 13 „ 18 „ „ „ . .	85	48	326
Работники отъ 18 до 60 лѣтъ . . .	118	56	500
Работницы „ 18 „ 60 „ . . .	95	54	400
Старики свыше 60 лѣтъ	100	53	385
Старухи „ 60 „	83	35	300
Средняя норма для всего населенія.	85	48	325 *)

Этими приблизительными нормами мы и будемъ далѣе пользоваться при анализѣ цифровыхъ данныхъ о пищевомъ довольствіи, собранныхъ путемъ статистическихъ учетовъ.

Существуетъ собственно два вида цифровыхъ матеріаловъ о пищевомъ довольствіи—записи и учеты расходовъ на пищу, полученные при помощи опроса. Первыя въ свою очередь могутъ быть подраздѣлены по качеству на нѣсколько градацій. Такъ, къ числу наиболѣе точныхъ записей принадлежатъ больничныя вѣдомости о пищевомъ довольствіи, но это спеціальные матеріалы, годные для опредѣленія довольствія только больныхъ, а не здоровыхъ людей. Болѣе пригодный для опредѣленія пищевыхъ нормъ матеріалъ представляютъ собою расходныя вѣдомости по заранѣе опредѣленной смѣтѣ или табели, какъ это ведется у солдатъ и арестантовъ, но и эти точныя по формѣ данныя значительно уклоняются однако отъ дѣйствительныхъ расходовъ на пищу. Какъ извѣстно, и солдаты, и арестанты, кромѣ казеннаго пайка, питаются обыкновенно добавочною пищею за собственный счетъ, расходы на которую не попадаютъ, конечно, въ казенныя табели. Къ тому же условія, при которыхъ находятся солдаты и арестанты, нельзя считать нормальными съ точки зрѣнія приложенія труда. Ко второй группѣ записей можно отнести записи пищевого довольствія во владѣльческихъ хозяйствахъ и расходы на пищу въ рабочихъ артеляхъ. Это несомнѣнно болѣе точные сравнительно съ предыдущими матеріалы. Въ частности данныя экономій имѣютъ тотъ недостатокъ, что, во первыхъ, рабочіе ѣдятъ не ту пищу, какую они установили бы сами у себя на дому, а ту, которую имъ даютъ обязательно, и во вторыхъ, приказчики или вообще лица, ведущія записи, сплошь и рядомъ грѣшатъ въ цифрахъ. На ряду

*) Среднія установлены по даннымъ о повозрастномъ составѣ семей, для которыхъ опредѣлены бюджеты.

съ этимъ, и частновладѣльческія записи и расходы артелей одинаково характерны не для отдѣльныхъ лицъ во всѣхъ возрастахъ, а главнымъ образомъ для группъ рабочаго и полурабочаго возрастовъ. Безусловно цѣнныя свѣдѣнія можно почерпнуть изъ записей расходовъ на пищу по яслямъ. Дѣтей въ ясляхъ кормятъ обыкновенно наиболѣе питательною и подходящею для дѣтскаго возраста пищею; вмѣстѣ съ тѣмъ взвѣшиванія вскармливаемыхъ дѣтей даютъ опредѣленныя количественныя указанія о томъ, какъ усваивается организмомъ пища. Но это опять таки спеціальныя свѣдѣнія, имѣющія значеніе только для одного дѣтскаго возраста. Свѣдѣнія эти тѣмъ не менѣе важны потому, что касаются дѣтей рабочаго сословія, чего нельзя сказать о записяхъ пищевого довольствія въ учебныхъ пансіонахъ и интернатахъ. Къ третьей, наконецъ, группѣ записей надо отнести счета, ежедневные расходы на пищу. Такія записи, помимо своей точности, важны и потому еще, что ведутся при обычныхъ жизненныхъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, записи этого рода представляютъ совершенно исключительный матеріалъ. Такимъ образомъ, существующіе виды записей оказываются довольно различными по качеству и разнообразными по формѣ матеріалами. Только путемъ согласованія, сравнительнаго сопоставленія всѣхъ этихъ матеріаловъ можно было бы раздвинуть настолько основную задачу о пищевыхъ нормахъ, чтобы она охватывала различные полы и возрасты населенія. Но нужно замѣтить, что всякія вообще записи о пищевомъ довольствіи мало доступны и очень рѣдко попадаютъ въ напечатанномъ видѣ въ статистическую литературу. При такихъ условіяхъ, волею неволею приходится довольствоваться тѣми матеріалами, которые можно добыть опросомъ населенія, т. е. по преимуществу бюджетными матеріалами.

Бюджетные матеріалы о пищевомъ довольствіи имѣютъ ту особенность, что степень достовѣрности и точности ихъ обусловливается учетомъ полнаго оборота всѣхъ расходовъ и перерасходовъ по хозяйству. Опредѣленіе собственно расхода продуктовъ производится при этомъ или за полный годъ или за извѣстное время—за мѣсяцъ, недѣлю, сутки. Первый способъ обезпечиваетъ болѣе полныя и достовѣрныя данныя, чѣмъ второй. Общіе приходы и расходы главнаго пищевого продукта—хлѣба всегда болѣе или менѣе извѣстны и хозяину, и хозяйкѣ, и др. членамъ семьи, и даже сосѣдямъ. Расходы мяса и на мясо, какъ расходы исключительной важности, также находятся на счету семьи. Потребленіе молочной пищи легко опредѣлить по количеству дойныхъ коровъ и удоя и т. п. Между тѣмъ расходъ за сутки, недѣлю или мѣсяцъ, во первыхъ, можетъ быть различенъ, смотря по времени года и хозяйственнымъ условіямъ, а разъ приходится считаться съ этимъ, тогда учетъ силою обстоятельствъ становится годичнымъ; во вторыхъ, чѣмъ за меньшее время учи-

тывается расходъ, тѣмъ менѣе устойчивы цифры. Особенно это относится къ учету пищи за сутки. Достаточно къ 2 фунтамъ хлѣба прибавить $^1/_8$ или столько же убавить изъ нихъ, чтобы за годъ образовалось очень крупная погрѣшность. Подобныя погрѣшности тѣмъ возможнѣе, что при мелочныхъ учетахъ всегда обыкновенно округляются цифры, и эти округленія граничатъ не съ $^1/_8$, а часто съ $^1/_4$ или даже съ $^1/_2$. Учетами расходовъ на пищу за короткіе періоды можно, поэтому, пользоваться лишь какъ вспомогательными пріемами. Бюджетные матеріалы о расходахъ на пищу, подлежащіе нашему разсмотрѣнію при опредѣленіи пищевыхъ нормъ, собраны первымъ способомъ, т. е. за полный годъ.

Основной матеріалъ для опредѣленія пищевыхъ нормъ дали крестьянскіе бюджеты по Воронежской губерніи. Къ сгруппированнымъ на основаніи этого матеріала даннымъ совершенно приложимы принятые наукою пріемы. По крайней мѣрѣ, важнѣйшія пищевыя вещества могутъ быть приведены къ однообразному измѣренію, позволяющему вычислить химическій составъ продуктовъ. Такъ, зерновые хлѣба, мясо, рыба и проч. могутъ быть обращены въ вѣсовыя единицы, а стало быть, и разложены на свои составныя части въ процентныхъ отношеніяхъ, установленныхъ наукою для каждаго пищевого вещества. Само собою разумѣется, что исчисленія этого рода должны уступать въ точности исчисленіямъ, обоснованнымъ на правильно поставленномъ научномъ опытѣ. Къ массовымъ явленіямъ и невозможно примѣнить вполнѣ пріемовъ научнаго опыта. Между дѣйствительными проявленіями жизни и искусственно созданными опытами для изученія этихъ проявленій всегда будетъ существовать извѣстное различіе. Значеніе массовыхъ данныхъ опредѣляется наиболѣе близкимъ соотвѣтствіемъ ихъ съ дѣйствительностію, съ тѣмъ, что есть, а не съ тѣмъ, что должно быть или требуется. Съ этой именно точки зрѣнія важенъ и анализъ бюджетныхъ данныхъ о расходахъ на пищевыя вещества, по сколько эти данныя выражаютъ собою дѣйствительность.

На основаніи данныхъ по 230 хозяйствамъ, съ 1912 душами населенія, количество разнаго рода пищевыхъ веществъ, приходящихся на одну душу населенія, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ годоваго расхода:

Зерновыхъ продуктовъ . . .	16 п.	26 ф.
Пшена и крупы	3 „	9 „
Картофеля	6 „	26 „
Масличныхъ растеній . . .	1 „	2 „
Мяса и сала.	1 „	11 „
Рыбы	— „	15 „
Молочныхъ продуктовъ. . .	3 „	14 „
Итого . . .	32 п.	23 ф.

Такимъ образомъ, годовая пропорція пищи, по бюджетнымъ матеріаламъ, слагается изъ 27 пудовъ и 23 фунтовъ пищи растительной и 5 пудовъ пищи животной, считая въ томъ числѣ и жидкое молоко. Въ частности собственно хлѣба потребляется 16 пудовъ и 26 фунтовъ.

Къ этимъ веществамъ, допускающимъ однообразный вѣсовой учетъ, надо прибавить расходы на квасъ (41 коп. или немного менѣе пуда ржаной муки) и на овощи (1 р. 03 коп.), съ одной стороны, и расходы на соль, напитки и чай съ сахаромъ (1 р. 71 коп.), съ другой. Первая группа расходовъ составляетъ 7% изъ общаго расхода на пищу, а вторая 8,4%. Слѣдовательно, выведенная выше годовая пропорція должна быть повышена въ первомъ случаѣ почти на 7% или на 2¼ пуда. Съ другой стороны, пищевые продукты за полный годовой оборотъ даютъ массу отбросовъ. Такъ, въ помои идутъ остатки квасу, жидкой пищи, хлѣба, муки, отрубей, картофеля, капусты, овощей, костей и т. п. Часть затѣмъ печенаго хлѣба и др. продуктовъ скармливается собакамъ, кошкамъ, свиньямъ и вообще домашнимъ животнымъ. Дѣти, по выраженію крестьянъ, „не столько ѣдятъ хлѣбъ, сколько разбрасываютъ его". Нищимъ и нуждающимся крестьяне чаще всего помогаютъ хлѣбомъ и съѣстными продуктами изъ своей годовой порціи. Часть продуктовъ портится и теряется за негодностью. Сюда же нужно отнести убыль отъ мышеяди, разсыпки и пр. Такимъ образомъ, со всѣхъ этихъ мелочей за годъ можетъ образоваться довольно значительное количество продуктовъ, поступающихъ въ отбросъ, и, значитъ, понижающихъ выведенную выше норму. Отбросовъ этихъ, особенно въ видѣ веществъ богатыхъ углеводами, во всякомъ случаѣ наберется не меньше, чѣмъ сколько расходуется на квасъ и овощи. Такимъ образомъ, выведенныя выше цифры можно считать близкими къ дѣйствительнымъ, такъ какъ расходы на квасъ, овощи близки по своимъ размѣрамъ къ тому количеству пищевыхъ веществъ, которое идетъ въ отбросъ въ теченіе года. При дальнѣйшемъ анализѣ цифръ, мы будемъ пользоваться цифровыми данными безъ всякихъ поправокъ на этотъ счетъ, такъ какъ и въ такомъ видѣ данныя эти отличаются несомнѣнною силою своей, такъ сказать, внутренней доказательности и допускаютъ разнообразныя сопоставленія и правильныя обобщенія.

Если разложить прежде всего на составныя химическія части пищевыя вещества, потребляемыя крестьянами въ теченіе года, и выразить ихъ въ расходѣ на одну душу за сутки, то получатся ряды слѣдующихъ въ высшей степени характерныхъ данныхъ, рисующихъ значеніе въ крестьянскомъ бюджетѣ основной ея статьи—расходовъ на пищу:

Виды продуктовъ.	Количество въ граммахъ: Всего продуктовъ (съ водою и золою).	Бѣлковъ.	Жировъ.	Углеводовъ.	Итого (бѣлк., жир. и углев).
Хлѣбъ	736,43	65,26	8,89	342,83	416,98
Пшено и крупа	138,11	16,37	4,02	96,43	116,82
Картофель	298,61	5,82	0,45	64,20	70,47
Масло растительное . . .	47,00	5,17	12,08	7,71	24,96
Мясо и яйца	54,06	9,94	3,61	0,09	13,64
Сало	9,06	0,03	8,97	—	9,00
Рыба	16,89	3,08	1,77	0,20	5,05
Молочные продукты . . .	150,04	5,05	7,53	7,10	19,68
Итого	1450,20	110,72	47,32	518,56	676,60

Изъ этихъ данныхъ видно, что на 676,6 граммовъ всей пищи приходится 629,23 грам. или 93% пищи растительной и 47,37 грам. или 7% пищи животной. Если выразить въ процентномъ отношеніи эти двѣ группы пищи по ихъ основнымъ элементамъ, то окажется, что на 83,7% бѣлка растительнаго происхожденія приходится 16,3% бѣлка животнаго, на 53,8% растительныхъ жировъ приходится 46,2% жировъ животныхъ и на 98,6% углеводовъ растительной пищи причитается только 1,4% углеводовъ животнаго происхожденія. Такимъ образомъ, итоговыя данныя показываютъ, что, во первыхъ, крестьянинъ питается по преимуществу растительной пищей, что во вторыхъ, роль животной пищи при этомъ условіи повидимому сводится къ снабженію организма преимущественно жирами и что, въ третьихъ, наконецъ, въ подавляющемъ преобладаніи углеводовъ растительнаго происхожденія и заключается собственно наиболѣе характерная особенность пищевого довольствія у земледѣльческаго населенія.

Сравненіе полученныхъ данныхъ съ данными нормальнаго потребленія пищи взрослымъ рабочимъ организмомъ, для поддержанія котораго въ сутки требуется 118 граммовъ бѣлка, 56 граммовъ жира и 500 граммовъ углеводовъ, показываетъ далѣе, что въ приведенныхъ выше цифрахъ недостаетъ противъ этой нормы 7 граммовъ бѣлка и 9 граммовъ жира, а углеводовъ, наоборотъ, оказывается почти на 19 граммовъ болѣе. Разница эта объясняется, конечно, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что норма установлена для взрослаго рабочаго организма, а бюджетныя данныя о пищевыхъ веществахъ учтены для всего наличнаго населенія. Такъ какъ дѣти, подростки и старики съ старухами ѣдятъ значительно менѣе, чѣмъ взрослые, то необходимо, слѣдовательно, выведенныя нами цифры сравнивать съ общею для всего населенія нормою. Выше, эта послѣдняя опредѣлена приблизительно въ 85

граммовъ бѣлка, 48 граммовъ жира и 325 граммовъ углеводовъ. Но сравненіемъ выведенныхъ выше цифръ съ этою пониженною нормою обнаруживается значительный избытокъ бѣлка и углеводовъ; первыхъ оказывается больше на 25,72 граммовъ и вторыхъ даже на 193,56 граммовъ. Несоотвѣтствіе довольно рѣзкое, въ особенности для углеводовъ. Но оно объясняется, во первыхъ, различною усвояемостью пищевыхъ веществъ, а во вторыхъ, неопредѣленностью нормъ. Приведенныя въ таблицѣ данныя представляютъ собою просто переложеніе на пищевыя начала матеріаловъ пищи, перешедшихъ черезъ желудокъ. Но уже самъ по себѣ этотъ пріемъ является весьма условнымъ. Одно дѣло перевести на пищевое начало зерно и другое—муку; лучшія по качеству зерно или мука дадутъ одни результаты, худшія — другіе; при перечисленіяхъ зерно или мука приняты, тоже какъ однокачественныя во всей своей массѣ, а фактически пищевые матеріалы всегда отличаются крайнимъ разнообразіемъ въ этомъ отношеніи, и, слѣдовательно, различнымъ процентнымъ составомъ пищевыхъ началъ. Такимъ образомъ, нѣкоторая разница *) между принятыми за норму цифрами и бюджетными матеріалами могла произойти отъ цифровыхъ операцій надъ веществами, не имѣвшими одинаковаго процентнаго содержанія пищевыхъ началъ. При томъ же, и самая норма для всего населенія является пока, при отсутствіи необходимыхъ данныхъ, величиною довольно условною и проблематичною: можетъ быть, она такова, а можетъ быть она менѣе близка къ дѣйствительному своему выраженію. Съ другой стороны, въ таблицѣ сгруппированы пищевыя начала, какъ матеріалъ для организма; между тѣмъ матеріалъ имѣетъ различныя степени усвояемости, зависящія и отъ специфическихъ особенностей каждаго пищевого начала, и отъ индивидуальности организма, и отъ различія условій питанія. Профессоръ Эрисманъ полагаетъ, что растительная пища, которою питается русское рабочее населеніе, отличается вообще плохою усвояемостью. Такъ, растительные бѣлки усвояются организмомъ въ количествѣ лишь 70%, жиры 95%, а углеводы **) 90%. Въ такомъ случаѣ данныя таблицы выразятся уже въ 77,5 гр. бѣлка, въ 45,25 грам. жира и въ 466,49 грам. углеводовъ, т. е. бѣлковъ и жировъ окажется меньше нормы, а углеводовъ больше. Но физіологіею установлено, что, при недостаткѣ бѣлка, часть его замѣняется углеводами въ пропорціи $2^1/_2$ грам. углеводовъ вмѣсто 1 грам. бѣлка. Отъ этого также сократится количество углеводовъ, хотя излишекъ ихъ

*) Средняя норма всего населенія (1912 д.) 230 типическихъ хозяйствъ нами выведена въ 85 грам. бѣлка, 48 грам. жира и 325 грам. углеводовъ, а Л. Н. Марессъ по возрастнымъ даннымъ населенія всей Россіи вывелъ норму въ 105 гр. бѣлка, 41 гр. жира и 364 гр. углеводовъ. (Рус. Мысль, 1893 г., кн. X, стран. 49).

**) Ф. Ф. Эрисманъ. Курсъ Гигіены Т. III. вып. 1, стран. 141.

противъ выведенной нами нормы всетаки останется на лицо. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, разница между данными о пищевомъ довольствіи по бюджетамъ и данными, принятыми нами приблизительно за нормальныя, сглаживается для бѣлковъ и жировъ, но остается для углеводовъ. И вотъ это послѣднее обстоятельство и является характернымъ для пищи нашего земледѣльческаго населенія. Оно несомнѣнно фактически вѣрно. Какъ видно изъ таблицы, пища земледѣльца состоитъ главнымъ образомъ изъ хлѣба, пшена, крупы, картофеля и постнаго масла, а всѣ эти вещества особенно богаты углеводами. Можно, поэтому, полагать, что приведенныя въ таблицѣ цифры очень близки къ дѣйствительнымъ, но что самъ по себѣ вопросъ о роли углеводовъ въ питаніи нашего земледѣльческаго населенія требуетъ широкой и основательной разработки.

Итакъ, слѣдовательно, анализъ бюджетныхъ матеріаловъ въ пищевомъ довольствіи, если и не совпадаетъ вполнѣ съ выводами науки, также пока недостаточными въ подобныхъ случаяхъ, то во всякомъ случаѣ и не находится въ противорѣчіи съ ними. Въ крестьянскую пищу входятъ въ достаточномъ количествѣ всѣ тѣ элементы, которые требуются для поддержанія организма и развитія въ немъ рабочей силы. Болѣе детальный анализъ бюджетныхъ матеріаловъ показываетъ затѣмъ, что тѣ же данныя вполнѣ подчиняются извѣстной закономѣрности при сопоставленіи ихъ съ чисто экономическими признаками.

Въ составленныхъ нами таблицахъ данныя о пищевомъ довольствіи сгруппированы по хозяйствамъ, различно обезпеченнымъ землею, и по разрядамъ крестьянъ, отличающимся также различными размѣрами земельнаго надѣла. Сопоставляя по этимъ хозяйствамъ общее количество потребляемыхъ въ сутки пищевыхъ веществъ и отношенія между растительною и животною пищею, получимъ слѣдующія весьма характерныя указанія анализируемыхъ матеріаловъ:

Группы хозяйствъ.	Количество въ граммахъ въ сутки на 1 д. об. пола.				Сколько % пищи.	
	Бѣлковъ.	Жировъ.	Углеводовъ.	Итого.	Растительн.	Животной.
1. Безземельная.	79,71	30,96	374,63	485,30	94,3	5,7
2. Имѣющая до 5 дес. на хоз. . . .	103,39	45,95	498,08	647,42	93,1	6,9
3. — отъ 5 до 15 дес. хоз. .	108,39	46,35	516,51	671,25	93,2	6,8
4. — отъ 15 до 25 дес. — .	110,31	44.77	518,25	673,33	93,0	7,0
5. — свыше 25 дес. — .	121,43	53,76	548,22	723,41	92,6	7,4
Итого	110,72	47,32	518,56	676,60	93,0	7,0

6. Государственныхъ крестьянъ . .	112,03	47,25	529,76	689,04	93,1	6,9
7. Собственниковъ	106,82	49,24	492,10	648,16	92,6	7,4
8. Дарственниковъ	104,61	42,12	450,14	596,87	92,8	7,2

Такимъ образомъ, по бюджетнымъ даннымъ оказывается, что чѣмъ болѣе обезпечена извѣстная группа хозяйствъ землею или, что одно и то же, чѣмъ богаче она, тѣмъ въ бо́льшемъ количествѣ входятъ въ пищевую порцію основные элементы питанія. Совершенно правильное повышеніе и пониженіе цифръ въ этомъ отношеніи замѣчается какъ въ общемъ количествѣ пищи, такъ по первому и третьему рядамъ величинъ. У безземельныхъ крестьянъ суточная порція выражается въ 485,3 грам., а многоземельныхъ, обезпеченныхъ свыше 25 дес. земли на дворъ, 723,41 грам.; у малоземельныхъ крестьянъ-дарственниковъ на одну душу въ сутки приходится 596,87 грам., а у многоземельныхъ государственныхъ крестьянъ 689,04 грам.; въ промежуточныхъ группахъ— во 2-й, 3, 4 и 7-й, соотвѣтственныя цифры также неизмѣнно колеблются въ ту или другую сторону, выражая собою, такъ сказать, нѣчто въ родѣ цифровой лѣстницы. Нѣкоторое уклоненіе въ этомъ отношеніи представляетъ лишь рядъ жировъ. Въ общемъ количество жировъ подчиняется такому же совершенно правильному наростанію въ зависимости отъ увеличенія земельнаго надѣла, какъ замѣчается для остальныхъ двухъ элементовъ пищи; но по четвертой группѣ оно оказывается нѣсколько ниже, чѣмъ по второй и третьей, и у государственныхъ крестьянъ сравнительно съ крестьянами-собственниками. Измѣненія эти, впрочемъ, такъ незначительны, что ими не подрывается основной выводъ о томъ, что размѣръ пищевого довольствія у земледѣльческаго населенія находится въ прямой зависимости отъ размѣра земельнаго надѣла. На ряду съ этимъ, при весьма замѣтномъ повышеніи или пониженіи количества пищи по отдѣльнымъ группамъ,—процентное отношеніе между растительною и животною пищею оказывается тѣмъ не менѣе почти неизмѣннымъ, колеблясь между 92,6 и 94,3 процентами растительной пищи и между 5,7 и 7,4% пищи животной. Очевидно, характерныя особенности пищевого довольствія у земледѣльческаго населенія, выражающіяся въ подавляющемъ преобладаніи растительныхъ продуктовъ надъ животными, остаются неизмѣнными и для различно обезпеченныхъ матеріально хозяйственныхъ группъ: болѣе богатый крестьянинъ, хотя располагаетъ и большимъ количествомъ пищевыхъ веществъ, чѣмъ крестьянинъ бѣдный, но всетаки питается по преимуществу растительной пищей. Бюджетные матеріалы и въ этомъ отношеніи удерживаютъ, слѣдовательно, за собою значеніе достовѣрности и близкаго соотвѣтствія съ дѣйствительностью.

Такая же, наконецъ, полная закономѣрность цифроваго матеріала замѣчается и во взаимоотношеніи между составными частями пищевого довольствія по различнымъ хозяйственнымъ груп-

памъ. Какъ видно изъ приведенной выше таблицы, по 5-й группѣ хозяйствъ общій размѣръ суточнаго довольствія выражается въ 723 граммахъ, а по первой группѣ только въ 485 грам., т. е. въ меньшемъ на 238 грам. или 49% количествѣ. Не столь большая, но во всякомъ случаѣ очень замѣтная разница оказывается затѣмъ и по другимъ группамъ хозяйствъ. И тѣмъ не менѣе, не смотря на эти рѣзкія колебанія размѣровъ пищевого довольствія по группамъ, процентное отношеніе между бѣлками, жирами и углеводами всюду остается почти неизмѣннымъ, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ данныхъ, выражающихъ собою процентное отношеніе величинъ, приведенныхъ въ предшествующей таблицѣ:

Группы хозяйствъ.	Бѣлки.	Жиры.	Углеводы.
Безземельная	17	6	77
Имѣющая до 5 дес. на дв. .	16	7	77
„ отъ 5 до 15 дес.	16	7	77
„ „ 15 „ 25 „	16	7	77
„ свыше 25 „	17	7	76
Итого . . .	16	7	77
Государственныхъ крестьянъ	16	7	77
Крестьянъ-собственниковъ .	16	8	76
Дарственныхъ крестьянъ . .	18	7	75

Колебанія составныхъ частей пищи—бѣлка, жира и углеводовъ—очень незначительны. Бѣлки по всѣмъ хозяйственнымъ группамъ составляютъ отъ 16 до 18% всей пищи, жиры отъ 6 до 8% и углеводы отъ 75 до 77%. Иначе говоря, крестьяне различнаго экономическаго достатка питаются тѣмъ не менѣе почти однообразною по составу пищею и, стало быть, въ данномъ случаѣ еще рельефнѣе оттѣняется основная черта пищевого довольствія у земледѣльческаго населенія—однообразіе пищевого состава у разныхъ по экономическому положенію группъ населенія.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны ни разсматривались бюджетные матеріалы о пищевомъ довольствіи, анализомъ во всѣхъ случаяхъ обнаруживается близкое соотвѣтствіе ихъ съ дѣйствительностью. Если бы матеріалы не выражали собою того, что дѣйствительно существуетъ, то едва ли имъ была бы свойственна отмѣченная выше правильность и закономѣрность. Очевидно, что если 110 грам. бѣлка, 47 грам. жира и 518 грам. углеводовъ и нельзя считать безусловно точною нормою пищевого довольствія для земледѣльческаго населенія, то едва ли также можно сомнѣваться въ томъ, что такимъ количествомъ пищи фактически вполнѣ обезпечивается питаніе организма и что, поэтому, самыя

особенности пищевой нормы у земледѣльческаго населенія должны бы заслуживать особаго спеціальнаго изученія со стороны представителей науки.

Едва ли, въ самомъ дѣлѣ, правильно примѣнять одну и ту же пищевую норму для городского и для деревенскаго жителя. Выработанная физіологами главнымъ образомъ для горожанина и не-земледѣльца норма питанія обоснована на данныхъ во многомъ отличныхъ отъ соотвѣтственныхъ данныхъ для деревенскаго жителя. Въ одномъ случаѣ можетъ входить въ большей пропорціи животная пища и въ меньшей пища растительная, въ другомъ наоборотъ. Иначе говоря, въ разныхъ случаяхъ должны получаться различныя пищевыя смѣси. Между тѣмъ вопросъ о нормальныхъ смѣсяхъ той или другой пищи даже въ физіологіи недостаточно выясненъ. Съ другой стороны, дѣйствительная жизнь, бытовая обстановка и экономическія условія далеко не безразлично вліяютъ на преобладаніе тѣхъ или другихъ веществъ въ составѣ пищевого довольствія. Если крестьянинъ-земледѣлецъ мало потребляетъ животной пищи и продовольствуется исключительно хлѣбомъ и др. растительными веществами, то уже одно это должно указывать на извѣстную привычку къ данной пищѣ, а такая привычка, переходящая изъ поколѣнія въ поколѣніе, становится своего рода природою, органическимъ приспособленіемъ. По крайней мѣрѣ, у различныхъ народовъ существуютъ далеко неодинаковыя пищевыя смѣси, какъ различны и, такъ называемыя, „національныя кушанья“. Самоѣдъ свободно съѣдаетъ въ сутки 12 фунтовъ мяса, киргизъ выпиваетъ цѣлое ведро кумыса, а крестьянинъ-земледѣлецъ зачастую довольствуется тремя или четырьмя фунтами хлѣба.

Въ этомъ отношеніи очень цѣнный матеріалъ представляютъ собою сравнительныя данныя о пищевомъ довольствіи по бюджетамъ крестьянскимъ и киргизскимъ. Какъ показываютъ эти данныя, составы пищевого довольствія той или другой народности замѣтно отличаются одинъ отъ другого.

	У крестьянъ-земледѣльцевъ			У киргизъ-скотоводовъ.		
Пища (граммы):	Бѣлки.	Жиры.	Углеводы.	Бѣлки.	Жиры.	Углеводы.
Растительная. . . .	92,62	25,44	511,17	47,51	6,56	290,34
Животная	18,10	21,88	7,39	97,73	55,97	79,58
Итого. . . .	110,72	47,32	518,56	145,24	62,53	369,92

Изъ сопоставленія этихъ цифръ видно, что и по объему и по составу пищевое довольствіе значительно разнится у обѣихъ на-

родностей. У крестьянъ объемъ суточной порціи равняется 676,60 грам., а у киргизъ 577,69 грам., т. е. на 78,91 грам. меньше. Въ частности у крестьянъ меньше, чѣмъ у киргизъ, бѣлковъ на 34,52 грам. и жировъ на 15,21 грам., но больше углеводовъ на 148,64 грам. Съ точки зрѣнія физіологіи, пища киргизъ несравненно выше по качеству и питательности, чѣмъ пища крестьянъ, такъ какъ изобилуетъ главнымъ пластическимъ началомъ—бѣлками. Такимъ образомъ, при меньшемъ объемѣ пищевой порціи киргизы должны несравненно лучше питаться, чѣмъ крестьяне. Сама по себѣ пищевая порція киргизъ не находится въ столь замѣтномъ разладѣ, какъ у крестьянъ, и съ тою среднею пищевою нормою для всего населенія, которую выше мы приблизительно установили, на основаніи отрывочныхъ по этому предмету данныхъ. Считая, въ самомъ дѣлѣ, усвояемость пищевыхъ началъ для бѣлковъ въ 70%, жировъ въ 95% и углеводовъ въ 90%, окажется, что суточная порція киргиза состоитъ изъ 101,67 грам. бѣлка, 59,40 грам. жира и 332,93 грам. углеводовъ, между тѣмъ физіологическая норма выражается въ 85 грам. бѣлка, 48 грам. жира и 325 грам. углеводовъ. Слѣдовательно, въ пищевомъ довольствіи киргиза въ избыткѣ преобладаютъ пищевыя начала необходимыя для организма, въ особенности бѣлки и жировыя вещества.

Очень интересными представляются анализируемыя сравнительныя данныя по распредѣленію элементовъ между растительною и животною пищею. Если принять за сто общее количество граммовъ въ суточной порціи и перевести по этому масштабу на процентныя отношенія предшествующую таблицу, то получатся слѣдующіе ряды въ высшей степени характерныхъ указаній.

Пища.	У крестьянъ.				У киргизъ.			
	Бѣлковъ.	Жировъ.	Углеводовъ.	Итого.	Бѣлковъ.	Жировъ.	Углеводовъ.	Итого.
Растительная .	13,7	3,8	75,5	93,0	8,2	1,1	50,2	59,5
Животная . .	2,7	3,2	1,1	7,0	16,9	9,7	13,9	40,5
Итого. .	16,4	7,0	76,6	100,0	25,1	10,8	64,1	100,0

Этими цифрами очень рельефно оттѣняются всѣ тѣ особенности, которыми характеризуется составъ пищевого довольствія у землевладѣльца и номада. Между тѣмъ какъ первый на 93% растительной пищи потребляетъ только 7% пищи животной, второй съѣдаетъ лишь 59,5% растительной пищи, но за то 40,5% пищи животной. Благодаря этому, и распредѣленіе основныхъ элементовъ пищи въ различномъ количествѣ ложится на разные виды

пищи. Земледѣлецъ бѣлки извлекаетъ главнымъ образомъ изъ веществъ растительныхъ, жиры въ одинаковой почти пропорціи изъ растительныхъ и животныхъ, а углеводы почти исключительно изъ одной растительной пищи; у номада же бѣлки и въ особенности жиры извлекаются преимущественно изъ животной пищи и лишь одни углеводы изъ растительной, но и эти послѣднія начала поставляются всетаки въ значительно большемъ, чѣмъ у земледѣльца, количествѣ животными веществами.

Итакъ, слѣдовательно, сравнительными данными крестьянскихъ и киргизскихъ бюджетовъ съ достаточною ясностью устанавливается фактъ коренного различія въ составѣ пищевой порціи у двухъ стоящихъ на различныхъ ступеняхъ культуры народностей. Иначе, конечно, не могло и быть. Разъ существуетъ различіе въ степени культурнаго развитія, различны должны быть и самыя формы этого развитія, по скольку онѣ выражаются въ потребностяхъ человѣка.

Отмѣченныя особенности пищевого довольствія у киргизъ-скотоводовъ проходятъ затѣмъ красною нитью и при дальнѣйшемъ анализѣ данныхъ. Если разбить всѣ киргизскія хозяйства на пять группъ, сообразно со степенью обезпеченія каждой скотомъ въ переводѣ на лошадь, то процентное отношеніе пищевыхъ элементовъ выразится въ слѣдующихъ величинахъ:

Хозяйства, имѣющія въ переводѣ на лошадь:	Сколько % пищи: Растительной.	Животной.	Сколько % въ пищѣ: Бѣлковъ.	Жировъ.	Углеводовъ.
До 10 единицъ скота	70,7	29,3	22,0	7,4	70,6
Отъ 10 до 20 ед.	69,4	30,6	22,9	8,7	68,4
„ 20 „ 30 „	58,0	42,0	24,9	11,2	63,9
„ 30 „ 40 „	56,3	43,7	26,7	10,7	62,6
Свыше 40 един.	47,0	53,0	27,6	13,0	59,4
Итого	59,5	40,5	25,1	10,8	64,1

Настоящія цифры рѣзко отличаются отъ соотвѣтственныхъ данныхъ бюджета земледѣльческаго. Между тѣмъ какъ въ этомъ послѣднемъ процентное отношеніе между растительною и животною пищею остается почти неизмѣннымъ по всѣмъ хозяйственнымъ группамъ, въ настоящемъ случаѣ оказывается, что чѣмъ больше скота въ извѣстной группѣ, т. е. чѣмъ богаче она, тѣмъ меньше она потребляетъ растительной пищи и больше животной, и наоборотъ. Такъ какъ скотъ собственно и даетъ животную пищу, то вполнѣ понятно, что отъ количества его находится въ прямой зависимости количество послѣдней. Та же тенденція, но

слабо, едва замѣтно. была выражена въ данныхъ бюджетовъ земледѣльческихъ; здѣсь же, благодаря подавляющему преобладанію скота въ имуществѣ киргиза, она обнаружилась особенно явственно. Съ неменьшею рельефностью отразилось затѣмъ значеніе этого факта на самомъ распредѣленіи элементовъ пищи по группамъ хозяйствъ. Какъ показываютъ послѣдніе три ряда цифръ, чѣмъ богаче хозяйство, тѣмъ въ большемъ количествѣ входятъ въ пищевую порцію бѣлки съ жирами и въ меньшемъ углеводы. Обстоятельство, логически вытекающее изъ факта количественнаго преобладанія животной пищи надъ растительною. Но само по себѣ это обстоятельство требуетъ также нѣкоторыхъ поясненій. Дѣло въ томъ, что киргизское хозяйство, на настоящей стадіи своего развитія, переживаетъ переходный моментъ. Старое кочевое хозяйство падаетъ, явились на смѣну полуосѣдлыя скотоводческія формы, и начали зарождаться формы земледѣльческія, приведшія населеніе къ необходимости измѣненій въ пищевомъ довольствіи; вмѣстѣ съ животною пищею стали все въ большемъ и большемъ количествѣ входить въ пищу хлѣбъ и др. растительныя вещества. И вотъ это внѣдреніе хлѣба въ составъ пищи номада и началось, по очень понятной причинѣ, съ тѣхъ группъ, гдѣ меньше всего скота. Таковъ смыслъ анализируемыхъ цифръ.

Приведенными данными и исчерпывается собственно весь тотъ бюджетный матеріалъ, который допускаетъ разложеніе пищевыхъ веществъ на ихъ составные элементы, если не считать данныхъ по Острогожскому уѣзду, типичныя хозяйства по которому вошли по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ въ составъ 230 бюджетовъ. Остальныя данныя дозволяютъ сравнительный анализъ въ формѣ или однихъ общихъ расходовъ, или съ подраздѣленіемъ расходовъ, на денежную и натуральную части.

Приведенныхъ данныхъ, однако, совершенно достаточно, чтобы обосновать вполнѣ правильно пищевую для земледѣльческаго населенія норму въ хлѣбѣ, которымъ измѣряются собственно продовольственныя нужды русскаго крестьянина. Исходя, поэтому, изъ того факта, что существующій пищевой матеріалъ, потребляемый русскимъ населеніемъ, долженъ быть принятъ въ основу пищевой нормы нашего крестьянина, послѣднюю, слѣдовательно, какъ чисто эмпирическую величину, можно принять въ размѣрѣ 110 граммовъ бѣлка, 42 граммовъ жира и 518 граммовъ углеводовъ той смѣшанной пищи, которую потребляетъ крестьянинъ земледѣлецъ. А отсюда уже можно вывести норму и въ хлѣбѣ, основномъ продуктѣ крестьянской пищи. Пищевая норма въ хлѣбныхъ продуктахъ, т. е. въ хлѣбѣ, пшенѣ или крупѣ, картофелѣ и масляничныхъ веществахъ выразится въ 92,62 граммахъ бѣлка, въ 25,44 граммахъ жира и въ 511,17 граммахъ углеводовъ, а это составитъ 16 п. 23 ф. ржи или пшеницы, 3 пуда 9 ф. пшена или крупы, 6 п. 26 ф. картофеля и 1 п. 2 ф. масличныхъ сѣ-

мянъ въ годъ, или же 2 ф. 17 золот. зерновыхъ продуктовъ, 64 золотника картофеля и 11 золот. масличныхъ сѣмянъ въ сутки, т. е. около $2^1/_4$ ф. одного хлѣба. При потребленіи населеніемъ хлѣбныхъ продуктовъ ниже этой нормы, какъ показываютъ данныя хозяйственныхъ группъ, повышается процентъ смертности, заболѣваемости и даже калѣчности. Въ нижеслѣдующей таблицѣ сопоставлены данныя этого рода съ данными о размѣрахъ пищеваго довольствія по группамъ хозяйствъ, причемъ данныя о смертности, калѣкахъ и заболѣваемости взяты изъ „Своднаго Сборника“ по Воронежской губ. (стр. 358).

Хозяйства:	Размѣръ дневной порціи въ граммахъ.	°/₀ ко всему населенію. Умершихъ.	Калѣкъ.	Больныхъ.
Безземельныя	485	3,41	3,91	0,97
Имѣющія до 5 десятинъ на дворъ	647	3,50	1,78	0,58
„ отъ 5 до 15 д. „	671	3,32	1,47	0,42
„ „ 15 „ 25 „ „	673	2,86	1,15	0,32
„ свыше 25 дес. „	723	2,62	0,88	0,25
Итого	676	3,16	1,43	0,42

Изъ этой таблицы видно, что чѣмъ больше размѣръ дневной пищевой порціи, тѣмъ меньше процентъ смертности, калѣчности и заболѣваемости. У безземельныхъ бѣдняковъ на тысячу душъ всего населенія оказывается 34 умершихъ, 39 лицъ съ тѣми или другими физическими недостатками и до 10 больныхъ, а у богатыхъ крестьянъ, обезпеченныхъ болѣе чѣмъ 25 дес. земли на дворъ, умершихъ только 26, т. е. на 8 лицъ меньше чѣмъ у безземельныхъ, калѣчныхъ 6 лицъ или на цѣлыхъ 30 душъ меньше и больныхъ лишь около 3 на тысячу, т. е. на 7 лицъ меньше. Въ этомъ отношеніи всѣ цифры отличаются замѣчательной закономѣрностью. Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь смертность по группѣ безземельныхъ крестьянъ, равняющаяся 3,41°/₀, тогда какъ по слѣдующей затѣмъ группѣ она повышается до 3,5°/₀ и только по дальнѣйшимъ группамъ уже падаетъ до 3,32°/₀, 2,86°/₀ и т. д. Но это единичное отступленіе и служитъ лучшимъ подтвержденіемъ сдѣланнаго выше вывода. Дѣло въ томъ, что въ группу безземельныхъ крестьянъ вошли главнымъ образомъ одиночки-женщины и очень ограниченное количество дѣтей, которыми главнымъ образомъ и опредѣляется размѣръ смертности. Если, въ самомъ дѣлѣ, общую цифру смертности выразить по возрастнымъ группамъ населенія, тогда получатся слѣдующія указанія цифровыхъ данныхъ.

Хозяйства:	Сколько % лицъ об. пола умерло въ возрастахъ: До года.	Отъ 1 до 6 лѣтъ.	Отъ 7 до 13 лѣтъ.	Отъ 14 до 17 лѣтъ.	Отъ 18 до 60 лѣтъ.	Свыше 60 лѣтъ.	Итого.
Безземельныя	21,71	7,82	1,90	0,63	1,76	3,99	3,41
Имѣющ. до 5 д. на дворъ .	21,26	6,92	1,65	0,76	1,29	6,95	3,50
„ отъ 5 до 15 д. „	18,66	6,31	1,55	0,75	1,29	7,67	3,32
„ отъ 15 до 25 д. „	16,81	5,24	1,24	0,64	1,16	6,98	2,86
„ свыше 25 д. „	14,93	4,71	0,93	0,57	1,02	6,18	2,62
Итого	18,34	5,98	1,42	0,70	1,24	6,96	3,16

Такимъ образомъ, этою новою таблицею очень рельефно оттѣняется то обстоятельство, что у безземельныхъ крестьянъ оказывается наибольшій процентъ смертности дѣтей въ возрастахъ до 1 года, отъ 1 до 6 лѣтъ и отъ 7 до 13 лѣтъ; повышеніе же общаго процента смертности обусловливается большею выживаемостью стариковъ и старухъ или, правильнѣе, собственно старухъ, т. е. главнымъ образомъ такъ называемыхъ черничекъ, живущихъ при болѣе спокойной, чѣмъ обыкновенныя крестьянки обстановкѣ и питающихся болѣе обильною и питательною пищею, благодаря своему привилегированному положенію въ роли начетчицъ, рукодѣльницъ и вообще лицъ, ближе тяготѣющихъ къ деревенской аристократіи и плутократіи, чѣмъ къ трудящемуся деревенскому люду.

Но и сама по себѣ пища русскаго крестьянина не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительною, съ точки зрѣнія физіологіи и обычнаго жизненнаго довольства. Приведенныя выше данныя служатъ лишь фактическимъ выраженіемъ того, что существуетъ, но что, однако, требуетъ измѣненій къ лучшему. Выше было уже указано на то обстоятельство, что, напр., киргизы-скотоводы питаются далеко лучше, чѣмъ русскіе крестьяне. Еще рѣзче это обстоятельство обнаруживается при сопоставленіи расходовъ на пищу у русскаго населенія съ расходами населенія западно-европейскаго и американскаго. Вотъ въ какихъ размѣрахъ выражаются, въ самомъ дѣлѣ, расходы на разные виды пищи у разныхъ народностей:

	Расходы въ рубляхъ и коп. на 1 д. об. пола на пищу: Растительную.	Животную.	Напитки и приправы.	Всего.
У русскихъ крестьянъ	11,76	7,10	1,58	20,44
У сибирскихъ крестьянъ	20,52	24,29	13,38	58,19
У киргизовъ	5,54	33,19	4,25	42,98

У нѣмцевъ	20,95	26,07	23,02	70,05
У французовъ	27,72	30,04	19,14	76,90
У американцевъ	22,72	32,07	22,35	77,14
У ирландцевъ	23,04	45,46	28,50	97,00
У англичанъ	22,89	47,28	31,08	101,05
У шотландцевъ	23,62	43,73	36,06	103,41
У французскихъ канадцевъ . . .	30,60	61,51	23,91	116,02

Такимъ образомъ, оказывается, что русскіе крестьяне тратятъ на пищу въ два раза меньше, чѣмъ киргизы, почти въ три раза меньше сравнительно съ сибирскими крестьянами, въ три съ половиною раза сравнительно съ нѣмцами, въ пять разъ сравнительно съ англичанами и т. д. Надо, конечно, имѣть въ виду, что столь рѣзкая разница въ расходахъ на пищу у русскихъ крестьянъ сравнительно съ населеніемъ другихъ государствъ зависитъ въ извѣстной мѣрѣ отъ различной денежной расцѣнки пищевыхъ продуктовъ. Пудъ хлѣба или пудъ мяса у русскихъ крестьянъ стоитъ дешевле, чѣмъ у американцевъ. Но одною разницею въ цѣнахъ на пищевые продукты нельзя объяснить особенностей разсматриваемыхъ цифръ. Различіе это лежитъ глубже — въ самомъ составѣ пищевой нормы у разныхъ народностей. Изъ сравнительныхъ расходовъ на пищу растительную, животную и на напитки съ приправами видно, что русскіе крестьяне въ Европейской Россіи питаются преимущественно растительною пищею; расходы на мясо и даже на напитки съ приправами у нихъ крайне ничтожны и ограничены. Между тѣмъ всѣ другія народности, помимо того, что тратятъ вообще больше на пищу, чѣмъ русскіе, вмѣстѣ съ тѣмъ въ большей пропорціи потребляютъ мясную пищу и колоніальные продукты. Особенно характернымъ является это послѣднее обстоятельство. Всѣ другія народности въ достаточномъ количествѣ потребляютъ, напримѣръ, чай, кофе и сахаръ, а русскіе крестьяне тратятъ лишь копѣйки на чай и сахаръ и совсѣмъ не имѣютъ никакого представленія о кофе. Такъ или иначе, однимъ словомъ, а пища у русскихъ крестьянъ ниже по качеству, чѣмъ пища у другихъ народностей. Русское населеніе питается не только исключительно растительною пищею, но и пищею, далеко худшею, менѣе питательною и труднѣе усвояемою организмомъ, чѣмъ къ какой привыкли другія народности.

Едва ли, поэтому, суточную пищевую норму русскаго населенія въ $2^1/_4$ фунта хлѣба можно считать высокою. Продовольствовать же нуждающихся однимъ фунтомъ хлѣба въ день или 30 фунтами въ мѣсяцъ, какъ это дѣлалось въ неурожайные годы, значитъ завѣдомо вести населеніе къ вымиранію. На это указываютъ факты суровой дѣйствительности. Тѣ же самые крестьяне Воронежской губерніи, по бюджетнымъ даннымъ которыхъ установлены приведенныя выше пищевыя нормы, въ неурожайный 1892 годъ

не только не имѣли обычнаго до 1,5% прироста, но дали даже убыль населенія въ 1,3% *). Такіе факты, съ точки зрѣнія чисто государственныхъ интересовъ, являются весьма опасными симптомами для экономической мощи и благосостоянія государства. Плохо питающееся населеніе—не только населеніе вымирающее, но и населеніе больное, дряблое, обезсиленное физически, бѣднѣющее и разстраивающее хозяйство. Понизить пищевую норму значитъ заставить крестьянина продать не во время и за безцѣнокъ самые необходимые предметы хозяйства, разстроить и подорвать это послѣднее, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ годы неурожаевъ. Только хорошо питающееся и здоровое населеніе можетъ хорошо поставить и вести хозяйство. Если въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый духъ, то и въ здоровой только пищѣ—здоровый трудъ.

Ф. Щербина.

Переселенцы-земледѣльцы въ Сѣверной Америкѣ.

I.

Сѣверная Америка до сихъ поръ продолжаетъ привлекать къ себѣ огромныя массы сельско-хозяйственнаго населенія, вытѣсняемаго изъ Европы неблагопріятными условіями жизни. До сихъ поръ еще въ ней остается достаточно мѣста для поселенія милліоновъ эмигрантовъ, добывающихъ средства земледѣльческимъ трудомъ, и сохраняются въ неприкосновенности тѣ невещественныя блага, безъ которыхъ, какъ и безъ хлѣба, не можетъ существовать человѣкъ, и которыя, наравнѣ съ возможностью получить достаточное количество земли, притягиваютъ бѣдствующія европейскія земледѣльческія массы къ далекимъ берегамъ Новаго Свѣта.

Народъ, убѣгающій отъ тяжелаго и непрерывнаго труда отъ бѣдности, раззоренія, находитъ въ свободныхъ странахъ Сѣверной Америки источники для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей, необходимыя условія и средства для труда, дѣятельности и жизни.

Эти источники остаются доселѣ неизсякающими, богатыми и прочными. Нѣкоторою угрозой для нихъ являются рѣзко обнаружившіяся въ послѣднее время „имперіалистскія“ стремленія нью-

---

*) Памятн. кн. Вор. губ., 1895 г., стр. 33—42.

іоркскихъ финансовыхъ королей, орудующихъ чрезъ своихъ вашингтонскихъ ставленниковъ. Но эта надвигающаяся гроза не въ состояніи надолго омрачить свѣтлый небосклонъ сѣверо-американской жизни. Она встрѣтитъ могучую противодѣйствующую силу въ учрежденіяхъ и духѣ народа.

Переселяющіяся въ Америку массы европейскаго земледѣльческаго населенія распредѣлялись до недавняго прошлаго почти исключительно въ предѣлахъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, но въ послѣднее время значительная часть переселенцевъ-земледѣльцевъ стала направляться въ Канаду. Причиной такого поворота является сильное истощеніе въ Соединенныхъ Штатахъ запаса государственныхъ земель, удобныхъ для сельскаго хозяйства, и открытіе въ Канадѣ для колонизаціи обширныхъ пространствъ плодородныхъ прерій, недавно вошедшихъ въ составъ общегосударственныхъ земель этой страны.

Извѣстно, что общегосударственныя земли въ Соединенныхъ Штатахъ щедрою рукой отводились для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Онѣ отчуждались и въ пользу переселенцевъ-земледѣльцевъ, въ видѣ даровыхъ надѣловъ, и въ пользу отдѣльныхъ штатовъ, для ихъ особыхъ общественныхъ надобностей; ими вознаграждали за военную службу, отдавали ихъ за постройку желѣзныхъ дорогъ, обращали въ школьный фондъ и вообще на дѣло народнаго образованія и т. п. Количество отчужденныхъ такимъ образомъ государственныхъ земель составило въ общемъ итогѣ триста пятьдесятъ милліоновъ десятинъ—пространство не много меньшее площади Европейской Россіи. За выдѣленіемъ столь обширной площади, государственный земельный фондъ Соединенныхъ Штатовъ въ настоящее время содержитъ въ себѣ уже весьма ограниченное количество и притомъ главнымъ образомъ малоудобныхъ и неудобныхъ свободныхъ пространствъ, среди которыхъ только съ трудомъ, значительной потери времени и большими денежными издержками можно отыскать небольшіе клочки плодородныхъ земель, пользованіе которыми къ тому же часто сопряжено со многими неудобствами, вслѣдствіе отдаленности ихъ отъ рынковъ и желѣзныхъ дорогъ.

Государственный земельный фондъ британской Сѣверной Америки, напротивъ, остается почти нетронутымъ и заключаетъ въ себѣ сотни милліоновъ десятинъ, плодоносныхъ и болѣе или менѣе пригодныхъ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей. Заселеніе этихъ обширныхъ пространствъ началось всего лишь четверть вѣка назадъ и все развитіе ихъ эксплуатаціи находится впереди.

Поселеніе пришлыхъ европейскихъ земледѣльцевъ въ безконечныхъ, неизмѣримыхъ канадскихъ пустыняхъ представляетъ живой интересъ во многихъ отношеніяхъ. Суть дѣла разумѣется сводится къ вопросу объ общемъ положеніи поселенцевъ въ экономическомъ, соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ и о ри-

сующихся для нихъ перспективахъ въ будущемъ въ ихъ новомъ отечествѣ. Но, въ частности, возникаетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ вопросовъ практическаго свойства, имѣющихъ существенное значеніе для опредѣленія общаго положенія. Такими вопросами, именно, являются прежде всего вопросы о томъ, въ какихъ частяхъ означенныхъ пространствъ, или въ какихъ именно мѣстностяхъ производится поселеніе, и въ какомъ количествѣ и на какихъ условіяхъ пріобрѣтаютъ тамъ поселенцы землю. Затѣмъ идутъ вопросы о способахъ и условіяхъ переѣзда, или передвиженія переселенцевъ къ мѣстамъ поселенія и устройствѣ ихъ на пріобрѣтенныхъ земляхъ; объ условіяхъ, организаціи и способахъ веденія хозяйства; о получаемыхъ отъ хозяйства результатахъ и объ условіяхъ сбыта продуктовъ; о бытовой и культурной сторонахъ жизни новоселовъ; объ образованіи дѣтей поселенцевъ; объ отношеніяхъ послѣднихъ къ мѣстнымъ старожиламъ и объ участіи ихъ въ общественныхъ дѣлахъ, и т. д., и т. д.

Я имѣлъ возможность близко и непосредственно ознакомиться и, насколько позволяло время, собрать о нѣкоторой части новоселовъ довольно полныя и подробныя свѣдѣнія на мѣстахъ, во время разъѣздовъ моихъ по Соединеннымъ Штатамъ и Канадѣ съ весны 1897 до весны 1898 года. Въ теченіе этого времени мною были посѣщены и осмотрѣны нѣсколько земледѣльческихъ колоній и около сотни отдѣльныхъ фармъ *), принадлежащихъ переселенцамъ русинамъ, евреямъ, нѣмцамъ и англичанамъ, какъ въ Канадѣ, такъ и въ Содиненныхъ Штатахъ, причемъ всѣ свѣдѣнія получались непосредственно отъ самихъ хозяевъ и добывались (и провѣрялись) путемъ личныхъ наблюденій. Свѣдѣнія объ устройствѣ переселенческаго дѣла и объ общемъ положеніи переселенцевъ добыты также путемъ личнаго ознакомленія на мѣстахъ съ переселенческими учрежденіями и сношеній съ разными лицами и, кромѣ того, извлечены изъ печатныхъ источниковъ, преимущественно оффиціальныхъ изданій министерствъ и другихъ учрежденій Канады и Соединенныхъ Штатовъ.

II.

Переселенческое дѣло въ Канадѣ поставлено и организовано на основаніи парламентскихъ актовъ. Какъ извѣстно, страна эта— автономная колонія Англіи, имѣющая конституціонное устройство. Въ настоящее время она раздѣляется на семь провинцій, пять временныхъ округовъ (Provisional Districts) и нѣсколько неорга-

*) *Фармою* (farm) называется въ Сѣверной Америкѣ обыкновенное земледѣльческое хозяйство; хозяйства скотоводческія именуются *ранчами* (ranches). Въ соотвѣтствіе съ этимъ хозяинъ земледѣлецъ (farmer) называется фармеромъ, а скотоводъ (rancher)—ранчеромъ.

низованныхъ территорій (Unorganised Territories). Провинціи составляютъ самостоятельныя политическія единицы; каждая изъ нихъ, подобно сосѣднимъ сѣверо-американскимъ штатамъ, имѣетъ свой собственный парламентъ и отвѣтственныхъ министровъ, управляющихъ внутренними дѣлами провинціи. Съ 1867 года провинціи вступили въ добровольный союзъ между собою и образовали одну общую канадскую федерацію, которая также въ основныхъ чертахъ напоминаетъ федерацію сѣверо-американскихъ штатовъ. Федеративныя учрежденія Dominion of Canada—федеральный парламентъ и отвѣтственные федеральные министры. Парламентъ состоитъ изъ сената и палаты представителей. Сенаторы назначаются представителемъ Англіи пожизненно, а члены палаты представителей *) избираются народомъ на пятилѣтній срокъ. До образованія федераціи Канада раздѣлялась на двѣ неравныя части: одну четвертую часть всего пространства занимали шесть тогдашнихъ провинцій (Островъ Принцъ Эдуардъ, Новая Шотландія, Нью-Бронсвикъ, Квебекъ, Онтэріо и Британская Колумбія), а остальныя три четверти территоріи страны (Сѣверозападныя территоріи и Рупертова Земля) находились въ рукахъ торгово-промышленной компаніи подъ названіемъ Hudson's Bay Company, которой права въ этихъ неизмѣримыхъ пространствахъ (превышающихъ пространство всей Европейской Россіи съ губерніями Царства Польскаго, Финляндіи и Кавказа) пожалованы были англійскимъ королемъ Карломъ II въ концѣ XVII столѣтія **). Компанія эта въ теченіе своего почти двухвѣкового господства не принесла странѣ никакой пользы; извлекая изъ нея огромные доходы посредствомъ мѣновой торговли съ туземными индѣйскими племенами, она совершенно не заботилась о заселеніи страны, о свободномъ развитіи ея промышленности и о распространеніи въ ней культуры и цивилизаціи. Федерація провинцій положила конецъ такому неестественному положенію вещей. Права компаніи Гудзонова залива были выкуплены въ 1870 году и всѣ бывшія подъ ея „контролемъ“ пространства стали съ того момента народнымъ достояніемъ единой Канады. Эти-то столь недавно пріобрѣтенныя пространства и колонизуются федеральнымъ правительствомъ ***).

*) Одинъ представитель отъ 20,000 душъ населенія; право голоса при выборахъ имѣютъ всѣ подданные, имѣющіе не менѣе 21 года и владѣющіе опредѣленной собственностью или доходами.

**) Компанія состояла въ то время изъ нѣсколькихъ предпринимателей (adventurers) съ родственникомъ короля принцемъ Рупертомъ во главѣ. Въ ея рукахъ находилось до 1858 года $^6/_7$ всѣхъ теперешнихъ владѣній Канады.

***) Кромѣ этихъ общегосударственныхъ земель въ каждой провинціи также имѣются свои государственныя земли, которыми распоряжаются провинціальные парламенты. Земель этихъ впрочемъ сравнительно немного; заселеніе ихъ производится на основаніяхъ, болѣе или менѣе приближающихся къ главнымъ условіямъ заселенія федеральныхъ пространствъ.

Заботы народнаго представительства въ этомъ отношеніи выразились въ цѣломъ рядѣ систематическихъ мѣропріятій, направленныхъ къ возможно скорѣйшему заселенію пустынныхъ пространствъ на условіяхъ, благопріятствующихъ увеличенію богатства страны и развитію благосостоянія всѣхъ ея жителей. Тотчасъ по выкупѣ правъ Hudson's Bay Company, въ 1870 году, по акту федеральнаго парламента, образована изъ ближайшей къ культурнымъ мѣстностямъ части пріобрѣтенныхъ земель провинція Манитоба, организованная по обычному типу—съ своимъ парламентомъ и отвѣтственными министрами. Вошедшія въ составъ этой провинціи федеральныя пространства въ количествѣ пятнадцати милліоновъ десятинъ, предназначены были для продажи всѣмъ желающимъ по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ. Вскорѣ значительная часть территоріи провинціи была отчуждена такимъ путемъ въ частную собственность, причемъ, вслѣдствіе нѣкоторой непредусмотрительности и недостатковъ правилъ о продажѣ земель, образовалась группа крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ участки въ тысячи десятинъ. Землевладѣльцы эти, вообще говоря, не занимались и не могли заниматься собственнымъ хозяйствомъ на пріобрѣтенныхъ участкахъ, а перепродавали ихъ по частямъ нуждающимся землевладѣльцамъ, начавшимъ переселяться сюда изъ старыхъ канадскихъ провинцій, изъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Такой спекулятивный характеръ крупнаго землевладѣнія вскорѣ обратилъ на себя вниманіе и былъ признанъ вреднымъ для интересовъ страны. Поэтому съ начала восьмидесятыхъ годовъ существовавшія правила отчужденія федеральныхъ земель въ Манитобѣ были отмѣнены и взамѣнъ ихъ введено новое положеніе, которое распространено на всѣ вообще федеральныя земли, подлежащія колонизаціи, и дѣйствуетъ до сего времени. Вслѣдъ за выработкой и утвержденіемъ этихъ новыхъ правилъ, въ 1882 году, въ виду подвигавшагося заселенія Манитобы и съ цѣлью дальнѣйшаго развитія иммиграціи, парламентомъ образованы были рядомъ съ Манитобой и вокругъ нея пять временныхъ округовъ (Ассинибоія, Алберта, Саскачеванъ, Атабаска и Киватинъ), составившихъ по незначительности населенія одну политическую единицу и имѣющихъ одинъ общій парламентъ. Наконецъ, для той же цѣли привлеченія переселенцевъ предназначены федеральныя земли въ Британской Колумбіи, гдѣ онѣ пріобрѣтены федераціею изъ числа провинціальныхъ земель по условіямъ постройки канадской тихоокеанской желѣзной дороги (Canadian Pacific Railway).

Такимъ образомъ, были строго опредѣлены тѣ части страны, въ которыя должно было направиться иммиграціонное движеніе и установлены одни общія для всѣхъ этихъ частей условія и правила, опредѣляющія всѣ права и обязанности поселенцевъ, регу-

лирующія передвиженіе послѣднихъ и содержащія въ себѣ необходимыя указанія для устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ.

Общее количество земель, предназначенныхъ вышеуказанными законодательными актами къ отчужденію въ собственность переселенцевъ въ Манитобѣ, временныхъ округахъ и Британской Колумбіи, составило около ста пятидесяти милліоновъ десятинъ. Но заселеніе пока еще не коснулось наиболѣе отдаленныхъ на сѣверъ (отъ 53 и 55° с. ш.) двухъ округовъ — Атабаски и Киватина, вслѣдствіе чего переселенческія операціи развивались до послѣдняго времени на пространствѣ около восьмидесяти милліоновъ десятинъ, которое представляетъ изъ себя, за исключеніемъ небольшой горной полосы въ Британской Колумбіи, одну сплошную площадь, состоящую изъ превосходныхъ, плодородныхъ прерій, луговъ, степей и саваннъ.

Управленіе этими землями и всѣмъ вообще переселенческимъ дѣломъ организовано по парламентскимъ постановленіямъ слѣдующимъ образомъ. Во главѣ дѣла поставленъ федеральный министръ внутреннихъ дѣлъ въ г. Оттавѣ (столица Канады); для общаго завѣдыванія федеральными землями и всѣмъ иммиграціоннымъ дѣломъ имѣется въ означенномъ министерствѣ особый департаментъ (Immigration Branch). Все мѣстное управленіе сосредоточено въ рукахъ одного лица, именуемаго Dominion Immigration Commissioner. Этотъ *„коммишенеръ“* живетъ постоянно въ г. Виннипегѣ (столица пров. Манитобы), гдѣ находится и его главное управленіе—Dominion Government Immigration Hall. Въ непосредственномъ завѣдываніи и распоряженіи этого высшаго переселенческаго чиновника состоятъ всѣ мѣстныя переселенческія учрежденія. Къ числу ихъ относятся прежде всего переселенческія конторы (Immigration office) и при нихъ переселенческіе дома, а затѣмъ—земельныя конторы (Dominion Land office), устроенныя во всѣхъ главныхъ городахъ сѣверо-западныхъ территорій, какъ-то: въ Виннипегѣ, Риджайнѣ (Regina), Калгари, Эдмонтонѣ, Принцъ-Албертѣ и др. Затѣмъ идутъ земельные агенты, которые находятся въ каждомъ переселенческомъ округѣ и подъокругѣ (Sub-Land District). Округи эти учреждаются и подраздѣляются по мѣрѣ развитія иммиграціи. Въ настоящее время всѣхъ переселенческихъ округовъ имѣется въ районѣ поселенія семнадцать: въ Манитобѣ 4, въ Ассинибоіѣ 4, въ Албертѣ 5, въ Саскачеванѣ 2 и въ Британской Колумбіи 2. Участки каждаго земельнаго агента по среднему разсчету составляютъ: въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ (farming) около ста тысячъ десятинъ, а въ скотоводческихъ (ranching)—болѣе. Въ каждомъ такомъ округѣ, кромѣ земельныхъ агентовъ, находятся еще межевщики и переселенческіе инспекторы.

Количество всѣхъ этихъ „чиновъ“—агентовъ, клерковъ, землемѣровъ, инспекторовъ и т. п.—всегда оказывается вполнѣ доста-

точнымъ для безотлагательнаго удовлетворенія всѣхъ требованій переселенческаго дѣла; но ни гдѣ эти люди не находятся въ излишкѣ. Даже въ департаментѣ государственныхъ имуществъ и главномъ управленіи коммишенера нѣтъ никакихъ „армій чиновниковъ"—писарей, дѣлопроизводителей, столоначальниковъ, курьеровъ, экзекуторовъ, швейцаровъ, экспедиторовъ и пр., и пр., и пр. Одинъ—два главныхъ распорядителя и нѣсколько человѣкъ помощниковъ для служебной переписки и сношеній съ посѣтителями,—вотъ и весь персоналъ центральныхъ управленій. Работаютъ эти люди всѣ одинаково: одно и то же количество времени, съ одинаковой усидчивостью, усердіемъ и добросовѣстностью. Никакого шмыганья съ мѣста на мѣсто, вродѣ какъ отъ рабочаго стола въ курильную, изъ курильной въ буфетную и т. п.; никакой, словомъ, суетни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакой торжественности и священнодѣйствія не существуетъ. На всемъ лежитъ печать серьезности, дѣловитости и въ то же время—подкупающей простоты отношеній. О доступности „чиновъ" и говорить нечего: сношенія съ ними для всѣхъ совершенно свободны отъ всякихъ особыхъ „формъ" и церемоній. Впрочемъ, это общій „порядокъ" для всей Канады, для всѣхъ ея мѣстностей, всѣхъ учрежденій и всего населенія.

Одновременно съ установленіемъ главныхъ основаній переселенческаго дѣла,—опредѣленіемъ переселенческихъ районовъ и организаціей управленія дѣлами,—заботы канадскаго народнаго представительства были направлены и на другія его стороны, имѣющія также существенное значеніе. Такими сторонами являлись: пути сообщенія, размежеваніе земель и облегченіе передвиженія переселенцевъ.

Къ вопросу о путяхъ сообщенія канадское правительство съ самаго начала переселенческаго дѣла относилось весьма серьезно и внимательно, справедливо признавая огромную важность дорогъ для успѣховъ колонизаціи пустынныхъ пространствъ. Вслѣдствіе этого оно озаботилось тотчасъ-же, какъ только сѣверо-западныя территоріи перешли во владѣніе Канады, послѣ выкупа въ 1870 г. правъ компаніи Гудзонова Залива, принятіемъ мѣръ къ изысканіямъ, а потомъ и къ постройкѣ канадской тихоокеанской желѣзной дороги, сооруженіе которой и было окончено въ 1886 году, причемъ дорога эта прорѣзала поперекъ всю область прерій, отъ Великихъ озеръ до Скалистыхъ горъ, на протяженіи 2100 верстъ, и прошла далѣе въ обѣ стороны чрезъ горную Британскую Колумбію и каменистыя восточныя провинціи, связавъ переселенческіе районы съ берегами двухъ океановъ. Затѣмъ приступлено было къ проведенію боковыхъ вѣтвей въ обѣ стороны отъ этой главной магистрали. Въ теченіе десяти лѣтъ, вѣтвей этихъ выстроено до сего времени болѣе 2700 верстъ, такъ что общая длина желѣзнодорожныхъ линій внутри области

прерій составляетъ теперь около пяти тысячъ верстъ, изъ коихъ въ Манитобѣ находится 2300 верстъ, въ Ассинибоіи — 1500 в., въ Албертѣ—1000 в. Если принять во вниманіе, что въ этихъ частяхъ прерій имѣется свыше сорока милліоновъ десятинъ удобныхъ земель и двѣсти пятьдесятъ тысячъ душъ населенія, то окажется, что на 1 версту желѣзнаго пути приходится въ этомъ районѣ 8500 десятинъ незанятой казенной земли и 50 душъ населенія. Проведеніе желѣзнодорожныхъ линій всегда шло и идетъ впереди иммиграціи. Недавно проведена вѣтка отъ Риджайны (Ассинибоія) въ округъ Саскачеванъ, и этотъ обширный (25 милл. десятинъ) и совершенно пустынный дотолѣ край введенъ этимъ способомъ въ кругъ переселенческихъ операцій. Теперь тамъ уже два переселенческихъ дистрикта: Принцъ-Альбертъ и Боттльфордъ.

Современное развитіе переселенческой желѣзно-дорожной сѣти въ Канадѣ позволятъ переселенцамъ доѣзжать по желѣзнымъ дорогамъ отъ любого порта до любого пункта въ каждомъ переселенческомъ районѣ. А отъ послѣдней желѣзнодорожной станціи переселенцамъ уже не составляетъ большого затрудненія перебраться на свои гумстеды (homesteads,—переселенческіе участки), которые выбираются обыкновенно на разстояніи не болѣе 20—30 верстъ отъ линіи. Уходъ на болѣе дальнее разстояніе вызываетъ постройку новой вѣтви, чтобы каждому поселенцу было удобно имѣть постоянныя сношенія съ желѣзной дорогой.

Правительство не останавливается передъ крупными жертвами изъ народнаго достоянія въ пользу частныхъ интересовъ, лишь бы скорѣе провести необходимыя желѣзно-дорожныя линіи, облегчающія и развивающія переселенческое движеніе. Въ Канадѣ, какъ и въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, желѣзныя дороги строятся частными компаніями. Компаніямъ этимъ правительство канадское оказывало помощь земельными и денежными субсидіями. Земельныя субсидіи—безвозмездныя, а денежныя выдаются въ видѣ ссуды. Земель роздано въ преріяхъ пяти компаніямъ девять милліоновъ десятинъ. Стоимость ихъ по существующимъ цѣнамъ составляетъ сто сорокъ милліоновъ рублей. На каждую версту выстроенныхъ желѣзныхъ дорогъ жертва эта составляетъ 28.000 рублей. Желѣзныя дороги продаютъ эти земли переселенцамъ и деньги за нихъ получаютъ въ свою пользу. Однако, въ послѣднее время среди населенія сѣверо-западныхъ территорій стало возникать стремленіе къ возбужденію въ федеральномъ парламентѣ вопроса объ обращеніи еще не проданной компаніями части этихъ земель въ собственность страны. О денежныхъ субсидіяхъ имѣются общія свѣдѣнія, относящіяся къ восьмидесяти желѣзно-дорожнымъ компаніямъ, а потому нельзя сказать, сколько выдано означеннымъ пяти компаніямъ, строившимъ желѣзныя дороги въ преріяхъ. Выдѣлена только одна

канадская тихоокеанская желѣзная дорога, которой выдано 36 милліоновъ рублей.

Оставаясь вѣрнымъ своему взгляду и послѣдовательнымъ до конца, федеральное правительство также приняло на себя и заботу о постройкѣ грунтовыхъ дорогъ между возникающими на государственныхъ земляхъ поселками. Дороги эти проводятся на государственый счетъ немедленно мимо каждаго вновь занятаго гумстеда, и на нихъ расходуются ежегодно значительныя суммы. Нечего и говорить, какое благодѣяніе составляетъ это для поселенцевъ, и какое важное значеніе имѣютъ эти дороги для общаго развитія молодой области.

Размежеваніе предназначенныхъ къ заселенію земель ведется въ высшей степени удовлетворительно. Разъ желѣзная дорога проведена въ какую либо новую мѣстность, тотчасъ начинается межеваніе ближайшихъ къ ней земель спеціалистами, которые, какъ уже замѣчено, постоянно находятся въ каждомъ переселенческомъ округѣ. Если постройка желѣзнодорожной линіи почему либо откладывается (наприм., въ виду существованія хорошей грунтовой дороги по направленію предполагаемой линіи и неувѣренности въ быстромъ заселеніи мѣстности), то межеваніе совершается еще до проведенія ея. Переселенцевъ еще нѣтъ, а земля для нихъ уже размежевана, и количество заготовленныхъ участковъ настолько велико, что въ любую минуту съ избыткомъ можетъ удовлетворить самому широкому спросу. Межеваніе производится по такому плану. Земля разбивается на квадраты по девяти верстъ въ сторонѣ (=81 кв. в.), называемые тауншипами (townships). Каждый тауншипъ раздѣляется на 36 равныхъ квадратныхъ клѣтокъ по $2^1/_4$ кв. в. въ каждой ($1^1/_2$ в. въ каждой сторонѣ), которыя называются секціями (sections). Далѣе, каждая секція дѣлится на четыре равныя квадратной же формы части, или четверти (кводры), заключающія въ себѣ по 160 экровъ (=$59^1/_4$ десятинъ). Вотъ эти-то кводры и составляютъ гумстеты. Но не каждая секція можетъ быть гумстедирована. Изъ 36 секцій въ тауншипѣ, двѣ секціи (8-я и 26-я) отданы въ собственность компаніи Гудзонова Залива и отчасти (1 кводра изъ 26-й секціи) служатъ запасомъ для снабженія переселенцевъ лѣснымъ матеріаломъ, если бы у нихъ не хватило таковаго на собственномъ гумстедѣ. Еще двѣ секціи (11-я и 29-я=474 десятины, 5,6% всей земли въ каждомъ тауншипѣ) составляютъ школьныя земли, фондъ для свободныхъ и безплатныхъ публичныхъ школъ, открываемыхъ правительствомъ по требованію поселенцевъ въ каждой мѣстности, гдѣ имѣется не менѣе двѣнадцати дѣтей школьнаго возраста. Остальныя шестнадцать нечетныхъ секцій отданы въ собственность желѣзныхъ дорогъ, и только шестнадцать послѣднихъ четныхъ секцій могутъ быть обращены въ гумстеты. Впрочемъ, желѣзнодорожныя

секціи полагаются только въ тѣхъ тауншипахъ, которые находятся на извѣстномъ разстояніи отъ полотна желѣзной дороги. Такъ секціи, данныя канадской желѣзной дорогѣ, находятся въ полосѣ, имѣющей по 36 верстъ съ каждой стороны пути.

Желѣзнодорожныя секціи, какъ уже было сказано выше, продаются владѣющими ими компаніями. Продаются также и секціи, отведенныя Компаніи Гудзонова Залива и школьному фонду. Что же касается остающихся свободными федеральныхъ земель, то для заселенія ихъ существуютъ слѣдующія правила.

Земли эти *раздаются* кводрами, т. е. четвертями секцій, имѣющими, какъ выше объяснено, по 160 экровъ, или 59¹/₄ десятинъ. Получить такой участокъ (гумстедъ) можетъ глава семьи (мужчина или женщина) и холостой мужчина, не моложе восемнадцати лѣтъ, какъ изъ числа канадцевъ и другихъ британскихъ подданныхъ, такъ и изъ иностранныхъ переселенцевъ, какого бы они ни были происхожденія и религіи. Но никто не имѣетъ права получить болѣе одного гумстеда. Сынъ, достигшій восемнадцати лѣтъ, можетъ взять на себя гумстедъ, но не имѣетъ права соединять его съ отцовскимъ гумстедомъ въ одно цѣлое. На каждомъ участкѣ должно быть заведено свое особое *доможительство* (буквальный переводъ слова homestead) и хозяйство, согласно правиламъ отвода. За каждый гумстедъ уплачивается около двадцати рублей (10 доллар.). Кромѣ того, каждое лицо, взявшее гумстедъ, обязано выстроить на полученной землѣ домъ (какой нибудь, все равно), жить на ней три года, пользуясь при этомъ правомъ отлучки съ участка въ теченіе шести мѣсяцевъ ежегодно и разрабатывать подъ посѣвъ землю съ тѣмъ, чтобы къ концу этого трехлѣтія было разработано всего не менѣе пяти съ половиной десятинъ (15 экровъ). Во все это время никакихъ податей за взятую землю не платится. По истеченіи трехъ лѣтъ, если всѣ перечисленныя обязательства выполнены, земля становится полною собственностью взявшаго ее поселенца. Оформить это право будетъ стоить тоже около двадцати руб. Впрочемъ, право собственности можно пріобрѣсти и чрезъ годъ, если весь этотъ годъ безвыѣздно поселенецъ проживетъ на взятомъ участкѣ и разработаетъ на немъ не менѣе двѣнадцати десятинъ. Съ другой стороны, вмѣсто объясненной „трехлѣтней системы“, можно взять гумстедъ по двухлѣтней и пятилѣтней системамъ, причемъ соотвѣтственная разница будетъ въ количествѣ обязательныхъ къ обработкѣ экровъ и въ срокѣ на полученіе права полной собственности. Иностранцы, во всякомъ случаѣ, могутъ пріобрѣсти это право не иначе, какъ взявши по истеченіи трехъ лѣтъ присягу на подданство (по формулѣ, безъ отреченія отъ прежняго подданства).

Приведенныя условія, очевидно, настолько легки, что выполненіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ затруднить поселенца,

рѣшившагося взять гумстедъ. Почти шестьдесятъ десятинъ хлѣбородной земли достаются ему за сорокъ рублей, т. е. по 67 копѣекъ за десятину.

Кромѣ того, канадское переселенческое законодательство предоставляетъ переселенцамъ-земледѣльцамъ многія другія матеріальныя выгоды и разныя льготы. Къ числу ихъ принадлежатъ: во-первыхъ, право переселенца *купить* въ полную собственность одну кводру федеральной земли рядомъ съ своимъ гумстедомъ, если, разумѣется, таковая окажется свободной, по существующей цѣнѣ (въ настоящее время около 16 руб. за десят.) съ уплатою четвертой части покупной суммы наличными деньгами, а остальныхъ трехъ четвертей—въ три года по-ровну изъ 6% годовыхъ. Во-вторыхъ,—право на строевой лѣсъ въ опредѣленномъ количествѣ для полной хозяйственной обстройки гумстеда, т. е. для хорошаго, капитальнаго дома и соотвѣтственныхъ службъ (временныя небольшія хижинки и сарайчики выстраиваются переселенцами, обыкновенно, изъ мелкаго лѣса, получаемаго на своемъ гумстедѣ, не прибѣгая къ пользованію крупнымъ строевымъ лѣсомъ, о которомъ идетъ рѣчь.) Лѣсъ этотъ, а равно дрова и перекладины и колья для ограды, въ случаѣ неимѣнія или недостатка ихъ на взятомъ переселенцемъ гумстедѣ, отпускаются ему изъ запасныхъ лѣсныхъ дачъ, имѣющихся въ каждомъ тауншипѣ и потому всегда находящихся близко къ любому гумстеду. Въ третьихъ,—возможность получить ссуду отъ правительства подъ залогъ фармы, устроенной на гумстедѣ; размѣръ ссуды установленъ около 1,200 руб. (600 долларовъ) и по ней взимается 6% въ годъ. Въ четвертыхъ,—гарантія по закону въ томъ, что земля и постройки поселенца на сумму до 5,000 рублей (2,500 доллар.) не могутъ быть отняты у него за долги, какъ равно и скотъ и другое движимое имущество, цѣнностью до 1,000 р. (500 долларовъ).

Наконецъ, важное значеніе имѣютъ льготы и содѣйствія по пріобрѣтенію гумстедовъ, полученію ссудъ и т. п. Заботы канадскаго правительства по проѣзду переселенцевъ встрѣчаютъ послѣднихъ еще въ Европѣ. Въ Лондонѣ, Ливерпулѣ и Глэзго (Glasgou) имѣются постоянныя правительственныя агенства, въ которыхъ переселенцы могутъ получить всѣ предварительныя свѣдѣнія по переѣзду чрезъ океанъ и передвиженію внутри страны, а равно и о мѣстахъ и условіяхъ поселенія. Въ Гамбургѣ и Бременѣ есть частныя агенства, извѣстныя канадскому правительству, которыя также сообщаютъ переселенцамъ свѣдѣнія, выправляютъ проѣздные билеты (шифкарты), и т. п. Въ сущности, разъ переселенецъ при содѣйствіи означенныхъ агенствъ попалъ на бортъ океанскаго парохода, отходящаго изъ Европы въ Канаду, ему уже заботиться особенно болѣе не о чемъ: онъ будетъ на попеченіи канадской переселенческой организаціи; ему все укажутъ, всюду

направятъ, во всемъ посодѣйствуютъ и довезутъ безъ всякихъ съ его сторонъ хлопотъ до мѣста назначенія.

Проѣздъ по канадскимъ желѣзнымъ дорогамъ удешевленъ для переселенцевъ на 70%. Такъ, отъ Квебека до Виннипега вмѣсто 80 рублей берутъ только 24 руб., а отъ Виннипега куда угодно дальше везутъ переселенца со всею его семьей даже совсѣмъ безплатно, хотя тамъ имѣются такія разстоянія (какъ, наприм., до Эдмонтона, въ Албертѣ), которыя доходятъ до полуторы тысячи и болѣе верстъ. Багажа можно везти сколько угодно безплатно отъ самаго Гамбурга или другого порта въ Европѣ до конечнаго пункта у мѣста поселенія. Безплатно же провозится по желѣзнымъ дорогамъ большое количество скота, земледѣльческихъ орудій, инструментовъ и домашнихъ предметовъ. Вагоны для переселенцевъ (colonist car) устроены съ большими удобствами: съ койками для спанья, кухней и т. п. Когда этихъ вагоновъ не хватаетъ, переселенцевъ везутъ въ обыкновенныхъ пассажирскихъ вагонахъ перваго класса. При остановкахъ во время пути къ мѣсту поселенія, переселенцы помѣщаются въ вышеупомянутыхъ спеціально для нихъ устроенныхъ иммиграціонныхъ домахъ (Immigration House), имѣющихъ спальни, кухни, столовыя и т. п. Въ домахъ этихъ переселенцы могутъ жить до дальнѣйшей отправки къ мѣсту поселенія или десять дней, если это будетъ въ послѣднемъ пунктѣ предъ мѣстомъ поселенія.

При такой организаціи переселенія и объясненномъ земельномъ устройствѣ, переселенцамъ предстоятъ слѣдующія дѣйствія. По пріѣздѣ изъ Европы въ первый канадскій городъ, положимъ, Галифаксъ или Квебекъ, переселенецъ заявляется прямо въ мѣстную переселенческую контору, которая дѣлаетъ распоряженіе о помѣщеніи его въ иммиграціонномъ домѣ и отправкѣ въ Виннипегъ. Въ послѣднемъ переселенецъ также помѣщается въ иммиграціонномъ домѣ и заявляетъ, куда желаетъ отправиться; согласно этому заявленію, главная переселенческая контора дѣлаетъ соотвѣтствующія распоряженія и переселенцу выдается даровой билетъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ мѣсту назначенія. Въ конечномъ пунктѣ переселенецъ, помѣстившись, опять-таки, въ иммиграціонномъ домѣ, словесно обращается въ мѣстную земельную контору за справкой о томъ, гдѣ имѣются свободные участки земли (какъ намъ извѣстно, уже обмежеванные и размежеванные тауншипы, секціи и кводры) и, получивъ эту справку чрезъ 2—3 минуты, идетъ къ живущему тутъ же земельному агенту и тоже словесно заявляетъ ему о желаніи осмотрѣть эти участки. Агентъ беретъ за казенный счетъ лошадей *) и везетъ переселенца (обыкновенно

*) Въ Канадѣ, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, существуетъ повсемѣстно и во множествѣ, предоставляющія большія удобства для публики такъ называемыя Livery Stable. Это—конюшни, содержимыя частными лицами.

не одного, а 2—3 человѣкъ или же, въ двухъ экипажахъ, и болѣе) для осмотра, который продолжается нѣсколько дней, иногда 1—2 недѣли, причемъ переселенецъ пользуется даровымъ ночлегомъ и продовольствіемъ. Выбравъ участокъ, переселенецъ въ той же мѣстной земельной конторѣ подаетъ о томъ на готовомъ печатномъ бланкѣ заявленіе безъ всякихъ марокъ и уплачиваетъ установленные десять долларовъ. Клеркъ принимаетъ и записываетъ заявленіе въ книгу (Entry) и тѣмъ дѣло кончается—переселенецъ занимаетъ облюбованный участокъ, впредь до полученія чрезъ три года документа (patent) на владѣніе гумстедомъ. О желаніи получить этотъ документъ дается знать мѣстному земельному агенту; по заявленію, гумстедный инспекторъ (см. выше) осматриваетъ на мѣстѣ, выполнены ли поселенцемъ всѣ обязательства относительно гумстеда, послѣ чего поселенецъ, уплативъ пошлины въ вышеуказанномъ размѣрѣ, получаетъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ изъ Оттавы названный владѣнный документъ, окончательно устанавливающій право полной собственности его на взятый гумстедъ.

Во время всей этой процедуры, отъ начала до конца, переселенцу не приходится ни о чемъ хлопотать, ни терять время на волокиту и ожиданія у начальства, ни подавать многочисленныхъ и мудреныхъ бумагъ, ни тратить на чтобы то ни было деньги. Все дѣлается для него даромъ, безотлагательно и быстро и безъ всякихъ сколько нибудь затруднительныхъ формальностей. Паспортовъ ни у кого и никогда не спрашивается (такъ же, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ).

Прослѣдивъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ устройство иммиграціоннаго дѣла въ Канадѣ, мы видимъ, во-первыхъ, что основной характеръ этого устройства выражается въ стремленіи облегчить и обезпечить положеніе переселенцевъ и оказать имъ покровительство и, во-вторыхъ, что постановка и организація дѣла, если не касаться нѣкоторыхъ маловажныхъ частностей, въ общемъ, дѣйствительно, удовлетворяютъ всѣмъ существеннымъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ переселенческому законодательству въ интересахъ переселенцевъ. Сопоставляя

Они находятся рѣшительно вездѣ, во всякомъ даже самомъ ничтожномъ поселкѣ. Въ конюшняхъ имѣются постоянно наготовѣ для разъѣздовъ лошади, экипажи и кучера, отпускаемые владѣльцами ихъ желающимъ за опредѣленную плату. Въ этихъ конюшняхъ ставятъ и содержатъ своихъ лошадей и экипажи и посторонніа лица, чаще всего на условіяхъ поденной за то платы, избавляясь такимъ образомъ отъ необходимости имѣть собственныхъ кучеровъ, нанимать помѣщенія для лошадей и экипажей, и т. п. Благодаря существованію Livery Stable, улицы американскихъ городовъ свободны отъ тѣхъ загрязняющихъ ихъ и заражающихъ въ нихъ воздухъ рядовъ и вереницъ извощичьихъ лошадей, которыми переполнены, и при томъ сверхъ всякой дѣйствительной надобности, улицы россійскихъ городовъ.

эти требованія съ существующими условіями переселенія и поселенія земледѣльцевъ въ Канадѣ, мы находимъ слѣдующее.

Переѣздъ поселенцевъ съ перевозкой багажа и другого имущества обходится имъ замѣчательно дешево,—несравненно дешевле чѣмъ, напримѣръ, нашимъ переселенцамъ-крестьянамъ, которые къ тому же ѣдутъ по желѣзнымъ дорогамъ далеко не сплошь до мѣста и въ такихъ вагонахъ, которые не отличаются по удобствамъ или, вѣрнѣе, по неудобствамъ, отъ вагоновъ, предназначенныхъ для перевозки скота, тогда какъ въ Канадѣ переселенцы пользуются отъ начала до конца пути желѣзными дорогами и благоустроенными, первоклассными вагонами. Пѣшихъ и конныхъ переселенцевъ, двигающихся рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги, которыхъ такъ много у насъ, въ Канадѣ совсѣмъ не существуетъ. Передвиженіе поселенцевъ не затягивается, какъ у насъ, на многія недѣли и даже на мѣсяцы: переѣздъ 3—5 тысячъ верстъ по канадскимъ желѣзнымъ дорогамъ совершается въ нѣсколько дней, такъ какъ поѣзда на этихъ дорогахъ идутъ по сорока верстъ въ часъ, и никакихъ задержекъ въ пути не допускается,—люди дорожатъ буквально каждою минутой, справедливо считая время деньгами. Заболѣвшимъ по прибытіи въ портъ переселенцамъ оказывается медицинская помощь, широко организованная на государственныя средства, безъ участія частной благотворительности, которая и вообще въ переселенческомъ дѣлѣ Канады вполнѣ отсутствуетъ. Во время пути и отысканія земли переселенцы въ Канадѣ избавлены отъ всякихъ мытарствъ, непроизводительныхъ расходовъ и потери времени. Ихъ всюду встрѣчаютъ и сопровождаютъ переселенческіе агенты, которые оказываютъ имъ своевременно и быстро, безъ всякихъ проволочекъ, необходимое содѣйствіе. Переселенцу при этомъ не приходится ни плутать, ни стоять въ безплодномъ раздумьѣ и нерѣшительности, не зная, что дѣлать, куда идти, къ кому обратиться или идти совсѣмъ не туда, куда нужно и обращаться туда, куда не слѣдуетъ. Отысканіе земли въ собственномъ смыслѣ даже вовсе не имѣетъ мѣста въ Канадѣ. Земля размежевана на участки извѣстной мѣры, и цѣлые районы и мѣстности съ подраздѣленіемъ на эти участки нанесены на планы. Нужно не отыскивать землю, а только осмотрѣть, облюбовать ее, имѣя о ней напередъ всѣ главныя свѣдѣнія — гдѣ она находится, въ какомъ положеніи и даже какого качества. Вообще, передвиженіе переселенцевъ въ Канадѣ представляетъ собою не крестный путь русскаго переселенца-крестьянина, а легкое, свѣтлое и радостное путешествіе.

Земли переселенецъ въ Канадѣ получаетъ вполнѣ достаточно. Шестьдесятъ десятинъ на дворъ—американская норма *). Столько

*) Уклоненія отъ этой обычной нормы, въ зависимости отъ разныхъ условій, существуютъ какъ въ Канадѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ

же давали и даютъ въ надѣлъ изъ общегосударственныхъ земель и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ двухъ великихъ сѣверо-американскихъ странахъ разсчитано и признано, что 160 акровъ поселенцу необходимо для удовлетворенія его личныхъ, семейныхъ, хозяйственныхъ и общественныхъ потребностей. Признается, что меньше этого количества давать ему нельзя безъ ущерба не только для благосостоянія самого поселенца, но и для блага всей страны, которое тѣснѣйшимъ образомъ связано съ благополучіемъ и процвѣтаніемъ преобладающаго по численности земледѣльческаго класса. Но и бо̀льше, по убѣжденію сѣверо-американцевъ, давать тоже не слѣдуетъ, такъ какъ болѣе 60 десятинъ поселенецъ не въ состояніи обработать силами своей семьи, а разводить помѣщиковъ на государственныхъ земляхъ Канады,—послѣ извѣстнаго печальнаго опыта въ Манитобѣ и еще болѣе печальной памяти феодализма и лэндлордизма въ восточныхъ провинціяхъ, насажденныхъ тамъ, къ слову сказать, французскими и англійскими властями въ безправныя для канадскаго народа времена и уничтоженныхъ народомъ одновременно съ завоеваніемъ своей политической свободы,—разводить послѣ всего этого вновь помѣщиковъ въ Канадѣ признаютъ несогласнымъ съ общими интересами страны. Шестидесяти-десятинная пропорція надѣла и дѣйствительно вполнѣ соотвѣтствуетъ трудовой способности обыкновенной крестьянской семьи при данныхъ условіяхъ хозяйства.

Пріобрѣтеніе этой земли обставлено такими условіями, которыя не только являются льготными и выгодными для поселенца въ настоящемъ и облегчаютъ ему заведеніе хозяйства на первыхъ порахъ, но разсчитаны на то, чтобы и въ будущемъ хозяйственное положеніе и матеріальныя и духовныя силы поселенца не подрывались. Таковы именно условія, касающіяся льготы въ податяхъ, права на строевой лѣсъ (лѣсъ для топлива, первоначальной обстройки, загороди и подѣлокъ въ земледѣльческихъ районахъ поселенцы обыкновенно имѣютъ на собственныхъ гумстедахъ), права на ссуды изъ государственныхъ источниковъ и гарантіи имущества отъ продажи за долги. Но самое главное изъ этихъ условій — это безплатное или почти безплатное надѣленіе переселенцевъ землею. Канадскій поселенецъ за получаемые $59^1/_4$ десятинъ не долженъ платить ни оброчной подати, ни выкупныхъ платежей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя вполнѣ достаточный надѣлъ, избавляющій отъ необходимости прибѣгать къ арендѣ посторонней земли, поселенецъ не вынужденъ также нести на себѣ и тяжесть арендной платы. Чтобы оцѣнить по достоинству все громадное значеніе этихъ условій, достаточно вспомнить, къ какимъ резуль-

---

Канадѣ провинціальныя земли раздаются въ надѣлы не только по 160 акровъ, но также и по 100 (Нью-Бронсвикъ), 120 (Онтэріо), 200 (Квебекъ и Онтэріо) и даже по 320 (Британская Колумбія).

татамъ отсутствіе ихъ приводитъ хозяйство и положеніе нашего крестьянина.

Налоги на имущество взимаются въ Канадѣ (какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ) сообразно съ дѣйствительнымъ доходомъ. Этотъ законъ распространяется и на новоселовъ. При томъ, общегосударственныхъ прямыхъ налоговъ совсѣмъ не существуетъ *), а провинціальные и мѣстные налоги взимаются по назначенію и опредѣленію самого населенія, въ томъ числѣ и поселенцевъ, которые въ дѣлѣ самообложенія пользуются полной свободой и всѣми правами, принадлежащими коренному канадскому населенію.

Особаго упоминанія заслуживаетъ и обстановка дѣла первоначальнаго образованія поселенческихъ дѣтей. Образованіе это обязательно. Но законодательство Канады не ограничивается въ данномъ случаѣ голымъ требованіемъ, а даетъ и средства для его осуществленія. Спеціальный школьный фондъ имѣетъ прямое назначеніе приходить на помощь поселенцамъ въ этомъ дѣлѣ. На его средства строятся школьныя зданія и относится часть расходовъ по содержанію школъ. Поселенцы несутъ лишь добавочныя расходы на текущія потребности школъ, устанавливаемыя ими по своему усмотрѣнію. Обученіе въ школахъ безплатное, преподаваніе свободное и школы открыты равно для всѣхъ дѣтей, къ какой бы національности и вѣроисповѣданію они ни принадлежали. Управленіе дѣлами школъ находится въ рукахъ самого населенія, которое свободно выбираетъ для этого особыхъ попечителей. Здѣсь нелишне упомянуть также, что главный налогъ, которымъ самооблагаются жители провинцій, а слѣдов., и новоселы, есть школьный налогъ (School Taxes), идущій на дѣло народнаго (для всѣхъ равнаго) образованія въ предѣлахъ провинціи, какъ первоначальнаго, такъ и средняго, и спеціальнаго, устраиваемаго, такимъ образомъ, самимъ населеніемъ по своему собственному желанію. Центральное правительство и тутъ только приходитъ на помощь провинціальному населенію своими средствами; все же распоряженіе, управленіе и завѣдываніе дѣлами находится цѣликомъ въ рукахъ мѣстнаго населенія, дѣйствующаго чрезъ выбранныхъ попечителей и учителей. Послѣдніе получаютъ спеціальное образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ (Normal Schools), тоже на общественныя средства.

Если къ сказанному добавить еще общія со всѣми прочими жителями Канады права поселенцевъ на участіе во всѣхъ мѣстныхъ провинціальныхъ и общегосударственныхъ выборахъ на обще-

*) На покрытіе государственныхъ расходовъ взимаются только таможенныя пошлины и акцизные и почтовые сборы. Затѣмъ около $1/7$ части прихода образуется изъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ и сооруженій и разныхъ поступленій. Въ числѣ расходовъ не послѣднее мѣсто занимаютъ субсидіи провинціямъ, употребляемыя главнымъ образомъ на дѣло народнаго образованія.

ственныя и государственныя должности и свободу отъ воинской повинности *), то мы получимъ въ общихъ чертахъ довольно полную картину льготъ, выгодъ, правъ и преимуществъ, представляемыхъ новоселамъ.

Но мы должны еще замѣтить, что переселенческое законодательство помимо интересовъ переселенцевъ, имѣетъ также большое значеніе для интересовъ всей страны, и съ этой точки зрѣнія постановка и организація переселенческаго дѣла въ Канадѣ заслуживаютъ и сами по себѣ вниманія, чтобы сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Канада имѣетъ пять съ небольшимъ милліоновъ жителей и около семи съ половиной милліоновъ квадратныхъ верстъ пространства. Населеніе въ ней въ 25 разъ меньше чѣмъ въ Россіи, а площадь ея владѣній въ полтора раза болѣе пространства всей Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ, Финляндіей и Кавказомъ и составляетъ двѣ-пятыхъ пространства всей Россійской Имперіи—съ Сибирью и Среднею Азіей. У насъ населеніе рѣдкое—менѣе семи человѣкъ на квадратную версту, а въ Канадѣ— въ десять разъ рѣже—0,7 челов. Если сравнить 50 губерній Европейской Россіи съ старыми восточными провинціями Канады, а Сибирскія и Средне-азіятскія губерніи и области съ западными провинціями и территоріями Британской Сѣверной Америки, то получимъ душъ на 1 кв. версту:

1.	Въ Европейской Россіи	22.2
	„ восточныхъ провинціяхъ Канады	4.2
2.	„ Азіятской Россіи	1.9
	„ одной Сибири	0.5
	„ западныхъ провинціяхъ и территоріяхъ Канады	0.06

Въ виду такой чрезвычайной рѣдкости населенія, въ особенности въ сѣверо-западныхъ территоріяхъ, гдѣ находится наибольшее количество наиболѣе плодородныхъ земель, совершенно понятно, какое огромное значеніе имѣетъ для всей страны успѣшная колонизація незанятыхъ производительныхъ пространствъ. Несомнѣнно, что подобное же значеніе имѣетъ и для Россіи скорѣйшее заселеніе Сибири и Средне-азіатскихъ владѣній нашихъ, культурными элементами и, разумѣется, на выгодныхъ для поселенцевъ условіяхъ.

Народное представительство Канады поняло всю выгоду и

*) Воинской повинности и постоянной арміи въ Канадѣ не существуетъ. Имѣется только милиція въ количествѣ 37.000 человѣкъ, изъ коихъ 2,200 челов. образуютъ постоянный составъ, а остальные 34800 ч. находятся въ запасѣ. 1 милиціонеръ приходится по среднему разсчету: изъ постоянныхъ—на 2310 человѣкъ жителей, а изъ общаго числа постоянныхъ и запасныхъ—на 137 человѣкъ. Содержаніе милиціи падаетъ на 1 душу населенія по среднему разсчету въ суммѣ 70 копѣекъ.

необходимость колонизаціи и потому приступило къ ней рѣшительно и смѣло. Оно сразу, какъ только земля попала ему въ руки, широко поставило дѣло и стало развивать свою колонизаціонную дѣятельность съ замѣчательною энергіею. Организуя провинціи и территоріи, оно, въ то же время, занималось проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, землеустроительными работами, устройствомъ переселенческихъ учрежденій, агентствъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, создавая одновременно все, оно съумѣло внести въ дѣло строгую систематичность, послѣдовательность и полную цѣлесообразность. Поселенческіе районы открывались постепенно одинъ за другимъ и сѣть ихъ развивалась правильно, начинаясь непосредственно отъ старыхъ культурныхъ мѣстностей и идя сплошь непрерывной полосой. Это экономизировало время и денежныя средства государства и переселенцевъ и содѣйствовало быстротѣ колонизаціи. Организація переселенческихъ учрежденій представляетъ собою вполнѣ законное и стройное цѣлое, части котораго функціонируютъ вполнѣ гармонично и соотвѣтственно съ общими задачами и цѣлями. Введеніе этихъ учрежденій, земельное устройство и проведеніе желѣзныхъ дорогъ шли впереди иммиграціи, развитію которой, такимъ образомъ, открывался совершенно правильный и широкій путь. Установленіе мелкаго землевладѣнія и практическія мѣры къ его осуществленію (дробность размежеванныхъ участковъ—по 59¹/₄ десят.,—чередующіяся въ шахматномъ порядкѣ секціи государственныя и желѣзнодорожныя), достаточный и даровой надѣлъ съ цѣлымъ рядомъ льготъ и вспомоществованій переселенцамъ,—все это, безъ сомнѣнія, мудрыя дѣйствія, обезпечивающія странѣ сытыхъ и высоко-производительныхъ работниковъ и гарантирующія ее отъ сельскаго пролетаріата и опасностей пауперизма земледѣльческаго класса. Общая же совокупность мѣропріятій правительства въ колонизаціонномъ отношеніи уже привела и еще болѣе будетъ приводить впереди къ развитію сельско-хозяйственной промышленности и общему обогащенію страны. Въ этомъ отношеніи не безъинтересны слѣдующія цифры.

Въ 1871 г. обработывалось 6,4 м. д., т. е. по 1,84 д. на душу об. п.
1891 » 10,6 » » 2,19 » »
Въ 1881 г. было: лошад. 1,1 мил. гол. рогат. 3,4 мил. гол. мелк. 4.26 м. г.
1891 » 1,5 » » » 4,1 » » » 4,30 » »

Экспортъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ составлялъ: въ 1867 г. 22,4 мил. долларовъ; въ 1876 г.—32,8 м. д.; въ 1886 г.—38 м. д. и въ 1896 г.—48,8 мил. долларовъ. Тридцать лѣтъ назадъ вывозъ этихъ продуктовъ изъ Канады составлялъ 6,4 доллара (12 р. 50 к.) на душу населенія, а въ настоящее время (1896 г.) онъ поднялся до 9,6 дол. (свыше 18 р.) на душу.

Западная половина страны 15—27 лѣтъ назадъ представляла

совершенно дикую и почти безлюдную пустыню, въ которой лишь кое-гдѣ въ отдѣльныхъ пунктахъ существовали начатки культуры. Чрезъ 20 лѣтъ послѣ открытія колонизаціи и чрезъ пять лѣтъ послѣ проведенія чрезъ эту дикую страну перваго желѣзнаго пути, въ ней уже находилось четверть милліона культурнаго населенія, болѣе полмилліона десятинъ обработанной сельско-хозяйственной площади, около 6,000 десятинъ подъ садами и свыше двухъ съ половиной милл. десятинъ подъ эксплуатируемыми лугами и пастбищами.

Теперешняя провинція Манитоба до 1870 года была извѣстна какъ страна дикихъ звѣрей. Все населеніе ея составляло около 10.000 душъ, изъ коихъ девять-десятыхъ были индѣйцы и только около 1,000 человѣкъ бѣлыхъ, да и тѣ въ большой части были не самостоятельные жители, а служащіе Hudson's Bay Company. О сельскомъ хозяйствѣ въ этой странѣ ничего не было извѣстно; оно если и существовало тогда, то въ самомъ жалкомъ видѣ и въ ничтожныхъ размѣрахъ, исключительно для удовлетворенія первобытныхъ потребностей немногочисленнаго полудикаго населенія. Спустя десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ страна уже находилась въ власти Канады и была открыта для колонизаціи, въ ней оказалось 65,000 душъ населенія, а еще черезъ десять лѣтъ, въ 1891 году—150,000 душъ и, наконецъ, въ настоящее время—275,000 душъ. Въ 1897 году въ одной этой провинціи находилось подъ посѣвомъ 725,000 десятинъ, т. е. въ $1^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ было на всемъ западѣ въ 1891 году, и содержалось свыше 400,000 головъ скота.

Столь раціональная, цѣлесообразная и плодотворная колонизаціонная дѣятельность проявилась при одномъ условіи, на которое нельзя не обратить особеннаго вниманія. Это—рѣшеніе колонизаціонныхъ и иммиграціонныхъ вопросовъ Канады ея народными представителями, состоящими на двѣ-трети изъ фермеровъ, т. е. изъ крестьянъ и другихъ сельскихъ хозяевъ и лицъ, вообще близко стоящихъ къ земледѣлію и сельскому хозяйству.

В. Кузнецовъ.

Къ вопросу о рынкахъ.

Всякій, кто слѣдитъ сколько нибудь внимательно за русской журналистикой, не можетъ не замѣтить того значенія, какое пріобрѣлъ въ ней въ послѣднее время вопросъ о „рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ“. На этомъ именно вопросѣ сконцентрировалась теперь научная полемика между двумя главными теченіями нашей общественной мысли, поскольку борьба между ними ведется на чисто-экономической почвѣ. Особенное вниманіе обратилъ на себя въ области этой полемики теоретическій этюдъ о рынкахъ г. Булгакова, вызвавшій своимъ появленіемъ цѣлый рядъ журнальныхъ статей. Такое усиленное возбужденіе мысли служитъ вѣрнымъ признакомъ извѣстной теоретической цѣнности даннаго труда; и дѣйствительно, мы думаемъ, что г. Булгакову нельзя отказать въ томъ, что онъ съ наибольшею ясностью выдвинулъ впередъ ту экономическую идею, о которую, повидимому, разбиваются всѣ возраженія противниковъ гипотезы о промышленномъ развитіи Россіи по типу передовыхъ западноевропейскихъ странъ. Мы не будемъ, впрочемъ, касаться вопроса о степени оригинальности идей и выводовъ г. Булгакова, а обратимся прямо къ сущности дѣла.

Извѣстно, что еще и до сихъ поръ вопросъ о внѣшнемъ или внутреннемъ рынкѣ для русской капиталистической промышленности связывается съ вопросомъ о самой возможности ея возникновенія въ Россіи въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Послѣдній же вопросъ, въ свою очередь, пріобрѣтаетъ у насъ исключительное значеніе благодаря тому, что расцвѣтъ капиталистической промышленности является, какъ извѣстно, согласно очень распространенной у насъ теоріи, осуществленіемъ того „естественнаго закона развитія“, напавъ на слѣдъ котораго русское общество можетъ сознательно руководить своими судьбами. Понятно поэтому, какую огромную теоретическую важность получаетъ у насъ все, что касается научнаго обоснованія возможности предполагаемыхъ въ ближайшемъ будущемъ успѣховъ русскаго капитализма.

Одною изъ главныхъ причинъ, задерживающихъ эти успѣхи, признавалось до сихъ поръ въ нашей экономической литературѣ отсутствіе достаточно обширнаго внѣшняго рынка при крайней слабости внутренняго, обусловленной притомъ особенностями самаго возникновенія и развитія у насъ капиталистической про-

мышленности. На это именно и указывалось одною изъ сторонъ, какъ на характерную черту нашего экономическаго положенія, несовмѣстимую съ представленіемъ о „неизбѣжномъ естественномъ фазисѣ“.

Защитники общаго историческаго закона и его безусловной примѣнимости ко всякой странѣ и ко всякой эпохѣ держались преимущественно теоретической почвы, общихъ соображеній о невозможности намъ разсчитывать на какую-то самобытную экономическую эволюцію, предназначенную спеціально для одной Россіи; но такъ какъ они не могли, въ концѣ концовъ, не считаться съ дѣйствительностью, то и имъ нельзя было избѣжать вполнѣ аргументовъ фактическаго характера. Такъ, ими указывалось, съ одной стороны, на примѣръ Германіи, какъ молодой капиталистической страны, быстро завоевавшей для себя внѣшній рынокъ, а съ другой—на развитіе внутренняго рынка въ самой Россіи подъ вліяніемъ процесса дифференціаціи, происходящаго среди нашего крестьянскаго населенія и выдѣляющаго изъ него категорію „зажиточныхъ землевладѣльцевъ“.

Нельзя сказать, однако, чтобы эти попытки фактическаго обоснованія возможности расцвѣта капиталистической промышленности въ Россіи были особенно убѣдительны. Завоеваніе рынка Германіей констатировалось просто какъ совершившійся фактъ, безъ его анализа, безъ сопоставленія экономическаго, культурнаго и политическаго уровня Германіи и Россіи шестидесятыхъ годовъ; между тѣмъ нетрудно видѣть, что такое сопоставленіе далеко не говорило бы въ пользу предполагаемой аналогіи. Въ сущности, Германія не можетъ быть названа молодой европейской страной; ея западныя провинціи всегда находились въ близкомъ соприкосновеніи съ промышленнымъ развитіемъ Европы; нѣкоторые ея города съ давнихъ временъ славились торговлей и богатствомъ; въ дѣлѣ первоначальнаго накопленія ей не приходилось прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ, какъ обложеніе бѣднѣйшихъ слоевъ населенія съ цѣлью создать первоначальный промышленный капиталъ; ея культурный и политическій уровень былъ сравнительно высокъ. Наконецъ, ссылаясь на промышленные успѣхи Германіи, сторонники неизбѣжнаго капитализма прямо становились на точку зрѣнія своихъ противниковъ. Они тѣмъ самымъ признавали необходимость завоеванія внѣшняго рынка и вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на появленіе новаго и опаснаго конкуррента. Но ясно, что тамъ, гдѣ происходитъ конкурренція, не можетъ быть неограниченнаго мѣста для всѣхъ. Извѣстно, что промышленные успѣхи Германіи отразились замедленіемъ въ дальнѣйшемъ капиталистическомъ развитіи Англіи и Франціи; очевидно, что для всемірнаго рынка существуетъ предѣлъ и что этотъ предѣлъ уже почти достигнутъ; между тѣмъ требуется еще новое мѣсто для такого огромнаго капиталистическаго организма,

какой представила бы собою промышленная Россія. Остается надежда на дальній востокъ; но и въ этомъ случаѣ размѣры возможнаго для России рынка ограничиваются, съ одной стороны, конкурренціей болѣе развитыхъ промышленныхъ странъ, а съ другой,—новою формою капиталистической эксплуатаціи: извѣстно, что въ послѣднее время капиталы все болѣе и болѣе проникаютъ въ самую эксплуатируемую страну и создаютъ въ ней мѣстное капиталистическое производство, охраняемое таможенными пошлинами.

Что касается внутренняго рынка, какъ опоры для развитія русскаго капитализма, то здѣсь аргументація его теоретиковъ еще менѣе убѣдительна. Она вся сводится къ указанію на знаменитую дифференціацію русской деревни, т. е., иными словами, на развитіе въ ней ростовщичества и кулачества. Вотъ нашъ путь къ расширенію внутренняго рынка. Но вѣдь, по существу, это—процессъ первоначальнаго накопленія; онъ не создаетъ новыхъ богатствъ, а лишь концентрируетъ ихъ, причемъ происходитъ не только насчетъ потребительнаго фонда массы населенія, но и насчетъ имѣющихся въ его рукахъ средствъ производства, подрывая самый источникъ этого потребительнаго фонда. Съ другой стороны, накопляемый и концентрируемый такимъ путемъ капиталъ принимаетъ чаще всего форму торговаго и только въ незначительной своей части идетъ на увеличеніе потребленія его обладателей; для того же, чтобы обратиться въ промышленный капиталъ, онъ самъ нуждается въ расширеніи внѣшняго или внутренняго рынка. Наконецъ, всякія теоретическія соображенія относительно „огромнаго и постоянно ростущаго внутренняго рынка“ Россіи разбиваются о печальную дѣйствительность русской деревни и о печальные итоги нашихъ общихъ статистическихъ цифръ. Сколько-нибудь значительное развитіе внутренняго рынка, а слѣдовательно и внутренняго потребленія должно было-бы отразиться на этихъ среднихъ цифрахъ, понизить процентъ смертности, заболѣваній и т. д. При сколько-нибудь значительномъ развитіи „зажиточнаго крестьянства“ обороты нашей промышленности не зависѣли бы въ такой степени отъ колебанія въ урожаяхъ, не отражали-бы на себѣ всей неустойчивости крестьянскаго хозяйства.

Между тѣмъ, обширный внутренній или внѣшній рынокъ, какъ коррелативъ товарной формы продукта, считался до сихъ поръ внутреннею необходимостью капиталистическаго производства, и пока этотъ вопросъ не былъ окончательно выясненъ въ смыслѣ благопріятномъ для теоретиковъ русскаго капитализма, все ихъ построеніе не имѣло подъ собою твердой почвы. Вотъ почему и получила сразу же въ ихъ глазахъ такое огромное значеніе новая теорія рынка, быстро развившаяся, съ легкой руки г. Туганъ-Барановскаго, въ цѣлую стройную систему. Особенность этой теоріи заключается именно въ томъ, что она радикально устраняетъ

всѣ затрудненія, связанныя съ недостаточностью потребленія и сбыта, доказывая съ математическою точностью, что капиталистическое производство въ своемъ неудержимомъ развитіи не нуждается ни въ какихъ рынкахъ, и что его ростъ обусловленъ расширеніемъ „внѣшняго поля производства", т. е. самимъ-же его ростомъ. Въ виду чрезвычайной теоретической и практической важности этой оригинальной экономической идеи, мы должны съ нѣкоторой подробностью остановиться на ней, а для этого намъ придется прежде всего изложить вкратцѣ сущность новаго ученія, причемъ мы будемъ руководиться исключительно книгой г. Булгакова „О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ".

Исходной точкой теоріи послужило ученіе Маркса о реализаціи продукта въ капиталистическомъ производствѣ, объ обращеніи товаровъ, которые появляются въ результатѣ законченной производительной операціи,—обращеніи, необходимомъ для того, чтобы могла начаться слѣдующая производительная операція. Извѣстно, что товарный капиталъ проходитъ непрерывный рядъ цикловъ, являясь сначала въ формѣ постояннаго и перемѣннаго капиталовъ, вложенныхъ въ то или другое производство; затѣмъ— въ формѣ продуктовъ этого производства и, наконецъ, снова въ формѣ средствъ производства и заработной платы. Вотъ это послѣднее превращеніе продуктовъ производства, т. е. товаровъ, выброшенныхъ на рынокъ, въ элементы, необходимые для возобновленія производительной операціи, и составляетъ узелъ разсматриваемаго вопроса. Если это превращеніе, эта реализація продукта совершается безпрепятственно, то процессъ производства можетъ идти безостановочно; а такъ какъ, по самой сущности капиталистической формы производства, капиталъ, затраченный на извѣстную производительную операцію, возвращается къ своему обладателю съ нѣкоторымъ приростомъ, то очевидно, что, при безпрепятственной реализаціи продукта, съ каждымъ новымъ цикломъ могутъ увеличиваться размѣры капиталистическаго производства, и оно можетъ все болѣе и болѣе расширять кругъ своей дѣятельности и своего вліянія. Такимъ образомъ весь вопросъ о развитіи капиталистической промышленности сводится къ вопросу о томъ, при какихъ именно условіяхъ можетъ безпрепятственно совершаться эта реализація товарнаго продукта.

Анализируя процессъ обращенія капитала, Марксъ дѣлитъ все производство на двѣ главныхъ категоріи: одна изъ нихъ представляетъ собою производство средствъ производства (орудій, сырыхъ матеріаловъ и вспомогательныхъ средствъ); другая—производство предметовъ потребленія. Если изобразить схематически обѣ эти категоріи, то каждая изъ нихъ явится сначала въ видѣ постояннаго и перемѣннаго капиталовъ, а затѣмъ, по окончаніи процесса труда, въ видѣ товарнаго продукта, причемъ этотъ товарный продуктъ будетъ заключать въ себѣ три части: одна часть

товаровъ будетъ представлять стоимость воспроизведеннаго постояннаго капитала *), другая—стоимость рабочей платы, а третья—прибавочную стоимость, Если буквою *c* будемъ означать постоянный капиталъ, буквою *v*—перемѣнный, а буквою *m*—прибавочную стоимость, то получимъ слѣдующія схемы:

I. *Производство средствъ производства:*

Первоначальный капиталъ . . . . . c+v.
Товарный продуктъ . . . . c+v+m.

II. *Производство предметовъ потребленія:*

Первоначальный капиталъ . . . . c'+v'.
Товарный продуктъ . . . . c'+v'+m'.

Такимъ образомъ, послѣ каждаго производительнаго оборота всего товарнаго капитала (причемъ для упрощенія предполагается, что во всѣхъ отрасляхъ производства время, необходимое для совершенія одного оборота, одинаково) на рынкѣ появятся двѣ серіи продуктовъ: c + v + m и c' + v' + m; причемъ первая серія будетъ состоять изъ средствъ производства, а вторая — изъ предметовъ потребленія. Затѣмъ начинается обмѣнъ всѣхъ этихъ товаровъ одни на другіе **), наступаетъ процессъ товарнаго обращенія, реализаціи продукта, отъ успѣха которой и будетъ зависѣть дальнѣйшій ходъ капиталистическаго производства. Для того, чтобы это производство могло поддерживаться и расширяться, должна существовать извѣстная пропорціональность между цѣнностью средствъ производства и цѣнностью предметовъ потребленія, выбрасываемыхъ на рынокъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ изъ числовыхъ примѣровъ, на которыхъ г. Булгаковъ выясняетъ разсматриваемую теорію.

Начнемъ съ не расширяющагося, неизмѣннаго производства, поддержавающагося въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ. Схематически оно можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ, причемъ цифры, взятыя г. Булгаковымъ для обозначенія *денежной стоимости* постояннаго и перемѣннаго капиталовъ, а также и прибавочной цѣнности въ обоихъ вышеуказанныхъ отдѣлахъ производства, разумѣется совершенно произвольны:

I. *Производство средствъ производства:*

Капиталъ . . . . 4000 c+1000 v;
Товарный продуктъ . 4000 c+1000 v+1000 m.

---

*) Для упрощенія игнорируется различіе между основною и оборотною частями постояннаго капитала, и предполагается, что весь постоянный капиталъ потребляется и воспроизводится въ одной производительной операціи.

**) Для упрощенія задачи, деньги, какъ орудіе обмѣна, устранены изъ процесса обращенія.

II. *Производство предметовъ потребленія:*

Капиталъ . . . . . . $1500\ c' + 375\ v'$;

Товарный продуктъ . $1500\ c' + 375\ v' + 375\ m'$.

Всѣ эти цифры, 4000, 1500, 375 и т. д. представляютъ собою какія угодно денежныя единицы: милліоны рублей, милліоны фунтовъ стерлинговъ и т. д. Все дѣло заключается здѣсь не въ абсолютныхъ, а въ относительныхъ количествахъ. Читатель видитъ также, что относительные размѣры постояннаго и перемѣннаго капиталовъ, а равно и норма прибавочной стоимости взяты одинаковыми въ обѣихъ категоріяхъ производства: перемѣнный капиталъ равенъ $^1/_4$ постояннаго, а норма прибавочной стоимости выражается въ ста процентахъ.

Возвращаясь къ процессу товарнаго обращенія, мы видимъ, что, по окончаніи перваго производительнаго оборота капитала, на рынкѣ появятся слѣдующіе продукты:

I. $4000\ c + 1000\ v + 1000\ m$ (средства производства).

II. $1500\ c' + 375\ v' + 375\ m'$ (предметы потребленія).

Если предположить, что производство первой категоріи не будетъ расширено при слѣдующей операціи, а останется съ тѣмъ же постояннымъ капиталомъ, то всѣ 4000 c снова будутъ обращены въ средства производства и (согласно разсматриваемой теоріи) не нуждаются ни въ какомъ внѣшнемъ обмѣнѣ, такъ какъ уже состоятъ изъ средствъ производства; обмѣнъ долженъ будетъ произойти только между отдѣльными отраслями всѣхъ производствъ этой первой категоріи, только внутри этой категоріи. Но перемѣнный капиталъ, 1000 v, т. е. воспроизведенная рабочими ихъ заработная плата, которая возвращается къ капиталисту въ формѣ продуктовъ ихъ труда, а въ данномъ случаѣ въ формѣ средствъ производства, должна быть обмѣнена на предметъ первой необходимости, такъ какъ капиталистъ долженъ будетъ, при дальнѣйшей производительной операціи, доставлять рабочимъ ихъ плату въ формѣ предметовъ потребленія, а не средствъ производства *); то же самое слѣдуетъ сказать и о 1000 m, которые потребуютъ обмѣна на предметы потребленія капиталистовъ, если капиталисты первой категоріи не захотятъ обратить свою прибавочную стоимость на расширенія производства Что касается капиталистовъ второй категоріи, то, при неизмѣнномъ, не расширяющемся производствѣ, они должны будутъ только реализиро-

---

*) Въ дѣйствительности 1000 v должны быть не обмѣнены на предметы потребленія, а проданы, т. е. обмѣнены на деньги, которыя будутъ выданы рабочимъ и послужатъ имъ на покупку предметовъ первой необходимости. Но мы уже сказали, что эта посредствующая стадія денежной формы товара выпущена здѣсь ради упрощенія задачи.

вать свои 1500 c', являющіеся на рынкѣ въ формѣ предметовъ потребленія, т. е. обмѣнять ихъ на средства производства для обращенія этой части продукта въ постоянный капиталъ. Что же касается 375 v' и 375 m', то, согласно излагаемой теоріи, они опять-таки не нуждаются ни въ какомъ внѣшнемъ обмѣнѣ, такъ какъ состоятъ, согласно предположенію, изъ предметовъ первой необходимости, которые снова будутъ обращены въ рабочую плату (375 v'), и изъ предметовъ потребленія, предназначенныхъ для капиталистовъ (375 m'); необходимый здѣсь обмѣнъ долженъ будетъ произойти только между отдѣльными отраслями производствъ второй категоріи, только внутри ея.

Итакъ, рыночное затрудненіе при реализаціи продукта можетъ возникнуть только при обмѣнѣ v и m на c', т. е. товаровъ, выражающихъ собою стоимость перемѣннаго капитала и прибавочной цѣнности первой категоріи производствъ, на товары, въ формѣ которыхъ появляется на рынкѣ стоимость воспроизведеннаго постояннаго капитала второй категоріи производствъ.

Мы видимъ, что въ данномъ примѣрѣ этотъ обмѣнъ не можетъ быть совершенъ вполнѣ, такъ какъ спросъ на предметы потребленія опредѣляется въ немъ суммою 1,000 v+1,000 m, т. е. двумя тысячами денежныхъ единицъ, а спросъ на средства производства только полутора-тысячами (1,500 c'). Слѣдовательно произойдетъ товарный кризисъ. Для того чтобы реализація продукта совершилась безпрепятственно, необходимо, чтобы $v+m=c'$. Это и есть выведенный Марксомъ законъ реализаціи продукта при неизмѣнномъ, не расширяющемся производствѣ. Онъ указываетъ, какъ на необходимое условіе непрерывнаго возобновленія производства, на извѣстную пропорціональность между различными его отраслями. Если измѣнить приведенныя нами цифры и предположить слѣдующую схему для товарныхъ продуктовъ обѣихъ категорій производства:

I. 4,000 c+1,000 v+1,000 m
II. 2,000 c'+ 500 v'+ 500 m',

то необходимый обмѣнъ продуктовъ будетъ обезпеченъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ $v+m=c'$.

Но случай неизмѣннаго, не расширяющагося производства— чисто гипотетическій. Онъ приведенъ нами только для ознакомленія читателя съ условіями и элементами задачи. Насъ интересуетъ вопросъ о развитіи капиталистической промышленности, т. е. вопросъ объ условіяхъ расширенія капиталистическаго производства. Поэтому возвращаемся къ первоначальной схемѣ и посмотримъ, какимъ образомъ г. Булгаковъ иллюстрируетъ и доказываетъ на ней новую теорію реализаціи капиталистическаго продукта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность безпредѣльнаго развитія капиталистической промышленности, независимо отъ внѣш-

няго для нея рынка. Итакъ, послѣ первой производительной операціи капиталисты нашихъ обѣихъ категорій будутъ обладать слѣдующими товарными продуктами:

I. 4,000 c+1,000 v+1,000 m (средства производства).
II. 1,500 c′+ 375 v′+ 375 m′ (предметы потребленія).

Предположимъ, что капиталисты первой категоріи обращаютъ половину своей прибавочной стоимости (т. е. 500 m) въ постоянный и перемѣнный капиталъ для расширенія своего производства причемъ эти 500 m должны будутъ, согласно общему строенію капитала, разбиваться на двѣ части: на 400 c и 100 v. Въ такомъ случаѣ $v + \frac{m}{2}$ будетъ равна 1,500, т. е. спросъ и предложеніе на рынкѣ окажутся уравновѣшенными. Но для того, чтобы приспособить къ такому расширенію производства первой категоріи производство второй категоріи, капиталисты этой второй категоріи должны будутъ взять у капиталистовъ первой категоріи ихъ прибавочные 100 v, представляющіе собою средства производства, и дать имъ взамѣнъ этого изъ своей прибавочной стоимости соотвѣтствующее количество предметовъ потребленія, т. е. 100 m′; затѣмъ они должны будутъ обратить полученные ими 100 v въ свой постоянный капиталъ, т. е. расширить свое производство, увеличивъ соотвѣтственнымъ образомъ и свой перемѣнный капиталъ, т. е. взявъ еще 25 m′ изъ своей прибавочной стоимости и присоединивъ ихъ къ 375 v′. Такимъ образомъ, послѣ всѣхъ этихъ измѣненій, наши двѣ схемы получаютъ слѣдующій видъ:

I. (4,000+400) c+(1,000+100) v+500 m
II. (1,500+100) c′+(375+25) v′+250 m′.

Но необходимо обратить вниманіе, что, для того, чтобы могло совершиться это взаимное приспособленіе производствъ, т. е. для того, чтобы могъ совершиться обмѣнъ прибавочныхъ 100 v на 100 m′, а затѣмъ обращеніе 25 m′ въ перемѣнный капиталъ, необходимо, чтобы соотвѣтствующая часть прибавочной стоимости второй категоріи (а именно 125 m′) была заранѣе произведена въ формѣ предметовъ первой необходимости, а не предметовъ, предназначенныхъ для потребленія капиталистовъ.

Итакъ къ началу второго производительнаго оборота капиталы обѣихъ категорій производства увеличатся и примутъ такой видъ:

I. 4,400 c+1,100 v
II. 1,600 c′+ 400 v′.

Къ концу второй производительной операціи, при той же самой нормѣ прибавочной стоимости, общая сумма товарнаго продукта выразится слѣдующей схемой:

I. 4,400 c + 1,100 v + 1,100 m (средства производства)
II. 1,600 c′ + 400 v′ + 400 m′ (предметы потребленія).

Если бы и на этотъ разъ, получивъ продуктъ второй производительной операціи, капиталисты захотѣли израсходовать на собственное потребленіе всю прибавочную стоимость, то тогда рыночный обмѣнъ опять не могъ бы быть совершенъ и произошелъ-бы товарный кризисъ, потому что 1,100 v + 1,100 m не могли бы быть обмѣнены на 1,600 c′. Но для новаго возстановленія рыночнаго равновѣсія стоитъ только капиталистамъ обѣихъ категорій слѣдовать присущему имъ стремленію, т. е. снова расширить свое производство. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ опять, что капиталисты первой категоріи обратятъ половину своей прибавочной стоимости, т. е. 550 m., въ постоянный и перемѣнный капиталы, на расширеніе производства; тогда спросъ на предметы потребленія со стороны первой категоріи опредѣлится уже суммою 1,100 v + 550 m, т. е. выразится 1,650 денежными единицами; этотъ спросъ все еще не уравновѣшиваетъ 1,600 c′ второй категоріи; но для достиженія требуемаго равновѣсія и избѣжанія рыночнаго кризиса, капиталисты второй категоріи могутъ отдѣлить 50 m′ отъ своей прибавочной стоимости и обратить ихъ на покупку средствъ производства. Тогда они получатъ 1650 единицъ средствъ производства, въ обмѣнъ на свои 1,600 c′ + 50 m′. Но это еще не все. Обративъ 550 единицъ своей прибавочной стоимости на расширенія производства, капиталисты первой категоріи должны будутъ изъ нихъ 440 единицъ присоединить къ постоянному капиталу, а 110 къ перемѣнному, т. е. обратить ихъ въ рабочую плату. Слѣдовательно, имъ понадобится на 110 денежныхъ единицъ добавочныхъ предметовъ потребленія, предметовъ первой необходимости. Чтобы удовлетворить этой потребности, капиталисты второй категоріи должны будутъ отдѣлить еще 110 единицъ отъ своей прибавочной стоимости и обмѣнять ихъ на эти добавочные 110 v, имѣющіеся у капиталистовъ первой категоріи въ формѣ средствъ производства. Такимъ образомъ, дѣло капиталистовъ первой категоріи будетъ устроено: они присоединятъ 440 новыхъ единицъ средствъ производства къ своему постоянному капиталу, вымѣняютъ 1,100 и 110 единицъ своего продукта на предметы первой необходимости, реализировавъ этимъ обмѣномъ свой перемѣнный капиталъ, а остальныя 550 единицъ обмѣняютъ на предметы своего собственнаго потребленія. Такъ же легко устроится дѣло и капиталистовъ второй категоріи: мы уже видѣли, что они отдѣлили отъ своей прибавочной стоимости 50 + 110 единицъ и, присоединивъ ихъ къ своему воспроизведенному постоянному капиталу—1,600 c, обмѣняли все это на 1760 единицъ средствъ производства. Такимъ образомъ, ихъ постоянный капиталъ увеличился на 160 единицъ; чтобы утилизировать

это приращеніе постояннаго капитала, имъ надо увеличить соотвѣтственно, т. е. на 40 единицъ, и свой перемѣнный капиталъ, присоединивъ къ нему еще 40 единицъ своей прибавочной стоимости, полученной ими въ формѣ предметовъ потребленія. Тогда ихъ измѣненный товарный продуктъ второй производительной операціи выразится такой схемой: 1,760 c'+440 v'+200 m', гдѣ 1,760 c' будутъ состоять изъ средствъ производства, 440 v'—изъ предметовъ первой необходимости, а 200 m' изъ предметовъ, потребляемыхъ капиталистами. Что касается товарнаго продукта капиталистовъ первой категоріи, то онъ, какъ мы видѣли, приметъ теперь слѣдующую форму: 4,840 c+1,210 v+550 m, гдѣ 4,840 c будутъ состоять изъ средствъ производства, 1210 v—изъ предметовъ первой необходимости, а 550 m — изъ предметовъ, потребляемыхъ капиталистами. Слѣдовательно, къ началу третьей производительной операціи, капиталы въ обѣихъ категоріяхъ производства будутъ таковы:

I. 4,840 c + 1,210 v
II. 1,760 c' + 440 v'.

Сравнивая ихъ съ капиталами, бывшими при началѣ второй операціи: 4400 c + 1100 v и 1600 c' + 400 v', мы видимъ, что производства обѣихъ категорій опять расширились, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ устраненъ кризисъ. Такимъ образомъ расширеніе производства не только не вызываетъ товарнаго кризиса, но, напротивъ того, при надлежащемъ распредѣленіи капитала, устраняетъ его; а это распредѣленіе, какъ мы видѣли, осуществляется очень просто и зависитъ исключительно отъ доброй воли капиталистовъ, отъ того или другого пользованія ими своею прибавочною стоимостью; причемъ надо замѣтить, что въ ихъ распоряженіи находится каждый разъ не одно единственное рѣшеніе, а множество рѣшеній, одинаково благопріятныхъ для нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, легко показать съ помощью такихъ-же простыхъ ариѳметическихъ выкладокъ, что, напримѣръ, при цифрахъ, взятыхъ г. Булгаковымъ, при переходѣ отъ второй производительной операціи къ третьей, капиталисты первой категоріи могли бы обратить на расширеніе своего производства не половину, а двѣ трети или три пятыхъ своей прибавочной стоимости, и т. д., и всякій разъ къ этому могло-бы приспособиться производство второй категоріи, не съуживаясь, а также расширяясь въ большей или меньшей степени. Такимъ же путемъ можно продолжать нашъ гипотетическій разсчетъ по отношенію къ четвертому и пятому производительнымъ оборотамъ и до безконечности, причемъ всякій разъ получалась-бы полная возможность реализаціи всего произведеннаго продукта внутри самого капиталистическаго производства.

Вотъ это-то именно открытіе и составляетъ самостоятельную

заслугу нашихъ экономистовъ-марксистовъ. Они, повидимому, доказали математически, что расширеніе капиталистическаго производства не зависитъ отъ расширенія потребленія, а слѣдовательно и отъ рынка, что оно происходитъ просто путемъ увеличенія постояннаго капитала первой категоріи, которое и создаетъ новый спросъ на предметы потребленія въ формѣ новаго перемѣннаго капитала. Такимъ образомъ, обѣ категоріи производства, производство средствъ производства и производство предметовъ потребленія, могутъ взаимно обмѣниваться своими продуктами, не нуждаясь ни въ какомъ внѣшнемъ для нихъ рынкѣ, и—что всего важнѣе — эта реализація продукта даже требуетъ отъ нихъ непрерывнаго саморасширенія, непрерывнаго удовлетворенія этому присущему имъ самимъ стремленію. Правда, необходимымъ условіемъ успѣшности такого самовозрастанія капиталистическаго производства является пропорціональное распредѣленіе капитала между различными отраслями капиталистической промышленности, а это распредѣленіе не всегда осуществляется съ безукоризненной правильностью, вслѣдствіе чего и происходятъ промышленные кризисы, и возможно, что эти кризисы неизбѣжны; но во всякомъ случаѣ, съ кризисами или безъ кризисовъ, капиталистическая промышленность можетъ развиваться и расширяться независимо отъ внѣшняго или внутренняго рынка, независимо отъ окружающаго ее бѣднаго или богатаго населенія, съ высокимъ или низкимъ уровнемъ потребленія; а это, именно, и требовалось доказать.

Такова новая теорія капиталистическаго рынка, выдвинутая нашими теоретиками капитализма;—теорія, которой они очень гордятся, не смотря на всю ея видимую парадоксальность. Посмотримъ же внимательнѣе, на чемъ, въ сущности, построено это научное открытіе...

Надо замѣтить, что по поводу книги г. Булгакова „О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ" уже высказывались съ разныхъ сторонъ сомнѣнія относительно основательности новой теоріи, и она подвергалась рѣзкой критикѣ. Такъ, г. Ратнеръ указывалъ на страницахъ „Русскаго Богатства" (декабрь 1898 г.) на противорѣчіе выводовъ гг. Туганъ-Барановскаго и Булгакова со всѣми историческими фактами и съ категорическими заявленіями самого Маркса, наконецъ — на *чисто-абстрактный* характеръ формулы, данной послѣднимъ во второмъ томѣ „Капитала" и послужившей основой всѣмъ этимъ построеніямъ. Г. Николай—онъ (Р. Б., апрѣль и августъ 1899 г.) показалъ на конкретномъ примѣрѣ промышленнаго развитія С. А. Штатовъ тѣсную связь этого развитія съ ростомъ внутренняго рынка, съ возникновеніемъ новыхъ фермъ и возрастаніемъ покупательной способности земледѣльческаго населенія. Наконецъ, г. Струве также оспариваетъ разсматриваемую теорію, указывая, въ видѣ главнаго возраженія, на необходимость внѣшней среды для развивающагося

капитализма, среды, которая доставляла-бы ему добавочныхъ рабочихъ.

Но всѣ эти возраженія, о которыхъ мы только упомянули, далеко не исчерпавъ ихъ, не поколебали увѣренности сторонниковъ новой теоріи въ неприступности занятой ими позиціи. Ихъ положеніе опирается на признаваемый всѣми правильнымъ анализъ условій реализаціи продукта Маркса и затѣмъ на строго-научные, математически-точные выводы изъ этого анализа. Всѣ возраженія ихъ противниковъ разбиваются о твердыню ихъ формулъ, уравненій и безупречно-правильныхъ ариѳметическихъ выкладокъ. Пускай ихъ выводы противорѣчатъ общеизвѣстнымъ фактамъ и общепринятымъ взглядамъ; но разъ они теоретически вѣрны, то никакіе доводы, не опровергающіе этой теоретической вѣрности, не расшатывающіе ихъ собственной аргументаціи, не могутъ быть убѣдительны. Противорѣчія останутся неразъясненными, пока не будетъ указана ошибка въ той логической цѣпи и въ тѣхъ экономическихъ положеніяхъ, путемъ которыхъ гг. Туганъ-Барановскій и Булгаковъ приходятъ къ своимъ выводамъ. Отчасти это уже было сдѣлано гг. Ратнеромъ и Николай—ономъ, но лишь въ видѣ общихъ замѣтокъ и возраженій. Поэтому намъ предстоитъ теперь подробнѣе разсмотрѣть аргументацію защитниковъ новой теоріи и ея теоретическое обоснованіе. Причемъ мы опять-таки будемъ имѣть въ виду изложеніе г. Булгакова, какъ признаваемое болѣе научнымъ самими сторонниками и комментаторами этой теоріи (см., напр., приговоръ, произнесенный по этому поводу г. Ильинымъ въ январьской книжкѣ „Научнаго Обозрѣнія“ за 1899 г.).

Прежде всего насъ поражаетъ неуловимый, полу-фантастическій характеръ самой постановки вопроса въ изслѣдованіи г. Булгакова. Анализируя условія реализаціи продукта, онъ предполагаетъ, что капиталистическая промышленность, о развитіи которой идетъ рѣчь, уже охватила всѣ отрасли производства, такъ что представляетъ собою полный экономическій организмъ, удовлетворяющій всѣмъ своимъ потребностямъ; причемъ это предположеніе сдѣлано не ради упрощенія задачи, какъ, напримѣръ, устраненіе денежнаго обращенія, а составляетъ необходимую основу всей дальнѣйшей аргументаціи, такъ какъ обмѣнъ между отдѣльными предметами потребленія и между отдѣльными средствами производства предполагается ею происходящимъ *внутри* даннаго капиталистическаго производства. Только при такомъ условіи устраняется необходимость внѣшняго рынка, вызываемая потребностью въ томъ или другомъ отдѣльномъ средствѣ производства или предметѣ потребленія; только при такомъ условіи можно сосредоточить вниманіе исключительно на обмѣнѣ между v, m и c′ въ извѣстной намъ схемѣ. Мы не говоримъ, конечно, чтобы это предположеніе устраняло вопросъ о пропорціональномъ распредѣленіи капитала

между отдѣльными отраслями производства внутри каждой изъ двухъ его главныхъ категорій, сообразно потребностямъ въ отдѣльныхъ средствахъ производства или въ отдѣльныхъ предметахъ потребленія, — вопросъ, гораздо болѣе сложный, чѣмъ пропорціональное распредѣленіе капитала между только двумя категоріями; но во всякомъ случаѣ очевидно, что всѣ вышеприведенныя манипуляція съ v, m и c' имѣютъ какой-нибудь смыслъ только при допущеніи, что отдѣльные постоянные и перемѣнные капиталы, о которыхъ идетъ рѣчь, благополучно „размѣниваются между собою“ средствами производства и предметами потребленія, въ формѣ которыхъ они являются на рынокъ, а для этого, разумѣется, необходимо прежде всего, чтобы всѣ эти средства и предметы производились въ данной сферѣ капиталистической промышленности.

Итакъ, одною изъ необходимыхъ основъ всей аргументаціи г. Булгакова является предположеніе, что капиталистическая промышленность, о развитіи которой идетъ рѣчь, уже распространена на производство всѣхъ главнѣйшихъ предметовъ потребленія и средствъ производства. Но что же значитъ такая постановка вопроса? Идетъ-ли здѣсь дѣло о странѣ, въ которой капиталистическая промышленность уже вытѣснила всѣ другія формы производства и господствуетъ во всѣхъ областяхъ экономической жизни (доступныхъ капитализаціи)? Или же мы имѣемъ дѣло съ капиталистическимъ оазисомъ внутри еще обширной незавоеванной имъ промышленной области? Согласно первой гипотезѣ понимаетъ, повидимому, эту постановку вопроса г. Струве, потому что указываетъ, въ видѣ рѣшающаго возраженія, на отсутствіе въ этомъ предполагаемомъ самодовлѣющемъ капиталистическомъ обществѣ внѣшней среды, которая доставляла-бы „добавочныхъ рабочихъ“, необходимыхъ для расширенія производства. Но понять дѣло такъ, значитъ перенести вопросъ на совершенно чуждую и малоинтересную почву; это былъ-бы вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ вполнѣ развитое, господствующее во всѣхъ отрасляхъ капиталистическое производство могло-бы путемъ сознательной организаціи поддерживать свое существованіе; но вопросъ идетъ именно о томъ, какимъ путемъ капиталистическое производство можетъ достигнуть господствующаго положенія, не опираясь на внѣшній или внутренній не капиталистическій рынокъ; г. Булгаковъ, очевидно, хочетъ дать намъ теорію, приложимую къ развитію капиталистической промышленности во всякой обширной земледѣльческой странѣ съ разнообразными естественными богатствами и, въ частности, въ Россіи. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что такой именно смыслъ придается новой теоріи рынка ея многочисленными защитниками и комментаторами. Но при возникновеніи въ земледѣльческой странѣ капиталистическаго производства оно никогда не развивается въ формѣ самостоятель-

наго экономическаго организма, никогда не расширяется концентрически, одновременно по всѣмъ направленіямъ; оно всегда идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія, т. е. захватываетъ прежде всего домашніе деревенскіе промыслы, т. е. опирается на потребности массъ населенія въ предметахъ первой необходимости; такимъ именно путемъ оно сразу пріобрѣтаетъ почву, необходимую для *крупнаго производства*, этого наиболѣе существеннаго признака и наиболѣе могущественнаго орудія капитализма. Для выясненія всякаго вопроса всего лучше прослѣдить данное явленіе въ его послѣдовательномъ развитіи. Представимъ себѣ капиталистическій организмъ въ его первоначальной стадіи, т. е. въ формѣ сравнительно небольшого первоначальнаго капитала, появляющагося въ земледѣльческой странѣ съ домашнею и кустарною формою производства. Спрашивается: разобьется-ли этотъ капиталъ равномѣрно на множество отраслей, согласно теоріи г. Булгакова, или сосредоточится на крупномъ производствѣ наиболѣе доступныхъ этому производству предметовъ первой необходимости, т. е. предметовъ, потребляемыхъ въ огромныхъ количествахъ? Какія причины, какія силы могутъ заставить развивающійся капитализмъ слѣдовать схемѣ г. Булгакова? Между тѣмъ, для того, чтобы капиталъ слѣдовалъ своему естественному историческому пути, имѣется самая осязательная причина: на этомъ пути онъ пользуется всѣми преимуществами крупнаго производства. И это не только побудительная причина; это—необходимость: не всѣ отрасли промышленности одинаково доступны и выгодны для развивающагося капиталистическаго производства, и ростущій капиталъ стремится съ неудержимою силою овладѣть наиболѣе доступными и выгодными для него отраслями и овладѣть ими вполнѣ, т. е. заполнить своими товарами *весь* внутренній рынокъ, соотвѣтствующій данной отрасли производства. Такимъ образомъ, размѣры производства, размѣры постояннаго и перемѣннаго капиталовъ въ отрасляхъ промышленности, ранѣе другихъ подвергающихся капитализаціи, опредѣляются не какою-либо пропорціональностью съ другими еще не существующими отраслями капиталистическаго производства, а размѣрами открывающагося для него рынка, покупательною способностью внутреннихъ или внѣшнихъ потребителей производимаго товара. Такимъ же путемъ происходитъ дальнѣйшее расширеніе капиталистической области, завоеваніе слѣдующихъ по порядку доступности и выгодности отраслей производства; оно происходитъ путемъ вытѣсненія соотвѣтствующихъ прежнихъ формъ производства и заполненія *всего* прежняго рынка болѣе дешевыми товарами. Если мы представимъ себѣ возникающій капитализмъ развивающимся изъ первоначальнаго центральнаго пункта, то это развитіе будетъ происходить не въ формѣ равномѣрно расширяющейся стройной системы, разсчитанной на реализированіе внутри

4*

себя своихъ продуктовъ, а въ видѣ огромныхъ, изолированныхъ отраслей производства, сразу же становящихся на почву даннаго рынка всей *страны* и зависящихъ въ реализаціи своихъ продуктовъ отъ покупательной способности представителей всѣхъ отраслей и всѣхъ формъ производствъ въ этой странѣ. Вслѣдъ за этими піонерами капитализма возникаютъ связанныя съ ними производства, доставляющія имъ сырые матеріалы, машины и вспомогательныя средства, причемъ размѣръ этихъ производствъ опредѣляется размѣромъ предшествующихъ имъ производствъ, т. е. въ концѣ концовъ опять-таки размѣрами рынка.

Слѣдуетъ замѣтить, что возникающій капитализмъ не можетъ начать своей дѣятельности съ фабрикаціи средствъ производства (если не говорить о добывающей промышленности, разсчитанной на внѣшній рынокъ), потому что непосредственная реализація продукта явилась бы для него въ такомъ случаѣ невозможной; ему пришлось бы отложить ее и затѣмъ приступить къ завоеванію соотвѣтствующей отрасли производства предметовъ потребленія. Кромѣ того въ производствѣ именно предметовъ, входящихъ въ составъ постояннаго капитала, сосредоточены всѣ техническія усовершенствованія, требующія высшаго развитія техническихъ знаній и техническаго искусства; поэтому капитализмъ, впервые возникающій въ странѣ и завоевывающій ее во всеоружіи своей техники, пользуется промышленнымъ прогрессомъ передовыхъ капиталистическихъ странъ именно въ формѣ получаемыхъ отъ нихъ готовыхъ усовершенствованныхъ орудій производства. Только послѣ болѣе или менѣе значительнаго подъема капиталистической культуры въ странѣ, въ ней можетъ возникнуть самостоятельная фабрикація усовершенствованныхъ средствъ производства.

Таковъ неизбѣжный историческій ходъ развитія капиталистической промышленности. Она развивается, захватывая отдѣльныя области производства и расширяя ихъ до предѣльныхъ размѣровъ рынка, причемъ нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы она охватила собой всѣ отрасли производства и такимъ образомъ осуществила бы первое изъ условій, требуемое постановкой вопроса, которую г. Булгаковъ принимаетъ за исходную точку своего анализа. Еще меньше основанія предполагать, чтобы, даже охвативъ всѣ отрасли производства, оно регулировало свои размѣры какою-либо пропорціональностью между своими отдѣльными отраслями, а не размѣрами отвоевываемаго ею каждый разъ рынка. Нужно-ли доказывать все это статистическими цифрами? Станетъ-ли г. Булгаковъ утверждать, напримѣръ, что размѣры нашей хлопчато-бумажной промышленности имѣютъ какое-либо отношеніе къ перемѣнному капиталу всѣхъ другихъ нашихъ производствъ, или что всѣ наши перемѣнные капиталы могутъ размѣниваться между собою, не вступая въ рыночныя отношенія съ внѣшнимъ для нихъ, не капиталистическимъ производствомъ

хлѣба? Въ такой-же мѣрѣ не приложима постановка вопроса г. Булгакова къ высокоразвитымъ промышленнымъ странамъ, потому что капиталистическое производство охватывало въ нихъ всѣ доступныя ему отрасли производства или на почвѣ внѣшняго рынка, какъ, напримѣръ, въ Англіи, или на почвѣ непрерывно растущаго земледѣльческаго населенія, какъ въ Америкѣ, причемъ когда въ послѣдней и земледѣльческое производство было въ значительной степени капитализировано, то наступилъ кризисъ, и понадобились внѣшніе рынки, какъ указали на это гг. Ратнеръ и Николай—онъ. Такимъ образомъ, ни въ какой моментъ и ни въ какой странѣ капиталистическое производство не находилось на той стадіи развитія, съ которой г. Булгаковъ начинаетъ свое изслѣдованіе. Вотъ почему нельзя не назвать его постановки вопроса фантастической.

Чтобы придать этой постановкѣ нѣкоторую реальность, г. Булгаковъ настаиваетъ на различіи между промышленными и земледѣльческими или „агрикультурно-мануфактурными" странами, пріурочивая свои выводы преимущественно къ этимъ послѣднимъ, причемъ говоритъ, что для нихъ „фактъ поздняго выступленія на путь капиталистическаго развитія совсѣмъ не имѣетъ того значенія, какъ для первыхъ *), т. е. промышленныхъ странъ. Трудно понять, что, въ сущности, хочетъ сказать этимъ г. Булгаковъ? Очевидно, что тѣ страны, которыя онъ причисляетъ къ категоріи промышленныхъ, какъ, напримѣръ, Англія, не созданы такими отъ природы, а были когда-то чисто земледѣльческими; громадное большинство англійскаго населенія состояло когда-то изъ свободныхъ крестьянъ, обработывавшихъ свои собственныя земли; сырые матеріалы, послужившіе средствами производства для возникавшей англійской промышленности, ленъ и особенно шерсть, также производились въ самой Англіи; въ чемъ же г. Булгаковъ видитъ различіе между Англіей и, напримѣръ, Россіей по отношенію къ условіямъ возникновенія въ ней капиталистическаго производства въ той его гипотетической формѣ, какую онъ беретъ исходной точкой своего анализа? Въ какой мѣрѣ эта форма была-бы не реальна для Англіи XV или XVI вѣка, въ такой же мѣрѣ она не реальна для Россіи конца XIX вѣка.

Между тѣмъ эта не реальная, гипотетическая форма капиталистическаго производства, воплощенная въ самой постановкѣ вопроса, въ самыхъ схемахъ г. Булгакова, уже сама по себѣ обезпечиваетъ тѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ послѣ анализа этихъ схемъ, уже содержащихъ въ себѣ данное рѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что тѣ два условія, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, т. е. исчерпывающее разнообразіе отраслей капиталистическаго производства въ каждой изъ двухъ его категорій и

*) «О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ», стр. 200.

взаимно-уравновѣшенные размѣры этихъ отраслей, уже въ значительной степени способствуютъ независимости развивающагося капиталистическаго организма. Но этого еще мало: мы сейчасъ увидимъ, что и самое главное условіе, на которомъ построено все вышеприведенное математическое доказательство, а именно—требованіе извѣстной пропорціональности между обѣими категоріями производствъ, также уже осуществлено г. Булгаковымъ въ самыхъ данныхъ рѣшаемой имъ задачи; оно уже содержится въ тѣхъ цифровыхъ величинахъ, которыя онъ даетъ своимъ постояннымъ и перемѣннымъ капиталамъ первой и второй категорій. Въ самомъ дѣлѣ, легко замѣтить, что въ его схематическомъ капиталистическомъ организмѣ постоянный капиталъ первой категоріи производства, т. е. всѣхъ его отраслей, занятыхъ фабрикаціей средствъ производства, значительно превышаетъ постоянный капиталъ отраслей, занятыхъ производствомъ предметовъ потребленія; и легко замѣтить также, что на этомъ именно значительномъ превышеніи постояннаго капитала первой категоріи и держится все разсматриваемое открытіе, вся новая теорія реализаціи капиталистическаго продукта. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вернемся къ цифровымъ схемамъ г. Булгакова. Къ началу перваго производительнаго оборота, весь дѣйствующій капиталъ былъ представленъ у него, какъ помнитъ читатель, слѣдующими цифрами:

Капиталъ первой категоріи . . . . $4000\ c + 1000\ v$.
Капиталъ второй категоріи . . . . $1500\ c' + 375\ v'$.

„Абсолютныя цифры и здѣсь не имѣютъ никакого значенія“, говоритъ при этомъ г. Булгаковъ (приводя въ подтвержденіе цитату изъ Маркса), и это совершенно вѣрно; но относительная величина взятыхъ цифръ, конечно, имѣетъ огромное, рѣшающее значеніе тамъ, гдѣ весь вопросъ сводится къ пропорціональному распредѣленію различныхъ элементовъ производства. Между тѣмъ эти относительныя величины подобраны въ примѣрѣ г. Булгакова именно такъ, чтобы обусловить возможность производимыхъ имъ разсчетовъ. Если бы мы попробовали, напримѣръ, перевернуть схему г. Булгакова и оперировать надъ двумя слѣдующими категоріями производствъ:

капиталъ первой категоріи . . . . $1500\ c + 375\ v$,
капиталъ второй категоріи . . . . $4000\ c' + 1000\ v'$;
товарный продуктъ первой категоріи . $1500\ c + 375\ v + 375\ m$
(средства производства).
товарный продуктъ второй категоріи . $4000\ c' + 1000\ v' + 1000\ m'$
(предметы потребленія),

то мы увидѣли-бы, что при такомъ распредѣленіи капитала, при

такихъ относительныхъ размѣрахъ постоянныхъ капиталовъ обѣихъ категорій производства реализація продукта была-бы безусловно невозможна внутри даннаго капиталистическаго организма ни при какомъ расширеніи производства, и именно потому, что размѣры производства предметовъ потребленія далеко превышали-бы въ немъ размѣры производства первой категоріи. Но что же это показываетъ? Какое значеніе имѣетъ въ такомъ случаѣ то математическое подтвержденіе, тѣ ариѳметическіе разсчеты, которые г. Булгаковъ принимаетъ за доказательство своихъ выводовъ? Ясно, что, въ смыслѣ доказательства, эти математическіе разсчеты не имѣютъ ровно никакого значенія, такъ какъ онп являются прямымъ послѣдствіемъ самыхъ условій задачи; ясно, что рѣшеніе, формулированное г. Булгаковымъ въ своихъ выводахъ, еще вовсе не было найдено путемъ произведенныхъ имъ ариѳметическихъ выкладокъ, что это рѣшеніе только было перенесено имъ на рѣшеніе другого вопроса, прямо вытекающаго изъ условій задачи,—а именно вопроса о томъ, какими путями можно достигнуть въ мірѣ дѣйствительности и достижимо-ли вообще то экономическое положеніе, то распредѣленіе капиталовъ, какое воплощено, въ видѣ чистой гипотезы, въ его схемахъ? Вотъ тотъ вопросъ, который подлежалъ разрѣшенію и въ которомъ сконцентрировалась вся трудность задачи; только при его удовлетворительномъ разрѣшеніи дальнѣйшая аргументація г. Булгакова получила-бы какое-либо значеніе; пока же этотъ вопросъ остается невыясненнымъ, новая теорія реализаціи продукта, новая теорія рынка является совершенно произвольной.

Итакъ, очевидно, что мы должны были бы встрѣтить у г. Булгакова самое тщательное изслѣдованіе вопроса объ относительныхъ размѣрахъ производства средствъ производства и производства предметовъ потребленія въ капиталистическомъ обществѣ и самое убѣдительное доказательство возможности превышенія въ немъ размѣровъ перваго надъ размѣрами послѣдняго; на этомъ именно должна была бы сосредоточиться вся сила его аргументаціи и къ этому должно было бы свестись все содержаніе его книги. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, мы находимъ въ ней все, что угодно, но только не это необходимое обоснованіе ея выводовъ; вмѣсто сколько нибудь исчерпывающаго доказательства, г. Булгаковъ ограничивается въ этомъ случаѣ только нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями, поражающими притомъ слабостью своей аргументаціи.

„Если принять во вниманіе, говоритъ онъ, что развитіе капиталистическаго производства выражается въ преобладаніи постоянной части капитала надъ перемѣнной, что потребительный фондъ капиталистовъ, возрастая абсолютно, относительно не измѣняется и даже убываетъ, можно съ увѣренностью заключить объ относительномъ уменьшеніи II подраздѣленія и о преобла-

данiи I подраздѣленiя въ распредѣленiи всего общественнаго продукта. Въ самомъ дѣлѣ, во II подраздѣленiи изготовляются исключительно предметы роскоши и необходимости,—предметы потребленiя капиталистовъ и рабочихъ. Если же потребительный фондъ тѣхъ и другихъ постоянно убываетъ по сравненiю со всей стоимостью затраченнаго капитала, то, очевидно, относительные размѣры II подраздѣленiя убываютъ по сравненiю съ I". (*О рынкахъ при капит. пр.*, стр. 152—153).

И это все. Такъ какъ во II подраздѣленiи изготовляются исключительно предметы потребленiя, и такъ какъ въ капиталистическомъ производствѣ постоянный капиталъ стремится возрастать на счетъ перемѣннаго, то *слѣдовательно* и средства производства стремятся въ немъ къ преобладанiю надъ предметами потребленiя. Но почему же это? Вѣдь возрастанiе постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго вовсе не ведетъ за собою необходимо сокращенiе *всего* капитала, затрачиваемаго на изготовленiе предметовъ потребленiя; напротивъ того, это преобладанiе постоянной части капитала надъ перемѣнной можетъ сопровождаться и сопровождается дѣйствительно огромнымъ абсолютнымъ ростомъ производства предметовъ потребленiя; а въ этой абсолютной величинѣ всего капитала II подраздѣленiя и заключается все дѣло, такъ какъ именно ею опредѣлятся отношенiя его размѣровъ къ размѣрамъ I подраздѣленiя. Весь вопросъ въ томъ, какое изъ двухъ подраздѣленiй производства будетъ быстрѣе возрастать въ своей абсолютной величинѣ и можетъ ли производство первой категорiи перерости производство второй категорiи, т. е. могутъ ли производимые сырые матерiалы, машины и вспомогательныя средства перейти въ своихъ размѣрахъ извѣстный предѣлъ, опредѣляемый потребностью въ нихъ со стороны производства предметовъ потребленiя. Отвѣтъ на этотъ вопросъ совершенно не зависитъ отъ относительныхъ размѣровъ постояннаго и перемѣннаго капитала; эти размѣры могутъ измѣняться въ обѣихъ категорiяхъ производства, а отношенiе между послѣдними можетъ оставаться неизмѣннымъ. При возрастанiи постояннаго капитала второй категорiи, конечно, потребуется для нея, при томъ же количествѣ занятыхъ рабочихъ, болѣе средствъ производства; но эти средства производства превратятся въ большее количество предметовъ потребленiя и увеличатъ ихъ общую стоимость. Вѣдь уменьшенiе потребительнаго фонда рабочихъ и капиталистовъ по сравненiю со всей стоимостью затраченнаго капитала вовсе не значитъ уменьшенiе этой стоимости затраченнаго капитала въ производствѣ предметовъ потребленiя; напротивъ того, оно происходитъ путемъ ея возрастанiя. Въ этомъ именно и заключается вся трудность реализацiи капиталистическаго продукта. Приходится реализировать огромный затраченный капиталъ, въ формѣ огромнаго количества дешевыхъ продуктовъ, при сравнительно

небольшомъ составѣ потребителей, участвующихъ въ производствѣ. Какъ же думаетъ избѣжать этого затрудненія г. Булгаковъ? Мы видѣли, что онъ строитъ слѣдующій силлогизмъ: такъ какъ въ капиталистическомъ производствѣ постоянный капиталъ стремится возрастать по отношенію къ перемѣнному, т. е. число занятыхъ рабочихъ постоянно уменьшается въ немъ по сравненію со всею стоимостью производства, и такъ какъ потребительный фондъ капиталистовъ, абсолютно возрастая, относительно не измѣняется и даже убываетъ съ развитіемъ капиталистическаго производства, то *очевидно*, что въ немъ должно относительно уменьшаться производство предметовъ первой необходимости и предметовъ роскоши, ибо, въ противномъ случаѣ, для кого же производились бы эти предметы первой необходимости и предметы роскоши?

И вотъ, опираясь на это *очевидно*, г. Булгаковъ съ полной увѣренностью начинаетъ свой анализъ реализаціи капиталистическаго продукта, исходя изъ такого распредѣленія капитала, при которомъ производство средствъ производства значительно превышаетъ производство предметовъ потребленія и затѣмъ доказываетъ при помощи своихъ схемъ, что при такомъ распредѣленіи капитала вполнѣ осуществима реализація продукта внутри капиталистическаго производства,—*не замѣчая при этомъ, что тотъ силлогизмъ, на которомъ основано его распредѣленіе капитала, самъ построенъ на реализаціи продукта внутри капиталистическаго производства.*

Въ самомъ дѣлѣ развѣ не очевидно, что утвержденіе, въ силу котораго вмѣстѣ съ относительнымъ уменьшеніемъ перемѣннаго капитала, представляющаго собою извѣстное количество потребляемыхъ въ производствѣ предметовъ первой необходимости, и съ уменьшеніемъ потребительнаго фонда капиталистовъ, т. е. опредѣленнаго количества предметовъ роскоши, потребленіе которыхъ связано съ капиталистическимъ производствомъ, неизбѣжно должны относительно уменьшиться размѣры производства этихъ предметовъ необходимости и предметовъ роскоши, развѣ не очевидно, говоримъ мы, что это утвержденіе *уже заключаетъ въ себѣ предположеніе,* что всѣ производимые въ данномъ капиталистическомъ организмѣ предметы первой необходимости должны потребляться внутри этого организма, а всѣ необходимые предметы роскоши должны производиться и потребляться также внутри этого организма? Это не только непосредственно вытекаетъ изъ вышеприведенной аргументаціи г. Булгакова, но и прямо высказано имъ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ: „Если же потребительный фондъ и тѣхъ, и другихъ (т. е. капиталистовъ и рабочихъ), говоритъ онъ, постоянно убываетъ, по сравненію со всей стоимостью затраченнаго капитала, то, очевидно, относительные размѣры II подраздѣленія убываютъ по сравненію съ I“, — если,

разумѣется, поставить въ прямую зависимость количество производимыхъ предметовъ потребленія отъ потребительнаго фонда капиталистовъ и рабочихъ, т. е. если предположить реализацію капиталистическаго продукта происходящей внутри даннаго капиталистическаго производства, т. е. если признать то положеніе, которое г. Булгаковъ хочетъ доказать, опираясь на посылку, построенную на этомъ самомъ положеніи.

Мы думаемъ, что врядъ-ли когда-либо въ исторіи экономической науки встрѣчалась такая колоссальнѣйшая *petitio principii* и такое удивительное смѣшеніе произвольныхъ цифровыхъ схемъ съ реальнымъ положеніемъ вещей. Пишется цѣлая книга и провозглашается цѣлая теорія, построенная на анализѣ извѣстной экономической схемы. Вся аргументація книги и вся новая теорія держатся исключительно на извѣстномъ распредѣленіи капитала между двумя категоріями производствъ въ этой схемѣ (4,000 c+ +1,000 v+1,000 m; 1,500 c′+375 v′+375 m′); при другихъ, противоположныхъ относительныхъ размѣрахъ данныхъ величинъ, ходъ анализа прерывается въ самомъ началѣ, и выводы падаютъ сами собою. Требуется поэтому, разумѣется, прочно установить исходную точку, твердо обосновать воплощенное въ схемѣ распредѣленіе капитала; но необходимость этого обоснованія даже мало замѣчается авторами новой теоріи,—до такой степени они увѣрены въ рѣшающемъ значеніи своихъ схемъ; по крайней мѣрѣ, въ книгѣ г. Булгакова оно является уже послѣ всего анализа, доказывающаго возможность расширенія капиталистическаго производства при реализаціи продукта внутри самаго производства. Наконецъ, мы встрѣчаемся съ этимъ обоснованіемъ, и къ великому своему удивленію находимъ, что оно само построено на предположеніи о реализаціи капиталистическаго продукта внутри капиталистическаго производства. Таково научное значеніе новой теоріи рынка.

Надо замѣтить, что уже самая схоластическая постановка вопроса, принятая г. Булгаковымъ въ своемъ изслѣдованіи и противорѣчащая всѣмъ современнымъ научнымъ требованіямъ, осуждала это изслѣдованіе на полную безрезультатность, такъ какъ изучая процессъ и условія развитія капиталистическаго производства, оно исходило изъ того предположенія, что послѣднее уже „охватило всѣ отрасли производства во всемъ мірѣ, причемъ, слѣдовательно (прибавляетъ г. Булгаковъ), самое понятіе внѣшняго рынка устранено“ (стр. 259).

Уже въ самомъ этомъ предположеніи о совершившемся распространеніи капиталистическаго производства на всѣ отрасли производства и во всемъ мірѣ, когда вопросъ идетъ именно о возможности или невозможности такого явленія, заключается такая основная и всеобъемлющая *petitio principii*, изъ которой логически вытекаетъ все остальное. Въ самомъ дѣлѣ, разъ капи-

талистическое производство достигло такого уровня развитія, то реализація его продукта, очевидно, происходитъ внутри этого производства, а не внѣ его, т. е. не внѣ земного шара; это уже совершившійся фактъ; остается только подобрать удобную цифровую схему для иллюстраціи процесса этой реализаціи. Затѣмъ, такъ какъ вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго прозводства, при допущеніи реализаціи его продукта внутри самого производства, происходитъ относительное уменьшеніе перемѣннаго капитала и потребительнаго фонда капиталистовъ, то очевидно, что при такихъ условіяхъ должно происходить относительное уменьшеніе производства предметовъ потребленія, а слѣдовательно—относительное возрастаніе производства первой категоріи. А если такъ, то вполнѣ законно начать анализъ реализаціи капиталистическаго продукта со стадіи уже развитаго въ техническомъ отношеніи капитализма, какимъ онъ и является въ настоящее время, т. е. капитализма съ относительно большимъ постояннымъ и относительно малымъ производствомъ предметовъ потребленія. Такимъ путемъ получаются основные законы развитія капиталистическаго производства, логически вытекающіе изъ основной посылки, уже вполнѣ обнимающей ихъ. Затѣмъ эти основные законы примѣняются ко всякимъ странамъ съ возникающею въ нихъ въ настоящую эпоху капиталистическою промышленностью, но почему-то, преимущественно, именно къ такимъ странамъ, а не къ странамъ, уже прошедшимъ историческій путь развитія капитализма (не къ промышленнымъ, а къ агрикультурно-мануфактурнымъ, какъ выражается г. Булгаковъ), хотя эти промышленныя страны должны были-бы, повидимому, слѣдовать тѣмъ же основнымъ законамъ развитія капитализма, тѣмъ болѣе, что въ свое время онѣ также были агрикультурно-мануфактурными.

Мы могли-бы остановиться еще на нѣкоторыхъ пунктахъ этой удивительной новой теоріи рынковъ, преисполненной парадоксовъ и недоразумѣній, какъ, напримѣръ, на томъ предположеніи, что производство средствъ производства, въ значительной своей части состоящее изъ добыванія сырого матеріала и каменнаго угля, можетъ непосредственно обращать свои продукты на расширеніе собственнаго производства. Это парадоксальпое предположеніе маскируется сліяніемъ во всѣхъ вышеприведенныхъ схематическихъ анализахъ основного капитала съ оборотнымъ. Но мы думаемъ, что нѣтъ никакой надобности продолжать нашъ разборъ разсматриваемой теоріи, разъ мы уже указали на совершенную недоказанность и произвольность ея основной посылки.

Очевидно, что эта новая попытка теоретиковъ русскаго капитализма выйти изъ-подъ зависимости отъ тяжелыхъ условій русской дѣйствительности и поднять нашу экономическую жизнь на высоту чистой теоріи должна быть признана неудачной. Вопросъ о внѣшнемъ рынкѣ и еще болѣе трудный для разрѣшенія во-

просъ о внутреннемъ рынкѣ (болѣе трудный вслѣдствіе особенностей, характеризующихъ у насъ процессъ первоначальнаго накопленія, возобновленія промышленнаго капитала, процессъ, происходящій не путемъ эксплуатаціи ново-открытыхъ богатыхъ колоній, а на счетъ именно внутренняго рынка)—будетъ оставаться попрежнему однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ нашей экономической литературы, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока ученіе о независимомъ развитіи капиталистическкго производства не будетъ поставлено на болѣе твердую научную почву.

П. Б—ъ.

Новыя книги.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. Т. I. изд. второе. Спб. 1900.—Т. II, изд. 2-е. Спб. 1900.—Т. III. Спб. 1900.

Передъ нами безспорный поэтическій талантъ. Среди массы современныхъ стихотворцевъ, заблудившихся въ туманныхъ дебряхъ декадентской риторики, г-жа Лохвицкая блеститъ, если и не звѣздой среди ночи, то, во всякомъ случаѣ, красивой ночной бабочкой... По нашимъ антипоэтическимъ временамъ и это уже много!

Поэзія г-жи Лохвицкой — это поэзія молодости, по преимуществу, музыка здоровой и сильной души, отъ будничной прозы окружающей жизни порывающейся въ солнечный край мечты, гдѣ все—любовь, счастье и полнота жизни... Царство природы—настоящій храмъ для такой поэзіи, въ которомъ поются ея лучшіе гимны и отыскиваются лучшія утѣшенія.

Поля, закатомъ позлащенныя,
Уходятъ въ розовую даль.
Въ мои мечты неизреченныя
Вплелась вечерняя печаль.
Я вижу, тамъ, за гранью радостной,
Гдѣ краски дня сбѣгаютъ прочь,
На вечеръ ясный, вечеръ благостный
Глядитъ тоскующая ночь.

Но въ жизни тусклой и незначущей
Бываютъ радостные сны.
Они къ страдающей и плачущей
Слетятъ съ воздушной вышины.
Нашепчутъ райскія сказанія

Вѣтвямъ акацій и березъ
И выпьютъ въ медленномъ лобзаніи
Росу невыплаканныхъ слезъ.

Изъ человѣческихъ страстей любовь, конечно, самое сильное и прекрасное чувство, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ по преимуществу окрылявшее молодость и вдохновлявшее поэтовъ, и г-жа Лохвицкая также умѣетъ выражать его въ граціозной и поэтической формѣ.

Я люблю тебя, какъ море любитъ солнечный восходъ,
Какъ нарцисъ, къ волнѣ склоненный,—блескъ и холодъ сонныхъ водъ.
Я люблю тебя, какъ звѣзды любятъ мѣсяцъ золотой;
Какъ поэтъ—свое созданье, вознесенное мечтой.
Я люблю тебя, какъ пламя—однодневки-мотыльки,
Отъ любви изнемогая, изнывая отъ тоски.
Я люблю тебя, какъ любитъ звонкій вѣтеръ камыши,
Я люблю тебя всей волей, всѣми струнами души.
Я люблю тебя, какъ любятъ неразгаданные сны:
Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны!

Не только граціозно, но и трогательно выражена въ ея стихахъ и юная материнская любовь:

Ангелъ безгрѣшный, случайно попавшій на землю,
Сколько ты счастья принесъ! Какъ ты мнѣ дорогъ, дитя!
Весь ты—какъ облачко, свѣтомъ зари залитое,
Чистый, какъ ландышъ лѣсной,—майскій прелестный цвѣтокъ!

Всѣ лучшіе мотивы ея стихотвореній относятся къ жизни природы, къ страданіямъ и грезамъ молодой женской души. Назовемъ цѣлый рядъ такихъ прекрасныхъ пьесъ: „Нѣтъ, мнѣ не надо ни солнца, ни яркой лазури", „Къ солнцу", „Царица Савская", „Покинутая", „Мое небо", „И вѣтра стонъ, и шепотъ мрачныхъ думъ", „Четыре всадника" (т. I); „Есть что-то грустное и въ розовомъ разсвѣтѣ", „Предчувствіе грозы", „Грёзы безсмертія" (т. II); „Въ моемъ незнаньи такъ много вѣры", „Серафимы", „Восточныя облака", „Въ наши дни", „Памяти Пушкина", „Далекія звѣзды", „Я хочу умереть молодой", „Энисъ-Эль-Джаллисъ", „Я хочу быть любимой тобой" и т. п. Но настоящими перлами поэзіи г-жи Лохвицкой, гдѣ всего громче и полнѣе звучатъ струны ея сердца, являются, по нашему мнѣнію, двѣ драматическія фантазіи довольно значительнаго объема, — „На пути къ Востоку" и „Вандэлинъ". Какіе граціозные образы, легкіе и прекрасные, какъ майская грёза! Да, это — поэзія, неподдѣльная, полная чуднаго очарованія поэзія!

Какъ пріятно было бы намъ этимъ и закончить рецензію о стихахъ г-жи Лохвицкой; но, къ сожалѣнію... говоря объ нихъ, невозможно ограничиться однѣми похвалами, а приходится поставить даже очень длинное „но". И прежде всего слѣдуетъ ука-

зать на прямо-таки изумительную узость духовнаго кругозора нашей поэтессы, на ея чисто-институтскую наивность и неразвитость, особенно во всемъ, что касается положенія женщины въ обществѣ. Передъ нами, точно будто, не образованная писательница, живущая въ просвѣщенной странѣ и наканунѣ XX вѣка, а какая-то „восточная роза“, для которой міръ ограничивается стѣнами гарема, гдѣ женщина—рабыня или царица, наложница и одалиска, а мужчина — повелитель, ласка котораго—высочайшее счастье, о какомъ только она можетъ мечтать! Эти взгляды и чувства до того первобытно-дики, что значительную долю вины за нихъ, несомнѣнно, нужно возложить на какія-либо исключительныя условія личнаго воспитанія г-жи Лохвицкой... Несомнѣнно, что именно эти исключительныя (хотя и неизвѣстныя намъ) условія были тѣмъ проклятіемъ ея симпатичной поэзіи, которое „дохнуло отравой ядовитой на дѣвственный разсвѣтъ ея весеннихъ дней“... Мы имѣемъ въ виду ту печальную (и, увы, справедливую!) извѣстность, какую пріобрѣла г-жа Лохвицкая охотнымъ допущеніемъ въ свои стихи двусмысленнаго и даже прямо скабрезнаго элемента.

Въ стихотвореніи „Первая гроза“ дѣвушка входитъ во время грозы въ гротъ. На небѣ грохочетъ громъ.

Его раскатамъ я внимала,
Томясь въ убѣжищѣ моемъ...
То не грозы ли обаянье
Такъ взволновать меня могло?
Вдругъ *чье-то* жаркое дыханье
Мнѣ грудь и плечи обожгло...
За мигъ блаженства—вѣкъ страданья!

Оказывается такимъ образомъ, что „блаженство“ можетъ быть получено даже отъ неизвѣстнаго за минуту передъ тѣмъ „кого-то“... Въ pendant къ этому, весталка г-жи Лохвицкой грезитъ во снѣ о „богѣ веселья, любви и *вина*“... Содержаніе стихотворенія „Мигъ блаженства“, изображающаго, какъ „любовь-чародѣйка бросила насъ въ объятья другъ друга въ полночный таинственный часъ“ и что изъ этого произошло, положительно неудобно для цитированія. Таковы же „Первый поцѣлуй“, „Я жажду знойныхъ наслажденій“ и нѣкоторые „сонеты“. Довольно сказать, что во II изъ этихъ сонетовъ „она“ гонитъ возлюбленнаго прочь отъ себя на томъ основаніи, что „зачѣмъ, молъ, напрасно страсти возбуждать и упиваться ядомъ поцѣлуя, когда... тебѣ отдаться не могу я“. Что это такое—цинизмъ, или институтское непониманіе?.. Бурнопламенная страстность россійской Сафо прямо необычайна для сѣверной женщины. Стихи ея то-и-дѣло пестрятъ: „Я жажду губъ твоихъ“, „Я желала тебя“, „И сплелись мы съ тобою“, „Отъ лобзаній твоихъ обезсилѣла я“, „Сжимай, обнимай горячѣй

и сильнѣй", „Темный знакъ, прожженный поцѣлуемъ (?!) я храню на мраморѣ груди" и т. д. и т. д.

Тороплюсь сорвать запястія,
Ожерелье отстегнуть...
Неизвѣданнаго счастія
Жаждетъ трепетная грудь!

Положительно стыдно становится за неподдѣльный поэтическій талантъ г-жи Лохвицкой, способной воспѣвать подобное „счастіе!" Иногда она усиленно подчеркиваетъ, что томится вовсе не жаждой земного наслажденія, что любимый человѣкъ долженъ любить ее только любовью брата и друга, но вдругъ роняетъ одно какое нибудь неосторожное слово, одинъ эпитетъ—и подозрительно настроенный (благодаря всему предшествующему) читатель уже боится, что эти аскетическія увѣренія—одна фальшь, что и тутъ воображеніе поэта не совсѣмъ чисто.

Мнѣ донесся въ часъ заката
Ароматъ твоихъ кудрей...
Ты меня любовью брата
Оживи и отогрѣй

и т. д.

или

Чтобы очи, какъ звѣзды, остались чисты,
Чтобъ *несмятыми* были подъ нами цвѣты...

Въ осенней грёзѣ у пылающаго камина ей чудится „въ потокѣ сіянья пурпурнаго мраморныхъ ногъ красота". Почему непремѣнно — ногъ? Неужели въ ногахъ, хотя бы и мраморныхъ, высшая человѣческая красота?..

Но довольно! Одно только замѣтимъ, что лично намъ во всемъ этомъ чуется не столько преднамѣренный цинизмъ, сколько та наивность и умственная неразвитость, о которыхъ мы говорили выше. Г-жѣ Лохвицкой, повидимому, вообще не хватаетъ художественнаго чутья, требующаго, напр., чтобы поэтъ не разсказывалъ о собственной наружности; а г-жа Лохвицкая не только о наружности, но даже и о красѣ своей очень охотно разсказываетъ... Именно мы узнаемъ изъ ея стиховъ, что у нея имѣются „густыя волны тяжелыхъ русыхъ косъ", причемъ „въ каштановыхъ кудряхъ есть много прядей золотистыхъ"; она также счастливая обладательница „дѣтски-звонкаго голоса" и „горящаго взора". Не кажется нашей поэтессѣ зазорнымъ и собственные стихи похваливать, да еще какъ: ея строфы „звучною волною бѣгутъ, послушны и легки, свивая избранному мною благоуханные вѣнки". Кстати, объ этомъ избранномъ, котораго г-жа Лохвицкая любитъ также называть „единственнымъ". Обаяніе „единственнаго", повидимому, неодолимо...

Встрѣчая взглядъ очей твоихъ восточныхъ,
Я жду чудесъ несбыточнаго сна;
И близостью *видѣній полуночныхъ*

(опять!)

Моя душа смятенная полна.
. . . .
О, Божество мое съ восточными очами,
Мой деспотъ, мой палачъ, взгляни, какъ я слаба!
. . . .
Въ густомъ шелку твоихъ рѣсницъ дремучихъ
Разсудокъ мой потерянъ навсегда.

Послѣднему охотно вѣримъ, только вотъ что нужно замѣтить. Поэты очень часто воспѣваютъ физическія достоинства своихъ Лауръ и Беатриче, и мы относимся къ этому благосклонно; однако, мы чувствуемъ тошноту и отвращеніе, когда *женщина*, захлебываясь, описываетъ физическія же прелести *мужчины*. Быть можетъ, это непослѣдовательно, глупо, но такъ ужъ исторически сложились наши понятія, и поэзія-то во всякомъ случаѣ должна съ ними считаться.

Цѣну стихотвореній (5 руб. за три не большихъ томика) нужно признать неумѣренной. Публика, однако, раскупаетъ ихъ хорошо—первый и второй томы выпущены уже 2-мъ изданіемъ; хотѣлось бы только знать: какая сторона поэзіи г-жи Лохвицкой привлекаетъ къ себѣ такое вниманіе?..

Еврейскіе силуэты. Разсказы русскихъ и польскихъ писателей. Спб. 1900.

Цѣль настоящаго изданія, прежде всего, благотворительная, доходъ отъ него, какъ значится въ предисловіи, „поступаетъ въ пользу еврейскаго населенія южныхъ губерній, пострадавшаго отъ неурожая“. И эта гуманная цѣль предпріятія, и имена авторовъ-сотрудниковъ изданія, имена, извѣстныя въ литературѣ и уважаемыя,—уже однихъ этихъ, такъ сказать, формальныхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы обратить вниманіе на сборникъ разсказовъ русскихъ и польскихъ писателей и пожелать ему широкаго распространенія. Не касаясь содержанія „Еврейскихъ силуэтовъ“, мы могли бы сказать читателямъ: купите эту книжку! Какъ ни обычны у насъ эти острыя вспышки массовой нужды—къ нимъ привыкнуть всетаки нельзя; какъ ни безсильна эта помощь рублемъ измѣнить условія, обрекающія массы тружениковъ на хроническое недоѣданіе — безъ нея нельзя обойтись! Пустой желудокъ требуетъ пищи, голодному человѣку хочется ѣсть и некогда ждать: накормите же голоднаго!.. Но мы не только это можемъ сказать читателю и не только этихъ непосредственныхъ „филантропическихъ“ результатовъ можемъ ожи-

дать отъ сборника. Дать хлѣба нуждающемуся — дѣло хорошее; но еще важнѣе съ общественной точки зрѣнія познакомиться съ этимъ нуждающимся, понять великую проблему человѣческой нужды и познать ея источники. „Еврейскіе силуэты“ и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ нашего полнаго вниманія. Развертывая передъ читателемъ удручающія картины непосильнаго труда, страданія и горя, заставляя его возмущаться соціальной несправедливостью и скорбѣть о поруганной человѣческой правдѣ, книжка эта, думаемъ мы, внесетъ свою долю участія въ общее, насущное дѣло борьбы съ соціальнымъ неустройствомъ, путемъ пробужденія общественной совѣсти и общественнаго сознанія. И мы можемъ къ сказанному выше прибавить: познакомьтесь съ тѣмъ бѣднякомъ, которому предназначается ваша лепта! Путь къ правдѣ жизни лежитъ черезъ познаніе неправды; а гдѣ же общественной неправды скопилось больше, чѣмъ надъ головой бѣднаго труженика-еврея?

Теперь—можно сказать, въ двадцатомъ вѣкѣ—странно говорить о „еврейскомъ вопросѣ“, какъ о чемъ-то самостоятельномъ; смѣшно думать, будто вѣроисповѣдныя отличія мѣшаютъ людямъ жить по человѣчески и конфессіональныя перегородки являются сколько нибудь важнымъ тормазомъ на пути къ общечеловѣческой солидарности. Но практика жизни и теперь еще преслѣдуетъ своими острыми шипами еврейскую національность, какъ таковую. Надъ евреемъ до сихъ поръ въ сущности тяготѣетъ у насъ знаменитое „гетто“, и племенная ненависть, готовая отойти въ область преданій, искусственно разжигается въ коренномъ населеніи исключительными мѣрами и шовинистскими науськиваніями неопрятныхъ органовъ печати. И неудивительно, если при такихъ условіяхъ еще и еще разъ приходится доказывать, что еврей тоже человѣкъ, что онъ также голоденъ и что кусокъ хлѣба для пропитанія бѣднякъ—еврей добываетъ себѣ цѣной нечеловѣческаго труда и жестокихъ униженій. Пусть же читатель узнаетъ правду о русскихъ евреяхъ и познакомится съ тѣми исключительными условіями, въ которыхъ имъ приходится вести тяжелую борьбу за существованіе. Пускай этотъ благотворительный сборникъ хоть немного расчиститъ нездоровую атмосферу злобы, ненависти и лицемѣрія, которая заслоняетъ истинную сущность общественныхъ отношеній, которая препятствуетъ брату признать брата и угнетенному своего обидчика. Такія вещи, какъ „Мендель Гданскій“ М. Конопницкой, „Гедали“ Э. Оржешко, „Портной“ К. Юноши, а частью и разсказы гг. Короленко („Сказаніе о Флорѣ римлянинѣ“), Л. Мельшина („Кобылка въ пути“), А. Яблоновскаго („Нухимъ“) и Н. Гарина („Ицка и Давыдка“)— содержатъ достаточно матеріала по „еврейскому вопросу“ и, собранные вмѣстѣ, производятъ цѣльное и сильное впечатлѣніе.

Но знакомство съ „Еврейскими силуэтами“ выводитъ насъ

далеко за предѣлы спеціально „еврейскаго вопроса“, и передъ нами естественнымъ образомъ встаетъ огромный, волнующій все человѣчество, вопросъ соціальный. Къ нему, какъ къ общему, не могутъ не тяготѣть тѣ или другія частности, на немъ, какъ на фундаментѣ, покоятся историческія переживанія, въ чистомъ своемъ видѣ ставшія анахронизмомъ. Когда рѣчь идетъ о „чертѣ осѣдлости“ или о „еврейскихъ погромахъ“, когда вы слышите страстныя филиппики переплетчика Менделя, вступающагося за человѣческое достоинство своихъ единовѣрцевъ, или отчаянный вопль каторжника Боруховича, доказывающаго, что еврейскія дѣти не щенята,—вы имѣете дѣло съ евреемъ, только съ евреемъ, страдающимъ отъ религіозныхъ предразсудковъ и подчиненнымъ дѣйствію „временныхъ правилъ“. Но когда вы узнаете, что „голодъ, грязь, невѣжество и трудъ сверхъ силъ—краеугольные камни, на которыхъ основано зданіе жизни человѣка“, когда несчастный Юдка („Портной“) благодаритъ Бога за то, что онъ „свободный человѣкъ и можетъ работать восемнадцать часовъ въ сутки“ и вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ позавидовать лошади, потому что „лошади нужно только сѣно и у нея нѣтъ ни жены, ни восьмерыхъ ребятъ“, или когда неутомимая Хава (Хава Рубинъ“ А. Свентоховскаго) испытываетъ „радость волчицы“, которая нашла обглоданную кость для дѣтенышей, — тогда еврей отходитъ уже на второй планъ и уступаетъ мѣсто человѣку вообще, представителю трудящагося класса. На примѣрѣ бѣдняка еврея, благодаря его исключительному правовому положенію, только рѣзче бросается въ глаза ненормальность общественныхъ отношеній, отъ которыхъ терпятъ всѣ, обойденные судьбою, случаемъ, всѣ ютящіеся на низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы—и евреи, и христіане. У нихъ одни и тѣ же интересы, у нихъ должны быть одинаковые идеалы и общіе пути въ жизни. И сельскій разносчикъ Гедали въ разсказѣ Э. Оржешко, и старикъ Мендель въ превосходномъ соціальномъ этюдѣ М. Конопницкой — носятъ въ душѣ своей вѣру въ лучшее будущее и лелѣютъ мечты о всеобщемъ братствѣ людей. Старый еврей, потерявшій за переплетнымъ станкомъ здоровье и силы, учитъ своего внука, что „всѣ люди—дѣти одного отца и всѣ должны любить другъ друга, какъ братья“; а мистикъ Гедали, „мечтающій о земномъ раѣ“, но вынужденный заниматься торгашествомъ, хитрить и обманывать, разсказываетъ притчу о людяхъ — ангелахъ, страстотерпцахъ и человѣколюбцахъ, которые „поднимаются по лѣстницѣ до самаго неба“ и „когда нибудь сдѣлаютъ то, что на свѣтѣ не будетъ ни голода, ни вражды, ни несчастныхъ, стонущихъ и взывающихъ въ сердцѣ своемъ, что имъ жить не въ моготу!“ Тутъ уже мы должны совсѣмъ позабыть о евреѣ. Мендель изъ Гданска исчезъ; исчезъ и Гедали изъ Волпы. Ихъ идеалы не укладываются ни въ какія національныя или даже классовыя рамки: это—идеалы всего

прогрессивнаго человѣчества, это и наши съ вами, читатель, идеалы. Будемъ же вѣрить въ ангеловъ притчи, о которыхъ мечтаетъ бѣдный сельскій коробейникъ, въ людей—ангеловъ, познавшихъ на небѣ „сладость и свѣтъ и возвращающихся на землю, чтобы посѣять на ней эти сокровища"; пожелаемъ, чтобы ихъ было больше, какъ можно больше, и чтобы они успѣшнѣе выполняли на землѣ свою высокую и трудную миссію!..

А. И. Фаресовъ. Мои мужики. Очерки и разсказы. Спб. 1900.

Не правда-ли, читатель, странное заглавіе? Мои мужики! Почему, во-первыхъ, мужики, а не крестьяне, напримѣръ? и въ какой зависимости находятся эти „мужики" отъ „барина"— г-на Фаресова? Не знаю, какъ васъ, читатель, но бесѣдующаго сейчасъ съ вами смущаютъ заглавія, подобныя настоящему: они заранѣе какъ-то настраиваютъ на скуку и вселяютъ предубѣжденіе противъ книжки. Не подумайте, впрочемъ, что за „моими мужиками" скрывается какой либо реакціонный смыслъ, какая нибудь крѣпостническая закваска—нѣтъ, здѣсь пахнетъ совсѣмъ другимъ. Это только нелѣпое и неудачное заглавіе—и само по себѣ, и по отношенію къ содержанію книги.

Прежде всего, во многихъ очеркахъ и разсказахъ г. Фаресова мужиковъ совсѣмъ нѣтъ, и такіе, напр., сюжеты, какъ травля лисицъ въ Михайловскомъ манежѣ („Землекопы"), ни къ какимъ мужикамъ ровно никакого отношенія не имѣютъ. А подобныхъ разсказовъ не мало въ книжкѣ г. Фаресова. Вы встрѣтите въ ней, на ряду съ описаніемъ „Садковъ на рѣзвость и злобу", разсказъ бывшаго сибирскаго исправника о каторжникѣ „Магометѣ Гази", а дальше — легенду о „богатыряхъ Псковской губерніи", затѣмъ довольно плоскую вылазку противъ „марксистовъ" — въ „Отцахъ и дѣтяхъ", гдѣ „дѣтямъ" приписывается между прочимъ идея упраздненія земства,—и больше всего спеціально охотничьихъ описаній. Причемъ тутъ это общее заглавіе—„Мои мужики"? Но оставимъ въ сторонѣ пестрое содержаніе книжки; примиримся и съ тѣмъ, что „мужиковъ" чаще всего приходится искать „На охотѣ", „На кладкахъ", „На тягѣ", „На глухариномъ току" и еще разъ „На охотѣ", для которой они и являются однимъ изъ аксессуаровъ.

Нашъ авторъ, нужно думать, прекрасный охотникъ. Уже двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ „бѣгалъ за взрослыми охотниками по болотамъ и съ дѣтскимъ восторгомъ носилъ убитую дичь"... Но, какъ культурному человѣку, г. Фаресову всетаки иногда становилось скучно отъ безсмысленнаго хожденія „по кладкамъ" и не менѣе безсмысленнаго щелканья курками ружья. „Чтобы эта охота изо-дня въ день — пишетъ онъ — не утомляла меня своимъ однообразіемъ, я уже давно придумалъ оживлять ее разговорами съ

мужиками"... На берегу какого-нибудь озера или за стаканомъ чая въ избѣ крестьянина нашъ охотникъ, „безъ всякихъ предисловій", „запросто спрашивалъ" своихъ спутниковъ о томъ, „чья совѣсть тверже—мужичья или бабья; кто изъ нихъ лучше—отцы или дѣти"?—словомъ, заводилъ—говоритъ онъ—„чисто литературные разговоры, къ которымъ, уже много лѣтъ подрядъ, я пріучилъ моихъ крестьянъ-пріятелей". Въ этой компаніи, „прекрасно выдрессированной (!) мною —замѣчаетъ авторъ—за четырнадцать лѣтъ совмѣстной охоты", „я чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ". „Всегда было у меня съ ними все общее", т. е. „не было того, чтобы я ѣхалъ на лошади, а мой „Моховичекъ" возвращался бы домой пѣшкомъ; чтобы я заказалъ себѣ супъ изъ курицы, а ему предложилъ бы поглядѣть на меня (неужели?)"; и даже (о, братское единеніе!) „самолюбіе мое не страдало отъ того, что мужикъ забывалъ во мнѣ барина и (?) господина". Четырнадцать лѣтъ дрессировки, конечно, срокъ большой, за это время и не до такого еще панибратства можно дойти... Въ четырнадцать лѣтъ авторъ-охотникъ навѣрное выучилъ своихъ „мужиковъ" превосходно стрѣлять; но что сдѣлалъ авторъ, какъ литераторъ, какъ столичный „интеллигентъ" за эти четырнадцать лѣтъ знакомства? Судя по „литературнымъ" бесѣдамъ дрессированной компаніи, — очень немного. Правда, Антонъ изъ Мошницы, представитель молодого поколѣнья, — кстати сказать, фигура самая безличная и безцвѣтная,—знаетъ, что земля вертится вокругъ солнца и что „какъ Петръ взялъ въ плѣнъ нѣмцевъ, такъ и образованіе пошло отъ нѣмцевъ", но дальше этого „нѣмецкаго плѣненія" и сознанія пользы грамотности, кажется, не пошелъ и никакой интеллигентности не обнаруживаетъ. Другой же ораторъ — оба они очень краснорѣчивы, гораздо краснорѣчивѣе нашего автора—нѣкій Степанъ изъ Крутца, своей защитой „розогъ, ссылки въ Сибирь и отдачи въ солдаты каждаго провинившагося крестьянина", своимъ возмущеніемъ современными судами, ихъ гуманностью и сожалѣніями о крѣпостномъ правѣ, — этотъ Степанъ компрометтируетъ вполнѣ и окончательно свою четырнадцатилѣтнюю дружбу съ петербургскимъ литераторомъ... Иначе, впрочемъ, и быть не могло, не только потому, что курьезные „литературные разговоры" практиковались отъ скуки—„на безрыбьи, молъ, и ракъ рыба"—и въ любой моментъ съ радостью приносились въ жертву щелканью какого нибудь глухаря или сладострастному карканью и шипѣнью вальдшнепа, но и потому еще, что „мужикамъ", даже при хорошемъ выборѣ послѣднихъ, взять у г. Фаресова, въ сущности, нечего или почти нечего.

Не смотря на искренность этого писателя, не подлежащую сомнѣнію, въ его критикѣ вы не найдете никакихъ опредѣленныхъ руководящихъ идей: у автора нѣтъ выработаннаго и устойчиваго міровоззрѣнія, нѣтъ никакихъ болѣе или менѣе солидныхъ

точекъ опоры, чтобы оріентироваться въ пестротѣ жизненныхъ явленій — если не считать за таковыя разныхъ легковѣсныхъ и заѣзженныхъ либеральныхъ трюизмовъ. Онъ благожелателенъ, онъ жалостливъ и не прочь при случаѣ пролить слезу состраданія — это несомнѣнно; но этого мало. Изъ своихъ деревенскихъ поѣздокъ онъ выноситъ „тяжелыя впечатлѣнія" и не разъ констатируетъ безвыходность деревенскаго status quo, — но не указываетъ и не въ состояніи указать никакихъ путей для выхода. „Питомническій вопросъ", какъ „практическая программа (sic!) для интеллигенціи", или школа, какъ панацея противъ деревенскихъ золъ (изъ которыхъ—увы!—самое главное водка), это, конечно, не выходъ, этого слишкомъ мало для „мужиковъ", хотя бы и „моихъ мужиковъ", и не того совсѣмъ имъ нужно. Между прочимъ, когда увлекающійся школой авторъ соблазнительными красками рисуетъ пользу деревенской профессіональной школы, въ особенности развивая почему-то кулинарную точку зрѣнія, „консерваторъ" Степанъ резонно замѣчаетъ ему: „убей быка, да посади за столъ дурака, такъ онъ и самъ наѣстся, да и барина угоститъ; а зарѣжь курицу, да посади хоть умницу—всѣ будутъ голодны. Какъ же ты будешь учить нашихъ бабъ готовить намъ новыя кушанья, да чистоту соблюдать, когда не изъ чего?.. Нужду учить трудно, баринъ, и ты не бѣгай за ней... Хуже будетъ". Но баринъ этого не понимаетъ, не понимаетъ и справедливаго намека на недостатки современной народной школы вообще: „намъ псаломщики не нужны",—а только „изумляется". Школа для него кумиръ, отъ школы онъ столь многаго ожидаетъ и такъ ослѣпленъ ею, что какой-то сельскій священникъ считаетъ нужнымъ охладить пылъ этого легковѣрнаго интеллигента и напомнить ему, что „нельзя дѣлать маленькую земскую школу отвѣтственной за крестьянскую жизнь въ деревнѣ. Что-то посильнѣе господствуетъ надъ уѣздами чѣмъ эти школки"...

Нѣсколько словъ также о стилѣ автора. Любопытно, что „мужики" г. Фаресова не только почти всегда употребляютъ литературные обороты, но часто выражаются чище и лучше его самого; и если сравнить кое какія (конечно, не всѣ) рѣчи дикаго Степана съ такими, напр., весьма обычными для петербургскаго литератора выраженіями, какъ: „падая и хватаясь сбоку за кустъ, чтобы остановить паденіе въ другую сторону, чувствовалось растяженіе мышцъ"...—то сравненіе будетъ безусловно въ пользу „дикаря". Словомъ, съ какой стороны ни погляди на книжку г. Фаресова, впечатлѣніе получается одно: эта книжка—*не настоящая*, въ ней все какое-то не настоящее и все внушаетъ недовѣріе, начиная съ заглавія, продолжая самимъ авторомъ и его „мужиками" и кончая языкомъ. А потому она никому не нужна, и въ общемъ къ ней нельзя относиться серьезно: то вѣрное и дѣльное, что въ ней заключается — слишкомъ ужъ избито и общеизвѣство... Намъ бы

хотѣлось только обратить вниманіе читателя на то, что даже въ такой „не настоящей“ книжкѣ можно найти нѣкоторыя указанія на угрожающіе размѣры крестьянскаго оскудѣнія:—„мы захудали такъ, что и не поправиться своими средствами“—и что даже въ этихъ поверхностныхъ описаніяхъ заѣзжаго охотника мѣстами слышится зловѣщій вопль изголодавшагося народа: землицы-бы! землицы!—„землица-то у насъ дюже плоха“...

Викъ. (1798—1898). Кіевъ 1900.

Настоящая книга представляетъ собою своего рода юбилейный сборникъ малорусской поэзіи. Въ немъ помѣщено 320 цѣльныхъ пьесъ и отрывковъ изъ произведеній пятидесяти малорусскихъ поэтовъ, начиная съ родоначальника новой малорусской литературы, И. П. Котляревскаго, и кончая поэтами нашихъ дней. При этомъ въ сборникѣ даются краткія біографическія свѣдѣнія почти обо всѣхъ представленныхъ въ немъ писателяхъ и прекрасно исполненные портреты большинства этихъ писателей. Польза и интересъ подобныхъ историческихъ хрестоматій, позволяющихъ наглядно измѣрить пройденный литературою путь, понятны сами собою. Нельзя не сказать только, что составители настоящаго сборника проявили чрезмѣрную снисходительность при выборѣ произведеній, вошедшихъ въ его составъ. Пятьдесятъ сколько-нибудь выдающихся поэтовъ въ теченіе столѣтія—это было бы не мало и для болѣе богатой литературы, чѣмъ малорусская. Неудивительно поэтому, что въ „Викъ“ наряду съ классическими произведеніями малорусской музы и стихотвореніями третьестепенныхъ, но не лишенныхъ таланта поэтовъ, попали и пьесы совершенно бездарныхъ версификаторовъ, едва-ли заслуживавшія воспроизведенія, хотя бы и въ исторической хрестоматіи. Особенно приходится сказать это о произведеніяхъ современныхъ поэтовъ, которыя нашли себѣ мѣсто въ сборникѣ и среди которыхъ лишь немногія, какъ, напримѣръ, стихотворенія гг. Старицкаго и Франка, обращаютъ на себя вниманіе красотою формы и оригинальностью или силой вложенной въ нихъ мысли. Болѣе тщательный выборъ пьесъ, вошедшихъ въ сборникъ, на нашъ взглядъ, лишь увеличилъ бы значеніе послѣдняго, такъ какъ путемъ такого выбора былъ бы отброшенъ тотъ излишній балластъ, который теперь до извѣстной степени загромождаетъ эту интересную книгу, какъ бы придавая ей черезчуръ спеціальную роль.

И. Левицькый. Повисьти й оповидання. Томъ I Спб. 1899. Томъ II. Кіевъ 1900.

Для лицъ, слѣдившихъ за развитіемъ малорусской литературы въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, имя г. Левицкаго хорошо зна-

комо и они, надо думать, съ удовольствіемъ встрѣтятъ настоящее собраніе его сочиненій, до послѣдняго времени остававшихся разбросанными въ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ. Г. Левицкій не принадлежитъ, правда, къ числу писателей, обладающихъ крупнымъ и оригинальнымъ талантомъ. Тѣмъ не менѣе въ ряду дѣятелей современной малорусской литературы, не блещущей замѣчательными талантами, онъ занимаетъ одно изъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Въ своей литературной дѣятельности онъ шелъ по пути, проложенному уже другими, но этотъ путь былъ выбранъ имъ не изъ подражанія и, идя по нему, онъ проявилъ недюжинное дарованіе, обезпечившее ему прочныя симпатіи читателей. Начавъ эту дѣятельность въ тѣ годы, когда въ обществѣ былъ особенно силенъ интересъ къ народной жизни, и въ частности къ жизни деревни, онъ и посвятилъ свои силы главнымъ образомъ воспроизведенію быта малорусской деревни во время, предшествовавшее крестьянской реформѣ и непосредственно слѣдовавшее за нею, когда старыя формы жизни разрушались, а новыя только еще начинали складываться. Наряду съ этимъ его вниманіе привлекали, правда, и другія темы, и въ собраніи его сочиненій есть нѣсколько чисто лирическихъ и даже фантастическихъ очерковъ, своего рода стихотвореній въ прозѣ. Но не въ такихъ произведеніяхъ заключается главная сила г. Левицкаго. Его фантазіи,—какъ ни странно соединеніе этихъ словъ,—всегда нѣсколько шаблонны. Его лиризмъ страдаетъ нѣкоторой слащавостью и никогда не разростается до размѣровъ мощнаго чувства, способнаго заразить и увлечь читателя. Совершенно иное представляютъ собою другія, гораздо болѣе многочисленныя произведенія г. Левицкаго, въ которыхъ авторъ изображаетъ хорошо знакомый ему сельскій бытъ Малороссіи. Несложныя по замыслу, часто скудныя дѣйствіемъ, они тѣмъ не менѣе ярко обрисовываютъ различныя стороны этого быта. Въ рядѣ разсказовъ и повѣстей, нерѣдко проникнутыхъ мягкимъ юморомъ и всегда согрѣтыхъ чувствомъ сердечной симпатіи къ невиднымъ героямъ деревенской жизни, авторъ выводитъ крестьянъ, томившихся подъ тяжестью крѣпостного ига и бѣжавшихъ отъ него, сельскихъ работницъ, деревенскихъ священниковъ, волостныхъ писарей. Съ одинаковымъ вниманіемъ изображаетъ онъ и трагическіе моменты деревенской жизни, и мелкія, будничныя ея явленія, удѣляя послѣднимъ даже болѣе мѣста въ своихъ произведеніяхъ, чѣмъ первымъ. При этомъ г. Левицкій не чуждъ все же нѣкоторой наклонности къ сентиментализму. Въ его повѣстяхъ и разсказахъ нѣтъ того трезваго и послѣдовательнаго реализма, къ которому пріучила насъ русская литература за послѣднія сорокъ лѣтъ. Напротивъ, въ его изображеніи жестокость дѣйствительной жизни далеко не выступаетъ во всей своей неприглядной наготѣ и выводимыя имъ фигуры отдѣльныхъ личностей въ свою очередь не

лишены значительной доли идеализаціи. Слѣдуетъ только оговориться, что эта идеализація не переходитъ въ шаржъ, и читатель, менѣе благодушно настроенный, чѣмъ самъ авторъ, найдетъ въ произведеніяхъ г. Левицкаго правдивую и богатую содержаніемъ, хотя и написанную въ мягкихъ тонахъ, картину деревенской жизни того момента, когда въ деревню только что начали проникать новыя условія быта, сламывавшія старые патріархальные порядки. Нѣкоторая растянутость изложенія, свойственная г. Левицкому, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ выкупается обиліемъ бытовыхъ подробностей, содержащихся въ его разсказахъ, и тѣмъ бодрымъ и гуманнымъ настроеніемъ, которое проникаетъ эти разсказы. Въ изданные пока два тома „повѣстей и разсказовъ“ г. Левицкаго вошли не всѣ его произведенія, но всѣ лучшія изъ нихъ нашли себѣ здѣсь мѣсто. Къ изданію приложены два портрета автора.

Д. Шлоссъ. Формы заработной платы. Переводъ М. Е. Ландау. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1900 г.

Книга Д. Шлосса, русскій переводъ которой изданъ нынѣ г-жею Водовозовой, посвящена одному спеціальному вопросу въ той широкой области изученія, которая охватывается понятіемъ „рабочаго вопроса“. Шлоссъ посвящаетъ свою работу изслѣдованію собственно формы и способовъ оплаты промышленнаго труда. Написана эта книга очень просто, доступно и живо. Авторъ послѣдовательно разсматриваетъ всѣ современныя формы заработной платы, начиная съ повременной и сдѣльной платы и кончая участіемъ рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія и практикой промышленныхъ коопераций. Свои теоретическія соображенія авторъ постоянно поясняетъ примѣрами, взятыми изъ промышленной жизни современной Англіи. Разбирая ту или другую форму заработной платы, авторъ очень безпристрастно и обстоятельно выясняетъ ея достоинства и недостатки, ея выгодность или невыгодность, какъ съ точки зрѣнія интересовъ предпринимателя, такъ и съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ. Все это дѣлаетъ книгу Шлосса особенно цѣнной для всѣхъ лицъ, которымъ приходится практически соприкасаться съ данными вопросами. Но хотя книга и носитъ преимущественно фактическій и практическій характеръ, однако, она даетъ нѣкоторый матеріалъ и для общихъ, теоретическихъ выводовъ. Очень интересны главы о промышленной кооперации, ея успѣхахъ и неудачахъ. Какъ извѣстно, было время, когда кооперація считалась панацеей чуть ли не отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій; это чрезмѣрное увлеченіе кооперацией смѣнилось рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ ней; теперь наступилъ новый періодъ,—періодъ спокойнаго изслѣдованія и практической, дѣловой организаціи кооперативныхъ предпріятій. Из-

слѣдованіе современнаго положенія этихъ предпріятій не даетъ права сдѣлать рѣшительный выводъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Если кооперація и не осуществила тѣхъ преувеличенныхъ надеждъ, которыя когда-то на нее возлагались, то, во всякомъ случаѣ, факты не даютъ права утверждать, что она потерпѣла полное фіаско. „Въ какой мѣрѣ—говоритъ Д. Шлоссъ—основательны надежды, что развитіе промышленной коопераціи разсматриваемаго типа будутъ содѣйствовать разрѣшенію многочисленныхъ и трудныхъ вопросовъ, задѣвающихъ интересы труда,—это нелегко рѣшить. Во всякомъ случаѣ эксперименты, производимые въ этомъ направленіи, представляютъ высокій интересъ (363)“.

Въ общемъ, книга Д. Шлосса, благодаря своей обстоятельности, безпристрастности и доступности будетъ очень полезна для всѣхъ, интересующихся экономическими вопросами. Переводъ и изданіе отличаются обычными достоинствами, присущими изданіямъ М. И. Водовозовой.

М. Туганъ-Барановскій. **Промышленные кризисы. Очеркъ изъ соціальной исторіи Англіи. 2-е, совершенно переработанное изданіе. Спб. 1900. Изд. О. Н. Поповой.**

Настоящая работа является, дѣйствительно, „совершенно переработаннымъ“ изданіемъ книги, вышедшей подъ тѣмъ же заглавіемъ въ 1894 году. Въ предисловіи авторъ сообщаетъ, что „около двухъ третей книги написано вновь: изложеніе остальной части книги переработано и измѣнено. Многіе отдѣлы прежняго изданія удалены“. Особенно замѣтно „удаленіе“ всей второй части прежняго изданія, въ которой была изложена исторія теорій рынковъ и кризисовъ. Эта исторія, впрочемъ, была исполнена совсѣмъ неудовлетворительно: краткій, нѣсколько сбивчивый и не всегда точный анализъ теорій очень мало помогъ автору въ установленіи его точки зрѣнія, оставшейся далеко недоказанною. Въ новомъ, подлежащемъ нашему разбору изданіи имѣются также двѣ части: первая (1—175) посвящена „теоріи и исторіи кризисовъ“, причемъ теоретическому объясненію природы и причинъ кризисовъ посвящена здѣсь лишь первая (вступительная) глава да еще нѣкоторыя отдѣльныя мѣста; вторая же часть (стр. 179—330) занята изслѣдованіемъ „соціальнаго значенія кризисовъ“. Эта вторая часть—безспорно лучшая во всей книгѣ—должна быть признана весьма цѣннымъ изслѣдованіемъ. Въ рядѣ интересныхъ главъ авторъ развертываетъ здѣсь предъ читателемъ картину экономической и отчасти соціальной жизни Англіи съ начала нынѣшняго вѣка и до послѣдняго десятилѣтія включительно. Періодическія колебанія условій жизни рабочаго класса, какъ слѣдствіе соотвѣтствующихъ колебаній въ ходѣ англійской промышленности; возникшія на этой почвѣ своеобразныя движенія; чартизмъ и хлопковый

голодъ, безработица и ея новѣйшія формы—все это выпукло и ярко изображено въ книгѣ г. Туганъ-Барановскаго. Указанныя главы могутъ вообще служить полезнымъ пособіемъ для всякаго, желающаго познакомиться съ исторіею капиталистическаго строя въ этой наиболѣе капиталистической странѣ. Напрасно только г. Туганъ-Барановскій преувеличиваетъ значеніе этого своего очерка. Именно, онъ склоненъ видѣть въ немъ „индуктивное доказательство правильности“ „матеріалистическаго (точнѣе, экономическаго) пониманія исторіи“, согласно которому „опредѣляющая роль въ ходѣ историческаго развитія принадлежитъ эволюціи хозяйства“ (179). Здѣсь кроется очевидное недоразумѣніе. Никакими доказательствами вліянія промышленныхъ кризисовъ на явленія болѣзненности, смертности, голодовокъ, безработицы и даже рабочихъ движеній нельзя обосновать концепціи экономическаго матеріализма, которая стремится къ цѣли болѣе обширной: доказательству связи, и притомъ причинной связи, между экономическими отношеніями, съ одной стороны, и всѣми проявленіями правовой, политической, національной, эстетической, религіозной жизни и мысли—съ другой стороны. Такая задача оказывается лежащею совершенно внѣ области изслѣдованія г. Туганъ-Барановскаго.

Значительно ниже по своимъ научнымъ достоинствамъ стоитъ первая часть книги, посвященная фактическому и отчасти теоретическому анализу промышленныхъ кризисовъ. Обрисовавъ въ краткихъ чертахъ переходъ англійской промышленности отъ ручного способа производства къ машинному, постепенное расширеніе внѣшнихъ рынковъ, смѣнившееся за послѣднее время паденіемъ торговаго и промышленнаго первенства Англіи, авторъ вслѣдъ затѣмъ очертилъ промышленные и денежные кризисы 1825, 1836, 1839, 1847, 1856, 1864 и 1866 годовъ, а также періодическія колебанія англійской промышленности за послѣднія десятилѣтія. Все это сдѣлано въ общемъ недурно. Но здѣсь авторъ столкнулся съ вопросомъ о причинахъ этихъ кризисовъ, и колебаній. Какъ извѣстно, въ первомъ изданіи разбираемой книги было выставлено опредѣленное пониманіе и теоріи рынковъ, и теоріи кризисовъ. Это пониманіе сводилось къ безусловному отрицанію роли потребленія въ появленіи кризисовъ, къ утвержденію возможности развитія капиталистическаго хозяйства на средства исключительно внутренняго капиталистическаго рынка и къ указанію на анархію, неорганизованность, непропорціональность распредѣленія этого производства какъ на единственную причину кризисовъ. Съ тѣхъ поръ, особенно за послѣднее время, эта точка зрѣнія вызвала въ русской литературѣ обширную полемику, въ которой, однако, самъ г. Туганъ-Барановскій участія не принималъ (если не считать одной замѣтки нѣсколько личнаго характера по поводу книжки г. Булгакова).

И на этотъ разъ авторъ счелъ нужнымъ, отвѣтить на сдѣланныя ему возраженія. „Полемика о рынкахъ еще болѣе укрѣпила меня въ моихъ взглядахъ“ — лаконически замѣчаетъ онъ по этому поводу въ предисловіи ко 2-му изданію. Однако, стоитъ только вникнуть въ содержаніе 1-ой главы, озаглавленной „основныя причины кризисовъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ“, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ сущности во взглядахъ г. Туганъ-Барановскаго по этому вопросу образовалась изрядная брешь, къ удивленію, только оставшаяся незамѣченною, для самого автора. Въ этой очень живо и популярно написанной главѣ, повторено только что указанное объясненіе кризисовъ, въ доказательство котораго снова приведены схемы, предложенныя на этотъ разъ въ болѣе упрощенной и потому болѣе удобопонятной формѣ. Однако, мы въ этой же главѣ неожиданно наталкиваемся на слѣдующее разсужденіе. „Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что основной причиной кризисовъ является народная бѣдность, низкій уровень потребленія трудящихся классовъ“, внѣ котораго „пропорціональное распредѣленіе производства не представляло бы никакихъ затрудненій... Бѣдность народныхъ массъ—бѣдность не въ абсолютномъ, а въ относительномъ смыслѣ, въ смыслѣ незначительности доли рабочаго въ общемъ національномъ продуктѣ—есть необходимое условіе промышленныхъ кризисовъ“ (29—30). Изумленный читатель готовъ допустить предположеніе, что г. Туганъ-Барановскій включилъ въ свое объясненіе кризисовъ столь часто изгонявшійся имъ всегда элементъ потребленія. „Но (поправляется тотчасъ же авторъ)... нужно ясно понимать связь бѣдности съ кризисами... Мы видѣли, что производство само создаетъ для себя рынокъ,—потребленіе есть только одинъ изъ моментовъ капиталистическаго производства“ (30). Въ чемъ, однако, заключается отличіе „момента“ или „условія“ отъ „причины“, и почему именно потребленіе играетъ роль лишь „момента“, „условія“, а не „причины“ кризисовъ—остается секретомъ г. Туганъ-Барановскаго. Ясно, однако, одно: авторъ, котораго, по его собственному мнѣнію, полемика о рынкахъ лишь укрѣпила въ прежнихъ взглядахъ, вынужденъ былъ на этотъ разъ признать всегда отрицавшуюся имъ роль потребленія въ возникновеніи кризисовъ, хотя онъ и не нашелъ связи между этою ролью и ролью другого фактора, дѣйствующаго въ томъ же направленіи: отсутствія пропорціональности распредѣленія.

Но это не единственный теоретическій дефектъ даннаго изслѣдованія. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ промышленные кризисы могутъ быть сведены къ одной конечной причинѣ. Но съ другой стороны, въ каждомъ данномъ случаѣ, при каждомъ отдѣльномъ кризисѣ дѣйствуютъ особыя, мѣстныя причины, и историку отдѣльныхъ кризисовъ необходимо установить и изучить комбинацію, связь тѣхъ конечныхъ и мѣстныхъ условій, совокуп-

ность которыхъ и привела къ данному краху. Сдѣлалъ ли это г. Туганъ-Барановскій по отношенію къ изслѣдованнымъ имъ англійскимъ кризисамъ? Нисколько. Онъ установилъ, что кризисы 1825 и 1837 гг. были вызваны преимущественно быстрымъ расширеніемъ вывоза (88), что непосредственная причина кризиса 1847 года заключалась въ неурожаяхъ (105), что кризисъ 1857 г. имѣлъ міровой характеръ, явившись слѣдствіемъ и отраженіемъ экономическаго потрясенія въ Америкѣ (114),—но во всемъ этомъ нѣтъ и попытки указаннаго нами анализа, попытки связать всѣ только что приведенные частные поводы къ кризисамъ съ тою конечною причиною, къ которой въ послѣднемъ счетѣ авторъ сводитъ промышленные крахи. Въ результатѣ оказалось, что исторія промышленныхъ кризисовъ въ изслѣдованіи г. Туганъ-Барановскаго не связана внутреннимъ образомъ съ теоретическою частью; теорія здѣсь существуетъ сама по себѣ, исторія сама по себѣ. Далѣе, не совсѣмъ удовлетворительны и объясненія нашего автора по поводу факта періодической смѣны кризисовъ. На извѣстной ступени хозяйственнаго развитія, разсуждаетъ онъ, накопляется извѣстная сумма денежнаго капитала, ищущаго помѣщенія; непрерывный ростъ этого денежнаго капитала не можетъ сопровождаться столь же непрерывнымъ расширеніемъ производства. Капиталъ стремится преодолѣть препятствія и преодолѣваетъ ихъ. Наступаетъ эпоха промышленнаго оживленія. Мало-по-малу промышленность поглощаетъ накопившійся капиталъ, при томъ же наступившія, въ результатѣ оживленія, высокія товарныя цѣны и высокіе барыши ведутъ къ расширенію кредита и спекуляціи. Въ результатѣ — крахъ промышленности или ея застой. Конечно, это описаніе вѣрно. Но это именно только описаніе, изображеніе только внѣшней физіономіи кризисовъ, но ничуть не объясненіе ихъ. Для объясненія слѣдовало бы отвѣтить на вопросы: почему же промышленность не можетъ идти въ уровень съ накопленіемъ капитала? почему въ извѣстный моментъ промышленность перерастаетъ сумму накопившагося капитала? и т. д. Впрочемъ, сюда же г. Туганъ-Барановскій примѣшалъ особую роль основного капитала. Размѣръ основного капитала страны испытываетъ періодическія измѣненія въ полномъ соотвѣтствіи съ колебаніями самой промышленности. Существуетъ статистически доказываемый фактъ усиленнаго созданія основного капитала въ годы промышленнаго оживленія и, наоборотъ, пріостановки расширенія основного капитала въ годы застоя (158 — 60). Снова картина: „Въ эпохи подъема создается новый основной капиталъ страны... Производство средствъ производства получаетъ усиленное развитіе... Но вотъ расширеніе основного капитала закончено, — фабрики построены, желѣзныя дороги проведены. Спросъ на всѣ машины, изъ которыхъ строится основной капиталъ, сокращается. Распредѣленіе производства ста-

новится непропорціональнымъ... Перепроизводство средствъ производства дѣлается неизбѣжнымъ. Въ силу зависимости всѣхъ отраслей промышленности другъ отъ друга частичное перепроизводство становится общимъ—цѣны всѣхъ товаровъ падаютъ,—и наступаетъ общій застой" (172). Опять-таки вполнѣ вѣрная картина, ровно ничего не объясняющая. Утверждаемое авторомъ значеніе основного капитала ни чѣмъ не доказано. „Расширеніе основного капитала закончено, фабрики построены, желѣзныя дороги проведены"... Но вѣдь постройка фабрикъ, проведеніе дорогъ и вообще расширеніе основного капитала не имѣетъ границъ при наличности достаточнаго сбыта продуктовъ промышленности; слѣдовательно, не задержка въ расширеніи основного капитала страны создаетъ пріостановку промышленности, а наоборотъ. Но почему промышленность періодически пріостанавливается? Вопросъ остается вопросомъ и послѣ изслѣдованія г. Туганъ-Барановскаго. Столь же неудовлетворительны и объясненія нашего автора касательно измѣненія за послѣднее время физіономіи промышленныхъ кризисовъ, потерявшихъ прежнюю острую форму и пріобрѣвшихъ затяжной характеръ. Авторъ приводитъ по этому поводу нѣсколько соображеній. Улучшеніе способовъ и средствъ сношенія дѣлаетъ излишнимъ храненіе большихъ товарныхъ запасовъ; отсюда—уменьшеніе роли торговаго капитала, а, слѣдовательно, и спекуляціи. Далѣе, въ современной промышленности увеличилась роль средствъ производства, а извѣстно, что торговля предметами потребленія носитъ наиболѣе спекулятивный характеръ. Наконецъ, съ утратою Англіею промышленнаго первенства, ея промышленные подъемы стали носить менѣе рѣзкій характеръ, менѣе рѣзкими стали также моменты реакціи, застоя (152—5). Противъ этого нельзя спорить, но напрасно г. Туганъ-Барановскій не указалъ здѣсь на роль растущей организованности производства, сдерживающей бѣшеную промышленную горячку прошлыхъ эпохъ. Этотъ въ высокой степени важрый вопросъ почти не затронутъ нашимъ авторомъ. Мало и плохо обрисована также у г. Туганъ-Барановскаго роль рынка въ его отношеніи къ кризисамъ. По поводу, напр., важнаго вопроса о роли внѣшняго рынка онъ повторяетъ давно высказанную имъ, но никогда не доказанную мысль о необходимости для Англіи внѣшняго рынка (въ смыслѣ внѣшней торговли) въ виду необходимости для этой страны ввоза земледѣльческихъ и иныхъ продуктовъ. Ввозъ долженъ быть оплаченъ, отсюда потребность вывоза продуктовъ, потребность во внѣшнемъ рынкѣ (31). Необоснованность этого положенія бросается въ глаза. Можно ровно съ такимъ же успѣхомъ объяснять вывозъ ввозомъ, какъ и наоборотъ—ввозъ вывозомъ. Г. Туганъ-Барановскій самъ признаетъ, что „каждая отрасль промышленности стремится возможно расширить область своего сбыта. Если условія международной кон-

курренціи допускаютъ это, то промышленность быстро переливается за предѣлы данной страны и начинаетъ работать на внѣшній рынокъ“ (31); далѣе тотъ же авторъ признаетъ, что производство предметовъ роскоши необходимо предполагаетъ сбытъ за границу (32); безъ сомнѣнія въ такомъ же положеніи находятся многія другія отрасли промышленности. Не вправѣ ли мы, поэтому, утверждать, что страны вывозятъ по внутреннимъ условіямъ капиталистическаго производства; но вывозъ необходимо оплатить—отсюда потребность ввоза. Или, быть можетъ, ввозъ и вывозъ являются двумя параллельными, другъ отъ друга независящими явленіями, изъ которыхъ каждое объясняется своими особыми причинами: вывозъ — внутреннею потребностью капиталистическаго производства, ввозъ—международнымъ раздѣленіемъ труда и промышленности?.. Если, дѣйствительно, тутъ имѣетъ мѣсто параллелизмъ, то исчезаютъ всякіе вопросы; если же между явленіями ввоза и вывоза существуетъ причинная связь, то необходимо проанализировать, гдѣ здѣсь причина, гдѣ слѣдствіе? Г. Туганъ-Барановскій такого анализа не произвелъ.

Вообще разобранное изслѣдованіе, хотя оно и освободилось во 2-мъ изданіи отъ наиболѣе слабой своей части—теоретической, все же страдаетъ и въ новомъ видѣ серьезными внутренними противорѣчіями и недомолвками. Но, какъ мы уже сказали, цѣнною является въ этой работѣ вторая—фактическая часть, по которой читатель можетъ познакомиться съ важной и интересной страничкой экономической и соціальной исторіи Англіи. Этого одного достаточно для того, чтобы рекомендовать трудъ г. Туганъ-Барановскаго вниманію русскихъ читателей.

Луидже Коссе, профессоръ Павійскаго университета. Исторія экономическихъ ученій. Переводъ Н. С. Кіевъ-Харьковъ. 1900 (южно-русское книгоиздательство).

Луиджи Косса (скончавшійся въ 1896 году) одинъ изъ крупныхъ итальянскихъ экономистовъ. На русскій языкъ уже переведена его книга „Primi elementi di economia, politica“ („Первые элементы политической экономіи“, Харьковъ, 1886), а теперь передъ нами переводъ другого сочиненія Косса. Это сочиненіе появилось въ Миланѣ въ 1876 году подъ заглавіемъ „Guida allo studio dell'economia politica, выдержала два итальянскихъ изданія, нѣсколько переводовъ на различные иностранные языки, въ 1890 году была издана въ 3-ій разъ, подъ измѣненнымъ заглавіемъ „Introduzione allo studio dell'economia politica“, въ этомъ видѣ было переведено на французскій языкъ, подъ заглавіемъ „Histoire des doctrines économiques, Paris 1899“ и съ этого французскаго изданія, очевидно, переведено на русскій языкъ (хотя переводчикъ не счелъ нужнымъ ничего объ этомъ сообщить).

Собственно исторіи экономическихъ ученій посвящена лишь вторая, правда большая, часть книги. Первая же часть, занимающая свыше 100 страницъ, содержитъ нѣсколько главъ методологическаго содержанія, въ которыхъ итальянскій экономистъ изслѣдуетъ содержаніе и объемъ политической экономіи, ея опредѣленіе и методъ, отношеніе къ другимъ наукамъ, ея значеніе. Всѣ эти главки могутъ быть прочтены съ пользою начинающимъ хотя ничего новаго, оригинальнаго и ничего особенно цѣльнаго и стройнаго здѣсь найти нельзя. Совершенно правильно Косса подчеркиваетъ *соціальный* характеръ экономической науки, полагая, что „политическая экономія имѣетъ своимъ предметомъ не богатство, т. е. не совокупность матеріальныхъ или мѣновыхъ цѣнностей, но человѣческую дѣятельность, изучаемую ею съ точки зрѣнія общаго интереса“ (8). На той же страницѣ онъ опредѣляетъ свою науку какъ „теорію соціальнаго порядка богатствъ“: „этотъ порядокъ называется соціальнымъ, потому что онъ касается отношеній, существующихъ между людьми, живущими въ гражданскомъ обществѣ“ (ibid). Тѣмъ не менѣе краткаго, точнаго и вполнѣ пригоднаго опредѣленія политической экономіи Косса не далъ. По другому важному вопросу: о методѣ политической экономіи Косса старается лавировать и примирять крайности, что вообще свойственно его воззрѣніямъ, представляющимъ нѣчто среднее между ученіями англійскихъ классиковъ и направленіемъ исторической школы. Представители классической школы, и притомъ не только Смитъ, но и Рикардо, и Мальтусъ, пользовались, по мнѣнію Косса, индукціей наравнѣ съ дедукціей (66). Методологическія же заслуги исторической школы онъ цѣнитъ невысоко. На историческую школу вообще авторъ держится правильнаго взгляда, справедливо воздавая должное ея заслугамъ въ области исторіи хозяйственнаго быта, но столь же справедливо полагая, что „школа не сдѣлала никакого полезнаго нововведенія въ основные принципы соціальной экономіи“, что представители ея „не внесли никакого существеннаго измѣненія въ теоретическіе принципы, установленные раньше“ (84,85). Съ своей стороны Косса считаетъ невозможнымъ открытіе чисто индуктивнымъ путемъ научныхъ законовъ обращенія и распредѣленія богатствъ (77), и, наоборотъ, по его мнѣнію преимущественно индуктивнымъ путемъ необходимо пользоваться „при изложеніи теоріи—по большей части описательной—производства и потребленія и нѣкоторыхъ частей теоріи населенія“ (79). Достаточныхъ мотивовъ для такого принципіальнаго расчлененія отдѣльныхъ частей экономической теоріи авторъ не приводитъ. Нетрудно видѣть, однако, что выставляемое имъ положеніе и по существу неправильно. Вопросъ, напримѣръ, о цѣнности не можетъ быть вовсе удаленъ изъ отдѣла производства, а между тѣмъ при анализѣ этого вопроса дедукція является едва-ли не наиболѣе цѣнною. Сомнитель-

но также, чтобы принципы распредѣленія могли быть построены съ помощью одной индукціи.—Исторіи политической экономіи удѣлена значительная часть книги (стр. 107—468), тѣмъ не менѣе трудно назвать этотъ историческій очеркъ ученій удовлетворительнымъ. Относя начало политической экономіи, какъ опредѣленной науки, къ ученіямъ Кене и Смита, авторъ, однако, считаетъ не лишенной значенія „фрагментарную эпоху“ экономической науки, когда многія важныя истины ея были передаваемы въ отрывочной формѣ въ сочиненіяхъ по прикладной философіи, праву и теологіи. Косса и начинаетъ изложеніе съ древнихъ и среднихъ вѣковъ, останавливаясь на отдѣльныхъ школахъ, писателяхъ и даже на монографіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Излюбленнымъ его пріемомъ является распредѣленіе матеріала по отдѣльнымъ странамъ и національностямъ. Такимъ образомъ, получаются очерки экономическихъ ученій въ Англіи, Франціи, Германіи, Австріи, Нидерландахъ, Испаніи, Португаліи, Норвегіи, Швеціи, Финляндіи, Богеміи, Польшѣ, Россіи, Соединенныхъ Штатахъ и Италіи. Здѣсь сказалось обширное знакомство итальянскаго экономиста съ литературою на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но, къ сожалѣнію, гоняясь за этнографическою, такъ сказать, полнотою, совершенно неумѣстною въ элементарномъ курсѣ, Косса превратилъ свой историческій очеркъ на три четверти въ сплошной библіографическій указатель, пригодный для справокъ, но не для изученія. Притомъ же этотъ библіографическій указатель далеко неполонъ, и до чего существенны пробѣлы, читатель легко можетъ убѣдиться, прочитавъ поверхностное изложеніе развитія экономической науки въ Россіи (392—7). Послѣдняя глава (XVI-ая) знакомитъ съ „современнымъ теоретическимъ соціализмомъ“, за которымъ Косса рѣшительно отрицаетъ характеръ экономической системы. Эта глава, по своей поверхностности, не даетъ, впрочемъ, ровно ничего читателю...

Переводъ исполненъ въ общемъ сносно, хотя довольно часто попадаются неправильности, неточности и неуклюжіе періоды вродѣ слѣдующаго: „Другое дѣленіе, которымъ нѣкоторые экономисты, по большей части нѣмецкіе, замѣняютъ дѣленіе, указанное выше, тогда какъ другіе, напротивъ, разсматриваютъ его, какъ зависящее отъ перваго, а третьи, наконецъ (какъ Гельдъ, Клейневехтеръ), смѣшиваютъ ихъ совершенно, покоится на различіи“ и т. д. (13); На стр. 38 мы встрѣчаемъ „науки *священныя* и свѣтскія“; нерѣдки далѣе такія фразы: „соціальная экономія уже *на пути сдѣлаться* наукою психическою“ (47); „но какъ мы еще далеки и *какъ на долго* отъ этого событія“ (49); „но ей (исторической школѣ) не удалось *достичь до философіи экономической* исторіи“ (84) и т. д., и т. д. Извѣстный французско-русскій экономистъ Шторхъ въ одномъ мѣстѣ названъ Сторшемъ, а самъ Косса на обложкѣ почему-то превращенъ въ Косс*е*.

І. Давыдовъ. Что же такое экономическій матеріализмъ? Критико-методологическій очеркъ. Харьковъ. 1900. Изданіе В. Н. Головкина.

Да, что же такое экономическій матеріализмъ?—этотъ вопросъ невольно задается теперь всѣми, желающими оріентироваться въ спорной историко-философской доктринѣ, получившей, какъ извѣстно, въ послѣднее время весьма неопредѣленную, расплывчатую форму. Старая, столь же ясная, сколь и односторонняя форма этого ученія, сводившаяся къ мысли объ опредѣляющемъ значеніи экономическаго фактора въ процессѣ исторической жизни, теперь уступила мѣсто цѣлому ряду другихъ толкованій теоріи экономическаго матеріализма. Одно изъ такихъ толкованій предлагаетъ и г. Давывовъ. Его брошюра заканчивается слѣдующими любопытными словами: „Будемъ же откровенны и скажемъ прямо: въ пылу спора, въ моментъ горячей борьбы съ противниками..., въ этотъ инкубаціонный періодъ выработки и развитія нашего направленія мы иногда говорили то, что далеко не оправдывается характеромъ и сущностью самой доктрины. Многое понимали мы *формально, механически*... Теперь миновалъ этотъ періодъ status nascendi! Съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и значенія, отбрасывая въ сторону всякое ложное самолюбіе, мы можемъ прямо заявить, что мы грѣшили кое-какими крайностями. Что за бѣда!“... (98). Такая откровенность дѣлаетъ только честь автору, и въ необходимости дѣлать подобныя признанія, конечно, особой „бѣды“ нѣтъ. Авторъ не избѣжалъ только, къ сожалѣнію, „бѣды“ въ другомъ отношеніи: его собственное пониманіе доктринъ историческаго матеріализма, какъ и его міровоззрѣніе вообще, поскольку оно отразилось въ брошюрѣ, очевидно, все еще находится въ „періодѣ status nascendi“ и поэтому страдаетъ серьезными внутренними противорѣчіями. Г. Давыдовъ считаетъ себя сторонникомъ „монистической“ точки зрѣнія въ философіи и соціологіи. Монизмъ же, по его мнѣнію, „требуетъ *единства* духа и матеріи, единства *матеріальной* и *духовной стороны* историческаго процесса; онъ требуетъ, чтобы *цѣлостный фактъ* мы и мыслили какъ таковой, а не расчленяли его на части; чтобы абстрагированіе извѣстныхъ чертъ отъ явленій абстракціи не превращалось для насъ въ нѣчто реально существующее“ (стр. 11, 81 и др.). Какъ же примирить эту дѣйствительно монистическую точку зрѣнія съ теоріею экономическаго матеріализма, несомнѣнно всегда разсѣкавшею на части „цѣлостный фактъ“ историческаго процесса для признанія опредѣляющей роли экономическаго фактора. Впрочемъ, г. Давыдовъ настаиваетъ на томъ, что разбираемая имъ теорія никогда серьезно не стремилась ни къ чему подобному. Въ доказательство своего утвержденія онъ приводитъ... три цитаты: одну изъ 1-го тома „Капитала“, одну изъ брошюры „Der 18-te Brumaire“

и одну изъ введенія къ „Zur Kritik“, гдѣ всюду говорится не о причинной зависимости, а лишь о *соотвѣтствіи* между экономическимъ бытомъ, съ одной стороны, и всѣми прочими сторонами соціальной жизни—съ другой (стр. 5, 6, 29). Такое установленіе *соотвѣтствія* между различными проявленіями одного и того же процесса—конечно, вполнѣ совмѣстимо съ монистическимъ міровоззрѣніемъ, вполнѣ даже вытекаетъ изъ такого міровоззрѣнія. Г. Давыдовъ, однако, упускаетъ изъ виду, что приведенному имъ весьма скромному литературному матеріалу можно противопоставить десятки цитатъ совершенно противоположнаго свойства изъ трудовъ Маркса и его послѣдователей. Мало того, въ томъ самомъ введеніи къ „Zur Kritik“, въ которомъ несомнѣнно дано résumé теоріи историческаго матеріализма, и изъ котораго г. Давыдовъ почему-то привелъ лишь небольшую относящуюся сюда часть, содержатся слѣдующія слова: „Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный *базисъ* (курс. нашъ, какъ и ниже), на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которымъ *соотвѣтствуютъ* опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни *обусловливаетъ* собою вообще процессъ жизни соціальной, духовной, юридической. Не сознаніе людей *опредѣляетъ* ихъ бытіе, а наоборотъ, общественное бытіе *опредѣляетъ* ихъ сознаніе“ (Zur Kritik, 1897, XI). Итакъ, въ одномъ и томъ же отрывкѣ, не говоря уже о различныхъ мѣстахъ въ различныхъ сочиненіяхъ, Марксъ говоритъ то о соотвѣтствіи между разными сторонами общественно-исторической жизни, то объ опредѣляющемъ и обусловливающемъ значеніи экономическихъ отношеній. Въ настоящее время не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ произведеніяхъ основателей теоріи экономическаго матеріализма существовали по этому поводу довольно спутанныя и противорѣчивыя указанія. Г. Давыдовъ не выбрался изъ этихъ противорѣчій. Въ чемъ онъ видитъ содержаніе исповѣдуемой имъ теоріи? Прежде всего, какъ мы уже показали, онъ настаиваетъ на *соотвѣтствіи* между экономическою и прочими сторонами общественной жизни. Какъ бы въ согласіи съ этимъ г. Давыдовъ нѣсколько разъ говоритъ объ *„условномъ, методологическомъ“* значеніи теоріи экономическаго матеріализма (35, 40, 48, 49). Однако, наряду съ этимъ авторъ выражаетъ свое согласіе съ г. Бельтовымъ, признающимъ *„первичной причиной* (курсивъ автора) *степень развитія производительныхъ силъ“* (32). Но вѣдь внѣшнимъ выраженіемъ данной степени развитія производительныхъ силъ являются существующія экономическія отношенія; слѣдовательно, соглашаясь съ г. Бельтовымъ, нашъ авторъ въ сущности присваиваетъ роль „первичной причины“ экономическому фактору. Но этого мало. Въ одномъ мѣстѣ г. Давыдовъ неожиданно заявляетъ: „Но развѣ самый ростъ производительныхъ силъ

не является результатомъ растущаго несоотвѣтствія между потребностями общественнаго человѣка и возможностью удовлетворять ихъ? А развѣ въ этомъ несоотвѣтствіи не играетъ опредѣляющей роли увеличеніе населенія" (56). Совершенно вѣрно. Но къ чему же тогда признавать „первичною причиною" ростъ производительныхъ силъ, а не ростъ населенія? Можно пойти дальше и спросить: почему же авторъ останавливается на ростѣ населенія и не углубляется дальше въ анализъ обусловливающихъ это явленіе факторовъ?.. Не ясно ли, что въ міровоззрѣніи г. Давыдова существуетъ изрядная путаница, мало пригодная для новаторской роли этого автора, и что вопросъ о томъ, „что же такое экономическій матеріализмъ?" такъ и остался неразрѣшеннымъ въ разобранной брошюрѣ. Достоинствомъ послѣдней служитъ хорошій языкъ, благодаря которому брошюра читается съ интересомъ.

Н. И. Зиберъ. Собраніе сочиненій. Томъ I. Вопросы землевладѣнія и промышленности. Спб. 1900 (Изд. Спб. Акціон. Общ. печ. дѣла «Издатель»).

Появленіе перваго тома сочиненій Н. И. Зибера можно только привѣтствовать. Не смотря на непродолжительность своей жизни (1844—1888), покойный Зиберъ долженъ быть отнесенъ къ числу выдающихся русскихъ экономистовъ, оставившихъ слѣдъ въ исторіи развитія нашей экономической мысли. Какъ теоретикъ, Зиберъ явился у насъ однимъ изъ первыхъ популяризаторовъ и толкователей системы Маркса. Его работы въ этомъ направленіи, вызвавшія похвалы самого Маркса и далеко еще не использованныя надлежащимъ образомъ послѣдующею экономическою литературою даже русскою,—не говоря уже о наукѣ европейской, для которой труды Зибера совершенно пропали,—эти работы особенно замѣчательны по основной мысли, ихъ проникающей: установленію связующей нити между ученіями англійской классической школы и системою Маркса, какъ непосредственнымъ ихъ продолженіемъ. Въ настоящій моментъ противъ этой мысли почти не спорятъ, но въ свое время Зиберу потребовалось много труда и таланта для ея обоснованія. Съ другой стороны, Зиберъ много сдѣлалъ по выясненію исторіи экономическаго быта, особенно первобытныхъ временъ. Въ частности, излюбленною его мыслью въ этой области было доказательство универсальности общинныхъ формъ, пережитыхъ разными народами въ опредѣленныя эпохи ихъ существованія. И тамъ, и здѣсь, какъ теоретикъ и какъ историкъ, Зиберъ выступалъ во всеоружіи громадной эрудиціи; и тамъ, и здѣсь, какъ послѣдователь Маркса и какъ бытописатель общинныхъ формъ и другихъ сторонъ экономическаго быта, Зиберъ ставилъ вопросы и приходилъ къ выводамъ, имѣвшимъ помимо своего научнаго интереса—глубокое публицистическое зна-

ченіе. Историкъ русской научной и общественной мысли не пройдетъ мимо Зибера, являющагося во многихъ отношеніяхъ крупною фигурою.

Настоящій первый томъ собранія сочиненій заключаетъ въ себѣ рядъ статей, посвященныхъ „вопросамъ землевладѣнія и промышленности". Здѣсь собраны статьи, относящіяся къ тому періоду времени, когда Зиберъ, поселившись въ Швейцаріи, велъ энергическую литературную дѣятельность на страницахъ русскихъ журналовъ. Вопросами землевладѣнія заняты статьи о коллективномъ характерѣ первоначальной собственности, объ общинномъ владѣніи въ Нидерландской Индіи, въ средневѣковомъ Эльзасѣ и въ Швейцаріи, о состояніи землевладѣнія и земледѣлія въ Англіи и Ирландіи, Бельгіи и Голландіи, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и т. д. Вопросами промышленности заняты статьи „Къ вопросу о развитіи крупнаго хозяйства", „Къ исторіи фабричнаго законодательства въ Швейцаріи", „Къ исторіи фабричнаго законодательства въ Великобританіи", „Берлинскіе грюндеры" и еще одна статья полемическаго характера, направленная противъ одной книги Леруа-Болье. Степень интереса, представляемаго этими статьями, различна. Болѣе текущій и, такъ сказать, частичный интересъ представляютъ статьи, занятыя вопросами индустріи. Напротивъ, изъ статей, занятыхъ разработкою аграрнаго вопроса, большая часть, выступая за предѣлы чисто-историческаго интереса, и теперь еще можетъ быть прочтена съ большою пользою. Статьи эти любопытны для насъ и въ другомъ отношеніи: онѣ проливаютъ свѣтъ на характеръ отношенія къ аграрному вопросу одного изъ выдающихся старыхъ русскихъ марксистовъ. Отношеніе это весьма характерно и сквозитъ во многихъ мѣстахъ строго историческихъ изслѣдованій. „Поглощеніе и вытѣсненіе крупнымъ земледѣліемъ и фабричной индустріей мелкаго земледѣлія и ремесленной промышленности представляетъ одно изъ самыхъ рѣзкихъ общественныхъ экономическихъ явленій настоящаго" (430)—справедливо замѣчалъ Зиберъ по отношенію къ переживавшейся имъ эпохѣ. На основаніи этихъ впечатлѣній настоящаго онъ пускался, однако, въ нѣкоторыя обобщенія и предсказанія, ошибочность которыхъ въ настоящее время не можетъ подлежать сомнѣнію. Такъ, отмѣтивъ съ большимъ сочувствіемъ выводъ автора отчета англійской земледѣльческой коммиссіи 1879 года о сравнительно ничтожной роли крестьянской собственности въ Бельгіи и Голландіи, этихъ, по ходячему мнѣнію, типическихъ центрахъ цвѣтущаго крестьянства,—Зиберъ прибавляетъ отъ себя: „Мелкая крестьянская собственность уже отживаетъ свое существованіе вмѣстѣ съ своимъ основаніемъ, мелкимъ хозяйствомъ" (366). „Мелкое хозяйство, подобно мелкому ремеслу, должно быть сочтено достояніемъ исторіи" (429),—прибавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Въ другой разъ, приведя цифры

возрастанія долговъ и уменьшенія средней продажной цѣнности крестьянскихъ имѣній въ Австріи за шестилѣтіе 1873—1878 гг., Зиберъ восклицаетъ: „Если эти цифры не достаточно доказываютъ, что пѣсенка австрійскаго крестьянскаго землевладѣнія уже почти доведена до конца, то что же иное могутъ онѣ доказывать?“ (436). Наконецъ, въ одномъ случаѣ Зиберъ съ рѣшительностью объявляетъ, что „отношеніе крупнаго земледѣлія къ мелкому есть совершенно такое же и ведущее къ тѣмъ же результатамъ, какъ и отношеніе крупной промышленности къ ремеслу“ (465). Нужно ли говорить о томъ, что всѣ эти обобщенія и смѣлыя предсказанія Зибера далеко не оправдались и что неправильность ихъ по отношенію къ настоящему времени нынѣ признается многими изслѣдователями того же направленія, къ которому принадлежалъ самъ Зиберъ. Облекая факты и фигуры въ современную терминологію, необходимо признать, что передъ нами типичный „ортодоксальный“ марксистъ.

Издателямъ настоящаго перваго тома собранія сочиненій Зибера нельзя не сдѣлать нѣсколькихъ упрековъ. Прежде всего, далеко не лишнимъ было бы помѣщеніе при сочиненіяхъ портрета автора и хотя бы краткихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ. Далѣе не мѣшало бы сообщить читателямъ программу изданія. Въ какомъ порядкѣ будутъ изданы труды Зибера? Почему для перваго тома избраны именно эти, а не другія статьи? Въ сколькихъ томахъ появится все научное наше наслѣдіе отъ Зибера? При помѣщеніи отдѣльныхъ статей не мѣшало бы дѣлать указанія на то, къ какому году относится та или иная статья, гдѣ она была первоначально помѣщена и т. д. Будемъ надѣяться, что пробѣлы и недостатки, подобные указаннымъ, будутъ исправлены при изданіи дальнѣйшихъ томовъ, которыхъ можно только ожидать съ большимъ нетерпѣніемъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Французскіе поэты. Изд. подъ ред. Н. Новича. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Въ духотѣ. Эскизы и очерки. ***М. Д. Рывкина.*** Спб. 1900. Ц. 80 к.

Н. Ломакинъ. Легкіе разсказы. М. 1900. Ц. 60 к.

А. Е. Заринъ. Мужья и жены. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

С. А. Шмидтъ. Картинки желѣзнодорожной жизни. Орелъ. 1900. Ц. 1 р.

I. М. Левитъ. Дебора. Поэма. Кишиневъ. 1900. Ц. 20 к.-

I. М. Левитъ. Деньги, деньги—въ нихъ вся суть. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Бендеры. 1900. Ц. 40 к.

Октавъ Мирбо. Дурные пастыри. Драма въ 5 дѣйств. Харьковъ. 1900. Ц. 50 к.

Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1900: 1) Разсказы Киплинга. Изд

2-ое. Ц. 50 к. 2) Бѣлое золото. Повѣсть. ***Д. Н. Мамина-Сибиряка***. Изд. 2-ое. Ц. 50 к. 3) Въ родныхъ углахъ. Очерки и разсказы ***П. А. Левицкаго***. Ц. 30 к. 4) Маленькая королева. Повѣсть ***Ам. Гутчинсонъ Стирлингъ***. Ц. 30 к. 5) А. В. Суворовъ. Очеркъ ***А. Н. Овсянникова***. Ц. 5 к. 6) Сказки природы. Изъ жизни растеній. ***В. М. Сысоева***. Ц. 10 к. 7) Сказки природы. Силы стихійныя. ***В. М. Сысоева***. Ц. 7 к. 8) Мирный завоеватель. Іоганнъ Гуттенбергъ. ***Н. А. Соловьева-Несмѣлова***. Ц. 40 к. 9) Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Составила ***Е. Н. Тихомірова***. Ц. 25 к.

И. Н. Смѣльницкій. А. С. Пушкинъ, какъ воспитатель русскаго общества. Воронежъ. 1899.

И. Н. Смѣльницкій. Къ вопросу объ эпосѣ сербскомъ и болгарскомъ. Воронежъ. 1899.

И. П. П—скій. Трагедія чувства. Критич. этюдъ. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Л. З. Яхнинъ. Сила воли или искусство владѣть собою. Варшава 1900. Ц. 70 к.

К. Абрамовъ. Даръ слова. Искусство излагать свои мысли. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Словарь русскихъ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выраженій. ***К. Абрамова***. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Воспоминанія кн. ***Г. Г. Гагарина*** о К. К. Брюлловѣ. Спб. 1900.

П. А. Бадмаевъ. Россія и Китай. Спб. 1900.

Кн. Э. Ухтомскій. Къ событіямъ въ Китаѣ. Спб. 1900.

И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Перев. В. Щербы. Москва. 1900. Ц. 1 р.

П. Вейзенгрюнъ. Конецъ марксизма. Спб. 1900. Ц. 40 к.

Эмиль Фагэ. Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка. Москва. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Реформа ипотечнаго кредита въ Германіи. Спб. 1900. Ц. 1 р.

И. Ѳ. Горностаевъ. Дѣти рабочихъ и городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. 1900. Ц. 35 к.

Н. А. Аристовъ. Англо-Индійскій «Кавказъ». Спб. 1900.

Крыша міра. Описаніе центральной Азіи. Составила ***Д. Котляръ***. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 80 к.

Проф. А. В. Пель. Физіолого-химическія основы теоріи спермина. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣкарственныя растенія. Составилъ ***В. Н. Спасскій***. Москва. 1900. Ц. 20 к.

Н. В. Ельмановъ. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ. Москва. 1900. Ц. 10 к.

Н. И. Тезяковъ. Объ участіи губ. земствъ въ борьбѣ съ эпидеміями. Спб. 1900.

Изданія министерства землед. и госуд. имущ. 1900 г.: 1) Новый способъ борьбы съ хлѣбнымъ жукомъ. ***Я. Ѳ. Шрейнера***; 2) Люцеровная или льняная совка и др. вредители льна на Сѣв. Кавказѣ. ***И. М. Красильщика***. Ц. 10 к.; 3) О борьбѣ съ кобылками въ Иркутской губ. ***А. И. Погибки***; 4) Отчетъ о командировкѣ въ Самарскую губ. для организаціи борьбы съ сусликомъ. ***Г. С. Кулеша***. Ц. 10 к.; 5) О мохнатой бронзовкѣ въ Южной Россіи. ***Я. Шрейнера***. Ц. 5 к.

Казенная продажа вина. Изд. Главн. упр. неокл. сборовъ и продажи питей. Спб. 1900.

Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имущ. за шестой годъ его существованія. Спб. 1900.

Эволюція политическихъ партій во Франціи.

Идейное движеніе послѣднихъ лѣтъ настолько перетасовало существовавшія политическія партіи, вызвало къ жизни столь новое распредѣленіе враговъ и союзниковъ—и, говоря вообще, въ такой степени усложнило борьбу партій, что я чувствую потребность изучить основныя теченія этого мятущагося политическаго моря, въ которомъ волны прогресса поминутно перекрещиваются съ волнами реакціи, то вызывая приливъ демократическихъ стремленій, то идя на убыль, то снова съ удвоенною силою бросаясь на приступъ вѣковыхъ громадъ. Можно смѣло сказать, воскресни кто нибудь изъ политическихъ дѣятелей, умершихъ всего пять лѣтъ тому назадъ, и явись среди шума и сутолки борющихся партій, онъ былъ бы крайне затрудненъ, къ какой группѣ пристать, если бы сталъ присматриваться къ знаменамъ, за которыми идутъ сражающіеся, и къ самимъ знаменоносцамъ.

Дрюмонъ и Рошфоръ, обнимающіеся на банкетѣ клерикаловъ и милитаристовъ; Вальдекъ-Руссо и Миллльранъ, работающіе вмѣстѣ въ кабинетѣ „республиканской защиты"; Гэдъ и Вальянъ, упрекающіе Жореса чуть не въ измѣнѣ интересамъ пролетаріата; монархисты и злѣйшіе реакціонеры, перерядившіеся въ друзей республики; радикалы и „непримиримые", чуть не расколачивающіе кадильницами носа у тѣхъ самыхъ идоловъ мрака, которыхъ еще такъ недавно они таскали ежедневно въ грязи палаты, которую лишь тридцать—сорокъ голосовъ спасаютъ порою отъ паденія въ реакціонное болото; сенатъ, который въ экстренныя минуты является опорою демократіи;

> Глупость, корчащая умъ,
> Въ колпакѣ дурацкомъ мудрость;—

все это не представляетъ-ли на первый взглядъ самой странной, самой неожиданной картины?

И, однако, у этого политическаго маскарада, у этого водевиля съ переодѣваньями есть своя логика, которая смѣется надъ старыми этикетками, ярлыками, знаменами, лозунгами, партіями, вливая новое содержаніе въ отжившія формы. Бѣда лишь въ томъ, что большинство націи держится еще наивной вѣры во внѣшнюю оболочку и предается самому грубому фетишизму передъ тра-

диціонными словами и формулами. Я ставлю себѣ въ настоящей статьѣ задачу опредѣлить эволюцію и современный характеръ различныхъ политическихъ партій, сдѣлавшихъ изъ Франціи арену ожесточенной и любопытной борьбы.

Было бы излишне еще и еще напоминать читателю, какимъ образомъ знаменитое „дѣло" ускорило и обострило нравственный и политическій кризисъ Франціи. За то крайне поучительно прослѣдить превращеніе за послѣдніе годы различныхъ партій, такъ какъ въ нихъ выразилась, преломилась и окрасилась та борьба прогресса и реакціи, которая лишь облеклась драматическими покровами „дѣла". Я попробую перебрать одну за другой наиболѣе важныя партіи именно съ точки зрѣнія этой трансформаціи. И принимаясь за эту задачу, я начинаю съ партіи умѣренно-республиканской или, какъ было въ модѣ не такъ давно называть ее, оппортунистской, ибо она была сравнительно наиболѣе сильной политической группировкой третьей республики, а потому и общая равнодѣйствующая наиболѣе приближается къ ея направленію. Я уже нѣсколько разъ касался ея предшествовавшей исторіи и снова не буду повторять этого. Но ея новѣйшая исторія является лишь естественнымъ развитіемъ тѣхъ началъ, которыя были положены, можно сказать, еще въ ея колыбель, при самомъ рожденіи ея, феей политической эволюціи. Когда Мелинъ, напр., и его клика клянутся въ своей вѣрности и любви къ республикѣ, а въ то же время утопаютъ въ идолопоклонствѣ передъ арміей, поощряютъ своими комплиментами мятежныхъ генераловъ и набрасываются на правительство всякій разъ, какъ только оно вынуждено принять самую робкую мѣру противъ иниціаторовъ военнаго coup d'Etat,—не думайте, что такая тактика представляетъ отклоненіе отъ обычной политики умѣренныхъ республиканцевъ. Увы! самъ Гамбетта, самъ глава оппортунистовъ порою залеталъ на крыльяхъ своего южнаго краснорѣчія въ такія эмпиреи преклоненія передъ арміей, что его уснащеныя реваншемъ рѣчи не только вызывали въ самой Франціи рѣзкую критику со стороны тогдашнихъ крайнихъ партій, но и за предѣлами страны возбуждали серьезныя опасенія. Не одинъ разъ приходилось ему оправдываться въ милитаристскихъ тенденціяхъ, какъ то онъ былъ вынужденъ сдѣлать въ своей шербургской рѣчи (осенью 1879 г.):

Нѣсколько разъ было сказано противъ насъ (здѣсь «мы»—ораторское. Н. К.), что мы питаемъ страстный культъ арміи, арміи, которая въ настоящее время группируетъ всѣ національныя силы, которая вербуется теперь уже не между тѣми, чье ремесло было служить солдатомъ, а среди самой чистой крови страны; насъ упрекаютъ въ томъ, что мы посвящаемъ слишкомъ много времени изслѣдованію успѣховъ военнаго исскуства, которое охраняетъ отече-

ство отъ опасности... Но этотъ культъ поддерживается и диктуется не воинственнымъ духомъ, а необходимостью поднять Францію, которую мы видѣли столь низко павшею для того, чтобы она снова заняла свое мѣсто въ мірѣ..: *).

И знаменательно, что именно эта рѣчь, разсчитанная якобы на успокоеніе мирныхъ общественныхъ слоевъ, обезпокоенныхъ громомъ трубъ и литавровъ патріотическаго краснорѣчія, возбудила наиболѣе сильную агитацію въ странѣ противъ Гамбетты и его „культа“: и друзья, и враги „трибуна“ почувствовали, что если бывшій радикалъ счелъ нужнымъ оправдываться, объяснять эту любовь къ арміи, то значитъ новый идолъ, дѣйствительно, занималъ исключительное мѣсто въ міровоззрѣніи Гамбетты.

Какъ бы то ни было, вы можете видѣть, что пріемы умѣренныхъ республиканцевъ не представляютъ совершенно новаго изобрѣтенія, а идутъ еще отъ героическихъ временъ оппортунизма. И если васъ коробитъ то равнодушіе, съ которымъ Мелинъ и К°, находясь у власти, замѣщаютъ самыя важныя должности въ арміи заядлыми врагами республики, а стоя въ оппозиціи, съ азартомъ защищаютъ ихъ происки и прямой походъ противъ конституціи, то и этому опять таки вы найдете печальные прецеденты въ дѣятельности Гамбетты. Вспомните, что чуть-ли не первымъ актомъ его пресловутаго „великаго министерства“ было назначеніе такого реакціонера, какъ Мирибель, начальникомъ генеральнаго штаба и такого отчаяннаго бонапартиста, какъ маршалъ Кайроберъ, игравшій столь видную роль въ переворотѣ 2-го декабря, членомъ верховнаго военнаго совѣта. А когда возмущенные такой странной тактикой крайніе республиканцы пытались возбудить агитацію въ странѣ противъ заигрыванія съ врагами свободнаго режима, гамбеттисты отвѣчали, что ихъ противники ровно ничего не понимаютъ въ высшей практической политикѣ, и что дѣло вовсе не въ республиканскихъ убѣжденіяхъ генераловъ, а въ ихъ профессіональныхъ талантахъ.

Оппортунисты уже успѣли забыть примѣръ Базэна, которому эти спеціальные „таланты“ не помѣшали измѣнить Франціи; и чуть-ли даже не воображали, что у военныхъ демократическія убѣжденія противорѣчатъ знанію ремесла. Политика прикармливанія „присоединившихся“ впервые выливалась въ опредѣленную систему, ибо, какъ говорилъ въ 1886 г. Жозэфъ Рейнакъ,

Гамбетта думалъ, что разъ республика основана, она должна перестать быть маленькою часовнею, открытою лишь для прежнихъ вѣрующихъ, должна сдѣлаться обширнымъ зданіемъ, открытымъ всѣмъ французамъ, которые присоединятся къ ея учрежденіямъ, и куда были бы допущены всѣ тѣ и граж-

---

*) *Discours et plaidoyers choisis de Léon Gambetta,* Парижъ, 1895 (первое изданіе вышло въ 1886 г.) стр. LVII предисловія Жозэфа Рэйнака, который, кстати сказать, испыталъ на своей шкурѣ въ послѣдніе два года, что значитъ развивать въ націи шовинистскіе инстинкты.

данскія и военныя лица, которыя могутъ съ пользою служить при республиканскихъ министрахъ *).

Въ послѣдніе годы эта, какъ видимъ, уже не молодая программа „мудрыхъ" республиканцевъ получила лишь свое окончательное завершеніе: управлять при помощи консерваторовъ и реакціонеровъ, получающихъ въ награду за формальное исповѣданіе республиканскаго катехизиса теплыя мѣстечки, всевозможныя выгоды, почетъ и положеніе; предавать анаѳемѣ и исключать изъ великой республиканской семьи лѣвое крыло ея, искреннихъ демократовъ и соціалистовъ; создавать кабинеты исключительно изъ людей, занятыхъ преслѣдованіемъ чисто практическихъ будничныхъ цѣлей самосохраненія и презирающихъ какіе бы то ни было принципы—такова тактика партіи, которая сдѣлалась особенно яркимъ выраженіемъ безъидейнаго оппортунизма съ того времени, какъ самая кличка стала выходить изъ употребленія. У прежнихъ оппортунистовъ былъ еще извѣстный стыдъ, извѣстное желаніе драпироваться въ громкія слова и общія фразы, потребность прикрывать свои низменные аппетиты программами. У современныхъ оппортунистовъ весь идейный багажъ свелся къ изобрѣтенію ими названія „прогрессистовъ" для самихъ себя и „присоединившихся" къ нимъ представителей правой, къ неумѣренно-частому произнесенію слова „отечество" и къ заигрыванію съ національзмомъ. Порою съ устъ новаго поколѣнія оппортунистовъ срываются такія многознаменательныя слова, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что у современной клики „умѣренныхъ и мудрыхъ" республиканцевъ не только нѣтъ ничего, кромѣ вождѣленій, но даже и стыда признаться въ этомъ.

Васъ удивляетъ, напр., что бывшій министръ колоній, Андрэ Лебонъ, могъ истязать двойною цѣпью Дрейфуса, въ невинности котораго онъ самъ былъ убѣжденъ, но мучить котораго онъ считалъ своимъ долгомъ, чтобы избѣжать лая и укусовъ антисемитствующей прессы. Не удивляйтесь, дорогой читатель: разверните исторію „ста лѣтъ внутренней политики" упомянутаго государственнаго мужа, и вотъ вы что прочитаете въ заключительныхъ строкахъ этого въ извѣстномъ смыслѣ очень поучительнаго творенія:

Франція живетъ и мирно развивается рядомъ и какъ бы внѣ политическихъ треволненій: по мѣрѣ того, какъ она удаляется отъ глубокаго потрясенія 1789 г. и великихъ доктринальныхъ распрей средины этого вѣка, она, какъ видно, мало-по-малу пріучается отыскивать въ общественной жизни лишь искусство преслѣдовать интересы подъ прикрытіемъ свободы. **)

Очевидно, этотъ умѣренный и аккуратный историкъ современ-

---

*) Ibid., стр. LXVI—LXVII, гдѣ біографъ Гамбетты предвосхищаетъ даже самый терминъ «присоединившіеся».

**) *André* Lebon, *Cent ans d'histoire intèriere*, Парижъ, 1898, стр. 332.

ной эпохи изображаетъ въ лицѣ Франціи свое эгоистическое „я“, которому и свобода-то нужна лишь для „прикрытія“ того „искусства“, съ какимъ вся оппортунистская клика соблюдаетъ свои „интересы“. Не угодно ли вамъ будетъ звать такого молодца на судъ исторіи, какъ Вальдекъ-Руссо попытался сдѣлать съ генераломъ Мерсье? Что ему до исторіи, когда онъ, даже сидя у себя въ кабинетѣ и стараясь отыскать смыслъ и философію этой исторіи, не находитъ ничего лучшаго, какъ срисовать съ себя и своей собственной души портретъ и выдать его за изображеніе всей великой страны?

Или возьмите главу современныхъ „прогрессистовъ“, знаменитаго Жюля Мелина, — этого Robin Mielleux, какъ называетъ его Анатоль-Франсъ *). Иного изъ читателей удивитъ, пожалуй, крупная роль, которую этотъ государственный человѣкъ играетъ за послѣдніе годы какъ у власти, такъ и среди оппозиціи. Ахъ, читатель, вспомните по другому поводу страстную и энергичную фразу автора „Капитала“, который, констатируя низкій уровень буржуазной науки, замѣчаетъ, что на этой безнадежной, монотонной равнинѣ маленькіе бугры принимаютъ размѣры Монблана. Фатальное развитіе, т. е., въ сущности говоря, неудержимое паденіе умѣреннаго республиканскаго большинства вызвало къ жизни такихъ существъ, что Мелинъ, бывшій во время оно „подсекретаремъ“ министерства внутреннихъ дѣлъ при Марсерѣ (въ началѣ 1879 г.), министромъ земледѣлія въ кабинетѣ Ферри (1883—1885 г.), предсѣдателемъ палаты депутатовъ (1888—1889 г.), превратился теперь въ настоящаго мастодонта реакціи, вокругъ котораго группируются, ютятся и за которымъ идутъ въ аттаку противъ демократіи.

Бывшій творецъ пресловутаго ордена земледѣльческой заслуги, или „ордена Порея“, какъ непочтительно называютъ его французы за зеленый цвѣтъ ленточки,—Мелинъ выросъ съ тѣхъ поръ, какъ въ качествѣ докладчика тарифной коммиссіи успѣлъ внести въ новое таможенное законодательство (11 января 1892 г.) охранительныя и почти запретительныя пошлины на цѣлую массу продуктовъ и товаровъ въ угоду крупнымъ землевладѣльцамъ и промышленникамъ. **) Его окончательное помазаніе въ великаго человѣка, въ верховнаго вождя консерваторовъ (независимо отъ республиканскихъ, монархическихъ и т. п. ярлыковъ) произошло въ теченіе его послѣдняго двухлѣтняго министерства (1896—1898 г.), когда политическими судьбами государства управляли представители. крупнаго капитала и когда отъ республики осталось лишь одно имя

*) См. № «Фигаро» отъ 28 іюня 1900 г.

**) Обращаю вниманіе читателей на восторженный гимнъ протекціонизму, гимнъ, пропѣтый г. Мелиномъ на только что закончившемся шестомъ международномъ конгрессѣ земледѣлія. См. № 1755 (отъ 7 іюля 1900 г.) «Journal de l'agriculture. стр. 12—14.

Теперь партія Мелина старается выдвинуть своего адвоката или, вѣрнѣе, судебнаго пристава на первый планъ и снова поставить его у власти; а самъ онъ пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы заключать прямые или косвенные союзы съ реакціонными силами, ведя партію „мудрыхъ и умѣренныхъ“ по пути дальнѣйшаго разложенія. Вспомните только его неоднократныя заявлелія въ любви къ высшему военному начальству, которое онъ всячески старается расположить въ свою пользу, хотя и завѣряетъ всѣхъ и каждаго въ своемъ глубочайшемъ республиканствѣ. Вспомните его кокетничанье съ націонализмомъ, къ мимолетной критикѣ котораго онъ присоединяетъ длиннѣйшія объясненія, почему это движеніе должно необходимо развиться во Франціи, управляемой людьми, не представляющими, молъ, достаточной гарантіи для „истинныхъ патріотовъ“. Недаромъ Дерулэдъ, перепуганный въ своемъ изгнаніи этой коварной конкурренціей, счелъ долгомъ заявить, что товаръ „истиннаго патріотизма“ продается только въ его политической лавочкѣ, и что всѣ прочіе продукты, носящіе это клеймо, должны почитаться безсовѣстными фальсификаціями и поддѣлками подъ его, деруледовскій, патріотизмъ.

По другому вопросу, борьбѣ съ политическимъ клерикализмомъ, партія современныхъ оппортунистовъ точно такъ же продолжаетъ идти дальше и дальше по пути разложенія, первые симптомы котораго относятся еще ко временамъ Гамбетты. Дѣйствительно, если Гамбетта заканчивалъ свою, возбудившую такія страсти, рѣчь въ палатѣ 4 мая 1877 г. словами стараго республиканца Альфонса Пэйра̀: „клерикализмъ — вотъ нашъ врагъ“, *) то въ той же самой рѣчи онъ защищалъ конкордатъ, въ сѣтяхъ котораго тщетно бьется и по настоящее время Франція, и возставалъ противъ отдѣленія церкви и государства во имя „нравственнаго и общественнаго состоянія страны“ **). Гамбеттѣ же принадлежитъ злополучная фраза: „антиклерикализмъ не представляетъ собой предмета вывоза“, и эта тактика пустила такіе корни, что, напр., въ настоящее время рѣзня въ Китаѣ вызвана не только матеріальными аппетитами капиталистовъ, но и жаждою духовной власти іезуитовъ и другихъ миссіонеровъ, пользующихся внѣ предѣловъ Франціи покровительствомъ того самаго правительства, которое внутри страны вынуждено бороться противъ клерикаловъ.

За то путь разложенія, пройденный оппортунистской партіей со времени Гамбетты, отмѣченъ самыми яркими вѣхами въ области образовательной политики, которая приняла среди умѣрен-

*) *Discours, etc.* стр. 237.
**) Ibid., стр. 281.

ныхъ рѣзко реакціонный характеръ въ послѣдне время. Вспомните, съ какой энергіей республиканскіе депутаты, группировавшіеся вокругъ Ферри, боролись противъ притязаній католическаго духовенства на умъ и чувство подростающихъ поколѣній. Не характеристично ли для настроенія тогдашнихъ умѣренныхъ, что знаменитая статья 7-я законопроекта Ферри, воспрещавшая преподаваніе членамъ не разрѣшенныхъ религіозныхъ обществъ, нашла въ палатѣ 347 защитниковъ противъ всего 143 противниковъ (голосованіе 9 іюля 1879 г.), и что правительству пришлось перенести борьбу на почву простыхъ декретовъ лишь потому, что сенатъ отбросилъ прошедшій въ палатѣ параграфъ (мартъ, 1880 г.)? А теперь взляните на ученые маневры и всевозможныя эволюціи умѣренныхъ по поводу внесенныхъ въ палату предложеній (Рабье, Левро, самого правительства „республиканской защиты“ и т. п.), воспроизводящихъ съ нѣкоторыми измѣненіями законопроекты Ферри. Вчитайтесь въ смыслъ доклада, представленнаго по этому поводу коммиссіи образованія почтеннымъ г. Энаромъ (Aynard), богатѣйшимъ ліонскимъ банкиромъ, сидящимъ на скамьяхъ центра, а порою на вице-президентскомъ креслѣ палаты: вы увидите, какъ подъ покровомъ „свободы отца семейства“, „религіознаго мира“ и т. п. стереотипныхъ фразъ, столь любезныхъ сердцу мелинистовъ, продолжатели оппортунистской политики стараются ввести въ современную жизнь принципы клерикализма. Прислушайтесь къ вздохамъ Энара, рисующаго страшную картину

> могущественной массонской ассоціаціи, которая не всегда становилась въ такую воинствующую позицію, а теперь явно преслѣдуетъ разрушеніе католической религіи и устраненіе отъ общественныхъ должностей всякаго, кто только исповѣдуетъ ее *).

Прислушайтесь къ витіеватымъ періодамъ банкира, отдѣлывающаго правительственный законопроектъ (о трехлѣтнемъ обученіи въ государственныхъ школахъ всѣхъ, готовящихся къ карьерѣ чиновника) и называющаго этотъ проектъ

> жалкою выдумкою сектаторскаго духа, которая можетъ привести лишь къ національному разъединію **),—

и вы отдадите себѣ отчетъ, какъ далеко подвинулась по пути реакціи партія умѣренныхъ.

---

*) См. вышедшіе отдѣльною книжкою доклады Энара съ приложеніемъ стенографическихъ отчетовъ засѣданій палаты: Ed. Aynard, *La liberté de l'enseignement devant la Chambre*; Парижъ, 1900, стр. 5—6.

**) Ibid., стр. 92.

Нѣсколько сложнѣе и въ извѣстномъ смыслѣ любопытнѣе ея эволюція по соціальнымъ вопросамъ. Въ этой области замѣчается, съ одной стороны и у однихъ представителей, старинное чисто-буржуазное непониманіе соціальной программы, непониманіе, которое такъ сильно поражаетъ еще у Гамбетты; съ другой и у другихъ представителей—попытка сдѣлать кой-какія уступки назрѣвающимъ вопросамъ современности, но завернуть вмѣстѣ съ тѣмъ эти попытки въ теорію незыблемости „основныхъ законовъ человѣческаго общества". Что касается Гамбетты, я приведу цѣликомъ то мѣсто изъ его гаврской рѣчи (18 апрѣля 1872), которое вызвало въ свое время такіе толки и которое было вскорѣ перечеканено въ совершенно вѣрно передающую если не букву, то смыслъ его фразу: „нѣтъ соціальнаго вопроса, есть лишь соціальные вопросы":

> ... Будемъ стоять на сторожѣ противъ утопій тѣхъ людей, которые, будучи одурачены своимъ воображеніемъ или коснѣя въ своемъ невѣжествѣ, вѣрятъ въ панацею, въ формулу, которую стоитъ только найти, чтобы осчастливить весь свѣтъ. Вѣрьте, что нѣтъ соціальнаго лѣкарства, потому что нѣтъ соціальнаго вопроса. Есть лишь рядъ задачъ для разрѣшенія, трудностей для побѣжденія, измѣняющихся вмѣстѣ съ мѣстомъ, климатомъ, привычками, санитарнымъ состояніемъ; есть экономическія задачи, измѣняющіяся даже внутри одной и той же страны. И эти задачи должны быть разрѣшены одна за другой, а не при помощи единой формулы. Только трудомъ, изученіемъ, ассоціаціей, постоянными усиліями правительства, состоящаго изъ честныхъ людей, народы подвигаются къ освобожденію. Нѣтъ, повторяю, соціальной панацеи; каждый день предстоитъ сдѣлать новый шагъ, но не существуетъ непосредственнаго окончательнаго и полнаго рѣшенія *).

Но когда, спустя цѣлые четверть вѣка, политикъ и соціологъ для изящныхъ дамъ,—я назвалъ мосье Поля Дешанэля,—считаетъ долгомъ издать сборникъ своихъ рѣчей и статей подъ многообѣщающимъ заглавіемъ „Соціальный вопросъ" и на первой же странницѣ предисловія, проставляетъ слѣдующія строки:

> Когда мы употребляемъ выраженіе «соціальный вопросъ», то это вовсе не значитъ—надо ли говорить о томъ?—что, по нашему мнѣнію, всѣ задачи этого рода могутъ быть сведены къ одной формулѣ и къ единственному рѣшенію**),—

тогда, дѣйствительно, приходится спросить, да неужели-же все теченіе современной цивилизаціи прошло безслѣдно, по прежнему „нѣтъ соціальнаго вопроса, а есть лишь соціальные вопросы"? И, однако, по отношенію къ Дешанэлю можно еще, пожалуй, замѣтить, что у него въ этомъ общемъ непониманіи жизнь пробила кой-какія незначительныя бреши; и что правовѣрные экономисты манчестерской школы считаютъ своего фразистаго собрата уже до нѣкоторой степени неосторожнымъ еретикомъ, который осмѣливается произнести по адресу „старой школы laissez-farie laissez-

*) Paul Deschanel, *La question sociale*; Парижъ, 1898, стр. I.
**) *Discours* etc., стр. XX предисловія.

passer", что она „отжила свой вѣкъ", и въ отвѣтъ на это получаетъ изъ устъ уже знакомаго намъ богатаго банкира Энара немедленную реплику: „вовсе нѣтъ" *); и который рѣшается говорить о томъ, что

надо примирить индивидуализмъ и альтруизмъ, комбинировать частныя силы—личность, ассоціацію, кооперацію—съ силами общественными—общиной, департаментомъ, государствомъ **).

Но не забывайте, что въ области экономическихъ вопросовъ Дешанэль представляетъ собою максимумъ вольнодумства, до котораго можетъ дойти умѣренно-либеральный буржуа; тогда какъ оппортунистская партія въ цѣломъ повторяетъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, тѣ же самыя слова, что твердили ихъ отцы и дѣды подъ руководствомъ блаженной памяти Сэя, Бастіа и Воловскаго. Конечно, практическіе интересы заставляли ихъ въ послѣднее время класть неоднократно подъ зеленое сукно „вѣчные законы" капиталистическаго строя. Затрудненіе въ сбытѣ продуктовъ, вызвавшее во всѣхъ странахъ усиленную политику національнаго покровительства, опрокинуло, напр., словно карточный домикъ, догматъ свободной торговли; и вамъ кажется, будто прошла цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ авторъ „Экономическихъ гармоній" обзывалъ протекціонизмъ соціализмомъ и полушутливо, полусерьезно возводилъ контрабандиста въ рангъ „благодѣтелей человѣчества". Это, конечно, нисколько не мѣшало умѣренно-либеральнымъ буржуа, усердно покровительствуя себѣ, кричать о нарушеніи дивнаго порядка мірозданія.

Вспомните только, какъ опоздала Франція по вопросу о фабричномъ законодательствѣ, первыя существенныя основанія котораго—ограниченіе женскаго и дѣтскаго труда—были положены лишь закономъ 2-го ноября 1892 г., и съ какими усиліями, словно щипцами, приходилось вырывать эти законодательныя мѣры у парламентскаго большинства третьей республики. Въ послѣдніе же годы партіи умѣренныхъ пришлось пойти и на дальнѣйшія уступки, пришлось, напр., такъ или иначе отзываться на вопросы о страхованіи рабочихъ и организаціи кассъ больнымъ и престарѣлымъ, о расширеніи правъ синдикатовъ, объ ограниченіи труда взрослыхъ и т. п. Но всѣ эти мѣры или до сихъ поръ еще находятся въ періодѣ нескончаемаго обсужденія и выработки, или же являются поводомъ для „прогрессистовъ", ссылаясь на свою отеческую заботливость о рабочихъ, тѣмъ съ большею ненавистью нападать на представителей этого класса въ странѣ и парламентѣ.

Не забудьте, что Мелинъ въ послѣдніе годы неоднократно

*) См. рѣчь Дешанэля 16-го ноября 1892; Ibid., стр. 9.
**) См. «письмо» его же, служащее предисловіемъ къ книгѣ Гюрэ: Jules Huret, *Enquête sur la question sociale en Europe*, стр. XXI.

провозглашалъ, что соціалисты не могутъ считаться республиканцами, что опасность теперь не направо, а налѣво, часто пользовался въ борьбѣ съ радикалами упрекомъ насчетъ того, что послѣдніе являются „фурьерами соціализма“, приготовляющими, молъ, ему дорогу для дальнѣйшаго безпрепятственнаго развитія и распространенія въ странѣ. Находясь пока не у дѣлъ, умѣренные слились въ оппозиціонной дѣятельности въ одно неразрывное цѣлое съ правой, направляютъ свои безпрестанныя аттаки противъ министерства на почвѣ милитаристскихъ и клерикальныхъ притязаній и поджигаютъ, между прочимъ, кабинетъ „республиканской защиты“ на вопросѣ о подоходномъ налогѣ, противъ котораго они успѣли четыре года тому назадъ вооружить значительную часть имущихъ и сломать шею радикальному министерству Буржуа. Изъ недавнихъ словъ Мелина о трудности для „благонамѣренныхъ“ элементовъ страны вести отнынѣ мудрую республиканскую политику,—изъ этихъ словъ уже можно заключить, что если мелинисты восторжествуютъ, то ихъ выступленіе будетъ сигналомъ отчаянной реакціи, которая постарается, опираясь на правую, заигрывая съ націоналистами и клерикалами, подавить идейное пробужденіе Франціи, обнаружившееся за послѣдніе два года.

Приступая къ изображенію трансформаціи, постигшей радикальную партію, я не могу освободиться отъ невольной меланхоліи, когда начинаю вспоминать, какая масса усилій, таланта, политическаго искусства, ума, краснорѣчія была истрачена за послѣднюю четверть вѣка французскимъ радикализмомъ въ лицѣ его выдающихся представителей, многіе изъ которыхъ были затравлены врагами въ борьбѣ за осуществленіе своихъ идеаловъ. Можно смѣло сказать, что ни одна французская политическая партія не понесла сравнительно такихъ тяжелыхъ жертвъ, какъ радикальная.

И это не простая случайность. Міровоззрѣніе французскихъ радикаловъ представляетъ собою крайнее усиліе буржуазной мысли преобразовать по возможности кореннымъ образомъ современный строй, но не касаясь въ то же время его основныхъ устоевъ. Преслѣдуя эту задачу устранить всѣ недостатки, всѣ „злоупотребленія“ капиталистическаго строя, радикализмъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, потерпѣть фіаско. Ибо въ сущности его соціальная программа сводится не столько къ политической, сколько къ моральной пропагандѣ: обращаться къ лицамъ, живущимъ и дѣйствующимъ въ сферѣ экономической борьбы, съ просьбою, приглашеніемъ, требованіемъ, не покидая почвы этой горячей борьбы, добровольно выпустить изъ рукъ то самое оружіе безграничнаго личнаго соперничества, которое даетъ преимущество въ современной войнѣ всѣхъ противъ каждаго, сильнымъ надъ сла-

быми, имущимъ надъ неимущими, сытымъ надъ голодными. Борись экономически, но будь безусловно честенъ; накопляй, но лишь нравственными средствами; употребляй капиталъ, но не злоупотребляй имъ, jus uttendi et abutendi, — очевидно, эта программа предполагаетъ въ людяхъ запасъ такого крайняго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко непослѣдовательнаго идеализма, какой можетъ существовать лишь у очень незначительнаго меньшинства.

Мы знаемъ, дѣйствительно, какое пораженіе потерпѣла моральная проповѣдь, исходившая отъ различныхъ религіозныхъ сектъ, стремившихся къ безконечному совершенствованію человѣка; а вѣдь эти секты грозили людямъ несказанными муками и поощряли неизреченнымъ блаженствомъ въ вѣчности. Что же въ состояніи сдѣлать сторонникъ радикальнаго міровоззрѣнія, который въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ пугать своихъ адептовъ угрызеніями совѣсти—это по части страданія — и прельщать ихъ перспективою сознанія исполненнаго долга—это по части наслажденія? Словомъ, если можно кого называть идеологами, такъ это въ особенности радикаловъ. Они переносятъ центръ тяжести въ чистую политику и здѣсь громоздятъ болѣе или менѣе систематическія зданія абстрактныхъ формулъ, „справедливыхъ законовъ“ и „совершенныхъ конституцій“, при помощи которыхъ надѣются разрѣшить всѣ жгучіе вопросы современности *). А въ подкрѣпленіе этого хитраго политическаго механизма и какъ бы высшей инстанціей для разрѣшенія соціальныхъ противорѣчій ставятъ уже упомянутое морализированіе человѣка и обращенную на это политическо-нравственную проповѣдь.

Вотъ почему извѣстные успѣхи французскаго радикализма въ первой половинѣ 80-хъ годовъ—періодѣ его героической, не лишенной величія и блеска исторіи—объясняются въ значительной степени недоразумѣніями, распространенными въ массахъ относительно настоящаго смысла радикальной программы. Что касается до мелкой буржуазіи, охваченной въ эту эпоху радикальнымъ пыломъ, особенно въ большихъ центрахъ, то въ этой средѣ тяготѣніе къ радикализму выражало ни болѣе ни менѣе, какъ утопическую надежду мелкаго капитала видѣть крайнюю лѣвую на пути къ обузданію спекуляціи крупнаго капитала,—что такъ соотвѣтствовало туманной соціальной программѣ радикаловъ и ихъ идеологической борьбѣ съ „злоупотребленіями“, борьбѣ, отмѣченной нами выше. Не мѣшаетъ замѣтить кстати, что въ эту пору большинство интеллигенціи, а въ особенности интеллигентной молодежи, за исключеніемъ извѣстной части ея, въ которой вер-

---

*) Ср. пристрастную, но мѣстами довольно вѣрную характеристику Пелльтана въ умѣренно-либеральномъ журналѣ: J. Ernest—Charles, *Portraits politiques: Camille Pelletan;* въ «Revue politique et parlementaire». № отъ 10-го іюня 1900 г., стр. 625—654.

бовались адъютанты вожаковъ радикализма,—отличалось оппортунистскимъ и даже консервативнымъ духомъ: то былъ періодъ пристраиванія республиканскаго персонала къ оффиціальному пирогу.

Словомъ, значеніе радикальной партіи опиралось въ описываемое нами время на недостаточное развитіе массъ и тяготѣніе ихъ, наравнѣ съ мелкой буржуазіей, къ межеумочному воззрѣнію радикализма. Самые крупные изъ радикаловъ, дѣйствительно, могутъ еще дойти до критическаго отношенія къ безобразіямъ современнаго строя, къ сознанію необходимости сдѣлать что-нибудь для трудящагося большинства; но положительная часть ихъ экономической программы такъ слаба, непродумана и незакончена, что въ этомъ отношеніи радикаловъ можно упрекнуть въ „безплодной агитаціи“, за которую такъ доставалось имъ—правда, въ политической сферѣ,—отъ оппортунистовъ *). Поэтому лишь только у рабочихъ нашлись свои представители въ парламентѣ, и представители въ началѣ очень зауряднаго типа, которыхъ и нельзя было сравнивать по таланту съ радикальными вожаками,—какъ сейчасъ же парламентарная роль буржуазной крайней лѣвой сильно стушевалась, и демократическій ревъ страшныхъ „львовъ“ радикализма, въ родѣ Клемансо или Пелльтана, ревъ, наводившій такой страхъ на умѣренныхъ, показался простымъ риторическимъ упражненіемъ Камелина, Ферруля, Вопе, Басли и т. п. **). Представители рабочихъ, которые впервые появляются въ палатѣ послѣ выборовъ 1885 г. и въ нѣсколько большемъ числѣ въ 1889 г., выкосили, согласно картинному французскому выраженію, траву изъ подъ ногъ радикальной партіи, отнынѣ вынужденной опираться почти исключительно на мелкую

*) Клемансо въ октябрѣ 1880 г. въ своей извѣстной рѣчи противъ Гамбетты призналъ, что «соціальный вопросъ» не только существуетъ, но заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія правительства. И, однако, дальше прогрессивнаго налога и фабричнаго законодательства не идетъ въ области практическихъ мѣръ. Курьезно, что уже умудренный опытомъ и впавшій чуть не въ анархическое отрицаніе парламентаризма, бывшій вождь радикаловъ—стоитъ еще въ соціологіи на точкѣ зрѣнія XVIII-го вѣка и представляетъ себѣ борьбу интересовъ и классовъ въ видѣ «свалки» между отдѣльными членами общества (см. предисловіе къ его La Mêlée sociale). Въ свою очередь Пелльтанъ весь свой парламентарный вѣкъ сражается противъ «олигархіи» крупнаго капитала, чуть-чуть даже не исключительно-биржевого, и противоставляетъ ему миѳическую «демократію тружениковъ», состоящую, по его мнѣнію, «безъ различія» изъ рабочихъ и изъ капиталистовъ. Переходъ банка и желѣзныхъ дорогъ въ руки правительства—maximum экономическаго радикализма Пелльтана.

**) См. ядовитую критику знаменитой въ свое время рѣчи Клемансо въ циркѣ Фернандо, критику, направленную противъ радикальнаго вожака Гэдомъ въ «Cri du Peuple». Эта статья перепечатана въ сборникѣ старыхъ статей Гэда: Jules Guesde, *Le Sosialisme au jour le jour;* Парижъ, 1899 г., стр. 362—367.

буржуазію и часть интеллигенціи. А когда послѣ кризиса буланжизма и панамскихъ скандаловъ выборы 1893 г. послали въ палату такихъ крупныхъ ораторовъ, какъ Жорэсъ и Гэдъ, радикалы окончательно потеряли значеніе крайней демократической партіи и превратились почти цѣликомъ въ „академическую“ оппозицію. Провалъ Клемансо на упомянутыхъ выборахъ знаменуетъ завершеніе цѣлой эпохи въ исторіи французскаго радикализма: это паденіе, эта, если можно такъ выразиться, политическая смерть самаго могучаго, самаго умнаго, самаго краснорѣчиваго выразителя крайнихъ воззрѣній буржуазіи является конкретнымъ выраженіемъ того факта, что умерла и никогда больше не возродится партія чисто-политическаго радикализма.

Дальнѣйшая эволюція радикализма подтверждаетъ только-что высказанный взглядъ. Сильный ростъ умѣренныхъ элементовъ и ослабленіе радикальныхъ элементовъ буржуазіи на выборахъ 1893 г. заставляетъ радикаловъ усиленно искать парламентарнаго союза съ соціалистической партіей. Этой поддержкой можно, напр., объяснить, какъ могло держаться около пяти мѣсяцевъ (ноябрь 1895 г., апрѣль 1896 г.) радикальное министерство Буржуа и какъ бы могло держаться еще дольше, если бы само не струсило передъ оппозиціей сената. Но когда начавшаяся въ концѣ 1897 г. агитація по дѣлу Дрейфуса застала соціалистическую партію въ нерѣшительномъ и далеко не единодушномъ положеніи, радикализмъ на весеннихъ выборахъ 1898 г. выказалъ свое внутреннее идейное безсиліе и, въ силу самого характера своихъ мелко-буржуазныхъ избирателей, принужденъ былъ дѣлать всевозможныя уступки разыгравшемуся шовинизму. Я уже упомянулъ какъ-то о характерѣ выборовъ 1898 г.: реакціонное движеніе „націоналистовъ“ не успѣло провести въ палату сколько-нибудь значительнаго числа своихъ сторонниковъ,—десятокъ, другой антисемитовъ и „патріотовъ“ не имѣютъ, собственно говоря, никакого значенія; но за то, къ сожалѣнію, громадное большинство депутатовъ вернулось изъ избирательной агитаціи съ привкусомъ націонализма и боязнью быть заподозрѣннымъ въ „измѣнѣ отечеству“.

Этимъ объясняется столько нелѣпыхъ, противорѣчивыхъ и безсвязныхъ актовъ палаты, которая собралась съ духомъ лишь въ теченіе послѣдняго года, да и то подъ давленіемъ могучаго идейнаго движенія среди французской интеллигенціи. Мелинъ и К° были, правда, при самомъ началѣ свалены новой палатой, заключающей въ своихъ рядахъ большинство радикаловъ, но рядъ министерскихъ кризисовъ, перетасовокъ въ правящемъ персоналѣ и курьезныхъ или возмутительныхъ вотовъ достаточно указываетъ, что и современный радикализмъ не имѣетъ яснаго и опредѣленнаго миросозерцанія и далеко продвинулся по пути

разложенія. Этимъ объясняется, почему въ прошломъ году въ моментъ самаго серьезнаго внутренняго кризиса вожаки радикальной партіи одинъ за другимъ пустились въ бѣга отъ опасной чести стать во главѣ правительства, и почему настоящее министерство представляетъ собою очень любопытное сочетаніе элементовъ соціальнаго консерватизма и соціальнаго прогресса. Въ всякомъ случаѣ, знаменателенъ уже тотъ фактъ, что въ то время, какъ поддерживающее кабинетъ парламентарное большинство превышаетъ меньшинство на 30, порою на 50 и даже на 100 голосовъ, самъ кабинетъ менѣе всего можетъ быть названъ однороднымъ *): президентъ Совѣта, Вальдекъ Руссо, гамбеттистъ, поддерживавшій политику умѣренныхъ не далѣе какъ на выборахъ 1898 г.; министръ торговли, Милльранъ, одинъ изъ главъ соціализма и авторъ знаменитой программы Сэнъ-Мандэ; министръ путей сообщенія, Бодэнъ, принадлежитъ къ группѣ радикаловъ-соціалистовъ; Ланессанъ—радикалъ; Кайльо, Декрэ, Лэгъ, Жанъ Дюпюи, Монисъ, Делькассэ выражаютъ различные оттѣнки умѣренной партіи, не идущіе далѣе розоваго цвѣта; вышедшій недавно въ отставку военный министръ, генералъ Галиффэ—свирѣпый защитникъ порядка; новый военный министръ, генералъ Андрэ, искренній республиканецъ, одинъ изъ немногихъ республиканскихъ генераловъ французской арміи.

Ниже я объясню смыслъ существованія такого министерства. А пока лишь обращаю вниманіе читателя на тотъ фактъ, что радикальное большинство въ пататѣ вотируетъ за кабинетъ, который не можетъ считаться выражающимъ собственно такъ называемую радикальную программу. Уже одно это явленіе достаточно свидѣтельствуетъ объ идейной,—не говорю, численной,—слабости современнаго французскаго радикализма, который вынужденъ опираться направо на умѣренныхъ, но искреннихъ респуликанцевъ, налѣво на соціалистическую партію, и который, до образованія кабинета Вальдэка-Руссо, безпомощно качался то въ сторону шовинистской реакціи, то въ сторону республиканскаго идеала. Кризисъ мысли и кризисъ воли—таковы основныя черты французскаго радикала нашихъ дней, увлеченнаго потокомъ разложенія старыхъ политическихъ партій. Два послѣдніе года лишь ускорили темпъ этого неумолимаго процесса. И меня нисколько не удивитъ, если дальнѣйшая эволюція здѣшняго радикализма броситъ его въ объятія демагогіи и цезаризма, къ которымъ онъ мѣстами уже чувствуетъ извѣстную слабость и бороться съ которыми у него во всякомъ случаѣ не хватитъ смѣлости.

---

*) Ср. въ выходящей въ Мюнхенѣ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ «Revue franco-allemande» статью: Paul Ballaguy, *La politique intérieure de la France*; № 29 (отъ 10 марта 1900 г.), стр. 129—135.

Я уже нѣсколько разъ въ своихъ корреспонденціяхъ касался развитія соперничающихъ рабочихъ организацій — во Франціи; одного-двухъ словъ достаточно, чтобы возстановить въ памяти читателей главнѣйшіе факты этого практическаго и теоретическаго движенія, послѣ 1871 г. Сначала носившее чисто корпоративный и профессіональной характеръ *), это движеніе — отчасти подъ вліяніемъ Жюля Гэда и другихъ французскихъ марксистовъ пытается вылиться въ особую политическую партію въ 1879 и 1880 гг. Здѣсь было, дѣйствительно, поставлено вожаками пролетаріата политическое требованіе „полнаго разрыва съ буржуазіею и отдѣленія отъ нея одновременно, во всевозможныхъ областяхъ: умственной, юридической, политической и экономической". Вожаки организовавшейся рабочей партіи ставятъ въ это время однимъ изъ пунктовъ своей минимальной программы „политическое вмѣшательство", которое „должно выражаться въ классовыхъ кандидатурахъ, внѣ всякаго союза съ фракціями существующихъ старыхъ политическихъ партій,—въ кандидатурахъ, которыя должны ставиться на всѣ избирательныя функціи". Но эта минимальная программа настолько считается скромною и, можно сказать, необязательною, что былъ вотированъ предварительный параграфъ, разсматривающій вмѣшательство въ выборную агитацію лишь какъ „послѣднюю попытку", на которую партія „рѣшается для предстоящихъ муниципальныхъ и парламентарныхъ выборовъ 1881 г. **).

Въ этомъ отношеніи къ буржуазнымъ фракціямъ и во взглядѣ на характеръ избирательной агитаціи и будутъ возникать колебанія и противорѣчія въ рядахъ французской рабочей партіи, часто въ головѣ однихъ и тѣхъ же дѣятелей; и отъ такого замѣшательства не освободилась, какъ мы увидимъ, упомянутая партія и по настоящее время. Первоначальный расколъ между болѣе крайними элементами, группирующимися вокругъ Гэда, и болѣе умѣренными и болѣе многочисленными элементами, идущими за Бруссомъ и Малономъ, этими главами „поссибилизма"; дальнѣйшій расколъ между поссибилистами, отъ которыхъ откололась болѣе рѣшительная фракція алльманистовъ съ наборщикомъ Алльманомъ во главѣ; современный расколъ между „министерскими" и „антиминистерскими" соціалистами, — всѣ эти дробленія, почкованія и внутреннія распри французской рабочей партіи выражаютъ въ сущности практическую трудность опредѣленнаго отвѣта на чрезвычпйно важный вопросъ: въ какой мѣрѣ политическій ком-

*) См. консервативнаго, но пытающагося быть безпристрастнымъ автора «рабочихъ конгрессовъ» и «эволюціи синдикальной партіи во Франціи», Леона де-Сейльяка: Léon de Seilhac, *Les congrès ouvriersen France*; Парижъ, 1899 г.; *L'évolution du parti syndical en France*; Парижъ, 1899 г.

**) Seilhac, *Les congrès ouvriers,* стр. 76—77.

промиссъ можетъ и долженъ быть допущенъ политической партіей, претендующей на опредѣленную программу.

Замѣтьте, что отъ колебанія по этому вопросу не свободны и самые, казалось бы, прямолинейные представители партіи, хотя бы тотъ же самый Гэдъ, къ которому можно до извѣстной степени примѣнить горделивую фразу Наполеона I: „моя мысль—словно колея, на вѣки вырѣзанная въ мраморѣ“.

Въ теченіе довольно долгаго времени Гэдъ смотрѣлъ, дѣйствительно, на эту агитацію и на эту дѣятельность, какъ на невѣроятную и опасную чепуху *). Въ 1878 г. онъ дѣлалъ еще слѣдующую рѣзкую критику всеобщей подачи голосовъ:

Всѣмъ извѣстно, что мы думаемъ относительно всеобщей подачи голосовъ въ дѣлѣ экономическаго или соціальнаго освобожденія. Всеобщая подача голосовъ не улучшила положенія дѣлъ рабочаго класса.

Нѣсколько позже Гэдъ уже призналъ значеніе избирательной агитаціи для пропаганды идей, хотя, согласно своему энергичному выраженію, предоставлялъ мѣста въ парламентѣ „геморроидамъ господъ буржуа“. Въ эту эпоху ставить кандидатуру казалось ему цѣлесообразнымъ, кромѣ интересовъ пропаганды, лишь для того, чтобы „подвести счетъ“ на данномъ кандидатѣ сторонникамъ рабочей партіи. Всю первую половину 80-хъ годовъ онъ воевалъ съ поссибилистами, упрекая ихъ въ томъ, что для улавливанія голосовъ избирателей они жертвуютъ ясностью и принципіальностью программы. Къ этому времени, если не ошибаюсь, относится его торжественнное обѣщаніе никогда лично не ставить своей кандидатуры. Нѣкоторое смягченіе замѣчается въ его взглядахъ на этотъ предметъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ, когда стала вырисовываться возможность пройти въ парламентъ или въ муниципалитеты членамъ рабочей партіи. Но въ эпоху буланжизма онъ съ ожесточеніемъ нападалъ на поссибилистовъ за ихъ избирательный и политическій союзъ съ радикалами и вообще республиканцами въ борьбѣ противъ „браваго генерала“. Это трансцендентальное презрѣніе къ компромиссу заходило, впрочемъ, такъ далеко, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ гэдисты не высказывались ни за, ни противъ націоналистическаго движенія, и это въ моментъ серьезной опасности для свободныхъ республиканскихъ учрежденій. Къ тому же приблизительно времени относится ихъ снисходительное отношеніе къ антисемитической агитаціи Дрюмона.

Отнынѣ если не въ теоріи, то на практикѣ гэдисты сближаются съ программой поссибилистовъ, и незадолго до выборовъ 1893 г. мнѣ пришлось слышать отъ одного изъ вожаковъ французскаго марк-

---

*) Объ этой полосѣ жизни Гэда см. въ брошюрѣ: *L'Alliance de la democratie socialiste*; Лондонъ—Гамбургъ, 1873, стр. 50—51.

сизма изложеніе самого пылкаго и восторженнаго плана избирательной кампаніи, которая должна имѣть своимъ предметомъ пріобрѣтеніе соціалистами возможно большаго числа мѣстъ не только въ муципалитетахъ, не только въ палатѣ, но и въ сенатѣ. Мой сосѣдъ и собесѣдникъ,—дѣло было на банкетѣ,—чуть-чуть не доходилъ въ своихъ розовыхъ мечтаніяхъ до возможности для соціалистовъ овладѣть большинствомъ въ парламентѣ и составить министерство рѣшительнаго соціальнаго прогресса. Выборы 1893 г., скорѣе усилили, чѣмъ ослабили это оптимистическое настроеніе. Частный успѣхъ настолько обломалъ острые углы непримиримости у партизановъ Гэда, что къ этому времени трудно было указать на практикѣ разницу въ дѣятельности между ними и болѣе умѣренными фракціями.

Во всякомъ случаѣ, въ этотъ періодъ дѣятельности соціалистической партіи равнодѣйствующая стремленій различныхъ фракцій шла почти исключительно въ направленіи мирнаго развитія. Я не буду говорить о такомъ выдающемся парламентарномъ тактикѣ и строго-логическомъ ораторѣ, какъ Милльранъ, который, сформулировавъ въ Сэнъ-Мандэ программу партіи,—тѣмъ не менѣе всегда совѣтовалъ борьбу лишь легальными и мирными средствами и, при случаѣ, съ особенною настойчивостью рекомендовалъ такой способъ рѣшенія соціальнаго вопроса. Я попрошу читателей припомнить хотя бы рѣчь Миллърана на банкетѣ муниципальныхъ совѣтовъ, 31-го мая 1896 г.:

Мы обращаемся лишь къ всеобщей подачѣ голосовъ; ее мы надѣемся освободить экономически и политически... И пусть намъ не приписываютъ шутовского намѣренія ожидать отъ насильственной революціи торжества нашихъ идей.

Повторяю, о мирномъ идеалѣ Миллърана и говорить нечего. Гэдъ въ эту еще очень недавнюю эпоху рѣшительно склонялся въ сторону мирной эволюціи. Онъ, который въ „Программѣ рабочей партіи“ отрицалъ всякое значеніе за муниципальною дѣятельностью „соціалистическаго большинства“, отнынѣ краснорѣчиво проповѣдуетъ пользу для членовъ партіи завладѣть муниципалитетами; и дѣйствительно, послѣдователи его направляютъ въ эту сторону значительныя усилія, которыя во многихъ случаяхъ, особенно на сѣверѣ Франціи, увѣнчиваются успѣхомъ. Наконецъ, онъ же, Гэдъ, торжественно заявилъ съ высоты парламентской трибуны (25-го іюня 1896 г.):

При помощи одного лишь легальнаго орудія всеобщей подачи голосовъ, армія коллективистовъ фатально и въ скоромъ времени сдѣлается госпожею политической власти, госпожею республики...

Въ палатѣ Гэдъ и по частнымъ вопросамъ поступался значительною частью своей непримиримости, и напр., при столкновеніи принциповъ съ тактическими соображеніями, ставилъ въ случаѣ

надобности именно послѣднія на первый планъ. Я не буду говорить уже о томъ, что Гэдъ былъ вообще въ числѣ депутатовъ, усердно поддерживавшихъ хотя и радикальное, но все же буржуазное министерство Буржуа: на это можно возразить, что, взвѣшивая различныя политическія комбинаціи, онъ находилъ, что при радикальномъ министерствѣ шансы роста и укрѣпленія соціализма больше, чѣмъ при умѣренномъ,—и въ этомъ онъ не ошибался, какъ показала послѣдующая реакція, свирѣпствовавшая два года при Мелинѣ. Но легко припомнить изъ исторіи поддерживанія соціалистами радикальнаго министерства и такіе факты, когда Гэдъ наравнѣ съ прочими товарищами по убѣжденію спасалъ кабинетъ отъ паденія цѣною отодвиганія въ сторону основныхъ пунктовъ своей программы. Такъ было, напр., когда оппортунистское меньшинство, желая подставить ножку министерству, поставило на очередь вопросъ объ отмѣнѣ, такъ называемыхъ, „злодѣйскихъ законовъ", вотированныхъ палатою въ 1894 г. якобы противъ анархистовъ, а на самомъ дѣлѣ противъ свободы личности и печати. И что же? Хотя свобода выраженія мнѣній является однимъ изъ основныхъ требованій соціалистовъ, ибо они представляютъ собою не только партію соціальнаго преобразованія, но и партію демократическую, Гэдъ вмѣстѣ съ большинствомъ соціалистовъ вотировалъ противъ отмѣны тѣхъ самыхъ законовъ, которые прошли передъ тѣмъ въ палатѣ благодаря голосамъ умѣренныхъ и правой и вопреки усиліямъ радикаловъ и соціалистовъ. И, конечно, никто изъ разсудительныхъ людей не могъ бы обвинять Гэда за этотъ пріемъ: на военную хитрость приходилось отвѣчать военною хитростью же. Но, какъ бы то ни было, самъ Гэдъ показалъ этимъ, что онъ отлично понимаетъ необходимость политическаго, если не союза, то параллельнаго дѣйствія съ радикальною частью буржуазіи. Замѣчу кстати, что и на послѣднихъ выборахъ 1898 г.—лично, впрочемъ, неудачныхъ для Гэда,—глава рабочей партіи пропагандировалъ необходимость избирательнаго союза съ радикалами противъ оффиціальныхъ кандидатуръ и давленія министерства Мелина.

Новыя колебанія и распри по вопросу о союзѣ съ буржуазными партіями при рѣшеніи соціальнаго вопроса снова возникли среди соціалистической партіи благодаря обстоятельству, которое, казалось бы, не должно было имѣть отношенія: читатель, конечно, уже угадалъ, что рѣчь идетъ о дѣлѣ Дрейфуса. Сначала эти колебанія и распри проявились въ концѣ 1897 г., когда палата, выбранная въ 1893 г., еще не покончила своего существованія и первое время играла лишь очень второстепенную роль. Затѣмъ несогласія въ тактикѣ обострились послѣ выборовъ 1898 г., раздуваемыя разницею темпераментовъ и пониманія среди вожаковъ; потомъ какъ будто

снова утихли, но лишь затѣмъ, чтобы съ новою плачевною силою вспыхнуть лѣтомъ прошлаго года, послѣ образованія „министерства республиканской защиты", соединившаго такихъ антиподовъ, какъ Вальдэкъ-Руссо, Милльранъ и Галиффэ.

Мнѣ остается показать въ самыхъ общихъ чертахъ смыслъ и перипетіи этой послѣдней эволюціи въ рядахъ соціалистической партіи. Я нѣсколько разъ уже писалъ о дѣлѣ Дрейфуса по мѣрѣ того, какъ развертывались его различныя фазы: читатель найдетъ поэтому въ моихъ предшествовавшихъ корреспонденціяхъ подробности измѣненій въ общемъ настроеніи страны, смотря по тому обороту, которое принимало отнынѣ навсегда знаменитое „дѣло". Здѣсь же меня занимаетъ этотъ вопросъ лишь по отношенію къ тому процессу броженія, который оно вызвало въ соціалистической партіи.

Надо ли говорить, какъ я указалъ на это читателю въ свое время, что соціалистическая партія сдѣлала съ самаго начала крупную ошибку, не выразивъ опредѣленныхъ взглядовъ на принимавшее очень быстро міровые размѣры „дѣло". Увы! чѣмъ-чѣмъ, но опредѣленностью и рѣшительностью, но энтузіазмомъ и гражданскимъ мужествомъ соціалистическая партія не могла похвалиться въ этотъ роковой моментъ. И отсюда вся дальнѣйшая нелѣпица, разыгрывающаяся теперь въ рядахъ соціалистовъ. Ни для кого не тайна, что длинный-предлинный и ничего не выражающій манифестъ партіи въ отвѣтъ на дерзкій вызовъ, брошенный антисемитами и милитаристами въ лицо цивилизованной Франціи во время перваго процесса Золя, — ни для кого, говорю не тайна, что этотъ печальный манифестъ былъ высиженъ соціалистами съ необыкновенными трудностями и послѣ безконечныхъ преній. И еще печальнѣе, что во время этихъ преній выяснились, какъ боязнь соціалистовъ передъ шовинистскимъ движеніемъ въ странѣ, такъ и скрытыя симпатіи нѣкоторыхъ членовъ партіи къ юдофобствующей демагогіи. Этимъ плачевнымъ и далеко не героическимъ настроеніемъ представителей соціализма, а не какимъ-либо превыспреннимъ витаніемъ въ области „чистаго" соціалистическаго идеала, и объясняется совѣтъ авторовъ манифеста рабочимъ смотрѣть, сложа руки, на „взаимныя гримасы двухъ половинокъ капиталистическаго лица", половинокъ, какими, молъ, являются, съ одной стороны, оппортунисты-евреи, съ другой—реакціонеры-католики: такую комичную и жалкую „философію исторіи" преподносили пролетаріату его выразители для объясненія завязавшейся борьбы между новой и старой Франціей.

Мы знаемъ, что сначала лишь немногіе соціалисты послѣдовали за двумя—тремя товарищами по міровоззрѣнію, смѣло бросившимися въ борьбу съ реакціей. Изъ крупныхъ представителей партіи въ палатѣ Жорэсъ, можно сказать, былъ единственнымъ, вполнѣ оцѣнившимъ важность агитаціи во имя общечеловѣческой

справедливости и для соціалистическихъ идеаловъ. А между тѣмъ въ странѣ движеніе уже нѣсколько времени раньше стало находить сочувствіе и поддержку среди лучшей части интеллигентной буржуазіи, среди libertaire'овъ и среди представителей крайнихъ группъ рабочей партіи въ родѣ Алльмана. Вскорѣ наиболѣе передовые слои пролетаріата были втянуты въ движеніе; но того всеобщаго сочувствія, на которое это движеніе должно бы было разсчитывать въ партіи неимущихъ и обездоленныхъ, оно здѣсь не нашло, и въ этомъ отношеніи французскіе марксисты несутъ тяжелую отвѣтственность передъ исторіей. Если до выборовъ 1898 г. нѣкоторые представители марксизма негласно сочувствовали Жорэсу и отчасти даже подталкивали его на антимилитаристскую агитацію; если органы рабочей прессы на сѣверѣ Франціи все чаще и чаще высказывались за необходимость дѣятельнаго вмѣшательства въ борьбу во имя общечеловѣческихъ идеаловъ,—то выборы, окончившіеся частной неудачей не только для Жорэса и нѣкоторыхъ пошедшихъ за нимъ депутатовъ, но и для самого Гэда и гэдистовъ, заставили послѣднихъ стать по отношенію къ шовинизму въ ту самую выжидательную и вполнѣ пассивную позицію, какую они занимали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ уже при буланжизмѣ.

Конечно, было бы несправедливо забыть о существованіи и среди марксистовъ нѣкотораго движенія въ пользу борьбы противъ милитаристовъ и клерикаловъ; мнѣ пришлось слышать лѣтомъ 1898 г. отъ одного изъ главныхъ представителей фракціи восхищеніе дѣятельностью Жорэса, который, молъ, „спасаетъ честь соціализма“ этой мужественной борьбой. Но, большинство членовъ партіи во главѣ съ Гэдомъ продолжали слѣдовать политикѣ безучастнаго разсматриванія „взаимныхъ гримасъ двухъ половинокъ капиталистическаго лица“. Осенью 1898 г. конгрессъ марксистовъ вотировалъ такую ничего не говорящую резолюцію по вопросу о шовинизмѣ и антисемитизмѣ, которая ясно показывала, что отнынѣ какое бы то ни было сочувственное теченіе въ пользу агитаціи по дѣлу Дрейфуса было подавлено въ рядахъ партіи, и что политика Гэда, политика презрительнаго равнодушія къ „распрямъ буржуазной семьи“ взяла окончательный и безраздѣльный верхъ. И это, замѣтьте, происходило въ то самое время, когда самоубійство Анри и цѣлая лавина катившихся противъ генеральнаго штаба разоблаченій производили небывалое возбужденіе умовъ.

Впрочемъ, повторяю, это движеніе, благодаря Жорэсу и нѣкоторымъ другимъ народнымъ ораторамъ, проникало все болѣе въ среду пролетаріата, который, какъ писалъ въ эту пору (сентябрь 1898 г.) Жорэсъ,

конечно, имѣетъ общій взглядъ на общественную эволюцію. Но онъ хочетъ также знать въ подробностяхъ и до мельчайшихъ пружинъ механизмъ великихъ событій... Схватить общее направленіе экономическаго движенія, и

проникнуть при помощи анализа въ подробности сложной и вѣчно движущейся дѣйствительности, такова мысль пролетаріата въ ея полнотѣ. И отнынѣ во всѣхъ великихъ національныхъ кризисахъ придется считаться съ нимъ *).

Несомнѣнно, однако, что изъ соціалистическихъ партій Жорэсъ былъ подержанъ лишь „независимыми", поссибилистами (считая въ томъ числѣ и альманистовъ) и частью бланкистовъ; но значительная доля послѣднихъ, а особенно хорошо организованная и многочисленная партія марксистовъ не тронули и пальцемъ въ защиту его въ то время, какъ удары сыпались градомъ на него изъ противоположнаго лагеря. За то онъ нашелъ вѣрныхъ союзниковъ въ лицѣ передовыхъ представителей демократической буржуазіи, часть которыхъ была самою логикою борьбы приведена къ измѣненію міровоззрѣнія, въ противоположность давленію своихъ непосредственныхъ интересовъ. Это распредѣленіе борющихся союзныхъ и безучастныхъ силъ вызвало, въ концѣ концовъ, не только измѣненіе въ тактикѣ самого Жорэса, который, защищая идеальные интересы цивилизаціи, долженъ былъ податься нѣсколько вправо, но и образованіе, такъ называемаго, министерства „республиканской защиты", а также возникшій по вопросу о поддержкѣ этого министерства расколъ между соціалистами „министерскими" и „не министерскими".

Опредѣленіе смысла кабинета „республиканской защиты" тѣсно связано съ эволюціей соціалистической партіи Франціи за послѣдній годъ: отвѣчая на одинъ рядъ вопросовъ, я отвѣчаю и на другой рядъ и, такимъ образомъ, завершаю поставленный мною въ началѣ планъ, дать читателю картину развитія политическихъ партій третьей республики на рубежѣ XX-го вѣка. Такъ какъ дѣло Дрейфуса обнаружило всю широту реакціоннаго теченія, овладѣвшаго умами націи благодаря политикѣ „умѣренныхъ", соединившихся съ врагами республики, которые сами по себѣ давно бы перестали имѣть значеніе **), то всѣ искренніе демократы были поставлены въ необходимость противопоставить милитарному и клерикальному заговору организацію передовыхъ силъ страны. Перенеситесь мысленно за годъ тому назадъ или еще нѣсколько далѣе. Выборъ въ президенты Лубэ на мѣсто скоропостижно умершаго Фора, привелъ въ бѣшенство „патріотовъ". Скандалъ, сдѣланный на скачкахъ монархическою „золотою мо-

*) См. предисловіе къ сборнику статей Жорэса по дѣлу Дрейфуса: Jean Jaurès, *Les preuves*, *Affaire Dreyfus;* Парижъ (вышло осенью 1898 г.), стр. I—II.

**) Поэтому-то я и не останавливаюсь спеціально на эволюціи консервативныхъ и реакціонныхъ партій въ этой статьѣ; въ сущности чистыхъ монархистовъ очень мало; націоналисты и «присоединившіеся»,—вотъ современные представители реакціи.

лодежью", которая надѣялась на мирволенье со стороны министра Дюпюи, старавшагося уже замять дѣло Дерулэда и генерала Рожэ, этотъ скандалъ наглядно выражалъ всю ненависть, питаемую цезаристами и клерикалами къ свободнымъ учрежденіямъ страны. Демократическіе элементы рѣшили отвѣтить на вызовъ, и у всѣхъ еще на памяти импозантная манифестація, организованная въ день Большого Приза республиканцами, среди которыхъ выдающаяся роль принадлежала соціалистамъ. Порывъ энтузіазма, овладѣвшаго сознательными элементами столицы, былъ настолько могущественъ, что реакціонные органы въ родѣ „Gaulois" совѣтовали аристократическимъ шалопаямъ и дамамъ свѣта и полусвѣта лучше и не показываться въ этотъ день на улицу.

Всѣ почувствовали, что и политическая равнодѣйствующая правительства должна была перемѣститься налѣво, и образованіе новаго кабинета сдѣлалось необходимостью. При этихъ условіяхъ возникло министерство „республиканской защиты", которое, какъ показываетъ само названіе его, удовлетворяло требованіямъ даннаго момента и имѣло спеціальною задачею оборону свободныхъ учрежденій противъ враговъ демократіи. Но самыя обстоятельства, при которыхъ оно составилось, опредѣляли его неожиданный и парадоксальный характеръ. Такъ какъ дѣло Дрейфуса висѣло кошмаромъ на сознаніи націи и являлось символомъ и знаменіемъ жесточайшей борьбы между старымъ и новымъ мірами, то естественно въ министерствѣ должны были принять участіе тѣ политическіе дѣятели, которые стали въ „дѣлѣ" на сторонѣ принциповъ современнаго права и общечеловѣческой справедливости, не смотря на различные оттѣнки своего республиканскаго міровоззрѣнія. Съ другой стороны, уже упомянутый мною безтолковый и капризный характеръ палаты умѣрялъ вожделѣнія власти среди ловкихъ политикановъ въ родѣ радикала Буржуа или умѣреннаго Пуанкарэ, вовсе не желавшихъ сдѣлаться мишенью для націоналистической прессы на почвѣ ликвидаціи „дѣла", которое же должно было такъ или иначе быть покончено. Приходилось испробовать какую-нибудь новую комбинацію республиканскихъ силъ. И центромъ этой комбинаціи далеко не случайно явился Вальдэкъ-Руссо, умный, энергичный, мужественный и хладнокровный политикъ, у котораго буржуазное міровоззрѣніе уживается съ нѣкоторыми очень смѣлыми для буржуа взглядами на соціальныя реформы и на необходимость широкой синдикальной организаціи рабочихъ. При общемъ паденіи политическаго уровня буржуазныхъ партій, Вальдэкъ поражаетъ извѣстною широтою своихъ воззрѣній и вкусомъ къ довольно неожиданнымъ рѣшеніямъ вопросовъ. Человѣкъ въ высшей степени практичный, никогда ни съ политической трибуны, ни въ своихъ многочисленныхъ гражданскихъ процессахъ,— онъ одинъ изъ крупнѣйшихъ адвокатовъ Франціи,—не гнавшійся за фразой и риторикой, Валь-

дэкъ вовсе не рабъ затасканной формулы и совершенно въ духѣ трезвыхъ политическихъ дѣятелей Англіи готовъ пойти на компромиссъ съ новыми идеями, какъ только того потребуютъ обстоятельства. Прибавьте къ этому искреннія, если не пылкія, то очень прочныя симпатіи къ республикѣ, симпатіи, которыя подъ вліяніемъ нравственной встряски послѣднихъ двухъ лѣтъ окрасились даже извѣстнымъ спокойнымъ энтузіазмомъ: такова цѣльная, но довольно сложная фигура бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ при Гамбеттѣ и Ферри, главнаго автора закона о синдикатахъ, искуснаго защитника — Эйфеля и „Максиньки" Лебоди, а нынѣ души кабинета „республиканской защиты".

Этотъ-то человѣкъ, который, даже по мнѣнію критиковъ, „никогда не теряетъ самообладанія и постоянно сохраняетъ ясность разсудка среди общаго опьяненія окружающихъ" *), составилъ, дѣйствительно, свое министерство довольно неожиданныхъ образомъ: рядомъ съ нѣсколькими радикальными и умѣренными республиканцами, онъ ввелъ въ свой кабинетъ соціалиста Милльрана и генерала Галиффэ,—перваго, въ силу того важнаго положенія, которое соціалистическій элементъ принялъ при защитѣ республики; второго, потому что какъ ни горько было въ этомъ признаться, но третья республика не успѣла приготовить значительнаго числа высшихъ военныхъ чиновъ, проникнутыхъ демократическимъ духомъ. Какъ бы то ни было, эта политическая комбинація, которую Жорэсъ, увлеченный борьбою съ милитаристами и клерикалами, принялъ подъ свое покровительство почти безъ всякихъ отговорокъ, должна была произвести крупный расколъ среди соціалистовъ. И та часть ихъ, которая до сихъ поръ съ благоразуміемъ, достойнымъ лучшей участи, была спокойною зрительницею похода реакціи противъ демократіи и своихъ болѣе чуткихъ и храбрыхъ товарищей, теперь воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы выйти изъ состоянія бездѣйствія и начать стрѣлять по своимъ единомышленникамъ во имя „классовыхъ интересовъ" пролетаріата, будто бы забытаго Жорэсомъ изъ-за Дрейфуса.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы на первыхъ же порахъ выяснить товарищески недоразумѣніе, обѣ враждущія стороны продолжали вести свою линію и скоро разошлись такъ далеко, что главная энергія соціалистическихъ организацій стала тратиться на междоусобную войну. Но стараясь по возможности объективно вдуматься въ эту распрю, я прихожу къ заключенію, что главная вина за это несчастное столкновеніе лежитъ все же на гэдистахъ, которые въ теченіе почти двухъ лѣтъ

*) См. довольно интересную характеристику Вальдэка въ галлереѣ литературныхъ портретовъ: Michel Salomon *Etudes et portraits litteraires;* Парижъ, 1896 г., стр. 237—249 (*M. Waldeck-Rousseau, orateur*).

оставляли Жорэса подъ ударами соединенныхъ силъ реакціи, не дали ему ни разу почувствовать поддержки въ борьбѣ, которую онъ самоотверженно велъ не только во имя демократіи, но и во имя гуманитарныхъ идеаловъ, и, такимъ образомъ, фатально вынудили его переоцѣнить значеніе союза съ буржуазной демократіей и тактику прямого участія соціалистовъ въ правленіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что республика переживала критическій моментъ, и образованіе министерства, способнаго защитить свободныя учрежденія отъ исконныхъ враговъ ихъ, было вопросомъ первостепенной важности. Но вопросъ объ участіи въ этомъ министерствѣ соціалиста, и притомъ соціалиста вожака, былъ рѣшенъ Жорэсомъ утвердительно съ черезчуръ легкимъ сердцемъ, особенно принимая во вниманіе ненавистный для пролетаріата характеръ генерала Галиффэ, ставшаго собратомъ Милльрана по кабинету, благодаря неожиданной комбинаціи Вальдэка-Руссо. Безспорно, образовавшійся кабинетъ добросовѣстно выполнилъ свою задачу обороны, но самый вопросъ сотрудничества соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ оставался очень щекотливымъ; а между тѣмъ его исключительный характеръ былъ черезчуръ скоро забытъ Жорэсомъ, который пытался даже возвести въ принципъ партійной тактики ту комбинацію, которая требуетъ для своего оправданія и чрезвычайно исключительныхъ обстоятельствъ. Старая и вѣчно юная проблема о пропорціи между непримиримостью и компромиссомъ снова вспыхнула яркимъ пламенемъ, и мы знаемъ, что 3—8 декабря 1899 г. противъ 818 голосовъ большинства, стоявшаго за „чистоту“ тактики, выступало значительное—въ 634 голоса—меньшинство, высказавшееся вслѣдъ за Жорэсомъ за политику компромисса и участія въ буржуазномъ правительствѣ. Съ другой стороны, вопросъ объ отношеніи къ различнымъ борющимся фракціямъ буржуазіи, т. е. иначе говоря, вопросъ уже не о прямомъ участіи въ современной государственной машинѣ, а о простомъ союзѣ съ наиболѣе демократическою частью буржуазіи для борьбы противъ реакціонной буржуазіи,—этотъ вопросъ былъ обойденъ конгрессомъ и замѣненъ черезчуръ общей формулой:

Конгрессъ клеймитъ націоналистовъ и антисемитовъ и предостерегаетъ рабочихъ противъ всѣхъ силъ реакціи.

Между тѣмъ эта задача находитъ болѣе частое и болѣе важное приложеніе, чѣмъ правительственная роль того и другого соціалиста...

Въ настоящее время ни та, ни другая изъ двухъ враждующихъ армій въ пылу борьбы не стоитъ на достаточно широкой и разумной точкѣ зрѣнія.

Но не ошибается только тотъ, кто не живетъ.

Н. Кудринъ.

Политика.

Что дѣлать въ Китаѣ?

I.

Китайскія дѣла все еще поглощаютъ общее вниманіе всего цивилизованнаго міра. Правда, Пекинъ взятъ, посланники и другіе пекинскіе европейцы спасены и первый актъ восточно-азіатской драмы заключенъ, но окончаніе перваго акта предполагаетъ еще нѣсколько другихъ актовъ, о содержаніи и значеніи которыхъ завязка перваго акта даетъ очень мало для сужденія. Въ чемъ можетъ заключаться развязка этой сложной и еще не вполнѣ обнаружившей свои элементы завязки, кто можетъ теперь предсказать съ нѣкоторою надеждою на нѣкоторую точность? Выяснить, однако, эти элементы сложной исторической интриги представляется столь интереснымъ, что нельзя не остановить на этомъ своего вниманія. Что же это за элементы и факторы? Это, во первыхъ, Дальній Востокъ и Европа въ ихъ цѣломъ, желтая и бѣлая расы въ ихъ совокупности, восточная и западная цивилизація въ ихъ контрастахъ и обособленности. Во вторыхъ, это внутреннія отношенія и силы среди народовъ Дальняго Востока. И въ третьихъ, тѣ же внутренніе составные элементы европейскаго концерта. Остановимся нѣсколько на этихъ трехъ группахъ историческихъ явленій и посмотримъ, ихъ сопоставленіе и совмѣстное обозрѣніе не дастъ-ли намъ искомаго ключа къ пониманію удивительныхъ событій, нами переживаемыхъ?

Въ чемъ, однако, ихъ удивительность? Не въ томъ ли, что китайцы оказались хорошо вооруженными, а подчасъ и не дурно обученными? Конечно, нѣтъ, потому что ни для кого не было тайной, что послѣ японской войны Китай усиленно покупалъ оружіе и пригласилъ опытныхъ европейскихъ инструкторовъ. Мнѣ случалось читать въ иностранныхъ газетахъ отчеты о смотрахъ такихъ обученныхъ европейцами и ими же вооруженныхъ китайскихъ войскъ, иногда съ блестящими отзывами объ этомъ обученіи и вооруженіи. Правда, англичане хвалили тѣ части, которыя были англичанами обучены, а нѣмцы обученныхъ своими соотечественниками, но хвалили и французы и американцы, никого въ Китаѣ военному дѣлу не обучавшіе. Такимъ образомъ, нѣсколько лучшая военная подготовка китайцевъ въ 1900 году, чѣмъ въ 1894 году, никого бы не должна была удивлять. Уди-

вительно было до послѣдней степени, что всѣ европейцы соединились и дѣйствовали единодушно. Это въ самомъ дѣлѣ изумительная картина, но надо сознаться, что европейцы въ ней неповинны. Китайцы упрямо не желали различать европейскихъ націй и въ Пекинѣ даже испанцы и голландцы были такъ же осаждены, какъ и болѣе активныя въ Китаѣ націи. Пришлось выручать своихъ пословъ и согражданъ всѣмъ народамъ западной цивилизаціи, невозможно было не соединиться. Такъ что и здѣсь удивительнаго было мало, но за то нанаденіе китайцевъ на всѣхъ европейцевъ, включая американцевъ и даже японцевъ, дѣйствительно было бы удивительно, если бы явилось послѣдствіемъ чего либо другого, кромѣ „завиднаго незнанія иноземцевъ“ китайцами. Могло показаться, однако, что это безумное нападеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ результатъ сознанія собственной силы... Отсюда и весь вопросъ о столкновеніи желтой и бѣлой расы. Китай—великая держава, вооруженная и могущественная,—это радикально измѣняетъ соотношеніе историческихъ силъ на нашей планетѣ! Однако, присутствуемъ-ли мы при такомъ нарожденіи новой великой державы, или хотя бы при ея зачатіи?

Желтая раса слагается изъ слѣдующихъ составныхъ частей:

Китай	386	милліоновъ	жителей
Манчжурія. . . .	7	„	„
Монголія	2	„	„
Тибетъ	3	„	„
Корея.	8	„	„
Японія	45	„	„
Индокитай до . .	40	„	„
Maximum	495	„	„

Бѣлой же расы христіанскаго исповѣданія до 550 мил., не считая принадлежащихъ къ бѣлой же расѣ магометанъ и браманитовъ. Такимъ образомъ, бѣлая раса многочисленнѣе желтой. Число, однако, далеко не все при подсчетѣ относительныхъ силъ. Много значитъ, какія единицы составляютъ собою эти колонки слагаемыхъ чиселъ. Можно-ли считать единицы желтой расы и единицы бѣлой расы равнозначущими? Въ книжкѣ моей „Доброволецъ Петербургъ, Дважды вокругъ Азіи“ я уже далъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Прошу позволенія повторить нѣкоторыя данныя и соображенія. По свидѣтельству д-ра Рудинскаго, бывшаго старшаго врача Уссурійской желѣзной дороги, обычная порція китайца на день изумительно ничтожна сравнительно съ общепринятою въ Европѣ; именно, взрослый работникъ землекопъ довольствуется въ день среднимъ числомъ:

Хлѣба (рисов. или просян.). . .	1	фунтъ.
Крупы (рисъ или пшено). . . .	1	фунт.
Сушеной рыбы и чесноку . . .	$^1/_2$	„

Въ это же время русскіе землекопы получаютъ:

Хлѣба ржаного.	3	фунт.
Крупы	1	„
Мяса	$^1/_2$	„
Овощи, масло и проч.		

Надо помнить еще, что питательность риса и проса равняется лишь 70% съ чѣмъ-то питательности ржи. Словомъ, по питательности потребляемаго продовольствія китаецъ ограничивается приблизительно одною четвертью потребляемаго русскимъ, который въ этомъ отношеніи никакъ не превосходитъ своихъ западно-европейскихъ братьевъ. Эта, дѣйствительно, изумительная умѣренность пищи рослыхъ и отнюдь не тощихъ или слабосильныхъ парней явилась результатомъ приспособленія многихъ поколѣній и представляется теперь могучимъ орудіемъ *пассивной* конкурренціи съ другими народами. Война, однако, есть конкурренція *активная*, требующая большого напряженія и постоянства дѣятельности. Слабое питаніе дастъ-ли достаточно для того силы?

Мы видѣли, сколько ѣдятъ китайцы. Сколько ѣдятъ, столько и работаютъ. Въ объяснительной запискѣ министерства путей сообщенія въ разцѣночной вѣдомости стоимости работъ на Уссурійской желѣзной дорогѣ приведенъ подробный сравнительный разсчетъ производительности труда разныхъ категорій рабочихъ, принимавшихъ участіе въ сооруженіи дороги. Этотъ разсчетъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: рабочіе, сооружавшіе земляное полотно желѣзной дороги, успѣвали среднимъ числомъ выработать въ день кубическихъ саж. земли:

Русскій землекопъ.	0,83 кб. с.
„ солдатъ	0,33 кб. с.
„ ссыльно-каторжный	0,27 кб. с.
Китаецъ-землекопъ.	0,12 кб. с.

Т. е. трудъ свободнаго китайскаго рабочаго въ семь разъ менѣе производителенъ труда свободнаго русскаго рабочаго. Громадная численность китайцевъ-рабочихъ, внимательное исполненіе ими работъ и несравненная дешевизна заработной платы дѣлаютъ ихъ всетаки выгодными рабочими и, послѣ Уссурійской дороги, на Манчжурской они уже составляли главный, если не единственный, контингентъ рабочей силы. Фактъ остается, однако, фактомъ и ничтожная производительность отдѣльной рабочей единицы среди китайцевъ сравнительно съ производительностью европейской рабочей единицы представляется явленіемъ, которое ни-

коимъ образомъ не позволяетъ считать китайскія и европейскія единицы человѣческія равнозначущими при вычисленіи соотносительной силы тѣхъ и другихъ. По этому поводу я просто повторю теперь, что уже писалъ: „Кто сколько ѣстъ, столько и работаетъ,—это подтвердитъ всякій физіологъ и натуралистъ. Всякая работа, будь то физическій или умственный трудъ, или битва, или походъ, или сторожевая бдительность и вниманіе, или мужественная стойкость и напряженіе нервовъ,—можетъ совершаться организмомъ лишь на счетъ траты мускульныхъ и нервно-мозговыхъ тканей. Чѣмъ больше работы, тѣмъ больше и этой траты, а чѣмъ больше траты, тѣмъ требуется и больше ея возмѣщенія, больше пищи. Желаете довести паровую машину до высшаго напряженія и максимальной работы, не жалѣйте топлива. Количествомъ сожженнаго топлива измѣряется и количество машинной работы, а отъ количества обычно потребляемой пищи зависитъ и количество человѣческой работы. Но всякая машина приспособлена только къ извѣстному количеству топлива и будетъ взорвана, если его увеличить сверхъ нормы. Не можетъ и организмъ, приспособленный къ данному потребленію, значительно его увеличить. Учетверите продовольствіе русскаго землекопа; дайте ему 12 фунтовъ хлѣба, 4—крупы, 2—мяса и т. д. онъ едва-ли будетъ въ состояніи съѣсть эту порцію, а если и осилитъ, то будетъ не способенъ въ работѣ. Черезъ нѣкоторый срокъ онъ заболѣетъ или отучнѣетъ до полнаго одурѣнія и совершенной негодности къ труду. То же самое дѣйствіе должно произвести и увеличеніе вчетверо обычно продовольственной нормы китайца, хотя учетверить его пищу значитъ только сравнить съ пищею европейца. Не мудрено, если европеецъ въ семь разъ больше сработаетъ: онъ имѣетъ, чѣмъ возмѣщать усиленную трату, а современный организмъ китайца не могъ бы справиться съ этимъ усиленнымъ возмѣщеніемъ. Тысячи, десятки тысячъ поколѣній эти голодные и обобранные люди приспособляли свои организмы къ минимальному потребленію; только новый рядъ поколѣній (въ новыхъ лучшихъ условіяхъ) могъ бы измѣнить это приспособленіе и сдѣлать ихъ единицами, соизмѣримыми съ европейскими. Доги и болонки, першероны и пони—одного вида. Война-же съ ея изнурительными форсированными маршами, съ ея напряженнымъ вниманіемъ, натянутыми нервами, продолжительнымъ пребываніемъ въ сферѣ смертной опасности, является дѣломъ, гораздо болѣе труднымъ (требующимъ гораздо болѣе траты отъ организма), чѣмъ землекопная работа". Эти строки, написанныя на основаніи впечатлѣній и данныхъ, собранныхъ тому назадъ около десяти лѣтъ, мнѣ кажется, отнюдь не опровергнуты современными событіями.

Чтобы взять Айгунъ, укрѣпленный и защищаемый хорошо вооруженнымъ гарнизономъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, русскіе пожертвовали шестью убитыми, тогда какъ китайцы поте-

ряли нѣсколько сотъ... На одного русскаго пало около ста китайцевъ! Вооруженіе китайцевъ было не хуже вооруженія русскихъ, а числомъ они превосходили въ четыре, если не въ пять разъ. Они сдали городъ и много потеряли, потому что побѣжали, а побѣжали послѣ шести часовъ боя потому, что ужъ не въ силахъ были выдерживать седьмой часъ битвы, не хватило топлива. Такъ же и во всѣхъ остальныхъ бояхъ съ европейцами и снова особенно ярко въ Пекинѣ, гдѣ цѣлая армія европейски вооруженныхъ китайцевъ съ грозною артиллеріей не могла справиться съ четырьмя стами европейцевъ безъ артиллеріи и защищенныхъ только баррикадами! Что скажетъ будущее, неизвѣстно, но покуда я не вижу серьезныхъ основаній для опасенія этого желтаго призрака, который такъ напугалъ было занятую своими домашними распрями Европу. Она и начинаетъ оправляться отъ испуга и, вѣроятно, займется снова распрями. Тутъ имѣется гораздо болѣе основаній для опасеній. И если бѣлой расѣ суждено погибнуть, то гибель эту она пріуготовитъ себѣ сама.

Китайцы—это $^4/_5$ желтой расы. Если ожидать ихъ военнаго возрожденія представляется не очень вѣроятною гипотезою, то противополагать остальную $^1/_5$ желтой расы (около 100 милліоновъ) всей бѣлой расѣ было бы слишкомъ смѣло. Японія заняла свою позицію, но Бирма и Анамъ покорены уже европейцами, а возможная роль Кореи или Сіама не представляется, конечно, для насъ страшной. А объединеніе желтой расы подъ гегемоніей Японіи? Это насъ вводитъ во вторую группу историческихъ явленій, выше нами намѣченныхъ для сопоставленія и совмѣстнаго обзора въ настоящей хроникѣ, именно къ внутреннимъ отношеніямъ и силамъ Дальняго Востока съ его самобытною расою и оригинальною культурою, единственною, которая смѣетъ по крайней мѣрѣ мечтать помѣряться съ цивилизаціей нашего гнилого Запада.

II.

Въ 1894 году Японія затѣяла войну съ Китаемъ. Причины были довольно просты. Экономическое развитіе Японіи по западно-европейскому капиталистическому образцу должно было привести и привело къ серьезному экономическому кризису. Гдѣ искать исхода? Можно было его искать во внутреннихъ реформахъ съ цѣлью спасти пошатнувшееся народное хозяйство, обезпечить тѣмъ народное благосостояніе, а этимъ путемъ создать рынокъ для новыхъ производствъ и предпріятій, съ которыми нѣсколько зарвались японскіе подражатели. Это путь болѣе вѣрный, но болѣе трудный и мало питающій національное тщеславіе, котораго, къ сожалѣнію, у японцевъ не меньше, нежели у самыхъ чистокровныхъ европейцевъ. Былъ, однако, и другой

путь, очень распространенный у могущественныхъ народовъ Запада. Путь этотъ—насильственное открытіе рынковъ, а если возможно, то и прямое ихъ завоеваніе. Японія его избрала, намѣтивъ для начала восьмимилліонную Корею, которая считалась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Китаю. Отсюда столкновеніе съ Китаемъ. Эта война показала, какъ снова показываютъ и современныя военныя дѣйствія въ Китаѣ, что японцы въ значительной степени усвоили европейскую военную технику, при помощи которой имъ удалось разгромить мирнаго китайскаго великана. Японія ожидала для себя многаго отъ своихъ успѣховъ, но она сосчитала безъ Европы. Вскорѣ она убѣдилась, что должна дѣйствовать въ тѣсныхъ предѣлахъ, ей отмежеванныхъ. Россія уже во время войны предупредила Японію о необходимости сохранить независимость Кореи, а послѣ войны воспротивилась пріобрѣтенію японцами Портъ-Артура съ Квантунскимъ полуостровомъ. Энергически поддержанная Франціей и Германіей, Россія вынудила у японцевъ всѣ требуемыя уступки, а благодарный Китай даровалъ русскимъ концессію на манчжурскую желѣзную дорогу. Нѣмцы и французы въ знакъ благодарности тоже получили концессіи. Англичане тоже. Японія удовольствовалась Формозой и контрибуціей. Это было не дурно, но не по разыгравшемуся аппетиту.

Симоносекскій мирный японо-китайскій договоръ отъ 27 апрѣля 1895 года съ его уступкой китайцамъ Квантунскаго полуострова и пограничной съ Кореей юговосточной Манчжуріи, съ восьмилѣтнею оккупаціей японцами Вей-Ха-Вея и съ престижемъ Японіи, какъ первенствующей военной и морской державы Дальняго Востока, создавалъ для Японіи выдающееся положеніе, фактически отдавалъ Корею японцамъ и подчинялъ имъ пекинское правительство. Вынужденныя уступки разрушили престижъ, какъ мечту, эмансипировали Пекинъ отъ японскаго вліянія, лишали Японію первоклассныхъ военныхъ позицій и оставляли открытымъ корейскій вопросъ. Симоносекскій договоръ создавалъ условія для единенія, если не объединенія, желтой расы подъ японскою гегемоніей, хотя и насильственной сначала. Но послѣ пересмотра симоносекскаго договора подъ диктовку трехъ континентальныхъ державъ Европы эти условія были уничтожены и теперь можно говорить лишь о добровольномъ единеніи желтой расы подъ главенствомъ японцевъ. Но, во-первыхъ, возможно ли ожидать такого добровольнаго стремленія другъ къ другу правительствъ Токіо, Пекина, Сеула и Хлассы, хотя бы только этихъ сначала? А во-вторыхъ, допустятъ ли до этого европейцы, таже континентальная Европа, хотя бы и безъ содѣйствія Англіи?

Несомнѣнно, что послѣ пересмотра симоносекскаго мирнаго трактата событія на Дальнемъ Востокѣ развивались въ томъ направленіи, чтобы патріотамъ народовъ этого Востока внушать

идею о необходимости единенія этихъ народовъ съ цѣлью оградить ихъ свободу и независимость отъ европейскихъ посягательствъ. Урокъ, полученный японцами въ 1895 году, они конечно не забыли. Благодарные за заступничество китайцы сначала старались угодить европейцамъ, особенно русскимъ, нѣмцамъ и французамъ. Концессіи, льготы, привилегіи сыпались изъ рога изобилія. Иностранцы все это принимали, однако, какъ явный знакъ совершенной слабости Китая и не замѣчали, что своими промышленными предпріятіями начинаютъ подрывать вѣковые устои національной жизни великаго народа. Неудовольствіе росло въ массѣ, которую иноземцы лишали привычнаго заработка (хотя бы напр. транспорта, судоходства и пр.), а съ другой стороны та же увѣренность въ слабости Китая дала сильный толчекъ и дѣятельности миссіонеровъ, задѣвая уже и религіозныя чувства народа. Создавались условія, по необходимости питавшія неудовольствіе и возбуждавшія непріязнь къ иностранцамъ вообще. Происходили кое-гдѣ и столкновенія. Въ Шандунской провинціи былъ убитъ нѣмецкій миссіонеръ. Это событіе повело къ эволюціи, которую приходится называть не иначе, какъ *первымъ раздѣломъ Китая*. Въ наказаніе за убійство нѣмца-миссіонера Германія заняла въ той же Шандунской провинціи портъ Кяо-Джеу съ окружающей территоріей. Слабое правительство императора Гюань-Сю санкціонировало этотъ захватъ. Тогда другія державы потребовали себѣ компенсаціи, т. е. соотвѣтственныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Россія получила Портъ-Артуръ и Таліенванъ съ южною частью Квантунскаго полуострова; Англія заняла Вей-Ха-Вей и Кулунскій полуостровъ около Гонъ-Конга; Франція—портъ Гюань-Джеу въ Гюаньдунской провинціи, пограничной съ Тонкиномъ.

Этого мало. Въ свой договоръ объ уступкѣ Вей-Ха-Вея Англія ввела статью о томъ, что Китай обязуется никому не уступать безъ согласія Англіи никакихъ территорій въ бассейнѣ Янъ-Тсе-Кіанга. Въ формѣ, которая не могла внушить подозрѣнія невиннымъ въ международномъ правѣ мандаринамъ, это было однако отчужденіе въ пользу королевы Викторіи части верховныхъ правъ богдыхана на добрую треть собственнаго Китая. И на этотъ разъ державы потребовали компенсацію и часть верховныхъ правъ Китая, именно право распоряжаться собственною территоріей по собственному усмотрѣнію, была отчуждена: въ пользу Россіи на всѣ территоріи сѣвернѣе Пекина; въ пользу Германіи—на Шандунскую провинцію; въ пользу Франціи—на всѣ территоріи южнѣе бассейна Янъ-Тсе-Кіанга; даже въ пользу Японіи—на земли, лежащія около Формозскаго пролива. Экспропріація верховной власти богдыхана на этомъ не остановилась. Англичане включили въ свой договоръ условіе, что управляющій таможеннымъ китайскимъ вѣдомствомъ долженъ быть непремѣнно

англичанинъ, назначаемый пекинскимъ правительствомъ по соглашенію съ англійскимъ. Французы добились для себя такого же обязательства, что во главѣ китайскаго почтоваго вѣдомства будетъ поставленъ на подобныхъ же условіяхъ французъ. Право назначенія сановниковъ и администраторовъ по собственному усмотрѣнію такимъ образомъ тоже частью было уже отчуждено, частью поставлено въ положеніе, при которомъ дальнѣйшее отчужденіе становилось и возможнымъ и вѣроятнымъ. Послѣ отчужденія части этихъ правъ въ пользу Англіи и Франціи, естественно было ожидать стремленія къ компенсаціямъ со стороны и другихъ державъ, Германіи и Россіи въ первой линіи.

Паденіе независимости Китая не остановилось и на этомъ. Въ томъ же англо-китайскомъ договорѣ, по которому, кромѣ уступки Вей-Ха-Вея и Кулуна, было положено начало упомянутому паденію независимости отказомъ Китая въ пользу Англіи отъ полнаго суверенитета надъ долиною Янъ-Тсе-Кіанга и отъ самостоятельности въ дѣлѣ назначенія части собственныхъ чиновниковъ, были включены еще двѣ статьи: одна, обязывавшая Китай отмѣнить всѣ внутреннія ввозныя и вывозныя пошлины (такъ назыв., *ликины*), и другая, по которой Китай обязательно открывалъ для иностранной навигаціи и торговли *всѣ* судоходныя рѣки и каналы имперіи. То и другое было новымъ и весьма существенныхъ ограниченіемъ независимости. Если къ этому прибавить, что на дарованныхъ концессіяхъ иностранцы учреждали собственную вооруженную охрану, то можно ли послѣ этого серьезно говорить о независимости Китая въ эпоху, когда китайскіе патріоты съ вдовствующей императрицей во главѣ взяли въ опеку слабаго, хотя и добронамѣреннаго, богдыхана Гуань-Сю, сумѣвшаго такъ быстро и такъ дешево растерять существенныя прерогативы своей страны, своего правительства и своей династіи? Настоящая борьба есть неизбѣжное послѣдствіе желанія китайскаго правительства возстановить потерянную независимость. Съ этой точки зрѣнія и надобно ее разсматривать. Съ этой точки зрѣнія она можетъ подготовить почву для японо-китайскаго сближенія. И это станетъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ, смотря по той политикѣ, которую европейскія державы нынѣ одобрятъ относительно Китая. Среди многаго и многаго разнообразія возможныхъ программъ китайской политики соединенной Европы, нельзя не видѣть три группы такихъ программъ:

Программы, преслѣдующія *справедливое* рѣшеніе китайскаго вопроса, которое должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ *прочнымъ* и *устойчивымъ*.

Программы, преслѣдующія только *прочность* и *устойчивость* намѣчаемыхъ рѣшеній.

Программы, наконецъ, не задающіяся задачами ни справедливости, ни прочности и устойчивости, а стремящіяся лишь *ула-*

дить современныя затрудненія, наказать виновныхъ, получить вознагражденіе и возстановить нарушенныя права.

Обсуждаются преимущественно программы послѣдней категоріи. Онѣ очень разнообразны, потому что и затрудненія испытываются не всѣми одинаковыя, и права понимаются очень различно. Какъ нибудь уладить эти разногласія, вѣроятно, представляется не очень недостижимымъ, но что дастъ такое улаженіе для рѣшенія китайскаго вопроса? Кромѣ наказанія нѣкоторыхъ патріотовъ, естественнаго обѣднѣнія значительныхъ провинцій, денежной контрибуціи иностранцамъ (все это пункты, не возбуждающіе споровъ между союзниками), Китай, вѣроятно, въ такомъ случаѣ потеряетъ еще нѣкоторыя территоріи, хотя бы въ видѣ безсрочной оккупаціи, долженъ будетъ принять на болѣе или менѣе значительный срокъ иностранные гарнизоны и *выполнить всѣ ранѣе принятыя обязательства*. Послѣднее самое важное, потому что это значитъ; иностранная навигація по всѣмъ внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ, цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, разработка иностранцами горныхъ богатствъ страны, цѣлая сѣть факторій и агентуръ, цѣлая сѣть миссій и свободное обращеніе въ христіанство, контроль иностранцевъ надъ назначеніемъ чиновниковъ, надъ финансами, надъ свободнымъ распоряженіемъ своей территоріей и т. д. Словомъ, не только не возстановленіе независимости, ради чего была затѣяна отчаянная борьба, но ея еще большее ограниченіе. И при этомъ, однако, сохраненіе самостоятельнаго правительства, арміи и флота. Европейцы, по прежнему, будутъ охотно поставлять усовершенствованное оружіе, строить грозные броненосцы, снабжать инструкторами. Борьба, по необходимости, возобновится черезъ извѣстный срокъ. Для союза народовъ желтой расы подъ гегемоніей Японіи создастся широкое основаніе и, если для бѣлой расы въ ея совокупности, этотъ союзъ всетаки не будетъ опасенъ, то въ виду постоянныхъ раздоровъ въ средѣ бѣлой расы, онъ можетъ быть очень опасенъ для того или другого изъ европейскихъ народовъ, противъ котораго его европейскіе же братья призовутъ на помощь монголовъ. Особенно чувствительно измѣнилось бы международное положеніе нашего отечества. Россія должна бы была подумать тогда о защитѣ восьми тысячъ верстъ своей китайской границы, остававшихся до сихъ поръ совершенно безъ военной охраны. Какія бы частныя выгоды ни были извлечены изъ настоящихъ военныхъ успѣховъ, а съ другой стороны, какъ ни низко оцѣнивать боевое значеніе отдѣльной китайской единицы, эта оцѣнка отступаетъ передъ числомъ, а всѣ эти выгоды—передъ перспективою боевой охраны восьмитысячно-верстной границы отъ непріятеля, всегда готоваго къ нападенію и безпощадной борьбѣ. Англія и Америка, отдѣленныя морями, могутъ полагаться на свои флоты и привѣтствовать всякое ускореніе рѣшенія, хотя бы и опасное

для континентальныхъ сосѣдей Китая. Японія разсчитываетъ изъ такого рѣшенія извлечь выгоду. Это рѣшеніе не выгодно континентальной Европѣ вообще, Россіи — въ частности и въ особенности.

Сохраненіе теперешней несправедливой системы европейскихъ договоровъ съ Китаемъ, лишающихъ его независимости, и въ то же самое время сохраненіе независимой китайской организаціи, правительственной и военной, именно и создаютъ совмѣстно почву для этой опасной эволюціи. Или устраненіе несправедливости при полномъ возстановленіи независимости, или отмѣна и самостоятельной военной организаціи Китая и замѣна ее мѣстными автономіями подъ общеевропейскою охраною и контролемъ,—таковы два прочныхъ и устойчивыхъ рѣшенія китайскаго вопроса.

Что надобно для перваго, единственно вполнѣ достойнаго и справедливаго рѣшенія? Прежде всего, конечно, отмѣнить всѣ эти, очевидно, по недоразумѣнію, отчужденныя права китайскаго правительства. Оно можетъ приглашать иностранцевъ на службу, но не должно быть къ тому обязано. Оно можетъ допустить иностраннную навигацію по своимъ внутреннимъ сообщеніямъ, но не нарушая элементарныхъ правъ суверенитета не можетъ быть къ тому обязываемо иначе, какъ на опредѣленный срокъ. Оно можетъ разрѣшить свободную проповѣдь христіанства, но нельзя его заставлять это дѣлать и нельзя китайцевъ-христіанъ ставить внѣ китайскаго закона. Миссіонеры могутъ проповѣдывать Слово Божіе за свой рискъ и страхъ, но ставить ихъ при этомъ подъ военную охрану европейцевъ значитъ, въ сущности, одобрять насильственную проповѣдь и служителей Христа превращать въ политическихъ агентовъ земныхъ властителей. Если мы въ этомъ и во всякихъ другихъ вопросахъ одобримъ ту единственно достойную точку зрѣнія, которая указана Евангеліемъ: *не желай другому, чего себѣ не желаешь*, то найдемъ и почву для справедливаго рѣшенія китайскаго вопроса. Возвратите независимость и свободу великому народу, живущему уже многія тысячелѣтія, а за убытокъ возьмите, сколько слѣдуетъ, за преступленія взыщите. Эти пени и взысканія не создадутъ постоянной вражды и ненависти, какъ то создаетъ положеніе, которое предшествовало взрыву 1900 года и которое можетъ снова водвориться на исторической почвѣ великой имперіи. Его надо избѣгнуть и Китай, независимый, не цивилизуемый насильственно, временно быть можетъ снова замкнувшійся, снова будетъ наилучшимъ сосѣдомъ, мирнымъ спокойнымъ великаномъ, медленно влекущимъ въ даль свою много испытанную исторію.

III.

Однако, каковы шансы той или иной программы? На это намъ дастъ отвѣтъ краткое обозрѣніе европейскаго концерта въ его отношеніяхъ къ Китаю и вообще къ Дальнему Востоку.

Всматриваясь въ отрывочныя проявленія взглядовъ различныхъ державъ на китайскій вопросъ, мы легко различимъ двѣ группы державъ. Съ одной стороны, это Англія, Америка и Японія, съ другой стороны, континентальная Европа, преимущественно Россія и Германія. Не то, чтобы интересы первыхъ трехъ державъ были бы одинаковы, или чтобы континентальная Европа была солидарна въ своей китайской программѣ, или чтобы существовалъ антагонизмъ интересовъ между державами первой и второй группы. Нѣтъ, ни такой солидарности внутри каждой группы, ни такого антагонизма между двумя группами въ ихъ совокупности не существуетъ, по крайней мѣрѣ, не проявляется. Различные и во многомъ антагоничные между собою интересы Англіи, Америки и Японіи сходятся въ одномъ: всѣ онѣ заинтересованы, чтобы замѣшательства были поскорѣе кончены и чтобы status quo правъ и отношеній, какъ они сложились до войны, былъ по возможности не нарушимъ. Америка, въ самомъ дѣлѣ, не желаетъ впутываться въ эти дѣла и, вынужденная къ тому нападеніемъ самихъ китайцевъ, рада будетъ всакому исходу, который дастъ возможность удалиться съ почетомъ и безъ матеріальнаго ущерба. У Англіи теперь связаны руки и кровавою борьбою въ Африкѣ, и бѣдствіемъ въ Индіи, и отчужденіемъ отъ нея народовъ Европы, благодаря все той же нечестивой южно-африканской войнѣ. Всякая отсрочка рѣшенія китайскаго вопроса ей поэтому выгодна, а съ другой стороны, именно Англія пріобрѣла важнѣйшія уступки, составившія нарушеніе китайской независимости и составляющія весьма и весьма крупную матеріальную цѣнность. Что касается Японіи, то только сохраненіе европейской опеки въ ея настоящей несправедливой формѣ, при сохраненіи самостоятельной правительственной и военной организаціи Китая, и открываетъ тѣ широкія политическія перспективы, которыя такъ ласкаютъ тщеславіе Японіи послѣ достигнутыхъ успѣховъ, и ея желаніе реванша послѣ тяжкаго урона 1895 года. Такимъ образомъ, по совершенно различнымъ причинамъ, три державы изъ числа союзно-дѣйствующихъ въ Китаѣ склонны къ возможно скорому миру на основахъ status quo ante. Разница въ слѣдующемъ: Америка не заинтересована въ сохраненіи нечаянно, по недоразумѣнію состоявшагося отчужденія верховныхъ правъ богдыхана, въ ея пользу никакого отчужденія не состоялось. Въ пользу Японіи такое отчужденіе было сравнительно незначительное и, при стремленіи къ союзу

съ Китаемъ, Японіи неудобно было бы возражать противъ уничтоженія этого отчужденія и возстановленія полнаго суверенитета китайскаго государства. За то для Англіи едва-ли не вся программа, такъ назыв., „открытыхъ дверей“ въ Китаѣ заключалась въ томъ, чтобы вмѣсто размежеванія сферъ интересовъ державъ установить постепенную конфискацію верховныхъ правъ богдыхана. Мы выше видѣли, что въ этомъ направленіи достигнуто ею очень многое и очень цѣнное. Было бы неблагоразумно ожидать, чтобы Англія *добровольно* отреклась отъ этихъ выгодъ и пріобрѣтеній, если бы какая-либо держава подняла вопросъ о рѣшеніи китайскаго вопроса путемъ честнаго возстановленія китайской независимости. Если, однако, континентальная Европа теперь этого вопроса не подниметъ, и согласится на полурѣшеніе, которое неизбѣжно явится только перемиріемъ, то въ роковой моментъ борьбы съ желтой расой она можетъ увидѣть Англію въ союзѣ съ монголами. Тогда Англія сама, вѣроятно, будетъ за независимость Китая и потому, во первыхъ, что эту независимость трудно будетъ не даровать, и потому, во вторыхъ, что вытѣсненіе конкуррентовъ изъ независимаго Китая будетъ Англіи выгоднѣе *совмѣстной* съ ними опеки. Слабость Англіи въ настоящую минуту— единственный шансъ для возстановленія въ настоящее время полной независимости Китая, единственный исходъ, который соединяетъ прочность и устойчивость со справедливостью и честнымъ миромъ. Въ такомъ исходѣ наиболѣе всего заинтересована Россія, а затѣмъ и другія страны континентальной Европы. Можно-ли думать, что дипломатія континентальной Европы выдвинетъ именно эту программу?

Достовѣрно одно, что континентальная дипломатія расходится во взглядахъ съ англійскою и настаиваетъ на рѣшеніи, болѣе прочномъ и лучше обезпечивающемъ будущее. Весьма возможно, что въ этомъ отношеніи еще не достигнуто полнаго единенія взглядовъ. Рѣчь Делькассе можно было бы истолковать, какъ довольно близкую къ справедливому рѣшенію и склоняющуюся къ признанію китайской независимости; рѣчи императора Вильгельма носятъ другой характеръ. И Делькассе, и Вильгельмъ говорили о солидарности своихъ странъ съ Россіей. Очевидно, переговоры еще не завершились и хотѣлось бы надѣяться, что они завершатся въ интересахъ справедливости, которая обезпечитъ прочный, честный миръ и спокойное развитіе народовъ Дальняго Востока, устранивъ и желтый призракъ, иначе, хотя и не роковой, но и не безопасный.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Законъ 12 іюня о предѣльности земскаго обложенія.—Его мотивировка и отзывы печати о немъ.—Рѣчь г. Пуришкевича.—II. Сельско-хозяйственные итоги лѣта, — Неурожай на югѣ и юго-западѣ Европейской Россіи и въ Сибири.—Изъ опыта недавняго прошлаго.—Къ вопросу о сельскихъ рабочихъ.—III. Послѣднія финансовыя мѣропріятія.—IV. Одесскій погромъ.—Приказы кн. Имеретинскаго по войскамъ варшавскаго военнаго округа.—Послѣднія мѣры относительно печати.—V. Смерть Г. А. Джаншіева и Вл. С. Соловьева.

I.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ постепенно выясняются итоги законодательной дѣятельности минувшаго года. „Едва ли не наиболѣе существенными результатами только что закончившейся законодательной сессіи—писали мы въ прошломъ мѣсяцѣ—являются территоріальное распространеніе института земскихъ начальниковъ и съуженіе дѣятельности земства путемъ изъятія изъ его компетенціи продовольственнаго дѣла“. Теперь къ этимъ результатамъ присоединился еще одинъ,—въ видѣ общаго ограниченія средствъ земства и, слѣдовательно, размѣровъ его дѣятельности. Въ газетахъ обнародовано Высочайше утвержденное 12 іюня мнѣніе государственнаго совѣта объ установленіи предѣльности земскаго обложенія и объ освобожденіи земствъ отъ нѣкоторыхъ расходовъ. Слухи о готовящемся преобразованіи въ видѣ фиксаціи земскихъ расходовъ или же такого ихъ урегулированія, которое близко подходило бы по своему смыслу къ фиксаціи, не затихали въ теченіе всего прошедшаго года и, нужно сказать, эти слухи нашли себѣ довольно единодушную оцѣнку во всей почти нашей прессѣ, за исключеніемъ лишь крайнихъ консервативныхъ органовъ. Поскольку общественное мнѣніе выражается у насъ въ печати, оно высказалось въ этомъ вопросѣ вполнѣ ясно и опредѣленно. Въ свою очередь и мы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ имѣли уже случай изложить свой взглядъ на значеніе подготовлявшейся реформы земской дѣятельности *) и въ виду этого теперь, когда такая реформа осуществилась, можемъ ограничиться изложеніемъ вводимыхъ ею измѣненій, не возвращаясь болѣе къ вопросу объ общемъ ея смыслѣ.

Порядокъ ограниченія земскихъ расходовъ, установленный закономъ 12 іюня, нѣсколько отличается отъ предположеннаго въ томъ проектѣ, о которомъ шла рѣчь въ апрѣльской хроникѣ на-

---

*) «Р. Богатство», 1900, № 4, Хроника внутренней жизни, сс. 190—195.

шего журнала. Эти отличія, впрочемъ, не особенно существенны. Подобно обсуждавшемуся ранѣе проекту, и законъ 12 іюня предполагаетъ прочное установленіе предѣльности земскаго обложенія лишь въ будущемъ. Государственный совѣтъ предоставилъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ ко времени окончанія въ земскихъ губерніяхъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, производимой на основаніи закона 8 іюня 1894 г., внести на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ предположенія объ установленіи закономъ той доли цѣнности или доходности недвижимыхъ имуществъ, которой не должны превышать земскіе сборы. Впредь до установленія предѣльности земскаго обложенія указаннымъ способомъ законъ 12 іюня вводитъ для этого обложенія особыя правила. Въ главныхъ чертахъ они сводятся къ слѣдующему. Внесеніе въ земскія смѣты новыхъ необязательныхъ расходовъ допускается не иначе, какъ по докладу управы или послѣ предварительнаго разсмотрѣнія предположеній о новыхъ ассигнованіяхъ въ особыхъ коммиссіяхъ изъ гласныхъ. При этомъ земскіе сборы съ недвижимыхъ имуществъ не могутъ быть повышаемы, по усмотрѣнію земскихъ учрежденій, болѣе, нежели на три процента въ годъ. Если же повышеніе земскихъ сборовъ въ теченіе одного или нѣсколькихъ лѣтъ будетъ ниже трехпроцентной нормы, то въ послѣдующіе годы земскія собранія могутъ увеличить сборы и сверхъ этой нормы, но не болѣе, какъ на 10% противъ предшествующаго года, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы общій размѣръ повышенія обложенія за истекшее съ 1900 г. время не превышалъ нормы. Изъ этого общаго правила допускаются и исключенія, поставленныя однако въ зависимость отъ усмотрѣнія губернской и высшей администраціи. Земскія собранія могутъ проектировать увеличеніе сборовъ и выше указанной нормы, но составленныя ими на такихъ основаніяхъ смѣты восходятъ на утвержденіе губернатора и не приводятся въ исполненіе до этого утвержденія. Губернаторъ вноситъ подобную смѣту на обсужденіе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія и затѣмъ, въ мѣсячный срокъ, либо утверждаетъ ее, согласно заключенію присутствія, либо представляетъ на усмотрѣніе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Послѣднее практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда проектированное земствомъ увеличеніе сборовъ сверхъ нормы присутствіемъ или самимъ губернаторомъ будетъ признано обременительнымъ для населенія или не вызывающимся необходимостью. Не утвержденная губернаторомъ смѣта въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня полученія ея послѣднимъ можетъ быть остановлена министромъ внутреннихъ дѣлъ; если за этотъ срокъ такой остановки не послѣдуетъ,—смѣта считается утвержденной. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда представленная на усмотрѣніе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ смѣта не будетъ утверждена ими, они, руководясь заключеніями губерн-

скаго присутствія и ходатайствами земскаго собранія, указываютъ послѣднему тѣ статьи расхода, которыя подлежатъ сокращенію или исключенію изъ смѣты. Если же названные министры, признавъ предположенное земствомъ увеличеніе сборовъ сверхъ нормы непосильнымъ для населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ сочтутъ указанные собраніемъ расходы необходимыми, то они входятъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ отнесеніи впредь нѣкоторыхъ расходовъ губерніи или уѣзда на счетъ казны или объ оказаніи земству воспособленія иного рода; на удовлетвореніе же потребности текущаго года земству въ этихъ случаяхъ будетъ отпускаться пособіе изъ особаго кредита, включаемаго съ 1901 г. въ расходную смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, какъ бы въ противовѣсъ произведенному сокращенію земскихъ средствъ, законъ 12 іюня освобождаетъ земство отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, до сихъ поръ лежавшихъ на немъ. Съ 1900 г. земства освобождаются отъ уплаты казнѣ квартирныхъ окладовъ полицейскихъ чиновъ, получающихъ квартиры въ казенныхъ зданіяхъ, и вознагражденія за помѣщеніе въ казенныхъ же зданіяхъ воинскихъ присутствій. Начиная съ 1901 г., на счетъ государственнаго казначейства относятся еще и слѣдующіе расходы: по квартирному довольствію судебныхъ слѣдователей и чиновъ полиціи, по содержанію секретарей губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій и по ассигнованію относящейся на земскія средства части канцелярскихъ издержекъ этихъ присутствій, и по содержанію и дѣлопроизводству присутствій по воинской повинности. Всѣ вмѣстѣ взятые расходы эти достигали запослѣднее время въ земскомъ бюджетѣ суммы въ 1.450.000 р.

Такимъ образомъ, принципіально предрѣшая установленіе въ будущемъ предѣльности земскаго обложенія въ видѣ процента съ цѣнности или доходности недвижимыхъ имуществъ, законъ 12 іюня создаетъ пока ради достиженія той же самой цѣли лишь временный порядокъ. Но срокъ дѣйствія этого порядка не указанъ въ законѣ и легко можетъ оказаться весьма продолжительнымъ, тѣмъ болѣе, что земскія оцѣночныя работы, по завершеніи которыхъ предполагается выработка новаго закона о земскомъ обложеніи, едва-ли могутъ быть очень скоро приведены къ окончанію. Переживаемая нами эпоха вообще изобилуетъ подобнаго рода временными правилами, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ замѣняющими постоянные законы и нерѣдко даже получающими бо́льшую устойчивость и болѣе серьезное значеніе, нежели эти послѣдніе. Возможно однако серьезно задуматься надъ вопросомъ объ удобствахъ такого пути, охотно избираемаго для себя современнымъ законодательствомъ. „Бываютъ — писала недавно по этому поводу газета „Право“—исключительныя времена, требующія исключительныхъ законовъ; таковы эпохвнутр иннейе

или международной смуты, общенародныхъ бѣдствій или опасностей; переходныя эпохи отъ одного соціальнаго или государственнаго порядка къ другому. Въ такія времена умѣстны особые, временные законы, соотвѣтствующіе категорическимъ требованіямъ минуты. Но, казалось бы, что особеннаго, исключительнаго въ переживаемой нами эпохѣ? Почему наше время „не призвано законодательствовать“? Авторы проектовъ всевозможныхъ временныхъ правилъ врядъ-ли согласились бы признать переживаемую нами эпоху „временной“, ненормальной, переходной; а между тѣмъ мы живемъ какъ-то на бивуакахъ, не за крѣпкой стѣной и надежной кровлей закона, а въ наскоро разбитыхъ палаткахъ временныхъ правилъ“ *). Возможныя неудобства разсчитаннаго на короткій срокъ бивуачнаго помѣщенія не привлекаютъ къ себѣ особенно пристальнаго вниманія и съ ними сравнительно легко мирится мысль законодателя. Но за то тѣмъ ощутительнѣе становятся эти неудобства, когда срокъ пребыванія въ такомъ помѣщеніи затягивается и оно изъ раскинутаго на время лагеря обращается въ болѣе или менѣе постоянное жилище. Временныя правила, получившія свою санкцію 12 іюня, возводятъ для русскаго земства именно такое жилище, разсчитанное на срокъ, но обѣщающее довольно продолжительное существованіе. Тѣмъ болѣе интереса представляетъ содержаніе этихъ правилъ.

Обращаясь къ существу установленнаго новымъ закономъ порядка, приходится прежде всего отмѣтить, что онъ несетъ съ собою значительное ограниченіе средствъ земскаго хозяйства. Освобожденіе этимъ закономъ земства отъ нѣкоторыхъ изъ обязательныхъ расходовъ не дастъ особенно замѣтныхъ результатовъ, такъ какъ земскій бюджетъ и на будущее время остается обремененнымъ гораздо болѣе существенными расходами такого рода. Съ другой стороны установленіе трехпроцентной нормы ежегоднаго увеличенія земскаго бюджета знаменуетъ серьезное замедленіе въ ростѣ послѣдняго: въ среднемъ земскій бюджетъ въ предшествующіе годы возрасталъ на 5% въ годъ. Благодаря этому на пути увеличенія земскихъ затратъ на необязательные для земства расходы создается трудно преодолимая преграда. Напомнимъ, что въ ряду земскихъ расходовъ этого типа первое мѣсто занимаютъ народная школа и земская медицина. Всякое увеличеніе земствомъ своихъ расходовъ сверхъ положенной нормы подвергаетъ, далѣе, земскую смѣту во всемъ ея объемѣ разсмотрѣнію губернской и центральной администраціи, отъ которой зависитъ не утвердить такую смѣту. Создавъ такой порядокъ, законъ 12 іюня лишь развиваетъ далѣе принципъ фактическаго контроля администраціи надъ земскимъ хозяйствомъ, послужившій однимъ изъ основныхъ началъ земскаго Положенія 1890 года. Но не

*) «Право», 30 іюля 1900 г., № 31.

трудно предсказать и естественный исходъ такого развитія. Если принять во вниманіе, что новый законъ сохраняетъ въ силѣ правило, согласно которому и нормальныя земскія смѣты могутъ быть признаны явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія, и припомнить соотвѣтствующую практику губернаторской власти за послѣдніе годы, то едва-ли возможно питать серьезныя сомнѣнія въ томъ, что результатомъ новаго порядка въ ближайшемъ будущемъ явится въ большинствѣ случаевъ фиксація земскихъ расходовъ на достигнутомъ ими ранѣе уровнѣ. Теоретически законъ предоставляетъ, правда, возможность утвержденія превышающихъ норму земскихъ смѣтъ и губернской, и высшей администраціи, но господствующая практика оставляетъ мало мѣста надеждѣ на широкое примѣненіе этой возможности. Столь же мало приходится разсчитывать и на частое оказаніе пособій земству изъ средствъ государственнаго казначейства, предусматриваемое закономъ въ тѣхъ случаяхъ, когда министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ признаютъ намѣченные земствомъ расходы необходимыми, но непосильными для мѣстнаго населенія.

Это послѣднее постановленіе закона 12 іюня можетъ, впрочемъ, получить немаловажное практическое значеніе. По словамъ „Торгово-Промышленной Газеты", въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи упомянутаго закона указывалось между прочимъ на „огромное практическое значеніе" этой мѣры, заключающееся въ томъ, что „она считается съ крайнимъ разнообразіемъ финансоваго положенія отдѣльныхъ земствъ". Не имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе точныхъ и подробныхъ указаній на мотивы приведеннаго мнѣнія, мы должны сказать, что намъ возможное вліяніе этой мѣры представляется въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Мѣстныя нужды, степень ихъ настоятельности и взаимное ихъ отношеніе сравнительно легко и просто оцѣниваются въ самой мѣстности, людьми, знакомыми со всѣми ея условіями. Эта простота и ясность оцѣнки потребностей населенія мѣстными дѣятелями неизбѣжно утрачиваются при передачѣ вопроса на рѣшеніе губернскихъ и, тѣмъ болѣе, центральныхъ административныхъ учрежденій, по самому роду своихъ занятій привыкшихъ стремиться къ водворенію единообразнаго общаго порядка. Ходатайства, путемъ которыхъ земскимъ собраніямъ предоставлено отстаивать свои смѣты, потребуютъ отъ земствъ, которыя захотятъ воспользоваться своимъ правомъ, немалаго количества работы, но вся эта бумажная работа едва-ли окажется способной осилить общія условія жизни и ввести административныхъ дѣятелей въ ту совокупность жизненныхъ условій, подъ вліяніемъ которой приходилось и приходится пока работникамъ земства выполнять свою миссію. Восходя по инстанціямъ, земскія ходатайства о мѣстныхъ нуждахъ, несомнѣнно, будутъ постепенно утрачивать значительную долю своего вѣса и въ окончательномъ счетѣ подвергнутся оцѣнкѣ съ

точки зрѣнія задачъ, поставленныхъ себѣ общею государственной политикой текущей минуты. Имѣя это въ виду, отъ указанной мѣры приходится скорѣе ожидать не сохраненія существующаго разнообразія земскаго хозяйства, а подчиненія послѣдняго, по крайней мѣрѣ, поскольку оно будетъ выходить изъ предѣловъ нормальныхъ смѣтъ, общимъ соображеніямъ, диктуемымъ изъ центра. Установленное закономъ сокращеніе роста земскихъ расходовъ можетъ такимъ образомъ потерять свою силу лишь подъ условіемъ подчиненія земскаго хозяйства активному руководительству центральныхъ и мѣстныхъ административныхъ учрежденій, при наличности котораго совершенно измѣняется смыслъ инициативы самого земства. Наряду съ этимъ фактомъ сравнительно маловажное уже значеніе имѣетъ продолжительный срокъ, назначенный для утвержденія земскихъ смѣтъ, хотя сама по себѣ продолжительность этого срока и можетъ отразиться нѣкоторымъ разстройствомъ хозяйственныхъ операцій земства.

Не такъ давно въ „Вѣстникѣ Финансовъ" были обнародованы и мотивы, послужившіе къ изданію закона 12 іюня. Изъ названнаго источника мы узнаемъ, что главными мотивами такого рода явилось признаніе невозможности безпредѣльнаго мѣстнаго обложенія, подтверждаемой опытомъ западно-европейскихъ государствъ, и стремленіе оградить интересы плательщиковъ отъ непосильнаго обложенія; само земство считается при этомъ неспособнымъ достигнуть такого огражденія собственными силами благодаря неравномѣрному представительству разнообразныхъ мѣстныхъ интересовъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Опытъ Западной Европы едва-ли можетъ однако служить руководителемъ на томъ пути, который избранъ закономъ 12 іюня. Не говоря уже о томъ, что финансовое хозяйство западно-европейскихъ государствъ построено на основаніяхъ, значительно отличающихся отъ принятыхъ у насъ, въ большинствѣ государствъ, установившихъ предѣльность мѣстнаго обложенія, она существуетъ въ видѣ извѣстнаго процента обложенія на обще-государственныя нужды, благодаря чему ростъ мѣстныхъ и общихъ государственныхъ расходовъ происходитъ параллельно. Законъ же 12 іюня, совершенно не касаясь государственнаго бюджета, не устанавливаетъ ничего подобнаго этому параллелизму. Между тѣмъ хорошо извѣстно, что ростъ нашихъ государственныхъ расходовъ совершается въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, въ сравненіи съ которыми все земское обложеніе, вмѣстѣ взятое, представляется ничтожнымъ. Но невозможность ограниченія роста государственнаго бюджета на началахъ, принятыхъ отнынѣ для земскихъ расходовъ, не подлежитъ сомнѣнію. Непрестанное разростаніе потребностей государства не позволяетъ удерживать на одномъ уровнѣ и размѣръ податного обложенія. Правильное разрѣшеніе создающейся такимъ образомъ задачи заключается не въ безусловной остановкѣ роста бюджета, а въ пе-

ренесенiи его излишка на счетъ тѣхъ новыхъ источниковъ доходовъ, которые создаются экономическимъ развитiемъ страны. Это положенiе, признаваемое за безспорное въ области государственнаго хозяйства, сохраняетъ свою силу и по отношенiю къ хозяйству мѣстному, завѣдыванiе которымъ сосредоточено въ рукахъ земства. Изысканiе новыхъ источниковъ доходовъ и здѣсь могло и должно было оказаться болѣе плодотворнымъ путемъ для удовлетворенiя интересовъ населенiя, нежели общее сокращенiе расходовъ. Подобный путь не представилъ бы особенныхъ затрудненiй, и на него неоднократно указывали сами земства, свидѣтельствуя, что главная доля земскихъ сборовъ ложится на землевладѣнiе, и ходатайствуя о привлеченiи торговли и промышленности къ большему участiю въ расходахъ по мѣстному общественному хозяйству.

Врядъ-ли болѣе состоятеленъ и другой мотивъ, приводимый въ пользу новаго порядка и указывающiй на неравномѣрность представительства различныхъ мѣстныхъ интересовъ въ земствѣ. Съ правильностью послѣдняго указанiя легко согласиться, но признанiе этой правильности скорѣе способно породить представленiе о необходимости измѣненiя системы земскаго представительства, нежели основанiй земскаго хозяйства. Въ настоящемъ своемъ видѣ земство, организованное на сословномъ началѣ, съ явнымъ перевѣсомъ къ тому же одного изъ сословiй, дѣйствительно не отражаетъ въ себѣ всѣхъ мѣстныхъ интересовъ въ равной степени. Но этотъ характеръ земства остается неприкосновеннымъ и на будущее время, а вмѣстѣ съ тѣмъ размѣры его дѣятельности сильно съуживаются и оно теряетъ немалую долю своей, и безъ того не очень значительной, самостоятельности. То и другое неизбѣжно отразится, конечно, и на жизнеспособности учрежденiя. Правда, оффицiальная мотивировка закона 12 iюня не предвидитъ возможности такого его влiянiя. Напротивъ, по словамъ „Вѣстника Финансовъ“, общее собранiе государственнаго совѣта, обсуждая выработанный министерствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ законопроектъ, „признало необходимымъ предпослать своимъ сужденiямъ по существу дѣла то общее соображенiе, что настоящая мѣра, находясь въ тѣсной связи съ преобразованiями, которыя уже осуществлены въ области прямого обложенiя вообще и земскихъ финансовъ въ частности, отнюдь не можетъ быть разсматриваема, какъ стремленiе правительства ослабить самыя основы земскаго самоуправленiя. Тотъ или другой объемъ дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправленiя, то или другое значенiе, присвоенное ему въ общемъ государственномъ строѣ, не находится, по указанiю государственнаго совѣта, ни въ какой внутренней связи съ вопросомъ о предѣльности земскаго обложенiя. Вопросъ этотъ разрѣшается вполнѣ самостоятельно и не можетъ и не долженъ быть смѣшиваемъ съ принципiальными сужденiями

о земствѣ и его значеніи въ общей организаціи государственнаго управленія". Къ сожалѣнію, эти благія пожеланія страдаютъ чрезмѣрною теоретичностью, слишкомъ мало считаясь съ условіями дѣйствительности. Въ сущности же жизнеспособность всякаго учрежденія неразрывно связана съ размѣрами его дѣятельности и предѣлами предоставленной ему компетенціи. Лишенныя возможности широкаго и безпрепятственнаго развитія своихъ начинаній, вынужденныя дѣйствовать въ строго отмѣренныхъ границахъ и подчиняться не только неослабному контролю, но и извѣстному руководительству со стороны администраціи, земскія учрежденія тѣмъ самымъ обрекаются на неподвижность и застой, необходимымъ послѣдствіемъ которыхъ явится постепенное омертвѣніе нѣкогда полнаго жизни института.

Въ виду сказаннаго мы не рѣшились бы присоединиться къ оптимистическимъ напутствіямъ и ожиданіямъ, которыми часть прессы сопроводила законъ 12 іюня. „Теперь важно,—писала одна изъ столичныхъ газетъ,—чтобы земство не растерялось, не пало духомъ, а вѣрило въ свое призваніе и въ необходимость правильно и умно работать на пользу мѣстныхъ нуждъ *)". „Вѣра безъ дѣлъ мертва есть",—по праву могли бы отвѣтить земскіе дѣятели ободряющей ихъ газетѣ. Еще болѣе рѣшительный шагъ въ сторону оптимизма дѣлаютъ „Новости", возлагая свои надежды на то, что новый законъ является лишь „подготовительнымъ моментомъ для установленія предрѣшенной фиксаціи" земскихъ смѣтъ. „Опытъ принесетъ—говоритъ газета—весьма важныя указанія относительно цѣнности и жизненности закона. И если предрѣшеніе фиксаціи не исключаетъ возможности иного отношенія къ этому вопросу въ будущемъ, то можно предполагать, что опытъ дастъ указанія относительно того, насколько совмѣстима регламентація смѣтъ съ ходомъ земскаго дѣла и съ его отзывчивостью дли удовлетворенія насущныхъ потребностей. Коллизіи между правилами и жизнью не замедлятъ обнаружиться, но онѣ дадутъ и богатый матеріалъ для оцѣнки удобопримѣнимости будущей фиксаціи, а это не можетъ въ свою очередь не отразиться на томъ законопроектѣ, какой министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ внесутъ въ государственный совѣтъ по окончаніи оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. Съ другой стороны, и земства въ свою очередь, вѣроятно, представятъ весьма цѣнныя соображенія относительно мѣстнаго примѣненія новаго закона" **). Мы не будемъ уже останавливаться на томъ соображеніи, что намѣчаемый газетою путь возрожденія земства рискуетъ оказаться весьма продолжительнымъ. Этотъ путь сверхъ того едва-ли и возможенъ. Какъ ни плодотворны вообще уроки опыта, но въ этомъ случаѣ онъ, можно думать, не

*) «Россія» 30 іюня 1900 г.
**) «Новости» 30 іюня 1900 г.

дасть такихъ указаній, которыхъ нельзя было бы предвидѣть и оцѣнить заранѣе. Трудно предположить также, что мнѣнія земствъ окажутъ какое-либо вліяніе на дальнѣйшее теченіе преобразованія, разъ справка съ этими мнѣніями была признана безполезной и ненужной въ началѣ послѣдняго. Съ бо́льшимъ основаніемъ возможно ожидать того, что условія, созданныя новымъ закономъ для дѣятельности земства, повліяютъ и на его составъ, содѣйствуя подбору въ его средѣ такихъ людей, которые легко примирятся съ ограниченнымъ масштабомъ и пассивнымъ характеромъ своей работы и съ отсутствіемъ самостоятельности. Такой результатъ можетъ быть достигнутъ тѣмъ легче и скорѣе, что въ подобныхъ элементахъ нѣтъ недостатка и въ составѣ современнаго земства, нерѣдко усваивающаго себѣ оппортунистскую окраску.

Недавно въ газетахъ была напечатана рѣчь предсѣдателя аккерманской уѣздной управы, г. Пуришкевича, сказанная имъ передъ открытіемъ очередного годичнаго съѣзда земскихъ врачей и ветеринаровъ Аккерманскаго уѣзда. Эта любопытная рѣчь заключаетъ въ себѣ характерное подтвержденіе только что высказаннаго нами мнѣнія. „Земскому самоуправленію—говорилъ названный ораторъ, суммируя 35-лѣтнюю исторію земства,—дана была полная возможность, широкая возможность, опираясь на дарованное право, поднять матеріальный бытъ населенія, вывести его изъ мрака невѣжества, безграмотности и суевѣрій, оздоровить его физически, умственно и духовно. Но, оглядываясь на прошлое, теперь можетъ ли земство въ сознаніи исполненнаго долга сказать: „feci quod potui?“ На этотъ вопросъ, по мнѣнію оратора, отвѣчаютъ временныя правила 12 іюня текущаго года по обезпеченію народнаго продовольствія. „Мы—продолжалъ онъ—оказались уже несостоятельными въ той именно области, на умѣломъ веденіи дѣлъ коей долженъ былъ зиждиться базисъ дарованныхъ намъ прерогативъ съ апріорной вѣрой въ способности наши... Вникнемъ въ земское положеніе. Намъ дарована была широкая иниціатива, мы могли создать широкое обезпеченіе сельскому населенію въ голодные годы, мы этого не сдѣлали. За 36 лѣтъ мы довели платежную способность населенія до высшаго напряженія, настоятельно требующаго правительственной фиксаціи—предѣльной нормы земскаго обложенія. Мы говорили о всесословной волости, мы писали о земскомъ приходѣ, мы толковали о земскомъ кадастрѣ илюстраціи и... при первомъ недородѣ оказывались несостоятельными, безсильными спасти ввѣренныхъ намъ опекаемыхъ отъ экономическаго раззоренія и гнета нищеты. Дарованное намъ было отнято. И нынѣ мы можемъ, мы должны сказать съ чувствомъ, хотя и запоздалаго, раскаянія: nostra, nostra maxima culpa!“ Г. Пуришкевичъ имѣетъ нѣкоторое основаніе произносить покаянныя рѣчи. Не даромъ аккерманская земская упра-

ва, предсѣдателемъ которой онъ состоитъ, въ этомъ году уже съ 1 мая закрыла всѣ земскія столовыя, въ которыхъ кормилось пострадавшее отъ прошлогодняго неурожая населеніе уѣзда, и предоставила это населеніе на произволъ судьбы и частной благотворительности. Труднѣе понять, почему онъ распространяетъ упреки, несомнѣнно заслуженные нѣкоторыми земствами, на все земство въ полномъ его составѣ. И развѣ вопросы о земской волости или земскомъ кадастрѣ не связаны съ дѣятельностью земства на пользу мѣстнаго населенія? Нѣсколько болѣе ознакомившись съ работами земствъ, г. Пуришкевичъ могъ бы узнать, что нѣкоторыя изъ нихъ между прочимъ именно путемъ разработки указанныхъ вопросовъ разсчитывали достигнуть и болѣе прочнаго обезпеченія нуждъ народнаго продовольствія. Рѣшительно осуждая плохо знакомое ему прошлое, г. Пуришкевичъ не безъ упованія все же глядитъ на будущее. „Отнятое невозвратимо—говорилъ онъ.—Но мы, земцы, умудренные горькимъ опытомъ утраты, должны теперь качествомъ работы по оставшемуся съ момента съуженія суммы нашихъ правъ вознаградить потерю ихъ количества... Только тогда, когда въ дѣятельности нашей станетъ замѣтной жизнь, энергія, иниціатива въ предѣлахъ правъ, намъ предоставленныхъ, когда мы будемъ парализировать симптомы нашихъ недуговъ, а не твердить о своемъ безсиліи и несовершенствѣ въ часы ихъ полнаго развитія,—только тогда, смѣя разсчитывать на безусловное довѣріе къ нашей бдительности со стороны высшей правительственной власти, мы въ правѣ уповать на то, что насъ не подвергнутъ остракизму изъ той или иной области и что отъ насъ не будутъ отняты заботы о сельскомъ населеніи, возложенныя на насъ закономъ 1864 г.“ *).

Повидимому, г. Пуришкевичъ принадлежитъ къ людямъ, быстро повертывающимся спиною къ уходящему изъ жизни порядку и охотно готовыхъ бѣжать за колесницею вновь создающагося порядка, независимо даже отъ его содержанія. Несомнѣнно, дѣятелямъ такого типа открывается теперь широкое поприще. Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что на ихъ долю не выпадетъ ни того вліянія, ни тѣхъ общественныхъ симпатій, какія составляли неотъемлемое достояніе старыхъ земскихъ дѣятелей, все чаще уходящихъ съ жизненной арены.

Не выходя изъ области связанныхъ съ судьбою земства вопросовъ, отмѣтимъ еще одно недавнее извѣстіе. Какъ сообщаютъ газеты, „министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшительно отказалось отъ мысли о введеніи земскихъ органовъ не только въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ, но и въ юго-западныхъ. Вмѣсто разработаннаго уже проекта этихъ органовъ будетъ разработанъ вопросъ объ улучшеніи существующихъ мѣстныхъ учрежденій, вѣдаю-

*) «Одесскія Новости», 29 іюля 1900 г.

щихъ земскія дѣла" *). Надо сознаться, это извѣстіе не содержитъ въ себѣ ничего неожиданнаго. Съуженіе дѣятельности земскихъ учрежденій въ центральныхъ губерніяхъ плохо гармонировало бы съ распространеніемъ этихъ учрежденій на окраины государства.

II.

Приближающееся окончаніе лѣтнихъ мѣсяцевъ позволяетъ уже подвести наиболѣе существенные итоги нынѣшняго сельско-хозяйственнаго года. Эти итоги оказываются далеко неодинаковыми въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ сѣверныхъ, центральныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ лѣто было въ общемъ благопріятно для земледѣльческаго хозяйства и обѣщаетъ закончиться обильнымъ сборомъ хлѣбовъ. Но не вездѣ дѣло обстоитъ такъ благополучно и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населенію, повидимому, вновь угрожаютъ серьезныя бѣдствія неурожая. Признаки послѣдняго одновременно обнаружились въ нѣсколькихъ изъ наиболѣе плодородныхъ областей Россіи,—на югѣ, юго-западѣ и отдаленномъ востокѣ.

Первое мѣсто въ ряду этихъ пораженныхъ бѣдствіемъ недорода областей занимаетъ пострадавшій уже въ прошломъ году югъ,—Бессарабія и часть Херсонской губерніи. Голодъ минувшаго года самъ по себѣ нанесъ здѣсь крестьянскому хозяйству такіе тяжелые удары, отъ послѣдствій которыхъ оно не успѣло бы оправиться собственными силами даже при условіи наилучшаго урожая нынѣшняго лѣта. Эти силы были цѣликомъ затрачены на борьбу за существованіе въ теченіе прошлой зимы, когда населенію неурожайныхъ мѣстностей была оказана лишь скудная и запоздалая помощь со стороны, и весною многочисленные наблюдатели въ одинъ голосъ свидѣтельствовали о глубокомъ разстройствѣ хозяйства бессарабскихъ и херсонскихъ крестьянъ, близкомъ къ полному раззоренію. „Счастливая прежде Бессарабія—писалъ объѣзжавшій въ маѣ Измаильскій уѣздъ врачъ Фельдманъ—представляетъ теперь пепелище; голодъ все смелъ, оставивъ изможденныхъ, больныхъ людей, совершенно обнищавшихъ, запутанныхъ въ долгахъ, безъ надежды на близкое лучшее будущее. Голодъ заставилъ крестьянина сначала повыпродать изъ домашней обстановки все, на что только находились покупатели; затѣмъ, мучимый голодомъ, онъ продалъ гулевой скотъ, а далѣе и рабочій, изъ котораго масса повымерла съ голода. Не лучшая участь постигла и землю крестьянина. Голодъ толкалъ его на всякія гибельныя для него сдѣлки: много земли продано имъ на вѣчныя времена по 30—40 р. за десятину, когда въ обычное время десятина

*) «Сѣв. Курьеръ», 3 авг. 1900 г.

цѣнится въ 120—150 р., и если онъ не продалъ всей земли, то только потому, что не нашлось покупателей; много земли заложено по 30—40 р. десятина, это та же продажа, такъ какъ крестьянинъ никогда ея не выкупитъ обратно; но гораздо больше отдано имъ въ аренду за баснословно дешевую цѣну: 2—2½ р. и очень рѣдко за 3 р. на 5—10 лѣтъ вмѣсто обычныхъ 8—12 р. Но этого мало. Крестьянинъ запутался въ долгахъ. Не имѣя ни хлѣба, ни денегъ, онъ бралъ все въ долгъ и платилъ въ тридорога" *). Видъ раззоренныхъ деревень приводилъ въ отчаяніе лицъ, оказывавшихъ имъ помощь на средства, собранныя частной благотворительностью. „Помощь наша — писало весною одно изъ такихъ лицъ — капля въ морѣ!.. Все, что могли, мы истратили на покупку сѣмянъ и обработку земли, но, повторяю, все это пустяки... Земля остается не обработанной, и раззореніе полное" **). По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ корреспондентомъ „Россіи", вліяніе неурожая 1899 г. во многихъ селахъ Аккерманскаго уѣзда къ веснѣ настоящаго года отразилось повышеніемъ числа безлошадныхъ дворовъ до 33—35% ***). Насколько сократилась благодаря этой убыли скота площадь засѣянной земли, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго примѣра, приводимаго мѣстной газетой. Въ 11 селеніяхъ Татарбунарской, Дивизійской и Акмангитской волостей Аккерманскаго уѣзда изъ 22.668 десятинъ надѣльной земли и 17.071 десятины арендуемой въ текущемъ году подъ озимыми посѣвами находится всего только 864 десятины ****). При такихъ условіяхъ земля во многихъ мѣстахъ уходила изъ рукъ крестьянина, находя себѣ новыхъ владѣльцевъ. „Священники, дьячки, часто учителя и торговый народъ—писали „Россіи"—задумали въ нынѣшнемъ году попытать счастья. Раньше они сѣяли очень мало; теперь же, при дешевизнѣ земли и при даровой почти, вслѣдствіе крайней нужды, работѣ, они запахиваютъ значительныя пространства. Сами же крестьяне не только работаютъ на нихъ, но и сдаютъ имъ свои надѣлы, вмѣстѣ съ полученными въ ссуду сѣменами, за цѣну, болѣе низкую, чѣмъ въ обыкновенные годы платилось только за землю" *****). То же самое повторялось и въ пострадавшихъ отъ прошлогодняго неурожая уѣздахъ Херсонской губерніи. „Засѣяли свою землю—сообщали въ маѣ изъ Тираспольскаго уѣзда—отнюдь не всѣ крестьяне, вслѣдствіе малаго количества сѣмянъ, выданнаго въ видѣ пособій. Встрѣчаются и такіе крестьяне, которые отдали свою землю въ аренду на 2—3 года, вслѣдствіе невозможности засѣять ее" ******).

---

*) «Южн. Обозрѣніе», 25 мая 1900 г.

**) Изъ письма Е. А. Шахматовой отъ 8 апрѣля, «Р. Вѣд.», 20 апрѣля 1900 г.

***) «Россія», 26 іюля 1900 г.

****) «Бессарабецъ». Цитируемъ по «Н. Вр.», 7 іюня 1900 г.

*****) «Россія», 29 апрѣля 1900 г.

******) «Южн. Обозрѣніе», 10 мая 1900 г.

Елизаветградскій уѣздъ равнымъ образомъ явился ареною аферъ на крестьянскую землю, и отсюда сообщали, что „нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ, имѣя избытокъ сѣмянъ и пользуясь мужицкой нуждой, на весьма выгодныхъ для себя условіяхъ пріобрѣли въ настоящемъ году надѣлы" своихъ односельчанъ *).

Для крестьянина, сдавшаго свой надѣлъ, или, хотя и сохранившаго его, но не имѣвшаго возможности его засѣять, результаты урожая уже не представляли особенно серьезнаго значенія. Урожай могъ доставить ему необходимую для прокормленія работу, но не могъ уже дать средствъ для возстановленія утраченной хозяйственной самостоятельности. Обстоятельства сложились однако такимъ образомъ, что и та часть крестьянскаго населенія, которая удержала свои земельные надѣлы и путемъ напряженія всѣхъ силъ успѣла засѣять ихъ, вновь оказалась въ плачевномъ положеніи. Въ теченіе второй половины апрѣля и всего почти мая въ этихъ мѣстностяхъ продолжалась жестокая засуха, совсѣмъ было погубившая травы и хлѣба. Въ концѣ мая и началѣ іюня дожди нѣсколько поправили состояніе хлѣбовъ, но губительное вліяніе засухи на плохо обработанныя поля успѣло уже сказаться. Въ Бессарабіи урожай получился ниже удовлетворительнаго, въ Херсонской губерніи — и того хуже **). При этомъ особенно пострадали главнымъ образомъ тѣ уѣзды, которые были поражены неурожаемъ и въ прошломъ году: въ Бессарабіи—Аккерманскій, Измаильскій, Бендерскій, Оргѣевскій и частью Кишиневскій, въ Херсонской губерніи—Ананьевскій, Тираспольскій, Елизаветградскій и отчасти Херсонскій. Повидимому, размѣры этого бѣдствія менѣе значительны, нежели въ прошломъ году, такъ какъ, по сообщаемымъ газетами свѣдѣніямъ, урожай отличается поразительною пестротою, но нужно помнить, что на этотъ разъ бѣда обрушивается на населеніе въ такой моментъ, когда его силы уже истощены въ конецъ. При такихъ условіяхъ всякое промедленіе въ оказаніи помощи грозитъ серьезными осложненіями. Херсонское губернское земство возбудило уже ходатайство о разрѣшеніи ему кредита изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ 500.000 р., такъ какъ его собственныя средства совершенно расшатаны прошлогоднимъ неурожаемъ, но объ исходѣ этого ходатайства пока ничего еще неизвѣстно ***). Само по себѣ уже достаточно серьезное положеніе дѣлъ еще осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, согласно временнымъ правиламъ 12 іюня текущаго года, завѣдываніе продовольственными операціями съ 1 января 1901 г. переходитъ отъ земства къ крестьянскимъ учрежденіямъ. Близкій срокъ этой передачи продовольственнаго дѣла въ новыя руки и

*) «Югъ». Цитируемъ по «Сѣв. Кур.», 20 апрѣля 1900 г.

**) «Россія», 22 и 23 іюля; «Од. Новости», 28 іюня; «Спб. Вѣд.», 29 іюня 1900 г.

***) «Од. Новости», 11 іюля 1900 г.

недостаточная выясненность всѣхъ сопровождающихъ ее условій, несомнѣнно, поведутъ къ нѣкоторому съуженію дѣятельности земства по оказанію помощи нуждающемуся населенію, вслѣдствіе чего для такой помощи потребуются особенно энергичныя усилія со стороны правительства и частной благотворительности. Надо надѣяться, что послѣдняя окажется теперь болѣе отзывчивой, чѣмъ въ прошломъ году, и встрѣтитъ для себя менѣе препятствій.

Не менѣе печальными послѣдствіями отозвалась весенняя засуха и въ юго-западномъ краѣ. Еще въ концѣ мая „Вѣдомости Сельскаго Хозяйства и Промышленности", являющіяся органомъ южно-русскаго земледѣльческаго синдиката, предсказывали „большой недоборъ хлѣбовъ не только въ трехъ тяготѣющихъ къ Кіеву губерніяхъ юго-западнаго края, но и въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской" *). Въ двухъ послѣднихъ губерніяхъ хлѣба за лѣто поправились, но по отношенію къ губерніямъ юго-западнымъ приведенное предсказаніе сбылось въ полной мѣрѣ. „Небывалая засуха—писали въ началѣ лѣта „Спб. Вѣдомости"—постигла всѣ мѣстности юго-западнаго края: яровые посѣвы находятся въ самомъ плачевномъ состояніи; травы совершенно уничтожены; фруктовыя деревья погибли, овощи также" **). Не лучше обстояло дѣло и ко времени сбора хлѣбовъ. Въ іюлѣ урожай опредѣлился, какъ „чрезвычайно пестрый, но въ общемъ значительно ниже средняго". „Въ большинствѣ мѣстъ десятина дала 10—15 копенъ", тогда какъ при хорошемъ урожаѣ даетъ 20—25 и даже 30 копенъ ***) „Урожай настоящаго года—писали изъ Могилевъ — Подольскаго уѣзда — оказывается весьма неудовлетворительнымъ какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи" ****). Не такъ давно въ газетахъ появилась телеграмма, сообщавшая, что по свѣдѣніямъ „Вѣдомостей Сельскаго Хозяйства", окончательно выяснилась неудовлетворительность урожая въ юго-западномъ краѣ *****).

Упорная засуха со всѣми сопровождающими ее послѣдствіями посѣтила въ этомъ году и сибирскія губерніи. Въ теченіе всего лѣта изъ различныхъ мѣстностей Сибири приходили печальныя вѣсти о характерѣ урожая, становившіяся все болѣе тревожными по мѣрѣ приближенія времени сбора хлѣбовъ. „Съ самой весны—писали въ половинѣ іюня изъ Нерчинска—не было ни одного хорошаго дождя... Если и пойдутъ дожди, то все же бѣды теперь не исправить... Засуха здѣсь страшная и грозитъ несомнѣннымъ бѣдствіемъ населенію" ******). „Все высохло, земля растреска-

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ». 31 мая 1900 г.
**) «Спб. Вѣд.», 1 іюня 1900 г.
***) «Н. Вр.», 16 іюля 1900 г.
****) «Од. Новости», 31 іюля 1900 г.
*****) «Россія», 31 іюля 1900 г.
******) «Вост. Обозрѣніе», 29 іюня 1900 г.

лась отъ жару,—сообщали оттуда же немного позже.—На поправку хлѣбовъ и травъ теперь уже надежды нѣтъ, если даже и пойдутъ дожди" [1]). Изъ Минусинскаго уѣзда въ концѣ іюля сообщали, что въ немъ „хлѣба почти вездѣ погорѣли, даже въ подтаежной полосѣ" [2]). Въ Бійскѣ „трава въ полѣ на выгонахъ погорѣла и скоту ѣсть нечего"; всходы хлѣба погибали отъ засухи и кобылки [3]). Кобылка и жары погубили траву и посѣвы и въ Иркутскомъ округѣ [4]). Такія же невеселыя вѣсти приходили и изъ Усть-Каменогорска. „Дождей—писали отсюда—совсѣмъ нѣтъ, хлѣбъ началъ горѣть, на сборъ сѣна нѣтъ никакой надежды. Предстоитъ безъ всякаго преувеличенія голодовка... Что будетъ падежъ скота, въ этомъ нѣтъ никакого и сомнѣнія, такъ какъ нѣтъ травъ, не будетъ и соломы" [5]). Въ Читѣ уже въ концѣ іюня признавали урожай въ конецъ испорченнымъ и ожидали отъ нынѣшняго года чрезвычайныхъ бѣдствій для Забайкалья [6]). Въ Тюкалинскомъ округѣ „хлѣба взошли—засохли. Вмѣсто травы—черная пыль. Что не посохло, то высѣкла кобылка" [7]). Засуха захватила и Акмолинскій уѣздъ, создавъ въ немъ полный неурожай травъ и хлѣба, и Тобольскую губернію, съ юга которой въ іюлѣ доносились „крайне неутѣшительныя вѣсти о состояніи хлѣбовъ и въ особенности травъ" [8]). Въ степи отъ Петропавловска до Кокчетава вся трава была выжжена солнцемъ, а посѣянный хлѣбъ уродилъ одну солому безъ зерна. Съ Иртыша сообщали, что неурожай охватилъ огромный районъ, заключающій въ себѣ плодороднѣйшія мѣстности степныхъ областей [9]). Въ окрестностяхъ Томска пагубное вліяніе засухи было лишь отчасти умѣрено дождями, прошедшими въ концѣ іюня и началѣ іюля [10]).

Изъ массы аналогичныхъ извѣстій мы привели сравнительно немногія. Но и ихъ, думается, достаточно для того, чтобы представить себѣ то положеніе, которое въ настоящее время переживаетъ Сибирь и въ особенности сибирскій земледѣлецъ. Бѣдствіе неурожая захватило въ Сибири громадную полосу, въ которую включены къ тому же наиболѣе хлѣбородныя мѣстности края, что дѣлаетъ надвигающуюся опасность особенно грозной. Крестьянское хозяйство уже теперь испытываетъ тяжелый кривисъ. Отсутствіе кормовъ для скота вызываетъ спѣшную распродажу его по крайне

---

1) «Вост. Об.», 7 іюля 1900 г.
2) «Сиб. Ж.», 2 іюля 1900 г.
3) «Сиб. Ж.», 2 іюля 1900 г.
4) «Сиб. Ж.», 2 іюля; «В. Об.», 22 іюля 1900 г.
5) «Сиб. Ж.», 5 іюля 1900 г.
6) «Вост. Об.», 8 іюля; «Сиб. Ж.», 11 іюля 1900 г.
7) «Сиб. Ж.», 14 іюля 1900 г.
8) «Сиб. Ж.», 15 и 19 іюля 1900 г.
9) «Сиб. Ж.», 20 іюля; «Спб. Вѣд.», 3 авг. 1900 г.
10) «Сиб. Ж.», 7 іюля 1900 г.

низкимъ цѣнамъ, порою едва достигающимъ стоимости шкуры убитаго животнаго. Наряду съ этимъ цѣны на рабочія руки упали въ пострадавшихъ мѣстностяхъ до послѣдняго возможнаго уровня, а стоимость всѣхъ необходимыхъ продуктовъ потребленія поднялась до невѣроятныхъ размѣровъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ было объявлено, что Сибирская желѣзная дорога не будетъ возить частныхъ грузовъ до окончанія перевозки изъ Россіи предназначенныхъ къ отправкѣ на востокъ войскъ съ ихъ обозомъ и провіантомъ. Въ Иркутскѣ ржаного хлѣба уже въ концѣ іюля совсѣмъ не было въ продажѣ; цѣна пшеничной муки повысилась до 1 р. 65 к. за пудъ, крупчатки 1-го сорта—до 2 р. 80 к. за пудъ; сахаръ продавался вмѣсто 6 р. 80 к. по 8 р. 20 к. за пудъ и т. п., причемъ цѣны, не переставая, шли въ гору. Иркутская дума на чрезвычайномъ засѣданіи 12 іюля постановила немедленно послать телеграмму въ Петербургъ къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и военному. „Сознавая свой долгъ передъ мѣстнымъ населеніемъ и отечествомъ", дума въ этой телеграммѣ указывала на то, что Восточной Сибири грозитъ голодъ, тогда какъ скопленіе войскъ содѣйствуетъ поднятію цѣнъ на продукты, и ходатайствовала, чтобы на время передвиженія войскъ пропускался изъ Челябинска въ Иркутскъ хотя бы одинъ поѣздъ съ пищевыми продуктами, пріобрѣтаемыми какъ городомъ Иркутскомъ, такъ и частными лицами города. Вмѣстѣ съ тѣмъ дума просила, чтобы на нее не возлагалось никакихъ порученій по части продовольствія войскъ, такъ какъ у города нѣтъ ни одного фунта запасного хлѣба. На тотъ же случай, если эти ходатайства не будутъ удовлетворены, дума поручила управѣ закупить для города 60.000 п. хлѣба и 20.000 п. овса. Насколько удобоисполнимо это порученіе, можно судить по тому, что городской общественный капиталъ, предназначенный для этой цѣли, достигаетъ въ настоящее время суммы всего около $3^1/_2$ тысячъ рублей *).

Очевидно, сибирское населеніе нуждается въ мѣрахъ энергичной помощи, и эта помощь не должна быть откладываема въ долгій ящикъ. Нѣсколько времени тому назадъ въ „Н. Времени" появилось, правда, успокоительное сообщеніе. „Еще не такъ давно—писала газета — въ нѣсколькихъ губерніяхъ Сибири ожидался голодъ, но за послѣдніе дни министерствомъ внутреннихъ дѣлъ получены по телеграфу утѣшительныя извѣстія: стоявшая послѣднее время хорошая для посѣвовъ погода настолько ихъ поправила, что тамъ, гдѣ ожидался недородъ, тамъ ждутъ теперь вполнѣ удовлетворительнаго урожая, хотя впрочемъ въ одной области и двухъ губерніяхъ недородъ уже теперь обозначился вполнѣ опредѣленно и изъ этихъ мѣстъ поступаютъ уже ходатай-

*) «Сиб. Ж.», 22 іюля 1900 г.

ства о продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудахъ“ *). Это краткое и недостаточно ясное сообщеніе пока не нашло себѣ подтвержденій въ послѣднихъ корреспонденціяхъ сибирскихъ газетъ, тогда какъ передавшая его газета хорошо извѣстна своимъ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ. Между тѣмъ подобный оптимизмъ, уменьшающій дѣйствительные размѣры опасности, вмѣсто того, чтобы смотрѣть ей прямо въ глаза, въ данномъ случаѣ является особенно неумѣстнымъ. Горькій опытъ борьбы съ послѣдними голодовками въ Европейской Россіи наглядно показалъ, насколько важно не создавать себѣ иллюзій благополучія и заблаговременно подготовиться къ встрѣчѣ результатовъ неурожая. Въ Сибири, съ ея громадными разстояніями и во многомъ еще патріархальными порядками, эта борьба представитъ гораздо болѣе затрудненій. „Если неурожаи во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ пути сообщенія сравнительно съ нашими являются недосягаемымъ идеаломъ, — пишетъ по этому поводу „Сиб. Жизнь“,—ведутъ за собою повальныя болѣзни, отъ которыхъ вымираетъ масса людей, то у насъ при невозможности доставить скоро помощь, необходимую для постигнутыхъ бѣдой мѣстностей, нынѣшній неурожай можетъ повести за собой прямо ужасныя послѣдствія, а потому является неотложною необходимостью заняться немедленно выясненіемъ размѣровъ неурожая и въ особенности обратить вниманіе на мѣстности, заселенныя переселенцами. Легко себѣ представить, что придется пережить переселенцу, хозяйство котораго еще не окрѣпло на новомъ мѣстѣ и большинство которыхъ и въ урожайный годъ терпитъ страшную нужду. Отсутствіе своевременной помощи этой новой части населенія Сибири можетъ отразиться гибелью на всемъ переселеніи“ **). Нельзя, наконецъ, упускать изъ виду и того, что Сибири приходится бороться съ угрожающимъ ей голодомъ при исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ, созданныхъ послѣдними осложненіями на китайской границѣ. Спѣшная мобилизація мѣстныхъ военныхъ отрядовъ оторвала отъ хозяйства много рабочихъ рукъ въ самое горячее время, а массовое скопленіе войскъ въ разныхъ пунктахъ страны содѣйствуетъ быстрому истощенію имѣющихся на лицо скудныхъ запасовъ и все возрастающей дороговизнѣ. При наличности такихъ условій экономическую жизнь края, несомнѣнно, ожидаетъ серьезное потрясеніе, и необходимы самыя энергичныя усилія, чтобы не допустить его повлечь за собою длительное и трудно излечимое разстройство всего сельскаго хозяйства страны. Во всякомъ случаѣ изъ продовольственныхъ затрудненій этого года съ наиболѣе важными придется считаться именно въ Сибири, той Сибири, которая еще недавно въ глазахъ многихъ представлялась

*) «Н. Вр.», 30 іюля 1900 г.

**) «Сиб. Ж.», 7 іюля 1900 г.

далекою отъ бѣдствій, угнетающихъ крестьянское хозяйство Европейской Россіи.

Опытъ прошлаго учитъ избѣгать ошибокъ въ настоящемъ. Къ сожалѣнію, эта простая истина рѣдко примѣняется у насъ на практикѣ, хотя она могла бы принести немалую пользу, особенно въ годины общественныхъ бѣдствій, когда болѣе или менѣе серьезныя ошибки легко порождаютъ печальные результаты. Одною изъ такихъ ошибокъ, часто повторяемыхъ, но не измѣняющихъ отъ этого своего характера, является упорное преслѣдованіе, воздвигаемое отдѣльными лицами и цѣлыми учрежденіями на печать, разъ послѣдняя позволяетъ себѣ затрагивать ихъ общественную дѣятельность. Исторія продовольственныхъ кампаній 1899 и 1900 гг. богата эпизодами, съ полною очевидностью выясняющими единственно возможные результаты такого гоненія на гласность. Изъ массы этихъ эпизодовъ мы остановимся здѣсь лишь на двухъ, недавно подробно изложенныхъ въ печати. Извѣстно, что Елизаветградская уѣздная земская управа осенью прошлаго года съ большимъ хладнокровіемъ отнеслась къ судьбѣ пострадавшаго отъ неурожая населенія уѣзда и затѣмъ въ теченіе всей зимы крайне небрежно и апатично вела продовольственную операцію. Можно было подумать, что члены Елисаветградской управы совершенно лишены предпріимчивости и энергіи, но съ теченіемъ времени оказалось, что энергіи у нихъ достаточно, только они обратили ее не на борьбу съ голодомъ, а на „борьбу съ корреспондентомъ“. Служилъ въ Елизаветградѣ ветеринаръ херсонскаго губернскаго земства, который вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и газетною работой, причемъ въ своихъ корреспонденціяхъ подвергалъ между прочимъ критикѣ дѣятельность мѣстной управы по оказанію помощи голодающимъ. Корреспонденціи эти вызвали негодованіе управы и послѣ долгихъ и настойчивыхъ усилій съ ея стороны виновникъ корреспонденцій „для пользы службы“ былъ переведенъ весною въ другое мѣсто *). На первый взглядъ, управа трудилась не даромъ, но въ сущности такъ дѣло представляется именно только на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто выигралъ отъ изгнанія корреспондента? Населеніе пострадало вдвойнѣ,— отъ плохого веденія продовольственной операціи и отъ несвоевременнаго удаленія ветеринарнаго врача. Въ свою очередь и управѣ, отвлекшейся отъ своего прямого дѣла для борьбы съ безпокойнымъ газетчикомъ, не пришлось торжествовать побѣды надъ нимъ. Не только газеты продолжали критиковать ея дѣятельность, но и земское собраніе признало дѣйствія своей управы по оказанію помощи населенію нераціональными. И невольно

*) «Од. Листокъ», 17 іюня 1900 г.

думается, что елизаветградская управа поступила бы благоразумнѣе, еслибы ограничилась лишь своимъ дѣломъ, предоставивъ работникамъ печати дѣлать свое, и не возбуждала гоненія на прессу, а по возможности прислушивалась къ ея критикующему голосу.

Несомнѣнно, иного мнѣнія насчетъ желательныхъ отношеній между прессой и лицами, выступающими въ роли общественныхъ дѣятелей, держится священникъ с. Елани, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи, о. Ивановскій. Повидимому, г. Ивановскій до недавняго времени полагалъ, что газеты служатъ исключительно для помѣщенія въ нихъ объявленій и что общественная дѣятельность такъ же мало можетъ подвергаться гласному обсужденію, какъ и событія семейной жизни. Съ этой точки зрѣнія онъ имѣетъ серьезныя основанія быть недовольнымъ печатью. Когда въ прошломъ году Казанскую губернію посѣтилъ голодъ, о. Ивановскій напечаталъ въ газетахъ краснорѣчивое воззваніе о нуждѣ своихъ прихожанъ. Послѣ того къ нему стеклось, какъ стало извѣстно стороной, немало пожертвованій, но самъ онъ печатаніе какихъ-либо отчетовъ о получаемыхъ и расходуемыхъ имъ деньгахъ считалъ совершенно излишнимъ. Въ концѣ концовъ, пресса обратила вниманіе на это необычное поведеніе въ распоряженіи чужими средствами, пожертвованными на опредѣленную потребность, и настойчиво стала указывать на необходимость обнародованія отчетовъ о собранныхъ г. Ивановскимъ суммахъ. Послѣ долгихъ колебаній, протянувшихся безъ малаго годъ, г. Ивановскій внялъ обращеннымъ къ нему увѣщаніямъ и въ прошломъ мѣсяцѣ напечаталъ въ „Н. Времени“ отчетъ о расходованіи поступившихъ къ нему средствъ. При этомъ отчетъ о приходѣ пожертвованныхъ суммъ онъ, должно быть, забылъ напечатать, вина же въ запозданіи перваго отчета лежитъ, по его словамъ, на какихъ-то неизвѣстныхъ редакціяхъ. „Еслибы публика знала да вѣдала, пишетъ онъ, что отчетъ мой давнымъ-давно готовъ и не появлялся въ свѣтъ не по моей винѣ, а винѣ нѣкоторыхъ редакцій, то, я увѣренъ, не обвиняла бы меня“. Трудно только понять, какимъ образомъ эти неизвѣстныя редакціи могли помѣшать о. Ивановскому предать гласности его отчетъ. Мы склонны думать, что уже въ виду представляемаго послѣднимъ интереса ни одна редакція не отказалась бы напечатать его. Съ своей стороны мы позволимъ себѣ привести этотъ поучительный документъ полностью.

	Руб.	к.
1. Куплено и роздано ржаной муки 3,156 пуд. на .	2,682	60
2. „ сѣменного овса 1,303 пудовъ на . . .	1,198	76
3. „ сѣменной гречи 1,166 „ „ . .	1,224	30
4. Лошадей бѣднымъ 45 гол.	1,408	—
5. Выдано на рогат. скотъ.	105	—

		Руб.	к.
6.	Старцамъ чаю и сахару	84	50
7.	Мяса въ столовыя 46 пуд.	161	—
8.	Рыбы „ „ 5 „	15	—
9.	Пшена„ „ 120 „	169	—
10.	Коноплянаго масла 3 „	18	—
11.	Ржаной соломы лошадямъ	58	—
12.	Погорѣльцамъ въ Урывкино	100	—
13.	Свящ. Рождественскому на цынготныхъ больн.	300	—
14.	Г. Бургсдорфъ на столовую	100	—
15.	Свящ. Булгакову на пострадавшихъ отъ наводненія	100	—
16.	Исправнику на спасеніе утопающихъ	105	—
17.	Смотрителю Богословскому на голодныхъ учениковъ	100	—
18.	Г. Ломоносовой на столовыя въ ея районѣ	200	—
19.	Г-жѣ Семіютовой на то же	50	—
20.	За квартиры для столовыхъ, дрова и стряпухамъ	32	89
21.	За пашню бѣд. крестьянъ	108	—
22.	На лыко для лаптей босымъ	18	—
23.	Двумъ крестьянамъ на избы	40	—
24.	Милостыни по личнымъ просьбамъ и по запискамъ оо. іереевъ	1,082	75
25.	Пожертвовано на чудотворную икону Седміезерской Богоматери	25	—
26.	О. Пахомію за 2-хъ мѣсячную службу и поминовеніе жертвователей	43	—
27.	Помощнику за службы и поминовеніе жертвоват.	19	—
28.	Въ Еланскую церковь за свѣчи и пр.	26	—
29.	Просфорнѣ за просфоры	25	—
30.	Псаломщику голодающему	10	—
31.	Голодающей просфорнѣ Крыловой	15	—
32.	За переводы въ казан. банкъ	12	30
33.	Бумаги, конверты и проч.	21	—
34.	Путевыя издержки и содерж.	42	—
35.	Волшебный фонарь (въ августѣ)	48	—
36.	Картинокъ къ нему	27	80
37.	Гг. Кукурановымъ и Граве на расходы по даровымъ столовымъ	12,927	40
38.	На ремесленное училище въ Елани	20,120	—
	Итого	42,822	30 *)

Такимъ образомъ, изъ 42,822 р. 30 к., израсходованныхъ г. Ивановскимъ, лишь 21,123 р. 45 к. поступили непосредственно

*) Цитируемъ по «Нижегородскому Листку», 17 іюля 1900 г.

на помощь голодающимъ. Нельзя не пожалѣть въ виду этого, что таинственныя „редакціи" помѣшали г. Ивановскому ранѣе постичь пользу гласности и прибѣгнуть къ ея услугамъ. Еслибы въ свое время было извѣстно, что столь значительная часть пожертвованныхъ на голодающихъ денегъ употребляется имъ на такія, въ своемъ родѣ весьма почтенныя, но во всякомъ случаѣ далекія отъ помощи голодному населенію, цѣли, какъ поддержка реальнаго училища, спасаніе утопающихъ, покупка свѣчей для церкви, пожертвованіе на чудотворную икону, поминовеніе жертвователей и т. п., то въ рукахъ г. Ивановскаго, быть можетъ, собрались бы меньшія суммы, но голодавшіе казанскіе крестьяне, несомнѣнно, получили бы больше помощи.

Хотѣлось бы надѣяться, что эти и подобные имъ уроки недавняго прошлаго не пройдутъ совершенно безслѣдно для роли гласности въ ближайшемъ будущемъ. Но надо сознаться, что то же прошлое даетъ мало основаній для такого рода надеждъ.

Какъ мы уже упоминали, въ центральныхъ губерніяхъ настоящее лѣто оказалось урожайнымъ и, слѣдовательно, здѣсь населенію не угрожаютъ бѣдствія голодовки. Но, если вѣрить нѣкоторымъ публицистамъ, этотъ урожай въ свою очередь несетъ съ собою раззореніе, только уже не крестьянамъ, а среднимъ и крупнымъ землевладѣльцамъ. Благодаря урожаю прошлаго года крестьяне центральныхъ губерній въ теченіе зимы были до извѣстной степени обезпечены хлѣбомъ и въ силу этого практикующаяся обыкновенно помѣщичьими экономіями зимняя наемка крестьянъ на лѣтнія работы по дешевымъ цѣнамъ въ большинствѣ случаевъ не удалась. Хорошій урожай этого года обѣщалъ новое поднятіе цѣнъ на рабочія руки. Въ виду этого „Московск. Вѣдомости" уже весною съ трепетомъ ожидали повторенія осеннихъ сценъ 1899 года и патетически описывали эти сцены. „Только тотъ,—говорила газета,—кто самъ переживалъ подобное положеніе, можетъ понять всю муку, которую переживали хозяева при видѣ неубраннаго въ полѣ хлѣба, гибнувшаго отъ дождей, тогда какъ въ хорошіе дни, перепадавшіе иногда, когда можно было его косить, вязать и возить, крестьяне убирали свои поля, наполняли свои гумна и только посмѣивались при видѣ господскихъ старостъ и объѣздчиковъ, разъѣзжавшихъ по всему уѣзду въ тщетной надеждѣ найти рабочія руки" *). Дѣйствительно, нужно, должно быть, пережить особое „положеніе", чтобы понять весь ужасъ зрѣлища наполненія крестьяниномъ своего гумна. Но такъ ли ужь вѣрна дѣйствительности картина, рисуемая московскою газетой и приводящая ее въ отчаяніе? Вопросъ о сельско-

*) «М. Вѣд.», 10 мая 1900 г.

хозяйственныхъ рабочихъ чуть не каждое лѣто вновь возникаетъ въ нашей печати и столь же регулярно часть ея обращаетъ его въ вопросъ объ обезпеченіи рабочими руками помѣщичьихъ экономій. Не останавливаясь пока на справедливости такой замѣны, посмотримъ, какими средствами она достигается и къ какимъ результатамъ приводитъ. Для этой цѣли достаточно немногихъ выдержекъ изъ писаній консервативныхъ публицистовъ.

По утвержденію „М. Вѣдомостей", наши крупные и средніе землевладѣльцы „съ каждымъ годомъ бѣднѣютъ и раззоряются". „Стало быть,—заключаетъ газета—фактора увеличенія доходности земледѣльческой промышленности не существуетъ, и если нынѣ землевладѣльцы, повинуясь обстоятельствамъ, вынуждены внѣ всякаго разсчета увеличивать заработную плату, они дѣлаютъ это потому, что или не могутъ ликвидировать своего предпріятія безъ большого убытка, или живутъ надеждой на перемѣну къ лучшему обстоятельствъ, или связаны съ землей и ея воздѣлываніемъ, такъ сказать, нравственно, не желая добровольно покидать родного крова, связанные съ нимъ священными преданіями и традиціями, въ сознаніи приносимаго ими нравственнаго вліянія и пользы неразвитому сельскому населенію" *). Экономическій вопросъ переносится такимъ путемъ въ область вопросовъ нравственнаго порядка и рѣшается въ этой послѣдней. Крупные землевладѣльцы, оказывается, полезны для государства уже однимъ только фактомъ своего существованія, такъ какъ они воспитываютъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ неразвитую деревню. За это полезное вліяніе деревня, естественно, должна нести извѣстную дань крупному землевладѣнію, расплачиваясь съ нимъ необходимыми для его существованія дешевыми цѣнами на рабочія руки. Въ обмѣнъ на нравственное благо, даваемое деревнѣ, землевладѣлецъ получаетъ блага матеріальныя, и дѣло устраивается къ общему удовольствію. На тотъ же случай, чтобы невѣжественная крестьянская масса, не понимающая собственныхъ выгодъ, не вздумала отказаться отъ такого обмѣна, для нея слѣдуетъ создать особо приспособленныя условія быта. „Многоземелье — пишутъ „Моск. Вѣдомости" — имѣетъ свои вредныя стороны, подрывая въ крестьянинѣ всякую предпріимчивость. И теперь нашего мужика ни за что не вытянешь на наемную работу, если урожай съ собственной надѣльной земли оказывается достаточнымъ для безбѣднаго существованія въ теченіе года... Для богатства крестьянина, какъ и всякаго человѣка, предпріимчивость и способность къ упорному труду важнѣе даромъ достающагося обезпеченія... И вотъ почему было бы совершенно ошибочно думать, что надѣльныя земли непремѣнно должны обезпечить крестьянъ. Это задача невозможная. Ихъ долженъ обезпечить трудъ въ потѣ лица, — трудъ, какой

*) «М. Вѣд.», 10 іюля 1900 г.

несутъ и другія сословія. Со стороны государственной политики скорѣе должно думать о созданіи въ странѣ болѣе разнообразныхъ формъ труда. Въ этомъ отношеніи *для самихъ крестьянъ* важнѣе сосѣдство *крупныхъ хозяйствъ* *), нежели увеличеніе надѣловъ. Обширныя помѣщичьи усадьбы всегда служили въ прежнее время надежнымъ средствомъ для крестьянъ: они всегда находили тамъ работу. Вотъ почему дворянское землевладѣніе играло столь могущественную роль и въ крестьянской жизни. Вотъ почему сохраненіе его важно и въ настоящее время. Оно же доставляетъ крестьянству возможность и аренды земель" **). Итакъ, для крестьянъ вдвойнѣ выгоднѣе не хозяйничать на своей землѣ, а арендовать помѣщичью и наниматься рабочими къ крупнымъ землевладѣльцамъ: при этомъ они и подвергнутся полезному нравственному вліянію, и пріобрѣтутъ богатство. Для землевладѣльцевъ такой порядокъ также выгоденъ, такъ какъ на нихъ, въ противоположность „всякому человѣку", ни „многоземелье", ни „даромъ достающееся обезпеченіе" не имѣютъ развращающаго вліянія. Отсюда уже легко выясняются и задачи, какія должна преслѣдовать государственная политика: ея цѣлью естественно становится уменьшеніе хозяйственной самостоятельности крестьянства и забота о доставленіи на возможно льготныхъ условіяхъ рабочихъ рукъ для землевладѣльцевъ, дабы послѣдніе не прекратили своей культурной миссіи въ деревнѣ.

Не будемъ поднимать вопроса о степени необходимости этой миссіи для государства. Но дѣйствительно ли несеніе ея сопровождается въ настоящее время столь тяжелыми жертвами со стороны землевладѣльцевъ? Основаніемъ для горькихъ жалобъ нашихъ доморощенныхъ аграріевъ послужило уклоненіе части крестьянъ отъ зимней наемки на лѣтнія сельско-хозяйственныя работы и повышеніе цѣнъ на трудъ сельскихъ рабочихъ. На одного изъ публицистовъ этого лагеря, г. Ромера, указанные факты нагнали такой страхъ, что онъ проникся непоколебимымъ убѣжденіемъ, будто „наше крупное землевладѣніе подошло вплотную къ своей ликвидаціи", и совѣтовалъ землевладѣльцамъ скорѣе бросать зерновое хозяйство и переходить къ спеціальнымъ культурамъ и къ заведенію „небольшихъ сельскихъ фабрикъ и заводовъ"; само собою, государству при этомъ рекомендовалось оказывать такимъ фабрикамъ и заводамъ „энергичное покровительство" ***). Но вѣдь въ сущности хорошо извѣстно, что̀ представляетъ собою зимняя наемка рабочихъ въ помѣщичьи экономіи, и даже нѣкоторые изъ горюющихъ объ ея сокращеніи публицистовъ не рѣшаются скрывать ея истиннаго значенія. „Досрочный наемъ

*) Курсивъ принадлежитъ газетѣ.
**) «М. Вѣд.», 5 мая 1900 г.
***) «Нов. Вр.», 16 мая 1900 г.

на условныя работы—пишетъ елецкій корреспондентъ „М. Вѣдомостей"—всегда отличался баснословною дешевизной, ибо цѣны на полную обработку и уборку тридцатной десятины всегда держались на уровнѣ 5—6 р., а на обработку и уборку одной десятины при среднемъ урожаѣ требуется 8 рабочихъ дней съ лошадью и 4 дня пѣшихъ; но такъ какъ работа въ экономіяхъ считалась домашнею побочною работой и *деньги брались впередъ на уплату повинностей* *), то подобный способъ найма и вошелъ какъ бы самъ собой въ обычай" **). Разница между зимнею и лѣтней цѣной на трудъ сельскаго рабочаго достигала при такихъ условіяхъ весьма внушительныхъ размѣровъ. Согласно указанію того же корреспондента, въ Елецкомъ уѣздѣ „по старому порядку вещей наемъ на работы хлѣбной обработки и уборки 1900—1901 г., долженъ былъ происходить прошлогоднею осенью за обычную цѣну 5—6 р. десятина, съ уплатой при засвидѣтельствованіи условія по 4—5 р. за десятину впередъ", но большинство крестьянъ уклонилось отъ такого найма. Между тѣмъ, по показаніямъ самихъ же мѣстныхъ помѣщиковъ, даннымъ нѣсколько лѣтъ назадъ, стоимость полной обработки десятины при наймѣ передъ работами оцѣнивается въ Орловской губерніи въ 8 р. 97 к. ***). Такимъ образомъ, при условіи зимняго найма крестьянинъ получаетъ большую часть денегъ впередъ, но за то теряетъ на оцѣнкѣ своего труда 50—60%. То же самое повторяется и въ другихъ мѣстностяхъ. Зимній наемъ рабочихъ на лѣто вездѣ совершается, подъ вліяніемъ крайней нужды въ деньгахъ, часто испытываемой крестьянами въ это время, по цѣнамъ, которыя стоятъ ниже лѣтнихъ на 50, 100 и даже болѣе процентовъ. Подъ формою найма въ этихъ случаяхъ скрывается ничто иное, какъ закабаляющая должника ссуда подъ работу, выдаваемая притомъ за такіе проценты, которые законъ при обыкновенныхъ займахъ опредѣляетъ, какъ ростовщическіе, и караетъ строгими мѣрами. Вполнѣ естественно, конечно, что сколько-нибудь обезпеченный крестьянинъ уклоняется отъ заключенія подобнаго рода сдѣлокъ. Что касается цѣнъ на крестьянскій трудъ при наймѣ экономіями годовыхъ или лѣтнихъ рабочихъ, то, повидимому, и въ настоящемъ году такое повышеніе было, въ концѣ концовъ, не особенно значительнымъ. Въ цитированной уже корреспонденціи изъ Ельца объ этой мѣстности сообщается, что въ ней прежде „годовая плата работнику была въ среднемъ 40—45 р.; полѣтчикамъ, на срокъ съ 1 апрѣля по 1 октября, 30—35 р.; но теперь уже состоялись договоры по

*) Курсивъ нашъ.
**) «М. Вѣд.», 30 апр. 1900 г.
***) С. Короленко. «Вольнонаемный трудъ въ хозяйствахъ владѣльческихъ». Изд. д-та земледѣлія и сельской промышленности.

60—70 р. на годъ и по 40—50 р. на лѣто, въ томъ и другомъ случаяхъ на хозяйскихъ харчахъ". О послѣднихъ даже такой поклонникъ помѣщиковъ, какъ г. Ромеръ, отзывается, что русскій рабочій живетъ „на такихъ харчахъ и въ такой обстановкѣ, какія приличны скорѣе собакѣ, чѣмъ человѣческому существу" *). По словамъ другой корреспонденціи изъ Орловской губ., „постоянные работники экономій получаютъ ежемѣсячно отъ 3 р. 50 к. до 5 р., работницы—до 3 р. Харчи составляютъ капуста и картофель; каша дается два раза въ недѣлю; для приварка полагается сало, конопляное масло и молоко изъ-подъ сепаратора" **). Въ Краснинскомъ уѣздѣ Смоленской губ. годовое жалованье сельскаго рабочаго „колеблется между 25 и 45 р.", а на харчи ему „выдаютъ 1 п. 30 ф. муки въ мѣсяцъ, картофель, снятое молоко и творогъ (въ рѣдкихъ и торжественныхъ случаяхъ) и—очень рѣдко—плохое мясо. Женщина-работница получаетъ отъ 15 до 24 р. въ годъ" ***). Эти факты сообщаются не какъ исключеніе, а какъ правило, и при желаніи можно было бы указать немалое число вполнѣ аналогичныхъ сообщеній. Въ виду ихъ ясно становится, насколько непомѣрнымъ слѣдуетъ считать повышеніе цѣнъ на трудъ сельскаго рабочаго въ настоящемъ году и какого рода „экономическую ломку" и „агонію дворянскаго землевладѣнія" создаетъ такое повышеніе. Поскольку оно имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, оно разрушаетъ не крупное землевладѣніе, а хищническую систему хозяйства, основанную на крайней эксплуатаціи нужды крестьянства и не мирящуюся даже съ минимальнымъ подъемомъ его благосостоянія. Но и то о разрушеніи этой хозяйственной системы приходится говорить лишь очень условно. Экономическое благосостояніе нашего крестьянина до такой степени шатко и непрочно, что первое же бѣдствіе можетъ вновь повергнуть его въ нужду и отдать во власть той кабалы, изъ которой онъ только что съ трудомъ высвободился. Во всякомъ случаѣ, если бы даже эта система и рушилась окончательно, для поддержки и возсозданія ея, очевидно, не имѣлось бы никакихъ серьезныхъ основаній.

Но это лишь одна сторона дѣла. Въ дѣйствительности вопросъ о сельскихъ рабочихъ нельзя, конечно, разсматривать исключительно черезъ призму частно-владѣльческихъ интересовъ. Съ этимъ вопросомъ тѣсно связана судьба многомилліонной массы земледѣльческаго населенія, интересы которой въ свою очередь требуютъ заботы и огражденія. Между тѣмъ, правильному удовлетворенію этого требованія въ немалой мѣрѣ препятствуетъ полученный въ наслѣдіе отъ прошлаго и до сихъ поръ остающійся

*) «Нов. Вр.», 16 мая 1900 г.
**) «Сынъ Отеч.», 14 марта 1900 г.
***) «Сынъ Отеч.», 8 мая 1900 г.

широко распространеннымъ взглядъ на крестьянина, какъ на неполноправнаго члена общества, и на деревню, какъ на организмъ, не имѣющій самостоятельнаго существованія и обязанный служить постороннимъ для него цѣлямъ. Послѣдствія такого взгляда сказываются и въ жизни, и въ законѣ, причемъ тенденціи послѣдняго въ жизни опять-таки получаютъ такое распространительное примѣненіе, какое, по всей вѣроятности, не было предусмотрѣно законодателемъ. Благодаря этому сельскіе рабочіе поставлены у насъ даже въ менѣе благопріятное положеніе по отношенію къ нанимателямъ, нежели рабочіе промышленные. Это различное отношеніе закона и административной практики къ двумъ разрядамъ рабочихъ проявляется уже съ самаго момента найма. Такъ, намъ не случалось слышать, чтобы на частныхъ фабрикахъ и заводахъ работали солдаты. Между тѣмъ въ юго-западномъ краѣ ежегодно, по просьбамъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ ихъ экономіи отпускаются въ качествѣ рабочихъ партіи солдатъ изъ расположенныхъ въ краѣ войскъ и этотъ солдатскій трудъ, составляя вѣчную угрозу для нуждающихся въ заработкѣ крестьянъ, побуждаетъ ихъ сбивать до минимума цѣны на рабочія руки *). Такой же порядокъ практикуется и въ другихъ мѣстностяхъ. Отношенія рабочихъ послѣ найма къ владѣльцу фабрики или завода регламентированы закономъ несравненно подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ такія же отношенія сельскихъ рабочихъ къ владѣльцу имѣнія. Законъ болѣе или менѣе точно опредѣляетъ возможные случаи оштрафованія фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, и эти штрафы, по крайней мѣрѣ отчасти, идутъ на благотворительныя цѣли. Штрафы же, взимаемые съ сельскихъ рабочихъ, поступаютъ въ пользу нанимателя. При этомъ ст. 50 положенія 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы гласитъ, что наниматели имѣютъ право „подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработной платы за прогулъ, за небрежную работу, за грубость и неповиновеніе хозяину и за причиненіе вреда хозяйскому имуществу“. Статья оговариваетъ, что „никакіе вычеты по инымъ поводамъ не допускаются“, но грубость, небрежность и неповиновеніе оказываются крайне растяжимыми понятіями, и, при желаніи, любого рабочаго легко можно обвинить въ одномъ изъ этихъ преступленій. На практикѣ поэтому въ области штрафованія сельскихъ рабочихъ господствуетъ полный произволъ нанимателей и самые штрафы иногда становятся источникомъ серьезнаго дохода для экономіи. Въ литературѣ приводился недавно примѣръ одной экономіи Петровскаго уѣзда Саратовской губ., въ которой изъ 452 рабочихъ, служившихъ въ ней въ теченіе лѣтняго періода, только 51 не былъ оштрафованъ, 88 были подвергнуты штрафу въ размѣрѣ $^1/_4$ заработка, 122—болѣе $^1/_3$, 69—болѣе $^1/_2$, 85 потеряли въ штра-

*) «Сѣв. Кур.», 29 февр 1900 г.

фахъ почти весь свой заработокъ, а остальные 37 оказались не только безъ заработка, но даже должниками экономіи. Подобные случаи далеко не составляютъ рѣзкаго исключенія. Хотя дѣйствующее положеніе и содержитъ въ себѣ постановленіе, согласно которому вычеты изъ жалованья „не могутъ превышать двойной поденной платы, причитающейся рабочему", но на практикѣ это постановленіе остается мертвой буквой и извѣстны случаи договоровъ, въ которые включаются пункты, опредѣляющіе размѣры штрафа желаніемъ нанимателя или гласящіе, что за воровство, неповиновеніе либо дерзость „все заработанное жалованье обращается въ штрафъ" *). Доводить подобныя дѣла до суда у рабочаго нѣтъ обыкновенно времени и возможности, и незаконныя взысканія остаются въ силѣ, значительно уменьшая его и безъ того скудный заработокъ въ пользу нанимателя.

Существованіе такихъ незаконныхъ пріемовъ въ значительной мѣрѣ облегчается къ тому же отсутствіемъ въ области сельскаго хозяйства какого-либо административнаго надзора за отношеніями нанимателей къ рабочимъ, подобнаго тому, какой установленъ для промышленныхъ рабочихъ въ видѣ фабричной инспекціи. Противъ необходимости подобнаго надзора иногда возражаютъ указаніемъ на существующую будто бы извѣстную патріархальность отношеній между сельскими хозяевами и ихъ рабочими. Къ сожалѣнію, всѣ сколько-нибудь точныя свѣдѣнія, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, безжалостно разрушаютъ эту красивую иллюзію. Въ тѣхъ, сравнительно, рѣдкихъ случаяхъ, когда претензіи рабочихъ проникаютъ въ печать или дѣлаются предметомъ судебнаго разбирательства, неизмѣнно вскрывается картина такихъ порядковъ, которые, если и могутъ быть названы патріархальными, то развѣ въ смыслѣ желательности возможно скорѣйшаго ихъ уничтоженія. Несоблюденіе условій съ рабочими въ горячую лѣтнюю пору и обсчетъ ихъ по окончаніи условленныхъ работъ составляютъ довольно обычное явленіе, къ которому наблюдатели уже достаточно присмотрѣлись, чтобы говорить о немъ спокойно и безъ волненія **). Въ г. Ставрополѣ, напримѣръ, богатѣйшій въ городѣ купецъ, нѣкій Пр. Меснянкинъ, былъ недавно присужденъ къ тюремному заключенію за мошенничество, допущенное имъ при разсчетѣ со своими рабочими ***). По словамъ одного изъ корреспондентовъ „Недѣли", въ Новороссіи „аккуратный и своевременный разсчетъ съ рабочими по окончаніи срока представляетъ довольно рѣдкое явленіе" ****). Но, и не говоря уже о возможныхъ и, какъ показываетъ дѣятельность, часто практикующихся нару-

*) См. объ этомъ въ статьѣ г. Хижнякова «О штрафахъ въ сельскомъ хозяйствѣ», «Право», № 18, 30 апрѣля 1900 г.

**) См. «Сарат. Листокъ», 26 іюля 1900 г.

***) «Сѣв. Кур.», 29 мая 1900 г.

****) «Недѣля», № 19, 7 мая 1900 г.

шеніяхъ условій со стороны хозяевъ, жизнь сельскаго рабочаго, даже поскольку она протекаетъ въ предѣлахъ заключенныхъ договоровъ, представляетъ много темныхъ сторонъ, на которыя необходимо обратить самое серьезное и пристальное вниманіе.

Въ корреспонденціи „Недѣли" сообщалась какъ-то картина положенія рабочихъ въ одномъ изъ крупныхъ имѣній Новороссіи, положенія, признаваемаго сноснымъ и не вызывающаго жалобъ со стороны самихъ рабочихъ. „Средняя поденная плата полнорабочему не превышала за 16-лѣтній періодъ времени 45 к., полурабочему—35 к. и дѣвкѣ—30 к. на хозяйскихъ харчахъ, которыя выдавались въ слѣдующемъ размѣрѣ на одного человѣка: муки пшеничной 1 ф., пшена или ячныхъ крупъ $^{3}/_{4}$ ф., сала или олеи $^{1}/_{20}$ ф. и хлѣба 3 ф., не считая капусты и картофеля, отпускаемыхъ обыкновенно по мѣрѣ надобности. Мясо выдавалось и выдается только по большимъ праздникамъ, да и то не болѣе $^{1}/_{2}$ ф. на человѣка. При такой, въ сущности скудной, пищѣ рабочіе исполняютъ безропотно самый тяжелый трудъ, начиная его нерѣдко съ 4—5 ч. утра и оканчивая въ 8—9 ч. вечера; во время же молотьбы хлѣба работа прекращается зачастую и позже. На отдыхъ, на считая времени, потребнаго для ѣды, полагается всего $1^{1}/_{2}$ часа послѣ обѣда" *). Такимъ образомъ въ то время, какъ на фабрикахъ и заводахъ закономъ установленъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, $11^{1}/_{2}$-часовой рабочій день, среди сельскихъ рабочихъ 16-часовой день работы, съ перерывами въ 2—$2^{1}/_{2}$ часа для ѣды и отдыха, не вызываетъ еще жалобъ. Оно и неудивительно, если принять во вниманіе другіе факты, касающіеся продолжительности сельскаго рабочаго дня. Согласно выводамъ изслѣдованія, произведеннаго земскимъ санитарнымъ врачемъ Хижняковымъ **), въ большинствѣ имѣній различныхъ уѣздовъ Херсонской губерніи рабочій день начинается въ 3 ч. утра и оканчивается въ $8^{1}/_{2}$ ч. вечера, доходя до 17—18 ч. въ сутки, причемъ на завтракъ и обѣдъ полагается приблизительно $2^{1}/_{2}$, 3 и $3^{1}/_{2}$ часа. Для скота въ экономіяхъ установленъ менѣе продолжительный рабочій день, такъ какъ иначе скотъ истощается. Въ наиболѣе горячую пору въ экономіяхъ нерѣдко практикуется и ночной трудъ, причемъ для подбодренія рабочихъ имъ выдается водка. Такой длительный рабочій день встрѣчается не въ одной лишь Херсонской губерніи: въ губерніи Самарской въ 1897 г. работы въ экономіяхъ велись съ 4 ч. утра до 8 ч., а въ лунныя ночи и до 10 ч. вечера, съ перерывомъ лишь на $2^{1}/_{2}$ часа, въ Кубанской области рабочій день начинался за часъ до

---

*) «Недѣля», № 19.

**) В. Хижняковъ. Положеніе рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ санитарномъ отношеніи. Докладъ губернскому совѣщанію врачей Херсонской губ. Херсонъ 1899 г.

восхода и кончался часомъ позже заката. Легко себѣ представить изнуряющее дѣйствіе столь продолжительнаго труда въ жаркіе лѣтніе дни на организмъ рабочихъ, особенно малолѣтнихъ и женщинъ. Къ тому же обстановка жизни рабочихъ, несущихъ этотъ тяжелый трудъ, часто противорѣчитъ всѣмъ правиламъ гигіены. Въ той же Херсонской губерніи пришлые рабочіе помѣщаются въ тѣсныхъ казармахъ, соединяющихъ въ себѣ и столовыя, и спальни, въ наскоро устроенныхъ шалашахъ и куреняхъ, а то и просто на полѣ. Питаются они скудной и нездоровой пищей. Нерѣдко экономіи поставляютъ въ пищу рабочимъ несвѣжіе продукты, но даже и тогда, когда эти продукты вполнѣ доброкачественны, продовольствіе рабочихъ весьма мало соотвѣтствуетъ условіямъ правильнаго питанія. Въ Херсонской губерніи были и случаи кормленія рабочихъ мясомъ заболѣвшихъ овецъ, въ результатѣ чего являлись иногда зараженіе и смерть накормленныхъ такимъ мясомъ людей. Такой способъ прокормленія рабочихъ практикуется опять-таки и въ другихъ мѣстностяхъ. Не далѣе, какъ въ настоящемъ году, Симферопольскій окружный судъ разсматривалъ дѣло, возникшее на почвѣ подобныхъ упрощенныхъ порядковъ продовольствія рабочихъ. Крымскій землевладѣлецъ г. Сафоновъ распорядился въ своемъ имѣніи дорѣзывать тѣхъ овецъ, у которыхъ обнаруживались явные признаки сибирской язвы, и мясомъ этихъ животныхъ кормилъ своихъ рабочихъ. Пятеро рабочихъ, четверо мужчинъ и одна дѣвушка, отъ такой пищи заразились сибирской язвой и поступили на излѣченіе въ мѣстную земскую больницу. По выздоровленіи мужчины выбыли на родину, дѣвушку же, которой болѣзнь обезобразила лицо и попортила зрѣніе, какой-то свѣдущій человѣкъ надоумилъ обратиться за вознагражденіемъ въ судъ. Симферопольскій судъ по разборѣ дѣла приговорилъ г. Сафонова къ уплатѣ пострадавшей единовременнаго вознагражденія въ размѣрѣ 1000 р. **). „Кормленіе рабочихъ мясомъ сибиреязвенныхъ животныхъ—писали по этому поводу „Спб. Вѣдомостямъ“—практикуется во многихъ экономіяхъ, причемъ дорѣзываютъ овецъ не только въ періодъ начальнаго развитія заразы, но и тогда, когда овца уже падаетъ, извиваясь въ предсмертныхъ судорогахъ. Немудрено поэтому, что процессъ г. Сафонова, завершившійся такимъ неожиданнымъ финаломъ, вызвалъ общее недоумѣніе среди хозяевъ, привыкшихъ испоконъ вѣка дорѣзывать „на харчъ“ рабочимъ больныхъ сибирскою язвой овецъ и другую скотину. Ихъ крайне удивляетъ рѣшеніе суда, идущее вразрѣзъ съ изстари установившимся порядкомъ утилизировать все, даже мясо палыхъ животныхъ, которое такъ отлично переваривають мужицкіе желудки *). Г. Ромеръ какъ-то настаи-

*) «Россія», 8 марта 1900 г.

**) «Спб. Вѣд.», 16 мая 1900 г.

валъ на необходимости въ деревнѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ единственныхъ просвѣщенныхъ людей, вполнѣ понимающихъ условія деревенской жизни *). Эту же мысль раздѣляютъ съ нимъ и многіе иные публицисты. Знакомство съ порядками, вскрытыми процессомъ г. Сафонова, можетъ, однако, навести на мысль, что деревня уплачиваетъ нѣсколько дорогую цѣну за подобное пониманіе условій ея жизни.

Наряду съ вліяніемъ искони дѣйствующихъ порядковъ неблагопріятно отзываются при существующихъ условіяхъ на положеніи сельскихъ рабочихъ и современные успѣхи техники. За послѣдніе годы въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ получаетъ все болѣе широкое распространеніе примѣненіе машинъ. Еще въ 1876 г. сельско-хозяйственныхъ машинъ было произведено въ Европейской Россіи всего на 2.329.000 р. и выписано изъ за-границы на 1.628.000 р., а въ 1894 г. такихъ машинъ было произведено въ Россіи уже на 9.445.000 р. и привезено изъ-за границы на 5.194.000 р. **). Въ одной лишь Херсонской губерніи въ послѣднее время насчитывалось 1150 паровыхъ молотилокъ и столько же ихъ было въ Кубанской области, а на всемъ югѣ Россіи въ 1894 г. насчитывалось болѣе 10.000 паровыхъ двигателей для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Но параллельно съ этимъ прогрессомъ техники хозяйства идетъ пока не улучшеніе, а ухудшеніе участи сельскаго рабочаго. По мѣрѣ распространенія машинъ все въ большемъ количествѣ привлекается въ экономіи дешевый женскій и дѣтскій трудъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь и здоровье рабочаго подвергаются все болѣе серьезной опасности. Изнуренный чрезмѣрно продолжительной работой, плохимъ питаніемъ и всей антигигіенической обстановкой своей жизни, рабочій не въ силахъ уже съ должнымъ вниманіемъ относиться къ грозящей ему опасности, а владѣльцы по собственному почину не заботятся хотя бы объ огражденіи опасныхъ частей машинъ. Благодаря этому количество травматическихъ поврежденій, получаемыхъ рабочими въ экономіяхъ, возрастаетъ, насколько можно, по крайней мѣрѣ, судить по свѣдѣніямъ, имѣющимся для отдѣльныхъ мѣстностей, съ громадной быстротой. Такъ, въ Мелитопольскомъ уѣздѣ поступало на излѣченіе въ земскую больницу изъ экономій тяжело раненыхъ рабочихъ: въ 1888 г.—24 чел., въ 1889 г.—34, въ 1890 г.—54, въ 1891 г.—43, въ 1892 г.—57, въ 1893 г.—77, въ 1894 г.—72, въ 1895 г.—100, въ 1896 г.—93 и въ 1897 г.—103 человѣка ***). Такимъ образомъ, за 10 лѣтъ число рабочихъ, получившихъ тяжелыя поврежденія, увеличилось болѣе, чѣмъ въ четыре раза.

Разрѣшеніе вопроса объ огражденіи машинъ въ нѣкоторыхъ

*) «Н. Вр.», 16 мая 1900 г.

**) Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи, с. 154.

***) «Спб. Вѣд.», 16 мая 1900 г.

отдѣльныхъ мѣстностяхъ принимаетъ на себя въ настоящее время фабричная инспекція совмѣстно съ земствомъ. На происходившемъ весною этого года въ Харьковѣ съѣздѣ старшихъ фабричныхъ инспекторовъ губерній харьковскаго фабричнаго округа было принято рѣшеніе, чтобы инспектора тѣхъ губерній, въ которыхъ имѣются заводы, изготовляющіе сельско-хозяйственныя машины, разработали къ слѣдующему съѣзду, назначенному на осень, проекты обязательныхъ постановленій объ огражденіи наиболѣе опасныхъ частей машинъ; окончательно одобренные съѣздомъ проекты предполагается представить въ губернскія земскія управы для введенія ихъ въ дѣйствіе *). Въ текущемъ году администраціей частью подготвлялись, частью были приняты и нѣкоторыя другія мѣры, касающіяся положенія сельскихъ рабочихъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ по примѣру прошлаго года командировало на югъ для ознакомленія съ бытомъ пришлыхъ рабочихъ особаго уполномоченнаго въ лицѣ ген. Томича и послѣдній, объѣзжая въ теченіе лѣта мѣста скопленія рабочихъ, изучалъ ихъ положеніе и совѣщался по поводу его съ представителями мѣстной администраціи, дворянства и земства. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, главными вопросами, обсуждавшимися на этихъ совѣщаніяхъ, были постановка лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ для рабочихъ въ южныхъ губерніяхъ и положеніе работницъ на крымскихъ табачныхъ плантаціяхъ. Тяжелыя условія, въ которыхъ протекаетъ жизнь работницъ на этихъ плантаціяхъ, давно обращали на себя общее вниманіе, и въ 1897 г. мѣстный губернаторъ издалъ даже обязательныя для лицъ, содержащихъ плантаціи, постановленія, согласно которымъ для работницъ-дѣвушекъ должны были быть устроены отдѣльныя помѣщенія. Благодаря отсутствію правильно организованнаго надзора эти постановленія остались, однако, безрезультатными. Произведенное въ началѣ этого года полиціею разслѣдованіе выяснило, что плантаторы либо вовсе не исполнили предъявленнаго къ нимъ требованія, либо устроили отдѣльное помѣщеніе въ видѣ маленькой комнатки на 1—2 кровати, при наличности на плантаціи 18—20 работницъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ постановленіяхъ губернатора не указана необходимость соображать размѣры отдѣльнаго помѣщенія съ числомъ всѣхъ работницъ плантаціи. При этомъ изъ свѣдѣній, добытыхъ тѣмъ же разслѣдоваиіемъ, оказалось, что рабочій день на плантаціяхъ начинается около 3 ч. утра и оканчивается послѣ 10 ч. вечера, иначе говоря, продолжается 19—20 часовъ. Въ тѣхъ же, переполненныхъ удушливою табачною пылью, помѣщеніяхъ, въ которыхъ днемъ производится работа, ночью спятъ работники и работницы, часто прямо на грязномъ полу. Такому помѣщенію вполнѣ соотвѣтствуетъ и плохая пища, выдаваемая

*) «Сынъ Отеч.», 3 мая 1900.

работницамъ, а сверхъ того онѣ часто подвергаются побоямъ и насилію со стороны самихъ плантаторовъ и ихъ приказчиковъ. Между тѣмъ на табачныя плантаціи нерѣдко нанимаются дѣвочки-подростки въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ *). Какъ сообщаютъ газеты, ген. Томичъ въ результатѣ своего ознакомленія съ бытомъ табачныхъ плантацій предполагаетъ внести предложеніе о распространеніи на нихъ дѣйствія законовъ о малолѣтнихъ работникахъ на фабрикахъ и заводахъ **). Пока неизвѣстно, проектируются ли какія-нибудь мѣры для улучшенія участи также и взрослыхъ работницъ.

Эта участь обратила на себя вниманіе администраціи и въ другой мѣстности,—въ Кубанской области. Въ началѣ текущаго года въ „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ" появилась корреспонденція о положеніи рабочихъ на плантаціяхъ Майкопскаго отдѣла. По поводу этой корреспонденціи было произведено особое административное разслѣдованіе, подтвердившее изложенные въ ней факты и выяснившее, что неприглядное положеніе рабочихъ обусловлено прежде всего отсутствіемъ надзора со стороны чиновъ мѣстной полиціи, обязанной къ тому закономъ. „Были случаи, — говоритъ изданный начальникомъ области циркуляръ, — когда рабочіе, выведенные изъ терпѣнія грубымъ обращеніемъ нанимателей, дурнымъ содержаніемъ и непосильной работой, обращались къ содѣйствію мѣстныхъ властей, но послѣднія не только не оказали обиженнымъ законнаго покровительства, но не постарались даже удостовѣриться, въ какой степени претензія рабочихъ является основательной и, становясь всецѣло на сторону нанимателей, подвергали заявителей взысканію, какъ строптивыхъ и невыполняющихъ договора. Дознаніемъ выяснилось, что содержаніе рабочихъ на плантаціяхъ до крайности плохо: пища приготовляется въ ограниченномъ, а иногда прямо-таки недостаточномъ количествѣ и изъ негодныхъ продуктовъ, благодаря чему минувшимъ лѣтомъ среди людей, работавшихъ на плантаціяхъ указаннаго въ корреспонденціи района, бывали даже случаи заболѣванія цынгой отъ плохого питанія. Помѣщенія для рабочихъ отводятся тѣсныя, холодныя, грязныя и безъ всякой вентиляціи, причемъ въ одномъ баракѣ помѣщаются мужчины, женщины и дѣти-подростки, благодаря чему плантаціи, развращая населеніе, являются разсадникомъ заразныхъ болѣзней. Содержа рабочихъ дурно, плантаторы требуютъ отъ нихъ, однако, непосильной работы. Въ горячее время уборки и вязки табаку для отдыха дается рабочимъ иногда не болѣе 3—4 часовъ въ сутки. Ни праздничные, ни воскресные дни не соблюдаются и, даже въ то время, когда въ церквахъ идетъ богослуженіе, ра-

*) «Россія», 29 марта и 10 іюля; «Спб. Вѣд.», 14 іюля 1900 г.
**) «Нов. Вр.», 9 іюня 1900 г.

бочіе принуждаются къ работамъ на плантаціяхъ или посылаются въ лѣсъ для сбора грибовъ и ягодъ". Признавая такіе факты совершенно ненормальными, начальникъ области предписалъ атаманамъ отдѣловъ вмѣнить въ строгую обязанность подвѣдомственнымъ имъ лицамъ надзоръ за табачными плантаціями и наблюдать, чтобы „наниматели обходились кротко съ рабочими", чтобы пища была доброкачественная, помѣщенія для рабочихъ теплыя, сухія и отдѣльныя для мужчинъ и женщинъ, и чтобы рабочіе не обременялись непосильной работой, „пользуясь отдыхомъ не менѣе 6 часовъ въ сутки" *). Къ сожалѣнію, трудно надѣяться, что и этотъ циркуляръ не постигнетъ судьба постановленій таврическаго губернатора. У чиновъ мѣстной администраціи и полиціи достаточно и своего прямого дѣла, и они едва ли окажутся способными стоять на высотѣ роли сельской инспекціи. Къ тому же правила, издаваемыя отдѣльными администраторами, какъ это можно видѣть на примѣрѣ тѣхъ же таврическихъ постановленій, имѣютъ еще и ту невыгодную сторону, что ихъ редакція рѣдко отличается необходимою точностью и потому является возможность сравнительно легкаго обхода ихъ.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что вопросъ о положеніи сельскихъ рабочихъ въ его цѣломъ не можетъ быть подвинутъ къ правильному разрѣшенію путемъ подобныхъ частныхъ административныхъ мѣропріятій, захватывающихъ лишь одну какую-либо его сторону въ той или другой опредѣленной мѣстности. Между тѣмъ этотъ сложный вопросъ, имѣющій громадную важность въ экономической жизни Россіи, настоятельно требуетъ для себя общаго рѣшенія, и послѣднее можетъ быть дано ему только законодательнымъ путемъ. Какъ извѣстно, въ соотвѣтствующихъ сферахъ и производятся теперь подготовительныя работы по пересмотру положенія 1886 г. о наймѣ сельскихъ рабочихъ, но въ печати за послѣднее время не сообщалось свѣдѣній о томъ, въ какомъ фазисѣ находятся эти работы и къ какому результату онѣ клонятся. Можно только пожелать, чтобы подготовляемый проектъ новаго положенія о сельскихъ рабочихъ не становился на точку зрѣнія преимущественнаго значенія интересовъ нанимателей, но принялъ равнымъ образомъ во вниманіе и интересы рабочей массы, въ настоящее время остающіеся почти безъ всякаго огражденія. Главнѣйшіе изъ этихъ интересовъ легко опредѣляются уже изъ существующихъ указаній на особенности современнаго положенія сельскихъ рабочихъ. Введеніе договоровъ о наймѣ въ обычныя рамки гражданскаго права, лишеніе нанимателей права штрафовать рабочихъ въ свою пользу, урегулированіе продолжительности рабочаго дня и обязанностей нанимателя по содержанію рабочихъ, установленіе льготныхъ условій

*) «Сѣверный Кавказъ», 21 марта; «Р. Вѣд.», 26 марта 1900 г.

женскаго и дѣтскаго труда, введеніе отвѣтственности предпринимателей за болѣзни и увѣчья рабочихъ, полученныя ими на работѣ не по собственной винѣ,—таковы наиболѣе важныя требованія, какія возможно было бы предъявить къ проектируемому закону во имя этихъ интересовъ, и удовлетвореніе ихъ было бы тѣмъ справедливѣе, что оно лишь сравняло бы многочисленный классъ сельскихъ рабочихъ съ рабочими фабричными и заводскими. Но опытъ достаточно уже показалъ, что однихъ постановленій закона мало для обезпеченія участи рабочаго: нужно еще установить надзоръ за исполненіемъ этихъ постановленій и предоставить рабочему удобный путь къ отысканію его нарушеннаго права. Введеніе сельской инспекціи, которая приняла бы на себя по отношенію къ сельскимъ рабочимъ задачи, исполняемыя въ фабрично-заводской промышленности фабричною инспекціей, и передача дѣлъ рабочихъ съ нанимателями въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ учрежденій, являются поэтому необходимыми дальнѣйшими этапами на пути упорядоченія сельско-хозяйственнаго труда нашей деревни. Чѣмъ скорѣе будутъ пройдены эти этапы, тѣмъ болѣе выиграетъ, конечно, общее развитіе страны.

III.

Непредвидѣнныя событія, разыгравшіяся въ послѣдніе мѣсяцы на дальнемъ Востокѣ, и роль, занятая Россіей въ походѣ европейскихъ государствъ и Японіи на Китай, успѣли уже отозваться на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Средствъ, предусмотрѣнныхъ въ обыкновенномъ бюджетѣ государства, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось недостаточно для покрытія расходовъ, связанныхъ съ предпринятыми внутри китайской границы военными дѣйствіями, и въ виду этого явилась надобность въ изысканіи, по крайней мѣрѣ на время, новыхъ источниковъ дохода для казны. Пока съ этою цѣлью приняты двѣ мѣры, далеко не равносильныя по своему экономическому значенію, но сходныя въ томъ, что вліяніе ихъ обѣихъ едва ли ограничится одною лишь выгодою, какую онѣ могутъ принести фиску.

21 іюля состоялся высочайшій указъ, временно увеличившій пошлины по многимъ статьямъ общаго таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ. Какъ оговорено въ самомъ указѣ, это увеличеніе не касается конвенціонныхъ тарифовъ, установленныхъ по торговымъ договорамъ Россіи съ нѣкоторыми европейскими государствами. Тѣмъ не менѣе для примѣненія новыхъ таможенныхъ ставокъ, вводимыхъ указомъ 21 іюля, открыто широкое поле, такъ какъ и страны, не заключившія съ Россіей особыхъ торговыхъ трактатовъ, въ большомъ количествѣ ввозятъ въ нее свои товары. Самое повышеніе пошлинъ установлено въ различ-

номъ размѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ отъ 50 до 10% съ взимавшихся ранѣе пошлинъ; для нѣкоторыхъ же товаровъ увеличеніе пошлины установлено на опредѣленныя суммы. На 50% увеличены пошлины на муку, солодъ, крупу, сушеныя овощи, апельсины, лимоны, виноградъ, черносливъ, финики, изюмъ, каперцы, маслины, орѣхи, трюфели, шампиньоны, пряности, устрицы, жареный кофе, свѣжую и соленую рыбу, табакъ, вино, пиво, медъ, портеръ, на мягкую рухлядь и на велосипеды. На 30% подняты пошлины на сырой кофе въ зернахъ, воскъ, кожаныя издѣлія и лѣсной товаръ въ доскахъ и брускахъ. Двадцатипроцентная надбавка коснулась вареныхъ фруктовъ, какао, свѣчей, плетеныхъ издѣлій, фарфора, бѣлаго и огнестрѣльнаго оружія, ножеваго товара въ оправѣ, нѣкоторыхъ галантерейныхъ товаровъ, экипажей, джута, полотна, батиста, платья, бѣлья, карманныхъ часовъ и проч. Надбавка въ 10% установлена для выдѣланныхъ кожъ и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ. Вновь введена пошлина съ тряпья, идущаго не на писчебумажныя фабрики, въ 3 р. 50 к. съ пуда. Прежняя пошлина съ драгоцѣнныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней (естественныхъ и искусственныхъ) въ размѣрѣ 3 р. съ фунта поднята до 5 р. 50 к. На бумажныя ткани, бархатъ и плисъ пошлина увеличена на 5 к. съ фунта, на бумажныя пряжи—на 1 р. 50 к. съ пуда, на сырой хлопокъ—на 1 р. съ пуда.

Какъ показываетъ приведенный перечень подлежащихъ вновь установленному обложенію товаровъ, повышеніе пошлинъ коснулось не только предметовъ роскоши, но и такихъ товаровъ, которые пользуются широкимъ распространеніемъ среди массы населенія. Тѣмъ болѣе серьезное значеніе получаетъ, конечно, эта финансовая мѣра, результаты которой обѣщаютъ чувствительно отозваться не на однихъ только состоятельныхъ классахъ населенія. Надбавка пошлины на хлопокъ, напримѣръ, не повела къ немедленному повышенію цѣнъ на бумажныя ткани лишь благодаря существующему въ настоящее время въ этой области перепроизводству, но нѣтъ сомнѣнія, что современемъ крупные производители и торговцы произведутъ учетъ этой надбавки въ свою пользу къ невыгодѣ потребителя, какимъ является въ данномъ случаѣ милліонная масса, одѣвающаяся въ бумажныя ткани. Значительная часть жертвъ, какія населеніе государства призвано нести на военные расходы, перелагается такимъ путемъ на тѣ классы народа, которые и въ обыкновенное время несутъ у насъ главную тяжесть государственныхъ налоговъ. Сверхъ того въ указѣ 21 іюля есть еще и другая сторона, такъ какъ создаваемое имъ измѣненіе тарифа косвенно является новою покровительственною мѣрою по отношенію къ отечественной промышленности, устанавливая болѣе выгодныя для нея условія конкуренціи съ продуктами иностраннаго производства. Соотвѣтственно этому, въ указѣ имѣется статья, которая, не преслѣдуя фискаль-

ныхъ цѣлей, охраняетъ лишь интересы промышленности, поскольку они могли быть неблагопріятно затронуты вновь введеннымъ порядкомъ. Еще въ 1894 г. былъ установленъ возвратъ пошлинъ за вывозимыя за границу хлопчатобумажныя издѣлія русскихъ фабрикъ. Теперь, вмѣстѣ съ возвышеніемъ ввозной пошлины на хлопокъ, поднятъ и размѣръ этой вывозной преміи—на 1 р. 20 к. съ пуда хлопчатобумажныхъ издѣлій, причемъ министру финансовъ предоставлено опредѣлить срокъ введенія въ дѣйствіе этого увеличенія. Долголѣтній опытъ достаточно уже выяснилъ результаты принятой у насъ системы энергичнаго таможеннаго покровительства отечественной промышленности, развитіе которой далеко не окупаетъ потерь, какія несетъ въ ея пользу и ради ея преуспѣянія масса русскихъ потребителей. Въ виду этого остается надѣяться, что дѣйствіе указа 21 іюля, еще болѣе усиливающаго эту систему, будетъ непродолжительно и прекратится вмѣстѣ съ обстоятельствами, вызвавшими появленіе этого указа.

То же самое пожеланіе примѣнимо и къ другой финансовой мѣрѣ, принятой въ послѣднее время въ виду военныхъ дѣйствій, происходящихъ на китайской границѣ. Высочайшій указъ 28 іюля предписалъ, сверхъ установленной ранѣе платы за заграничные паспорта въ размѣрѣ 10 р., установить съ тѣхъ же паспортовъ временный сборъ по 5 р. въ полугодіе за каждый паспортъ въ пользу россійскаго общества Краснаго Креста, причемъ такой сборъ распространяется и на освобожденные отъ платы въ инвалидный капиталъ паспорты лицъ, ѣдущихъ за границу по торговымъ дѣламъ, и иностранцевъ, не состоящихъ въ русскомъ подданствѣ. Въ ряду пожертвованій, которыя неизбѣжно влечетъ за собою всякая война, пожертвованія, идущія на оказаніе помощи раненымъ и больнымъ, являются, конечно, наиболѣе симпатичными по своей гуманной цѣли и наименѣе могутъ вызывать противъ себя возраженія. Нельзя не замѣтить однако же, что сколько-нибудь продолжительное стѣсненіе непосредственныхъ личныхъ сношеній съ западомъ, неизбѣжно вытекающее изъ увеличенія паспортнаго налога, рискуетъ отразиться слишкомъ замѣтными и едва-ли желательными послѣдствіями въ нашей внутренней жизни. Стоитъ вспомнить хотя бы значительное количество нашей молодежи, ищущей высшаго образованія за границей и вмѣстѣ съ тѣмъ съ трудомъ добывающей себѣ средства къ существованію, чтобы убѣдиться, какъ мало можетъ быть уподобленъ въ нашихъ условіяхъ паспортный налогъ налогу на роскошь. Подобный налогъ могъ быть введенъ лишь въ виду чрезвычайныхъ затрудненій, временно переживаемыхъ государственнымъ казначействомъ.

Эти затрудненія уже теперь обѣщаютъ повлечь за собою и дальнѣйшія послѣдствія, еще болѣе богатыя результатами для внутренней жизни страны. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы въ принципѣ былъ уже рѣшенъ положительно вопросъ о передачѣ въ

распоряженіе городовъ государственнаго квартирнаго налога, причемъ съ такою передачею связывалось и предположеніе о реформѣ городского самоуправленія, къ участію въ которомъ проектировалось привлечь квартиронанимателей, уплачивающихъ извѣстную сумму этого налога. Въ прошлую зиму при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ работала уже коммиссія для установленія тѣхъ основаній, на которыхъ налогъ могъ быть переданъ городамъ. Но, какъ сообщалось на-дняхъ въ газетахъ, эта „коммиссія не успѣла закончить своихъ занятій, какъ вспыхнувшіе въ Китаѣ безпорядки вызвали со стороны государства непредвидѣнные и значительные расходы, потребовавшіе полнаго напряженія средствъ государственнаго казначейства. Въ результатѣ рѣшено отложить передачу квартирнаго налога городамъ впредь до болѣе благопріятныхъ условій и обращать его по прежнему въ общіе рессурсы государства“ *). Едва-ли, однако, этимъ и завершится удовлетвореніе финансовыхъ потребностей, созданныхъ войною. Съ другой стороны, въ виду имѣющихся уже результатовъ врядъ-ли могутъ возникать какія-либо сомнѣнія и въ томъ, что чѣмъ аггресивнѣе будетъ политика Россіи на дальнемъ Востокѣ, тѣмъ бóльшаго напряженія народныхъ силъ она потребуетъ для себя и тѣмъ болѣе серьезнымъ тормазомъ окажется это напряженіе во внутреннемъ развитіи страны, и безъ того не отличающемся особой энергіей и быстротой.

IV.

Волненія въ Китаѣ и послѣдовавшія за ними военныя дѣйствія, успѣвшія уже оказать свою долю вліянія на финансовую политику государства, отозвались въ нашей внутренней жизни еще и инымъ способомъ. Начало военныхъ дѣйствій противъ Китая въ одномъ изъ городовъ нашего отечества было ознаменовано еврейскимъ погромомъ. Правда, связь, существовавшая между этими событіями, была скорѣе хронологической, чѣмъ причинною. Дѣло происходило въ Одессѣ и, по описаніямъ газетныхъ корреспондентовъ, происходило слѣдующимъ образомъ.

16 іюля на одесскомъ толкучемъ рынкѣ, переполненномъ массою мелкихъ торговцевъ, многіе солдаты, изъ числа отправлявшихся на дальній Востокъ стрѣлковъ, распродавали передъ отъѣздомъ свой нехитрый скарбъ. Покупателями явились старьевщики-евреи, которые, пользуясь случаемъ, и пріобрѣтали имущество солдатъ за жалкіе гроши. До поры, до времени однако сдѣлки совершались мирно. Но къ одному солдату, увлекшемуся продажей имущества, забрался въ карманъ мальчикъ-еврей и

*) «Сѣв. Кур.», 3 августа 1900 г.

вытащилъ кошелекъ съ нѣсколькими рублями. Солдатъ замѣтилъ пропажу, поймалъ вора и началъ бить его. За мальчика вступились два еврея и осилили было стрѣлка. Это и послужило поводомъ къ безпорядкамъ. На крикъ: „нашихъ бьютъ!“ набѣжала толпа товарищей солдата, мастеровыхъ, чернорабочихъ и босяковъ и началось жестокое избіеніе евреевъ и разгромъ ихъ лавокъ. „Вмигъ собралась огромная толпа народа. Съ такъ называемой „Косарки“, гдѣ находятся тысячи пришлыхъ рабочихъ: каменщиковъ, плотниковъ и пр., все прибывали толпы. Начался самый ужасный погромъ“. „Громилы—разсказываетъ другой корреспондентъ—набрасывались на жалкія лавчонки евреевъ, вытаскивали на площадь, тащили товаръ, рвали въ клочья платье. Множество будокъ было перевернуто, изломано. Досталось и злополучнымъ владѣльцамъ-евреямъ, не успѣвшимъ улепетнуть отъ разъяренной толпы. Главный контингентъ громилъ составляли мастеровые, рабочіе, босяки. Солдатъ не было замѣтно. Разгромъ перешелъ затѣмъ въ предмѣстье и на улицы окраины города. Зачинщиками безпорядковъ были мальчуганы всѣхъ возрастовъ. Какъ хищныя птицы, небольшими кучками они набѣгали на еврейскія лавки и принимались выбивать камнями окна, двери. Владѣльцы бросались на защиту своего добра, гнали прочь буяновъ, вступали съ ними въ драку, иногда одолѣвали малышей. Но въ подмогу мальчуганамъ надвигалась толпа „великовозрастныхъ“ громилъ—съ ними было трудно справиться. Битва сейчасъ же принимала другой оборотъ. Двери выламывались, окна летѣли со звономъ и дребезгомъ. Чрезъ нѣсколько мгновеній магазинъ превращался въ безобразную кучу обломковъ и лоскутьевъ. Избитая посуда, изломанная мебель, клочья изодранныхъ въ куски цвѣтныхъ матерій усѣивали путь, пройденный бушевавшей толпой“. Въ теченіе дня и ночи 16 іюля погромъ продолжался въ предмѣстьѣ города—Молдаванкѣ и на прилегающихъ къ ней улицахъ собственно самого города, въ мѣстностяхъ, заселенныхъ по преимуществу бѣднѣйшею частью еврейскаго населенія. На другой день безпорядки перекинулись въ центральную часть города, на Дерибасовскую и Ришельевскую улицы, причемъ первыми подверглись разгрому магазины русскихъ владѣльцевъ, Распопова и Розова; пострадало и нѣсколько нѣмецкихъ и французскихъ магазиновъ; православнымъ владѣльцамъ не всегда помогали и иконы, выставленныя ими у дверей и на окнахъ ихъ лавокъ. Тамъ, гдѣ бушующая толпа не успѣвала нанести болѣе серьезнаго вреда, она уничтожала газетные кіоски и будки для продажи водъ. Для усмиренія безпорядковъ, съ которыми не могла справиться полиція, были вызваны изъ лагерей войска и казаки и къ вечеру 17 іюля было уже арестовано болѣе тысячи человѣкъ участниковъ безпорядка. Тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней повторялись частичные погромы то на цент-

ральныхъ улицахъ города, то въ предмѣстьяхъ его и лишь съ 20 іюля жизнь Одессы окончательно вступила въ обычную свою колею *).

Такова простая и несложная съ внѣшней своей стороны исторія одесскаго погрома. Но если съ внѣшней стороны событія погрома и представляются простыми, то внутренній смыслъ ихъ остается еще въ значительной мѣрѣ невыясненнымъ и темнымъ. Дѣло не въ сравнительной ничтожности повода, создавшаго безпорядки, которые въ теченіе четырехъ дней держали въ страхѣ населеніе большого города. Тамъ, гдѣ существуютъ серьезныя причины раздраженія массы, достаточно бываетъ самаго пустого повода, чтобы одно общее чувство негодованія охватило всю случайно собравшуюся толпу и вызвало съ ея стороны опредѣленныя дѣйствія. Но въ дѣйствіяхъ одесской толпы въ дни безпорядковъ нельзя не замѣтить отсутствія вполнѣ опредѣленнаго настроенія. Безпорядкамъ не былъ присущъ исключительно національный, анти-еврейскій характеръ, такъ какъ погрому подвергались и лица другихъ національностей, въ томъ числѣ и русской. Вмѣстѣ съ тѣмъ погромъ не былъ, повидимому, направленъ и спеціально противъ лицъ изъ имущихъ классовъ, такъ какъ первые и самые тяжелые удары его обрушились на бѣдняковъ, богатые же торговцы пострадали уже позднѣе и значительно менѣе. Эти особенности одесскихъ безпорядковъ дали поводъ одному изъ писавшихъ о нихъ корреспондентовъ, г. Оболенскому, высказать свое „самое глубокое убѣжденіе, что весь этотъ погромъ напоминалъ одно сплошное и отвратительное *баловство* **) двухъ или трехъ сотенъ босяковъ, юношей отъ 11 до 19 лѣтъ". „Я видѣлъ, — говоритъ г. Оболенскій,—что эти мальчуганы продѣлывали свои безобразія исключительно изъ мальчишескаго форса, желанія развлечься, „показать" себя, изъ удовольствія—вызвать вниманіе и тревогу цѣлаго обширнаго, цивилизованнаго города, наконецъ, просто изъ жажды провести время въ „оригинальной" забавѣ—битья оконъ, разгуливанья по роскошнымъ улицамъ, на которыхъ въ обыкновенное время они не появляются" ***). Несомнѣнно, однако, такое объясненіе слишкомъ мелко для событій. Не говоря уже о томъ, что о баловствѣ двухъ-трехъ сотенъ мальчугановъ едва-ли можетъ идти рѣчь тамъ, гдѣ въ два дня было арестовано 1041 человѣкъ, и большее число подростковъ и юношей врядъ-ли смогло бы произвести столь грозные и продолжительные безпорядки, для прекращенія которыхъ понадобилось вмѣшательство войскъ. Съ гораздо большимъ основаніемъ можно предположить, что въ одесскомъ погромѣ мы имѣемъ результатъ не „баловства" юношей, а

*) «Россія», 23 іюля; «Спб. Вѣд.», 24 іюля; «Нов.», 22 іюля 1900 г.

**) Курсивъ принадлежитъ г. Оболенскому.

***) «Нов.», 22 іюля 1900 г.

вспышку стихійной ярости невѣжественной и ослѣпленной національною ненавистью толпы. Русская жизнь за послѣднее время представляетъ много благопріятныхъ условій для роста такой ненависти и мало усилій, направленныхъ къ широкому гуманитарному просвѣщенію массъ, и событія, подобныя одесскому погрому, являются многозначительнымъ напоминаніемъ объ этихъ недочетахъ нашей жизни.

Вслѣдъ за прекращеніемъ безпорядковъ въ Одессѣ послѣдовалъ рядъ административныхъ взысканій съ ихъ участниковъ и съ лицъ, виновныхъ въ неисполненіи постановленій и. д. градоначальника гр. Шувалова. Особое объявленіе и. д. градоначальника сообщило, что задержанные 16 и 17 іюля во время уличныхъ безпорядковъ 1041 человѣкъ отправлены въ тюрьму для точнаго установленія самоличности и затѣмъ изъ ихъ числа всѣ рабочіе, принадлежащіе къ мѣстнымъ жителямъ, и лица не рабочаго сословія будутъ подвергнуты аресту при полиціи на три мѣсяца, а пришлые рабочіе будутъ высланы изъ Одессы въ мѣсто приписки съ первымъ этапомъ. 20 іюля было закрыто 9 питейныхъ заведеній, открывшихъ, вопреки распоряженію градоначальника, торговлю въ этотъ день. Тогда же было издано градоначальникомъ постановленіе, гласившее, что „виновные въ распространеніи ложныхъ слуховъ о принимаемыхъ мѣстной администраціей мѣрахъ къ предупрежденію возможности въ Одессѣ уличныхъ безпорядковъ, а также вымышленныхъ свѣдѣній о причинахъ и размѣрѣ ихъ, будутъ подвергнуты денежному взысканію въ размѣрѣ до 500 р. или аресту до трехъ мѣсяцевъ". 25 іюля младшій писарь запаса арміи Волоховъ за нарушеніе этого постановленія и былъ подвергнутъ аресту на 3 мѣсяца. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказами 23 и 28 іюля тридцать евреевъ „за нарушеніе дѣйствующихъ въ одесскомъ градоначальствѣ постановленій и въ цѣляхъ поддержанія общественнаго порядка" подвергнуты аресту срокомъ на 3 мѣсяца каждый *). Началось въ Одессѣ и разбирательство судебныхъ дѣлъ по обвиненію лицъ, у которыхъ найдены были похищенныя во время погрома вещи, въ укрывательствѣ краденаго или въ кражѣ. Большинство такихъ дѣлъ, по газетнымъ извѣстіямъ, заканчивается обвиненіемъ и приговоромъ къ тюремному заключенію на 3 и на 6 мѣсяцевъ **). Это подведеніе печальныхъ итоговъ погрома остается еще незаконченнымъ.

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" напечатаны слѣдующіе приказы кн. А. К. Имеретинскаго по войскамъ варшавскаго военнаго округа, состоявшіеся въ истекшемъ іюлѣ мѣсяцѣ: 1) „Францъ Ивановъ Свидерскій, 22 лѣтъ, изъ крестьянъ опатовскаго уѣзда, Радомской

*) «Од. Нов.», 23, 24 и 26 іюля; «Сѣв. Кур.» 2 авг. 1900 г.

**) «Сѣв. Кур.», 7 авг.; «Россія», 10 авг. 1900 г.

губерніи, и Валентій Степановъ Вознякъ, 21 года, изъ крестьянъ влоцлавскаго уѣзда, варшавской губерніи, по произведенному о нихъ предварительному слѣдствію и особому дознанію обвиняются въ томъ, что, сговорившись между собой и необнаруженными по дѣлу лицами лишить жизни мастерового на фабрикѣ Вышицкаго Антона Гржешака за то, что онъ не примкнулъ къ стачкѣ, организованной на означенной фабрикѣ 26-го января 1900 года, они, во исполненіе сего сговора, утромъ 16-го февраля сего же года, вооружившись, Свидерскій—рычагомъ, а Вознякъ—кускомъ желѣзной водопроводной трубы, на Товарной улицѣ города Варшавы напали на проходившаго мимо нихъ Гржешака и нанесли ему по головѣ и лицу нѣсколько ударовъ означенными орудіями, разбивъ ему черепныя и лицевыя кости и размозживъ ему лицо и черепъ, отъ каковыхъ поврежденій Гржешакъ скончался спустя нѣсколько часовъ. За означенное дѣяніе, предусмотрѣнное ст. 279 кн. XXII с. в. п. 1869 года, изд. 2, Францъ Свидерскій и Валентій Вознякъ, на основаніи ст. 260, 262, 267 устава военно-судебнаго и ст. 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, согласно съ заключеніемъ военно-прокурорскаго надзора варшавскаго военно-окружнаго суда, передаются варшавскому военно-окружному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени“; 2) отъ 27 іюля: „Мѣщанинъ гор. Ченстохова Петръ Францевъ Червинскій, по произведенному о немъ предварительному слѣдствію и особому дознанію, обвиняется въ томъ, что, состоя членомъ противозаконнаго тайнаго сообщества, именующаго себя „польскою соціалистическою партіею“, и преслѣдующаго въ числѣ прочихъ намѣченныхъ имъ цѣлей также и низверженіе существующаго въ Россіи государственнаго устройства путемъ всякаго рода насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ неугоднымъ партіи лицамъ, онъ, Червинскій, усматривая въ слесарѣ механическаго отдѣленія фабрики „Пельцеровъ“ Іосифѣ Шанценбергѣ агента жандармскаго надзора, т. е. лицо, враждебное интересамъ означенной партіи, задумалъ вмѣстѣ съ другими необнаруженными по дѣлу лицами лишить послѣдняго жизни, съ каковою цѣлью 22-го октяря 1899 г. въ гор. Ченстоховѣ на Театральной улицѣ они подстерегли возвращавшагося съ этой фабрики въ 7 ч. веч. упомянутаго Шанценберга и, напавъ на него, имѣвшимися при нихъ ножами нанесли ему нѣсколько ранъ, отъ которыхъ Іосифъ Шанценбергъ, пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе, тутъ же на улицѣ скончался. За означенное преступное дѣяніе обвиняемый мѣщанинъ Петръ Червинскій, на основаніи 31 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, согласно съ заключеніемъ военно-прокурорскаго надзора варшавскаго военно-окружнаго суда, передается варшавскому военно-окружному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, по 279 ст. XXII кн. с. в. п. 1869 г.,

изд. 2"; 3) отъ 29 іюля: „Мѣщанинъ гор, Ченстохова Конрадъ-Станиславъ Францевъ Езіоровскій, крестьяне: Кѣлецкой губерніи—Александръ Іосифовъ Мрозикъ, Петроковской—Юзефъ-Владиславъ Вицентіевъ Кравчикъ, Станиславъ Яновъ Глинскій, Кѣлецкой—Андрей Францевъ Рутковскій и Петроковской—Юзефъ Яновъ Карчъ, по произведенному о нихъ предварительному слѣдствію и особому разслѣдованію, подверглись обвиненію въ томъ, что, будучи членами тайной польской соціалистической партіи, имѣющей главной своей цѣлью ниспровергнуть путемъ насилія существующій въ Россіи государственный порядокъ, и узнавъ, что машинистъ копи „Фанни" Иванъ Мазуръ хочетъ сообщить правительственнымъ властямъ о кружкѣ соціалистовъ на названной копи, чтобы воспрепятствовать этому, Езіоровскій и Мрозикъ задумали лишить его жизни и подговорили осуществить свой замыселъ Кравчика, Глинскаго, Рутковскаго и Карча, которые, зная о поводѣ къ убійству Мазура, согласились привести въ исполненіе замыселъ Езіоровскаго и Мрозика и съ этою цѣлью вечеромъ 23-го октября 1899 г. въ д. Сельце Бендинскаго уѣзда Петроковской губерніи, на желѣзнодорожной вѣткѣ въ копи „Людвигъ", вооружившись Кравчикъ и Рутковскій — ножами, а Глинскій и Карчъ—палками, напали на Ивана Мазура и этими орудіями, а также длинной, узкой доской, бывшей у Мазура, умышленно нанесли ему съ цѣлью лишить его жизни двѣ раны на головѣ съ раздробленіемъ черепныхъ костей и 15 ножевыхъ ранъ, отъ каковыхъ пораненій Мазуръ спустя около получаса скончался. Дѣяніе это предусмотрѣно 13 ст. улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1885 года и, на основаніи 31 ст. полож. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія,—279 ст. XXII кн. с. в. п. 1869 г. изд. 2. За означенное дѣяніе мѣщанинъ Конрадъ Езіоровскій, крестьяне: Александръ Мрозикъ, Юзефъ Кравчикъ, Станиславъ Глинскій, Андрей Рутковскій и Юзефъ Карчъ, на основаніи вышеуказанной 31 ст. полож. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка, предаются варшавскому военно-окружному суду для сужденія по законамъ военнаго времени".

Въ той же газетѣ напечатано: „27 іюля 1900 года варшавскій военно-окружный судъ, выслушавъ дѣло о подсудимыхъ крестьянахъ: опатовскаго уѣзда, Радомской губерніи, Францѣ Ивановѣ Свидерскомъ, отъ роду 22 лѣтъ, влоцлавскаго уѣзда, Варшавской губерніи, Валентіи Степановѣ Познякѣ, отъ роду 21 года, преданныхъ военному суду командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа, призналъ ихъ виновными въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ, по предварительному ихъ, между собою и другими не обнаруженными по дѣлу лицами, соглашенію, мастерового фабрики Вышицкаго, Антона Гржешака за то, что онъ не примкнулъ къ стачкѣ рабочихъ,

организованной на означенной фабрикѣ 29 января сего года, а п посему и на основаніи 10, 12 и 279 ст. XXII кн. изд. 2 св. воен. пост. 1869 г., 910 (п. 3) 915 и 1406 ст. воен. судебн. устава 1884 года, постановилъ: посудимыхъ крестьянъ Свидерскаго и Возняка подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и другими послѣдствіями, въ 16 ст. XXII кн. изд. 2 св. воен. пост. 1869 года означенными. По доведеніи о таковомъ рѣшеніи суда до свѣдѣнія Государя Императора, Его Императорское Величество въ 30-й день іюля сего года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ замѣнить смертную казнь ссылкою Франца Свидерскаго и Валентія Возняка въ каторжныя работы безъ срока съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.“

За послѣднее время состоялись слѣдующія распоряженія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ относнтельно повременныхъ изданій: 1) отъ 11 іюля: „на основаніи ст. 156 уст. о ценз. и печ. (св. зак. т. XIV изд. 1890 г.) управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить выпускъ въ свѣтъ газеты „Сѣверный Курьеръ“ на двѣ недѣли“; 2) отъ 5 августа: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ. изд. 1890 г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Уралъ“ на три мѣсяца“.

V.

Хронику этого мѣсяца намъ приходится закончить упоминаніемъ о смерти двухъ видныхъ дѣятелей русской литературы: 17 іюля умеръ Г. А. Джаншіевъ, а ровно черезъ двѣ недѣли смерть унесла Вл. С Соловьева. Почти ровесники по годамъ, почти одновременно выступившіе въ 70-хъ годахъ въ литературу, оба покойные писателя, при всемъ различіи, существовавшемъ между ними, равно успѣли надолго вписать свое имя въ исторію русской литературы. Каждый изъ нихъ шелъ своимъ самостоятельнымъ путемъ, но у этихъ путей были общія точки соприкосновенія.

Г. А. Джаншіевъ почти сразу вылился въ опредѣленную, законченную фигуру. Его міросозерцаніе было просто и ясно: его литературная дѣятельность почти съ самаго начала ея получила тотъ характеръ, который неизмѣнно сохранялся за нею до послѣднихъ дней жизни. Въ основѣ его общественныхъ взглядовъ лежалъ идеалъ свободной человѣческой личности, сознающей свое достоинство и располагающей гражданскими правами, и всѣ свои симпатіи онъ навсегда и безповоротно отдалъ эпохѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ, когда этотъ идеалъ во-очію осуществлялся въ русской

жизни. Публицистъ по призванію, онъ сталъ въ литературѣ, по мѣткому выраженію одного изъ посвященныхъ его памяти некрологовъ, пѣвцомъ той эпохи, которую самъ-же онъ окрестилъ именемъ „эпохи великихъ реформъ“. Свою дѣятельность онъ посвятилъ по преимуществу популяризаціи и защитѣ принциповъ, легшихъ въ основаніе освободительныхъ реформъ, которыя впервые вывели въ Россіи личность изъ крѣпостного состоянія и призвали ее къ гражданскому существованію. Рядъ его трудовъ по изученію преобразованій, ознаменовавшихъ собою 60-е и начало 70-хъ годовъ, получилъ свое завершеніе въ большой книгѣ. „Изъ эпохи великихъ реформъ“, въ короткое время выдержавшей 7 изданій. Неутомимый труженикъ не дождался торжества вдохновлявшаго его идеала, но онъ не мало сдѣлалъ для того, чтобы подготовить такое торжество въ будущемъ и его имя въ сознаніи русскаго общества надолго остается неразрывно связаннымъ съ той эпохой, любовь и уваженіе къ которой онъ умѣлъ внушать своимъ читателямъ.

Не такъ проста и прямолинейна была дѣятельность другого недавно скончавшагося писателя. Блестящее литературное дарованіе, выдающійся умъ и недюжинный художественный талантъ, соединявшіеся въ оригинальной личности Вл. С. Соловьева, всегда обезпечивали за нимъ вниманіе общества, являлся ли онъ ораторомъ на каѳедрѣ или выступалъ въ литературѣ, подавалъ ли онъ свой голосъ въ философскихъ, литературныхъ или публицистическихъ вопросахъ. Но результаты его долголѣтней и разносторонней дѣятельности представляются далеко не равноцѣнными, тѣмъ болѣе, что онъ не разъ переживалъ коренныя измѣненія міросозерцанія, отразившіяся и на его литературныхъ произведеніяхъ. Какъ бы далеко ни шли однако эти перемѣны, онѣ никогда не колебали его вѣры въ достоинство человѣческой природы и не нарушали его глубокаго уваженія къ духовной свободѣ личности. Горячей защитѣ этой свободы посвящены, быть можетъ, самыя блестящія и наиболѣе долговѣчныя страницы въ его литературномъ наслѣдіи. Своими публицистическими произведеніями, посвященными выясненію національнаго вопроса и отстаиванію права человѣка на свободное самоопредѣленіе въ области религіи, своими полемическими статьями, безпощадно обличавшими всякое покушеніе на это право, Соловьевъ въ свое время будилъ мысль немалой части русскаго общества.

Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.*
{ *Н. К. Михайловскій.*

ГАЗЕТЫ,

ВЫРАЗИВШІЯ ЖЕЛАНІЕ НА ВЗАИМНЫЙ ОБМѢНЪ ИЗДАНІЯМИ И ОБЪЯВЛЕНІЯМИ

на 1900 г.

въ г. *Астрахани:*

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій.* На годъ 7 р. 50 к., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Асхабадѣ:*

„АСХАБАДЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *З. Д. Джавровъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Баку:*

„КАСПІЙ“ (ежедневно). На годъ 8 р. 50 к., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.; за границу на годъ 13 р., на 1/2 года 7 р.

въ г. *Благовѣщенскѣ:*

„АМУРСКІЙ КРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на мѣс. 1 руб.

въ г. *Вильнѣ:*

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ.* На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Клочковскій.* На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на мѣс. 1 р.

въ г. *Владивостокѣ:*

„ВЛАДИВОСТОКЪ“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Ремезовъ.* На годъ 11 р. 50 к., на 1/2 года 7 р., на 3 мѣс. 4 р.

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ (четыре раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *В. Сущинскій.* На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Владикавказъ:*

„КАЗБЕКЪ“ (ежедневно). Издатель *С. І. Казаровъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р.

въ г. *Воронежъ:*

„ДОНЪ“ (еждневно). Редакторъ-издатель *В. Веселовскій.* На годъ 7 р., на 1/2 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Екатеринославъ:*

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Святловскій.* Издатель *М. С. Копыловъ.* На годъ 12 р., на 1/2 года 6 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 40 к.; за границу на годъ 23 р., на 1/2 года р. 12 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

„ДНѢПРОВСКАЯ МОЛВА“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Быковъ.* На годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Екатеринбургъ:*

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. И. Пѣвинъ.* На годъ 5 р., 1/2 года 3 р., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Иркутскъ:*

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Казани:*

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Издательница *Л. П. Рейнгардтъ.* Редакторъ *Н. В. Рейнгардтъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Карсъ:*

„КАРСЪ“. Редакторъ *А. Островскій.* На годъ 3 р.

въ г. *Кишеневъ:*

„БЕССАРАБЕЦЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Крушеванъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на мѣс. 3 р.

въ г. *Красноярскъ:*

„ЕНИСЕЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Е. Ф. Кудрявцевъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Костромѣ:*

„КОСТРОМСКОЙ ЛИСТОКЪ" (ежедневно). Редакторъ-издательница *Т. П. Андроникова.* На годъ 4 р. 20 к., на 1/2 года 2 р. 20 к., на 1 мѣс. 50 к.

въ г. *Самарѣ:*

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА" (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р., 50 к., на 1 мѣс. 70 к.

въ г. *Самаркандѣ:*

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ" (ежедневно). Редакторъ-издатель *Н. М. Федоровъ.* На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р.

въ г. *Саратовѣ:*

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ" (ежедневно). Редакторъ *П. О. Лебедевъ.* Издатели: *П. О. Лебедевъ* и *И. П. Горизонтовъ.* На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

въ г. *Симбирскѣ:*

„СИМБИРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ". Неоффиціальная часть (два раза въ недѣлю). Редакторъ *Д. А. Горчаковъ.* На годъ 3 р., на 1/2 года 1 р. 75 к.

въ г. *Севастополѣ:*

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ" (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. М. Спиро.* На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Смоленскѣ:*

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ" (ежедневно). Редакторъ *В. В. Гулевичъ.* Издательница *Ю. П. Аванчевская.* На годъ 6 р.

въ губ. г. *Ставрополѣ:*

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ" (три раза въ недѣлю). На годъ 5 р. 50 к., на 1/2 года 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к.

въ г. *Таганрогѣ:*

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ" (три раза въ недѣлю). Редакторъ *М. М. Красновъ.* Издатели наслѣдники *Миронова.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 85 к.

въ г. *Тифлисѣ:*

„ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Х. Г. Хачатуровъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Тобольскѣ:*

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (два раза въ недѣлю). На годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Курскѣ:*

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). За редактора *С. П. Корниловъ.* На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ губ. г. *Минскѣ:*

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *И. Фотинскій.* На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Нижнемъ-Новгородѣ:*

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-*Г. Н. Казачковъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

„ВОЛГАРЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Жуковъ.* На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Орлѣ:*

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. Аристовъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 90 к.

въ г. *Перми:*

„ПЕРМСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). Редакторъ *Функъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Петербургѣ:*

„ВРАЧЪ“. Редакторъ *В. А. Манассеинъ.* Издательница *О. А. Риккеръ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к. Адресъ: Невскій пр., 14.

въ г. *Петрозаводскѣ:*

„ОЛОНЕЦКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть. Редакторъ *С. А. Левитскій.* На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р.

въ г. *Ригѣ:*

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). На годъ 7 р. на 1$^1/_2$ года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.; за границу на годъ 14 р., на $^1/_2$ года 8 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

въ г. *Ростовѣ на Дону:*

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“ (ежедневно). За редактора *А. Шепкаловъ*. На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Томскѣ:*

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *І. В. Прейсманъ*. На годъ 9 р., на $^1/_2$ года 4 р. 50 к.

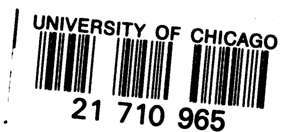
„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Издатель *П. И. Макушинъ*. Редакторы *П. И. Макушинъ*. и *А. И. Макушинъ*. На годъ 5 р., на $^1/_2$ года 3 р.; за границу на годъ 9 р., на $^1/_2$ года 5 р.

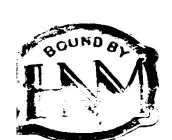
въ г. *Ялтѣ:*

„КРЫМСКІЙ КУРЬЕРЪ“ (ежедневно). Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ: А. Я. Безчинскій, С. Я. Елпатьевскій, В. В. Келлеръ, М. М. Копотиловъ, П. П. Розоновъ и Ант. Пав. Чеховъ. На годъ 6 р., на $^1/_2$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Ярославлѣ:*

„СѢВЕРНЫЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Э. Г. Фалкъ*. На годъ 8 р., на $^1/_2$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.


UNIVERSITY OF CHICAGO
21 710 965


BOUND BY

U of Chicago
21710965